Проф. М. К. ЛЮБАВСКІЙ.

ЛЕКЦІИ

ПО ДРЕВНЕЙ РУССКОЙ ИСТОРІИ

ДО КОНЦА XVI ВѢКА.

МОСКВА—1915.

Тип. Скоропечатни А. А. Левенсонъ.
Москва, Трехпрудный пер.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Въ 1910 году мною былъ изданъ, преимущественно въ учебныхъ цѣляхъ, «Очеркъ исторіи Литовско-Русскаго государства до Люблинской уніи включительно», составленный изъ лекцій, читанныхъ въ Московскомъ университетѣ. Въ тѣхъ же, главнымъ образомъ, цѣляхъ издаются и настоящія «Лекціи по древней русской исторіи», читанныя въ университетѣ и на высшихъ женскихъ курсахъ въ Москвѣ. Эти «Лекціи», содержащія очерки по исторіи Кіевской и Сѣверо-восточной, т.-е. Суздальско-Московской Руси, связаны съ прежнимъ «Очеркомъ» и внѣшне и внутренне. «Очеркъ» является собственно дополненіемъ къ нимъ, и если онъ изданъ раньше, то только потому, что изданіе его представлялось автору, какъ болѣе настоятельная потребность въ учебномъ обиходѣ. Но въ своей научной концепціи онъ связанъ съ представленіями автора о ходѣ исторіи Кіевской Руси, по отношенію къ которой Русь Литовская была какъ бы прямымъ продолженіемъ, непосредственною преемницею, и о ходѣ исторіи Суздальско-Московской Руси, какъ противоположномъ теченіи, хотя и вышедшемъ изъ одного съ литовско-русскою исторіею русла. Эта внѣшняя и внутренняя связь историческихъ перспективъ и склонила меня къ рѣшенію напечатать также и лекціи по исторіи Кіевской и Суздальско-Московской Руси и такимъ образомъ дать общее построеніе русской исторіи во всѣхъ ея главныхъ теченіяхъ, до конца XVI вѣка, т.-е. до того великаго перелома, съ котораго нынѣ принято начинать уже новую русскую исторію.

Въ объясненіе эскизности и неравномѣрности изложенія считаю должнымъ указать, что это изложеніе велось въ расчетѣ на обязательное изученіе слушателями классическаго «Курса русской исторіи» В. О. Ключевскаго. Мой собственный курсъ былъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ расширеніемъ и дополненіемъ этого курса, а съ другой стороны кратко касался того, что у Ключевскаго изложено съ особою полнотою и обстоятельностью.

Само собою разумѣется, что помимо этихъ отличій составъ и содержаніе моего курса опредѣлились въ зависимости отъ разныхъ точекъ зрѣнія на нѣкоторыя стороны русскаго историческаго процесса.

При печатаніи я счелъ полезнымъ въ учебныхъ цѣляхъ снабдить каждую лекцію указаніями на литературу, по которой можно ближайшимъ образомъ расширить изученіе вопроса, прежде чѣмъ погружаться въ спеціальное изученіе его.

I.

Доисторическое населеніе восточной Европы и его культура.

Ледниковый періодъ въ восточной Европѣ и первые слѣды человѣка. Территорія восточной Европы, на которой родился и выросъ русскій народъ, является давнишнимъ жилищемъ людей. Наши предки—славяне разселялись по землѣ, содержащей въ нѣдрахъ своихъ человѣческіе останки и предметы быта многихъ тысячелѣтій. Древнѣйшіе слѣды пребыванія человѣка въ восточной Европѣ найдены въ диллювіальныхъ пластахъ, образовавшихся въ отдаленную отъ нашего времени и современныхъ климатическихъ условій геологическую эпоху. Въ эту эпоху громадные ледники покрывали среднюю и восточную Европу и, двигаясь къ морямъ, отрывали и перетирали залегавшія подъ ними каменныя породы и, подтаивая, образовывали мощные потоки, которые сносили къ морямъ и перемывали продукты разрушенія камней—лессъ, глину, песокъ, валуны и т. д. Глубокія и широкія рѣчныя долины нынѣшней Европейской Россіи—слѣды этихъ мощныхъ потоковъ, устремлявшихся къ морямъ. Человѣкъ жилъ въ это время къ югу отъ ледниковъ въ окруженіи исчезнувшихъ теперь и отчасти существующихъ животныхъ, на которыхъ онъ охотился—мамонтовъ, носороговъ, пещерныхъ медвѣдей, львовъ, гіенъ, волка-собаки, сѣверныхъ оленей. Кости этихъ животныхъ вмѣстѣ съ костями человѣка, грубо обтесанными каменными орудіями, костяными подѣлками и кусочками угля найдены въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ южной Россіи. Эти мѣстонахожденія считаются археологами *стоянками* первобытныхъ людей. Самая замѣчательная изъ нихъ Кирилловская стоянка въ Кіевѣ. Она залегаетъ подъ толстымъ наносомъ лесса, въ слоѣ песка, на глубинѣ 13—20 метровъ надъ поверхностью и является древнѣйшимъ свидѣтельствомъ человѣческой жизни въ восточной Европѣ. Остатки человѣческой жизни занимаютъ здѣсь значительное пространство (около десятины) и содержатся въ большомъ количествѣ; видно, что они накоплялись здѣсь въ теченіе продолжительнаго времени. Моложе этой стоянки по времени—Мизынская стоянка (около села Мизыня) надъ Десною въ Черниговской губ. Она открыта была подъ довольно толстымъ слоемъ лесса, но не такимъ

глубокимъ, какъ Кирилловская стоянка, въ слоѣ вывѣтрившагося ледниковаго щебня, который лежитъ надъ слоемъ лесса толщиною въ метръ. Такое мѣстонахожденіе указываетъ на значительно позднѣйшее ея происхожденіе по сравненію съ Кирилловскою стоянкою. На это указываетъ также и нахожденіе здѣсь на ряду съ остатками мамонта и носорога костей лося и сѣвернаго оленя. Еще болѣе молодою является стоянка Гонецкая, близъ села Гонцовъ на р. Удаѣ въ Полтавской губерніи. Эта стоянка расположена уже выше слоя лесса, слѣдовательно относится уже къ послѣледниковому періоду. Кромѣ указанныхъ трехъ стоянокъ подобные же слѣды первобытнаго человѣка найдены и въ другихъ мѣстахъ южной Россіи— въ Кіевской, Черниговской, Волынской, Подольской, Екатеринославской (близъ Кривого Рога) губерніяхъ, въ пещерахъ Крыма, на Вислѣ близъ Пулавъ (Новая Александрія), въ селѣ Костенкахъ Воронежской губерніи, близъ села Карачарова на р. Окѣ въ Муромскомъ уѣздѣ. Вѣроятно, съ теченіемъ времени найдены будутъ и другія такія же стоянки.

Культура палеолитической эпохи. Предметы, найденные въ этихъ стоянкахъ, т.-е. грубообтесанныя каменныя орудія—скребки, ножи, наконечники, молоты и костяныя подѣлки—орнаментированные бивни мамонта имѣютъ большое сходство съ такими же вещами первобытнаго человѣка, найденными въ той же обстановкѣ и въ западной Европѣ. Значитъ, эта эпоха первобытной культуры была когда-то общая для всей Европы. Эпоху эту по преобладанію грубообтесанныхъ каменныхъ орудій принято называть *палеолитическою*, или древнекаменною. Археологами она дѣлится на нѣсколько періодовъ, на нѣсколько послѣдовательныхъ культуръ, при чемъ восточноевропейская палеолитическая культура относится къ культурамъ типа Солютре и Маделенъ, т.-е. средней и поздней палеолитической эпохи.

Соображая по находимымъ остаткамъ о бытѣ человѣка въ эту эпоху можно заключать, что онъ былъ звѣроловъ и рыболовъ. Небольшихъ животныхъ онъ поражалъ кремневымъ копьемъ или стрѣлою и молотомъ; на крупныхъ—мамонтовъ, носороговъ, оленей онъ устраивалъ, вѣроятно, облаву, старался загнать ихъ въ яму, болото, озеро и здѣсь убивалъ. Домашнихъ животныхъ, если не считать волка-собаки, у первобытнаго человѣка разсматриваемой эпохи еще не было. Пищей для него служило мясо убиваемыхъ на охотѣ животныхъ и рыба. Мясо онъ потреблялъ въ сыромъ видѣ, соскабливая его съ костей скребками и разрѣзая каменными рѣзцами. Впрочемъ, попадающіяся обожженныя кости свидѣтельствуютъ, что первобытный человѣкъ палеолитической эпохи умѣлъ уже пользоваться и огнемъ,—этимъ великимъ культурнымъ пріобрѣтеніемъ человѣчества. Одеждою человѣка въ это время служили, по всей вѣроятности, шкуры убиваемыхъ имъ животныхъ. Кромѣ того, отъ холода и непогоды онъ укрывался въ естественныхъ углубленіяхъ и пещерахъ, гдѣ они были, напр. въ Поднѣстровьѣ и Крыму. Въ нѣкоторыхъ изъ нихъ найдены были очаги,

каменныя орудія, расколотыя кости—весь аксессуаръ палеолитической культуры. Каменныя орудія приготовлялись изъ кремня, который при своей крѣпости и прочности легко поддавался обработкѣ при помощи ряда ловкихъ ударовъ. Но въ общемъ орудія эти еще очень примитивны, сдѣланы при помощи простого отбиванія, нѣсколькими ударами, безъ мелкой оббивки, безъ сверленыхъ отверстій. При помощи этихъ орудій палеолитическій человѣкъ обрабатывалъ дерево и кости, и въ раскопкахъ на Деснѣ и Удаѣ найдены костяныя стрѣлы и шила. Глиняной посуды въ эту эпоху человѣкъ еще не умѣлъ дѣлать. При всей дикости человѣку палеолитической эпохи присуще было, однако, чувство изящнаго, стремленіе къ украшенію своего тѣла и обстановки. Для цѣлей украшенія служили привѣски изъ просверленыхъ зубовъ пещерныхъ медвѣдей, костяныя бусы въ видѣ столбиковъ и т. п. Большихъ сравнительно успѣховъ достигъ палеолитическій человѣкъ въ рѣзьбѣ по кости. Въ Кирилловской стоянкѣ найденъ большой бивень мамонта, украшенный линейнымъ рисункомъ, впрочемъ, очень грубымъ; въ Мизынской стоянкѣ найдено много предметовъ, вырѣзанныхъ изъ мамонтовой кости и орнаментированныхъ. Нѣкоторыя изображенія, особенно животныхъ, поражаютъ прямо своей художественностью. Но при наличности эстетическаго чувства у первобытнаго человѣка не замѣтно еще чувства и сознанія религіознаго. Нѣтъ никакихъ признаковъ того, чтобы въ палеолитическую эпоху были какіе-либо погребальные обряды: умершаго человѣка, повидимому, постигала та же самая участь, какъ и умершаго животнаго.

Культура неолитической эпохи. На ряду съ описанными древнѣйшими остатками человѣческой жизни на территоріи Европейской Россіи, частью въ диллювіальныхъ слояхъ, а частью въ аллювіальныхъ, найдены были остатки, характеризующіе дальнѣйшее развитіе этой жизни,—переходъ къ болѣе совершеннымъ формамъ быта. Въ 1876 году проф. Антоновичемъ были открыты въ лессѣ около Кирилловскаго монастыря и затѣмъ въ другихъ мѣстахъ по теченію Днѣпра внизъ отъ Кіева искусственныя пещеры, представляющія собою длинные, сводообразные коридоры въ метръ шириною и въ два метра высотою. На днѣ этихъ пещеръ были найдены остатки пищи въ видѣ раковинъ рѣчныхъ улитокъ и костей животныхъ и рыбъ. Животныя эти были уже тѣ самыя, которыя нынѣ являются домашними: лошади, коровы, свиньи. Прогрессъ быта обнаруживается и въ найденныхъ здѣсь каменныхъ орудіяхъ, которыя по отдѣлкѣ являются болѣе совершенными, чѣмъ палеолиты, и въ осколкахъ глиняной посуды, правда, сдѣланной отъ руки и плохо обожженной. Въ 1878—1882 г. при устройствѣ Сясьскаго канала на побережьѣ Ладожскаго озера проф. Иностранцевымъ обнаружены были также слѣды человѣка, характеризующіе переходъ отъ палеолитической культуры къ новой, болѣе совершенной. Въ торфяномъ слоѣ были найдены кости человѣка и животныхъ—тюленя, сѣвернаго оленя, лося, кабана, зубра, медвѣдя и домашней собаки и ка-

менныя орудія—скребки, наконечники стрѣлъ, долота, рубила, точила, частію отбивныя, а частью уже отшлифованныя; найдено также громадное количество костяныхъ и роговыхъ издѣлій—кости съ различными заостреніями съ одной или обѣихъ сторонъ, ножи, скребки, иглы, шила, дротики, гарпуны, крючки для ловли рыбы, лопаты и т. п.; затѣмъ—осколки большихъ глиняныхъ сосудовъ, плохо обожженныхъ, украшенныхъ точечнымъ орнаментомъ. Шлифованныя каменныя орудія приготовлены изъ болѣе мягкихъ, чѣмъ кремень, породъ (большею частью изъ сланцевъ), сверленіе въ нихъ слабо развито, и отверстія сдѣланы путемъ долбленія кремнемъ; замѣтны слѣды пиленія камней. На нѣкоторыхъ костяныхъ предметахъ видны изображенія тюленя и собаки.

Культура, вырисовывающаяся по этимъ находкамъ, является преддверіемъ къ болѣе высокой культурѣ такъ называемой *неолитической эпохи*, характеризующейся преобладаніемъ шлифованныхъ каменныхъ орудій. Слѣды этой культуры сохранились въ поселеніяхъ, мастерскихъ и могильникахъ, разсѣянныхъ уже по всему пространству Европейской Россіи, но болѣе всего на югѣ. Раскопки обнаружили, что въ эту эпоху человѣкъ пересталъ уже удовлетворяться естественными убѣжищами, а устраивалъ себѣ искусственныя жилища—пещеры и землянки, или такъ называемыя культурныя ямы, крытыя сверху. Въ этихъ ямахъ, по всей видимости, человѣкъ жилъ по зимамъ, проживая лѣтомъ въ шалашахъ или хижинахъ. Въ настоящее время эти ямы, конечно, засыпаны землею, пепломъ и завалены кухонными отбросами; иногда въ нихъ попадаются человѣческія кости и даже цѣлые скелеты. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ были открыты группы такихъ жилищъ, которыя образовывали поселки неолитической эпохи, при чемъ нѣкоторыя окружены валомъ изъ земли и камней, являясь такимъ образомъ остатками городовъ этой эпохи—городищами. Изъ городищъ неолитической эпохи можно указать на Дьяковское близъ подмосковнаго села Коломенскаго; наибольшее число городищъ съ остатками неолитической культуры сосредоточено въ южной Волыни. По находимымъ въ этихъ жилищахъ костямъ животныхъ видно, что прежнія крупныя животныя палеолитической эпохи—мамонты, носороги, пещерные медвѣди, львы исчезли и оставались только сѣверные олени, зубры и туры. Видно затѣмъ, что охота за дикими животными все болѣе и болѣе замѣнялась скотоводствомъ, разведеніемъ прирученныхъ животныхъ—собакъ, овецъ, козъ, быковъ и свиней. Кости этихъ животныхъ въ большомъ количествѣ содержатся въ кухонныхъ остаткахъ неолитической эпохи. Зернотерки, т.-е. углубленные камни съ другимъ круглымъ камнемъ для растиранія зеренъ,—прототипы ручныхъ жернововъ, находимыя въ неолитическихъ поселеніяхъ Поднѣпровья и Поднѣстровья, свидѣтельствуютъ о начавшемся сборѣ и разведеніи хлѣбныхъ зеренъ. По нѣкоторымъ признакамъ можно заключать о начавшемся употребленіи и, быть можетъ, разведеніи волокнистыхъ веществъ. На нѣкоторыхъ глиняныхъ сосудахъ орнаменты

сдѣланы путемъ наложенія на сырыя стѣнки ихъ нитей, плетеній и тканей; среди каменныхъ вещей находятся глиняныя пряслицы.

Великіе успѣхи были достигнуты въ эту эпоху въ обработкѣ камня, кости и глины. Отбитое хорошо разсчитаннымъ ударомъ каменное орудіе обтесывается затѣмъ легкими ударами и ему придается уже болѣе правильная и цѣлесообразная форма. Нѣкоторыя орудія—молоты, топоры, долота, клинья искусно полируются и получаютъ изящную, иногда прямо художественную форму. Въ топорахъ, молотахъ, булавахъ для насаживанія на ручку продалбливаются или просверливаются правильныя отверстія. Нѣкоторыя орудія украшены особыми изваяніями. Самыя орудія становятся болѣе разнообразными; появляются новыя формы ихъ, которыхъ не знала палеолитическая эпоха,—булавы, кинжалы, длинныя копья, долота, мотыки, зернотерки. Большое и разнообразное примѣненіе находятъ также издѣлія изъ рога и кости—узкіе и широкіе полированные топоры, долота, спицы, шила и т. п. Что касается обработки глины, то здѣсь на первый планъ выдвигается производство глиняной посуды—корчагъ, горшковъ, чашъ, тарелокъ, кружекъ, бездонныхъ сосудовъ и т. д. Вся эта посуда приготовлялась еще безъ гончарнаго станка, отъ руки, но въ общемъ довольно искусно. Для нанесенія орнамента служили нити, веревочки, тесьмы, рогожки, сѣтки, заостренныя кости. Посуда обжигалась въ особыхъ горнахъ, выкопанныхъ въ землѣ, обтыканныхъ палочками и обмазанныхъ глиною. Кромѣ сосудовъ изъ глины приготовлялись пряслица и ткацкіе грузики, свистки и различныя статуэтки людей и животныхъ, указывающіе на начало ваянія.

Раскопки обнаружили возникновеніе въ неолитическую эпоху погребальнаго обряда, что въ свою очередь указываетъ на зачатки вѣрованій, на проблески религіознаго сознанія. Древнѣйшимъ обрядомъ является погребеніе покойника въ ямѣ съ поджатыми ногами и съ прижатыми къ лицу руками; впрочемъ, нерѣдки случаи похоронъ покойника и въ выпрямленномъ положеніи. Яма иногда имѣетъ слѣды деревяннаго сруба или выложена камнями; слѣдовательно, для покойника готовили своего рода домъ. Въ ямѣ встрѣчаются каменныя орудія и глиняная посуда; слѣдовательно, покойникъ снабжался нужными предметами для загробной жизни. Надъ могилой насыпался курганъ, иногда довольно высокій. Въ Галиціи и Волыни открыты были погребенія въ каменныхъ ящикахъ (кистахъ), сложенныхъ изъ тщательно притесанныхъ каменныхъ плитъ; вмѣстѣ съ костяками въ этихъ кистахъ найдена была глиняная посуда и каменныя орудія. Въ нѣкоторыхъ каменныхъ ящикахъ вмѣсто костяковъ найдены урны съ пепломъ и полированные каменные топоры; значитъ, появился уже обрядъ сожженія покойниковъ. Найдены были и другія варіаціи погребенія. Такъ, близъ села Волосова Муромскаго уѣзда графомъ Уваровымъ раскопаны пять человѣческихъ скелетовъ, положенныхъ въ направленіи съ сѣвера на югъ, съ одною рукою, подложенною подъ голову.

Надъ головами скелетовъ въ слоѣ угля найдены сосуды съ пепломъ, костями звѣрей и кремневымъ наконечникомъ изящной отдѣлки. Наконецъ, въ курганахъ степной полосы найдены были костяки, выкрашенные красною краскою (охрою). Повидимому, трупы при положеніи ихъ въ могилу посыпались или обмазывались красною краской, которая потомъ съ распаденіемъ тѣла осѣдала на костяхъ. Интересно, что такіе же окрашенные костяки встрѣчаются и въ другихъ странахъ—въ Италіи, сѣверной Африкѣ, Америкѣ и Океаніи. Встрѣчается и такой варіантъ погребеній: покойника клали на дно могилы, подсыпая ему подъ голову свѣжей глины; сдѣланные изъ этой же глины валики клались на трупъ; кромѣ того, съ покойникомъ закапывались каменныя орудія и глиняные сосуды.

Трипольская культура. Высшаго развитія своего культура неолитической эпохи достигла въ культурѣ глиняныхъ мазанокъ и раскрашенной посуды, открытой впервые покойнымъ В. В. Хвойко въ бассейнѣ р. Стугны и Красной, въ окрестностяхъ села Триполья и названной поэтому *трипольской* культурою. Культура эта имѣла обширное распространеніе. Слѣды ея находятся въ области Десны въ Черниговской губерніи, въ области Днѣпра въ Кіевской и въ смежныхъ частяхъ Херсонской губерніи, въ Подольской, въ Галиціи, Бессарабіи, Румыніи и далѣе въ славянскихъ земляхъ Балканскаго полуострова. Раскопки обнаружили, что въ это время люди жили въ землянкахъ, надстроенныхъ сверху деревомъ, отъ трехъ до пяти метровъ въ длину и ширину. Стѣны этихъ жилищъ устраивались изъ плетня или частокола и обмазывались глиною съ примѣсью соломы или зерновой шелухи. Въ срединѣ землянокъ находилась яма, въ которой устраивался очагъ. Эти ямы кромѣ золы наполнены теперь остатками пищи въ видѣ растворчатыхъ раковинъ, костей оленя, дикой козы, свиньи, коровы, овцы, лошадей, рыбъ и птицъ, обуглившихся зеренъ пшеницы, проса, ячменя и конопли, а также черепками битой посуды и обломками орудій изъ камня, кости и рога. Рядомъ съ этими землянками открываются сооруженія особаго рода—глиняныя площадки. Онѣ такъ же, какъ и землянки, обведены были стѣнками изъ кольевъ, бревенъ и прутьевъ, обмазанными глиною и иногда окрашенными. Но здѣсь нѣтъ центральныхъ ямъ и очаговъ, нѣтъ и кухонныхъ остатковъ. На полу, обмазанномъ глиною, стоятъ пирамидально сложенные камни, глиняные столбы, въ видѣ усѣченнаго конуса, чашеобразныя каменныя плиты и огромное количество сосудовъ, наполненныхъ пережженными человѣческими костями; черепа и скелеты лежатъ и прямо на полу. Повидимому, такимъ образомъ, эти глиняныя площадки не что иное, какъ дома мертвыхъ. Находимые въ нихъ сосуды самой разнообразной формы: двойные биноклеобразные, украшенные бороздчатымъ орнаментомъ, шарообразные, плошкообразные, покрытые коричневой краской, грушевидные съ небольшимъ отверстіемъ на верху, украшенные спиральнымъ орнаментомъ. Оригинальною особенностью трипольской культуры

являются глиняныя статуэтки, свидѣтельствующія о большихъ успѣхахъ художественнаго вкуса и техники. Одна изъ этихъ статуэтокъ изъ темно-красной глины изображаетъ, напр., женщину, съ лицомъ, очень похожимъ на совиное, другая, покрытая коричневою краскою,—женщину въ сидячемъ положеніи съ вытянутыми горизонтально ногами и сложенными руками и т. д. Интересны глиняныя площадки, открытыя проф. фонъ-Штерномъ въ мѣстечкѣ Петренахъ, Бессарабской губ. Здѣсь кромѣ урнъ съ человѣческими костями находились маленькіе сосуды съ золою, костями животныхъ или просомъ; вокругъ на землѣ попадались каменные молотки и топоры, ножи, пилы изъ кремня и т. п. предметы. Среди найденныхъ здѣсь сосудовъ большая часть расписана красной, черной или фіолетово-коричневой краской, рѣже—двумя красками—черной и красной. На нѣкоторыхъ сосудахъ на мѣстахъ, оставшихся свободными отъ геометрическаго орнамента, изображены люди (не вполнѣ удачно) и животныя—лошади, ослы, козы, собаки. На ряду съ памятниками живописи здѣсь находятся и памятники глиняной пластики въ видѣ человѣческихъ фигуръ и быковъ съ длинными расходящимися рогами. Судя по большому совершенству издѣлій найденныхъ въ Петренахъ, археологи склонны видѣть въ петренской культурѣ болѣе поздній фазисъ развитія той же самой трипольской культуры.

По вопросу о происхожденіи этой трипольской культуры высказывалось мнѣніе, что въ ней слѣдуетъ видѣть отраженіе микенской культуры, распространенной на берегахъ и островахъ Эгейскаго моря и предшествовавшей эллинской культурѣ. Эта культура, распространившись среди варваровъ, населявшихъ восточную Европу, понизилась качественно, подобно тому, какъ произошло это впослѣдствіи съ эллинской культурою, распространившеюся среди скиѳовъ и сарматовъ. Однако, то обстоятельство, что населеніе, строившее вышеописанныя землянки и площадки, не знало еще бронзы, извѣстной носителямъ и творцамъ микенской культуры, и всѣ орудія приготовляло изъ камня и кости, заставляетъ видѣть въ трипольской культурѣ самостоятельную культуру, предшествовавшую эгейской. По мнѣнію проф. фонъ-Штерна, индоевропейское населеніе, создавшее трипольскую культуру, добровольно или подъ напоромъ другихъ племенъ, покинуло свое первоначальное мѣстожительство, подалось на югъ и заселило берега малой Азіи, Эгейскихъ острововъ и Греціи. Здѣсь оно продолжало развивать свою культуру, которая и достигла пышнаго расцвѣта въ критско-микенской (эгейской) культурѣ. Этимъ переселеніемъ объясняется тотъ фактъ, что въ переходную отъ каменныхъ орудій къ металлическимъ эпоху исчезла въ нашей странѣ художественная керамика, не существовала въ бронзовомъ вѣкѣ и вновь возродилась уже на греческой почвѣ нашего юга, куда она перешла вмѣстѣ съ населеніемъ, ее создавшимъ.

Къ неолитической эпохѣ относятся еще такъ называемые мегалити-

ческія сооруженія, хорошо извѣстныя въ З. Европѣ подъ именемъ *менгировъ*, *кромлеховъ* и *долменовъ*. Менгиры—это большія глыбы камней, водруженныя въ видѣ обелисковъ въ вертикальномъ положеніи. Сооруженія изъ камней, расположенныхъ въ видѣ круга, называются кромлехами. Долмены представляетъ собою искусственныя камеры изъ грубо обтесанныхъ каменныхъ плитъ. Менгиры находятся у насъ въ Волынской, Подольской и Херсонской губ.; долмены—на Кавказѣ, въ Крыму и кое-гдѣ въ Польшѣ. Повидимому, это гигантскія варіацiи тѣхъ же глиняныхъ столбовъ и сосудовъ, которые находятся на глиняныхъ площадкахъ.

Начатки металлической культуры; мѣдь и бронза. Неолитическая культура въ восточной Европѣ такъ же, какъ и въ западной, исподоволь перешла въ металлическую. На это указываетъ нахожденіе въ обстановкѣ неолитической культуры издѣлій изъ чистой мѣди и бронзы. Такъ, въ нѣкоторыхъ глиняныхъ мазанкахъ въ окрестностяхъ Триполья найдены при урнахъ мѣдные топорики; въ курганахъ Воронежской и Подольской губерній рядомъ съ каменными фигурируютъ также и мѣдные предметы; то же самое встрѣчается и въ курганахъ съ окрашенными скелетами въ Харьковской губерніи. Самыя формы этихъ мѣдныхъ предметовъ сильно напоминаютъ каменныя орудія. Мѣдныя издѣлія явились раньше всѣхъ другихъ металлическихъ, потому что мѣдь самый доступный, самый легкій для примитивной обработки металлъ. Возможно, что начало этой обработки положено было на сторонѣ, напр. на Уралѣ. Мѣдныя вещи, грубо сдѣланныя — боевые и рабочіе топоры, кирки, мотыки, долота, серпы, наконечники стрѣлъ и копій во множествѣ найдены въ такъ называемыхъ «чудскихъ» курганахъ Пріуралья и западной Сибири. Мѣдь для нихъ добывалась въ «чудскихъ» копяхъ южнаго Урала и Алтая и тутъ же превращалась въ издѣлія, о чемъ свидѣтельствуетъ нахожденіе въ этихъ копяхъ глиняныхъ формъ, плавильныхъ горшковъ для отливки предметовъ. Но впослѣдствіи мѣдь разрабатывалась и въ Европейской Россіи. Слѣды древней разработки и плавленія мѣди найдены также въ Бахмутскомъ и Славяносербскомъ уѣздахъ Екатеринославской губерніи. Что касается бронзовыхъ издѣлій, то они несомнѣнно стали приготовляться и вошли въ употребленіе гораздо позднѣе мѣдныхъ, ибо для выработки ихъ необходимо знакомство уже съ двумя металлами—мѣдью и оловомъ и ихъ свойствами. Бронзовыя издѣлія найдены въ курганахъ Прикарпатья, Херсонской и Екатеринославской губерній, на Подоньѣ, въ Вятской губ. (Ананьевскій могильникъ близъ Елабуги) и на сѣверномъ Кавказѣ (Кобанскій могильникъ), въ общемъ—въ незначительномъ, впрочемъ, количествѣ. Эти бронзовыя издѣлія—кельты, наконечники копій и стрѣлъ, серпы, ножи, кинжалы, мечи, топоры, фибулы и разныя другія украшенія имѣютъ болѣе совершенныя, болѣе изящныя формы, чѣмъ мѣдныя. Топоры, рукоятки мечей украшены геометрическимъ орнаментомъ или изображеніями оленей, лошадей, барсовъ, рыбъ и т. п. Фибулы, или

застежки, имѣютъ форму лука съ натянутой тетивой и также обычно украшены геометрическимъ орнаментомъ. Нахожденіе формъ для отлитія бронзовыхъ вещей и кусковъ бронзоваго сплава указываетъ на то, что бронзовыя издѣлія готовились и въ нашей странѣ. Но есть признаки, указывающіе и на привозъ тѣхъ вещей со стороны: нѣкоторыя изъ нихъ носятъ на себѣ замѣтные слѣды греческаго вліянія. Мѣдныя и бронзовыя издѣлія не замѣняли собою полностью издѣлій изъ камня и кости. Эти послѣднія сохраняли свое значеніе въ житейскомъ обиходѣ долгое время послѣ появленія мѣдныхъ и бронзовыхъ издѣлій, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ каменныя орудія дождались желѣзныхъ. Такое явленіе наблюдается въ курганахъ селъ Гатнаго и Янковичъ около Кіева, гдѣ желѣзныя издѣлія оказались при покойникахъ на ряду съ каменными орудіями и примитивной посудой.

Желѣзная культура. Послѣдняя стадія доисторической культуры въ нашей странѣ характеризуется желѣзными издѣліями, найденными при раскопкахъ полей погребенія на югѣ Россіи. Поля погребенія—это обширные могильники безъ насыпей, расположенные на возвышенныхъ плато или на склонахъ. На нихъ, на извѣстной глубинѣ находятся костяки или урны съ пережженными костями, а вокругъ разбросаны стеклянныя бусы, подвѣски изъ морскихъ раковинъ съ продѣтыми бронзовыми кольцами, бронзовыя фибулы, пряжки, пластинки, шила, кольца, желѣзные ножи и серпы, глиняные, а иногда и стеклянные сосуды, серебряныя и золотыя украшенія. По своему типу эти вещи напоминаютъ иногда вещи ранней желѣзной культуры Запада (такъ называемой *Гальштадской*). Но на ряду съ этимъ много находокъ этой культуры, относящихся къ болѣе позднимъ, историческимъ временамъ, которыя подлежатъ изученію на основаніи письменныхъ памятниковъ. Желѣзная культура соединяетъ исподоволь доисторическія времена съ историческими.

Вопросъ объ этнографической принадлежности доисторическихъ культуръ восточной Европы. Итакъ въ нашей странѣ, какъ и въ другихъ странахъ, происходила въ доисторическія времена послѣдовательная смѣна культуръ. Естественно возникаетъ вопросъ: была ли эта смѣна результатомъ эволюціи жизни одного и того же населенія или же она стояла въ связи со смѣною самого населенія? Антропологи указали, что палеолитическая и неолитическая культуры принадлежатъ населенію, преимущественно длинноголовому, тогда какъ погребенія, относящіяся ко времени металлической культуры, открываютъ передъ нами существованіе въ нашей странѣ новаго короткоголоваго типа на ряду съ прежнимъ длинноголовымъ. На этомъ основаніи ученые сначала склонны были предполагать, что каменная культура принадлежала особой, теперь исчезнувшей первобытной расѣ, тогда какъ металлическая культура принадлежала короткоголовымъ арійцамъ, прибывшимъ позднѣе въ восточную Европу и оттѣснившимъ прежнюю первобытную расу. Но въ настоящее время противъ этого предположенія выдвинуты разныя соображенія. Во-первыхъ, короткоголовость не является

устойчивымъ антропологическимъ признакомъ арійцевъ. Народы индоевропейской семьи имѣютъ смѣшанный типъ, и это смѣшеніе встрѣчается у одного и того же народа; такъ, напр., сѣверные германцы—длинноголовые; южные—короткоголовые; южные итальянцы—длинноголовые, сѣверные—короткоголовые; такія же различія наблюдаются и среди славянъ. Ученые думаютъ поэтому, что индо-европейскіе народы еще передъ разселеніемъ на своей прародинѣ не представляли чистаго типа, однородной антропологической расы, что этническій типъ индоевропейца уже до разселенія могъ быть результатомъ смѣшенія, метизаціи расъ. Съ другой стороны и теорія переселенія въ Европу арійцевъ изъ Азіи въ настоящее время уже не встрѣчаетъ признанія со стороны ученыхъ, а наоборотъ—все болѣе и болѣе выдвигается теорія, помѣщающая индоевропейскую прародину именно въ Европѣ. Точно такъ же не встрѣчаетъ признанія и мнѣніе, что индоевропейцы разселялись въ Европѣ уже съ развитою металлическою культурою. Новѣйшіе изслѣдователи, опираясь на данныя сравнительнаго языкознанія и археологіи, считаютъ возможнымъ утверждать, что индоевропейцы до разселенія знакомы были лишь съ мѣдью, но употребляли ее мало, такъ что во времена своего разселенія они находились собственно на стадіи неолитической культуры и уже послѣ разселенія переходили къ металлической культурѣ. Затѣмъ, до разселенія своего индоевропейцы были народомъ преимущественно пастушескимъ, кочевымъ и, хотя и были знакомы съ начатками земледѣлія, но все же преимущественное значеніе оно получило въ ихъ быту уже послѣ ихъ разселенія. Всѣ эти соображенія, разрушая прежніе аргументы о смѣнѣ культуръ въ зависимости отъ смѣны населенія, однако не даютъ возможности установить, что смѣна культуръ восточной Европы была только эволюціею жизни одного и того же населенія. Дѣло въ томъ, что какъ только проясняется мракъ временъ, доисторическія времена смѣняются историческими, восточная Европа оказывается населенною народами все-таки разныхъ расъ. При такихъ условіяхъ приходится пока отказываться отъ этнографическихъ пріуроченій доисторическихъ культуръ, отъ установленія послѣдовательной связи между доисторическими культурами и позднѣйшими историческими. Въ рамки историческаго изложенія пока еще нельзя вдвинуть и расположить на своихъ мѣстахъ тѣ данныя, которыя получены доисторическою археологіею. Историческое изложеніе приходится все-таки начинать съ опредѣленныхъ свидѣтельствъ о народностяхъ, населявшихъ восточную Европу и объ ихъ житьѣ-бытьѣ.

Болѣе подробныя свѣдѣнія о доисторическомъ населеніи восточной Европы и его культурѣ даны въ новѣйшихъ трудахъ:

Проф. Мих. Грушевскаго, Кіевская Русь, томъ I. Спб. 1911.

Д. И. Багалѣя, Русская исторія, т. I. Москва 1914 г.

Полезно пособіе: Историко-культурный атласъ по русской исторіи съ объяснительнымъ текстомъ, составленный *Н. Д. Полонской*, подъ редакціею проф. М. В. Довнаръ-Запольскаго. Выпускъ 1. Кіевъ 1913.

Обзоръ работъ въ этой области см. въ статьѣ *И. Н. Бороздина* «Нѣкоторые итоги русскихъ археологическихъ изслѣдованій послѣднихъ лѣтъ» (Древности. Труды Импер. Московск. Археол. Общ., т. 23, вып. 1).

II.

Скиѳы и сарматы и вопросъ объ ихъ народности.

Греческія колоніи. Задолго до Р. Х. іонійцы изъ Милета, дорійцы изъ Гераклеи Понтійской и нѣкоторые другіе греки, увлекаемые торговою предпріимчивостью, основали цѣлый рядъ колоній по сѣвернымъ берегамъ Понта Эвксинскаго и Меотиды, т.-е. Чернаго и Азовскаго морей. Наиболѣе значительными изъ этихъ колоній были *Тира* на Днѣстровскомъ лиманѣ, гдѣ нынѣ Аккерманъ, *Ольвія* на лиманѣ Гинаписа, т.-е. Буга, *Херсонесъ* на южномъ берегу Таврическаго полуострова, *Пантикапея* (нынѣ Керчь) на западномъ берегу Босфора Киммерійскаго, *Танаисъ* на низовьяхъ Дона, *Фанагорія* (позднѣе византійская Таматарха, русская Тмутаракань) на восточномъ берегу Босфора Киммерійскаго. Поселившіеся въ этихъ колоніяхъ греки завязали оживленную торговлю съ сосѣдними степными варварами, покупая у нихъ скотъ, кожи, шерсть, хлѣбъ, мѣха, воскъ, медъ и рабовъ и сбывая имъ ткани, вино, оливковое масло и различные предметы искусства и роскоши (между прочимъ раскрашенную глиняную посуду) изъ Греціи и Эгейскихъ острововъ. Кромѣ торговли, ловля рыбы и заготовленіе ея въ прокъ разными способами составляли одинъ изъ важнѣйшихъ промысловъ этихъ грековъ. Торговыя сношенія сблизили грековъ съ варварами, которые не только временно пріѣзжали въ греческіе города, но даже оставались здѣсь на житье, научались греческому языку и усваивали греческіе обычаи. Вслѣдствіе всего этого греки должны были хорошо знать этихъ варваровъ и ихъ житье-бытье. Въ V вѣкѣ до Р. Христова одну изъ греческихъ черноморскихъ колоній, именно Ольвію, посѣтилъ «отецъ исторіи Геродотъ», прожилъ въ ней довольно долгое время и, наслышавшись здѣсь разсказовъ о варварахъ, припомнивъ то, что писалось раньше его объ этихъ краяхъ (напр. поэтомъ VII в. Аристеемъ), составилъ этнографическое описаніе нашей страны, помѣщенное имъ въ IV книгѣ «Исторіи».

Извѣстія Геродота о Скиѳіи. Все пространство земель къ сѣверу отъ Понта Евксинскаго отъ Истра (Дуная) и до Танаиса (Дона) и на двадцать дней пути къ сѣверу Геродотъ называетъ страною скиѳовъ. Страна эта прежде была занята киммерійцами, которые оставили свои слѣды въ названіяхъ Босфора Киммерійскаго, Киммерійскихъ бродовъ, Киммерійскихъ стѣнъ, Киммерійской могилы на Тирасѣ (Днѣстрѣ). Скиѳы, жившіе ранѣе въ Азіи, тѣснимые массагетами, перешли Аксартъ (Сыръ-Дарью), вторглись въ землю киммерійцевъ, которые ушли въ Малую Азію. «Земля скиѳовъ,—говоритъ Геродотъ,—представляя собою равнину, изобилуетъ травою и хорошо орошена; по ней протекаютъ рѣки: пятиустный Истръ (Дунай), за нимъ Тирасъ (Днѣстръ), Гипанисъ (Бугъ), Борисѳенъ (Днѣпръ), Пантикапъ, Ипакирь, Герръ, Танаисъ (Донъ). Рѣка Борисѳенъ самая прибыльная: доставляетъ стадамъ прекраснѣйшія и очень питательныя пастбища, превосходные луга, рыбу въ огромномъ количествѣ; вода ея очень пріятна на вкусъ и отличается чистотой среди мутныхъ рѣкъ Скиѳіи; вдоль ея тянется превосходная пахотная земля, или растетъ очень высокая трава, тамъ, гдѣ почва не засѣвается; въ устьѣ ея сама собой залегаетъ соль; въ ней ловятся для соленія большія рыбы безъ позвоночника, называемыя осетрами»... Страна скиѳовъ производитъ, по словамъ Геродота, хлѣбъ, чечевицу, лукъ, чеснокъ, ленъ и коноплю; изъ животныхъ водятся въ ней лошади, быки, ослы, кабаны, олени, зайцы, козы и пчелы. Въ общемъ, такимъ образомъ, Геродотова Скиѳія охватывала степную и отчасти лѣсо-степную область бассейновъ Днѣстра, Буга, Днѣпра и Дона. «Численности скиѳовъ,—пишетъ Геродотъ,—я не могъ узнать съ точностью, но слышалъ два разныхъ сужденія: по одному, ихъ очень много, по другому скиѳовъ собственно мало, а кромѣ ихъ живутъ и другіе народы». Сообразно съ этимъ Геродотъ называетъ скиѳами то всѣ племена, живущія въ Скиѳіи, то одинъ только народъ, который господствовалъ надъ всѣми другими. И характеристика образа жизни скиѳовъ выходитъ у Геродота разная. Съ одной стороны, онъ говоритъ о бѣдности и бездомовности скиѳовъ, о томъ, что у нихъ нѣтъ ни городовъ, ни укрѣпленій, что они со своими семействами передвигаются на телѣгахъ, что всѣ они—конные стрѣлки изъ лука, и пропитаніе получаютъ отъ скотоводства, а не отъ землепашества. Но, съ другой стороны, онъ же говоритъ о скиѳахъ-пахаряхъ, которые живутъ плодами своего земледѣлія и торгуютъ хлѣбомъ. Въ частности Геродотъ сообщаетъ о населеніи Скиѳіи слѣдующее.

Ближайшія къ Ольвіи мѣстности по Гипанису (Бугу) занимали *каллипиды*, а сѣвернѣе ихъ *алазоны*—народы осѣдлые и земледѣльческіе, въ остальномъ сходные съ другими скиѳами, а еще сѣвернѣе до самаго истока Гипаниса—скиѳы-пахари (ἀροτῆρες). Каллипидовъ Геродотъ называетъ эллинами-скиѳами, отмѣчая этимъ культурное вліяніе грековъ на скиѳовъ и, быть можетъ, этнографическія вліянія (позже ихъ звали—Μιξέλληνες). По берегамъ Борисѳена, выше лѣсистой мѣстности Гилеи (на ни-

зовьяхъ Борисѳена), доходя до р. Пантикапа на востокѣ, жили земледѣльцы (γεωργοί), которыхъ греки называли *борисѳенитами*. За р. Пантикапомъ начинались земли кочевыхъ скиѳовъ-пастуховъ, не сѣющихъ и не пашущихъ, на пространствѣ въ 14 дней пути отъ запада къ востоку до р. Герра. Далѣе за Герромъ жили *царскіе скиѳы* (βασιλείοι), храбрѣйшій и многолюднѣйшій изъ скиѳскихъ народовъ, который считалъ всѣхъ прочихъ своими рабами. Ихъ земля простиралась до Танаиса, за которымъ на востокѣ жили *савроматы*, и до Таврической земли *).

Всѣ эти племена говорили на разныхъ языкахъ, вслѣдствіе чего для сношенія съ крайнимъ восточнымъ народомъ—*агриппаями* скиѳы и эллины пользовались семью переводчиками и столькими же языками.

Таковы данныя Геродота о населеніи Скиѳіи. Изъ этихъ данныхъ выносится впечатлѣніе, что имя Скиѳіи уже во времена Геродота было чисто географическимъ терминомъ, и что Скиѳія была населена въ сущности разными народами, различной культуры, которые всѣ назывались скиѳами, какъ обитатели Скиѳіи. Это впечатлѣніе подтверждается разнорѣчивыми данными о наружности скиѳовъ и ихъ бытѣ. Современникъ Геродота *Гиппократъ* въ своей книгѣ «О воздухѣ, водахъ и мѣстностяхъ», говоритъ о скиѳахъ такъ, что въ скиѳахъ можно видѣть народъ монгольской расы: «Скиѳы походятъ только на самихъ себя: цвѣтъ кожи ихъ желтый; тѣло тучное и мясистое; они безбороды, что уподобляетъ ихъ мужчинъ женщинамъ». Тѣ же разнорѣчія приходится встрѣчать и въ описаніи быта скиѳовъ. Геродотъ называетъ скиѳовъ единоженцами; Гиппократъ говоритъ о полигаміи скиѳовъ; по однимъ извѣстіямъ скиѳы употребляли такую пищу, какая свойственна кочевникамъ: мясо, кобылье молоко, масло, творогъ и особый напитокъ въ родѣ кумыса; по другимъ извѣстіямъ, скиѳы питались растительною пищею и т. д. Очевидно, что всѣ эти разнорѣчія присходятъ оттого, что писатели получали свѣдѣнія о различныхъ народахъ, разнаго происхожденія, стоявшихъ на разныхъ степеняхъ культуръ, но объединенныхъ однимъ именемъ «скиѳовъ».

Скиѳы и славяне. Иранскіе элементы въ Скиѳіи. Здѣсь самъ собою ставится вопросъ: не было ли среди этихъ народовъ нашихъ предковъ — славянъ? На этотъ вопросъ рядъ русскихъ ученыхъ отвѣчалъ утвердительно, основываясь на толкованіи рѣчныхъ названій и личныхъ именъ Геродотовой Скиѳіи и на чертахъ быта, какъ онъ описывается Геродотомъ. Такъ, по мнѣнію *Забѣлина*, нѣкоторыя имена скиѳскихъ рѣкъ звучатъ совершенно по-славянски. Таковы—Борисѳенъ (Днѣпръ), Истръ (Дунай), Тирасъ (Днѣстръ), Пората (Прутъ). Борисѳенъ, по догадкѣ Забѣлина, испорченное греками имя Березины, какъ, вѣроятно,

*) Савроматы занимали пространство на 15 дней пути къ сѣверу; во всей ихъ землѣ нѣтъ ни дикихъ ни плодовыхъ деревьевъ. Сѣвернѣе же ихъ живутъ *будины*, занимающіе мѣстность, сплошь покрытую разнороднымъ лѣсомъ.

назывался въ старину Днѣпръ (теперь это названіе удержалось только за его верхнимъ притокомъ, принимавшимся прежде за его верхнее теченіе); Тирасъ—очевидно, испорченное греками «Стрый», какъ и называется теперь одинъ изъ верхнихъ притоковъ Днѣстра; Истръ и Пората—несомнѣнно славянскія имена. Забѣлинъ усматриваетъ славянство и въ самоназваніи скиѳовъ, приводимомъ Геродотомъ: сколоты—то же что позднѣйшіе «склавы» греко-римскихъ писателей, саклабъ, секалибъ, сиклабъ—арабовъ. Аналогія быта скиѳовъ съ бытомъ позднѣйшаго приднѣпровскаго славянства также склоняетъ Забѣлина къ мысли о тождествѣ скиѳскихъ племенъ съ славянами: то же занятіе земледѣліемъ въ среднемъ Приднѣпровьѣ, та же торговля съ Греціею, тѣ же морскіе набѣги на берега Малой Азіи. Легко видѣть, какъ шатка вся эта аргументація, основанная на рискованныхъ филологическихъ сближеніяхъ именъ, на аналогіяхъ быта, которыя могли проистекать вовсе и не изъ родства племенъ, а изъ одинаковыхъ условій жизни нашего юга. Между прочимъ въ гипотезѣ Забѣлина не объясняется, почему же при постоянномъ славянскомъ населеніи нашего юга исчезли старыя, якобы славянскія имена рѣкъ «Борисѳенъ», «Тирасъ», «Истръ» и замѣнились новыми «Днѣпръ», «Днѣстръ» и «Дунай».

Самоквасовъ въ своихъ «Изслѣдованіяхъ по исторіи русскаго права» пошелъ еще дальше Забѣлина и призналъ тождество скиѳовъ вообще съ славянами. За это тождество, по его словамъ, говоритъ прежде всего литературная традиція греко-римскихъ писателей, которые обычно называютъ нашу страну Скиѳіею, а русскихъ славянъ—скиѳами. Іорнандъ, напр., дѣлитъ варварскую Европу на двѣ части: Германію и Скиѳію, раздѣляемыя р. Вислою; въ Скиѳіи онъ помѣщаетъ «давній и многолюдный народъ Винидскій, по различію племенъ и поселеній называемый различными именами, но преимущественно склавинами и антами». Византійскіе писатели, говорящіе о нападеніи руссовъ на Царь-Градъ—патріархъ Фотій, Георгій Амартолъ и др.—совсѣмъ даже не упоминаютъ имени славянъ: отпредѣляя народность непріятеля, осадившаго Царь-Градъ, они называютъ его *россами*, народомъ «скиѳскаго» происхожденія. Въ то же время землеписецъ Равенскій (около 886 г.), перечисляя европейскія страны, называетъ Скиѳію прародиною славянъ: Sexta ut hora noctis Scytharum est patria, unde sclavinorum est prosapia. Левъ Діаконъ въ своемъ описаніи войны Святослава съ болгарами и греческимъ царемъ Іоанномъ Цимисхіемъ совсѣмъ не пользуется именами «славяне» и «анты». Русская земля называется у него Скиѳіею; русскіе воины—скиѳами; лодки, одежда, вооруженіе и оружіе руссовъ, русскія вѣрованія и русскій языкъ называются скиѳскими; самъ Святославъ Игоревичъ именуется скиѳомъ. Даже въ нашей лѣтописи, по словамъ Самоквасова, есть данныя, свидѣтельствующія о тождествѣ славянъ и скиѳовъ. Начальная лѣтопись, перечисляя славянскія племена, жившія въ восточной Европѣ, говоритъ между прочимъ: «Улучи, тиверци, сѣдяху по Днѣстру, по Бугу и по Днѣпру оли до моря;

суть грады ихъ и до сего дне; да то ся зваху отъ грекъ Великая Скуѳь». Но что слѣдуетъ изъ всѣхъ приведенныхъ данныхъ? Только то, что имя Скиѳіи въ приложеніи къ нашей странѣ въ литературной, книжной традиціи грековъ и римлянъ пережило бытъ самаго племени скиѳовъ въ нашей странѣ, что скиѳами они называли по книжной традиціи всѣхъ обывателей нашего юга, независимо отъ ихъ происхожденія, и только. Что касается извѣстія нашей лѣтописи, то оно, очевидно, заимствовано у грековъ. Само по себѣ это свидѣтельство таково, что изъ него нельзя въ сущности вывести заключенія о тождествѣ славянъ и скиѳовъ. Здѣсь констатируется только то, что страна, занятая извѣстными славянскими племенами, *называлась* раньше у грековъ «Великою Скиѳіею».

Не ограничиваясь приведенными доказательствами, Самоквасовъ пытался найти подтвержденіе своей гипотезы о тождествѣ скиѳовъ и славянъ въ остаткахъ скиѳскаго языка, сохранившихся въ собственныхъ именахъ скиѳовъ. Но уже Шафарикъ въ своихъ «Славянскихъ древностяхъ» пришелъ къ иному выводу относительно этихъ остатковъ скиѳскаго языка. «Удивительно,—говоритъ онъ,—что даже при поверхностномъ знаніи языковъ зендскаго, мидійскаго и персидскаго замѣчается ясное и разительное сходство скиѳскихъ словъ съ языкомъ зендскимъ и мидійскимъ». Шафарикъ указывалъ на окончаніе xais въ приводимыхъ Геродотомъ личныхъ именахъ, которыя равняются зендскому kšies, новоперсидскому šah, въ греческой передачѣ ξης, на окончаніе πείτης въ тѣхъ же именахъ, которое равняется зендскому paitis, и т. д. Позднѣйшія изслѣдованія К. Цейса, К. Мюлленгофа, В. Томашека и В. Ѳ. Миллера надъ именами скиѳскихъ царей и божествъ вполнѣ подтвердили эти первоначальныя наблюденія и приводятъ къ выводу, что скиѳы, если не всѣ, то по крайней мѣрѣ господствующія племена были иранскаго происхожденія. Съ этими выводами филологовъ вполнѣ совпадаютъ и нѣкоторыя извѣстія о родствѣ скиѳовъ съ иранцами, идущія отъ древнихъ писателей. Самъ Геродотъ роднитъ скиѳовъ съ савроматами, жившими за Дономъ, позднѣйшими сарматами. Но сарматовъ Діодоръ Сицилійскій называетъ выходцами изъ Мидіи; Плиній считаетъ ихъ также вѣтвью мидянъ. Амміанъ Марцеллинъ самихъ скиѳовъ считаетъ единоплеменниками персовъ. Такъ падаютъ вышеизложенные аргументы Самоквасова о тождествѣ скиѳовъ и славянъ.

Но центръ тяжести въ аргументаціи Самоквасова покоится на сопоставленіи быта скиѳовъ и славянороссовъ. «Геродотовы скиѳы,—говоритъ онъ,—и славяноруссы послѣднихъ столѣтій язычества одинаково поклонялись огню, небу, землѣ, солнцу, лунѣ и богамъ борьбы съ природою и людьми. Скиѳы и славяноруссы не имѣли храмовъ, поклонялись своимъ богамъ только посредствомъ жертвоприношеній, и особенно почитали бога войны, не имѣли спеціальныхъ служителей богамъ, класса жрецовъ, но имѣли многочисленныхъ гадателей, знахарей-волхвовъ, кудесниковъ

и т. д. И въ разныхъ подробностяхъ вѣрованій и культа скиѳовъ и славянъ встрѣчаемъ черты разительнаго сходства. Скиѳы, встрѣчавшіе трупъ царя, продѣлывали приблизительно то же самое, что и славяне на похоронахъ своихъ покойниковъ, по туземнымъ свидѣтельствамъ (житіе Константина Муромскаго) и иноземнымъ (Ибнъ-Даста),—отрѣзывали себѣ часть уха, обрѣзывали волосы, дѣлали порѣзы на рукахъ, царапали лобъ и носъ, прокалывали лѣвую руку стрѣлами и т. д.; въ могилу царя скиѳы клали одну изъ его женъ, предварительно задушивши ее, а также виночерпія, конюха, вѣстовщика, т.-е. дѣлали то же самое, что позже дѣлали русскіе, погребавшіе вмѣстѣ съ своими государями ихъ женъ, рабовъ, рабынь и близкихъ людей—секретаря, визиря, лѣкаря и любимца, какъ разсказываютъ арабы. Надъ могилою умершаго царя скиѳы дѣлали земляную насыпь, на которой по истеченіи года справляли поминки, принося въ жертву 50 всадниковъ, подобно тому, какъ справляли тризну на могильномъ холмѣ и родственники умершаго у славянъ.

Но все это сходство вѣрованій и обрядовъ скиѳскихъ и славянскихъ вовсе еще не есть доказательство непремѣннаго тождества скиѳовъ и славянъ. Вѣдь съ подобными же вѣрованіями и обычаями, какіе констатированы Геродотомъ у скиѳовъ, приходится встрѣчаться и у другихъ народовъ, а не у однихъ славянъ. Подобныя же вѣрованія и обычаи можно констатировать и у германцевъ; отдѣльныя черты можно замѣтить и въ культѣ египтянъ и финновъ и т. д. Очевидно, что въ религіозной эволюціи, черезъ которую проходятъ разные народы какъ въ эволюціи общечеловѣческой психики, встрѣчаются сходные моменты.

То же самое въ сущности приходится сказать и о сходствѣ юридическихъ обычаевъ скиѳовъ и славянъ, на которые также ссылается Самоквасовъ въ доказательство тождества славянъ и скиѳовъ. Скиѳскіе цари, по разсказу Геродота, вмѣстѣ съ преступникомъ казнили и его дѣтей мужескаго пола. Самоквасову этотъ обычай напоминаетъ постановленіе Русской Правды, въ силу котораго разбойникъ осуждался на потокъ и разграбленіе съ женою и дѣтьми, и онъ не прочь видѣть здѣсь одно изъ доказательствъ тождества скиѳовъ и славянъ. Но несомнѣнно, что здѣсь проявляется не тождество племенъ, а общій всѣмъ первобытнымъ народамъ инстинктъ общественнаго самосохраненія,—желаніе уничтожить враговъ общества со всѣмъ ихъ отродьемъ. Точно такъ же у разныхъ народовъ на извѣстной ступени ихъ политическаго развитія существовалъ обычай рѣшать свои тяжбы убійствомъ и кровью,—око за око, зубъ за зубъ, на что также указываетъ Самоквасовъ, какъ на доказательство тождества скиѳовъ и славянъ.

Итакъ, въ распоряженіи исторической науки нѣтъ данныхъ, которыя бы давали право съ увѣренностью говорить не только о тождествѣ скиѳовъ и славянъ, но и нахожденіи среди скиѳовъ славянъ, о распространеніи первоначальной славянской осѣдлости въ южныхъ степяхъ Россіи. Лин-

гвистическія данныя обнаруживаютъ иранство скиѳовъ пли по меньшей мѣрѣ присутствіе среди нихъ иранскихъ племенъ.

Сарматы въ Скиѳіи; ихъ племена. Господство скиѳовъ въ степныхъ пространствахъ нашего юга замѣнилось съ теченіемъ времени господствомъ *сарматовъ*, вслѣдствіе чего и наша страна получила у грековъ и римлянъ имя Сарматіи, которое держалось въ книжной традиціи столь же долго, какъ и имя Скиѳіи.

Сарматы, во времена Геродота кочевавшіе гдѣ-то за Дономъ, въ IV вѣкѣ до Р. X., по свидѣтельству Скилакса, продвинулись на западъ и жили уже по обѣимъ сторонамъ Дона. Въ концѣ I вѣка до Р. X. и въ началѣ I вѣка по Р. X., въ извѣстіяхъ Страбона, Овидія, Діона Хризостома, сарматы выступаютъ уже, какъ главная орда на всемъ протяженіи отъ Мэотиды (Азовскаго моря) до Истра, а Діодоръ Сицилійскій поясняетъ, что «сарматы, выведенные скиѳами изъ Мидіи, со временемъ размножились, опустошили и обратили въ пустыню большую часть Скиѳіи и прогнали ея населеніе». Но какъ видно изъ показаній Страбона и другихъ писателей того же времени, древнѣйшее «скиѳское» населеніе нашихъ степей не исчезло подъ сарматскимъ натискомъ, но стало жить въ перемежку съ сарматами. По описанію Страбона, на западъ отъ Днѣпра жили сарматскіе народы—*языги*, *царскіе* и *урги;* на востокъ, между Днѣпромъ и Дономъ, жили *роксоланы*, за Дономъ — *аорсы* и *сираки*, объединенные позднѣе общимъ именемъ *аланъ*. Въ разсказахъ Овидія въ окрестностяхъ Дуная рядомъ съ сарматами выступаютъ также скиѳы, и Страбонъ говоритъ, что на Дунаѣ также была Малая Скиѳія (нынѣ Добруджа). Другая Малая Скиѳія занимала, по его словамъ, восточную Тавриду и сосѣднія земли къ сѣверу отъ Перекопа и до Днѣпра.

Новыя племена, нахлынувшія въ наши южныя степи, по словамъ Страбона, въ большинствѣ были кочевниками и только кое-гдѣ, около Истра и Мэотиды, занимались земледѣліемъ. Они жили въ войлочныхъ кибиткахъ, перевозимыхъ на возахъ, и переходили со своими стадами съ мѣста на мѣсто. Народъ этотъ былъ воинственный, славившійся умѣньемъ вести войну на коняхъ. Ихъ всадники имѣли шлемы и панцыри—кожаные и металлическіе; въ битвѣ употребляли копья, луки и мечи. Изображенія языговъ на римскихъ барельефахъ колонны Марка Аврелія и на керченскихъ фрескахъ вполнѣ подтверждаютъ эти сообщенія Страбона: варварскіе всадники здѣсь имѣютъ на себѣ или короткіе кирассы, или длинные, ниже колѣнъ, халаты съ нашитыми на нихъ твердыми пластинками. По словамъ Павзанія (II в. по Р. X.), сарматы, за недостаткомъ желѣза очень искусно выдѣлывали свои панцыри изъ пластинокъ, нарѣзанныхъ изъ конскихъ копытъ (такіе панцыри дѣйствительно находятся въ раскопкахъ). Говоря о наружности сарматовъ, античные писатели отмѣчаютъ, что сарматы отличались длинными рыжеватыми (flavus) волосами, видъ имѣли суровый и дикій; одежда ихъ имѣла полное сходство съ персидской.

Въ половинѣ I вѣка по Р. Х. господствовавшая на правомъ берегу Днѣпра орда языговъ передвинулась далѣе на западъ и заняла земли между Дунаемъ и Тиссою. Послѣ ухода языговъ господствующимъ племенемъ въ нашихъ степяхъ стало другое сарматское племя роксоланы, т.-е. бѣлые аланы. Во второмъ вѣкѣ за кочевниками нашихъ степей утверждается имя аланъ, которое вытѣсняетъ собою изъ употребленія прежнее имя сарматовъ. Въ концѣ II и началѣ III вѣка на Черноморье проникаютъ съ сѣвера германскія племена готовъ и геруловъ. Готы заняли земли по Днѣпру и далѣе на западъ до Дуная и предгорій Карпатъ, раздѣлившись на восточныхъ—*остроготовъ*, иначе *грейтунговъ*, и западныхъ—*визиготовъ*, иначе *тервинговъ*; герулы расположились восточнѣе—надъ Мэотидою и частью въ Крыму, аланы оттѣснены были въ Придонскія и Прикавказскія степи. Кромѣ того, повидимому, часть ихъ была покорена готами и вошла въ составъ Готской державы.

Къ какой же вѣтви народовъ относили сарматовъ древніе писатели? Плиній говоритъ, что по слухамъ сарматы родственны съ мидянами. Діодоръ Сицилійскій прямо утверждаетъ, что сарматы были выведены скиѳами изъ Мидіи. Какъ же можно отнестись къ этимъ утвержденіямъ древнихъ писателей? «Трудно думать,—говоритъ В. Ѳ. Миллеръ,—что такое убѣжденіе древнихъ писателей о родствѣ сарматовъ съ мидянами не имѣетъ никакого основанія. Мидяне и персы были хорошо извѣстны грекамъ и римлянамъ, и едва ли безъ основательной причины могла какому-нибудь древнему географу явиться мысль сближать между собою по происхожденію два такіе другъ отъ друга отдаленные народа, какъ сарматы и мидяне. Мы можемъ не придавать значенія утвержденію Діодора Сицилійскаго, что сарматы были выведены скиѳами изъ Мидіи, но должны допустить, что это утвержденіе было вызвано желаніемъ объяснить положительный фактъ, представлявшійся страннымъ, именно этническую близость сарматовъ съ мидянами, состоявшую, конечно, въ томъ, что оба народа говорятъ близкими другъ къ другу простыми языками. Родство сарматскаго языка съ мидо-персидскимъ должно было быть извѣстно грекамъ, изъ которыхъ многіе, вслѣдствіе извѣстныхъ отношеній къ персамъ, имѣли случай хорошо изучить персидскій языкъ» (Осетинскіе этюды III, 85, 86).

Сарматы и славяне. Не всѣ, однако, историки умозаключали такимъ образомъ. По мнѣнію Забѣлина, тѣ народы, которыхъ греко-римскіе писатели называютъ сарматами, были на самомъ дѣлѣ не сарматы, а славяне. Сарматами греко-римскіе писатели называли нашихъ славянъ ради высокаго стиля, избѣгая простонародныхъ именъ и прибѣгая къ книжнымъ. Ранѣе такимъ книжнымъ именемъ было имя скиѳовъ. Но послѣ пораженія скиѳовъ Митридатомъ Понтійскимъ во II вѣкѣ по Р. Хр. слава этого имени померкла, и греко-римскіе писатели взяли другое имя—«сарматы». Имя «сарматовъ» прочно утвердилось у нихъ за славянами въ отличіе отъ германцевъ, и Сарматіею римскіе писатели стали называть именно область славянскихъ поселеній,

Что такъ называемые сарматы были собственно славяне, это, по мнѣнію Забѣлина, видно изъ ихъ племенныхъ именъ, какъ они передаются у *Страбона* († 45 г.) и *Птоломея* (II вѣкъ по Р. Хр.). Страбонъ около Днѣстра помѣщаетъ *тирегетовъ*, а за ними далѣе на востокъ *язы́говъ*, на сѣверъ *бастарновъ*, между Днѣпромъ и Дономъ *роксоланъ*, на низовьяхъ Дуная *певкиновъ*, а на западномъ побережьѣ Каспія—*витіевъ*. По Забѣлину всѣ эти племена не кто иное, какъ тиверцы, нашей лѣтописи, жившіе по Днѣстру, языки, быстряне, русь, буковины, вятичи. Такимъ образомъ здѣсь открываются не только исторически извѣстныя племена восточныхъ славянъ, но и еще новыя—языки, быстряне, буковины. Другія племена восточныхъ славянъ Забѣлинъ открываетъ у Птоломея. Въ *ставанахъ* Птоломея онъ видитъ славянъ нашей лѣтописи и путемъ разныхъ догадокъ открываетъ ихъ мѣстожительство какъ разъ около озера Ильменя; въ *саварахъ* Птоломея нашихъ сѣверянъ; въ *стурнахъ*—обитателей бассейна Припяти, въ которую де впадаетъ р. Стырь, неподалеку отъ которой находится Туръ—озеро, Турискъ городъ, Турья рѣка и Туровъ городъ: стурны—это туровцы нашей лѣтописи; въ *идрахъ* Птоломея Забѣлинъ усматриваетъ дреговичей, а въ *хунахъ*—кыянъ нашей лѣтописи. Воображеніе Забѣлина уносится такъ далеко, что онъ открываетъ позднѣйшіе русскіе города въ городахъ, о которыхъ упоминаетъ Птоломей: *Азагаріонъ*—это Чигиринъ (кстати сказать, построенный завѣдомо во второй половинѣ XVI вѣка), *Лейнонъ*—Волынь, *Сарваконъ*—Червень и т. д. Такъ какъ ни у Страбона, ни у Птоломея нѣтъ собственно опредѣленныхъ показаній о мѣстожительствѣ этихъ племенъ и расположеніи городовъ, то Забѣлинъ свободно производитъ всѣ свои сближенія и толкованія. Но при этомъ онъ наталкивается на одно серьезное препятствіе: сарматы въ извѣстіяхъ римскихъ и греческихъ писателей являются кочевниками, между тѣмъ какъ славяне изображаются у нихъ народомъ осѣдлымъ, земледѣльческимъ. Забѣлинъ старается обойти это препятствіе такимъ образомъ. По его мнѣнію, римскіе и греческіе писатели изображали бытъ сарматовъ не по дѣйствительнымъ наблюденіямъ, а по установившимся представленіямъ о Скиѳіи и ея обывателяхъ. Скиѳія по древнимъ понятіямъ означала степь: кто жилъ въ Скиѳіи, тотъ необходимо былъ кочевникомъ. Такъ поступилъ между прочимъ и Амміанъ Марцеллинъ, давшій наиболѣе подробное, но чисто фантастическое изображеніе быта этихъ мнимыхъ сарматовъ.

Нельзя, однако, не видѣть искусственности и натянутости этого послѣдняго соображенія. Трудно допустить, чтобы римляне не знали хорошо сарматовъ, съ которыми у нихъ было такъ много дѣла въ I, II и III вѣкахъ по Р.Хр., и осѣдлыхъ земледѣльцевъ представляли только по традиціи кочевниками. Съ роксоланами они воевали въ 69 г. по Р. Хр. по случаю вторженія ихъ въ Мизію. Тацитъ, разсказывая объ этомъ, изображаетъ роксоланъ кочевниками: по его словамъ, они вовсе неспособны къ пѣшимъ сраженіямъ;

когда же поотрядно пускаются въ бой на коняхъ, то едва ли какая рать можетъ устоять противъ нихъ. Чтобы избавиться отъ ихъ нападеній, римляне должны были посылать имъ ежегодные подарки. При Маркѣ Авреліи сарматскія племена—языги, роксоланы, аланы и др. воевали съ римлянами въ союзѣ съ маркоманнами. Но особенно ожесточенную борьбу съ сарматами имперія вела въ послѣдніе три десятилѣтія III вѣка при императорахъ Авреліанѣ и Пробѣ, которые получили даже титулъ «Сарматскій». Борьба эта продолжалась и при ихъ преемникахъ до Константина Великаго включительно. Все это даетъ полное основаніе предполагать, что въ римское общество должны были проникать болѣе или менѣе вѣрныя свѣдѣнія о сарматахъ. Поэтому нѣтъ основанія не довѣрять извѣстіямъ современныхъ римскихъ писателей, изображающихъ сарматовъ кочевниками. А если такъ, то нельзя видѣть въ нихъ славянъ, о которыхъ съ самаго начала греко-римскіе писатели говорятъ, какъ объ осѣдломъ, земледѣльческомъ народѣ.

Народность сарматовъ. Что касается сближенія именъ, то оно является также натянутымъ и несостоятельнымъ. Наблюденія новѣйшихъ изслѣдователей надъ остатками языка сарматовъ, сохранившимися въ ихъ собственныхъ именахъ, приводятъ къ заключенію, что сарматы были иранцы, и такимъ образомъ вполнѣ подтверждаютъ заявленія древнихъ писателей о родствѣ сарматовъ съ мидянами и персами. Покойный В. Ѳ. Миллеръ указываетъ, что имя царя языговъ, приводимое Діономъ Кассіемъ,—Βανάδασπος находитъ себѣ этимологическое объясненіе въ иранскихъ корняхъ van побѣждать и aspa конь (укротитель коней); другое имя Ζαντικός сводится къ иранскому глагольному корню zan, рождать; воинственный сарматскій крикъ marha, упоминаемый Аммiаномъ Марцелиномъ, сопоставляется съ авестійскимъ mahrka—смерть, ново-персид. marg. смерть; имя одного изъ сарматскихъ племенъ Ῥωξολανοί, объясняется изъ иранск. корня rohs свѣтлый и значитъ «свѣтлые аланы»; имя языговъ объясняется изъ корня yazu большой, высокій и т. д. Иранство сарматовъ Миллеръ доказываетъ и другими, косвенными уликами. Однимъ изъ самыхъ видныхъ сарматскихъ племенъ являются *аланы*. Въ среднія вѣка имя «аланъ» прилагается къ кавказскому народцу, именуемому у грузинъ *осъ*, у насъ въ старину ясы, теперь осетины. Изслѣдованіе же языка осетинъ совершенно опредѣленно указываетъ на его принадлежность къ иранской семьѣ. По историческимъ свидѣтельствамъ и даннымъ лингвистическимъ, нынѣшніе осетины являются только остатками крупнаго племени, которое кочевало когда-то на равнинахъ Предкавказья до самаго Дона и даже по Дону. Но роксоланы, кочевавшіе отъ Днѣпра до Дона, были тѣми же Аланами (свѣтлые аланы). Значитъ, по всему протяженію нашихъ степей до конца IV вѣка господствовалъ иранскій элементъ. Этимъ объясняются названія крупнѣйшихъ рѣкъ нашего юга —Донъ, Днѣпръ, Днѣстръ, въ которыхъ слышатся корни, родственные осетинскому *донъ*, что значитъ рѣка. Этимъ же объясняется, вѣроятно, существованіе многихъ именъ въ греческихъ надписяхъ Ольвіи, Пантикапеи и особенно

Танаиды, которыя выводятся изъ иранскихъ корней; этимъ же объясняются и иранскія названія нѣкоторыхъ городовъ нашего юга, какъ напр. Ардабда (Өеодосія), т.-е. семисторонній городъ, Сугдая (Судакъ), святой, чистый.

Итакъ, на памяти исторіи степи нашего юга въ теченіе продолжительнаго періода, почти въ тысячу лѣтъ, были обиталищемъ преимущественно иранскихъ племенъ. Какъ скиөы, такъ и сарматы поддерживали дѣятельныя сношенія съ одной стороны съ греческими колоніями, раскиданными по берегамъ Чернаго и Азовскаго морей, съ другой стороны съ восточными соплеменниками—иранцами, которые присылали ихъ князькамъ оружіе, драгоцѣнныя ткани и т. д. Такимъ образомъ, скиөы и сарматы подвергались двойному вліянію эллинской и иранской культуры, и подъ этимъ вліяніемъ сложился у нихъ своеобразный бытъ, своя собственная скиөо-сарматская культура, памятники которой въ огромномъ количествѣ остались на югѣ нашей страны и въ настоящее время усердно изучаются нашими археологами.

По вопросу о народности скиөовъ и сарматовъ, кромѣ указанныхъ трудовъ Грушевскаго и Багалѣя, данныя и мнѣнія можно почерпнуть ближайшимъ образомъ въ трудахъ:

И. Е. Забѣлина, Исторія русской жизни, ч. I. Москва, 1908.

Д. Я. Самоквасова, Изслѣдованія по исторіи русскаго права. Москва, 1894 г.

Д. И. Иловайскаго, Разысканія о началѣ Руси. Москва 1882.

В. Ө. Миллера, Осетинскіе этюды, т. III. Москва, 1887.

III.

Скиөо-сарматская культура и ея значеніе въ исторіи Россіи; сосѣди скиөовъ и сарматовъ.

Скиөо-сарматскіе курганы. Скиөо-сарматскія древности открываются въ погребальныхъ курганахъ. Во многихъ мѣстахъ нашего степного пространства на гладкихъ равнинахъ возвышаются насыпи значительной величины и правильной формы. Нѣкоторыя изъ нихъ имѣютъ видъ земляныхъ пирамидъ до 10 саженъ высоты и до 150 саженъ въ окружности, обложенныхъ у основанія камнями. Ихъ зовутъ обыкновенно *толстыми* могилами. На ряду съ ними иногда поднимаются продолговатыя насыпи меньшей величины, называемыя *долгими* могилами. Эти насыпи издавна

привлекали къ себѣ вниманіе обывателей степей, которые догадывались, что эти насыпи—могилы знатныхъ людей и царей прежнихъ народовъ и могутъ содержать разныя сокровища. Вслѣдствіе этого степные курганы издавна раскапывались людьми, искавшими кладовъ и сокровищъ, и не безуспѣшно. Обратили на нихъ вниманіе и ученые люди, археологи. Припомнивъ, что разсказываетъ Геродотъ о погребеніи царей и знатныхъ людей у скиѳовъ, археологи пришли къ заключенію, что эти курганы представляютъ изъ себя скиѳскія могилы. Содержаніе Геродотова разсказа объ этомъ погребеніи должно было и ученыхъ заохотить къ раскопкамъ, ибо обѣщало богатую и научную добычу. Геродотъ разсказываетъ, что всѣхъ царей скиѳы погребали съ особыми почестями и особымъ образомъ. Тѣло умершаго, вскрывъ животъ и очистивъ, наполняли благовонными сѣменами и травами, обмазывали воскомъ, укладывали на колесницу и везли по степи къ ближайшему подвластному народу, оттуда къ слѣдующему и такъ далѣе, пока не объѣзжали всѣхъ подвластныхъ племенъ. «Кто привезенное тѣло приметъ, дѣлаетъ то, что и царскіе скиѳы: урѣзываютъ себѣ ухо, остригаютъ волосы, порѣзываютъ кругомъ мышцы, царапаютъ лобъ и ноздри и прокалываютъ лѣвую руку стрѣлами». Каждое племя, встрѣтивъ останки царя, потомъ сопровождало его до мѣста погребенія. Народу такимъ образомъ накоплялось въ шествіи великое множество. Мѣста погребенія находились въ странѣ, называемой Герра, какъ назывался и народъ, тамъ жившій, въ томъ мѣстѣ, до котораго можно было плыть по Борисѳену (значитъ, около пороговъ). Здѣсь вырывали большую четырехугольную яму, а въ ней устраивали отдѣльныя пещеры, какъ бы особыя комнаты, изъ которыхъ въ одной погребали царя на кровати, водрузивъ по сторонамъ копья и устроивъ на нихъ крышу изъ брусьевъ и ивовыхъ прутьевъ. Въ остальныхъ пещерахъ, сначала удушивъ, погребали одну изъ царскихъ женъ, виночерпія, повара, конюшаго, письмоводца, вѣстоносца и царскихъ коней, вмѣстѣ съ золотыми чашами и со всякими драгоцѣнностями изъ одежды и домашняго обихода, большею частью тоже золотыми. Совершивъ похороны, всѣ наперерывъ другъ передъ другомъ засыпали могилу землею, стараясь сдѣлать насыпь какъ можно выше... Черезъ годъ справлялись поминки, при чемъ погибало еще 50 человѣкъ, самыхъ наилучшихъ служителей умершаго царя и 50 наилучшихъ коней. Ихъ убивали и мертвыхъ всадниковъ на мертвыхъ лошадяхъ ставили на столбахъ и кольяхъ вокругъ кургана. Такимъ образомъ на основаніи Геродотова разсказа можно было надѣяться найти въ курганахъ-могилахъ предметы скиѳскаго быта, домашней обстановки. Эти ожиданія вполнѣ подтвердились. Курганы дали обильныя коллекціи предметовъ быта разнаго времени и притомъ не одныхъ только скиѳовъ, но, повидимому, и соплеменниковъ ихъ—сарматовъ. Различить то, что принадлежитъ скиѳамъ и что сарматамъ, въ виду ихъ родства и однородности культурныхъ вліяній, подъ которыми они находились, не

представляется возможнымъ. Полученныя археологическія данныя приходится поэтому признавать, какъ данныя одной скиѳо-сарматской культуры.

Кульобская могила. Раньше другихъ царскихъ могилъ, въ 1831 году, была раскопана и обслѣдована могила Кульобская въ 6 верстахъ отъ г. Керчи. Гробница ея имѣла квадратную форму съ крышей и состояла изъ каменныхъ плитъ. Въ ней стоялъ кипарисовый саркофагъ царя, а рядомъ такой же другой саркофагъ, очевидно, царской супруги (онъ, впрочемъ, истлѣлъ, и отъ него сохранились только ручки и ножки). Саркофагъ царя раздѣлялся на двѣ части: въ одной было положено тѣло царя, а въ другой его оружіе; между прочимъ здѣсь найденъ былъ мечъ съ рукояткою, обложенною золотомъ, съ надписью. Царь былъ погребенъ съ различными драгоцѣнностями. На стѣнахъ гробницы висѣли дорогія платья, которыя, конечно, истлѣли; отъ нихъ остались только металлическія украшенія въ видѣ золотыхъ и электроновыхъ (изъ смѣси золота и серебра) бляшекъ. На головѣ царя уцѣлѣла войлочная шапка въ видѣ башлыка, унизанная различнаго рода драгоцѣнностями. Среди другихъ предметовъ здѣсь найдены были четыре амфоры греческаго типа и знаменитая Кульобская ваза, хранящаяся нынѣ въ Императорскомъ Эрмитажѣ въ Петроградѣ. Въ углу гробницы найденъ скелетъ коня, а рядомъ головою къ нему лежалъ скелетъ, вѣроятно, раба-конюха. По срединѣ гробницы на землѣ найденъ скелетъ царицы. Царица имѣла на головѣ электроновую діадему, на шеѣ золотое сканное монисто съ привѣсками и золотую гривну, на рукахъ золотые браслеты съ изображеніемъ охоты грифовъ на оленей.

Чертомлыцкая могила. Вторая замѣчательная «скиѳская» могила—Чертомлыцкая (верстахъ въ 20 отъ города Никополя Екатеринославской губ.) была раскопана И. Е. Забѣлинымъ въ 1862 году. Могила представляетъ обширный курганъ высотою до 26 саженей по откосу и въ окружности до 165 саж., обложенный при подошвѣ саженъ на 7 камнемъ. Когда этотъ курганъ раскопанъ былъ на 1½—2½ аршина сверху, стали попадаться черепки разбитыхъ амфоръ и разныя вещицы, составлявшія конскій уборъ: желѣзныя удила, бронзовые баранчики, пуговицы, запоны рѣзныя въ видѣ птичьей головы, бронзовыя, золотыя и серебряныя бляхи разной величины и формы, колокольчики, соединенные съ бляхами желѣзною цѣпочкою, бронзовыя стрѣлки и т. д. Подъ ними найдены были бронзовый прорѣзной шаръ съ трубкою для надѣванія на древко, бронзовыя изображенія львовъ, драконовъ и птицъ также съ трубками для надѣванія на древка. Когда въ насыпи прорытъ былъ извѣстный участокъ до глинянаго материка, обнаружилась четырехугольная продолговатая яма, засыпанная черноземомъ, и въ сторонѣ отъ нея еще пять ямъ, двѣ небольшихъ овальной формы, а три побольше—квадратныя. Въ одной могилѣ овальной формы былъ найденъ остовъ человѣка, лежавшаго лицомъ къ главной гробницѣ. На шеѣ у него былъ серебряный, покрытый листовымъ золотомъ обручъ, около праваго уха золотая серьга греческой работы, на среднемъ пальцѣ правой руки—

золотое, свитое спиралью изъ проволоки, кольцо; рядомъ со скелетомъ справа лежали желѣзное копье и такая же стрѣла или дротикъ, при чемъ древки ихъ уже совершенно истлѣли; у тазовой кости—кучка бронзовыхъ стрѣлокъ съ ясными слѣдами истлѣвшаго кожанаго колчана. Въ другой овальной могилѣ лежалъ въ томъ же положенiи другой скелетъ, у котораго на шеѣ былъ золотой витой массивный обручъ (около ½ ф. вѣсомъ), у головы справа—кучка бронзовыхъ стрѣлъ съ остатками древецъ, которые были расписаны киноварью поясками; подлѣ кисти лѣвой руки найдено еще нѣсколько такихъ же стрѣлокъ. Въ квадратныхъ могилахъ было найдено одиннадцать конскихъ скелетовъ, изъ нихъ пять съ серебряными уздечными нарядами, а шесть съ золотыми уздечными и сѣдельными. Уздечные наряды состояли изъ массивнаго наносника, изображавшаго бюстъ какого-то животнаго, изъ двухъ большихъ бляхъ съ изображенiемъ птицъ, изъ двухъ небольшихъ массивныхъ пуговицъ, изъ 6 большихъ пуговицъ или бляхъ съ ушками. Сѣдельный нарядъ каждаго коня заключалъ: четыре пластины, украшавшiя сѣдло, 4 большiя пуговицы или бляхи съ ушками, желѣзную пряжку и серебряное кольцо, вѣроятно, отъ подпруги. На двухъ коняхъ кромѣ того находились шейные бронзовые уборы изъ большихъ и малыхъ бляхъ въ видѣ полумѣсяца съ привѣшенными колокольчиками. Главная могила оказалась расхищенною; на днѣ ея, послѣ того какъ вынутъ былъ черноземъ, оказались отпечатки красокъ голубой и карминной, повидимому отъ стѣнокъ гроба, остатки истлѣвшаго дерева и тростника, желѣзныя скобы и гвозди. Это расхищенiе произведено было черезъ особую подземную лазейку, выкопанную съ боку кургана. Но похититель не все успѣлъ вынести—лазейка обвалилась и засыпала его землею, а часть набранныхъ имъ въ могилѣ вещей оказалась въ подземномъ коридорѣ и пещеркахъ, выкопанныхъ въ видѣ нишъ изъ этого коридора. Тутъ найдены: двѣ большiя мѣдныя вазы, одна съ шестью ручками въ видѣ козловъ, бронзовый свѣтильникъ о шести рожкахъ, пять колчановъ бронзовыхъ стрѣлъ, семь ножей, мечъ съ рукояткою, обложенною золотомъ, бронзовое ведерцо, куча золотыхъ бляхъ (около 700 штукъ) со множествомъ золотыхъ пуговокъ, служившихъ украшенiемъ какой-либо одежды или покрывала, остатки коего лежали подъ этими вещами. На четырехугольныхъ бляшкахъ изображена въ профили сидящая женская фигура съ зеркаломъ въ лѣвой рукѣ, а передъ нею стоящая фигура скиѳа, пьющая изъ рога; на другихъ бляшкахъ изображены женскiя головы, розетки, медузина голова; больше всего бляшекъ треугольныхъ горошчатыхъ. Тутъ же были найдены два золотыхъ перстня, одинъ съ рѣзнымъ изображенiемъ собаки, другой съ изображенiемъ быка, золотое массивное кольцо, золотой наконечникъ отъ ноженъ меча, золотая чеканная доска, служившая покрышкою для лука, другая съ ноженъ меча,—обѣ съ изображенiемъ сценъ изъ греческой миѳологiи, пять мечей съ рукоятками, покрытыми чеканнымъ золотомъ, при чемъ на четырехъ изображены грифоны и олени,

а на пятомъ превосходно вычеканено изображеніе охоты и вверху двѣ бычачьи головы безъ роговъ, много пластинокъ отъ желѣзныхъ и бронзовыхъ наборныхъ поясовъ и т. д.

Но хищники, къ счастью, не попали въ побочныя четыре гробницы, которыя выкопаны были по угламъ главной гробницы на два аршина ниже ея уровня и сообщались съ нею покатыми спусками. Въ этихъ могилахъ найдены мужскіе скелеты и женскій, повидимому царицы. Мужскіе скелеты имѣли бронзовые или золотые обручи на шеѣ, съ изображеніями львовъ на концахъ, на рукахъ золотые браслеты, на пальцахъ золотыя кольца, у пояса съ лѣвой стороны ножи съ костянымъ черенкомъ и мечи съ рукоятью, покрытою золотомъ съ грубыми изображеніями грифоновъ и оленей, на чреслахъ пояса, состоявшіе изъ бронзовыхъ пластинокъ, подлѣ колчаны съ бронзовыми стрѣлками, копья и стрѣлы съ желѣзными наконечниками; у одного остова въ головахъ лежала бронзовая чашка съ серебряными ручками и серебряный кувшинчикъ, у другихъ лежали глиняныя амфоры. У женскаго остова на шеѣ былъ найденъ золотой массивный гладкій обручъ около 1 ф. вѣсомъ съ изображеніемъ по концамъ львовъ; около ушей двѣ серьги, состоящія изъ колецъ съ семью подвѣсками каждое; на лбу золотой чеканный травами вѣнчикъ съ бляшками въ видѣ цвѣтковъ и розетокъ; около головы и всего корпуса лежали рядомъ 57 четырехугольныхъ бляшекъ съ изображеніемъ прямо сидящей женщины и стоящаго справа отъ нея мальчика—съ зеркаломъ въ рукѣ (бляшки эти служили каймою какого-либо покрова); на кистяхъ рукъ были широкіе гладкіе золотые браслеты и стеклянныя бусы, на девяти пальцахъ гладкіе золотые перстни, а на одномъ съ изображеніемъ летящей степной птицы въ родѣ драхвы и т. д. Кромѣ скелетовъ и украшеній, съ которыми были положены въ могилы трупы, въ одномъ изъ этихъ подземелій найдена была цѣлая куча золотыхъ украшеній въ видѣ пластинокъ съ изображеніями драконовъ, львовъ, оленей, травъ, цвѣтовъ, плодовъ, драконовъ, терзающихъ оленей, драконовъ, борющихся съ сфинксами; въ видѣ бляшекъ круглыхъ, четырехугольныхъ, треугольныхъ съ изображеніями медузиной головы, Геркулеса со львомъ, льва, терзающаго оленя, грифа, зайца, тельца и проч.; въ видѣ пуговицъ разной величины и формы, бусъ, украшенныхъ сканью, запонъ въ видѣ сфинксовъ и т. под. Всего найдено около 2500 предметовъ. Повидимому, всѣ эти украшенія нанизаны были на одежды, которыя повѣшены были въ этомъ подземельѣ и затѣмъ истлѣли (остались крючки, на которыхъ онѣ висѣли, и перетлѣвшія ткани). Въ другомъ подземельѣ найдена была знаменитая серебряная ваза вышиною въ аршинъ и въ діаметрѣ до девяти вершковъ съ изображеніями сценъ изъ скиѳской жизни; подлѣ нея—большая плоская чаша на поддонѣ, украшенная желобками и травнымъ узоромъ, съ двумя ручками, подъ коими изображены рельефно женскія фигуры; на ней—большая серебряная ложка съ рукоятью, украшенною въ концѣ кабаньей головой. Наконецъ,

въ этихъ же подземельяхъ найдено было нѣсколько глиняныхъ амфоръ греческой работы.

Бытъ скиѳовъ и сарматовъ. Подобныя же вещи найдены были и въ другихъ могилахъ того же типа въ Екатеринославской, Таврической, Кіевской, Полтавской и Харьковской губ. и въ области Кубанской. Всѣ эти предметы, найденные археологами подтверждаютъ и дополняютъ тѣ извѣстія о бытѣ скиѳовъ и сарматовъ, которыя мы имѣемъ отъ древнихъ писателей.

Мы видѣли, что Геродотъ восточныхъ скиѳовъ называетъ не сѣющими и не пашущими. Современникъ Геродота Гиппократъ даетъ яркое изображеніе этого быта. «Называются они кочевниками,—пишетъ онъ,—потому, что у нихъ нѣтъ домовъ, а живутъ они въ кибиткахъ, изъ которыхъ наименьшія бываютъ четырехколесныя, а другія шестиколесныя; онѣ кругомъ закрыты войлоками и устроены подобно домамъ, однѣ съ двумя, другія съ тремя отдѣленіями. Онѣ непроницаемы ни для воды, ни для снѣга, ни для вѣтровъ. Въ эти повозки запрягаютъ по двѣ и по три пары безрогихъ воловъ. Въ такихъ кибиткахъ помѣщаются женщины, а мужчины ѣздятъ верхомъ на лошадяхъ; за ними слѣдуютъ ихъ стада овецъ и коровъ, и табуны лошадей. На одномъ мѣстѣ они остаются столько времени, пока хватаетъ травы для стадъ, а когда ея не хватитъ, переходятъ въ другую мѣстность. Сами они ѣдятъ мясо, пьютъ кобылье молоко и ѣдятъ иппаку (сыръ изъ кобыльяго молока)». Съ этимъ описаніемъ сходны и описанія быта сарматовъ, даваемые Страбономъ и другими греко-римскими писателями. Археологія вполнѣ подтверждаетъ эти данныя. Почти всѣ изображенія, найденныя въ могилахъ Скиѳіи и Сарматіи, рисуютъ намъ бытъ степныхъ кочевниковъ: на Чертомлыцкой вазѣ изображены сцены прирученія коней; на бляшкахъ мы видимъ скиѳовъ, охотящихся въ степяхъ за зайцами; въ другомъ мѣстѣ 3 всадника преслѣдуютъ оленей т. д. Конь является лучшимъ товарищемъ и другомъ скиѳа, и скиѳъ не разстается съ нимъ и по смерти, кладя его съ собою въ могилу, иногда въ богатомъ золотомъ и серебряномъ уборѣ. Изображенія скиѳовъ на вазахъ и бляшкахъ и найденныя въ могилахъ вещи даютъ возможность возстановить одежду скиѳовъ: это одежда лихихъ наѣздниковъ. Скиѳы носили рубахи, не доходившія до колѣнъ, съ узкими рукавами и кожаные узкіе или матерчатые широкіе штаны. Поверхъ надѣвали или безрукавки, или короткіе кафтаны съ узкими рукавами и косыми полами, болѣе длинными спереди, чѣмъ сзади. Нѣкоторые были опушены мѣхомъ. Существенною частью скиѳской одежды былъ кожаный поясъ съ прорѣзами и пряжкой, на которомъ они носили колчанъ со стрѣлами, лукъ и мечъ. Обувью у скиѳовъ служили кожаные полусапожки, перевязанные двумя ремнями. На головѣ скиѳы носили башлыки изъ кожи или верблюжьей шерсти, состоявшіе изъ нѣсколькихъ кусковъ, при чемъ одинъ изъ нихъ закрывалъ затылокъ и спускался на спину. Цари носили повязки (діадемы) и дорогія

шапки изъ матеріи, кожи и металла, опушенныя мѣхомъ. Женщины носили длинныя одежды съ длинными узкими рукавами и головной уборъ въ родѣ кокошника. Какъ мужская, такъ и женская одежда украшалась нашитыми на нее бляшками круглой, овальной, четыреугольной формы, количество которыхъ, а равно и матеріалъ зависѣли отъ знатности лица. На одеждѣ Кульобскаго царя были повѣшены 266 золотыхъ бляшекъ вѣсомъ до $2^1/_3$ фунта въ общей сложности, а на платьѣ царицы золотыхъ бляшекъ было на $3\frac{1}{2}$ фунта (474 ш.). Кромѣ бляшекъ украшеніемъ одежды служили металлическія и стеклянныя бусы, трубочки съ каемками, пуговки, привѣски и бубенчики. Скиѳы носили также украшенія въ ушахъ въ видѣ серегъ (мужчины въ одномъ правомъ ухѣ), шейные обручи, кольца и браслеты на рукахъ. Вооруженіе скиѳовъ, по даннымъ археологическихъ раскопокъ, состояло изъ копій, мечей, топоровъ, луковъ со стрѣлами, щитовъ и латъ желѣзныхъ или бронзовыхъ.

Греческое вліяніе на бытъ скиѳовъ и сарматовъ. Украшенія, находимыя въ скиѳо-сарматскихъ могилахъ и различные предметы быта свидѣтельствуютъ о значительномъ греческомъ вліяніи на бытъ нашихъ степныхъ варваровъ. Греки, очевидно, работали на варваровъ, сбывали имъ продукты своего производства. Среди глиняныхъ сосудовъ въ могилахъ попадается очень много росписныхъ вазъ съ греческимъ клеймомъ; попадаются бронзовыя, иногда позолоченныя зеркала, костяныя пластинки съ изображеніеми сценъ изъ эллинской жизни и миѳологіи (бѣгъ колесницы, судъ Париса). Особенно замѣчательна золотая пластинка изъ Чертомлыцкаго кургана съ рельефными изображеніями національной греческой жизни. Эта пластинка изображаетъ какъ бы два этажа. Въ нижнемъ этажѣ на лѣвой сторонѣ группа женщинъ сидитъ внутри дома и прислушивается къ тому, что происходитъ въ сосѣднемъ помѣщеніи, которое представляетъ уже открытый дворикъ. Здѣсь группа изъ трехъ бесѣдующихъ мужчинъ. Средняя изъ женщинъ изображена съ сильнымъ волненіемъ на лицѣ, между тѣмъ какъ изображеніе крайняго мужчины полно равнодушія и спокойствія. Впереди мужчинъ изображена женщина съ ребенкомъ и очень печальнымъ лицомъ. Въ верхнемъ этажѣ пластинки на правой сторонѣ три фигуры, изъ которыхъ одна изображаетъ юношу въ греческомъ одѣяніи, который съ кинжаломъ въ рукѣ бросается на женщину отъ него убѣгающую, а двѣ другія фигуры, удерживаютъ юношу отъ покушенія. На лѣвой сторонѣ изображенъ мужчина, который обучаетъ натягивать лукъ маленькаго мальчика. Греки дѣлали для варваровъ вещи и съ изображеніями ихъ собственной варварской жизни или же сценъ столкновенія варваровъ и грековъ. Сцены изъ варварскаго быта изображены на Чертомлыцкой и Кульобской вазахъ. Чертомлыцкая серебряная ваза имѣетъ форму амфоры и была предназначена, вѣроятно, для вина: внутри ея шейки придѣлано мелкое ситечко, а въ нижней части три носика; одинъ въ видѣ окрыленной лошадиной головки,

а два въ видѣ львиныхъ головокъ. Подножіе, шейка, ручки и всѣ украшенія густо вызолочены. Корпусъ вазы покрытъ условными, стилизованными изображеніями травянистой растительности въ перемежку съ совершенно реальными изображеніями дикихъ голубей и журавлей. Фризъ занятъ сценами степной жизни. На первомъ планѣ изображены двѣ спокойно пасущіяся лошади. Направо молодой скиѳъ, припавъ на одно колѣно, арканомъ старается удержать бѣгущую отъ него лошадь; налѣво то же самое дѣлаетъ пожилой скиѳъ, откинувшись назадъ и присѣвъ на корточки. Въ верхней части фриза два скиѳа спереди и одинъ сзади обуздываютъ коня; рядомъ справа спокойно стоящій скиѳъ вынимаетъ что-то изъ мѣшка; за нимъ скиѳъ стреноживаетъ усталаго коня; на лѣвой сторонѣ скиѳъ, держа за узду коня одною рукою, другою поднимаетъ ему ногу для осмотра. Надъ этими сценами изображены два грифона, терзающихъ оленя. Всѣ фигуры—изъ литого серебра, прикрѣплены къ полю фриза (въ настоящее время не сохранились нити, изображавшія арканы и уздечки); изображенія сдѣланы художественно, вычерчены отчетливо всѣ детали. На Кульобской вазѣ (II—I вѣка до Р. Х.) изображены сцены изъ военной жизни. Царь въ золотой діадемѣ съ усталымъ лицомъ, опершись на копье, сидитъ на возвышеніи и выслушиваетъ вѣстника, стоящаго предъ нимъ на колѣняхъ, опершись на щитъ; рядомъ сидящій скиѳъ натягиваетъ на лукъ соскочившую тетиву; затѣмъ изображенъ скиѳъ, который запустилъ другому въ ротъ пальцы и изслѣдуетъ челюсть, причиняя больному большія страданія; далѣе одинъ скиѳъ перевязываетъ другому узкою тесьмою раненую ногу. Сцены изъ борьбы скиѳовъ и грековъ изображены на золотой пластинкѣ ноженъ меча изъ Чертомлыцкаго кургана. Предводитель грековъ зоветъ впередъ своихъ отставшихъ воиновъ; въ это время предводитель скиѳовъ пытается нанести греку ударъ мечомъ. Слѣдующая сцена—скиѳъ хочетъ проткнуть копьемъ раненаго молодого грека, котораго пытается унести другой грекъ. На слѣдующей группѣ грекъ мечомъ поражаетъ уже раненаго скиѳа, который отбивается отъ него топоромъ; на помощь скиѳу несется всадникъ съ копьемъ; но лошадь его споткнулась. За этою группою изображена сцена перевязки ноги у раненаго грека, на лицѣ котораго изображено большое страданіе. Въ концѣ изображена убѣгающая лошадь, сбросившая съ себя воина, который лежитъ ничкомъ на землѣ. Украшая вещи реальными сценами изъ скиѳскаго быта, греческіе художники на ряду съ этимъ угождали вкусу варваровъ и условными орнаментами, въ родѣ, напр., вышеупомянутыхъ грифоновъ, растеній и т. подоб. Этотъ орнаментъ, имѣющій много общаго съ искусствомъ средней Азіи, повидимому, приходилъ къ скиѳамъ съ востока, отъ ихъ единоплеменниковъ, съ которыми они имѣли сношенія. Восточный вкусъ сказался также и въ пестрой орнаментаціи золотыхъ и бронзовыхъ издѣлій драгоцѣнными камнями и цвѣтными стеклами.

Есть данныя думать, что не всѣ вещи, находимыя въ скиѳо-сармат-

скихъ могилахъ, были привознаго происхожденія. На одной металлической пластинкѣ съ изображеніемъ льва и пяти другихъ животныхъ стоитъ греческая надпись Πορνάχο. Повидимому, это—имя мастера, который дѣлалъ пластинку, и хотя оно изображено греческими буквами, но несомнѣнно варварское (аналог. Фарнакъ). На одномъ сосудѣ прямо подписано по гречески: ξηβανοχουταρούλας ἐποίει, т.-е. Ксебанокутарулась сработалъ. Имя это также варварское, а не греческое. Очевидно, скиѳы и сарматы, проживая въ греческихъ колоніяхъ, научались тамъ мастерствамъ разнаго рода. Возможно, что у нихъ были и свои собственныя техническія знанія, развившіяся въ общеніи съ восточными соплеменниками. Къ туземнымъ скиѳскимъ произведеніямъ относятся, повидимому, бронзовые и мѣдные сосуды на довольно высокихъ ножкахъ, иногда украшенныя сверху рельефными фигурами барана, овцы, а иногда просто орнаментомъ. Это, быть можетъ, были тѣ самые котлы, въ которыхъ, по сообщенію Геродота, скиѳы варили мясо жертвенныхъ животныхъ.

Обратное вліяніе скиѳовъ и сарматовъ на бытъ греческихъ колоній. Скиѳы и сарматы не только воспринимали культурное вліяніе грековъ, но и въ свою очередь оказывали извѣстное вліяніе на укладъ греческой жизни на берегахъ Понта Евксинскаго. Культурный синкретизмъ можно замѣтить не только въ жизни скиѳовъ и сарматовъ, но и въ жизни самихъ грековъ. Этотъ синкретизмъ происходилъ отъ племенного сближенія грековъ и варваровъ. Уже Геродотъ отмѣчалъ это племенное сближеніе, указывая на эллиновъ-скиѳовъ, обитавшихъ вблизи Ольвіи, на дворецъ скиѳскаго царя въ Ольвіи. Но явственнѣе всего этотъ фактъ проявлялся въ такъ называемомъ *Боспорскомъ* царствѣ.

Ядромъ этого царства была греческая колонія Пантикапея. Къ ней еще въ V вѣкѣ присоединился городъ Нимфея, входившій въ составъ Делосскаго союза, а въ IV в. Ѳеодосія, вслѣдствіе чего архонты Пантикапеи превратились въ архонтовъ Боспора и Ѳеодосіи. Эти архонты покорили цѣлый рядъ варварскихъ племенъ, жившихъ по сосѣдству, и сдѣлались такимъ путемъ архонтами и царями. Вслѣдствіе объединенія подъ одною властью грековъ (къ комплексу Пантикапея, Нимфея и Ѳеодосія присоединились еще Фанагорія и Горгиппія, нынѣ Анапа) и варваровъ измѣнился совершенно внутренній жизненный строй въ Боспорѣ Киммерійскомъ. Вмѣсто обычной греческой городской республики здѣсь установилась съ теченіемъ времени монархія восточнаго пошиба. Вещественные памятники Боспорскаго царства обнаруживаютъ сильную варварскую стихію въ его жизни. Въ керченскихъ катакомбахъ римской эпохи мы видимъ изображенія не грековъ-горожанъ, а степныхъ помѣщиковъ-коневодовъ и землевладѣльцевъ, отстаивающихъ свое достояніе своими войсками, дружинами и отрядами. Эти люди не чистые греки. Анализъ именъ, сохранившихся на нѣкоторыхъ надгробныхъ плитахъ, свидѣтельствуетъ объ ихъ иранскомъ, т.-е. скиѳо-сарматскомъ происхожденіи. Уборы бо-

гатыхъ покойниковъ, находимые въ катакомбахъ, всѣ эти шапки, діадемы, обиліе золотыхъ украшеній, говорятъ также о варварствѣ обитателей Пантикапеи. Грековъ и варваровъ сблизило не столько подчиненіе одной власти, сколько общая экономическая дѣятельность. Боспорское царство было крупнымъ производителемъ и экспортеромъ хлѣба и рыбы. Ежегодно вывозилось отсюда въ Аѳины около 400 т. медимновъ хлѣба. Хлѣбъ этотъ производился окрестными варварами—таврами, скиѳами и сарматами, покупался и перепродавался греками. Это экономическое общеніе тѣсно сближало грековъ и варваровъ и приводило къ ихъ племенному сліянію. Племенной и культурный санкретизмъ открывается и въ другихъ греческихъ колоніяхъ нашего юга. Въ этомъ отношеніи особенно поучительнымъ является разсказъ Діона Хризостома, посѣтившаго Ольвію въ 100 году по Р. Х. По его словамъ, жители Оливіи уже не чисто говорили по-гречески, живя среди варваровъ, хотя и не утратили племенного чувства и знали почти всю Иліаду наизусть, боготворя ея героевъ, больше всего Ахилла. Одѣвались они уже по-скиѳски, нося шаровары и плащи чернаго цвѣта. Непрерывно вели они борьбу съ варварами, которые затопляли и разоряли ихъ города, но вмѣстѣ съ тѣмъ пріѣзжали къ нимъ торговать и т. д. Такимъ образомъ, на югѣ нашей страны совершался тотъ же самый процессъ эллинизаціи варваровъ и варваризаціи эллиновъ, который происходилъ и въ странахъ передней Азіи и Египта, особенно со временъ походовъ Александра Великаго и широкаго разсѣянія грековъ въ предѣлахъ бывшаго Персидскаго царства. На югѣ нашей страны вырабатывалась особая разновидность такъ называемой эллинистической культуры.

Эта культура, несмотря на то, что была сметена приливомъ въ наши степи новыхъ варваровъ тюркскаго племени, не осталась безъ значенія и вліянія и для жизни русскаго народа. Ея сѣмена отъ обитателей нашихъ степей заносились далеко на сѣверъ, въ лѣсныя области, къ тѣмъ племенамъ, которыя поглотила въ себѣ впослѣдствіи русская народность. Такимъ путемъ эллино-скиѳо-сарматскій міръ принимаетъ извѣстное участіе въ культурной доисторической подготовкѣ нашей народности.

Сѣверные сосѣди скиѳовъ и сарматовъ. Какія же племена жили къ сѣверу отъ скиѳовъ и сарматовъ? Геродотъ называетъ *невровъ*, жившихъ на сѣверъ отъ верховьевъ Днѣпра, *андрофаговъ*, живущихъ по среднему Днѣпру, *меланхленовъ* (черноризцевъ) — на востокъ отъ андрофаговъ, *будиновъ*, живущихъ на сѣверъ отъ савроматовъ. Но что это были за племена, и въ какомъ отношеніи стоятъ они къ позднѣйшему населенію нашихъ лѣсныхъ пространствъ, на этотъ вопросъ мы не можемъ отвѣчать по состоянію историческихъ свѣдѣній. Первыя опредѣленныя свидѣтельства о населеніи нашихъ лѣсныхъ пространствъ имѣются отъ римскихъ и греческихъ писателей I и II вв. по Р. Х. По словамъ Плинія Старшаго († 79 по Р. Х.), возлѣ Вислы, которая была границею Сарматіи, жили венеды. Тацитъ († 100 по Р. Х.) говоритъ, что венеды

были разсѣяны на огромномъ пространствѣ къ востоку отъ Вислы, между певкинами, обитавшими у устья Дуная, и финнами. Александрійскій географъ и астрономъ Птоломей († 175 по Р. Х.) помѣщаетъ венедовъ среди великихъ народовъ Сарматіи, т.-е. восточной Европы, вокругъ Венедскаго залива (т.-е. Балтійскаго моря). Подъ именемъ венедовъ выступаютъ впослѣдствіи западные, преимущественно прибалтійскіе славяне. Но несомнѣнно, что это имя нѣкогда было общимъ для всѣхъ славянъ: у Эстонской Чуди земля славянская и теперь называется vanõ, а славянинъ väne. Имя «анты», которымъ обозначаются черноморскіе славяне у писателей VI вѣка по Р. Х., повидимому, есть не что иное, какъ варіація того же самаго имени «венедовъ». Кромѣ венедовъ, Птоломей обозначаетъ обитателями Балтійскаго побережья—судиновъ и галиндовъ, въ которыхъ изслѣдователи видятъ литовцевъ (впослѣдствіи такія имена носятъ вѣтви пруссовъ).

Итакъ, три группы племенъ, кромѣ уже перечисленныхъ нами грековъ, скиѳовъ и сарматовъ, выдвигаются древнѣйшими историческими свидѣтельствами въ восточной Европѣ—славяне, литовцы и финны. Какъ же далеко распространялись въ скиѳо-сарматскую эпоху эти племена въ восточной Европѣ?

Славянская прародина. Ученые, опредѣляя по даннымъ географической номенклатуры и могильнымъ раскопкамъ, по даннымъ сравнительнаго языковѣдѣнія исконное мѣстожительство славянъ въ Европѣ, склонны въ настоящее время думать, что эта «славянская прародина» захватывала бассейнъ Вислы, Карпатскую горную страну, бассейнъ Припяти, средняго Днѣпра съ низовьями Березины и Десны включительно и верховья Днѣстра и Ю. Буга. На сѣверѣ славянскія поселенія стыкались и мѣшались съ поселеніями литвы, на востокѣ съ поселеніями литвы и финновъ, а на югѣ оканчивались приблизительно на границѣ лѣса и степи. Въ самое послѣднее время нѣкоторыми филологами (акад. Шахматовымъ) выдвинуто мнѣніе, что славяне передвинулись въ очерченную территорію съ бассейна нижняго Нѣмана и Западной Двины, помѣнявшись мѣстами съ жившими южнѣе ихъ финнами и литовцами. Но это мнѣніе, опирающееся главнымъ образомъ на филологическихъ соображеніяхъ, пока еще остается въ стадіи гипотезы, нуждающейся въ дальнѣйшихъ разъясненіяхъ.

Мѣстожительство литвы. Что касается литовской народности, то въ XI—XIII вѣкахъ областью ея распространенія является бассейнъ Нѣмана. Но есть основанія думать, что первоначальная территорія литвы была шире, захватывала лѣвые притоки Припяти, теченіе Березины, бассейнъ З. Двины, верхняго Днѣпра и отчасти верхнеокскій бассейнъ. Изслѣдователями обращено было вниманіе на тотъ фактъ, что рѣки, протекающія на территоріи нашихъ дреговичей, кривичей и частью вятичей, имѣютъ большею частью неславянскія названія, данныя имъ, очевидно, прежними насельниками. Анализируя эти названія, изслѣдователи открываютъ во многихъ изъ нихъ литов-

скіе корни; между прочимъ имя Упы прямо выводится изъ литовскаго нарицательнаго имени *upe*, что значитъ рѣка. Но такъ какъ на этой же территоріи находятся рѣки съ финнскими кличками на ва, га, за, ма, ра, са, ша, (напр. Зельва, Русса—системы Нѣмана, Дрисса и Обша—системы З. Двины, Вязьма—системы Днѣпра), отсюда вытекаетъ предположеніе, что литовцы жили въ этихъ мѣстностяхъ въ перемежку съ финнами. Въ пользу этого предположенія говоритъ и тотъ фактъ, что въ языкѣ финновъ не только западной группы (эстонцевъ и финновъ) но и восточной (мордвы) существуетъ не мало словъ, заимствованныхъ изъ литовскаго языка. Значитъ, было время, когда и восточные финны были въ общеніи съ литвой. Часть литовцевъ, быть можетъ, продвинулась и дальше на востокъ. Въ бассейнѣ Цны, близъ Тамбова, найденъ могильникъ съ такими же вещами, которыя находятся въ могильникахъ области латышей.

Область распространенія финновъ. Иранское вліяніе. Эта область была также гораздо шире въ скиѳо-сарматскую эпоху, чѣмъ впослѣдствіи. Если финны были извѣстны римлянамъ и грекамъ, надо думать, что они не были тогда заброшены въ сѣверныхъ областяхъ но жили гораздо южнѣе, соприкасаясь съ населеніемъ степей. Финнское имя Волги—«Ра» у Птоломея говоритъ въ пользу этого предположенія. Къ тому же самому ведетъ и современная гидрографическая номенклатура восточной Европы.

Въ лѣсной области Европейской. Россіи мы находимъ множество рѣкъ съ окончаніями на ва, га, за, ма, ра, са, ша. Имена всѣхъ этихъ рѣкъ звучатъ не по-славянски и не могли быть даны славянами. Славяне, очевидно, получили ихъ уже въ готовности отъ народовъ, которые здѣсь жили до и во время разселенія славянъ. Какіе же это могли быть народы? Уже географы сдѣлали наблюденіе, что рѣки съ названіями на вышеприведенныя окончанія распространены преимущественно въ областяхъ, занятыхъ финнами. Филологи (Шегренъ, Веске и др.) указали, что такія названія могли быть даны финнами. Но рѣки съ подобными названіями мы встрѣчаемъ и въ тѣхъ областяхъ, гдѣ застаемъ славянскія племена радимичей, сѣверянъ и вятичей. Таковы: Вехра (притокъ Сожа), Неруса съ Сѣвою (притоки Сейма)—системы Днѣпра; Крома, Зуша, Угра, Жиздра—системы Оки и т. д. Самая Ока значитъ по фински рѣка (Йоки). Все это указываетъ, что финны до разселенія славянъ жили гораздо южнѣе, чѣмъ позже, въ начальныя времена нашей исторіи. При этомъ несомнѣнно они стыкались непосредственно съ иранскими народностями, жившими во время оно на югѣ нашей страны. Этимъ и объясняется тотъ фактъ, что въ финнскихъ языкахъ встрѣчаются корни и даже цѣлыя слова иранскаго происхожденія. По этимъ заимствованнымъ словамъ изслѣдователи заключаютъ о сильномъ иранскомъ вліяніи на бытъ и культуру финновъ. При посредствѣ иранцевъ финны ознакомились съ металлами—прежде всего мѣдью, а затѣмъ золотомъ (зарни), серебромъ (вотяц.—азвесь, зырян.—

езис, венгер. — ezüst, осет.—äзвист) и др. Иранцы ознакомили финновъ съ начатками земледѣлія и домашними животными—коровами и овцами. Заимствованный терминъ для обозначенія владыки—князя, хозяина (öksej) даетъ основаніе думать, что, по крайней мѣрѣ, часть финновъ пережила періодъ нѣкоторой зависимости отъ иранцевъ. Если такъ, то возможно, что и въ томъ конгломератѣ народностей, который Геродотъ обозначалъ однимъ именемъ «скиѳы», были также и финскія племена. Вслѣдствіе дальняго сравнительно съ нынѣшнимъ распространенія на югъ финны отчасти раздѣлили съ сарматами ихъ судьбу при нашествіи гунновъ, именно оттѣснены были частью на югъ, на Кавказъ. Примѣсью этихъ финнскихъ элементовъ и объясняется, повидимому, родство языка одного лезгинскаго народца—удиновъ съ языкомъ мордвы и вотяковъ, которые, кстати сказать, и называютъ себя *уды, удъ—муртъ*.

Итакъ, разсмотрѣнныя нами историческія свидѣтельства и лингвистическіе аргументы приводятъ къ утвержденію, что до конца IV вѣка по Р. Хр. славянъ не было въ южныхъ степныхъ областяхъ нынѣшней Европейской Россіи, что они держались въ западной части лѣсной области, занимая бассейнъ Вислы, верхняго Днѣстра и правыхъ притоковъ Припяти, нижней Березины и Десны, на пограничьѣ, вѣроятно, мѣшаясь съ сосѣдями: на сѣверѣ и востокѣ съ литвою и финнами, на югѣ—съ сарматами и частью съ германцами (готами), стремясь, вѣроятно‘ расширить на ихъ счетъ свою осѣдлость. Великія народныя передвиженія, происходившія въ концѣ IV, въ V и VI вѣкахъ, дали просторъ этому стремленію, и территорія славянской осѣдлости въ восточной Европѣ за это время и непосредственно затѣмъ, въ VII—IX вѣкахъ увеличилась до громадныхъ размѣровъ.

О скиѳо-сарматской культурѣ, кромѣ упомянутыхъ уже трудовъ Забѣлина, Грушевскаго и Багалѣя, свѣдѣнія можно почерпнуть въ трудахъ:

Кондаковъ и Толстой, Русскія древности въ памятникахъ искусства, вып. II—III. СПБ. 1889.

Древности Геродотовой Скиѳіи, изд. Импер. Археол. Комиссіи. I—II.

По вопросу о первоначальномъ жительствѣ славянъ, литовцевъ и финновъ, кромѣ трудовъ Грушевскаго и Багалѣя см.:

Lubor Niederle, Slovanské starožitnosti, I—II. Praha 1902—1904.

Надеждинъ, Опытъ исторической географіи русскаго міра (Библіотека для Чтенія 1837, № 7).

Веске, Славяно-финскія отношенія по даннымъ языка (Извѣстія Общества Археологіи, Исторіи и Этнографіи при Импер. Казанскомъ Университетѣ т. VIII).

Бар. Р. Штакельбергъ, Ирано-финскія лексикальныя отношенія. (Труды Восточной Комиссіи Импер. Москов. Археолог. Общества т. I.).

А. А. Кочубинскій, Территорія доисторической Литвы (Журн. Мин. Народн. просв. 1897, № 1).

IV.

Великое переселеніе народовъ въ восточной Европѣ и славянское разселеніе.

Нашествіе гунновъ и вытѣсненіе населенія степей. Въ послѣдней четверти IV вѣка по Р. X. въ наши степи нахлынулъ съ востока новый народный потокъ — пришли *гунны*. Китайцамъ эти гунны извѣстны были задолго до Р. X., какъ кочевые обитатели Монголіи. Постоянныя нападенія этихъ Hiung-nu и заставили китайское правительство создать тѣ исполинскія укрѣпленія, которыя всѣ въ совокупности составили извѣстную великую стѣну. Въ послѣдующіе вѣка часть этихъ гунновъ передвигалась на западъ. По извѣстію одного географа II вѣка (Діонисія Періэгета), гунны уже пребывали на западномъ берегу Каспійскаго моря; армянскіе писатели знаютъ ихъ подъ именемъ *ункъ*; зналъ ихъ, повидимому, и Птоломей. Затѣмъ они появляются уже недалеко отъ Дона, къ сѣверо-востоку и востоку отъ него. Около 370 года гунны разгромили алановъ, жившихъ около Мэотиды и на лѣвомъ берегу Дона, массу ихъ перебили, остальныхъ увлекли за собою и съ увеличенными силами набросились на остготовъ, жившихъ въ Приднѣпровьѣ.

По словамъ готскаго историка Іорнанда, подвластные готамъ роксаланы отдѣлились отъ нихъ при приближеніи гунновъ и соединились съ этими варварами. Остготы сами попали подъ власть гунновъ, хотя сохранили своихъ королей, но до самой смерти Атиллы (453 г.) должны были ходить въ гуннскихъ полчищахъ даже противъ своихъ соплеменниковъ вестготовъ. Послѣдніе, преслѣдуемые гуннами, которые истребляли ихъ съ страшною жестокостью, въ количествѣ 200 т. человѣкъ переправились на южный берегъ р. Дуная и выпросили у императора Валента позволеніе поселиться въ Ѳракіи (въ 376 г.). Позже и остготы передвинулись изъ черноморскихъ степей въ придунайскія области. На Черноморьѣ удержались только небольшіе остатки готовъ въ Крыму и около Керченскаго пролива (готы-тетракситы). За готами передвинулись въ среднедунайскія степи и гунны, увлекая за собою алановъ, геруловъ и другія племена, ранѣе обитавшія въ нашихъ южныхъ степяхъ. Въ V вѣкѣ уже застаемъ гуннскую орду на территоріи между Дунаемъ и Тиссою, гдѣ передъ этимъ жили языги.

Извѣстія современниковъ о наружности и бытѣ гунновъ. Гунны сдѣлались такимъ образомъ сосѣдями восточной Римской имперіи. Римляне поспѣшили войти съ ними въ дружественныя отношенія и пользовались ихъ помощью противъ другихъ варваровъ и во внутреннихъ усобицахъ. Римляне и греки имѣли, такимъ образомъ, возможность хорошо ознакомиться съ этими варварами, и потому свѣдѣнія, сообщаемыя о гуннахъ

римскими и греческими писателями, являются особенно цѣнными. Больше другихъ сообщаетъ о гуннахъ Амміанъ Марцеллинъ. «Когда родятся у нихъ дѣти мужескаго пола,—пишетъ онъ,—они изрѣзываютъ имъ щеки, чтобы уничтожить всякій зародышъ волосъ. Поэтому всѣ гунны растутъ и старѣютъ безбородыми, отвратительные и безобразные на видъ, какъ евнухи. Однако у всѣхъ нихъ коренастый станъ, члены сильные, шея толстая, голова огромная; спина такъ сутуловата, что придаетъ строенію ихъ тѣла что-то сверхъестественное. Я сказалъ бы скорѣе, что это двуногія животныя, а не люди, или каменные столбы, грубо вытесанные въ образъ человѣка, которые выставляются на мостахъ. Этой отвратительной внѣшности соотвѣтствуютъ ихъ повадки, свойственныя скоту: пищу они ѣдятъ не вареную и ничѣмъ не приправленную; взамѣнъ обыкновенныхъ съѣстныхъ припасовъ они довольствуются дикими кореньями и мясомъ перваго попавшагося животнаго, которое кладутъ себѣ подъ сидѣнье на лошади и такъ размягчаютъ. У нихъ нѣтъ домовъ, хотя бы тростниковыхъ шалашей, и никакая кровля ихъ не укрываетъ. Они живутъ, кочуя среди лѣсовъ и горъ, закаленные отъ холода и голода. Они носятъ одежду въ родѣ туники изъ холста или мѣха и, разъ продѣвши въ нее голову, не спускаютъ ее съ плечъ, пока сама не свалится лохмотьями. Голову покрываютъ мѣховыми шапками съ опушкою и свои волосатыя ноги обертываютъ козлиною шкурою. Такая обувь, конечно, затрудняетъ ходьбу, отчего они вообще неспособны сражаться на ногахъ, пѣшими. Зато на своихъ лошадяхъ нескладныхъ, но крѣпкихъ, они точно прикованы; исправляютъ на ихъ спинахъ всякаго рода дѣла, иногда сидя по-женски. День и ночь они живутъ на лошади, на ней продаютъ и покупаютъ; такъ и спятъ, прилегши только къ сухопарой шеѣ своего коня и грезятъ тамъ преспокойно. На лошадяхъ же они разсуждаютъ сообща о всякихъ своихъ дѣлахъ. Царской власти они не знаютъ, но подчиняются избраннымъ вождямъ». Разсказавъ о стремительности ихъ нападенія, о мѣткости ихъ стрѣльбы и о ловкости въ накидываніи аркановъ, Амміанъ Марцеллинъ продолжаетъ: «хлѣбопашествомъ гунны не занимаются и никто изъ нихъ не дотрагивается до плуга. Всѣ они, безъ крова, безъ отчизны, безъ всякой привычки къ осѣдлому быту, блуждаютъ въ пространствѣ, какъ будто все бѣгутъ дальше, перевозя за собою свои повозки, гдѣ ихъ жены работаютъ имъ одежду, родятъ и воспитываютъ ихъ дѣтей... Непостоянные и вѣроломные въ договорахъ, гунны тотчасъ же перемѣняютъ свой образъ дѣйствій, какъ скоро почуютъ, гдѣ прибыль, они не больше звѣрей понимаютъ, что честно и что безчестно. Самый разговоръ они ведутъ двусмысленно и загадочно. Никакая религія не связываетъ ихъ ничѣмъ. Они ни во что не вѣрятъ и поклоняются только одному золоту. Нравы ихъ такъ непостоянны и сварливы, что въ одинъ и тотъ же день они безъ всякаго повода и ссорятся и мирятся»

Атилла и его станъ. Римляне платили имъ ежегодную дань, чтобы они не нападали на предѣлы имперіи. Но это, однако, не всегда гаран-

тировало отъ нападеній варваровъ. Нападенія эти участились въ особенности съ той поры, когда вождемъ гунновъ сталъ Атилла. Онъ нѣсколько разъ изъ-за Дуная навѣщалъ съ своими полчищами области восточной имперіи и страшно опустошалъ ихъ. Между прочимъ грозилъ онъ этимъ областямъ войною и въ 448 году. Чтобы предотвратить бѣду византійскій дворъ снарядилъ къ Атиллѣ посольство съ богатыми дарами и съ просьбою о мирѣ. Въ составѣ этого посольства былъ Прискъ, который и составилъ чрезвычайно любопытное описаніе своего путешествія въ станъ Атиллы и сообщилъ нѣкоторыя данныя о гуннахъ.

Атилла встрѣтилъ посольство недалеко отъ Дуная, на лѣвомъ берегу его. Послы послѣдовали за нимъ далѣе на сѣверъ въ его резиденцію. На пути имъ пришлось переправляться черезъ нѣсколько значительныхъ рѣкъ. Ихъ перевозили береговые жители на лодкахъ однодеревкахъ и на плотахъ. Въ селеніяхъ отпускали имъ въ пищу вмѣсто пшеницы—просо, вмѣсто вина такъ называемый у туземцевъ *медосъ*. Служители пословъ получали то же просо и питье, добываемое изъ ячменя, которое варвары называютъ *камосъ*.«Переѣхавъ черезъ нѣкоторыя рѣки,—продолжаетъ Прискъ,—мы прибыли въ одно огромное селеніе, въ которомъ былъ дворецъ Атиллы. Этотъ дворецъ, какъ увѣряли насъ, былъ великолѣпнѣе всѣхъ дворцовъ, какіе имѣлъ Атилла въ другихъ мѣстахъ. Онъ былъ построенъ изъ бревенъ и досокъ, искусно вытесанныхъ, и обнесенъ деревянною оградою, болѣе служащею къ украшенію. нежели къ защитѣ... Внутри ограды было много домовъ; одни выстроены изъ досокъ, красиво соединенныхъ, съ рѣзною работою, другіе изъ тесанныхъ и выравненныхъ бревенъ, вставленныхъ въ брусья, образующіе кругъ». «Атилла,—по словамъ Приска,—былъ малъ ростомъ, грудь у него была широкая, голова большая, маленькіе глазки, борода рѣдкая, волосы съ просѣдью; былъ онъ черенъ и курносъ, какъ и вся его порода».

Распаденіе державы Атиллы; болгары и авары въ южныхъ степяхъ восточной Европы. Атилла послѣ посѣщенія Приска прожилъ только пять лѣтъ. Іорнандъ разсказываетъ, что по смерти Атиллы на его могилѣ, по обычаю гунновъ, былъ великій пиръ, называемый по мѣстному *страва*. Гунны воспѣвали славу и подвиги умершаго и много пили. Они предавались попеременно противоположнымъ чувствамъ, и въ печальный обрядъ вмѣшивали разгулъ общаго пиршества. Со смертію Атиллы гуннская орда распалась, ибо между его сыновьями начались распри и усобицы. Подвластные гуннамъ народы возстали противъ нихъ и выбили гуннскую орду изъ Панноніи. Часть гунновъ поселилась на правомъ берегу Дуная въ такъ называемой Малой Скиѳіи (Добруджѣ) и въ римскихъ провинціяхъ, подъ римскимъ владычествомъ. Часть ушла за Дунай, обратно въ Черноморскія степи. Іорнандъ говоритъ, что они заняли тѣ части Скиѳіи, черезъ которыя проходитъ теченіе рѣки Днѣпра, называемой гуннами на ихъ языкѣ Варъ.

Вслѣдъ за гуннскою ордою въ нашихъ степяхъ выступаетъ въ концѣ V вѣка орда *болгарская*. Современники (напр., писатель VI вѣка Прокопій) считали болгаръ тѣми же самыми гуннами. Можетъ быть это и не были гунны изъ орды Атиллы, но весьма вѣроятно, что это было родственное гуннамъ племя, и что гунны Атиллы слились съ этою новою ордою. Остатки языка дунайскихъ болгаръ (особенно личныя имена и титулы), а также извѣстія объ ихъ бытѣ говорятъ за то, что это была тюркская орда или, по крайней мѣрѣ, стоявшая подъ очень сильными вліяніями тюркской культуры. Въ VI вѣкѣ болгары дѣлились уже на двѣ вѣтви—кутургуровъ, жившихъ на западъ отъ р. Дона, и утургуровъ, жившихъ за Дономъ около Мэотиды. Съ самаго конца V вѣка болгары почти непрерывно нападали на византійскія земли, при чемъ въ этихъ нападеніяхъ участвовали и славяне. Въ половинѣ VI вѣка Византія платила болгарамъ-кутургурамъ ежегодную значительную дань, но все же они постоянно опустошали придунайскія земли.

Въ половинѣ VI вѣка продвинулись черезъ наши степи въ сосѣдство съ восточною имперіею *авары* (обры нашей лѣтописи). Аварская орда была безспорно тюркскаго происхожденія. Это были близкіе родичи и земляки гунновъ. Они и называются въ источникахъ аваро-гуннами: варъ-гунны, варъ-хониты. Такое племя обмонголившихся турковъ—уаръ-гунны до сихъ поръ извѣстно въ западной Монголіи. Въ 60-хъ годахъ VI вѣка авары завязали сношенія съ Византіею и стали требовать и себѣ такихъ же подарковъ, какіе получали отъ Византіи болгары. Этотъ «союзъ» былъ принятъ византійцами, и авары наняты были для борьбы съ врагами Византіи. Отъ современнаго историка Менандра мы узнаемъ, что авары воевали послѣ того съ какими-то савирами и утургурами и затѣмъ съ славянами-антами. По приглашенію императора Юстина они воевали съ франками, затѣмъ принимали участіе въ борьбѣ лангобардовъ съ гепидами на среднемъ Дунаѣ (567 г.). Истребивъ гепидовъ, авары по договору съ лангобардами поселились на ихъ мѣстѣ, вмѣстѣ со своими союзниками болгарами-кутургурами. Такъ какъ вскорѣ же, въ 568 году, лангобарды двинулись въ Италію, авары остались господами всей средне-дунайской низменности. Вторженіе аваровъ не прошло безслѣдно для болгарскихъ ордъ нашего юга. Авары раздробили восточную ихъ вѣтвь. Часть ихъ отступила на сѣверъ—осѣла на средней Волгѣ и нижней Камѣ и, спаявшись здѣсь съ финнами, основала Болгарское царство, выступающее потомъ въ извѣстіяхъ IX и X вѣковъ. Часть отодвинулась на югъ и расположилась на восточномъ побережьѣ Мэотиды (позднѣйшіе черные болгары), гдѣ были покорены хазарами (въ концѣ VI в.) Западныя орды частью ушли съ аварами въ Паннонію, а частью расположились въ такъ называемомъ «Углу» (Ὄγγλος), между Днѣстромъ и Дунаемъ, «въ безопасномъ и неприступномъ со всѣхъ сторонъ мѣстѣ», защищенномъ болотами и рѣками. Нѣкоторое время эти болгары находились въ зависимости

отъ аваровъ, но въ 630 году они освободились отъ нея и вступили въ союзныя отношенія къ Византіи. Но эти мирныя отношенія продолжались недолго. Болгары стали нападать на византійскія земли, а затѣмъ около 670 года, подъ предводительствомъ Аспаруха, перешли Дунай и поселились въ Мизіи. Подчинивъ здѣсь семь племенъ славянскихъ, они основали Дунайское Болгарское царство, въ которомъ болгарская орда черезъ нѣсколько поколѣній совершенно растворилась въ массѣ славянскихъ поселенцевъ.

Начало разселенія славянъ. Описанныя передвиженія тюркскихъ племенъ, происходившія въ южныхъ степяхъ Россіи, имѣли важныя послѣдствія и для славянскаго племени. Прежде всего они выбили часть славянства, вѣроятно, ту самую, которая наиболѣе выдвинулась на югъ въ сосѣдство съ сарматами, изъ его мѣстожительства и увлекли на западъ. Разсказъ Приска даетъ полное основаніе думать, что Паннонія въ V вѣкѣ была наводнена не только гуннами, но и славянами (а также и готами). Перевозчики, угощавшіе византійскихъ пословъ медомъ и просомъ, были несомнѣнно славяне. Повидимому, славяне же и построили деревянныя хоромы для царя кочевниковъ Атиллы. Но самое главное—передвиженія тюркскихъ ордъ смели то осѣдлое и полуосѣдлое населеніе, которое къ тому времени такъ или иначе успѣло утвердиться по степямъ нашего юга. Осѣдлое населеніе въ нашихъ степяхъ передъ этимъ составляли германскія племена—готовъ и геруловъ, а также, повидимому, и нѣкоторыя иранскія племена. Готы и герулы, какъ уже сказано, ушли на западъ, а частью были истреблены. Сарматскія племена также отчасти были истреблены, отчасти спаслись на западъ и на Балканскій полуостровъ; кромѣ того, остатки аланъ удержались на Дону и въ Предкавказьѣ (ясы нашей лѣтописи, позднѣе—осетины). Съ изчезновеніемъ осѣдлаго населенія и главныхъ массъ кочевниковъ изъ южнорусскихъ степей, и двинулись въ нихъ славяне, потревоженные, всколыхнутые въ своемъ старомъ мѣстопребываніи проходившими мимо нихъ народными потоками. Славянская колонизація направилась двумя путями—на югъ къ Черному морю и Дунаю, и на востокъ, обходя ближайшія побережья Азовскаго моря и низовья Дона, гдѣ владычествовали кочевники. Объ успѣхахъ этой колонизаціи въ половинѣ VI вѣка даютъ свѣдѣнія современные историки: готскій Іорнандъ († послѣ 552 г.) и византійскій Прокопій († 562 г.). Іорнандъ (De Getharum origine et rebus gestis, cap. V) сообщаетъ: «къ Дунаю прилегаетъ Дакія, какъ вѣнцомъ огражденная высокими горами, по лѣвой сторонѣ которыхъ и отъ верховья рѣки Вислы на неизмѣримомъ пространствѣ обитаетъ великій народъ винидовъ. Хотя имя ихъ и мѣняется теперь въ зависимости отъ племенъ и мѣстъ, но главныя названія ихъ—склавины и анты. Склавины живутъ отъ города Новіодунскаго и такъ называемаго озера Мурсійскаго до Днѣстра и на сѣверъ до Вислы; анты же, храбрѣйшіе между ними,—надъ излучиною Чернаго моря отъ Днѣстра до Днѣпра». Это извѣстіе вполнѣ подтверждаетъ

и Прокопій. По его словамъ, склавины и анты говорятъ однимъ языкомъ и занимаютъ великое пространство земли: большая часть земель по ту сторону Истра принадлежитъ имъ; область на сѣверъ отъ Понта Евксинскаго занимаютъ безчисленные народы анты. Въ извѣстіяхъ Прокопія славяне являются уже обывателями и Донского бассейна. Описывая народы, жившіе по обѣ стороны Мэотиды, Прокопій говоритъ, что далѣе на сѣверъ живутъ, безчисленные народы антовъ (De bello Gothico, liber III, cap. XVI, liber IV, cap. IV).

Итакъ, начальная славянская колонизація степныхъ пространствъ нашего юга имѣла мѣсто въ V и первой половинѣ VI вѣка. Противъ этого положенія стоятъ мнѣнія ученыхъ, отожествляющихъ славянъ съ тѣми народностями, которыя смѣнялись въ нашихъ степяхъ до того времени, какъ выступили на нихъ славяне подъ своимъ собственнымъ именемъ. Мы уже имѣли случай касаться мнѣній, отожествляющихъ славянъ съ скиѳами и сарматами. Остановимся теперь на мнѣніи, отожествляющемъ гунновъ и славянъ, и посмотримъ насколько оно убѣдительно.

Вопросъ о народности гунновъ; мнѣніе Д. И. Иловайскаго. Славянъ въ гуннахъ склоненъ былъ видѣть покойный Забѣлинъ, но подробно и обстоятельно это мнѣніе развито было Д. И. Иловайскимъ въ его «Разысканіяхъ о началѣ Руси».

Гунновъ Иловайскій считаетъ давними обывателями степей нашего юга, указывая между прочимъ на «хуновъ» въ географіи Птоломея. Такъ какъ, по извѣстіямъ современниковъ, гунны прибыли изъ-за Мэотійскихъ болотъ, то Иловайскій пріурочиваетъ ихъ коренное мѣстожительство къ области Кубани и нижней Волги. Отсюда они и двинулись на сарматовъ, своихъ западныхъ единоплеменниковъ (сарматовъ Иловайскій считаетъ также славянами). Чтобы помирить сообщенія Амміана Марцелина о кочевомъ образѣ жизни гунновъ съ извѣстіями Тацита и позднѣйшихъ писателей объ осѣдломъ земледѣльческомъ бытѣ славянъ, Иловайскій считаетъ винидовъ, т.-е. склавиновъ и антовъ, западною вѣтвью славянства, а гунновъ восточною, которая не успѣла еще перейти въ такой степени къ осѣдлому быту, какъ западная. Гунновъ Иловайскій не считаетъ чистыми кочевниками-скотоводами и думаетъ, что они занимались и земледѣліемъ, подобно позднѣйшимъ татарамъ. Переходя къ наружности гунновъ, какъ она описана у Амміана Марцеллина, Иловайскій не находитъ въ ней характерныхъ чертъ монгольской расы: Ам. Марцеллинъ не говоритъ ни объ узкихъ глазахъ, ни о широкихъ скулахъ, ни объ остромъ подбородкѣ. Отсутствіе волосъ на лицѣ, по мнѣнію Иловайскаго, могло происходить или отъ того, что гунны брились, или отъ того, что порѣзами щекъ уничтожали луковицы волосъ, какъ сообщаетъ и Амміанъ Марцеллинъ. Другой современный писатель (V вѣка) Аполлинарій Сидоній объяснялъ уродливый носъ гунновъ тѣмъ, что гунны нарочно сдавливали его у младенцевъ, чтобъ онъ не слишкомъ выдавался между щеками и не мѣшалъ

надѣвать шлемъ. Иловайскій не только принимаетъ это извѣстіе, но и полагаетъ, что и сдавленный черепъ гунновъ, вѣроятно, происходилъ отъ уродованія. Кромѣ того, онъ указываетъ на преувеличеніе безобразія гунновъ у Амміана Марцеллина, который не видалъ ихъ лично, а писалъ по разсказамъ напуганныхъ ими людей.

Славянство гунновъ, по мнѣнію Иловайскаго, доказывается и данными ихъ языка, именами ихъ царей (Баянъ, Борисъ, Валаміръ и т. д.) и названіями напитковъ (медъ, камосъ), похороннаго пиршества (страва), которыя переданы Іорнандомъ со словъ Приска, ѣздившаго въ станъ къ Атиллѣ.

Большое значеніе въ разрѣшеніи вопроса о народности гунновъ Иловайскій (какъ и Забѣлинъ) придаетъ сближеніямъ славянъ и гунновъ, которыя попадаются въ источникахъ. Прокопій говоритъ, что склавины и анты соблюдаютъ гуннскіе обычаи; Кедренъ прямо говоритъ: гунны или склавины. Изъ западныхъ или латинскихъ лѣтописцевъ Беда Достопочтенный называетъ гуннами западныхъ славянъ; Саксонъ Грамматикъ говоритъ о войнѣ датчанъ съ гуннскимъ царемъ, при чемъ подъ гуннами разумѣетъ западныхъ славянъ, и т. д.

Послѣдній аргументъ, выдвигаемый Иловайскимъ въ пользу тождества гунновъ съ славянами, строится на исторической судьбѣ гунновъ. «Если,—говоритъ онъ,—не признать въ гуннахъ славянъ, то какъ же объяснить изчезновеніе гунновъ, куда они въ концѣ-концовъ дѣвались? Не могло же такое многочисленное племя затеряться въ толпѣ народовъ, да и при томъ: какіе это могли быть народы? Если гунны были ордою монгольскаго племени, то единственно подходящимъ народомъ, въ которомъ могли вмѣститься гунны, являются венгры. Но венгры явились въ припонтійскія и придунайскія степи только въ концѣ IX вѣка, слѣдовательно, приблизительно 400 лѣтъ спустя. Гдѣ же все это время были гунны, и что они дѣлали, если ихъ не разумѣть подъ именами болгаръ, уличей, сѣверянъ и волынянъ? Да и по численности мадьяры были ничтожны сравнительно съ гуннами» [1]).

Разборъ мнѣнія Д. И. Иловайскаго. Доводы Д. И. Иловайскаго имѣли огромное значеніе въ разработкѣ вопроса. Они заставили его противниковъ внимательно пересмотрѣть данныя источниковъ, поискать новыхъ доказательствъ и такимъ образомъ способствовали разъясненію дѣла. Но это ихъ значеніе было именно косвенное, а не прямое. Въ своемъ положительномъ содержаніи доводы эти не могутъ быть приняты въ настоящее время.

Во-первыхъ, нельзя игнорировать тѣхъ свидѣтельствъ, которыя идутъ изъ китайскихъ источниковъ, и которыя—именемъ Hiung-nu, Хунъ-ну,

[1]) Дополнительная полемика по вопросамъ Болгаро-Гуннскому и Варяго-Русскому, стр. 130, 131.

обозначаютъ тюркскіе народы на ихъ прародинѣ, затѣмъ указываютъ и на дальнѣйшее передвиженіе ихъ на западъ. Во-вторыхъ, нельзя такъ относиться къ сообщеніямъ о наружности гунновъ, какъ это видимъ у Д. И. Иловайскаго. О наружности гунновъ сообщаетъ не одинъ только Амміанъ Марцеллинъ, кстати сказать служившій въ римскомъ войскѣ и имѣвшій возможность и лично видѣть гунновъ. Припомнимъ, что пишетъ Іорнандъ со словъ Приска о наружности Атиллы, котораго онъ считаетъ типическимъ представителемъ своего племени: узкіе глаза, рѣдкая борода, курносый, смуглый. «У нихъ лицо,—пишетъ про гунновъ Іорнандъ,—ужасающей черноты и похоже болѣе, если такъ можно выразиться, на безобразный кусокъ мяса съ двумя дырами вмѣсто глазъ. Они малы ростомъ, но ловки въ движеніяхъ и проворны на конѣ, широкоплечи, вооружены лукомъ и стрѣлами съ толстымъ затылкомъ, всегда гордо поднятымъ вверхъ». Аполлинарій Сидоній въ стихотворномъ панегирикѣ, писанномъ императору Антемію въ 60-хъ годахъ V вѣка, говоритъ о гуннахъ: «голова сдавленная. Подо лбомъ въ двухъ впадинахъ какъ бы лишенныхъ глазъ, виднѣются взоры... Черезъ малое отверстіе они видятъ обширныя пространства и недостатокъ красоты возмѣщаютъ тѣмъ, что различаютъ малѣйшіе предметы на днѣ колодца». Возражавшій Д. И. Иловайскому на диспутѣ по гуннскому вопросу, происходившему 30 декабря 1881 года въ засѣданіи Этнографическаго Отдѣла Общества Любителей Естествознанія, Антропологіи и Географіи Д. Н. Анучинъ, сопоставивъ всѣ черты гуннскаго типа, разсѣянныя въ сообщеніяхъ писателей: невысокій ростъ; коренастое, плечистое сложеніе; коротконогость; толстую, короткую шею; широкій, плоскій, приподнятый кверху затылокъ; большую голову; плоское, широкое лицо, какъ у грубо изваянныхъ статуй; узкіе глаза, приплюснутый носъ; безбородость или рѣдкую бороду, смуглый цвѣтъ кожи,—пришелъ къ такому выводу: «черты эти, взятыя въ совокупности, едва ли могутъ оставлять сомнѣніе, что характеризуемый ими народъ представлялъ по своему типу значительно большее сходство съ типомъ современныхъ монгольскихъ и урало-алтайскихъ племенъ, чѣмъ такъ наз. кавказскихъ и въ частности арійскихъ». Д. Н. Анучинъ указалъ на невозможность съ естественнонаучной точки зрѣнія объяснять безбородость гунновъ надрѣзами щекъ въ младенчествѣ, такъ какъ зачатки волосъ являются позднѣе въ періодъ полового созрѣванія, и щеки, изрѣзанныя въ младенчествѣ, все равно обрастаютъ потомъ волосами.

На этомъ же самомъ диспутѣ попытка Д. И. Иловайскаго вывести сохранившіяся имена гуннскихъ царей изъ славянскаго языка встрѣтила рѣшительныя возраженія со стороны филологовъ-спеціалистовъ В. Ѳ. Миллера и Ѳ. Е. Корша, которыя въ уцѣлѣвшихъ именахъ гуннскихъ царей усмотрѣли тюрко-татарскіе элементы. Нѣкоторыя изъ этихъ именъ оканчиваются на gan: Zabergan Au-gan Ai-gan. Миллеръ указалъ на аналогію въ тюркскомъ *канъ* или ханъ (напр., у половцевъ Шаруканъ, Тугорканъ и др.).

Ойбарсъ по Миллеру и Коршу тюркское слово, аналогичное половецкому Багубарсъ, и значило вѣроятно тигръ; Берихъ—тюркс. берик крѣпкій; Басыхъ—тюркск. басыкъ скромный; Баянъ, которое Иловайскій считаетъ несомнѣнно славянскимъ,—есть чисто тюркское обозначеніе богатый; Борисъ = Богорисъ, имя, встрѣчающееся у несомнѣнныхъ тюрковъ—аваръ; Валамиръ или Баламиръ—тюрск. дитя—мальчикъ и т. д. Остаются имена *медосъ*, *камосъ*, которыя слышалъ Прискъ во время путешествія къ Атиллѣ. Но самъ же Прискъ сообщаетъ, что гунны въ Панноніи были сборищемъ разныхъ народовъ, что среди нихъ были въ употребленіи разные языки, между прочимъ гуннскій, готскій, латинскій. Могли быть среди нихъ и славяне, увлеченные общимъ народнымъ потокомъ въ Паннонію или же покоренные здѣсь гуннами. Прискъ не говоритъ, что названіе *медосъ* было гуннское: онъ говоритъ только, что напитокъ назывался по мѣстному медомъ (ὁ μέδος ἐπιχωρίως καλδυμενος). Названіе *камосъ* едва ли можно приравнивать славянскому квасъ. Римскіе писатели, какъ показалъ покойный ак. Васильевскій, констатируютъ существованіе этого напитка у иллирійцевъ еще въ III вѣкѣ по Р. Хр. Что касается имени *страва*, сообщаемаго Іорнандомъ, то, если это только дѣйствительно славянское слово, оно могло быть услышано отъ какого-либо славянина, находившагося среди гунновъ.

Что касается сближеній гунновъ и славянъ у древнихъ писателей, то и эти сближенія не доказываютъ ихъ тождества. Прокопій, напр., говоритъ, что славяне и анты по простотѣ нравовъ во многомъ походятъ на гунновъ, живутъ гуннскимъ обычаемъ. Но изъ этого прямо слѣдуетъ, что онъ въ сущности различаетъ гунновъ и славянъ. Прокопій былъ современникъ гунновъ, а всѣ другіе писатели, на которыхъ ссылается Иловайскій, жили 300, 400 и 500 лѣтъ спустя, слѣдовательно ихъ заявленія нельзя принимать за *свидѣтельства* тождества гунновъ и славянъ. Эти заявленія указываютъ только на то, что память о гуннахъ долгое время сохранялась въ европейскомъ обществѣ, что имя ихъ стало литературнымъ синонимомъ для обозначенія восточныхъ варваровъ, подобно тому, какъ нѣкогда такимъ именемъ было названіе «скиѳъ», что въ разрядъ этихъ варваровъ западные народы склонны были относить и славянъ, съ которыми они вели войны.

Остается еще одинъ вопросъ: куда дѣвалось многочисленное племя гунновъ?—На этотъ вопросъ приходится прежде всего замѣтить, что не нужно черезчуръ преувеличивать численность гунновъ. Гунны при своемъ движеніи на западъ несомнѣнно увлекли множество другихъ племенъ сарматскихъ, славянскихъ и германскихъ, и обратно на востокъ двигались уже не такія полчища, какія двигались на западъ. Это во-первыхъ. Во-вторыхъ, по современнымъ свидѣтельствамъ въ степяхъ нашего юга послѣ гунновъ являются болгары—кутургуры и утургуры. Нѣкоторые писатели, какъ напр. Прокопій, прямо считаютъ ихъ гуннами. Но если даже это

и были отдѣльныя отъ Атилловой орды, весьма вѣроятно, что гунны Атиллы при своемъ отступленiи на востокъ слились съ этими ордами.

Итакъ, соображенія Д. И. Иловайскаго, на нашъ взглядъ, не отодвигаютъ занятіе славянами нашего степного юга на болѣе раннее, чѣмъ V и первая половина VI вѣка, время.

Хазары и подчиненіе имъ славянъ. Въ VII вѣкѣ наступили особо благопріятныя условія для упроченія и усиленія славянской колонизаціи нашего юга. Западная болгарская орда перешла въ 670 году на югъ, за Дунай. На востокѣ господами положенія сдѣлались хазары, между прочимъ, покорившіе и подчинившіе себѣ восточную орду Черныхъ болгаръ, кочевавшую въ Предкавказьѣ, гдѣ-то около Кубани. Хазары были давнишними обитателями нашего степного юго востока. Подъ именемъ акацировъ они выступаютъ въ извѣстіяхъ V вѣка (Приска) гдѣ-то въ области средняго Дона или Волги, по сосѣдству съ болгарами. При Атиллѣ они держались союза съ Византіей и воевали съ Атиллою, но позже добровольно подчинились гуннамъ. Какого происхожденія были хазары, сказать трудно; арабскій географъ XIII вѣка Абульфеда говоритъ, что среди хазаръ было два совершенно различныхъ типа—черный и русый. На ряду съ этимъ Истарки (X в.) свидѣтельствуетъ, что языкъ хазарскій сходенъ съ тюркскимъ. Идѣйствительно, названія высшихъ чиновъ у хазаръ—тюркскія. Въ VII вѣкѣ хозары представляли изъ себя уже могущественную силу на нашемъ юго-востокѣ, которая вступила въ ожесточенную борьбу съ арабами. Арабы, овладѣвъ Персидскимъ государствомъ Сассанидовъ, стремились овладѣть и Кавказомъ. Въ результатѣ этой борьбы Закавказье осталось въ рукахъ арабовъ. Хазарское владычество на югѣ не простиралось далѣе Дербента, гдѣ еще Сассаниды построили стѣны для защиты отъ хазаръ. Но зато на сѣверъ отъ Кавказскихъ горъ владычество хазаръ распространилось очень широко. Въ концѣ VII и началѣ VIII вѣка хазары господствовали около Керченскаго пролива и во всемъ Крыму; даже въ Корсуни сидѣлъ тогда ихъ намѣстникъ—*тудунъ*. И позже, въ VIII и IX вв. хазары, хазарскія войска по источникамъ выступаютъ въ Крыму; Корсунь вернула себѣ Византія, но въ восточной части Крыма хазары остались. Средоточіемъ хазарскаго государства были прикаспійскія области. Здѣсь, при устьѣ Волги, находилась ихъ столица *Итиль;* далѣе къ югу, невдалекѣ отъ устья Терека, находился славившійся своими виноградниками *Семендеръ;* тутъ же обитало и собственно хазарское населеніе, по свидѣтельству Ибнъ-Хаукаля, въ плетеныхъ изъ хвороста хижинахъ, обмазанныхъ глиной.

Установленіе хазарскаго господства на нашемъ степномъ юго-востокѣ отразилось благопріятнымъ образомъ на распространеніи славянской осѣдлости въ нашихъ степяхъ. Хазары преградили доступъ въ нихъ кочевымъ ордамъ, напиравшимъ съ востока, а съ славянами, двигавшимися въ степь, установили мирныя, дружественныя отношенія. Подъ защитой и покровительствомъ хазаръ славяне распространили свою колонизацію

въ области, занятыя хазарами, стали обывателями Хазаріи, подвластными кагану хазарскому. Арабскій писатель *Аль-Баладури*, писавшій въ 60-хъ годахъ IX столѣтія, разсказываетъ про сирійскаго вождя Марвана, что онъ, вступивъ въ Хазарію, вывелъ оттуда 20 т. осѣдлыхъ славянъ. Хотя этотъ фактъ имѣлъ мѣсто въ VIII столѣтіи, но всѣ ученые, изучавшіе произведенія Аль-Баладури, не сомнѣваются въ достовѣрности его сообщенія. Другой арабскій писатель *Табари*, разсказывая о томъ же самомъ фактѣ, говоритъ, что Марванъ въ погонѣ за хаканомъ хазарскимъ, вступивъ въ его земли, расположился на славянской рѣкѣ и здѣсь напалъ на невѣрныхъ, перебилъ ихъ всѣхъ и разрушилъ 20 тысячъ домовъ. *Масуди*, жившій въ первой половинѣ X вѣка, славянскою рѣкою въ Хазаріи называетъ Донъ. «Между большими и извѣстными рѣками,—говоритъ онъ,—изливающимися въ море Понтусъ, находится одна, называемая Танаисъ, которая приходитъ съ сѣвера. Берега ея обитаемы многочисленнымъ народомъ славянскимъ и другими народами, углубленными въ сѣверныхъ краяхъ». Славяне, по словамъ Масуди, жили даже въ столицѣ Хазаріи и служили въ войскѣ и при дворѣ кагана: «руссы же и славяне, о которыхъ мы сказали, что они язычники, составляютъ войско царя и его прислугу». Итакъ, въ область славянскихъ поселеній въ VIII—IX вв. входилъ несомнѣнно и бассейнъ рѣки Дона. Этимъ, по всей вѣроятности, объясняются и многочисленныя славянскія названія рѣкъ его системы: Уды, Сальница, Красная, Боромля, Ольховата, Лугань—притоки Донца; Красивая Меча, Быстрая Сосна, съ Трудами, Воронежъ, Тихая Сосна, Черленый Яръ, Осереда, Медвѣдица, Иловля—притоки Дона. Эти названія попадаются и въ лѣтописяхъ и въ другихъ памятникахъ до XV вѣка, т.-е. гораздо ранѣе позднѣйшей колонизаціи Дона, слѣдовательно, надо думать, давняго происхожденія [1]).—Извѣстія арабскихъ писателей подтверждаются и баварскимъ географомъ IX вѣка, который констатируетъ существованіе въ Хазаріи 100 городовъ. Развившаяся въ Хазаріи торговля съ арабами и постоянная борьба хазаръ съ восточными сосѣдями мирно настраивали хазаръ по отношенію къ славянамъ нашего юга. Славяне высылали на хазарскій рынокъ свое сырье для сбыта на Востокъ, при чемъ каганъ бралъ десятину отъ всѣхъ товаровъ. Славяне же, какъ сказано, составляли и войско его. Хазары установили свою власть не только надъ славянами, разселившимися въ непосредственномъ съ ними сосѣдствѣ, но и надъ всѣми вообще славянскими племенами, разселившимися по южнымъ областямъ. До начальнаго русскаго лѣтописца дошло преданіе, что дань хазарамъ платили поляне, радимичи, вятичи и сѣверяне. Хазарскій каганъ былъ первымъ государемъ у сла-

---

[1]) *И. И. Срезневскій*, Русское населеніе степей и южнаго Поморья въ XI—XIV вв. Извѣстія Импер. Акад. Наукъ по отдѣленію русскаго языка и словесности, т. VIII, стр. 316—318.

вянъ Приднѣпровья. Вотъ почему именемъ «каганъ» впослѣдствіи пользовались для обозначенія уже русскаго государя: первый митрополитъ изъ русскихъ Иларіонъ составилъ «похвалу» кагану Владиміру. По всѣмъ даннымъ, славяне безъ борьбы подчинились хазарамъ, именно потому, что хазары были для нихъ оплотомъ, защитою отъ нападеній съ востока. Входя въ составъ хазарской державы, славяне и разселились такъ широко по степнымъ пространствамъ нашего юга.

Приводимыя данныя о заселеніи славянами степного юга не согласуются съ той картиною славянской колонизаціи, которую рисуетъ намъ наша начальная лѣтопись. Въ виду этого необходимо остановиться на этой картинѣ и разсмотрѣть, въ какой мѣрѣ она вѣрна и соотвѣтствуетъ тому начальному моменту нашей исторіи, къ которому она пріурочивается.

Районъ славянской осѣдлости въ восточной Европѣ по лѣтописи. Разсказывая о разселеніи славянъ съ Дуная въ разныя стороны, авторъ «Повѣсти временныхъ лѣтъ» говоритъ между прочимъ: «тако же и ти словене пришедше и сѣдоша по Днѣпру и нарекошася *поляне*, а друзии *древляне*, зане сѣдоша въ лѣсѣхъ; а друзии сѣдоша межю Припятью и Двиною и нарекошася *дреговичи;* инии сѣдоша на Двинѣ и нарекошася *полочане*, рѣчьки ради, яже втечеть въ Двину, имянемъ Полота... *словѣне* же сѣдоша около езера Илмеря, и прозвашася своимъ имянемъ, и сдѣлаша градъ и нарекоша и Новгородъ; а друзии сѣдоша по Деснѣ и по Семи и по Сулѣ, и нарекошася *сѣверъ*». Затѣмъ, перечисляя названныя племена, населявшія нашу страну, авторъ «Повѣсти» называетъ *кривичей*, «иже сѣдятъ на верхъ Волги и на верхъ Двины, и на верхъ Днѣпра», *бужанъ*, которые прозвались этимъ именемъ, «зане сѣдоша по Бугу, послѣ же велыняне», *радимичей*, которые сѣли по Сожу, *вятичей*, сѣвшихъ по Окѣ, *хорватовъ*, *дулебовъ*, которые сидѣли по Бугу, «гдѣ нынѣ велыняне. «*А улучи и тиверци*, говоритъ онъ, сѣдяху по Днѣстру, присѣдяху къ Дунаеви, бѣ множество ихъ, сѣдяху бо по Днѣстру оли до моря, и суть гради ихъ до сего дне, да то ся зваху отъ грекъ Великая Скуфь» [1]).

По этимъ общимъ контурамъ, набрасываемымъ первоначальною лѣтописью, получается такая картина разселенія славянъ по нашей странѣ: славяне разселились по бассейнамъ Днѣстра, Западнаго и Южнаго Буга, Днѣпра и его правыхъ притоковъ и лѣвыхъ: Сожа, Десны и Сулы, верхней Волги и Оки, верхней и средней Западной Двины и озера Ильменя. Славянская колонизація не захватываетъ бассейна нижняго Днѣпра, бассейна Дона, нижней Оки, гдѣ, по словамъ Повѣсти временныхъ лѣтъ, сидитъ мурома, «языкъ свой», бассейна средней Волги приблизительно отъ впаденія

[1]) Лаврент. лѣт., стр. 5, 10, 12. По другому варіанту: «А Улутичи, Тиверцы сѣдяху по Бугу и по Днѣпру и присядяху къ Дунаеви: и бѣ множество ихъ, сѣдяху бо по Бугу и по Днѣпру оли до моря»... Ипат. стр.

Тверцы, ибо дальше, по словамъ повѣсти, расположены «инии языцы»— весь, меря. Весь сѣверъ не охваченъ еще славянскою колонизаціею: «въ странахъ полунощныхъ» живутъ чудь, ямь, пермь, печера.

Итакъ, наша начальная лѣтопись не знаетъ славянъ въ степяхъ на востокъ отъ Днѣпра и южнѣе Сулы, расходясь въ данномъ случаѣ съ показаніями арабскихъ писателей. Такое разнорѣчіе вполнѣ понятно. Составитель нашей начальной лѣтописи жилъ лѣтъ на полутораста позднѣе, когда размѣщеніе славянскаго населенія въ нашей странѣ уже значительно измѣнилось по сравненію съ IX вѣкомъ. Составитель Повѣсти временныхъ лѣтъ знаетъ уже половцевъ; онъ современникъ зависимости хазаръ отъ русскихъ князей, а эта зависимость падаетъ на время между 1036 годомъ, когда Ярославъ на голову разбилъ печенѣговъ и очистилъ отъ нихъ Хазарію, и 1061 годомъ, когда половцы завладѣли страною хазаръ. Къ тому времени, какъ увидимъ ниже, радикально измѣнились условія жизни въ нашихъ южныхъ степяхъ, и славянское населеніе должно было покинуть ихъ и отступить частью на сѣверъ, частью на западъ. Естественно поэтому, что бассейнъ Дона долженъ былъ выпасть у нашего лѣтописца изъ области разселенія славянъ.

За этимъ исключеніемъ картину разселенія славянъ, начертанную нашимъ лѣтописцемъ для конца IX вѣка, можно считать въ общемъ правильною. Она подтверждается и частными указаніями самой лѣтописи, и современными иноземными свидѣтельствами. По лѣтописи мы встрѣчаемся съ разными славянскими городами въ той области, которая очерчена лѣтописцемъ, какъ область славянской осѣдлости. Таковы: Новгородъ, Псковъ, Полоцкъ, Смоленскъ, Любечь, Кіевъ, Черниговъ, Переяславль, Ростовъ, Муромъ. Эти города являются древнѣйшими, происхожденіе которыхъ теряется во мракѣ временъ. Константинъ Багрянородный въ своемъ сочиненіи «Объ управленіи имперіею», въ извѣстномъ разсказѣ о торговлѣ руссовъ съ Константинополемъ (гл. 9) перечисляетъ тѣ же города: Кіевъ (**Κιοάβα**), Новгородъ (**Νεμογαρδάς**), Смоленскъ (**Μηλινίσκα**), Любечъ (**Τελιούτζα**), Черниговъ (**Τζερνιγώγα**), Вышгородъ (**Βουσεγραδέ**) и отчасти тѣ же племена: древлянъ (**Βερβιάνοι**), дреговичей (**Δρουγουβιτοῖ**), кривичей (**Κριβιτζόι**), сѣверянъ (**Σερβίοι**) и славянъ. Всѣ эти данныя относятся къ первымъ десятилѣтіямъ X вѣка. Но еще ранѣе того, отъ послѣднихъ десятилѣтій IX вѣка, имѣемъ извѣстіе отъ анонимнаго географа, по мѣстонахожденію его рукописи называемаго Баварскимъ, извѣстія, которыя также во многомъ подтверждаютъ нашего автора Повѣсти временныхъ лѣтъ. Онъ говоритъ о бужанахъ (Busani), волынянахъ (Velunzani), сѣверянахъ (Zuirenni), уличахъ (Unlici), неопредѣленно указывая на мѣсто ихъ жительства къ сѣверу отъ Дуная и на количество ихъ городовъ.—Эти данныя утверждаютъ насъ въ мысли, что составитель Повѣсти временныхъ лѣтъ болѣе или менѣе правильно обозначилъ племенной составъ восточнаго славянства, а извѣстія Константина Багрянороднаго

въ извѣстной степени подтверждаютъ и самую картину разселенія, даваемую Повѣстью временныхъ лѣтъ.

Изъ этой картины обнаруживается, что къ началу X вѣка славянское населеніе уже далеко раскидалось по нашей странѣ не только въ южномъ, но и въ сѣверномъ направленіи. Область первоначальной славянской осѣдлости сильно увеличилась, славяне заняли огромную территорію.

О гуннахъ, болгарахъ, аварахъ, хазарахъ и первоначальномъ разселеніи славянъ, кромѣ указанныхъ трудовъ Грушевскаго и Багалѣя см.:

Д. И. Иловайскаго, Разысканія о началѣ Руси. Москва 1882. Его же, Дополнительная полемика по вопросу болгаро-гуннскому. Москва 1889. Извѣстія Имп. Общ. Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи т. XLVIII, вып. 1.

П. Голубовскаго, Болгары и хазары (Кіевская Старина, 1888, № 7).

Н. П. Барсова, Очерки русской исторической географіи, Варшава 1885.

А. Л. Погодина. Изъ исторіи славянскихъ передвиженій. Спб. 1901.

V.

Матеріальная и духовная культура славянъ въ эпоху ихъ разселенія въ восточной Европѣ.

Культурное развитіе восточной Европы, прерванное разрушительнымъ вторженіемъ дикихъ азіатскихъ ордъ въ концѣ IV въ V и VI вѣкахъ, возобновилось и пошло впередъ съ разселеніемъ въ ея южныхъ и сѣверныхъ областяхъ славянскихъ племенъ.

Матеріальный бытъ славянъ въ эпоху ихъ совмѣстной жизни. Когда славяне стали разселяться въ восточной Европѣ, они уже далеко не были первобытными дикарями, но прошли довольно значительную стадію культурнаго развитія. Это былъ осѣдлый земледѣльческій народъ, который зналъ и умѣлъ разводить полезныя растенія, водилъ домашнихъ животныхъ, промышлялъ охотою и рыбною ловлею, зналъ нѣкоторыя мастерства и ремесла. По даннымъ лингвистики можно судить, что эту стадію культурнаго развитія славяне проходили частью еще въ то время, когда они не отдѣлились отъ другихъ индоевропейскихъ народовъ, а частью уже въ обособленіи отъ нихъ, но до своего раздѣленія на восточныхъ, западныхъ и южныхъ и въ извѣстномъ общеніи съ сосѣдними народами. Такъ, названія, относящіяся до жилища и его частей и отчасти сходныя

съ именами другихъ индоевропейскихъ народовъ, звучатъ болѣе или менѣе одинаково во всѣхъ славянскихъ языкахъ: домъ (греч. δόμος, лат. domus), изба (истба, stube), стѣна, кровъ, стрѣха, окно, дверь; сходны названія хозяйственныхъ строеній: дворъ, клѣть, хлѣвъ, житница, гумно, плотъ (ограда); главныхъ видовъ селеній: село или весь, городъ. Въ родствѣ съ именами другихъ индоевропейскихъ народовъ и между собою стоятъ въ разныхъ славянскихъ языкахъ названія, относящіяся до воздѣлыванія земли, напр., орати (греч. ἀρόω, лат. aro) сѣять, сѣмя (лат. semen, верхненѣмец. sâmo); названія хлѣбныхъ и волокнистыхъ растеній: рожь (лит. rúgys, сѣвер. нѣм. rûgr), овесъ (лат. avena, лит. aviža), жито, ячмень, просо, макъ (греч. μήκον, сѣв. нѣм. mago, прусск. moke), ленъ (греч. λίνον, лат. linum, гот. lein, литов. linai, ирл. lin), конопля; овощей: бобъ (лат. faba, прусск. babo), рѣпа (греч. ῥαπύς, лат. rapum, нѣм. rübe), лукъ, чеснокъ, горохъ, чечевица; плодовыхъ деревьевъ: черешня (греч. κεράσσιον, верхненѣм. chirse), вишня (греч. βυσσινήα), яблоня (ирл. aball, англ. aepple, лит. óbulas), груша (лит. kriašia), слива (лит. slýwas), орѣхъ. Въ такомъ же родствѣ находятся и имена земледѣльческихъ орудій: рало (греч. ἄροτρον, лат. aratrum, ирланд. aratar), плугъ (сѣв. нѣм. pflug, лит. pliugas), серпъ (греч. ἅρπη), борона, коса, грабли, вилы, лопаты, мотыка, возъ, колесо. Общеславянскими и въ родствѣ съ именами другихъ индоевропейскихъ народовъ являются названія разныхъ домашнихъ животныхъ: быкъ (греч. βοῦς, лат. bos), волъ, корова, теля, конь, кобыла, жеребя, вепрь (лат. aper, верхненѣм. ebur), свинья, порося (лат. porcus, верхненѣм. farah), баранъ, овца (греч. οἶς, лат. ovis), коза, ягня (лат. agnus), гусь (нѣм. gans), утка (лат. anas, нѣм. ente), куря, голубь; названія животныхъ продуктовъ: мясо (готск. mimz, лит. mesá), молоко (старонѣм. milug), сыръ (лит. suris), масло, шкура, руно, волна (греч. λάνος, готск. wulla, лит. vilna), яйца. По инвентарю общеславянскихъ словъ можно заключать о занятіяхъ славянъ въ эпоху ихъ совмѣстной жизни пчеловодствомъ: слова—пчела, матица, трутень, улей, борть, медъ (санскр. madhus, греч. μέθυ, верхненѣм. meto), воскъ (литов. waškas, верхненѣмецк. wahs) встрѣчаются въ разныхъ славянскихъ языкахъ. Точно такъ же называются одинаково и промысловыя животныя, составляющія предметъ охоты и водяной ловли, а равно и самыя орудія охоты и ловли: бобры, куницы, волки, медвѣди, зайцы, олени, лоси и т. д.; лосось, линь, щука, осетръ, угорь, окунь и т. д.; лукъ, стрѣла, тенета, сѣть, пряжа, неводъ, уда. Предметы, получавшіеся отъ всѣхъ этихъ занятій, славяне уже умѣли перерабатывать, приспособлять извѣстнымъ образомъ къ потребленію. Хлѣбныя зерна они умѣли молоть, превращать въ муку; изъ муки дѣлали тѣсто и пекли хлѣбъ (лат. libum, готск. klaifs, литов. klepas); изъ муки же и хмеля варили дрожжи (сѣвернонѣмецк. dregg, прусск. dragis), брагу и пиво; изъ волоконъ льна и конопли пряли нити, изъ которыхъ ткали полотна и плели сѣти, мрежи и невода; кожу

животныхъ превращали въ усму и приготовляли черевики; изъ кожи съ шерстью шили кожухи, шубы; изъ шерсти готовили сукна; изъ рыбы варили уху (лат. ius, лит. juša); изъ меда напитокъ того же имени.

Славянамъ еще до раздѣленія извѣстны были нѣкоторые металлы и способы ихъ обработки. Слова: золото, серебро (готск. silubr, прусск. siraplis), мѣдь, желѣзо (прусск. gelso, литов. geležis)—общеславянскія, равно какъ: кузнецъ, ковачъ, золотарь. Употребленіе металлическихъ орудій—ножа, топора, пилы, молота, наковольни, долота и клещей было въ полномъ ходу. При помощи этихъ орудій славяне рубили избы, изготовляли мебель и домашнюю посуду—столы, стулья лавки, бочки, кади, дежи, ведра, жбаны, корыта, чаши, ложки, челны, ладьи. Извѣстно было имъ приготовленіе посуды изъ глины и металловъ: горнецъ, гончаръ, котелъ—слова общеславянскія. Общеславянскими являются и наименованія оружія: копье, щитъ, сулица, сѣкира, лукъ съ тетивою, стрѣла, броня, шлемъ (helm); металлическихъ украшеній: перстень, обручи, гривны; музыкальныхъ инструментовъ: бубенъ, гусли. Инвентарь общеславянскихъ словъ можно еще пополнить названіями, свидѣтельствующими о начавшемся торговомъ обмѣнѣ: торгъ, мѣра, локоть.

Иранское и готское вліяніе на бытъ славянъ до ихъ разселенія. Вся эта культура славянъ, создавшаяся ко времени ихъ разселенія, была отчасти наслѣдіемъ древнѣйшей слитной жизни праславянъ съ другими родственными народами, отчасти развилась послѣ обособленія ихъ отъ этихъ племенъ. Но и при этомъ она развивалась не безъ воздѣйствія со стороны. Изслѣдователи въ данномъ случаѣ указываютъ на два главныхъ вліянія—иранское (черезъ скиѳовъ и сарматовъ) и готское. Иранцы нашего юга, воспринимая элементы культуры отъ грековъ и съ востока, изъ Месопотаміи, передавали ихъ своимъ сѣвернымъ сосѣдямъ—славянамъ и финнамъ. Шафарикъ признавалъ иранское происхожденіе словъ: курганъ, бугоръ, шатеръ, чертогъ; сюда же относятъ слова собака (шпака), топоръ, куря. Хорсъ, богъ солнца, повидимому, иранскаго происхожденія (древнеперсид. Керешь). Восточнымъ вліяніемъ, повидимому, объясняется и поклоненіе загадочнымъ божествамъ Симу, Реглу и Мокоши, о которомъ говоритъ «Слово христолюбца»: Симъ сближаютъ съ Ἀσιμᾶθ 4-ой книги царствъ, Реглъ—съ ассир. Ἐργέλ; Мокошь—съ Астартой одного памятника Босфорскаго царства. Скиѳо-сарматское вліяніе замѣтно въ предметахъ убранства, находимыхъ въ славянскихъ могилахъ (шейныя гривны, бубенчики и браслеты), въ гончарныхъ издѣліяхъ и ихъ орнаментовкѣ. Значительное мѣсто отводятъ изслѣдователи готскому вліянію на жизнь славянства. Прежде всего славяне переняли у готовъ нѣкоторыя вооруженія, именно мечъ (гот. meki) и шлемъ (готск. helms) и военную тактику. Славяне стали сражаться уже не безпорядочно, а полкомъ, цѣлымъ народомъ (volk), подъ хоругвями (гот. hrunga). Черезъ готовъ появились у славянъ пенязи (pfenning); готское skat(schatz), «скотъ» заимствовано было для обозначенія иму-

щества; готы познакомили славянъ и съ стекломъ (stikls), котлами (katils) и пилами (file); отъ готовъ заимствованы такія реченія, какъ овощи (obst), оселъ (asilus), верблюдъ (готск. ulbandus), яблоко (apfel). Наконецъ, отъ готовъ заимствовали славяне и слово князь (konung, könig, king) для обозначенія своихъ вождей. Въ какой мѣрѣ справедливы всѣ эти догадки, съ увѣренностью трудно сказать. Сходство готскихъ и славянскихъ реченій могло произойти и другимъ путемъ, именно, путемъ вліянія славянской культуры и языка на готскія. Но доля истины въ этихъ догадкахъ несомнѣнна.

Картина древнѣйшаго матеріальнаго быта славянъ, которая возсоздается по даннымъ сравнительнаго языковѣдѣнія, не совсѣмъ согласуется съ отзывами греческихъ и римскихъ писателей VI и VII вв.—Прокопія, Іорнанда, императоровъ Маврикія, Льва Мудраго и др., которые рисуютъ славянъ варварами, стоящими на низкой степени развитія. Маврикій и Левъ Мудрый, напримѣръ, говорятъ, что славяне не любятъ земледѣльческаго труда и предпочитаютъ жить въ бѣдности и спокойствіи, чѣмъ въ богатствѣ и трудѣ. Но надо принять во вниманіе, что эти отзывы даны свысока, людьми, оцѣнивавшими жизнь современныхъ имъ славянъ съ точки зрѣнія тогдашней греко-римской культуры. Кромѣ того, надо помнить, что названные писатели изображали бытъ славянъ въ критическую эпоху ихъ разселенія, когда происходило нѣкоторое пониженіе культурнаго уровня славянства вслѣдствіе сопровождавшаго разселеніе хозяйственнаго разстройства и общественной дезорганизаціи. Но во всякомъ случаѣ имъ не пришлось по разселеніи въ нашей странѣ ab avo проходить весь тотъ путь развитія, который они уже совершили въ эпоху совмѣстнаго жительства съ остальными.

Матеріальный бытъ славянъ по разселеніи въ восточной Европѣ. Какъ только они осѣли на новыхъ мѣстахъ, какъ только жизнь ихъ вошла въ постоянную колею, такъ неминуемо должна была послѣдовать извѣстная реставрація прежняго житья-бытья. Славяне принялись обрабатывать землю, водить домашній скотъ, бить звѣрей, ловить рыбу, добывать медъ и воскъ, обрабатывать растительные и животные продукты, металлы, принялись предметами своихъ промысловъ торговать съ другими народами. Въ языческихъ могилахъ, относимыхъ археологами къ полянамъ, древлянамъ и сѣверянамъ, находятся желѣзные серпы и даже иногда зерна хлѣбныхъ растеній (ржи, ячменя и пшеницы). Еврейскій путешественникъ X вѣка Ибнъ-Якубъ сообщаетъ, что славянская земля обильна всякаго рода жизненными припасами, что славяне—народъ хозяйственный и занимаются земледѣліемъ усерднѣе, чѣмъ какой-либо другой народъ. Арабскіе писатели IX вѣка свидѣтельствуютъ, что славяне въ большомъ количествѣ разводили домашній скотъ, въ особенности свиней. Въ сѣверянскихъ, полянскихъ и волынскихъ могилахъ языческой эпохи находятся остатки лошадей, овецъ, свиней, куриныя кости и яичная скорлупа.

О развитіи охоты и пчеловодства косвенныя указанія даютъ свидѣтельства византійскихъ писателей (Константина Багрянороднаго) и арабскихъ о товарахъ, которые вывозились изъ Руси въ IX и X вѣкахъ въ Византію, Хазарію и Камскую Болгарію. То были главнымъ образомъ мѣха, воскъ, медъ. Пчеловодство было не только бортевое, но и пасѣчное: одинъ арабскій источникъ IX вѣка подробно описываетъ ульи у славянъ, говоря, что дѣлаются они изъ дерева въ видѣ сосудовъ, и въ нихъ живутъ пчелы и собирается медъ. Археологическія данныя указываютъ на извѣстное развитіе у восточныхъ славянъ мастерства всякаго рода, ремеслъ. Въ раскопкахъ сѣверянскихъ, древлянскихъ и волынскихъ языческихъ могилъ часто были находимы остатки шерстяной матеріи, обрывки полотна льняного и конопляннаго, остатки кожаной обуви, кожаныхъ мѣшечковъ и ременныхъ поясовъ. Въ древлянскихъ могилахъ попадаются остатки перегорѣвшаго желѣза, большіе молотки и наковальни, большіе, грубо выкованные гвозди, ножи, огнива; въ другихъ могилахъ—топоры, долота, ключи, щипцы, скобы, рѣже—оружіе: мечи, копья, кольчуги, шеломы, щиты. Въ одной могилѣ на Погорыньѣ была найдена небольшая желѣзная наковальня и молотокъ къ ней, двое вѣсовъ съ многочисленными разновѣсками и окованный желѣзомъ ящикъ—повидимому, принадлежность ювелира, золотыхъ и серебряныхъ дѣлъ мастера (кузнеца).

Торговля восточныхъ славянъ. Съ разселеніемъ славянъ въ восточной Европѣ не только не прекратилось, но и усилилось ихъ торговое общеніе съ сосѣдними народами. На югѣ по берегамъ Чернаго и Азовскаго морей продолжали существовать греческія колоніи, которыя, какъ прежде, такъ и теперь вели торговлю съ сѣверными варварами. Кромѣ греческихъ колоній на средней и нижней Волгѣ въ столицахъ двухъ тюркскихъ царствъ Хазарскаго и Болгарскаго возникло два новыхъ средоточія торговли. Сюда стали пріѣзжать изъ арабскаго халифата купцы съ восточными товарами и увозили отсюда сырые продукты страны—мѣха, воскъ, медъ и живой товаръ—рабовъ. Большое участіе въ торговлѣ восточной Европы приняли сѣверныя германскія племена—норманны, прибывшіе сюда, какъ и въ другія страны Европы, вооруженными отрядами подъ предводительствомъ своихъ конунговъ.

Въ восточной Европѣ, среди необъятныхъ пространствъ, по которымъ разбросалось рѣдкое населеніе, имъ нельзя было сосредоточить свою дѣятельность на грабежахъ и завоеваніяхъ, и они скоро перешли къ торговому обмѣну, къ мирному общенію съ финнами и славянами. По рѣкамъ восточной Европы они проложили знаменитый торговый «путь изъ варягъ въ рѣки» и съ товарами восточной Европы стали ѣздить и въ Византію, и въ Хазарію, и въ Болгарію, увлекая вмѣстѣ съ собою и славянскихъ купцовъ, втягивая въ торговый оборотъ все населеніе восточной Европы. О развитіи торговли у русскихъ славянъ и даже финновъ съ греками и арабами имѣются обстоятельныя показанія греческихъ и арабскихъ писателей

IX и X вѣка. О томъ же свидѣтельствуютъ многочисленные клады съ восточными монетами VIII—X вѣковъ—арабскими диргемами и ихъ частями—ногатами (½ диргемы) и рѣзанами (⅙ диргемы), съ англосаксонскими монетами, съ византійскими золотыми (солидами).

Религія славянъ. Не растеряли славяне во время своего разселенія и того духовнаго капитала, который былъ накопленъ ими въ предшествующую эпоху въ области общаго міросозерцанія, вѣрованій и культа. Сравнительное языковѣдѣніе и древнѣйшія историческія свидѣтельства указываютъ на то, что у славянъ еще до разселенія выработались нѣкоторыя болѣе или менѣе устойчивыя религіозныя представленія и черты культа. Славянамъ присуща была идея боговъ, высшихъ существъ, подающихъ благо, «богатство», и идея бѣсовъ, злыхъ существъ, ниспосылающихъ бѣды и несчастія людямъ. Этихъ боговъ и бѣсовъ славяне ощущали въ явленіяхъ окружающей природы и приписывали ихъ свободной волѣ все, что совершалось въ этой природѣ. Въ этомъ воззрѣніи, вызывавшемъ естественное стремленіе направить волю боговъ и бѣсовъ въ свою пользу, и лежало начало религіознаго культа, который состоялъ у славянъ въ моленіяхъ, обѣтахъ и жертвахъ. Та стадія религіознаго развитія, на которой находилось славянство при самомъ началѣ своего разселенія, прекрасно изображена византійскимъ писателемъ VI вѣка—Прокопіемъ. «Славяне,—писалъ Прокопій,—признаютъ одного бога—создателя молніи владыкою всѣхъ и приносятъ ему жертвы. Не знаютъ рока и совершенно не вѣрятъ, что онъ имѣетъ какую-либо власть надъ людьми; если кому грозитъ очевидная смерть, въ болѣзни ли или на войнѣ, онъ обѣщаетъ, если не погибнетъ, жертву богу и спасшись приноситъ въ жертву обѣщанное и думаетъ, что этою жертвою купилъ себѣ жизнь. Почитаютъ они рѣки, нимфъ и нѣкоторыя другія божества, приносятъ имъ всяческія жертвы и по этимъ жертвамъ гадаютъ». Эти вѣрованія держались долгое время какъ у восточныхъ, такъ и западныхъ славянъ послѣ разселенія и даже послѣ принятія христіанства. Въ одномъ памятникѣ церковной литературы, дошедшемъ до насъ въ рукописномъ сборникѣ XIV вѣка, но по содержанію и языку несомнѣнно болѣе ранняго времени, нѣкій «христолюбецъ» съ негодованіемъ говоритъ о томъ, что несмотря на принятіе христіанства многіе приносятъ жертвы не существующимъ богамъ: «иной называетъ рѣку богинею и требу творитъ, иной творитъ требу на студенцѣ, ища отъ него дождя, вѣруютъ въ Перуна, Велеса, Хорса; огню молятся, называя его Сварожичемъ, молятся роду и рожаницамъ и кладутъ имъ требу-тризну: короваи, хлѣбъ, сыры, медъ, куръ; приносятъ жертвы бѣсамъ, болотамъ и колодцамъ, считаютъ богами солнце, мѣсяцъ, землю и воду, звѣрей и гадовъ, вѣруютъ во встрѣчу, въ чохъ, въ птичій грай и другую бѣсовскую кобь». О почитаніи источниковъ, болотъ и рощъ, т.-е. божествъ, жившихъ въ нихъ, говорятъ литературные памятники съ XI вѣка. Такъ, митрополитъ Іоаннъ упоминаетъ о тѣхъ, «еже жрутъ бѣсомъ и болотомъ и кладеземъ». Церковный уставъ Влади-

міра среди проступковъ, подлежащихъ церковному наказанію, перечисляетъ: «или кто молится подъ овиномъ или въ рощеньи, или у воды». По свидѣтельству Косьмы Пражскаго, чешское простонародье въ XI вѣкѣ также почитало студенцы-колодцы, огни, святые боры, деревья и камни и приносило имъ кровавыя жертвы. Гельмольдъ, писавшій въ XII вѣкѣ, говоритъ о почитаніи рощъ, источниковъ и даже камней, какъ о всеобщемъ обычаѣ прибалтійскихъ славянъ. Стало быть, культъ лѣса и воды былъ исконно славянскимъ у нашихъ предковъ и не былъ результатомъ сліянія съ ними финновъ, какъ это утверждалось иногда въ исторической литературѣ. Исконно-славянскими являются и имена главныхъ боговъ у русскихъ славянъ: Перунъ, богъ молніи и грома, Даждь-богъ и Велесъ, олицетворявшіе разныя функціи бога солнца, какъ небеснаго свѣтила, какъ источника жизни на землѣ человѣческой и животной, Сварожичъ—богъ огня. Эти имена сохранились также и у западныхъ славянъ частью въ названіяхъ божествъ (Сварожичъ), частью въ личной и географической номенклатурѣ. И у восточныхъ славянъ такъ же, какъ у западныхъ, ставились изображенія боговъ, ихъ идолы, передъ которыми они и совершали свои моленія и требы. Объ этомъ разсказываютъ и арабскіе писатели (Ибнъ-Фадланъ), и наша лѣтопись. По разсказу лѣтописи при Игорѣ въ Кіевѣ стоялъ идолъ Перуна, передъ которымъ и приносила клятву въ соблюденіи договора некрещенная русь. При Владимірѣ въ Кіевѣ стояли идолы Перуна, Хорса, Даждь-бога и Стрибога; въ Ростовѣ, по преданіямъ, стоялъ идолъ скотьяго бога—Велеса. Идолы стояли подъ открытымъ небомъ и на возвышенныхъ мѣстахъ; какихъ-либо хоромъ для нихъ—храмовъ не было. Моленія и требы совершались всѣми, кто хотѣлъ; особаго класса жрецовъ еще не было. Впрочемъ, были особые люди, считавшіе себя и другими считавшіеся въ особой близости съ богами. То были вѣщіе люди, знавшіе и предрекавшіе будущее. Изъ общей прародины принесли восточные славяне и свои вѣрованія въ загробную жизнь. Въ могилахъ славянъ, относящихся къ языческому періоду, вмѣстѣ съ костями или пепломъ сожженнаго покойника находятся обыкновенно различные предметы хозяйственнаго обихода: ножъ, огниво, кремни для высѣканія огня, желѣзныя орудія, деревянная или глиняная посуда. Очевидно, погребая покойника или его прахъ, славяне убѣждены были, что жизнь его будетъ такъ или иначе продолжаться и въ могилѣ, и что домашнія вещи ему понадобятся. Представленіемъ о загробномъ существованіи объясняется и обычай справлять тризну на могилѣ покойника, котораго услаждали пиромъ—яствами, питіями и пѣснями въ его честь. Почетъ покойникамъ воздавался и въ другое время, въ самый расцвѣтъ весны, когда по вѣрованію славянъ душа умершихъ выходила изъ могилъ погулять и повеселиться вмѣстѣ съ живыми на игрищахъ, названныхъ заимствованнымъ у жителей римской имперіи словомъ «*русалія*» (rosalia, праздникъ розъ), вслѣдствіе чего и души умершихъ стали называться русалками. Особымъ почетомъ пользовалась душа умершаго родоначальника, *дѣ-*

душки домового, щура, которая пребывала въ домѣ и продолжала печься объ его благосостояніи. Эту душу славянинъ звалъ на помощь всякій разъ, какъ его постигала какая-нибудь бѣда. Таковъ смыслъ извѣстнаго заклинанія: чуръ меня, чуръ меня! На ряду съ представленіями о продолженіи существованія въ могилахъ религіозная мысль славянъ возвышалась до представленія иного міра—рая, страны тепла, свѣта, зеленыхъ садовъ, куда удалялись души умершихъ. Чтобы облегчить имъ этотъ переходъ, и существовалъ обрядъ сожженія труповъ.

Славянскіе языческіе праздники. Древній славянинъ одною жизнью съ природою дышалъ, отзывался на всѣ крупныя перемѣны, въ ней совершавшіяся. Начало новаго солнечнаго года, послѣ самаго короткаго дня, славяне справляли праздникомъ, получившимъ подъ вліяніемъ грекоримской культуры названіе коляды (calendae). Судя по позднѣйшимъ переживаніямъ, праздникъ носилъ земледѣльческій, хозяйственный характеръ: вечеръ среди сноповъ, передъ нагроможденной кучей хлѣбовъ; пожеланія и ворожба урожая и приплода на будущій годъ; приглашеніе на трапезу мороза и т. д. Когда начинало чувствоваться приближеніе весны, происходилъ второй языческій праздникъ—проводы зимы-морены (въ христіанскую эпоху этотъ праздникъ справлялся на масленицѣ), при чемъ происходило сожженіе соломеннаго чучела зимы-костромы. Когда весна вступала уже въ свои права, справлялась Радуница. На «красной горкѣ», обнажившейся изъ-подъ снѣга и зазеленѣвшей травою, водились хороводы, пѣлись пѣсни, посвященныя веснѣ-краснѣ, и происходило умыканіе дѣвицъ. Расцвѣтъ весны, время цвѣтовъ славянинъ справлялъ, какъ уже сказано, «русальями», игрищами и пѣснями, въ которыхъ привѣтствовались рѣзвившіяся русалки и затѣмъ оплакивались русалки, попадавшія съ деревьевъ и разбившіяся до смерти (т.-е. ушедшія вновь въ могилы). Лѣтній поворотъ солнца—наивысшій расцвѣтъ природы и вмѣстѣ съ тѣмъ предвѣстникъ умиранія, праздновался подъ именемъ Купала. Подъ вечеръ сходились молодые люди обоихъ половъ, надѣвали на голову вѣнки изъ зелени и цвѣтовъ, опоясывались гирляндами и, схватившись руками, водили хороводъ вокругъ костра или зеленой вѣтки, пѣли пѣсни и прыгали черезъ костеръ. Этотъ праздникъ удержался и послѣ принятія христіанства, при чемъ сопровождался иногда явленіями полового изступленія: было женамъ оскверненіе, дѣвамъ растлѣніе.

Нравы славянъ. Древнѣйшія извѣстія о славянахъ вообще и о русскихъ въ частности, рисуютъ ихъ жизнерадостнымъ народомъ, любившимъ пляски, пѣсни, музыку. Плясанья и «бѣсовскія пѣсни» были на игрищахъ межъ селъ; «съ плясаньемъ и плесканьемъ» совершались на Руси свадьбы; «бѣсовское пѣнье и блудное глумленіе» (вѣроятно, нескромныя пѣсни или шутки) были обычной принадлежностью пира или бесѣды у русскихъ славянъ и послѣ принятія христіанства, какъ свидѣтельствуютъ о томъ христіанскіе моралисты-проповѣдники; свое жизнерадостное настроеніе наши предки

подогрѣвали хмельнымъ питьемъ, до котораго были великіе охотники. Сладкій опьяняющій напитокъ—медъ (ὁ μέδος) былъ въ большомъ употребленіи у славянъ еще въ V вѣкѣ; имъ подчивали византійскаго посла Приска и его спутниковъ, ѣхавшихъ въ станъ къ Аттиллѣ, осѣдлые жители Панноніи, перевозившіе пословъ на лодкахъ черезъ рѣки. Арабъ Кардизи писалъ о восточныхъ славянахъ, что у нихъ водится много меда и вина: у одного человѣка бываетъ по сту жбановъ меда. Ибнъ-Фадланъ, разсказывая о купцахъ, пріѣзжавшихъ изъ Руси, писалъ между прочимъ: «они весьма склонны къ вину, пьютъ его днемъ и ночью, такъ что случается имъ иногда и умирать съ кружкою въ рукахъ». Византіецъ Скилица, описывая болгарскій походъ Святослава, разсказываетъ, что воины Святослава не помнили объ осторожности, пьянствуя по цѣлымъ ночамъ, увлекаясь свирѣлями, бубнами и плясками.—Можно поэтому думать, что подлинная дѣйствительность нашла себѣ выраженіе въ извѣстномъ изреченіи, вложенномъ нашимъ книжникомъ XI вѣка въ уста князю Владиміру: «Руси есть веселіе пити, не можемъ безъ того быти».

Эта жизнерадостность въ связи съ давнишнимъ экономическимъ общеніемъ съ другими народами породила нѣкоторыя черты славянскаго характера, о которыхъ согласно говорятъ иноплеменные наблюдатели. Византійскій императоръ Маврикій писалъ о славянахъ: «они ласковы съ чужеземцами, принимаютъ ихъ у себя, провожаютъ отъ одного мѣста въ другое, куда ему нужно, и даже, если гостю приключится какая-либо бѣда по винѣ хозяина, то тотъ, кто принялъ послѣ него гостя, выступаетъ противъ нерадиваго, считая честью для себя заступиться за гостя». Подобные же отзывы даютъ арабскіе писатели о русскихъ славянахъ и нѣмецкіе о западныхъ. Русь, по словамъ арабскаго писателя IX вѣка, «чтитъ чужеземца и привѣтливо обходится съ отдающимися подъ ея попеченіе, либо часто бывающими у нея и охраняетъ ихъ отъ всякихъ приключеній». «Нѣтъ народа,—пишетъ Адамъ Бременскій о поморскихъ славянахъ,—болѣе гостепріимнаго, чѣмъ они». Эта выработавшаяся особенность народнаго характера въ свою очередь явилась благопріятнымъ условіемъ для дальнѣйшаго культурнаго общенія славянъ и даже сліянія ихъ съ сосѣдними народностями.

Общеніе съ иноплеменниками и его послѣдствія. Выше было указано на то, что восточные славяне послѣ своего разселенія по южнымъ пространствамъ нашей страны вступили въ оживленныя торговыя сношенія съ греческими колоніями на Черномъ морѣ и Византіею, а также съ Хазаріею, Болгаріей и халифатомъ. Эта торговля содѣйствовала образованію среди восточнаго славянства класса богатыхъ, состоятельныхъ людей—лучшихъ, вятшихъ, купцовъ, которые заводили извѣстную роскошь въ своей одеждѣ, пищѣ, домашней обстановкѣ и вооруженіи, пользуясь для этого привозными издѣліями Греціи, Востока, Скандинавскихъ странъ. Но на ряду съ дорогими тканями, украшеніями, винами,

оружіемъ, въ эту среду стали проникать и сѣмена образованности, книжнаго ученія. Къ началу X вѣка въ нашей странѣ существовала уже письменность. Купцы, пріѣзжавшіе изъ Руси въ Царьградъ, по свидѣтельству Олегова договора съ греками 912 года, составляли иногда «рукописаніе», т.-е. письменное духовное завѣщаніе. Ибнъ-Фадланъ, видѣвшій въ 921 году погребеніе знатнаго русса въ Итилѣ, сообщаетъ, что руссы ставили надъ могилами своихъ покойниковъ столбы, на которыхъ надписывали имена умершихъ и того князя, при которомъ онъ умеръ. Хотя всѣ эти извѣстія относятся къ руси, а не славянамъ, но русь въ то время, по всѣмъ признакамъ, была уже туземнымъ классомъ, въ составъ котораго входили не только пришлые варяги, но и славяне.

Но общеніе съ сосѣдями приводило не только къ повышенію, но и къ извѣстному пониженію культурнаго уровня восточнаго славянства. Въ этомъ отношеніи съ теченіемъ времени должно было произойти извѣстное разслоеніе среди восточныхъ славянъ, различіе между вѣтвями ихъ, разселившимися въ южныхъ пространствахъ, и вѣтвями, разселившимися въ сѣверныхъ пространствахъ.

Финнское вліяніе. Славянская колонизація въ лѣсныхъ пространствахъ восточной Европы происходила на земляхъ, занятыхъ, главнымъ образомъ, финнскими племенами—чудью, весью, мерею, муромою и т. д. Судя по тому, что въ этихъ мѣстностяхъ оставались прежнія финнскія названія рѣкъ, озеръ и разныхъ урочищъ, надо думать, что разселеніе славянъ на финнской территоріи совершалось исподволь, не сразу, при чемъ устанавливалось мирное сожительство пришельцевъ съ старожилами, приводившее въ концѣ концовъ къ сліянію послѣднихъ съ первыми. Ассимиляція финновъ съ славянами вызывала коренное измѣненіе физическаго типа восточныхъ славянъ, точнѣе сказать, вносила въ него то разнообразіе, которое наблюдается въ настоящее время. По извѣстіямъ византійцевъ и арабовъ, знавшихъ, главнымъ образомъ, югъ нашей страны, славяне были рослыми, крѣпкаго тѣлосложенія, свѣтловолосыми людьми; этими своими чертами они особенно поражали грековъ и арабовъ. Впослѣдствіи эти черты не являются уже преобладающими въ физическомъ типѣ русскаго народа. Этотъ типъ представляетъ уже большое разнообразіе, при чемъ не мало встрѣчается чертъ, роднящихъ его съ финнскимъ—приземистость, скуластость, темноволосость, смуглость лица и т. п. Эта же примѣсь финскихъ элементовъ повліяла и на разнообразіе русско-славянскихъ говоровъ, изъ которыхъ нѣкоторые представляютъ значительное уклоненіе отъ коренного славянскаго произношенія. Финны, въ общемъ, были менѣе культурнымъ народомъ, чѣмъ славяне. Писатель, дающій о нихъ первыя свѣдѣнія,—Тацитъ—нарисовалъ ихъ жалкими дикарями. «У финновъ,—читаемъ въ его описаніи,—чистая дикость, гнусная бѣдность: нѣтъ ни оружія, ни лошадей, ни пенатовъ; ихъ пища—трава, одежда—кожа, ложе—земля; вся надежда на стрѣлы, которыя за неимѣніемъ желѣза заостряютъ костями. Охота

кормитъ одинаково мужчинъ и женщинъ, которыя всюду сопровождаютъ своихъ мужей и требуютъ себѣ часть добычи; дѣтямъ нѣтъ другого убѣжища отъ непогоды и звѣрей, кромѣ шалашей, сплетенныхъ изъ вѣтвей; сюда же идутъ юноши, сюда удаляются старцы. Они считаютъ это состояніе болѣе счастливымъ, чѣмъ обрабатывать поля, строить дома, дрожать за свое имущество, завидовать чужому. Не опасаясь людей, не страшась боговъ, они достигли трудно достижимаго,—они ничего не желаютъ».—Разумѣется, за послѣдующее время финны не остались на этой стадіи развитія, а ушли впередъ. Какъ теперь дознано учеными (на основаніи заимствованныхъ словъ), при посредствѣ иранскихъ племенъ финны ознакомились съ металлами, стали употреблять металлическія орудія труда и борьбы; при посредствѣ же иранцевъ ознакомились съ начатками земледѣлія и скотоводства; благодаря литовцамъ улучшили свою одежду, жилища и расширили земледѣліе и скотоводство. Но въ общемъ финны въ своемъ культурномъ развитіи остались позади германцевъ, литовцевъ и славянъ, а нѣкоторыя изъ ихъ племенъ, наиболѣе заброшенныя въ лѣсныхъ дебряхъ сѣвера, даже и теперь живутъ почти такъ же, какъ во времена Тацита (вогулы). Внѣдреніе восточныхъ славянъ въ ихъ среду, смѣшеніе съ ними должно было приводить къ нѣкоторому одичанію и самихъ славянъ, къ пониженію ихъ духовнаго уровня. Въ глухихъ лѣсахъ сѣвера въ общеніи и даже родствѣ съ угрюмыми, замкнутыми въ себя ихъ обывателями славянскіе колонисты теряли свою жизнерадостность и экспансивность, проникались страхомъ передъ темными силами природы, злыми духами, разсѣянными въ дуплахъ деревьевъ, болотахъ и рѣкахъ, и искали помощи и защиты у кудесниковъ или волхвовъ (шамановъ). И до сихъ поръ не исчезли въ духовной жизни русскаго народа слѣды этого подавляющаго народную психику вліянія.

Родо-племенной бытъ. Картину славянской культуры необходимо дополнить еще данными относительно ихъ общественной организаціи. Еще изъ періода индоевропейскаго единства славяне вынесли выработанныя семейныя отношенія, одномужнее супружество и виды кровнаго, по отцу, родства. Объ этомъ свидѣтельствуютъ праарійскія слова: отецъ, мать, сынъ, дочь, братъ, сестра, стрый, свекоръ, деверь, ятровь (жена деверя), невѣстка. Послѣ того, въ эпоху совмѣстной жизни, они выработали термины для обозначенія родства по матери и женѣ (уй, дядя по матери и т. п.). Патріархальная праславянская семья, заселяя весь, составляла общину, соединенную узами кровнаго родства, иначе—родъ. Община-родъ носила общее имя отъ своего родоначальника (съ окончаніемъ на ичи, овичи, вцы), владѣла сообща имуществомъ и управлялась своимъ старшимъ (старостою, владыкою, господаремъ), который поддерживалъ миръ и согласіе въ общинѣ, разбиралъ недоразумѣнія въ ея средѣ и распоряжался трудомъ ея членовъ. Первоначально старѣйшиной былъ естественный глава семьи—отецъ, дѣдъ, иногда прадѣдъ, а по смерти его старшій или способнѣйшій по выбору

сынъ. Родъ, разрастаясь въ дальнѣйшемъ, распадался на нѣсколько родовъ, которые, сознавая свое родство, образовывали слѣдующую ступень общественной организаціи—братство (у черногорцевъ до сихъ поръ сохраняются слѣды этой организаціи въ видѣ братствъ, празднующихъ общій церковный праздникъ одного святого, замѣнившаго стараго предка—праотца). Братство, разрастаясь въ дальнѣйшемъ, или соединяясь съ другими братствами, образовывало племя, во главѣ котораго стояли жупаны, воеводы, князья, имѣвшіе значеніе родовыхъ старѣйшинъ и предводителей на войнѣ. Жупаны, воеводы и князья выходили изъ старшихъ членовъ старшаго рода. Общественная жизнь во всѣхъ этихъ соединеніяхъ нормировалась распоряженіями и судомъ этихъ властей, которые руководствовались выработавшимся въ обществѣ правосознаніемъ и обычаемъ, *правомъ* и *закономъ*, а также рѣшеніями родовыхъ и племенныхъ совѣщаній—*вѣчъ*.

Такова была общественная организація славянъ, выработавшаяся у нихъ еще до разселенія и державшаяся у нихъ долгое время и послѣ разселенія, отчасти даже при образованіи первоначальныхъ славянскихъ государствъ. Собственно при разселеніи первоначальная родоплеменная организація обыкновенно разрушалась. Разселялись по разнымъ мѣстамъ какъ члены родовъ, такъ и родственные роды—братства и племена. Разрывались установившіяся родственныя и традиціонныя связи и замѣнялись новыми—связями сосѣдства. Но съ теченіемъ времени, когда первоначальное броженіе улегалось, мало-по-малу возстанавливались и прежнія формы быта. Отдѣлившіяся семьи, разрастаясь, превращались въ роды; роды разрастаясь, превращались въ племена. Даже группы людей разныхъ родовъ и племенъ, поселяясь вмѣстѣ, устраивали свое общежитіе по прежнимъ формамъ родо-племенныхъ организацій, образовывали искусственные роды и племена. Такъ продолжалось до поры до времени, пока натискъ враговъ не заставлялъ славянъ сливаться въ военные союзы, которые, пріобрѣтая прочность и постоянство, превращались въ государства. Этотъ процессъ былъ общимъ для всего славянства, въ томъ числѣ и для нашихъ предковъ—восточныхъ славянъ. Разсмотрѣніе этого процесса и выдвигается теперь на первую очередь въ нашемъ изложеніи. Чтобы уяснить его, необходимо внимательно пересмотрѣть и оцѣнить тѣ данныя, которыя имѣются у насъ объ общественномъ бытѣ восточныхъ славянъ—наканунѣ ихъ объединенія.

Кромѣ вышеуказанныхъ трудовъ Грушевскаго и Багалѣя ближайшими пособіями для изученія вопроса могутъ быть:

Kreck, Einleitung in die slawische Literaturgeschichte. 2-te Auf. 1887.

Будиловичъ, Первобытные славяне въ ихъ языкѣ, бытѣ и понятіяхъ по даннымъ лексикальнымъ. Ч. I, вып. 1 и 2. Кіевъ, 1879; ч. II, вып. I. Кіевъ, 1881.

VI.

Общественная организація восточныхъ славянъ наканунѣ объединенія ихъ подъ властью Кіевскаго князя.

По вопросу о томъ, въ какой общественной организаціи жили восточные славяне непосредственно передъ объединеніемъ своимъ подъ властью русскихъ князей, въ исторической литературѣ были высказаны разнообразныя мнѣнія. Чтобы подойти къ истинѣ, необходимо такъ или иначе разобраться въ этихъ мнѣніяхъ, взвѣсить аргументы, приводившіеся учеными въ ихъ защиту.

Теорія родового быта. Въ первую очередь въ научной литературѣ было выставлено положеніе, что восточные славяне до самаго призванія князей жили *родовымъ бытомъ*. Положеніе это было высказано и энергически защищаемо представителями такъ называемой юридической школы въ нашей исторіографіи—дерптскими профессорами Эверсомъ и Рейцемъ, московскими—Соловьевымъ, Кавелинымъ и нѣкоторыми другими. Эверсъ и его послѣдователи въ обоснованіе своего мнѣнія использовали всѣ мѣста лѣтописи и другихъ источниковъ, гдѣ только можно усмотрѣть указанія на родовой бытъ и, въ концѣ концовъ, установили приблизительно такую схему начальной русской исторіи. До прибытія варяжскихъ князей славяне жили мелкими, совершенно обособленными другъ отъ друга обществами, которыя представляли совершенно естественное соединеніе лицъ, происходившихъ отъ одного родоначальника, разросшіяся семьи, или роды. Во главѣ этихъ мелкихъ обществъ стояли родоначальники, а за отсутствіемъ таковыхъ выборные родичами старѣйшины, которые всѣ дѣла вершили по общему совѣту на вѣчахъ рода, разбирали тяжбы и взаимныя несогласія родичей, а въ столкновеніяхъ съ чужеродцами являлись ихъ вождями и представителями. Этотъ бытъ, логически развиваясь, пришелъ, такъ сказать, къ отрицанію самого себя. Непрестанныя распри и усобицы между отдѣльными родами сдѣлали въ концѣ концовъ жизнь восточнаго славянства невозможною, особливо при непрестанныхъ обидахъ со стороны сосѣдей, и пробудили въ славянствѣ естественное тяготѣніе къ объединенію, къ установленію внутренняго мира и порядка въ землѣ, правды или суда взамѣнъ дикаго самоуправства и своеволія родовъ. Результатомъ этого и было призваніе князей и добровольное подчиненіе имъ славянства. Эти князья всѣ отдѣльные роды объединили въ одинъ, такъ сказать, общій родъ, а сами стали въ положеніе родоначальниковъ, старѣйшинъ эго рода. «Новое государство въ первоначальномъ своемъ состояніи,—писалъ Эверсъ,—есть не что иное, какъ соединеніе многихъ великихъ родовъ, а новый властитель не что иное, какъ верховный патріархъ. Устроеніе и управленіе государства есть

правленіе великимъ семействомъ,—единственный образецъ, который имѣли въ виду люди, вступавшіе въ новое великое общество».

Таково объясненіе происхожденія государственнаго порядка по теоріи родового быта. Это объясненіе вполнѣ сходится и съ лѣтописнымъ сказаніемъ о призваніи князей. И по лѣтописи призваніе князей вызвано было усобицами «родовъ», усилившимися среди славянъ послѣ изгнанія варяговъ: «И почаша сами въ собѣ володѣти, и не бѣ въ нихъ правды, и въста родъ на родъ, и быша въ нихъ усобицѣ, и воевати почаша сами на ся. И рѣша сами въ собѣ: поищемъ себѣ князя, иже бы володѣлъ нами и судилъ по праву». Такъ призваны были варяжскіе князья, объединившіе скоро всѣхъ восточныхъ славянъ въ одно государство.

Теорія общиннаго быта у славянофиловъ. Но въ той же самой лѣтописи, изъ которой Эверсъ и его послѣдователи почерпали доказательства для своей теоріи родового быта, находится не мало данныхъ, свидѣтельствующихъ, что наканунѣ призванія князей у славянъ были, повидимому, какія-то крупныя общественныя соединенія, не похожія на мелкіе родовые союзы. Такъ, разсказавъ о разселеніи восточныхъ славянъ въ нашей странѣ и объ основаніи города Кіева, лѣтописецъ говоритъ, что у полянъ основалось свое княженье, у древлянъ свое, у дреговичей также свое, равно у славянъ ильменскихъ (въ Новгородѣ), у кривичей (въ Полоцкѣ и Смоленскѣ) и т. д. То же самое видимъ и въ разсказѣ о подчиненіи славянъ варяжскимъ князьямъ. Рюрика съ братьями вызываютъ славяне ильменскіе по общему совѣщанію съ чудью и весью. Аскольдъ и Диръ, утвердившись въ Кіевѣ, начали владѣть всею «польскою землею». Олегъ, взявъ Смоленскъ, сталъ брать дань съ кривичей; взявъ Кіевъ, подчинилъ себѣ полянъ; при подчиненіи сѣверянъ и радимичей велъ переговоры съ цѣлымъ племенемъ и т. д. Ясное дѣло, слѣдовательно, что, разсказывая о появленіи князей на Руси и ихъ первоначальной дѣятельности, авторъ сказанія представлялъ себѣ восточныхъ славянъ разбитыми на нѣсколько болѣе или менѣе крупныхъ общественныхъ союзовъ, при чемъ во главѣ этихъ союзовъ стоятъ нѣкоторые города—Новгородъ, Смоленскъ, Кіевъ и т. д. Эти союзы выступаютъ въ лѣтописномъ повѣствованіи и позже, уже при князьяхъ, подъ именемъ «земель», «волостей».

Все это заставило нѣкоторыхъ ученыхъ критически и даже отрицательно отнестись къ теоріи родового быта. Первый, кто открылъ походъ противъ нея, былъ извѣстный основатель славянофильства—Константинъ Сергѣевичъ Аксаковъ. Не отрицая существованія въ древнѣйшее время родового быта у восточныхъ славянъ, Аксаковъ сталъ доказывать, что для времени, предшествовавшаго непосредственно призванію князей, родовой бытъ былъ уже давно пройденною стадіею развитія.—Терминъ «родъ» въ употребленіи лѣтописи, по мнѣнію Аксакова, не значитъ родъ въ собственномъ смыслѣ, а чаще всего семья, иногда родные въ неопредѣленномъ значеніи, иногда племя и, наконецъ, весь народъ. Родового быта въ эпоху

призванія князей, слѣдовательно, уже не было. Правда, родовое начало несомнѣнно дѣйствовало потомъ въ междукняжескихъ отношеніяхъ. Но это начало было не туземное, а наносное, варяжское, народъ совершенно оставался равнодушнымъ къ родовымъ княжескимъ счетамъ, интересуясь личностью даннаго князя, а вовсе не соображеніями его родового старшинства или меньшинства. Тому быту, который начался съ призванія князей, предшествовалъ, по мнѣнію Аксакова, бытъ общинный. Прежде, чѣмъ сомкнуться въ единое государство подъ властью князей, славяне сомкнулись въ рядъ общинъ, члены которыхъ связаны были не родствомъ, а сосѣдствомъ. Общины рѣшали всѣ свои дѣла на вѣчахъ и управлялись властью выборныхъ старѣйшинъ. Мелкія общины, сообща владѣвшія землею и связанныя круговою порукою, назывались *вервями*; изъ соединенія ихъ составлялись волости, или земли, ставшія позднѣе княженьями. Эту теорію Аксакова развили и обставили доказательствами профессора-юристы Московскаго Университета: *Бѣляевъ* въ своей статьѣ «Русская земля передъ прибытіемъ Рюрика», *Лешковъ* въ своей статьѣ «О верви» и въ книгѣ «Русскій народъ и государство».

Итакъ, Аксаковъ и его послѣдователи отвергли непосредственный переходъ отъ родового быта къ государственному и установили существованіе промежуточной стадіи между родовымъ бытомъ и государственнымъ. Въ этомъ ихъ заслуга. Но какъ образовались эти промежуточные союзы, Аксаковъ и его послѣдователи не даютъ прямого отвѣта на этотъ вопросъ и ограничиваются только простымъ констатированіемъ факта, что наканунѣ появленія князей славяне объединены были уже не кровными узами, а сосѣдствомъ, территоріею и единствомъ матеріальныхъ интересовъ.

Теорія племенного быта. Вопросъ о происхожденіи «земель» или «волостей» занялъ вниманіе позднѣйшихъ историковъ. Отвѣтъ на него постарался дать прежде всего *Костомаровъ*. Основываясь на свидѣтельствѣ лѣтописи, что у полянъ было свое княженье, у древлянъ свое, у дреговичей свое и т. д., Костомаровъ рѣшилъ вопросъ въ томъ смыслѣ, что крупные общественные союзы, существовавшіе у славянъ до варяжскихъ князей, были племенные союзы, соединеніе родственныхъ родовъ, и что образовались эти союзы путемъ естественнаго размноженія родовъ и разселенія ихъ по сосѣдству другъ съ другомъ. Эта теорія въ сущности недалеко отошла отъ теоріи, которую проповѣдывали Эверсъ, Соловьевъ и Кавелинъ. Эти ученые также не отрицали существованія племенной организаціи среди восточныхъ славянъ наканунѣ призванія князей, но только не придавали этой организаціи большого значенія, считая племенныя связи чрезвычайно слабыми, легко порывавшимися, и признавали крѣпкими только родовыя. Костомаровъ же съ своей стороны выдвинулъ на первый планъ именно племенныя связи, узлы которыхъ затянуты были въ главныхъ городахъ племенъ, гдѣ сидѣли племенные князья.

Теорія Сергѣевича относительно образованія земель. Но теорія Костомарова не удержалась въ исторической наукѣ. Было указано, что прежніе общественные союзы славянъ, существовавшіе наканунѣ призванія князей, хотя, быть можетъ, и зародились въ нѣдрахъ отдѣльныхъ племенъ, но уже вышли изъ рамокъ племенного дѣленія восточныхъ славянъ. Новгородскій союзъ, напр., обнималъ собою не однихъ ильменскихъ славянъ, но также часть кривичей (изборскихъ) и финнскія племена чудь и весь. Полоцкій союзъ составился изъ кривичей и части дреговичей; Смоленскій изъ кривичей и части радимичей; Черниговскій изъ сѣверянъ, части радимичей и вятичей и т. д. На почвѣ этихъ наблюденій создались теоріи, совершенно отрицающія участіе родственныхъ началъ въ образованіи древнерусскихъ земель или волостей. Рѣзче другихъ этотъ взглядъ проведенъ былъ *Сергѣевичемъ* въ его сочин. «Вѣче и князь». По его мнѣнію, земли или волости сложились такимъ образомъ: группы предпріимчивыхъ людей изъ одного или разныхъ племенъ и даже инородцевъ, осаживались въ извѣстномъ опредѣленномъ пунктѣ и устраивали городъ. Жители такихъ укрѣпленныхъ пунктовъ при благопріятныхъ условіяхъ могли стремиться къ расширенію своихъ владѣній и съ этою цѣлью захватывать чужія земли и подчинять себѣ разрозненное населеніе этихъ земель. Для береженья своихъ пріобрѣтеній имъ приходилось ставить пригороды, которые во всемъ зависѣли отъ главныхъ городовъ. Такъ и создались земли, или волости, во главѣ которыхъ стояли города. Такъ создался тотъ порядокъ, который лаконически изображенъ въ извѣстномъ заявленіи лѣтописи: «новгородцы и смольняне, и полочане и всѣ волости на вѣча, какъ на думу, сходятся, и на чемъ старшіе положатъ, на томъ и пригороды станутъ». Такъ объяснилъ Сергѣевичъ происхожденіе тѣхъ крупныхъ общественныхъ союзовъ, которые сложились у восточныхъ славянъ еще до появленія князей.

Теорія задружно-общиннаго быта. Но послѣ того, какъ во всей крайности высказано было мнѣніе, отрицавшее участіе родственнаго начала въ образованіи волостей или земель, въ наукѣ произошла нѣкоторая реакція противъ этой крайности, нѣкоторый поворотъ въ пользу прежнихъ теорій родового и племенного быта. Стали указывать, что у восточныхъ славянъ все-таки можно подмѣтить остатки и родового быта, хотя бы, напр., въ видѣ кровной мести, и племенной организаціи, хотя бы, напр., въ видѣ племенныхъ князей. Родовой и племенной бытъ долженъ былъ непремѣнно существовать у восточныхъ славянъ подобно тому, какъ онъ существовалъ и у славянъ западныхъ и южныхъ. Но несомнѣнно, что ко времени появленія варяжскихъ князей, этотъ родо-племенной бытъ уже не уцѣлѣлъ въ чистомъ видѣ. Какая же общественная организація существовала у восточныхъ славянъ въ это время? Скорѣе всего та же самая, которая сложилась у южныхъ славянъ на почвѣ родо-племенного быта, но которая по существу своему была уже

не родо-племенною. Эта—организація *задружно-общинная*. Авторъ теоріи о задружно-общинномъ бытѣ восточныхъ славянъ *Леонтовичъ* привелъ въ пользу ея слѣдующіе аргументы. Чистая родо-племенная организація сохраняется только у кочевыхъ народовъ. Но какъ скоро народъ переходитъ къ осѣдлой жизни, эта организація неминуемо разрушается и замѣняется территоріальною. Жизнь съ ея потребностями устанавливаетъ общеніе между чужеродцами, связываетъ ихъ въ общество. Такимъ образомъ, между родичами поселяются пришлые, чужіе люди; между родственными родами—роды другихъ племенъ. Но юридическія отношенія между этими сосѣдями на первыхъ порахъ складываются по привычному типу родо-племенной организаціи. Являются такимъ образомъ какъ бы искусственные роды и искусственныя племена. Таковыми искусственными родами были, по мнѣнію Леонтовича, наши *верви*, мелкіе общественные союзы, являющіеся въ Русской Правдѣ, такими искусственными племенами были группы славянъ, объединявшіяся въ волости или земли вокругъ главныхъ городовъ. Такимъ образомъ, по этой теоріи родственное начало не устраняется изъ формировки общественныхъ союзовъ восточныхъ славянъ. Теорія отрицаетъ только сохраненіе въ чистотѣ родо-племенной организаціи.

Теорію Леонтовича обстоятельно развилъ и дополнилъ новыми соображеніями покойный *Никитскій* въ отдѣльныхъ статьяхъ и изслѣдованіяхъ, посвященныхъ внутренней организаціи Псковской общины.

По мнѣнію Никитскаго, такъ называемый родъ не былъ явленіемъ естественнымъ, чисто кровнымъ, а заключалъ въ себѣ и элементъ фикціи, былъ явленіемъ до извѣстной степени политическимъ. Сравнительная исторія показываетъ, что въ предѣлахъ индоевропейской отрасли народовъ родъ обыкновенно заключалъ въ себѣ, кромѣ лицъ, связанныхъ между собою узами родства, и постороннихъ членовъ. Кельтійскій кланъ, напримѣръ, кланъ горной Шотландіи, на который обыкновенно указывали, какъ на образчикъ естественнаго рода, по новѣйшимъ изслѣдованіямъ оказывается не чуждымъ посторонней примѣси. Индійскіе родовые союзы основываются не на одной только одинаковости происхожденія, но и на допущеніи въ свою среду людей, совершенно постороннихъ. Относительно греческихъ родовъ уже Аристотель и Дикеархъ отрицали существованіе строгой родственной связи; новѣйшіе греческіе историки также не задумываются считать греческіе роды отчасти искусственными. Въ римской жизни какъ семья постоянно пополнялась посторонними лицами (adoptio), такъ точно и другія высшія единицы. Въ древней Германіи стороннія примѣси рода характеризовались названіями sui, vicini, gegyldan. Исторія славянъ представляетъ также несомнѣнныя доказательства существованія фиктивныхъ родовъ еще въ XV вѣкѣ. Никитскій идетъ въ этомъ направленіи такъ далеко, что утверждаетъ: «родъ вообще создается посредствомъ фикціи, распространяющей узы родства и на постороннихъ лицъ. Семья превра-

щается въ родъ лишь единственно тѣмъ, что она уже перестаетъ довольствоваться физическими и нравственными отношеніями, и вмѣстѣ съ тѣмъ пріобрѣтаетъ сознаніе о юридическомъ или политическомъ принципѣ жизни и сообщаетъ этому принципу обязательное или объективное значеніе. Поэтому получаемая черезъ усиленіе юридическаго сознанія новая общественная единица, родъ, есть не что иное, какъ государство; новое начало, сообщаемое жизни фикціею родства, есть начало государственное; при разсмотрѣніи родового быта историкъ присутствуетъ при зарожденіи государства. Въ семьѣ вся власть исходитъ отъ отца семейства и не нуждается въ признаніи со стороны подчиненныхъ. Иное дѣло въ родовомъ союзѣ. Тамъ вся власть исходитъ изъ рода, опирается на своемъ происхожденіи, на нѣмомъ или явномъ договорѣ всѣхъ потомковъ, короче, основывается на выборѣ. Поэтому, если власть отца семейства является по своей сущности неограниченною, то власть родоначальника, наоборотъ, доступна для всякаго ограниченія». Родовой бытъ не ограничивался, по мнѣнію Никитскаго, однимъ только устройствомъ простого рода, но за предѣлами послѣдняго создавалъ новыя, гораздо обширнѣйшія единицы общежитія. Эти единицы образовывались вокругъ городовъ. Внѣшняя опасность заставляла сосѣдніе роды создавать укрѣпленныя, огороженныя мѣста, куда можно было бы укрываться съ имуществомъ въ случаѣ нападенія. Родъ и служилъ первоначально связью отдѣльныхъ родовъ. При этомъ выдвигался одинъ какой-либо родъ и фактически пріобрѣталъ власть надъ всѣми остальными, дѣлался старшимъ между ними; а черезъ это самое и родоначальникъ его становился на мѣсто родоначальника всей группы родовъ, ихъ княземъ. Фикція родства объединила всѣ ближайше жившіе роды въ одно *племя*, которое считало себя идущимъ отъ одного родоначальника: радимичи отъ Радима, вятичи отъ Вятка. Такъ создались патріархальныя княженія, которыми была покрыта вся Русь: княженія были у полянъ, древлянъ, дреговичей, новгородцевъ и полочанъ. Власть князей въ этихъ княженьяхъ была еще болѣе ограничена, чѣмъ власть простыхъ родоначальниковъ. Во-первыхъ, ее ограничивали старѣйшины другихъ родовъ, кромѣ княжескаго, а во-вторыхъ, народныя собранія или вѣча, которыя были источникомъ всякой власти.

Теорія торговаго происхожденія городовыхъ волостей. Мнѣніе о томъ, что славяне наканунѣ появленія варяжскихъ князей не жили уже чистымъ родо-племеннымъ бытомъ, въ концѣ-концовъ возобладало въ исторической наукѣ. Оставалось только невыясненнымъ, какая же сила сплотила восточныхъ славянъ въ новыя общественныя соединенія. У Аксакова, Сергѣевича и Леонтовича на этотъ счетъ даны только самыя общія и неопредѣленныя указанія на хозяйственные интересы. Детально этотъ вопросъ подвергся разработкѣ въ сочиненіи В. О. Ключевскаго «Боярская дума древней Руси». В. О. Ключевскій исходитъ изъ того положенія, что при разселеніи славянъ по восточной Европѣ ихъ прежняя родовая и племенная организація разрушилась. Славяне разбросались по нашей

странѣ отдѣльными семьями, отдѣльными дворами. Слѣды ихъ первоначальныхъ поселеній въ видѣ такъ называемыхъ городищъ указываютъ именно на такой характеръ ихъ разселенія. Эти городища столь незначительны, что они могли быть территоріею поселенія одного, много двухъ дворовъ. И въ лѣтописи мы находимъ намеки на такіе именно поселки: Кіевъ, по сказанію лѣтописи, былъ первоначально городкомъ трехъ братьевъ. Разселившись такими мелкими поселками, славяне принялись заниматься охотою и бортничествомъ и сбытомъ добычи на иноземные рынки при помощи прибывавшихъ къ нимъ иноземныхъ, а позже и своихъ купцовъ. Съ развитіемъ торговли между ихъ разбросанными дворами стали возникать сборные пункты, мѣста промышленнаго обмѣна, куда сходились звѣроловы и бортники для торговли, для гостьбы, какъ говорили въ старину. Такіе сборные пункты получили названіе *погостовъ*. Нѣкоторые изъ этихъ погостовъ, расположенные по судоходнымъ рѣкамъ, сдѣлались пунктами наиболѣе крупныхъ оборотовъ, и къ нимъ, какъ къ рынкамъ экспорта, стали тяготѣть мелкіе сельскіе погосты, какъ пункты первоначальнаго сбора и сбыта товаровъ. Но установившіяся экономическія связи отдѣльныхъ поселковъ съ погостами и погостовъ съ главными городами неминуемо должны были повести къ установленію политическихъ связей, какъ для урегулированія взаимныхъ отношеній, такъ и для охраны общихъ интересовъ. Такъ создались на Руси *городовыя волости*, обнимавшія извѣстные торгово-промышленные районы, съ центральнымъ средоточіемъ въ главномъ торговомъ городѣ, къ которому тяготѣли погосты съ окружающими ихъ поселками. Въ концѣ IX в. общій торговый интересъ заставилъ эти городовыя волости соединиться для борьбы съ кочевниками, пресѣкшими главные торговые пути. Такъ и появилась первая форма государственнаго союза восточныхъ славянъ—Кіевское княжество.

Односторонность всѣхъ этихъ теорій. Какое же положеніе занять намъ во всемъ этомъ ученомъ спорѣ? Нужно ли пристать къ какой-нибудь изъ высказанныхъ теорій и уже отъ нея отправляться въ дальнѣйшемъ уясненіи русской исторіи? Я лично держусь того мнѣнія, что въ этомъ нѣтъ надобности. На мой взглядъ, въ каждой изъ названныхъ теорій есть доля истины, и намъ надобно только выдѣлить эти доли и скомбинировать изъ нихъ связное и цѣльное воззрѣніе. Каждая изъ перечисленныхъ теорій отправлялась отъ наблюденій надъ нѣкоторыми фактами, каждая уловила и подмѣтила дѣйствительныя черты времени. Споръ произошелъ въ наукѣ отъ того, что каждая теорія стремилась быть исключительною, обобщала свои *частныя* наблюденія и переносила свои обобщенія на всѣ явленія эпохи. Всѣ перечисленныя мною теоріи, такъ сказать, искусственно упращивали бытъ восточнаго славянства наканунѣ его политическаго объединенія, предполагали его однороднымъ и не считались совсѣмъ съ возможною сложностью его. Это—постоянная методологическая ошибка, отъ которой не уберегаются и самые

талантливые изслѣдователи нашей старины. Пояснимъ это примѣрами на разсматриваемомъ случаѣ.

Остатки родового быта. Родовой бытъ, говорятъ намъ, уже не существовалъ на Руси, наканунѣ политическаго объединенія славянства. Такъ говорилъ въ свое время Аксаковъ, такъ говорилъ въ недавнее время В. О. Ключевскій. Какъ на доказательство разрушенія родовыхъ союзовъ, указывали на наше древнѣйшее наслѣдственное право, какъ оно отразилось въ договорахъ Олега и Игоря съ греками и въ Русской Правдѣ. «Уже въ Олеговомъ договорѣ съ греками,—говоритъ Ключевскій,—наслѣдованіе по завѣщанію является господствующимъ среди Руси. Это, какъ извѣстно, не служитъ доказательствомъ свѣжести и крѣпости родового союза». Ключевскій указывалъ далѣе, что и порядокъ наслѣдованія безъ завѣщанія по договорамъ съ греками и Русской Правдѣ свидѣтельствуетъ о томъ же: имущество переходитъ къ своимъ, т.-е. къ семьѣ въ тѣсномъ смыслѣ, къ сыновьямъ, а при неимѣніи ихъ—къ дочерямъ, и только при неимѣніи своихъ, переходитъ къ «малымъ ближикамъ», т.-е. боковой роднѣ, братьямъ и племянникамъ. У князей, замѣчаетъ названный авторъ,—«родственныя отношенія по женской линіи не только ставятся наравнѣ съ отношеніями по мужской линіи, но даже иногда какъ будто бы берутъ надъ ними перевѣсъ». «Итакъ,—заключаетъ онъ,—разселеніе восточныхъ славянъ по русской равнинѣ сопровождалось юридическимъ разрушеніемъ родового союза».

На мой взглядъ, это утвержденіе страдаетъ двумя недостатками. Во-первыхъ, оно исходитъ изъ чисто схематическаго представленія о родѣ, какъ субъектѣ права собственности, представленія выработаннаго главнымъ образомъ при наблюденіяхъ надъ переживаніями родового быта у грековъ и римлянъ. Какъ показываютъ наблюденія надъ пережитками родового быта у славянъ, къ славянскому роду совершенно не примѣнимо это схематическое представленіе: и при общемъ родовомъ владѣніи и пользованіи каждый членъ рода считался субъектомъ права собственности въ извѣстной долѣ, которою въ извѣстныхъ случаяхъ онъ могъ распоряжаться по своей волѣ. Это во-первыхъ. Во-вторыхъ, если даже подмѣченныя явленія и служатъ признаками разрушенія родового союза, то нельзя обобщать ихъ въ такой мѣрѣ, въ какой сдѣлало это В. О. Ключевскимъ. По договорамъ съ греками, по Русской Правдѣ, по княжескимъ отношеніямъ нельзя умозаключать о томъ, какъ обстояло дѣло съ родовыми союзами въ народной массѣ. Договоры съ греками отражаютъ тѣ юридическія отношенія, какія существовали въ городскомъ, торговомъ классѣ, ибо договоры разумѣютъ именно торговую русь, ѣздившую въ Царьградъ. Въ торговыхъ городахъ родовой строй дѣйствительно могъ очень рано разложиться, ибо такіе города по самому происхожденію своему были скопищами разнаго люда, сошедшагося съ разныхъ сторонъ, между прочимъ и изъ Скандинавіи. Точно такъ же и указываемая статья Русской Правды говоритъ о порядкѣ

наслѣдованія, существовавшемъ на верхахъ общества, въ княжеской дружинѣ. Но то, что существуетъ на верхахъ общества, не непремѣнно существуетъ и на низахъ, въ народной массѣ. Въ народной массѣ въ различныхъ мѣстностяхъ родовые союзы могли еще оставаться въ полной силѣ и неприкосновенности. Это предположеніе можно подтвердить какъ общими соображеніями, такъ и нѣкоторыми фактами болѣе поздняго времени.

При своемъ разселеніи славяне въ силу естественныхъ условій страны и своихъ промышленныхъ занятій должны были разбрасываться по странѣ мелкими поселками. В. О. Ключевскій справедливо указалъ, что при такомъ разселеніи должны были нерѣдко порываться установившіяся родовыя связи. Но вмѣстѣ съ тѣмъ,—добавимъ отъ себя,—должны были нарождаться и новыя: семьи, отдѣлившіяся отъ родовъ, съ теченіемъ времени вѣдь размножались, сами превращались въ роды. У этихъ разросшихся семей много было причинъ жить вмѣстѣ и сообща дѣйствовать. Вмѣстѣ легче было обороняться отъ лютаго звѣря, отъ чужого человѣка; вмѣстѣ легче было теребить пашню изъ-подъ лѣса, сообща можно было шире развернуть экономическую дѣятельность, полнѣе воспользоваться благами окружающей природы: одному члену рода можно было пахать, другому слѣдить за пчелами, третьему—за ловищами и перевѣсищами, четвертому—за рыбьими язами и т. д. При разнообразіи промысловъ, при разносторонней эксплоатаціи природныхъ богатствъ соединеніе рабочихъ силъ необходимо. Родъ былъ естественнымъ, природнымъ соединеніемъ такихъ силъ. Поэтому родовые союзы въ народной массѣ крѣпко держались у насъ на Руси. Особенно крѣпки они были тамъ, гдѣ крестьяне были первыми заимщиками земли, гдѣ создалось извѣстное крестьянское право на землю, и гдѣ ни развитіе крупнаго землевладѣнія, ни другія обстоятельства не заставляли ихъ кочевать съ мѣста на мѣсто. Такъ было, напр., на крайнемъ сѣверѣ и въ западно-русскихъ земляхъ. Почитайте акты XV—XVI вв., относящіеся къ крестьянамъ западной Руси, и вы на каждомъ шагу встрѣтите родовыя крестьянскія гнѣзда, которыя сообща владѣютъ землею, сообща эксплоатируютъ ее со всѣми «ухожаями», сообща отправляютъ повинности. Въ Украйнѣ, т.-е. Кіевщинѣ, такой порядокъ вещей даетъ себя выслѣдить до самаго конца XVIII в. Этимъ объясняется и фактъ существованія въ западной Руси множества селъ съ именами на *ичи*, *овичи*. Въ разсматриваемое древнѣйшее время—надо думать,—родовые союзы въ сельской народной массѣ были частымъ явленіемъ, и села и деревни были сплошь и рядомъ родовыми поселками или селеніями нѣсколькихъ родовъ. Родовая организація могла оставаться и при синойкизмѣ, совмѣстномъ жительствѣ родовъ. Чѣмъ же иначе объяснить, что родовая месть сохранялась у насъ до половины XI вѣка, пока ее не отмѣнили дѣти Ярослава? Поэтому, я думаю, что лѣтописецъ, писавшій, что славяне по разселеніи въ нашей странѣ стали жить каждый съ родомъ своимъ, отправлялся въ этомъ утвержденіи отъ того, что давала ему и современная

жизнь. По быту населнеія селъ и разныхъ глухихъ мѣстностей, которое по культурѣ стояло ниже населенія торгово-промышленныхъ центровъ, лѣтописецъ естественно заключалъ о томъ, что было въ старину повсемѣстно на Руси.

Если исходить изъ предположенія, что родовой бытъ держался въ народной массѣ восточнаго славянства ко времени появленія князей, то легко будетъ объяснить и существованіе въ то время многочисленныхъ городковъ въ южныхъ областяхъ Руси. Здѣсь города и городки, можно сказать, были преобладающимъ типомъ поселковъ. Вотъ почему и неизвѣстный географъ Баварскій IX вѣка такъ своеобразно описываетъ нашу страну: «Уличи,—читаемъ у него,—народъ многочисленный: у него 318 городовъ; Вужане имѣютъ 231 городъ, Волыняне (Veluncani)—70, Сѣверяне—325». Скандинавамъ, пріѣзжавшимъ на Русь, она представлялась страною городовъ, и они такъ и величаютъ ее въ своихъ селахъ—Гардарикія. Съ этими показаніями вполнѣ согласуются и показанія нашей лѣтописи о городахъ уличей и тиверцевъ, о многихъ городахъ, существовавшихъ въ Черниговской и Рязанской земляхъ и т. д., а также и археологическія данныя о многочисленныхъ городищахъ на югѣ нашей страны. Но кто могъ строить эти городки? Едва ли семьи, какъ думаетъ В. О. Ключевскій. Для отдѣльныхъ семей эта работа въ большинствѣ случаевъ должна была быть непосильною. Скорѣе всего городки воздвигались соединенными усиліями нѣсколькихъ семей и именно такихъ, которыя соединены были другъ съ другомъ уже ранѣе поселенія, т.-е. родственныхъ. Другими словами многочисленные городки скорѣе всего были не чѣмъ инымъ, какъ именно родовыми поселками. Такъ смотритъ на дѣло отчасти и составитель сказанія о началѣ Руси. Кіевъ, по этому сказанію, былъ первоначально городкомъ трехъ братьевъ, которые поселились въ немъ съ своими родами, т.-е. семьями. Утверждая это, авторъ сказанія, очевидно, имѣлъ передъ глазами нѣкоторыя современныя ему данныя о маленькихъ городкахъ, и перенесъ эти данныя въ отдаленныя времена.

Итакъ, на основаніи всѣхъ вышеприведенныхъ соображеній мы не будемъ отрицать существованія родового быта у восточныхъ славянъ наканунѣ объединенія ихъ подъ властью князей. Не будемъ только подобно Эверсу и его послѣдователямъ обобщать наши наблюденія и отрицать существованіе въ то время и другихъ общественныхъ союзовъ. Весьма вѣроятно, что уже и въ то время въ нѣкоторыхъ мѣстахъ были мелкіе общественные союзы чужеродцевъ, организовавшіеся по типу родовыхъ. Такое предположеніе можно сдѣлать по аналогіи съ тѣмъ, что приходится наблюдать въ позднѣйшемъ быту западно-русскаго крестьянства. На ряду съ чисто родовыми организаціями можно встрѣтить тамъ и товарищества чужеродцевъ, организовавшіяся по типу родовыхъ, на ряду съ родичами такъ называемыхъ *сябровъ* или *шабровъ*, или чужеродцевъ.

Остатки племенныхъ организацій. Несомнѣнно затѣмъ, что рядомъ съ мелкими союзами у восточныхъ славянъ наканунѣ ихъ объединенія были и крупные союзы, включавшіе въ себя мелкіе, и притомъ разныхъ типовъ. Во-первыхъ, кое-гдѣ несомнѣнно были племенныя организаціи, союзы родственныхъ родовъ, подъ начальствомъ племенныхъ старѣйшинъ или князей. Такая организація была, быть можетъ, у древлянъ. У древлянъ не было крупнаго города въ качествѣ политическаго средоточія, и земля Древлянская не была городовою волостью, какъ, напр., Новгородская, Смоленская, Полоцкая, Кіевская. И тѣмъ не менѣе въ разсказѣ лѣтописи она выступаетъ политически объединенною, съ общимъ вѣчемъ, съ своимъ племеннымъ княземъ Маломъ. Съ такою же организаціею выступаютъ и вятичи, у которыхъ также не было крупныхъ торговыхъ городовъ, но которые являются объединенными. Составитель сказанія о началѣ Руси представляетъ вятичей именно какъ родственный союзъ, происходящій отъ одного родоначальника—Вятка. Такимъ же союзомъ онъ считаетъ и радимичей, идущихъ отъ Родима. Имѣя въ виду аналогичныя названія у славянъ южныхъ и западныхъ для обозначенія именно племенъ, союзовъ родственныхъ родовъ, мы можемъ вполнѣ повѣрить и приведенному объясненію составителя сказанія о началѣ Руси. Не чѣмъ инымъ далѣе, какъ наблюденіемъ надъ уцѣлѣвшими племенными организаціями, объясняется и утвержденіе названнаго составителя, что у полянъ было свое княженье, у древлянъ свое, у дреговичей свое и т. д. Этимъ же наблюденіемъ подсказана была и теорія Костомарова о племенномъ происхожденіи крупныхъ общественныхъ союзовъ, существовавшихъ у восточныхъ славянъ наканунѣ ихъ объединенія. Въ этой теоріи, какъ видите, есть доля правды, но не вся.

Городовыя волости и варяжскія княженія. Дѣло въ томъ, что на ряду съ уцѣлѣвшими племенными организаціями у восточныхъ славянъ въ то время были уже союзы и разноплеменные, группировавшіеся вокругъ нѣкоторыхъ крупныхъ городовъ—Новгородскій, Полоцкій, Смоленскій, Кіевскій. Эти союзы располагались какъ разъ по великому водному пути изъ Варягъ въ Греки, по которому шла бойкая, оживленная торговля. Эти союзы возникли въ нѣдрахъ нѣкоторыхъ племенъ,—словенъ Ильменскихъ, кривичей и полянъ, но уже внѣ племенныхъ ограниченій. Въ возникшіе здѣсь торговые города сбился пришлый людъ съ разныхъ сторонъ; къ этимъ городамъ стали тяготѣть, волею или неволею приступили къ нимъ въ союзъ поселки разныхъ окрестныхъ племенъ. Поэтому и во главѣ этихъ союзовъ стали становиться уже не племенные князья или старѣйшины, а тоже разные пришлые, сильные люди. Въ качествѣ такихъ вождей и явились въ этихъ союзахъ норманскіе конунги, въ IX и X вѣкахъ рыскавшіе по всей Европѣ съ своими дружинами. Къ намъ на Русь они являлись отчасти для грабежа и поборовъ съ населенія, отчасти въ качествѣ купцовъ, торговавшихъ съ Византіей и востокомъ.

Въ XI вѣкѣ еще помнили объ нѣкоторыхъ конунгахъ, стоявшихъ во главѣ городовыхъ союзовъ восточнаго славянства. Таковы были: Рюрикъ, стоявшій во главѣ Новгородскаго союза, Аскольдъ и Диръ, стоявшіе во главѣ Кіевскаго союза, Рогвольдъ, стоявшій во главѣ Полоцкаго союза, Туръ, княжившій у дреговичей въ городѣ, получившемъ его имя Туровъ, и т. д.—Такъ находитъ свое приложеніе и теорія В. О. Ключевскаго о городовыхъ волостяхъ.

Общіе выводы. Итакъ, общественная организація восточнаго славянства, наканунѣ его политическаго объединенія была несомнѣнно сложная и разнообразная. Въ ней можно наблюдать наслоенія разныхъ эпохъ, разныхъ стадій общественнаго развитія. Жива была еще и родовая организація; кое-гдѣ уцѣлѣла организація племенная; но на ряду съ этимъ образовались уже чисто политическіе союзы людей, объединенныхъ сосѣдствомъ и общностью интересовъ. На ряду съ родовыми старѣйшинами и племенными князьями у восточнаго славянства появились уже пришлые вожди съ дружинами, навязывавшіе свою власть населенію. Рядомъ съ простотою соціальнаго состава въ родо-племенныхъ союзахъ появились и сложныя соціальныя организаціи въ большихъ городахъ, гдѣ уже отложился богатый классъ, появились большіе и меньшіе люди, купцы, житьи люди, рабы и челядь.

Въ такомъ предположеніи нѣтъ ничего невѣроятнаго. Разнообразіе, сложность общественной организаціи и быта наблюдаются во всѣ историческія эпохи. Тѣмъ болѣе могли имѣть мѣсто это разнообразіе и сложность у восточныхъ славянъ въ ту эпоху, когда они не слились еще въ одинъ народъ, не объединились подъ одною государственною властью, представляли рядъ мѣстныхъ союзовъ, раскиданныхъ на огромныхъ пространствахъ восточной Европы.

Для дальнѣйшаго изученія вопроса въ первую очередь можно рекомендовать:

Н. П. Загоскина, Исторія права русскаго народа, т. 1. Казань 1899.

I. Ph. Ewers, Das älteste Recht der Russen. Dorpat 1826. (Есть и русскій переводъ).

С. М. Соловьевъ, Исторія отношеній между князьями Рюрикова дома. Москва 1847.

К. Д. Кавелинъ, Взгляды на юридическій бытъ древней Россіи. Собраніе сочиненій, т. 1. Москва 1897.

К. С. Аксаковъ, О древнемъ бытѣ у славянъ вообще и у русскихъ въ особенности. Полное собраніе сочиненій К. С. Аксакова, т. 1. Москва 1861.

И. Д. Бѣляевъ, Русская земля передъ прибытіемъ Рюрика. Временникъ Московскаго Общ. Исторіи и Древности Россійскихъ, кн. VIII.

— Лекціи по исторіи русскаго законодательства. Москва 1879.

В. Н. Лешковъ, Общинный бытъ древней Россіи. (Журн. Мин. Народ. Просвѣщ. 1851, ч. XII).

— Русскій народъ и государство.

Н. И. Костомаровъ, Мысли о федеративномъ началѣ въ древней Руси. (Историческія монографіи и изслѣдованія, т. 1).

В. И. Сергѣевичъ, Вѣче и князь. Москва 1867.

Ѳ. И. Леонтовичъ, Задружно-общинный характеръ политическаго быта древней Руси (Журн. Мин. Нар. Просв. 1874, ч. CLXXIII, CLXXIV).

А. И. Никитскій, Теорія родового быта въ древней Руси (Вѣстникъ Европы 1870, № 8).

— Очеркъ внутренней исторіи Пскова. С.-Пб. 1873.

В. О. Ключевскій, Боярская дума древней Руси. Изд. 3-е. Москва 1902.

VII.

Объединеніе восточныхъ славянъ подъ властью великаго князя русскаго; первоначальная формація русскаго государства.

Первыя достовѣрныя извѣстія объ объединеніи восточныхъ славянъ. По свидѣтельствамъ арабскихъ писателей IX и даже X вѣка, восточные славяне не составляли одного народа, но дѣлились на множество отдѣльныхъ племенъ, между которыми царствовала вѣчная вражда. «Если бы славяне,—писалъ Масуди (нач. X в.),—не были такъ раздроблены, и если бы между отдѣльными ихъ племенами было менѣе несогласія, то ни одинъ народъ въ мірѣ не въ состояніи былъ бы имъ противиться».

Отзывы эти, однако, для своего времени были уже анахронизмомъ. Имѣются несомнѣнныя показанія, что къ началу X вѣка восточное славянство, если не все, то въ значительной части образовало союзъ подъ главенствомъ одного вождя. Такимъ вождемъ является великій князь Русскій Олегъ. Въ 907 году, по разсказу лѣтописи, заключивъ съ греками договоръ послѣ удачнаго нападенія на Царьградъ, Олегъ взялъ съ нихъ «уклады», контрибуцію, для городовъ Кіева, Чернигова, Переяславля, Полоцка, Ростова, Любеча и другихъ: «по тѣмъ бо городамъ седяху велиции князи, подъ Олгомъ суще», объясняетъ лѣтописецъ, излагающій договоръ, повидимому, на основаніи оффиціальнаго акта. Послы, отправленные Олегомъ въ Царьградъ четыре года спустя «построити мира и положити ряды межи Греки и Русью», заключали договоръ отъ имени «Олга, великаго князя

Рускаго и отъ всѣхъ, иже суть подъ рукою его, свѣтлыхъ и великихъ князь и его великихъ бояръ». Такъ гласитъ самый текстъ договора, внесенный въ лѣтопись. Въ 944 году прибывшіе въ Константинополь русскіе послы, договаривались также отъ имени Игоря, великаго князя Русскаго, «и отъ всея княжья и отъ всѣхъ людей Руское земли». Извѣстное политическое объединеніе восточнаго славянства выступаетъ въ этихъ показаніяхъ въ видѣ несомнѣннаго факта. Какъ же оно произошло?

Подготовка этого объединенія.—Владычество хазаръ. Начальная русская лѣтопись, какъ извѣстно, считаетъ это объединеніе дѣломъ варяжскихъ князей, князей двухъ-трехъ поколѣній. Утвердившись первоначально въ землѣ Ильменскихъ славянъ, чуди и веси, варяжскіе князья передвинулись отсюда на югъ, подчинили себѣ города, лежавшіе по великому водному пути изъ Варягъ въ Греки, и всѣ окрестныя племена, не выпуская изъ своихъ рукъ и Новгорода. Такъ образовалось великое княжество Русское, объединившее въ себѣ восточныхъ славянъ. Однако, есть данныя, указывающія на то, что объединеніе восточнаго славянства совершилось при извѣстной исторической подготовкѣ, не такъ быстро, какъ изображено въ лѣтописи, и не одними только усиліями варяжскихъ князей. Въ дѣлѣ объединенія восточнаго славянства, варяги имѣли своихъ предшественниковъ—хазаръ.

Выше уже было указано, что славяне разселились широко въ южныхъ областяхъ нынѣшней Е. Россіи подъ защитою и подъ властью хазарскаго царства, что каганъ хазарскій былъ ихъ повелителемъ. Въ хазарскомъ царствѣ славяне получили первую подготовку къ широкому политическому объединенію для борьбы за существованіе. Подчиненіе власти кіевскихъ варяжскихъ князей для славянъ нашего юга было только простою смѣною властителей. Наша лѣтопись чрезвычайно выпукло отмѣтила этотъ фактъ. По ея разсказу, Аскольдъ и Диръ, явившись къ полянамъ, спросили ихъ: «Кому дань даете?» «Хазаромъ»,—былъ отвѣтъ. «Платите намъ», сказали князья, и поляне подчинились варяжскимъ князьямъ. То же самое происходило, по разсказу лѣтописи, позднѣе у сѣверянъ, радимичей и вятичей, когда появились у нихъ Олегъ и затѣмъ Святославъ. Но чѣмъ объясняется эта смѣна властителей?

Прорывъ кочевниковъ въ южныя степи восточной Европы въ IX вѣкѣ. Въ IX вѣкѣ хазарское царство оказывалось уже не въ состояніи ограждать славянъ, разселившихся въ южныхъ областяхъ восточной Европы, отъ набѣговъ кочевниковъ. Эти кочевники стали прорываться въ наши южныя степи и производить здѣсь опустошенія. Въ 837 году, по разсказу Бертинской лѣтописи, прибыли къ императору Людовику Благочестивому послы отъ византійскаго императора Ѳеофила и привели съ собою какихъ-то людей изъ народа русь. Этихъ людей посылалъ къ императору Ѳеофилу царь ихъ, названіемъ хаканъ (rex illorum, chacanus vocabulo) для засвидѣтельствованія ему своей дружбы.

Но по случаю дикихъ народовъ, перенявшихъ имъ путь, они не могли вернуться назадъ прямымъ путемъ и должны были поѣхать въ обходъ. Когда ихъ стали подробнѣе разспрашивать, кто они такіе, оказалось, что они были шведскаго происхожденія; очевидно, это были русскіе, находившіеся на службѣ кагана хазарскаго (и впослѣдствіи, въ X вѣкѣ, русь и славяне, по извѣстіямъ арабовъ, обычно проживали въ столицѣ Хазаріи). Но какія это были дикія племена, перенявшія имъ путь при возвращеніи къ кагану? Въ настоящее время уже можно отвѣтить на этотъ вопросъ съ большею или меньшею опредѣленностью. По извѣстіямъ арабскихъ писателей, въ срединѣ IX вѣка въ нашихъ степяхъ уже проживали *угры*. Эти *угры* непрестанно нападали на славянъ, брали у нихъ плѣнниковъ, отводили ихъ въ Кархъ (повидимому, Керчь) и промѣнивали ихъ грекамъ на парчу, пестрые шерстяные ковры и другіе греческіе товары. По другому арабскому извѣстію, «они господствуютъ надъ всѣми сосѣдними славянами, отягощаютъ ихъ тяжелою данью и обращаются съ ними, какъ съ своими рабами». Очевидно, хазары уже не въ состояніи были сдерживать кочевыя орды, напиравшія съ востока, и пропустили угровъ. Вслѣдъ за уграми прорвалась въ наши степи въ 70—80-хъ годахъ того же вѣка орда *печенѣговъ*, которыхъ тѣснили съ востока *узы* (или торки нашихъ лѣтописей). Печенѣги оттѣснили на западъ угровъ, которые расположились въ области р. Днѣстра, Прута и Серета. По призыву Византійскаго правительства угры приняли было участіе въ войнѣ грековъ съ болгарами въ 892 году. Но болгары призвали противъ нихъ печенѣговъ, и угры, попавъ между двухъ огней, бросились вверхъ по Дунаю, на кочевья гунновъ и аваровъ, и тутъ поселились. Объ этомъ передвиженіи племенъ по нашему югу сообщаетъ и Константинъ Багрянородный, и западный лѣтописецъ-монахъ Регинонъ, разноглася только въ хронологическихъ датахъ (Константинъ относитъ прибытіе венгровъ въ среднедунайскую низменность къ 898 году а Регинонъ—къ 889). Особенно любопытно сообщеніе Регинона. «Въ 889 году,—пишетъ онъ,—вышелъ народъ венгровъ изъ скиѳскихъ болотъ, гдѣ течетъ Танаисъ, выгнанный изъ своего мѣстожительства сосѣдними народами, которые называются Pecinati».

Послѣдствія этого вторженія для славянъ. Вторженіе хищныхъ ордъ произвело большія перемѣны въ жизни нашего юга. Славяне, разбросавшіеся по степнымъ рѣкамъ и рѣчкамъ въ бассейнахъ нижняго Дона, нижняго Днѣпра, Ю. Буга, нижняго Днѣстра, частью были истреблены, частью должны были покинуть свои селенія, свои городки. Вотъ почему и составитель сказанія о началѣ Руси выпустилъ бассейнъ Дона изъ области славянскаго разселенія. Вотъ почему и о жительствѣ уличей и тиверцевъ на Черноморскомъ побережьѣ онъ сообщаетъ уже какъ о фактѣ прошлаго времени: «и суть гради ихъ до сего дне». Припонтійскія и приазовскія степи, захваченныя прежде славянскою колонизаціею, къ началу X вѣка уже опустѣли и сдѣлались привольемъ

кочевыхъ ордъ. На Черноморскомъ и Азовскомъ побережьѣ уцѣлѣли только немногія населенныя мѣста подъ защитою крѣпкихъ стѣнъ, моря или топей рѣчныхъ дельтъ. Таковы были города—Бѣлгородъ при устьѣ Днѣстра, переименованный тюрками въ Аккерменъ (нынѣ Аккерманъ), Черноградъ, нынѣ Очаковъ, на Днѣпробугскомъ лиманѣ, Олешье при устьѣ Днѣпра въ ольховой заросли, старинныя греческія колоніи въ Крыму и при устьѣ Дона и, наконецъ, Тмутаракань на болотистомъ Таманскомъ полуостровѣ, на низовьяхъ Кубани.

Сильно ухудшились условія жизни и для славянъ, расселившихся въ лѣсной области восточной Европы. Эти славяне усердно занимались охотою и бортничествомъ и сбывали свою добычу купцамъ, ѣздившимъ по великому водному пути изъ Варягъ въ Греки и по Волгѣ. Многочисленные клады съ арабскими и византійскими монетами VII—IX вв. свидѣтельствуютъ объ установившейся оживленной торговлѣ съ Хазаріею и Византіею. Эта торговля, получившая для восточнаго славянства первостепенное жизненное значеніе, стала теперь подвергаться опасности и на Днѣпрѣ, и на Волгѣ. Это обстоятельство въ связи съ постоянными набѣгами кочевниковъ и заставило всѣхъ славянъ, жившихъ по великому водному пути, соединиться для того, чтобы сообща охранять торговые пути и отражать кочевниковъ.

Объединеніе восточныхъ славянъ подъ властью Кіевскихъ князей. Это объединительное движеніе вышло изъ Новгорода и во главѣ его стали варяжскіе князья, т.-е. скандинавскіе конунги съ ихъ дружинами. Варяги-скандинавы уже давно посѣщали нашу страну для грабежа и сбора дани, а главнымъ образомъ для торговли, и даже стали осаживаться на постоянное житье въ главныхъ городахъ восточныхъ славянъ. Ихъ вожди конунги во второй половинѣ IX вѣка стали утверждаться въ качествѣ мѣстныхъ вождей, или князей въ этихъ городахъ. Одинъ изъ этихъ конунговъ Олегъ, по-скандинавски Hilga, передвинулся съ своею дружиною изъ Новгорода на югъ, утвердился въ Кіевѣ, бывшемъ главнымъ узломъ торговыхъ путей, ведшихъ изъ Руси въ Царьградъ, и, опираясь на многочисленный здѣсь скандинавскій элементъ, заставилъ себя признать главнымъ вождемъ всего восточнаго славянства. Подъ его власть стали и другіе варяжскіе конунги, утвердившіеся въ городахъ восточныхъ славянъ, и существовавшіе у нихъ кое-гдѣ племенные князья и старѣйшины. Вотъ почему и договоры съ греками стали заключаться отъ имени «Олга, великаго князя Рускаго и отъ всѣхъ, иже суть подъ рукою его, свѣтлыхъ и великихъ князь, и его великихъ бояръ». Этотъ великій князь сталъ охранять торговлю восточныхъ славянъ и отражать набѣги кочевниковъ, а по временамъ предпринимать и далекіе походы для грабежа и добычи, какъ это было въ обычаѣ у норманнскихъ конунговъ. Торговля восточныхъ славянъ стала теперь вестись подъ охраною особыхъ экспедицій, снаряжавшихся князьями. Князья въ теченіе зимы собирали дань съ подвластнаго имъ населенія—

мѣхами, воскомъ и медомъ. Весною съ открытіемъ рѣкъ князья нагружали собранную дань на лодки и отправляли изъ Кіева внизъ по Днѣпру цѣлую флотилію судовъ. Къ княжескимъ лодкамъ присоединялись купеческія изъ Кіева, Чернигова, Смоленска, Новгорода и другихъ городовъ. Флотилію сопровождали вооруженные люди. Когда суда достигали четвертаго порога, купцы выгружали товаръ, высаживали скованныхъ невольниковъ и на разстояніи 600 шаговъ шли берегомъ. Здѣсь обыкновенно приходилось вступать въ бой съ поджидавшими ихъ печенѣгами. Отразивъ варваровъ, русскіе садились вновь на лодки, выходили въ море и, слѣдуя вдоль западнаго берега его, достигали Царьграда. Такъ разсказываетъ Константинъ Багрянородный въ своемъ сочиненіи «Объ управленіи имперіею». Его разсказъ подтверждается и договорами первыхъ князей съ греками, свидѣтельствующими, что въ составѣ купеческихъ каравановъ, прибывавшихъ изъ Руси, всегда были и княжескіе корабли съ послами князя. Кромѣ охраны торговли, князья стали отбивать и нападенія кочевниковъ на украйны славянской осѣдлости. Поэтому тѣ славянскія племена, которыя подвергались нападенію кочевниковъ, охотно подчинились имъ; нѣкоторыхъ, впрочемъ, имъ пришлось «примучивать». Тѣмъ или другимъ способомъ, но въ концѣ концовъ восточное славянство объединилось подъ властью Кіевскаго князя, и создался политическій союзъ всѣхъ восточныхъ славянъ.

Вопросъ о варягахъ-руси. Это объясненіе происхожденія русскаго государства хотя и не совпадаетъ вполнѣ съ лѣтописнымъ, но все-таки стоитъ на одной съ нимъ почвѣ фактовъ и воззрѣній. Въ немъ, какъ видите, отводится значительная роль варягамъ, т.-е. скандинавскимъ дружинамъ съ ихъ конунгами, которые представляются активною объединяющею силою. Но прежде чѣмъ остановиться на этомъ объясненіи окончательно, мы должны тщательно перебрать факты и воззрѣнія, лежащіе въ его основѣ. Дѣло въ томъ, что объясненія происхожденія русскаго государства, такъ или иначе согласующіяся съ лѣтописнымъ повѣствованіемъ, издавна возбуждали и возбуждаютъ до сихъ поръ горячіе протесты.

Мнѣніе о славяно-балтійскомъ происхожденіи варяговъ и руси. Еще *Ломоносовъ*, воевавшій съ нѣмцами въ Академіи Наукъ, ополчился противъ нихъ и въ исторіографіи. Когда академикъ *Миллеръ* написалъ рѣчь, въ которой согласно съ лѣтописью и съ доводами академика *Баера*, доказывалъ скандинавское происхожденіе варяговъ-руси, Ломоносовъ выступилъ противъ него съ рѣзкою, запальчивою критикою и съ собственною теоріею, которая считала варяго-руссовъ славянами съ Балтійскаго поморья. Ломоносовъ пріурочилъ родину варяго-руссовъ къ принѣманской области, указывая на то, что Нѣманъ въ нижнемъ теченіи назывался Русомъ. Итакъ, хотя варяго-руссы и были пришлые люди среди восточнаго славянства, но все же свои, соплеменники, а не чужеродцы—

нѣмцы. У Ломоносова нашлись послѣдователи. Проф. Московскаго университета *Морошкинъ* доказывалъ, что *варяги* вышли изъ славянской области *Вагріи* — съ Балтійскаго поморья, а *руссы*, которыхъ онъ отличаетъ отъ варяговъ, съ острова *Рюгена*. Теорію Морошкина развилъ и обставилъ доказательствами *Забѣлинъ* въ своей «Исторіи русской жизни». По его мнѣнію, начальная лѣтопись, перечисляя народы Іафетова колѣна, разселившіеся на сѣверѣ Европы, пріурочиваетъ русь какъ разъ къ Балтійскому славянскому побережью. И дѣйствительно, говоритъ онъ, на этомъ побережьѣ мы видимъ множество географическихъ названій съ корнями: рус, рос, руг, рун. Здѣсь встрѣчаемъ между прочимъ область Ругію, островъ Рюгенъ, который въ географическихъ сочиненіяхъ конца XVI вѣка прямо называется *Русіею*. Итакъ, родина руси—славянское Балтійское поморье. Здѣсь же и родина варяговъ, въ которыхъ Забѣлинъ видитъ славянское племя вагровъ. Забѣлинъ указываетъ, что балтійскіе славяне въ IX вѣкѣ были не земледѣльцами только, но и предпріимчивыми торговцами и мореходами, съ успѣхомъ соперничавшими съ норманнами и шведами. Особенно отличалось своею отвагою и предпріимчивостью племя вагры, вагиры или варги. Это и были варяги нашей лѣтописи. Въ IX и X вѣкѣ балтійскіе славяне вели оживленную торговлю съ Скандинавіею и востокомъ и прибывали въ нашу страну; они должны были заводить здѣсь свои факторіи, содержать въ важнѣйшихъ пунктахъ края свои гарнизоны, разыскивать отсюда новые торговые пути. Результатомъ этого и было возникновеніе въ Ильменскомъ краѣ колоніи западнаго славянства—Новгорода. Забѣлинъ полагаетъ, что первый славянскій поселокъ долженъ былъ возникнуть здѣсь по крайней мѣрѣ во времена Птоломея. И русь приднѣпровская, по его мнѣнію, ведетъ начало отъ той же балтійской руси, которая переселилась сюда еще въ очень далекія времена, такъ что стала извѣстною въ I вѣкѣ Страбону, который и упоминаетъ объ ней подъ именемъ *роксаланъ*.

Теорія туземнаго происхожденія руси. По стопамъ Забѣлина пошелъ въ варяжскомъ, собственно, вопросѣ и *Гедеоновъ* въ своихъ «Отрывкахъ изъ изслѣдованій о варяжскомъ вопросѣ» и затѣмъ въ книгѣ «Варяги и Русь». Гедеоновъ собралъ цѣлый рядъ историческихъ свидѣтельствъ о балтійскомъ славянствѣ, доказывающихъ, что оно доминировало на Балтійскомъ морѣ еще тогда, когда самое имя норманновъ едва дѣлалось извѣстнымъ въ западной Европѣ. Гедеоновъ отсюда выводитъ, что и имя Варяжскаго Балтійское море получило у насъ не отъ норманновъ, а отъ вагровъ. Но въ вопросѣ о происхожденіи руси Гедеоновъ разошелся съ Забѣлинымъ и призналъ русь за коренное восточно-славянское населеніе, которое само передало свое имя пришельцамъ-варягамъ, а не заимствовало отъ нихъ. Въ этомъ послѣднемъ вопросѣ сошелся съ Гедеоновымъ и *Д. И. Иловайскій* въ своихъ «Розысканіяхъ о началѣ Руси». Иловайскій сдѣлалъ уступку норманистамъ въ томъ, что согласился считать варяговъ норманнами. Но онъ не придаетъ этимъ варя-

гамъ-норманнамъ никакого значенія въ формаціи русскаго государства и считаетъ лѣтописное сказаніе о призваніи князей чистою сказкою. По его мнѣнію, въ среднемъ Приднѣпровьи, въ незапамятныя времена, образовалось самостоятельное славяно-русское княжество, этнографическій матеріалъ для котораго дало скиѳо-сарматское, славянское тожъ, племя роксалановъ или рось-алановъ, помѣщаемое Страбономъ между Днѣпромъ и Дономъ. Государственная власть явилась въ этомъ княжествѣ не со стороны, а развилась естественно изъ власти племенного старѣйшины.

Иловайскій указываетъ, что имя «русь» въ своей чистой формѣ встрѣчается, вопреки утвержденіямъ норманистовъ, гораздо ранѣе второй половины IX вѣка. Уже Іорнандъ зналъ руссовъ, которыхъ онъ называетъ рокасъ. Бертинскія лѣтописи упоминаютъ о посольствѣ отъ народа рось подъ 839 годомъ. Византійскіе писатели сообщаютъ, что для защиты отъ Днѣпровскихъ россовъ, хазары еще въ *835 г.* просили императора Ѳеофила построить имъ крѣпость Саркелъ. Географъ Баварскій IX вѣка на ряду съ уличами (Unlici) и казарами (Casiri) ставитъ и русь (Ruzzi). Упоминанье о туземномъ народѣ «Русь» встрѣчается и у арабскаго писателя *Хордадбега.* Кромѣ руси приднѣпровской, Иловайскій признаетъ еще исконное существованіе азовско-черноморской руси, благодаря которой и море Черное получило названіе Русскаго. Къ этой руси онъ пріурочиваетъ византійскія извѣстія о набѣгахъ на Византію, о существованіи русской митрополіи IX в. (у Льва Философа), о принятіи русскими въ 60-хъ годахъ христіанства, и фактъ находки Константиномъ Философомъ въ Корсуни, или Херсонесѣ Таврическомъ, во второй половинѣ IX вѣка, евангелія, писаннаго русскими письменами, и человѣка, говорившаго по-русски... Къ этой же руси Иловайскій относитъ и извѣстія арабовъ о русской колоніи въ столицѣ Хазаріи, о грандіозныхъ набѣгахъ руссовъ на Каспійское побережье въ 913—914 гг.; существованіемъ этой же руси онъ объясняетъ извѣстіе нѣкоторыхъ арабскихъ писателей о дѣленіи Руси на три части: Славію (Новгородскую область), Куяву (Днѣпровскую Русь) и Артанію (Черноморско-Азовскую, по мнѣнію Иловайскаго), а также помѣщеніе ими Руси между Хазаріею и Румомъ и извѣстіе о томъ, что «руссы» живутъ на большомъ полуостровѣ (Тамань). Ко всему этому Иловайскій присоединяетъ указаніе, что какъ у арабовъ, такъ и въ западныхъ источникахъ Боспоръ или Керчь иногда назывался «Рóссія». Куда же дѣвалась впослѣдствіи эта азовско-черноморская русь? Она, отвѣчаетъ Иловайскій, съ половины IX вѣка начинаетъ заслоняться возрастающимъ могуществомъ Руси приднѣпровской, затѣмъ отрѣзывается отъ нея вторгнувшимися въ наши степи ордами кочевниковъ и, наконецъ, въ эпоху удѣльной Руси, даетъ снова видѣть себя въ лицѣ таинственнаго русскаго тмутараканскаго княжества. Таковы утвержденія Иловайскаго.

Теорія готскаго происхожденія руси. Въ послѣднее время выдвигалась еще новая теорія, которая также ищетъ руси не на Скандинавскомъ

сѣверѣ, а въ Приднѣпровьѣ, но не среди славянъ, а среди германцевъ. Такъ, проф. *Будиловичъ* находилъ возможнымъ видѣть въ руси готское племя Hroth (произносится Гросъ), растворившееся среди восточнаго славянства, его объединившее и давшее ему свое имя.

Какъ же намъ отнестись ко всѣмъ этимъ теоріямъ, принять ли ихъ или отвергнуть? Это вопросъ не маловажный въ наукѣ русской исторіи. Смотря по тому, на чью сторону мы станемъ въ настоящемъ спорѣ, и изображеніе происхожденія русскаго государства должно выйти неодинаковымъ какъ въ деталяхъ, такъ и въ общей концепціи. Необходимо поэтому войти въ подробности, пересмотрѣть данныя источниковъ, по которымъ можно такъ или иначе составить представленіе о національности варяговъ-руси.

Данныя источниковъ о скандинавскомъ происхожденіи варяговъ-руси. Выше было указано, что вопросъ о варягахъ-руси съ теченіемъ времени раздѣлился въ исторической литературѣ на два вопроса—отдѣльный о варягахъ и отдѣльный о руси. Поэтому приходится разсмотрѣть данныя источниковъ отдѣльно о варягахъ и отдѣльно о руси.

Данныя о варягахъ прежде всего находимъ въ сказаніи о началѣ Руси. Составитель этого сказанія жилъ при Ярославѣ и, самое позднее, при сыновьяхъ его и долженъ былъ хорошо знать тѣхъ людей, которые назывались этимъ именемъ, ибо въ его время они состояли на службѣ русскаго князя какъ въ Кіевѣ, такъ и въ Новгородѣ. «Идоша,—говоритъ онъ про новгородскихъ славянъ,—за море къ варягамъ Руси: сице бо ся зваху тьи варяги Русь, яко се друзіи зовутся свеи, друзіи же англяне, урмане, друзіи готѣ, тако и си». Итакъ, по этому воззрѣнію, варяги были не кто иное, какъ *скандинавы*. Обращаясь къ современнымъ нашей лѣтописи византійскимъ писателямъ, видимъ, что и они знаютъ варяговъ, называя ихъ βάραγγοι. Подъ этимъ именемъ они разумѣютъ наемныя дружины англо-саксовъ съ острова Туле (изъ группы Британскихъ), служившія въ Византіи. Съ тѣмъ же значеніемъ сѣверо-германскихъ дружинъ встрѣчаются слова Waeringer и у западныхъ лѣтописцевъ. Арабскіе писатели также знаютъ варяговъ, какъ норманновъ. Покойный академикъ Васильевскій нашелъ одинъ чрезвычайно любопытный византійскій памятникъ XI в., который онъ изложилъ въ статьѣ «Совѣты и отвѣты византійскаго боярина XI вѣка». Этотъ византійскій бояринъ, пересказывая извѣстную сагу о Гаральдѣ, прямо называетъ Гаральда сыномъ короля Варангіи, а извѣстно, что Гаральдъ былъ изъ Норвегіи. Такъ отожествляются Норвегія и Варангія, норманны и варяги. На основаніи всѣхъ этихъ данныхъ вопросъ о варягахъ можно считать рѣшеннымъ въ смыслѣ ученія норманнской школы, и едва ли уже можно видѣть въ нихъ западнославянское племя вагровъ, какъ хотѣлъ Ломоносовъ и его послѣдователи.

Труднѣе для рѣшенія вопросъ о томъ, кто такое была русь, хотя и въ этомъ вопросѣ больше шансовъ истины за норманнскою школою, чѣмъ за славянскою. Норманнская школа свои аргументы черпаетъ прежде всего

въ сказанiи о началѣ Руси. Въ этомъ сказанiи, какъ мы видѣли, русь отожествляется съ варягами и признается однимъ изъ скандинавскихъ племенъ. Авторъ сказанiя отъ этихъ пришлыхъ варяговъ выводитъ и происхожденiе имени Русь въ приложенiи къ нашей странѣ. «И отъ тѣхъ варягъ прозвася Русская земля Новгородци: ти суть людiе Новгородци отъ рода варяжска, преже бо быша славяне». Другими словами: варяги-русь дали свое имя и новгородской землѣ, которая была прежде чисто славянскою землею. Когда же Олегъ съ своею русью переселился изъ Новгорода въ Кiевъ и подчинилъ своей власти приднѣпровскихъ славянъ, имя Русь распространилось и на Кiевское Приднѣпровье, а затѣмъ и на всю олбасть восточныхъ славянъ.

Защитники норманнской теорiи постарались подкрѣпить сообщенiя нашей лѣтописи иноземными свидѣтельствами и филологическими соображенiями. Въ 860 году, какъ извѣстно, произошло нападенiе на Константинополь народа «русь», какъ о томъ засвидѣтельствовалъ патрiархъ Фотiй въ своей проповѣди εἰς τὸν ἔφοδον τῶν Ρῶς. Объ этомъ же нападенiи современный западный лѣтописецъ, *дiаконъ Iоаннъ*, засвидѣтельствовалъ въ такихъ выраженiяхъ: «eo tempore Normannorum gentes cum trecentis sexaginta navibus Constantin o politanam urbem adire ausi sunt». Западные писатели и въ X в. признавали въ руси норманновъ. Такъ, Лiутпрандъ, епископъ Кремонскiй, бывшiй два раза посломъ въ Византiи (въ 948 и 968 гг.) пишетъ: «Habet Constantinopolis ab aquilone Hungarios, Pizenacos, Chasaros, Rusios, quos nos alio nomine Nordmannos appellamus». Арабскiе писатели, напр., Ибнъ-Даста въ сочиненiи «Книга драгоцѣнныхъ сокровищъ» (912), говоря о руси, прiѣзжавшей въ Хазарiю, ясно различаютъ ее отъ славянъ. Арабы вообще считали норманновъ и русь за одинъ народъ. Такъ, *Ахмедъ-Аль-Катибъ*, писавшiй въ самомъ концѣ IX в. (послѣ 890 г.), сообщаетъ, что въ 844 язычники руссы напали на Севилью, разграбили и сожгли ее. Какiе это были руссы? Едва ли наши приднѣпровскiе славяне, скорѣе всего—норманны, опустошавшiе въ то время всѣ побережья западной Европы.

Съ этими извѣстiями о норманнахъ-руси вполнѣ сходятся и данныя языка этихъ руссовъ. Императоръ Константинъ Багрянородный, разсказывая о торговлѣ руси съ Константинополемъ, приводитъ два ряда названiй днѣпровскихъ пороговъ—русскiя и славянскiя. По тщательнымъ филологическимъ изысканiямъ оказывается, что русскiя имена пороговъ объясняются хорошо изъ скандинавскихъ языковъ. Такъ, названiе порога *Ulworsi*, по-славянски «Островунипрагъ», выводится изъ скандинавскаго Holm-fors, что значитъ также островъ—порогъ; названiе порога «*Gellandri*», по славян. Звенящiй, звонецъ, выводится изъ скандинавскаго *Gellandi*, звенящiй; названiе порога *Aifor*, по-славянски Неясыть, Ненасытецкiй, выводится изъ скандинавск. Eifor, неукротимый; названiе *Baruforos*, по-славян. Вулнипрагъ, Вольный теперь выводится отъ скандинавскаго

Baru-fors, водопадъ и т. д. Если присмотрѣться къ именамъ первыхъ русскихъ князей, то легко можно видѣть, что все это имена скандинавскія: Рюрикъ—Hroerekr; Синеусъ—Signiutr; Труворъ—Thorvadr, Олегъ—Helgi, Игорь—Ingwarr; Оскольдъ—Hōskuldr, Диръ—Dyri и т. д. Имена дружинниковъ Игоря «отъ рода русска», какъ они перечислены въ его договорѣ съ греками, все скандинавскія имена: Карлы, Инегельдъ, Фарлофъ, Веремундъ, Рулавъ, Гуды, Руальдъ и т. д. Всѣ эти имена попадаются въ надписяхъ на такъ называемыхъ руническихъ памятникахъ вокругъ озера Мелара, въ Швеціи. Ясное дѣло, что Русь была скандинавскаго происхожденія.

Но какъ быть съ тѣмъ, что среди скандинавскихъ племенъ западные источники не указываютъ племени руси? Извѣстны имена шведовъ, норманновъ, готовъ, англовъ и дановъ, но неизвѣстно имя «русь». Норманнисты объяснили этотъ фактъ такимъ образомъ: русью стали называть скандинавовъ только у насъ, въ восточной Европѣ. Славяне услыхали это имя впервые отъ финновъ, которые и до сихъ поръ зовутъ Швецію Ruotsi, Rots (эстонцы), а финны въ свою очередь услыхали это слово отъ самихъ, прибывавшихъ въ восточную Европу скандинавовъ, которые называли себя rothsmens, моряки. Финны это нарицательное имя приняли за собственное этнографическое, а съ ихъ легкой руки оно и утвердилось за варягами-скандинавами въ нашей странѣ и въ сосѣднихъ—Хазаріи и Византіи.

Научныя заслуги антинорманнистовъ. Нельзя не признать, что эти доводы въ общей сложности солидно обосновываютъ мысль, что русь была скандинавскаго происхожденія. Противники норманнистовъ старались опровергнуть это положеніе, но, на нашъ взглядъ, безуспѣшно. Все, чего они достигли, это то, что отодвинули назадъ въ болѣе древнее время прибытіе варяговъ-руси въ нашу страну. Такъ, ими было указано, что имя руси является въ памятникахъ гораздо ранѣе 862 г., въ самомъ началѣ IX в. Житія Стефана Сурожскаго и Георгія Амастридскаго говорятъ о нападеніи князя россовъ на берега М. Азіи въ началѣ IX в.; византійскія хроники сообщаютъ подъ 835 г. о просьбѣ кагана хазарскаго прислать помощь противъ народа рось. Бертинскія лѣтописи, какъ мы уже видѣли, сообщаютъ о народѣ русь подъ 839 годомъ. За хронологію начальной лѣтописи, относящей прибытіе руси къ 862 году, послѣ этихъ указаній стоять, конечно, не приходится. Эта хронологія и безъ того заподозрѣна въ наукѣ, которая выяснила, что хронологія эта принадлежитъ позднѣйшему составителю начальнаго лѣтописнаго свода, положившему числа тамъ, гдѣ ихъ первоначально не было. Приведенныя антинорманнистами данныя, отодвинувъ назадъ прибытіе къ намъ варяговъ-руси, помогаютъ намъ объяснить и тотъ фактъ, что въ началѣ X в. имя «Русь» сдѣлалось уже топографическимъ наименованіемъ извѣстной области въ нашей странѣ. Константинъ Багрянородный это имя относитъ какъ разъ именно къ среднему Приднѣпровью, гдѣ стоялъ городъ Кіевъ. Очевидно, что варяги-русь уже давно хозяйничали въ этой мѣстности и потому и сообщили ей имя Руси, Русской земли.

Вотъ почему и князь Кіевскій въ договорахъ Олега и Игоря именуется княземъ Русскимъ; вотъ почему и законы, существовавшіе здѣсь, называются въ договорахъ Олега и Игоря законами русскими.—Такимъ образомъ, народная традиція, сохраненная нашею начальною лѣтописью, въ общемъ, вѣрно передала основные факты нашей древнѣйшей исторіи. Она не смогла только удержать детали, подробности во всей точности. Детали введены были составителемъ начальной лѣтописи, ученымъ человѣкомъ, и какъ видите, не совсѣмъ удачно.

Роль варяжскихъ князей въ объединеніе восточныхъ славянъ.—Итакъ, призваніе, или точнѣе сказать *принятіе* варяговъ, дѣйствительно имѣло мѣсто въ нашей странѣ. Норманны у насъ на Руси проявили ту же организаторскую дѣятельность, какую проявили они и въ нѣкоторыхъ другихъ частяхъ Европы, создали изъ мѣстныхъ разрозненныхъ элементовъ особое государство, подобно тому, какъ создали они такія же государства на сѣверѣ Франціи, на югѣ Италіи и позже—въ Англіи. Конечно, не нужно преувеличивать эту организаторскую роль норманновъ. Варяжскіе конунги потому только и объединили восточныхъ славянъ подъ своею властью, что жизненныя обстоятельства въ извѣстный моментъ настойчиво, какъ мы видѣли, потребовали этого объединенія. И затѣмъ: жизнь подготовила и почву для этого объединенія, ибо восточные славяне, какъ мы видѣли, уже успѣли организоваться въ рядъ крупныхъ, общественныхъ союзовъ, связывавшихся другъ съ другомъ нѣкоторыми существенными интересами. Варяжскимъ конунгамъ въ данномъ случаѣ не пришлось создавать все ab ovo, а только связать отдѣльныя части и увѣнчать, такъ сказать, крышею политическое зданіе, сооружавшееся мѣстною жизнью. Съ такими оговорками мы можемъ совершенно спокойно, безъ какого-либо непріятнаго для національнаго самолюбія чувства принять легенду о призваніи князей изъ-за моря за отраженіе, хотя быть можетъ и преломленное черезъ призму времени, дѣйствительнаго факта, имѣвшаго мѣсто въ нашей начальной исторіи. Трудно только согласиться съ лѣтописною легендою касательно основного мотива, вызвавшаго призваніе или принятіе варяжскихъ князей. Такимъ основнымъ мотивомъ по лѣтописной легендѣ является внутреннее устроеніе земли: князья призваны были для суда и наряда, отсутствовавшихъ среди восточныхъ славянъ. Мы въ свое время предположили, что варяжскіе конунги съ ихъ дружинами принимались въ большихъ торговыхъ городахъ, главнымъ образомъ, для обороны земель, торговыхъ путей и интересовъ. Это предположеніе вполнѣ оправдывается дѣятельностью первыхъ варяжскихъ князей, какъ она рисуется въ начальной лѣтописи.

Внѣшняя дѣятельность первыхъ князей. Первые варяжскіе князья выступаютъ у насъ не столько въ роли внутреннихъ устроителей земли, сколько именно въ роли вождей дружинъ, защищавшихъ восточныхъ славянъ отъ обидъ и нападеній сосѣдей и оберегавшихъ ихъ торговые интересы.

Русь, какъ видно изъ сообщеній Константина Багрянороднаго, вела дѣятельныя торговыя сношенія съ Византіею, куда сбывала мѣха, воскъ, медъ и челядь, т.-е. невольниковъ. По временамъ византійцы обижали русскихъ купцовъ, являвшихся къ нимъ въ Константинополь. Мстителями за эти обиды и являются первые варяжскіе князья. Аскольдъ и Диръ напали въ 860 году на Константинополь, по свидѣтельству патріарха Фотія, потому, что византійцы убили нѣкоторыхъ изъ ихъ соплеменниковъ и отказали Руси въ удовлетвореніи за эту обиду. Нападеніе Олега на Царьградъ вызвано было также, по всѣмъ даннымъ, обидами, которыя чинили греки русскимъ купцамъ. Договоры, которые онъ заключилъ съ греками, опредѣляли и на будущее время именно положеніе русскихъ гостей и пріѣзжавшихъ съ ними также съ торговыми цѣлями княжескихъ «словъ», т.-е. пословъ. Русскіе послы и гости по этимъ договорамъ получали право проживать въ Константинополѣ все лѣто и не могли оставаться только на зиму. Имъ отводились квартиры въ предмѣстьѣ у св. Мамы (монастырь св. Маманта), а въ самый городъ они могли входить только извѣстными воротами, группами не болѣе 50 человѣкъ и въ сопровожденіи императорскаго пристава. Во все время пребыванія они получали даровой кормъ, мѣсячину, которая выдавалась имъ въ извѣстномъ порядкѣ по старшинству городовъ—сначала кіевскимъ, потомъ черниговскимъ, переяславскимъ, смоленскимъ и т. д. Кромѣ того, имъ разрѣшалось мыться даромъ въ общественныхъ баняхъ. Всѣ товары они получали безпошлинно. На обратный путь ихъ снабжали изъ императорской казны съѣстными припасами, якорями, парусами, канатами и прочими потребными вещами. Договоры предусматривали и случаи взаимныхъ столкновеній русскихъ и грековъ и устанавливали различныя гарантіи отъ взаимныхъ обидъ. Русскимъ запрещалось буйствовать въ окрестностяхъ Константинополя и по селамъ. Если русь случится недалеко отъ греческаго корабля, прибитаго бурею къ чужому берегу, то она должна помочь ему и проводить его до безопаснаго мѣста. Плѣнныхъ, проданныхъ въ рабство, обѣ стороны выкупаютъ по ихъ цѣнѣ. Руссамъ предоставляется возможность, если они того пожелаютъ, наниматься на службу къ греческимъ царямъ. Новый походъ на Византію, предпринятый преемникомъ Олега Игоремъ, кончился подтвержденіемъ договора Олега съ нѣкоторыми незначительными измѣненіями—ясный признакъ, что и на этотъ разъ онъ предпринимался съ цѣлью охраны русскихъ купцовъ и русскихъ торговыхъ интересовъ. Съ этою же цѣлью посылалъ на грековъ и Ярославъ своего сына Владиміра въ 1043 году, ибо какъ разъ незадолго передъ этимъ избили въ Константинополѣ русскихъ купцовъ и одного изъ нихъ убили.

Кромѣ Константинополя, первые Кіевскіе князья предпринимали походы на хазаръ и Камскихъ болгаръ. Въ Хазаріи и Болгаріи русскіе купцы вели не менѣе значительную торговлю, какъ и въ Византіи. Въ столицѣ кагана Итилѣ цѣлая часть города занята была русскими

и славянскими купцами, которые платили въ пользу кагана десятину отъ всѣхъ своихъ товаровъ. То же было и въ Камской Болгаріи. Прибывъ къ главному городу болгаръ, руссы строили себѣ на берегу Волги большія деревянныя помѣщенія и располагались въ нихъ по 10 и 20 человѣкъ съ своими товарами, которые преимущественно состояли изъ пушныхъ мѣховъ и невольницъ. На почвѣ торговыхъ сношеній и возникали, очевидно, столкновенія руси съ хазарами и болгарами въ X в., ибо въ то время эти народы не были непосредственными сосѣдями руси. Меря, мурома и мордва отдѣляли восточныхъ славянъ отъ болгаръ, а печенѣги отъ хазаръ. Поэтому и походы, предпринявшіеся въ Хазарію и Камскую Болгарію, при Игорѣ, Святославѣ и Владимірѣ Святомъ, вызывались, вѣроятно, тѣми же причинами, что и походы на грековъ. Объ этомъ можно судить и по послѣдствіямъ нѣкоторыхъ изъ этихъ походовъ. Въ 1006 году кн. Владиміръ заключилъ съ болгарами Камскими договоръ, въ которомъ выговорилъ для русскихъ купцовъ право свободно проѣзжать въ болгарскіе города съ печатями своихъ посадниковъ и предоставилъ и болгарскимъ купцамъ право пріѣзжать на Русь и продавать свои товары, но только по городамъ—мѣстнымъ купцамъ, а не по селамъ—вирникамъ, тіунамъ, огнищанамъ и смердамъ.

Итакъ, первые Кіевскіе князья выступаютъ въ роли охранителей торговыхъ интересовъ восточнаго славянства. Въ качествѣ этихъ же охранителей они защищаютъ великій водный путь изъ Варягъ въ Греки. Они выполняютъ это дѣло, посылая вооруженные отряды для сопровожденія торговыхъ каравановъ внизъ по Днѣпру, гдѣ эти караваны подвергались нападеніямъ кочевниковъ. Но особенно видною является дѣятельность первыхъ князей по оборонѣ славянскихъ поселеній отъ набѣга кочевниковъ. Разсказавъ объ утвержденіи Олега въ Кіевѣ, лѣтописецъ отмѣчаетъ: «се же Олегъ нача городы ставити и устави дани Словѣномъ, Кривичемъ и Мери и устави Варягомъ дань даятъ отъ Новагорода гривенъ 300 на лѣто мира дѣля». Отъ кого Олегъ началъ укрѣплять предѣлы русской осѣдлости? Очевидно, отъ кочевниковъ, которые еще въ IX в. стали прорываться въ нашу страну. Въ первой половинѣ X в., по свидѣтельству Константина Багрянороднаго, печенѣги заняли уже всѣ наши степи отъ Дона до Карпатъ, и съ этими печенѣгами воюютъ и Игорь, и Святославъ, какъ извѣстно и погибшій въ борьбѣ съ ними. При Владимірѣ война съ печенѣгами идетъ уже «безъ перестани», по выраженію лѣтописи. Владиміръ, не разъ терпѣвшій пораженія отъ печенѣговъ, началъ, по разсказу лѣтописи, ставить города по Деснѣ, Остру, Трубежу, по Сулѣ и Стугнѣ, набирать лучшихъ мужей отъ словенъ, кривичей, чуди, вятичей и ими населять новые города: «бѣ бо рать отъ Печенѣгъ». Кромѣ печенѣговъ, Владиміру пришлось имѣть дѣло съ дикарями лѣсныхъ литовскихъ пущъ—ятвягами. Владиміръ одолѣлъ ихъ и занялъ ихъ землю.

Охраняя торговые интересы приднѣпровскаго славянства и защищая

его отъ набѣговъ сосѣднихъ варваровъ, первые кіевскіе князья стремились присоединить къ образовавшемуся подъ ихъ властью союзу и племена, жившія въ сторонѣ отъ днѣпровскаго славянства: вятичей, древлянъ, уличей и тиверцевъ, и, наконецъ, хорватовъ. Нѣкоторыя изъ этихъ племенъ охотно шли подъ власть кіевскихъ князей; нѣкоторыя, какъ, напр., древляне, уличи и вятичи «ратились», и князья «примучивали» ихъ, покоряли. Въ концѣ-концовъ, имъ удалось объединить въ одинъ политическій союзъ все восточное славянство.

Внутренняя дѣятельность первыхъ князей. По сравненію съ этою напряженною внѣшнею дѣятельностью первыхъ кіевскихъ князей, дѣятельность ихъ по внутреннему устроенію страны, по введенію въ ней наряда, остается на заднемъ планѣ, въ тѣни. Эта дѣятельность выражалась, главнымъ образомъ, въ установленіи и сборѣ даней и оброковъ, шедшихъ на содержаніе какъ самихъ князей, такъ и ихъ дружины, и, такимъ образомъ, тѣсно связана была съ тою же внѣшнею дѣятельностью. До лѣтописца дошло преданіе, что по этой части особенно отличилась вдова Игоря Ольга, въ малолѣтство сына своего Святослава. Она разъѣзжала по странѣ и устанавливала погосты, т.-е. административные центры въ торговыхъ пунктахъ, дани и оброки. Дань собиралась первыми князьями разнымъ способомъ. Покоренныя племена сами везли дань въ Кіевъ на княжій дворъ. Это такъ-называемый *повозъ*. Такой *повозъ* возили, напр., въ Кіевъ радимичи. Дань собиралась княжескими посадниками, или намѣстниками, и расходовалась на содержаніе находившейся съ ними княжеской дружины—*гридей*. Такъ было, напр., въ Новгородѣ, гдѣ княжескіе посадники, со временъ Олега и до смерти Ярослава, собирали дань и отдавали ее частью варягамъ и вообще княжескимъ дружинникамъ, а частью отсылали въ Кіевъ. Князья затѣмъ сами собирали дань, для чего отправлялись съ своей дружиною на такъ-называемое *полюдье*.

Константинъ Багрянородный сообщаетъ объ этомъ слѣдующія подробности. Въ ноябрѣ мѣсяцѣ, какъ только устанавливался зимній путь, кіевскіе князья отправлялись на полюдье по всѣмъ своимъ волостямъ; собирали они дань по большей части натурою, тутъ же чиня судъ и расправу. Въ этомъ блужданіи проходила цѣлая зима, и лишь въ апрѣлѣ, когда вскрывался Днѣпръ, князья возвращались въ Кіевъ, а за ними везли дань, которую тотчасъ же отправляли на ладьяхъ въ Константинополь для продажи. Игорь, по разсказу лѣтописи, и погибъ во время сбора этой дани. Но иногда князья поручали сборъ полюдья своимъ дружинникамъ какъ, напр., поступалъ долгое время Игорь, отправлявшій на полюдье своего боярина Свѣнельда.

Какъ видно изъ сообщенія Константина Багрянороднаго, первые кіевскіе князья творили и судъ. Съ этимъ вполнѣ согласуется и сообщеніе Ибнъ-Даста. «Когда кто изъ нихъ (русскихъ) имѣетъ дѣло противъ другого, то зоветъ его на судъ къ царю, передъ которымъ и препирается; когда

царь произноситъ приговоръ, исполняется то, что онъ велитъ; если же обѣ стороны приговоромъ царя недовольны, то по его приказанію должны предоставить окончательное рѣшеніе оружію: чей мечъ острѣе, тотъ и одерживаетъ верхъ; на борьбу эту родственники приходятъ вооруженными и становятся. Тогда соперники вступаютъ въ бой, и побѣдитель можетъ требовать отъ побѣжденнаго, чего хочетъ». Судебная функція принадлежала, несомнѣнно, уже и племеннымъ вождямъ и старѣйшинамъ и перешла отъ нихъ, просто по наслѣдству, и къ варяжскимъ конунгамъ, заступившимъ ихъ мѣсто въ крупныхъ торговыхъ центрахъ со сброднымъ населеніемъ. Въ виду вышеизложенныхъ фактовъ и соображеній, нельзя принять цѣликомъ характеристику первоначальнаго варяго-русскаго князя, только какъ наемнаго сторожа русской земли. Варяго-русскій князь съ самаго момента своего появленія у восточныхъ славянъ былъ одновременно съ тѣмъ и устроителемъ внутренняго мира и наряда въ землѣ, хотя, разумѣется, эта дѣятельность его и не стояла на первомъ планѣ, и не для нея собственно онъ былъ призванъ или принятъ населеніемъ.

Слабость государственнаго объединенія восточныхъ славянъ. Новообразовавшійся политическій союзъ всего восточнаго славянства, хотя и можно назвать, въ извѣстномъ смыслѣ, первоначальнымъ русскимъ государствомъ, но это молодое государство еще очень было далеко отъ того, что мы привыкли разумѣть подъ этимъ именемъ. Во-первыхъ, еще не опредѣлилась окончательно территорія этого государства. Славянское населеніе находилось въ состояніи постояннаго передвиженія, покидало старыя насиженныя мѣста и занимало новыя. Выше было указано, что вслѣдствіе прибытія кочевниковъ въ наши южныя степи, славяне должны были покинуть эти степи и уйти въ лѣсную область, гдѣ ихъ поселки все болѣе и болѣе расползались. Это передвиженіе населенія какъ разъ падаетъ, главнымъ образомъ, на X вѣкъ. Затѣмъ, хотя восточные славяне и соединились подъ властью одного верховнаго вождя и судьи, подъ властью одного государя, но пока еще слабыми узами. Болѣе крѣпкими были тѣ связи, которыя соединяли ихъ въ мѣстные союзы, мѣстные политическіе міры, т.-е. племенныя и городовыя волости, родовые поселки. Союзъ восточнаго славянства представлялъ въ X вѣкѣ скорѣе федерацію подъ главенствомъ кіевскаго князя, чѣмъ единое государство въ нашемъ смыслѣ слова. Изъ договоровъ Олега и Игоря мы уже знаемъ, что по главнымъ городамъ восточнаго славянства сидѣли подъ рукою великаго князя Русскаго многочисленные «свѣтлые князья». То были частью племенные князья восточныхъ славянъ, частью другіе конунги и княжескіе дружинники, которыхъ сажалъ въ отдѣльныхъ волостяхъ великій князь Русскій,—его *посадники*. Лѣтопись представляетъ себѣ первоначальную организацію государственнаго управленія на Руси именно такимъ образомъ. Является Рюрикъ съ братьями и дружиною изъ-за моря. Самъ онъ садится въ главномъ городѣ земли—Новгородѣ, около себя сажаетъ братьевъ, а въ другіе

города разсылаетъ мужей. «И прія власть Рюрикъ, и раздая мужемъ своимъ грады, овому Полтескъ, овому Ростовъ, другому Бѣлоозеро». Святославъ, отправляясь воевать въ Болгарію, посадилъ Ярополка въ Кіевѣ, Олега—въ Древлянской землѣ, Владиміра—въ Новгородской. Изъ другого мѣста лѣтописи узнаемъ, что въ Полоцкѣ въ то время сидѣлъ князь Рогвольдъ. Владиміръ, у котораго было двѣнадцать сыновей, всѣхъ ихъ разсажалъ еще при жизни своей кого въ Муромѣ, кого въ Новгородѣ, кого въ Полоцкѣ, кого въ Ростовѣ, а одного—Мстислава даже въ отдаленной Тмутаракани. Всѣ эти «посадники» великаго князя Русскаго отправлялись на мѣста свои съ частью дружины и кормились на счетъ даней и разныхъ поборовъ съ населенія, посылая часть дани великому князю въ Кіевъ. Такимъ образомъ, напр., Ярославъ, посаженный отцомъ въ Новгородѣ, отсылалъ ему «урокомъ» двѣ тысячи гривенъ въ годъ, а 1000 гривенъ раздавалъ находившейся съ нимъ дружинѣ—гридямъ. Мы видѣли, что такъ было дѣло и при Олегѣ, который установилъ давать ежегодно 300 гривенъ варягамъ, пребывавшимъ въ Новгородѣ, «мира дѣля», а остальную дань, слѣдовательно, бралъ себѣ въ Кіевъ. Эти варяжскія дружины, находившіяся по городамъ вмѣстѣ съ князьями и посадниками, и давали возможность великому князю Кіевскому держать въ единеніи, подъ своею властью, раскиданныя на необъятныхъ пространствахъ восточно-славянскія племена.

Посаженные великимъ княземъ князья и мужи во внутреннемъ управленіи своими волостями были, по всѣмъ признакамъ, совершенно самостоятельны, и все ихъ отношеніе къ князю, находившемуся въ центрѣ государства, выражалось именно въ томъ, что они посылали ему свой *«урокъ»* и ходили по его зову на войну.

Съ утвержденіемъ этихъ князей и посадниковъ съ дружинами по отдѣльнымъ землямъ и волостямъ не заглохла, однако, и прежняя политическая самодѣятельность мѣстныхъ міровъ. Въ самомъ центрѣ восточнаго славянства—Кіевѣ, великій князь не сдѣлался полнымъ хозяиномъ положенія. Когда требовалось разрѣшить какое-либо важное дѣло, онъ собиралъ на совѣтъ не только своихъ старшихъ дружинниковъ—бояръ, но и старцевъ городскихъ, представителей мѣстнаго населенія. Но эти городскіе старцы приносили съ собою на совѣтъ, конечно, не одно только личное разумѣніе, но и волю и желанія населенія, которыя высказывались на вѣчевыхъ собраніяхъ.

Начало объединенія національнаго. Итакъ, создавшееся политическое единство восточнаго славянства, насколько можно судить объ немъ по фактамъ, сообщаемымъ лѣтописью, не было тѣснымъ, народившееся государство не было еще сколько-нибудь сплоченнымъ политическимъ тѣломъ. Но при всемъ томъ нельзя отрицать значенія совершившагося факта. Какъ ни какъ, а надъ многими, дотолѣ разрозненными мірами, появилась общая власть въ лицѣ кіевскихъ князей. Эта власть, соединяя племена, города и волости, въ общихъ военныхъ и торговыхъ

предпріятіяхъ, становясь въ роли посредника между ними, регулируя ихъ взаимоотношенія, усиливала въ нихъ чувство племенного единства и будила національное самосознаніе. Не чѣмъ инымъ, какъ пробужденіемъ національнаго самосознанія вызвана была потребность объяснить, откуда пошла русская земля, кто первый сталъ княжить въ Кіевѣ, и какъ этотъ городъ сталъ матерью русскихъ городовъ—потребность, удовлетворить коей старался нашъ начальный лѣтописецъ.

Кромѣ указанныхъ уже трудовъ Грушевскаго и Багалѣя и Курса русской исторіи В. О. Ключевскаго (ч.I), ближайшими пособіями могутъ служить: *К. Н. Бестужева-Рюмина*, Русская исторія, т. I. СПБ. 1872.

Н. П. Загоскина, Исторія права русскаго народа, т. I. Казань, 1899.

И. Е. Забѣлина, Исторія русской жизни, ч. I.

Гедеонова, С. А. Отрывки изъ изслѣдованій о варяжскомъ вопросѣ. СПБ., 1862.

— Варяги и Русь. СПБ. 1876. Томы I—II.

Д. И. Иловайскаго, Разысканія о началѣ Руси. Москва, 1882 г.

A. A. Kunik, Die Berufung der schwedischen Rodsen I—II. 1844—1845.

Томсена, Начало русскаго государства (Чтенія въ Имп. Общ. Исторіи и Древн. Росс. 1891, кн. I).

В. Г. Васильевскаго, Труды, т. I. СПБ. 1908; т. II., вып. I. СПБ. 1909.

— Русско-византійскія изслѣдованія, вып. 2-ой. СПБ. 1893.

VIII.

Измѣненія въ соціальномъ строѣ и культурѣ восточнаго славянства въ эпоху образованія и утвержденія великаго княжества русскаго.

Сліяніе варяговъ и славянскихъ купцовъ; «русь», какъ общественный классъ. Утвержденіе варяговъ въ нашей странѣ и образованіе великаго княжества Русскаго вызвали крупныя перемѣны въ соціальномъ строѣ восточнаго славянства. До появленія норманновъ этотъ строй, какъ можно думать, отличался большою простотою. Въ сущности въ средѣ восточнаго славянства были два класса—свободные и рабы изъ плѣнныхъ, которыхъ, впрочемъ, не задерживали подолгу, а либо отпускали за ненадобностью, либо обмѣнивали или продавали. Кромѣ того, по всему вѣроятію, намѣти-

лось дѣленіе свободныхъ людей по мѣсту жительства и господствующимъ занятіямъ на торговцевъ—горожанъ и на земледѣльцевъ и промышленниковъ—сельчанъ. Съ утвержденіемъ въ странѣ варяговъ среди восточныхъ славянъ оказался третій классъ—пришлый и державшійся болѣе или менѣе обособленно отъ остальныхъ—*русъ*. Этотъ классъ былъ заразъ и военный, и торговый. Варягъ въ нашей странѣ явился не столько въ качествѣ вооруженнаго насильника, отъ котораго надо было откупаться, сколько въ качествѣ «гостя», прибывшаго съ добрыми намѣреніями купить и продать и предложить свои услуги по оборонѣ отъ нападеній другихъ враговъ. Естественно, что къ этимъ варягамъ примкнули очень скоро и отважные, предпріимчивые люди изъ среды самихъ славянъ, которые вмѣстѣ съ варягами стали ѣздить въ Царьградъ, Хазарію и Болгарію для торговли, стали предпринимать сообща съ ними далекіе военные походы. Вслѣдствіе этого, и имя «гость», обозначавшее первоначально иноземца, стало прилагаться ко всѣмъ крупнымъ торговцамъ, ѣздившимъ торговать на сторону. Эти славянскіе «гости» по источникамъ X вѣка являются всюду вмѣстѣ съ русью, т.-е. варягами, норманнами: и въ Византіи, и въ Хазаріи, и въ Болгаріи. Съ другой стороны, и варяги зажились среди восточныхъ славянъ, сдѣлались старожильцами, вслѣдствіе чего должно было происходить извѣстное сліяніе пришлаго и туземнаго элементовъ, и «русь» въ концѣ концовъ получила значеніе туземнаго *военно-торговаго класса*. Такъ какъ этотъ классъ господствовалъ среди восточныхъ славянъ и политически, и экономически, то и земля ихъ и въ собственномъ ихъ сознаніи, и у другихъ народовъ стала считаться *землею Русскою*.

Выдѣленіе княжеской дружины; старшая и младшая дружина. Но съ того времени, какъ варяжскіе конунги объединили восточныхъ славянъ подъ своею властью, должна была неизбѣжно произойти дифференціація среди того общественнаго класса, который получилъ названіе Руси. Вслѣдствіе усложнившихся задачъ по оборонѣ и управленію страны трудно уже стало соединять одновременно торговую профессію съ ремесломъ княжескаго дружинника. Такъ изъ военно-торговаго класса Руси выдѣлился особый, спеціально-военный классъ—*княжеской дружины*. Этотъ классъ теперь уже не имѣлъ значенія пришлаго элемента, былъ туземнымъ общественнымъ классомъ. И пополняться этотъ общественный классъ сталъ уже не столько пришлыми варягами, сколько туземными элементами. Составитель начальной лѣтописи отмѣтилъ этотъ фактъ въ разсказѣ о дѣятельности Владиміра Святого по оборонѣ границъ: «и поча порубати (набирать) мужѣ лучьшіѣ отъ Словень и отъ Кривичь, и отъ Чюди, и отъ Вятичь, и отъ сихъ насели грады» (Лаврент. 119). Княжеская дружина въ свою очередь разслоилась на разряды. Въ составъ старшей дружины входили княжи мужи, бояре. Это верхній, собственно правительственный слой. Съ ними князь думалъ о дѣлахъ,—«о строѣ земленѣмъ и о ратѣхъ и уставѣ земстѣмъ», назначалъ *воеводами*, *тысяцкими*

и сотскими надъ народными ополченіями, *посадниками*, или намѣстниками, по городамъ, посылалъ на полюдье и для сбора виръ и т. д. Часть этихъ старшихъ дружинниковъ находилась постоянно при князѣ, составляла его придворное, домашнее общество. Это такъ называемые *огнищане*. Младшую дружину составляли *гриди*—тѣлохранители князей и защитники княжескихъ резиденцій, находившіеся не только при князьяхъ, но и при посадникахъ, *отроки*, *пасынки*, *дѣтскіе*, служившіе на низшихъ должностяхъ и исполнявшіе разныя порученія. Дружина находилась на иждивеніи князя, который ее кормилъ, одѣвалъ, вооружалъ и снабжалъ лошадьми. Въ княжескомъ дворцѣ было цѣлое помѣщеніе, называвшееся *гридница*. Кромѣ прямыхъ выдачъ необходимыхъ предметовъ, князь старшимъ дружинникамъ, которые посылались имъ въ города посадниками, предоставлялъ пользоваться частью своихъ доходовъ, даней и судебныхъ штрафовъ и пошлинъ. Младшимъ дружинникамъ—гридямъ, отправляемымъ въ города, предоставлялась на содержаніе часть дани; отроки, дѣтскіе, мечники кормились отъ дѣлъ, которыя поручали имъ князья, напр., собирая дань или судебные штрафы, получали отъ населенія кормъ, дары и извѣстный процентъ съ княжескихъ сборовъ. Наконецъ, князья дѣлились съ дружиною добычею и контрибуціями съ побѣжденныхъ. Лѣтопись часто разсказываетъ о томъ, какъ князья брали города на щитъ. Что означаетъ это выраженіе? Плѣненіе и разграбленіе города и дѣлежъ добычи. Когда побѣжденные откупались отъ этого, князь бралъ окупъ не только для себя, но и для дружины, какъ напр. Олегъ, взявшій съ грековъ по 12 гривенъ на каждое весло своихъ 2000 кораблей. Если даже считать эту подробность вымышленною, то все равно придется признать, что вымыселъ построенъ по тому, что тогда обыкновенно практиковалось.

Начало княжескаго землевладѣнія; княжескіе холопы. Княжеская дружина въ X и началѣ XI вѣка еще не сдѣлалась землевладѣльческимъ классомъ. Но можно сказать, что эта будущая ея соціальная позиція уже намѣчалась. Глава и вождь ея князь уже въ X вѣкѣ начиналъ распоряжаться землею. Ольга, напримѣръ, устраивала княжескія села, намѣчала княжескія угодья, и лѣтописецъ говоритъ, что и въ его время извѣстны были ея «ловища и перевѣсища». У кн. Владиміра Святого было любимое загородное село Берестово, гдѣ онъ проживалъ подъ конецъ жизни. Въ XI вѣкѣ княжеское сельское хозяйство является уже налаженнымъ, упрочившимся дѣломъ. Русская Правда краткой редакціи говоритъ о рабахъ князя, распоряжающихся и работающихъ на его хозяйствѣ, о тіунахъ сельскомъ и ратайномъ, о рядовничіи, о конюхахъ, говоритъ о княжескихъ стадахъ и домашнихъ животныхъ князя, опредѣляя таксу вознагражденій за причиненные князю убытки истребленіемъ его людей, животныхъ и хозяйственныхъ вещей. Обращеніе князей къ сельскому хозяйству показываетъ, что князья уже не удовлетворялись однѣми данями, судебными и торговыми пошлинами и искали себѣ и другихъ источ-

никовъ обогащенія—въ занятіи и эксплуатаціи земель и угодій. За князьями неизбѣжно рано или поздно должны были потянуться и ихъ дружинники. Какъ увидимъ потомъ, къ половинѣ XII вѣка на ряду съ княжескимъ землевладѣніемъ и сельскимъ хозяйствомъ значительныхъ успѣховъ достигло и боярское землевладѣніе и хозяйство.

Княжеское общество; смерды. Такъ, среди восточнаго славянства съ прибытіемъ варяжскихъ князей образовалось особое, отдѣленное отъ всего остального населенія общество, имѣвшее свою особую организацію,—общество, которое можно назвать *княжескимъ*. Кромѣ князей, къ нему принадлежали княжи мужи—бояре и огнищане, гриди, отроки, дѣтскіе, княжескіе рабы. Всѣ эти люди стояли подъ особымъ покровительствомъ князя, какъ это можно видѣть изъ системы уголовныхъ денежныхъ взысканій Русской Правды. Вира за княжихъ мужей полагалась обычно двойная; повышенное вознагражденіе взималось и за княжескихъ рабовъ, отправлявшихъ различныя должности на дворѣ князя или по его сельскому хозяйству. Княжескіе люди выдѣлились не только въ городскомъ населеніи, но и въ сельскомъ, именно такъ называемые *смерды*. Изъ состава сельскаго земледѣльческаго населенія, обложеннаго данями, князья выдѣлили наиболѣе состоятельныхъ, имѣвшихъ лошадей, землевладѣльцевъ и обложили ихъ *военною повинностью*. Смерды обязаны были выступать въ походъ вмѣстѣ съ княжескою дружиною и городскими полками, когда предстояла большая рать, подъ начальствомъ своихъ старостъ. Поэтому смерды считались если не мужами, то княжескими мужиками. Князья брали за убійство ихъ вознагражденіе, какъ за своихъ людей; брали себѣ ихъ имущество, если они умирали безъ сыновей, и т. д.

Люди. Все остальное свободное населеніе составляли *люди*, называвшіеся либо своими племенными именами — словене, кривичи, радимичи, вятичи, либо топографическими: новгородцы, полочане, смолняне и т. д. Эти люди составляли мѣстные городскіе и сельскіе міры, имѣвшіе своихъ старцевъ или старостъ, свои вѣча или сходки, связанные круговою порукою и отвѣтственностью (вервь) за преступленія.

Христіанство у восточныхъ славянъ и причины его распространенія. Кромѣ перемѣнъ, внесенныхъ въ общественный строй и бытъ восточнаго славянства утвержденіемъ власти варяжскихъ князей и ихъ дружинниковъ, большія перемѣны внесло и совершившееся одновременно распространеніе христіанства. Этому распространенію содѣйствовали какъ внѣшнія обстоятельства, такъ и внутреннія причины, лежавшія въ самомъ язычествѣ восточнаго славянства.

Благопріятнымъ внѣшнимъ обстоятельствомъ были сношенія съ греками, соприкосновеніе съ христіанскою греческою культурою. Славяне сталкивались съ этою культурою и на сѣверномъ черноморскомъ побережьѣ, гдѣ находились греческія колоніи, и въ Византіи, куда славяне вмѣстѣ съ скандинавами ѣздили торговать и воевать. Результаты этого

не замедлили сказаться. Когда въ 944 году пріѣхали въ Кіевъ византійскіе послы для подтвержденія договора, то часть руси, княжеской дружины, оказалась уже крещеною и присягала въ соблюденіи договора въ храмѣ св. Иліи. Съ другой стороны, и язычество восточныхъ славянъ по своимъ внутреннимъ свойствамъ не способно было къ энергичному отпору новой религіи. Наибольшею силою сопротивленія отличается та религія, которая сложилась въ форму яснаго и опредѣленнаго міросозерцанія, имѣетъ развитой культъ и поддерживается вліятельнымъ и привилегированнымъ классомъ своихъ служителей. Ничего подобнаго нельзя сказать про язычество восточныхъ славянъ. Вѣрованія ихъ были неопредѣленныя, смутныя и отличались отсутствіемъ всякаго обобщающаго философскаго начала. Славяне, какъ было уже сказано, одухотворяли, надѣляли внутреннею жизнью всѣ явленія окружающей природы, думали, что ими управляетъ воля боговъ, подобная ихъ собственной, и потому старались направить эту волю въ свою пользу или, по крайней мѣрѣ, узнать ее. Но такъ какъ явленія окружающей природы вслѣдствіе своей неразвитости они не могли систематизировать и возводить къ дѣйствію началъ, соподчиненныхъ одной главной причинѣ, то естественно, что и религіозныя представленія ихъ отличались смутностью и неясностью. То были не столько идеи, сколько чувства божественныхъ силъ, разлитыхъ въ природѣ. Неопредѣленностью и спутанностью отличались и загробныя вѣрованія славянъ, совмѣщавшія представленія разныхъ эпохъ. Древнѣйшимъ вѣрованіемъ является представленіе, что душа остается въ тѣлѣ и живетъ въ могилѣ. Это вѣрованіе сохранялось у славянъ. Доказательствомъ является совершеніе тризнъ на могилахъ покойниковъ, при чемъ часть угощенія шла и на долю покойниковъ. Дальнѣйшимъ вѣрованіемъ является представленіе, что душа отдѣляется отъ тѣла и блуждаетъ по землѣ. Какъ распространено было вѣрованіе въ блуждающія души мертвецовъ даже послѣ христіанства, показываетъ случай, разсказанный лѣтописью подъ 1092 год. «Предивная вещь случилась въ Полоцкѣ: по ночамъ слышался шумъ и стонъ, на улицахъ, бѣсы рыскали, какъ люди; и если кто выходилъ, тотъ мгновенно поражался язвою и отъ нея умиралъ, и не смѣли люди выходить изъ домовъ. Потомъ и днемъ стали появляться на коняхъ, но самихъ не было видно, а только копыта коней, и такъ же уязвляли людей. И стали люди говорить, что мертвецы бьютъ полочанъ». Но на ряду съ подобными вѣрованіями возникло уже и представленіе о томъ, что душа по смерти уходитъ въ невѣдомую страну, вслѣдствіе чего и покойниковъ снаряжали въ дорогу экипажами, хоронили въ саняхъ, на которыя ставилась лодка. Наконецъ, появилось вѣрованіе, что душа переселяется въ свѣтлое царство солнца—пекло или рай, вслѣдствіе чего стали сожигать трупы мертвецовъ, чтобы облегчить душѣ поднятіе въ это воздушное свѣтлое царство вмѣстѣ съ дымомъ. Авторъ сказанія о началѣ Руси прямо свидѣтельствуетъ, что вятичи и въ его время сожигали своихъ покойниковъ. Зачѣмъ они это

дѣлали, это объяснилъ одинъ руссъ Ибнъ-Фацлану, наблюдавшему въ 921 году погребальное сожженіе знатнаго русса. «Вы, арабы,—говорилъ онъ,—народъ глупый: вы берете все, что у васъ любезнѣйшаго и дорогого между людьми, и зарываете въ землю, гдѣ его ѣдятъ гады и черви. Мы же сожигаемъ его во мгновеніе, чтобы онъ безъ задержки и немедленно вселился въ рай».—Всѣ эти разнообразныя вѣрованія уживались вмѣстѣ и порождали полный хаосъ въ представленіяхъ о загробной жизни.

Неразвитости религіозныхъ представленій соотвѣтствовала и неразвитость культа. Весь культъ состоялъ въ моленіяхъ и требахъ, т.-е. жертвахъ, которыя каждый приносилъ на свой ладъ той или другой таинственной силѣ природы по усмотрѣнію, съ цѣлью расположить ее въ свою пользу. При такомъ порядкѣ не могло выдѣлиться и особаго класса жрецовъ. Спеціалисты явились только по гаданіямъ и сношеніямъ съ таинственными силами,—волхвы, кудесники, но и то не вездѣ. Обыкновенно же и по этой части каждый гадалъ и волхвовалъ, какъ умѣлъ, и ученыхъ волхвовъ было мало, а все свои доморощенные знахари. Вотъ почему и первые христіанскіе учители вооружались противъ гаданій и волхованій, какъ противъ общераспространеннаго зла. Церковные уставы Владиміра и Ярослава къ обычнымъ преступленіямъ противъ христіанской нравственности относятъ «потворы, чародѣянія, волхвованіе, вѣдовство, зелейничество, или кто молится подъ овиномъ или въ рощеньи, или у воды».

При такихъ условіяхъ вполнѣ естественно, что язычество восточныхъ славянъ не выдержало столкновенія съ христіанствомъ съ его опредѣленнымъ и яснымъ вѣроученіемъ, съ его развитымъ культомъ, съ цѣлымъ классомъ духовенства, энергично его пропагандировавшаго. Для восточнославянской интеллигенціи при столкновеніи съ христіанствомъ не могло быть выбора между нимъ и примитивною религіею предковъ, и она охотно принимала христіанство. И въ народную массу христіанство проникло не вслѣдствіе только понужденія, а несомнѣнно и вслѣдствіе проповѣди, вслѣдствіе добровольнаго принятія.

Синкретизмъ вѣрованій. Помимо вышеуказанной внутренней слабости язычества успѣхамъ христіанства много содѣйствовали и нѣкоторыя конкретныя данныя, которыя были присущи какъ самому христіанству, такъ и славянскому язычеству. Съ одной стороны, у восточныхъ славянъ было, хотя и смутное, представленіе о высшемъ небесномъ божествѣ *Сварогѣ*, отцѣ Даждь-бога, солнца и огня. На этомъ фундаментѣ легко могли укладываться и христіанскія идеи о Богѣ, какъ всемогущемъ Отцѣ Небесномъ, и Сынѣ Божіемъ, который именуется свѣтомъ, солнцемъ правды. Съ другой стороны, и привычныя представленія славянина-язычника о множествѣ божественныхъ силъ находили себѣ аналогіи въ христіанскихъ представленіяхъ о Матери Божіей, ангелахъ, святыхъ, демонахъ. Поэтому, славянинъ-язычникъ долженъ былъ легко воспринимать христіанское ученіе съ этой стороны и пріурочивать новыя

идеи къ прежнимъ представленіямъ. Такъ его Перунъ превратился въ Илью-Громовника, его Волосъ въ св. Власія, покровителя стадъ, его многочисленные лѣшіе. водяные и домовые боги въ христіанскихъ бѣсовъ и т. д. Въ результатѣ совершался синкретизмъ христіанства и язычества, стадія религіознаго развитія, съ которой народная масса не сошла и до сихъ поръ. Христіанство проигрывало отъ этого въ чистотѣ и глубинѣ воззрѣній, но выигрывало въ широтѣ распространенія.

Общія послѣдствія распространенія христіанства. Какія же измѣненія внесло оно во внутреннюю жизнь восточнаго славянства? Больше всего, конечно, подѣйствовало оно на верхній болѣе или менѣе культурный слой славянскаго населенія. Этотъ слой въ христіанствѣ получилъ стройное религіозное міросозерцаніе съ обобщающимъ философскимъ началомъ съ опредѣленными отвѣтами на коренные запросы ума и сердца. Что наиболѣе образованные русскіе люди усваивали такъ или иначе это міросозерцаніе, хотя бы въ общихъ чертахъ, свидѣтельствомъ этого являются памятники древнѣйшей русской литературы, въ которыхъ содержится «исповѣданіе христіанской вѣры». Такое исповѣданіе, напр., встрѣчаемъ въ сказаніи о крещеніи Руси, возникшемъ сначала отдѣльно, а затѣмъ внесенномъ въ начальную лѣтопись. Здѣсь находится довольно удовлетворительное изложеніе христіанскаго вѣроученія.—Для культурнаго слоя русскаго общества христіанство дало несомнѣнно сознательный нравственный идеалъ. Нравственное чувство, конечно, было присуще восточнымъ славянамъ и до христіанства. Но едва ли это чувство превращалось въ нравственныя идеи, въ непреложныя правила жизни. Только съ принятіемъ христіанства открылся сознательный нравственный идеалъ, и изъ фактовъ, приведенныхъ въ лѣтописи о дѣятельности Владиміра Святого послѣ крещенія и нѣкоторыхъ другихъ князей, а также и первыхъ подвижниковъ монашества, можно видѣть, что такъ или иначе нравственный христіанскій идеалъ сдѣлался руководствомъ въ жизни, насколько полно,— это, конечно, другой вопросъ. Духовное вліяніе христіанства простерлось до извѣстной степени и на всю народную массу. Произошелъ, какъ мы видѣли, синкретизмъ язычества и христіанства въ этой народной массѣ. Но во всякомъ случаѣ и этотъ синкретизмъ внесъ больше опредѣленности, больше отчетливости въ религіозныя вѣрованія, установилъ болѣе опредѣленный культъ и опредѣленный классъ служителей религіи.

Церковь и ея задачи;—воздѣйствіе на княжескую власть. Въ обществѣ выдѣлился новый классъ, занявшій въ немъ привилегированное положеніе и получившій возможность вліять на жизнь общества внутренними и внѣшними средствами. То было христіанское духовенство, составившееся первоначально изъ грековъ, а затѣмъ изъ образованныхъ русскихъ людей, для приготовленія которыхъ къ этому званію стали учреждаться особыя школы. Это духовенство и стало насаждать, какъ умѣл овыя религіозныя истины и новую нравственность пропо-

вѣдью и церковными наказаніями по уставамъ, которые дали князья Владиміръ Св. и Ярославъ. Восточные славяне, такимъ образомъ, получили новую организацію, какой они дотолѣ не имѣли,—церковь. Эта новая организація стала преслѣдовать новыя общественныя задачи, которыхъ совершенно не знало прежнее язычество. Въ языческую эпоху общественныя организаціи имѣли въ виду только поддержаніе внутренняго мира и внѣшней безопасности. Теперь, съ принятіемъ христіанства, выдвинулись новыя задачи—поддержаніе религіознаго и нравственнаго порядка въ обществѣ, и эти задачи стала выполнять, насколько могла, церковь. Ей предоставлена была широкая юрисдикція надъ всѣми христіанами, въ составъ которой входили дѣла «о вѣдовствѣ и зелейничествѣ», о нарушеніи неприкосновенности и святости христіанскихъ храмовъ и символовъ, о церковной татьбѣ, о разводѣ, о блудѣ и прелюбодѣяніи, о кровосмѣшеніи, о насиліи и оскорбленіи женщинъ, о бракахъ въ недозволенныхъ степеняхъ родства и свойства, объ имущественныхъ столкновеніяхъ между мужемъ и женою, объ оскорбленіи дѣйствіемъ родителей и т. д. Выполняя эти задачи, церковь привлекала къ содѣйствію и свѣтскую, княжескую власть, расширяя такимъ образомъ и усложняя ея дѣятельность. Она съ самаго начала стала внушать этой власти новыя, болѣе возвышенныя, понятія объ ея назначеніи, почерпнутыя вмѣстѣ съ христіанствомъ изъ византійскихъ источниковъ. Когда умножились разбои при Владимірѣ Св., епископъ сталъ говорить князю: «се умножишася разбойници; почто не казниши?» Владиміръ отвѣчалъ: «боюсь грѣха». Тогда епископъ сказалъ: «ты поставленъ еси отъ Бога на казнь злымъ, и на милованье добрымъ, достоитъ ти казнити разбойника, но съ испытаніемъ». Такое воззрѣніе возносилось высоко надъ тогдашнею политическою дѣйствительностью. Варяжскіе конунги, превратившіеся въ русскихъ князей, были начальниками обороны и главными судьями въ русскихъ земляхъ. На нихъ не падало первоначально никакихъ обязанностей по обезпеченію внутренняго житейскаго порядка, кромѣ разбора дѣлъ о совершившихся уже насиліяхъ надъ личностью и о нарушеніяхъ имущественныхъ правъ. Теперь на князя возлагается новая обязанность предупрежденія преступленій, искорененіе въ обществѣ лихихъ людей, производящихъ преступленія, попеченіе объ общественномъ благѣ. Самое происхожденіе его власти окружается ореоломъ божественности, святости. Власть князей выводится не изъ договора съ обществомъ, какъ власть Рюрика, а отъ Бога. Понятное дѣло, что такія воззрѣнія должны были возвышать княжескую власть и въ ея собственныхъ глазахъ, и въ глазахъ общества, увеличивать ея права и вмѣстѣ съ тѣмъ обязанности. Можно сказать, поэтому, что принятіе христіанства подвинуло сильно впередъ эволюцію княжеской власти, помогало превращенію ея въ государственную власть въ настоящемъ смыслѣ этого слова.

Для этой власти церковь стала служить примѣромъ, какъ править, какъ судить и рядить. Дѣло въ томъ, что послѣ утвержденія христіанства

на ряду съ княжимъ обществомъ и земскимъ образовалось на Руси еще третье общество—*церковныхъ людей*, находившееся подъ управленіемъ церкви. Въ составъ этого общества вошли: игумены, чернцы и черницы, попы, діаконы и всѣ, кто служили на клиросѣ, попадьи и поповичи, просвирни, свѣщегасы, люди, завѣдующіе церковными учрежденіями: больницами, гостинницами и богадѣльнями, т.-е. лекари, странопріимцы, а равно и люди богадѣленные, призрѣваемые церковью,—слѣпые, хромые, бѣдныя вдовы, странники и богомольцы, прощенники (получившіе чудесное исцѣленіе), задушные люди (т.-е. рабы, отпущенные по духовному завѣщанію) и изгои въ родѣ безграмотныхъ дѣтей духовенства, выкупившихся холоповъ, разорившихся до тла купцовъ. Всѣхъ этихъ людей церковныя власти—митрополитъ, епископъ и ихъ уполномоченные судили по всѣмъ дѣламъ, вѣдали «межю ими судъ или обиду (уголовныя дѣла), или котора, или задница» (гражданскія тяжбы). При этомъ церковныя власти руководились не только мѣстными обычаями, но и церковными канонами и узаконеніями греческихъ императоровъ, содержащихся въ Номоканонѣ, по-славянски—*Кормчей* книгѣ.

Начатки просвѣщенія. Распространеніе христіанства повлекло за собою и распространеніе грамотности, книжнаго наученія на Руси. Послѣ крещенія кіевлянъ Владиміръ, по разсказу лѣтописи, началъ ставить вездѣ церкви и поповъ и приводить людей на крещенье по городамъ и селамъ. Вмѣстѣ съ этимъ онъ велѣлъ брать «у нарочитой чади» дѣтей и отдавать «на ученье книжное». Цѣль была та, чтобы приготовить своихъ собственныхъ русскихъ священнослужителей. Но на ряду съ кандидатами на священство грамотность стала, однако, усваиваться и князьями и боярами. Сынъ Владиміра Ярославъ вышелъ большимъ любителемъ чтенія: «книгамъ прилежа и почитая е часто въ нощи и въ дне», говоритъ о немъ лѣтописецъ. Онъ набралъ много писцовъ и переводчиковъ, заставлялъ ихъ переписывать и переводить книги съ греческаго на славянское письмо и сложилъ ихъ въ церкви св. Софіи, имъ же созданной. Эти усилія очень скоро привели къ должнымъ результатамъ. Не только священники, но и высшіе іерархи русской церкви стали выходить изъ русскихъ людей. При Ярославѣ изъ русскихъ людей вышелъ даже митрополитъ Кіевскій—Иларіонъ. Этотъ Иларіонъ былъ не просто грамотнымъ, а образованнымъ для своего времени человѣкомъ, писателемъ. Онъ оставилъ послѣ себя прекрасно написанное «Слово о законѣ и благодати», содержащее догматическое изложеніе Божественнаго домостроительства о спасеніи людей вообще и въ частности о спасеніи народа русскаго, совершенномъ черезъ избранника Божія, «кагана нашего Владиміра». Иларіонъ не былъ явленіемъ единственнымъ въ своемъ родѣ. Еще ранѣе, немного лѣтъ спустя послѣ мученической кончины Бориса и Глѣба, написалъ «Сказаніе страстей и похвала объ убьеніи святую мученику Бориса и Глѣба» русскій мнихъ Іаковъ. Онъ же составилъ «Память и похвалу князю русскому Володиміру, како крестися Володиміръ и дѣти

своя крести и всю землю русскую отъ конца и до конца, и како крестися баба Володимірова Олга преже Володимера». Есть нѣкоторыя данныя думать, что и начало русскаго лѣтописанья относится ко времени Ярослава и его сыновей. Тогда же, вѣроятно, была составлена и краткая редакція Русской Правды, содержащая запись разныхъ узаконеній и обычаевъ, дѣйствовавшихъ при Ярославѣ и его сыновьяхъ. Всѣ эти факты являются показателями значительныхъ успѣховъ духовной жизни Руси, пробудившейся подъ вліяніемъ распространенія христіанства и вмѣстѣ съ нимъ книжнаго наученія.

Культурное вліяніе Византіи; церковное искусство. Христіанство и книжное ученіе усилили то культурное вліяніе, которое оказывала на Русь Византія. До принятія христіанства это вліяніе сказывалось главнымъ образомъ на внѣшнемъ обиходѣ русской жизни. Изъ Византіи къ восточнымъ славянамъ приходили «паволоки», т.-е. шелковыя ткани, греческія вина, золотыя и серебряныя монеты, произведенія ювелирнаго искусства. Принятіе христіанства житейски еще болѣе сблизило русскихъ славянъ съ византійцами и открыло широкую дорогу бытовому вліянію Византіи. Князья и ихъ дружинники стали носить одѣяніе греческаго покроя, византійскія украшенія стали въ еще большемъ ходу, чѣмъ раньше. Русскія книги стали писаться по византійскому и болгарскому образцамъ съ заставками и виньетками въ началѣ главъ, съ различными изображеніями. Такъ, Остромирово евангеліе имѣетъ на отдѣльныхъ листахъ изображеніе четырехъ евангелистовъ, какъ и въ византійскихъ рукописяхъ. Въ «Изборникѣ» Святослава (1073 г.) находится замѣчательное изображеніе князя Святослава и его семьи въ національныхъ костюмахъ и высокихъ мѣховыхъ шапкахъ; это изображеніе сдѣлано также по образцу византійскихъ рукописей, помѣщавшихъ иногда на первомъ листѣ изображеніе владѣльца книги или ея заказчика. Но особенно ярко византійское вліяніе проявилось въ разсматриваемое время въ церковномъ искусствѣ, архитектурѣ и живописи.

Храмы появились на Руси вмѣстѣ съ христіанствомъ. Языческая Русь знала только идоловъ, деревянныя или каменныя статуи, которыя ставились на возвышенныхъ мѣстахъ подъ открытымъ небомъ; передъ этими идолами и совершались моленія и требы, т.-е. жертвоприношенія. Идолъ Перуна, по сообщенію лѣтописи, стоялъ на холмѣ, гдѣ находился княжескій теремъ; передъ нимъ и клялась Игорева дружина въ соблюденіи договора, заключеннаго съ греками. Но одновременно съ тѣмъ въ Кіевѣ была уже соборная церковь св. Иліи, въ которой приносила присягу христіанская часть Игоревой дружины. Жена Игоря св. Ольга по возвращеніи изъ Царьграда будто бы построила въ Кіевѣ церковь св. Софіи. Неизвѣстно, уцѣлѣли ли эти храмы ко времени общаго крещенія Руси. Дѣло въ томъ, что первые годы княженія въ Кіевѣ Владиміра Святославича ознаменовались сильною языческою реакціею. «И постави кумири,—пи-

шетъ лѣтописецъ,—на холму внѣ двора теремного; сотвори Перуна древяна, и главу его серебрену, а усъ златъ, и Хорса, и Даждьбога, и Стрибога, и Сѣмаргла и Мокошъ». Передъ этими кумирами кіевляне стали приносить жертвы, даже своихъ сыновей и дочерей, «и осквернися кровьми земля Руска и холмо-тъ». Одинъ варягъ христіанинъ, на сына котораго палъ жребій, не захотѣлъ отдать его и былъ убитъ вмѣстѣ съ сыномъ. Подобное же происходило и въ Новгородѣ, гдѣ Добрыня поставилъ кумиръ Перуна надъ Волховомъ. При такомъ подъемѣ язычества, который былъ, впрочемъ, только конвульсіею его предсмертной агоніи, возможно, что христіанскіе храмы были разрушены. Поэтому Владиміръ послѣ своего крещенія поставилъ на холмѣ, гдѣ раньше стоялъ идолъ Перуна, церковь въ честь своего ангела—св. Василія, а затѣмъ, въ 991 году, призвавъ мастеровъ изъ Греціи, заложилъ въ Кіевѣ храмъ Успенія Пресвятой Богородицы, на томъ мѣстѣ, гдѣ былъ дворъ варяга-мученика, а когда церковь черезъ пять лѣтъ была окончена, онъ украсилъ ее иконами, вывезенными изъ Корсуня, и поручилъ выведеннымъ изъ Корсуня греческимъ попамъ отправлять въ ней богослуженіе, на содержаніе же церкви далъ десятую часть отъ имѣнья своего и доходовъ «отъ градъ своихъ». Затѣмъ, избавившись отъ гибели при нападеніи Печенѣговъ, во исполненіе даннаго при этомъ обѣта, Владиміръ поставилъ церковь Преображенія Господня въ Василевѣ. Дѣятельность Владиміра въ этомъ отношеніи продолжалъ сынъ его Ярославъ. Въ его княженіе холмъ Кія принялъ видъ настоящаго уголка Царь-града. Подъ 1037 годомъ лѣтописецъ записалъ: «Заложи Ярославъ городъ великій, у него же града суть златыя врата; заложи же и церковь святая Софія, митрополью, и посемь церковь на золотыхъ воротѣхъ святыя Богородицы Благовѣщенье, посемь святаго Георгія монастырь, и святыя Ирины». Ярославъ, такимъ образомъ, вмѣсто прежнихъ деревянныхъ стѣнъ, окружавшихъ центральную часть Кіева, соорудилъ новыя каменныя и, подражая Царь-граду, главныя или великія городскія ворота назвалъ *Золотыми*. Надъ Золотыми воротами Ярославъ построилъ церковь Благовѣщенія также въ подражаніе Царь-граду, гдѣ надъ Золотыми воротами стояла церковь Благовѣщенія. Подражаніе Царь-граду выразилось и въ построеніи главнаго собора Кіевскаго—церкви св. Софіи, которую онъ украсилъ золотомъ, серебромъ, сосудами церковными и иконами многоцѣнными. Что касается монастыря св. Георгія, то онъ воздвигнутъ былъ въ честь ангела Ярослава, а монастырь св. Ирины въ честь ангела Ярославовой супруги. «И ины церкви ставляше по градомъ и по мѣстомъ,—говоритъ про Ярослава лѣтописецъ,—и радовашеся, видя множество церквей и люди хрестьяны». Между прочимъ сынъ Ярослава Владиміръ въ 1045 году заложилъ церковь св. Софіи въ Новгородѣ.

Мы не знаемъ, въ какомъ родѣ были церкви, построенныя Владиміромъ и Ярославомъ «по градомъ и мѣстомъ», на мѣстѣ языческихъ капищъ и требищъ. Весьма вѣроятно, что многія изъ нихъ были домашней,

деревянной стройки. Но церкви въ Кіевѣ и Новгородѣ несомнѣнно были созданы по византійскому образцу, въ византійскомъ стилѣ.

Въ зодчествѣ византійскаго храма X и XI вѣковъ были слѣдующія особенности. Стѣны снаружи и внутри и полы покрывались дорогими разноцвѣтными мраморами и инкрустаціями. Своды поддерживались мраморными, порфировыми и алавастровыми колоннами. Купола, алтарные абсиды и стѣны покрывались мозаическою и фресковою живописью на золотыхъ или на темносинихъ и голубыхъ фонахъ. Узкія поля стѣнъ, простѣнковъ и оконныхъ арокъ заполнялись разнообразнымъ орнаментомъ, который служилъ вмѣстѣ съ тѣмъ рамой для отдѣльныхъ фигуръ и цѣлыхъ сложныхъ картинъ. Въ куполѣ, напоминавшемъ небесный сводъ, изображался обыкновенно Господь Вседержитель, въ алтарѣ Божія Матерь, по стѣнамъ событія Ветхаго и Новаго Завѣта. Въ общемъ живопись храма должна была представлять ветхозавѣтную исторію рода человѣческаго и искупленіе его крестною смертію Іисуса Христа; поэтому на стѣнахъ изображались обычно страсти Христовы. Колонны, державшія своды, покрывались изображеніями св. мучениковъ съ крестами въ рукахъ, что служило символическимъ указаніемъ на значеніе ихъ, какъ столповъ церкви.

Храмъ Успенія Богородицы, построенный Владиміромъ и разрушенный во время нападенія Батыя на Кіевъ въ 1240 году, несомнѣнно имѣлъ всѣ указанныя особенности византійскаго стиля. Въ развалинахъ этой церкви были найдены остатки золотыхъ мозаическихъ фоновъ, обломки стѣнной штукатурки съ остатками фресковой живописи, порфировыя квадратныя плитки, служившія для настѣнныхъ инкрустацій, части мраморныхъ и каменныхъ плитъ. Полъ церкви былъ выстланъ мраморнымъ, а посреди него находился кругъ изъ разноцвѣтныхъ камешковъ.—Еще болѣе признаковъ современнаго византійскаго стиля сохранилъ храмъ св. Софіи въ Кіевѣ. Онъ не похожъ собственно на св. Софію Константинопольскую. Вмѣсто одного купола у него цѣлыхъ двѣнадцать, поставленныхъ на высокихъ фонаряхъ, или барабанахъ (съ окнами въ главномъ). Храмъ имѣетъ въ планѣ видъ креста, помѣщеннаго въ четвероугольникѣ, съ тремя абсидами на восточной сторонѣ. Цѣлые ряды столбовъ держатъ своды и арки. Пропорціи въ высоту иныя, чѣмъ въ Константинопольской св. Софіи, болѣе узкія и стройныя. По устройству арокъ, сводовъ, куполовъ кіевскій храмъ напоминаетъ собою скорѣе церковь Господа Вседержителя (Пантократора) въ Константинополѣ. Внѣшнія украшенія и облицовка храма съ теченіемъ времени погибли; исчезли также мраморныя, порфировыя и алавастровыя колонны передняго притвора. Но уцѣлѣли нѣкоторыя мозаичныя и фресковыя изображенія.—Въ куполѣ, внутри радужнаго круга, сохранился мозаическій образъ Вседержителя по грудь; уцѣлѣлъ образъ одного изъ четырехъ архангеловъ, одѣтыхъ въ роскошныя царскія одежды, которые окружали изображеніе Вседержителя. Ниже

въ простѣнкахъ, между оконъ купола, были изображены 12 апостоловъ, въ четырехъ углахъ подъ куполомъ—четыре евангелиста, а внутри арокъ, держащихъ куполъ, 40 мучениковъ; изъ всѣхъ этихъ изображенiй до нашего времени уцѣлѣли фигуры апостола Павла, евангелиста Марка и 15 погрудныхъ изображенiй мучениковъ. Въ алтарѣ сохранилось огромное (въ 7 аршинъ вышины) мозаическое изображенiе Богородицы Нерушимой стѣны, стоящей на особомъ подножiи съ молитвенно простертыми руками; подъ нимъ—причащенiе апостоловъ Iисусомъ Христомъ подъ обоими видами, а подъ этимъ послѣднимъ изображенiемъ изображены святители церкви. На двухъ столбахъ главной алтарной арки изображено Благовѣщенiе: архангелъ Гаврiилъ съ одной стороны, св. Дѣва съ пурпурною пряжею—съ другой. Остальныя пространства стѣнъ всего храма покрыты фресками, изображающими библейскiя и евангельскiя событiя.—Всѣ эти изображенiя носятъ условный характеръ. Лики святыхъ спокойны, строги, углублены въ созерцанiе. Большими серьезными очами смотрятъ они на зрителя и какъ бы стараются настроить его соотвѣтственнымъ молитвеннымъ образомъ. Двѣ лѣстницы, ведущiя на хоры, были украшены чисто свѣтскою живописью. Тутъ сохранились изображенiя охотъ на кабана, на волка, на медвѣдя, на дикую лошадь, травля лося, изображенiя скомороховъ, музыкантовъ, танцоровъ и акробатовъ. Все это были сцены княжескаго быта; охота, веселыя пѣсни и пляски скомороховъ были излюбленными развлеченiями кiевскихъ князей. Другiя изображенiя представляютъ сцены царскаго византiйскаго быта: царя, сидящаго на тронѣ, выходъ царицы въ сопровожденiи свиты, ипподромъ съ четырьмя закрытыми воротами, квадриги, готовыя къ ристанiю. Нахожденiе такой живописи на лѣстницахъ храма св. Софiи объясняется тѣмъ обстоятельствомъ, что эти лѣстницы были ходомъ изъ внутреннихъ покоевъ княжескаго дворца въ храмъ. Тутъ также сказалось подражанiе Византiи: византiйскiе императоры (напр. Василiй Македонянинъ) украшали свои дворцы сценами разныхъ увеселенiй, а иногда приказывали изображать свои военные подвиги и удачныя охоты.

Приведенные факты показываютъ, что въ концѣ X и первой половинѣ XI вѣка волна культурнаго влiянiя Византiи стала широко разливаться по русской землѣ, преображая русскую жизнь, давая ей новыя формы и частью новое содержанiе и новое направленiе; между прочимъ подъ этимъ влiянiемъ въ политической жизни Руси явно проступала тенденцiя къ превращенiю образовавшагося союза восточныхъ славянъ въ благоустроенное государство, съ авторитетною и сильною княжескою властью. Но эта тенденцiя, какъ увидимъ вскорѣ, оказалась не въ состоянiи побороть противныя ей стихiи и неблагопрiятныя обстоятельства, и на Руси не только не создалось благоустроеннаго, но и единаго государства. Завязавшееся было политическое единство восточнаго славянства довольно скоро разрушилось.

Пособія:

Д. И. Баталѣй, Русская исторія, т. 1. Москва, 1914.

Проф. М. Грушевскій, Кіевская Русь, т. 1. С.-Пб. 1911.

М. А. Дьяконовъ, Очерки общественнаго и государственнаго строя древней Руси. С.-Пб. 1912.

Е. Е. Голубинскій, Исторія русской церкви, т. 1. Половина I. Москва 1901.

Н. Д. Полонская, Историко-Культурный атласъ по русской исторіи, вып. 1. Кіевъ. 1913.

И. Толстой и Н. Кондаковъ, Русскія древности, вып. IV.

Д. Айналовъ и Е. Рѣдинъ, Кіево-Софійскій соборъ. С.-Пб. 1889.

— Древніе памятники искусства Кіева. Харьковъ 1899.

IX.

Междукняжескія отношенія въ XI и XII вѣкахъ и установленіе на Руси областного строя.

Общій характеръ политическаго объединенія восточныхъ славянъ; единовластіе великаго князя до половины XI вѣка. Политическое объединеніе восточныхъ славянъ, совершившееся въ концѣ IX и въ X вѣкѣ, какъ уже было указано въ своемъ мѣстѣ, на первыхъ порахъ было чисто внѣшнимъ, лишеннымъ внутренней сплоченности. Это былъ въ сущности конгломератъ многочисленныхъ городскихъ и сельскихъ міровъ подъ верховнымъ водительствомъ великаго князя Русскаго. Это соединеніе могло съ теченіемъ времени упрочиться и превратиться въ сплоченное государство при наличности двухъ условій: во-первыхъ, если бы стоявшая во главѣ его великокняжеская власть въ дальнѣйшемъ все болѣе и болѣе усиливалась и, набираясь правительственными средствами, все болѣе и болѣе овладѣвала обществомъ; во-вторыхъ, если бы въ самомъ обществѣ рѣшительно возобладала тенденція къ широкому политическому единенію, выходящему за рамки городскихъ и сельскихъ міровъ. Но ни того ни другого условія не оказалось въ наличности у народившагося русскаго государства, и оно въ концѣ-концовъ распалось на нѣсколько частей, между которыми оставалась только національная и церковная связь, а не политическая.

До половины XI вѣка великій князь Русскій правилъ въ сущности единолично русскою землею. Разсылаемые имъ по волостямъ князья и мужи были его *посадниками*, которые были обязаны итти по его зову на войну,

доставлять ему часть даней и другихъ доходовъ. По большей части это были его сыновья или дружинники, которыхъ онъ могъ выводить изъ земель и волостей и смѣщать съ должностей. Два раза, впрочемъ, великому князю пришлось имѣть дѣло съ братьями: въ первый разъ по смерти Святослава (972 г.), во второй разъ по смерти Владиміра Святого (1015 г.), и всякій разъ происходила борьба, заканчивавшаяся торжествомъ одного князя, устраненіемъ и подчиненіемъ другихъ.

Родовое владѣніе Русскою землею. Но со смертью Ярослава (1054 г.) положеніе его преемниковъ на кіевскомъ столѣ уже измѣнилось. Господствовавшая доселѣ тенденція къ единоличному владѣнію всею Русскою землею уступила свое мѣсто тенденціи къ товарищескому, братскому владѣнію Русскою землею всѣми членами княжескаго рода подъ главенствомъ старшаго. Въ области княжого владѣнія совершилась обычная въ то время на Руси эволюція, въ силу которой единоличныя владѣнія и хозяйства по смерти ихъ основателей превращались въ совмѣстныя владѣнія и хозяйства ихъ потомковъ, безъ окончательнаго раздѣла, подъ главнымъ распоряженіемъ старшого или большака. Политическое значеніе княжого владѣнія обусловило особый порядокъ въ распредѣленіи волостей, въ силу котораго наиболѣе важные города, наиболѣе отвѣтственные посты въ охранѣ общаго достоянія—Русской земли должны были доставаться и наиболѣе старшимъ, какъ болѣе умудреннымъ жизнью, князьямъ. Эти князья должны были получать и наибольшее количество средствъ, дани и разныхъ другихъ доходовъ для надлежащаго выполненія лежащихъ на нихъ задачъ. По разсказу лѣтописи, начало новому порядку во владѣніи Русскою землею положилъ самъ Ярославъ. Передъ смертью онъ призвалъ всѣхъ своихъ сыновей и внука Ростислава и положилъ рядъ о Русской землѣ, распредѣливъ ея волости по старшинству между сыновьями и внукомъ. Старшему сыну Изяславу онъ далъ Кіевъ и Новгородъ, второму сыну—вторую по значенію волость—Черниговъ, присоединивъ къ нему Муромо-Рязанскую область и отдаленную Тмутаракань, третьему сыну Всеволоду далъ и третью по значенію волость—Переяславль, присоединивъ къ нему Суздаль и Бѣлоозеро, четвертому Вячеславу—Смоленскъ, пятому Игорю—Владиміръ-Волынскій, внуку Ростиславу Владиміровичу—Ростовъ. Въ этомъ распредѣленіи было довольно точное соотвѣтствіе между старшинствомъ князей и старшинствомъ, т.-е. политическимъ значеніемъ, волостей, какъ его можно видѣть изъ разсказа лѣтописи о договорѣ Олега съ Греками. Идею Ярослава усвоили и сыновья его и старались, по крайней мѣрѣ, на первыхъ порахъ, держаться ея въ дальнѣйшемъ распредѣленіи волостей. Поэтому, когда въ 1057 году умеръ Вячеславъ смоленскій, оставивъ сына, старшіе Ярославичи перевели въ Смоленскъ Игоря съ Волыни, а на его мѣсто перевели старшаго изъ своихъ племянниковъ—Ростислава Владиміровича изъ Ростова. Въ 1073 году Ярославичи Святославъ и Всеволодъ, заподозрили старшаго брата Изяслава въ какихъ-то козняхъ

и выгнали его изъ Кіева. Въ Кіевѣ сѣлъ тогда старшій изъ оставшихся братьевъ—Святославъ, а на его мѣсто въ Черниговъ передвинулся изъ Переяславля Всеволодъ. Въ 1076 году Святославъ умеръ, и Всеволодъ перешелъ изъ Чернигова въ Кіевъ. Но когда вскорѣ явился на Русь Изяславъ съ польскою помощью, Всеволодъ поспѣшилъ уступить ему Кіевъ и вернулся въ Черниговъ. По смерти Изяслава въ 1078 году Всеволодъ, теперь единственный изъ сыновей Ярослава, во второй разъ сѣлъ въ Кіевѣ. Когда онъ въ 1093 году умеръ кіевляне, полюбившіе сына его Владиміра Мономаха, стали было приглашать его сѣсть на великомъ княжествѣ. Но Мономахъ наотрѣзъ отказался. «Аще язъ сяду на столѣ отца своего,—говорилъ онъ Кіевлянамъ,—то имамъ рать съ Святополкомъ узяти, яко то есть столъ отца его преже былъ». Онъ отказывался было отъ великокняжескаго стола и по смерти Святополка, указывая на право Олега Святославича черниговскаго, и уступилъ только настояніямъ кіевлянъ, которые ни за что не хотѣли допускать до великаго княженія Олега. И позже распредѣленіе волостей по старшинству считалось князьями настоящимъ, законнымъ и справедливымъ. Внукъ Мономаха—Изяславъ Мстиславичъ, добывая въ 1146 г. Кіевъ подъ Игоремъ Ольговичемъ, оправдывался тѣмъ, что онъ ищетъ Кіева не для себя, а для «отца» своего, дяди Вячеслава. Но такъ какъ въ дѣйствительности онъ завладѣлъ Кіевомъ для себя, то Вячеславъ, по разсказу лѣтописца, сталъ жаловаться на то, что племянникъ его «преобидилъ, положилъ на него безчестье». Младшій братъ Вячеслава—Юрій Доргорукій воспользовался этимъ и сталъ добывать подъ Изяславомъ Мстиславичемъ Кіевъ, объявивъ, что онъ старается для брата своего старѣйшаго. Но такъ же, какъ и племянникъ, онъ «преобидилъ» Вячеслава и не далъ ему Кіева. Тогда Изяславъ Мстиславичъ опять заступился за своего дядю и на этотъ разъ уже долженъ былъ посадить его въ Кіевѣ. Всеволодъ Суздальскій, помиривъ въ 1180 году Рязанскихъ князей, «и порядъ сотворивъ всей братьи роздалъ имъ волости ихъ коемуждо по старшинству». Но это, впрочемъ, были уже только частичныя примѣненія обычая, который въ то время уже постоянно нарушался въ политической практикѣ.

Разложеніе родового порядка княжескаго владѣнія. Порядокъ распредѣленія княженій по старшинству въ самомъ себѣ носилъ зародыши разложенія. Прежде всего не установилось опредѣленнаго представленія о старшинствѣ. На первыхъ порахъ выдвинулось представленіе о родовомъ старшинствѣ, какъ это видно изъ заявленій Владиміра Мономаха. Но въ дальнѣйшемъ это представленіе натолкнулось на такія жизненныя явленія, которыя дѣлали его абсурднымъ, лишали его того разумнаго базиса, на которомъ оно покоилось. Оказалось, что племянники могутъ быть старше лѣтами, разумнѣе, опытнѣе своихъ дядей, старшіе родичи могутъ приходиться зятьями младшимъ и т. д., и т. д. Естественно, что должна была произойти коллизія между родовымъ, юридическимъ, и фактическимъ старшинствомъ и замутиться самое понятіе старшинства. Далѣе: порядокъ

распредѣленія волостей по старшинству сопряженъ былъ съ передвиженіемъ князей изъ одной волости въ другую при освободившейся вакансіи. Это передвиженіе не было затруднительнымъ, когда князей было сравнительно не много. Но оно превращалось почти въ постоянное состояніе при размноженіи князей. Затѣмъ: при размноженіи князей и соотвѣтственномъ умноженіи ихъ «надѣлокъ» становилось труднымъ опредѣлить не только старшинство князей, но и старшинство, относительное достоинство и цѣнность самихъ волостей, тѣмъ болѣе, что по этой части происходили измѣненія. Переяславль, въ первой половинѣ XI вѣка бывшій третьимъ городомъ въ Русской землѣ, сто лѣтъ спустя, разоренный половцами, сталъ однимъ изъ послѣднихъ городовъ. Ростово-Суздальская волость, бывшая въ первой половинѣ XI вѣка одною изъ послѣднихъ волостей, стала во второй половинѣ XII вѣка первымъ княжествомъ въ Русской землѣ и т. д. Распредѣленіе волостей по старшинству было извѣстною комбинаціей семейно-родового начала, требовавшаго, чтобы каждый князь имѣлъ свою долю въ Русской землѣ, и политическаго принципа, требовавшаго, чтобы на болѣе отвѣтственныхъ постахъ были болѣе старшіе, болѣе опытные князья. Соединеніе этихъ принциповъ скоро же породило борьбу между ними. Князья стали добиваться извѣстныхъ столовъ не по праву своего старшинства, а потому, что это были надѣлы ихъ отцовъ и дѣдовъ. Среди князей очень рано пробудилось стремленіе разверстать русскую землю такъ же, какъ разверстывались доли въ частномъ владѣніи, т.-е. на основаніи того, чѣмъ владѣли отцы и дѣды. Эта тенденція проступила очень явственно въ постановленіи Любецкаго съѣзда о томъ, чтобы каждый князь держалъ свою отчину. Но такъ какъ и этотъ принципъ не получилъ перевѣса, то въ концѣ-концовъ, среди постоянныхъ споровъ и усобицъ за волости, выдвинулся чисто эгоистическій принципъ, въ силу котораго, какъ говорилъ одинъ князь, не мѣсто идетъ къ головѣ, а голова идетъ къ мѣсту. Князья стали добывать себѣ волости силою или дипломатическими средствами, путемъ переговоровъ и соглашеній съ мѣстными обществами. Послѣднія очень рано стали предъявлять своя желанія и требованія, считаясь съ личностями князей, а не съ правомъ старшинства или отчины. Такъ, уже въ 1113 году Кіевляне не пустили на великое княженье Олега Святославича, старѣйшаго изъ внуковъ Ярослава, остававшихся въ живыхъ, и посадили на Кіевскомъ столѣ Владиміра Мономаха. Распредѣленіе волостей при такихъ условіяхъ стало зависѣть уже отъ личныхъ качествъ князей, отъ ихъ общихъ и частныхъ договоровъ между собою, отъ ихъ рядовъ съ городскими вѣчами. Понятное дѣло, что и власть великаго князя надъ такими независимыми и враждовавшими между собою родичами не могла быть значительною, не могла развиваться и утверждаться въ странѣ. Можно сказать, что въ концѣ XII вѣка оставалась только тѣнь этой власти, одна только идея, которой совершенно не соотвѣтствовала политическая дѣйствительность.

Власть великаго князя надъ родичами и ея упадокъ. Въ половинѣ XI вѣка власть Кіевскаго князя, какъ старшóго, несомнѣнно имѣла еще дѣйствительное значеніе въ Русской землѣ. Лѣтописецъ исходилъ отъ этой дѣйствительности, когда влагалъ въ уста Ярослава слѣдующее обращеніе къ сыновьямъ передъ смертью. «Се же поручаю въ себе мѣсто столъ свой старѣйшому сынови своему, брату вашему Изяславу, Кыевъ, сего послушайте, яко же послушасте мене, да ть вы будеть въ мене мѣсто»,—къ Изяславу въ частности: «аще кто хощеть обидити своего брата, но ты помогай, его же обидять» (Ипат. лѣт. подъ 1054 г.) И впослѣдствіи, когда князья были въ добрыхъ отношеніяхъ съ великимъ княземъ, они выражали признаніе его власти. Такъ сынъ Юрія Долгорукаго Ростиславъ, разссорившись съ отцомъ, пріѣхалъ къ великому князю Изяславу Мстиславичу, его сопернику, и говорилъ ему: «Ты еси старѣй насъ въ Володимирихъ внуцѣхъ, а за Рускую землю хочю страдати и подлѣ тебе ѣздити» (Ипатьев. подъ 1148 г.). Тотъ же самый Ростиславъ Юрьевичъ, когда его обговорили передъ Изяславомъ Мстиславичемъ въ враждебныхъ замыслахъ, въ намѣреніи помогать отцу, говорилъ великому князю: «Брате и отче! ако ни во умѣ своемъ, ни на сердци ми того не было, пакы ли на мя кто молвить, князь ли который, а се яз к нему, мужъ ли который въ хрестьяныхъ или въ поганыхъ, а ты мене старѣй, а ты мя с ним и суди» (Ипат. подъ 1149). Но отъ признанія власти далеко еще до практическаго осуществленія ея. Надо сказать, что даже первые великіе князья послѣ Ярослава не пользовались властью въ томъ объемѣ, въ какомъ пользовался Ярославъ и его предшественники. Названный отецъ былъ все-таки не тó, что настоящій отецъ. Прежде всего не видно, чтобы этимъ названнымъ отцамъ ихъ названные сыновья платили дань, какъ это было въ X и началѣ XI вѣка. Затѣмъ: названные отцы не распоряжались такъ властно волостями, какъ это дѣлали настоящіе отцы. Когда изъ-за волостей разыгрались въ концѣ XI в. усобицы, то распря была покончена не распоряженіемъ великаго князя, а договоромъ князей, съѣзжавшихся на сеймы въ Любечѣ и Витичевѣ. Князья не признавали за великимъ княземъ и права единолично судить и наказывать ихъ. Когда Святополкъ Изяславичъ, повѣривъ навѣту Давида Игоревича, выдалъ ему Василька Ростиславича, а тотъ ослѣпилъ его, князья послали сказать Святополку: «что се створилъ еси въ Русьской землѣ, уверьглъ еси ножь в ны? Аще быти вина какая была нань, обличилъ бы пред нами, а упрѣвъ бы и створилъ ему» (Ипат. подъ 1047 г.). Даже и общій походъ князей противъ половцевъ въ 1103 году состоялся не по приказанію великаго князя, а по рѣшенію княжескаго съѣзда на Долобскомъ озерѣ. Авторитетъ и значеніе великокняжеской власти подняли временно Владиміръ Мономахъ и сынъ его Мстиславъ—благодаря своему такту и личнымъ доблестямъ. «Добраго страдальца за Русскую землю» князья уважали и охотно слушались. Сынъ его Мстиславъ жилъ, такъ сказать, отцовскимъ капиталомъ. Когда въ 1128 году полоцкіе князья не послушались

его и не пошли вмѣстѣ съ другими князьями въ походъ на половцевъ Мстиславъ черезъ годъ послѣ того «поточилъ» ихъ въ Царьградъ, «зане,— говоритъ лѣтописецъ,—не бяхуть въ его воли и не слушахуть его, коли и зовяшеть въ Русскую землю въ помощь, но паче молвяхуть Бонякови шелудивому въ здоровье» (Ипат. подъ 1140 г.). Но это былъ послѣднiй авторитетный великiй князь. Когда въ Кiевѣ сѣлъ послѣ Ярополка Владимировича старшiй изъ Ольговичей—Всеволодъ и при этомъ не удовлетворилъ своихъ братьевъ раздачею волостей, они послали сказать ему: «ты нашъ братъ стариший; аже ны не даси, а намъ самимъ о собѣ поискати» (Ипат., подъ 1142 г.). Подобные случаи встрѣчаемъ послѣ того на каждомъ шагу, читая лѣтопись. У князей въ концѣ-концовъ, образовалось представленiе, что великiй князь для нихъ только до тѣхъ поръ отецъ, пока любитъ ихъ и творитъ не свою, а ихъ волю. Въ 1174 году великiй князь Андрей Боголюбскiй, разсердившись на своихъ смоленскихъ родичей за то, что они не выдали ему Григорья Хотовича, котораго Андрей подозрѣвалъ въ отравленiи брата Глѣба, послалъ своего мечника Михна сказать: «не ходите въ моеi воли; ты же, Рюриче, поиди въ Смолньскъ къ брату въ свою отцину»; «а ты (Давидъ) поиди въ Берладь, а въ Русьской земли не велю ти быти; въ тобѣ (Мстиславъ) стоитъ все, не велю ти въ Русской землѣ быти». Въ отвѣтъ на это Мстиславъ велѣлъ Андрееву послу остричь голову и бороду и отослалъ его назадъ къ Андрею съ такими словами: «Мы тя до сихъ мѣстъ акы отца имѣли *по любви*, аже еси съ сякыми рѣчьми прислалъ не акы къ князю, но акы къ подручнику и просту человѣку, а что умыслилъ еси, а то дѣй, а Богъ за всѣмъ» (Ипатьев., подъ 1174 г.). Мстиславъ, слѣдовательно, не только не послушался великаго князя, но и послалъ ему вызовъ на бой. Въ X вѣкѣ всѣ «свѣтлые князья» находились подъ рукою великаго. Теперь же быть подручникомъ великаго князя, его вассаломъ, стало для князей уже униженьемъ. Они слѣдовали за великимъ княземъ не по обязанности, а только по расположенiю къ нему и на условiи того же чувства и съ его стороны. Изъ сферы княжескихъ отношенiй исчезло право, а на мѣсто его стали чувства. Но это измѣнчивый и неустойчивый элементъ. Великiй князь кiевскiй въ концѣ XII в. былъ уже совершенно безсиленъ и ничего не могъ подѣлать съ князьями. Пѣвецъ «Слова о полку Игоревѣ» поэтому и вложилъ въ уста великаго князя Святослава Всеволодовича такое сознанiе: «А чи диво ся, братiе, стару помолодити? Коли соколъ въ мытехъ бываетъ, высоко пьтицъ возбиваетъ, не дасть гнѣзда своего въ обиду: нъ се—зло, княже ми ни пособiе».

Такъ, естественная эволюцiя княжескихъ отношенiй привела въ концѣ-концовъ къ паденiю общерусской великокняжеской власти. Такъ какъ на мѣсто этой власти не выработалось никакого иного учрежденiя, которое бы связывало мѣстныя общества, княженiя и волости, въ единое политическое цѣлое, то и политическiй союзъ всего восточнаго славянства слѣдуетъ признать къ концу XII вѣка прекратившимся.

Органомъ объединенія могли бы быть, конечно, *княжескіе съѣзды*, на которыхъ дѣлались постановленія относительно всей русской земли. Но эти съѣзды были крайне рѣдкими. Таковъ былъ, напр., съѣздъ въ Кіевѣ въ 1170 году, когда былъ предпринятъ общій походъ на половцевъ. Другіе съѣзды предпринимались, но не удавались.

Новое географическое размѣщеніе русскаго населенія.—Было бы, однако, неправильно почерпать объясненіе распаденія общерусскаго Кіевскаго союза исключительно въ естественной эволюціи родового княжескаго владѣнія. На ряду съ этою эволюціею и въ связи съ нею дѣйствовали и иные могущественные факторы, которые вели къ одному и тому же результату. Здѣсь на первомъ планѣ надо поставить новое размѣщеніе по нашей странѣ русскаго населенія, совершившееся къ концу XII вѣка.

Въ X, XI и нач. XII вѣка большая часть восточнаго славянства жила въ бассейнѣ Днѣпра, З. Двины и озера Ильменя вдоль великаго воднаго пути «изъ Варягъ въ Греки». Отъ этой главной населенной полосы, какъ отъ ствола вѣтви, раскидывались въ разныя стороны сравнительно слабо и рѣдко населенныя колоніи. У сосредоточеннаго такимъ образомъ восточнаго славянства были настоятельные жизненные интересы, заставлявшіе его держаться въ единеніи, подъ властью великаго князя Русскаго. Главнымъ изъ этихъ интересовъ была охрана воднаго пути, по которому шла отпускная торговля Руси съ Византіею. Но къ концу XII вѣка этого условія уже не существовало: восточное славянство разбилось географически и разобщилось въ своихъ интересахъ. Главная масса его сосредоточивалась теперь на верхней Волгѣ и Окѣ и ихъ притокахъ. Другая значительная группа держалась на сѣверо-восточныхъ склонахъ и предгорьяхъ Карпатъ, третья—на верхнемъ Днѣпрѣ и Западной Двинѣ и, наконецъ, четвертая группа, смыкавшаяся съ первой, въ бассейнѣ озера Ильменя и его притоковъ. Та часть русской земли, которая прежде была наиболѣе населенною, въ которой стояли первые города Руси—Кіевъ, Черниговъ и Переяславль, теперь уже запустѣла въ сильной степени. Это новое размѣщеніе населенія совершалось подъ дѣйствіемъ двухъ причинъ: княжескихъ усобицъ, а главнымъ образомъ, половецкихъ вторженій.

Ареною княжескихъ усобицъ было преимущественно Приднѣпровье. Борьба шла главнымъ образомъ изъ-за Кіева и его пригородовъ. Кіевъ отбивали другъ у друга Мономаховичи и Ольговичи, дядья Мономаховичи у племянниковъ, ссорились изъ-за Кіева и Чернигова между собою и Ольговичи. Не довольствуясь дружинами, князья во всѣхъ столкновеніяхъ стали пользоваться услугами половцевъ, водили поганыхъ въ русскую землю. Но поганые и независимо отъ этого, пользуясь неладами князей, производили безпрестанныя нападенія и опустошенія. Результаты этого сказались явственно уже въ половинѣ XII вѣка. Сынъ Юрія Долгорукаго Андрей, посаженный отцомъ близъ Кіева, въ Вышгородѣ, самовольно ушелъ оттуда къ себѣ домой, въ Суздальскую землю и, по разсказу лѣтописца, оправ-

дывалъ свой поступокъ «смущеніемъ» (печалью) «о нестроеніи братіи своея, братаничевъ и сродниковъ, яко всегда въ мятежи и въ волненіи вси бяху, и много крови ліяшеся, и нѣсть никому ни съ кѣмъ мира, и отъ сего вси княженія опустѣша... и отъ поля половцы выплѣниша и пусто сотвориша» (Никонов., подъ 1154 г.). Во второй половинѣ XII вѣка половецкія вторженія и опустошенія не только не ослабѣвали, но еще болѣе учащались. Такъ, въ 1172 году половцы около Кіева взяли села «безъ учьта съ людьми, и съ мужи и съ женами, и кони, и скоты, и овьцѣ» (Ипатьев.). Больше всѣхъ страдала отъ половцевъ Переяславская волость, какъ наиболѣе выдвинутая въ степь. Въ 1185 году половцы взяли всѣ города по Сулѣ, и князь Переяславскій Владиміръ Глѣбовичъ жаловался тогдашнему великому князю Кіевскому Свяоославу Всеволодовичу: «моя волость пуста отъ половецъ».

Но запустѣніе Приднѣпровья при такихъ обстоятельствахъ происходило не только отъ того, что жители погибали и уводились въ плѣнъ кочевниками, но и отъ того несомнѣнно, что они эмигрировали въ другія области. Одновременно съ запустѣніемъ Кіевской, Черниговской и Переяславской земель появляются признаки увеличенія населенія въ Ростово-Суздальской области. Здѣсь въ княженіе Юрія Долгорукаго и его сыновей появляется цѣлый рядъ новыхъ городовъ, каковы: *Переяславль* на озерѣ Клещинѣ, *Углече Поле* на Волгѣ, *Кснятинъ* при впаденіи Нерли въ Волгу, *Юрьевъ Польскій*, *Дмитровъ*, на р. Яхромѣ, *Москва*; и друг.; послѣ Юрія—*Ржевъ*, *Зубцовъ*, *Тверь*, *Кострома*, *Унжа*, *Городецъ*, *Нижній на Волгѣ;* къ сѣверу отъ Волги—*Галичъ Мерскій*, *Большія Соли*, *Чухлома*, *Устюгъ Великій;* къ югу отъ Волги—*Шешня*, *Дубня*, *Клинъ*, на р. Сестрѣ, *Звенигородъ*, *Гороховецъ*, *Ярополкъ* и *Стародубъ* на Клязьмѣ и др. Это увеличеніе населенія, конечно, стояло отчасти въ связи съ естественнымъ размноженіемъ прежнихъ поселенцевъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ несомнѣнно и съ приливомъ населенія съ юга. Этимъ и объясняется повтореніе въ географической номенклатурѣ Суздальской Руси южнорусскихъ наименованій: Звенигородъ, Галичъ, Стародубъ, Переяславль, Бѣлгородъ, Вышгородъ, Перемышль, Рогачевъ и т. д. О приливѣ населенія въ Суздальскую землю засвидѣтельствовалъ лѣтописецъ. По его словамъ, къ Андрею Боголюбскому во Владиміръ приходили «сходцы» и изъ Волжской Болгаріи, и изъ Ясской земли, и изъ Южной Руси, и даже изъ западной Европы, «отъ чехъ и нѣмецъ». Самъ Андрей въ совѣтѣ съ боярами по поводу учрежденія митрополіи во Владимірѣ заявилъ, что онъ всю Бѣлую Русь городами и селами великими населилъ и многолюдну учинилъ. Это многолюдство въ концѣ XII и началѣ XIII вѣка было уже общепризнаннымъ фактомъ. Пѣвецъ «Слова о полку Игоревѣ», поэтому и обращается къ Всеволоду Юрьевичу съ такими словами: «Великій княже Всеволоде! не мысью ти прилетѣти, отьня злата стола поблюсти, ты бо можеши Волгу веслы раскропити, а Донъ шеломы выльяти». Поэтому и на совѣщаніи князей Юрія и Ярослава Всеволодо-

вичей наканунѣ Липицкой битвы 1216 года одинъ изъ бояръ говорилъ этимъ князьямъ, ободряя ихъ на бой съ Константиномъ, которому помогали Новгородцы и Смольняне: «Княже Юрьи и Ярославе! Не было того ни при прадѣдехъ, ни при дѣдехъ, ни при отци вашемъ, оже бы кто вшелъ ратью въ сильную землю въ Суздальскую, оже вышелъ цѣлъ; хотя бы и вся Русская земля, и Галичьская, и Киевская, и Смоленьская, и Черниговская, и Новгородская, и Рязанская, никако противу сей силѣ успѣють; аже нынѣшніи полци, право навержемъ ихъ сѣдлы» (Лаврент.).

Но было бы неправильно думать, что одна только Суздальская земля поглощала населеніе, эмигрировавшее изъ Приднѣпровья. Часть этого населенія несомнѣнно уходила и на западъ въ земли Волынскую и особенно Галицкую. Многолюдствомъ Галицкой земли и объясняется могущество ея князя, которое такъ ярко изображено пѣвцомъ «Слова о полку Игоревѣ»: «Высоко сѣдишь на своемъ златокованномъ столѣ, подперъ горы угорьскія своими желѣзными пълкы, заступивъ королеви путь, затворивъ Дунаю ворота, меча бремена черезъ облакы, суды рядя до Дуная. Грозы твоя по землямъ текуть, отворяеши Кыеву врата; стрѣляеши съ отьня злата стола салтаны за землями». Наконецъ, часть населенія изъ Кіевскаго Приднѣпровья несомнѣнно отливала и на верхъ, въ Смоленскую землю, которая въ концѣ XII и началѣ XIII вѣковъ обозначилась также, какъ одна изъ сильныхъ земель, на ряду съ Суздальскою и Галицко-Волынскою. Въ эту землю должно было сбиваться русское населеніе съ запада, изъ Полоцкой земли, которая съ половины XII вѣка стала подвергаться опустошеніямъ литовцевъ.

Политическое и экономическое разобщеніе разныхъ частей Руси.— Итакъ, русское населеніе къ концу XII вѣка сильно разобщилось географически. Теперь уже не было того единства, которое существовало раньше, когда большая часть его группировалась вдоль великаго воднаго пути изъ Варягъ въ Греки. Одновременно съ тѣмъ оно должно было разобщиться и въ своихъ политическихъ и экономическихъ интересахъ. Прежде у русскаго населенія былъ одинъ главный врагъ—кочевники. Съ разселеніемъ въ сторону отъ Приднѣпровья и враги появились у разныхъ земель разные: Полоцкой землѣ, напр., мало было дѣла до половцевъ, но за то много хлопотъ съ литвою; Галицкой землѣ и Волынской приходилось имѣть дѣло главнымъ образомъ съ поляками, венграми и литвою; Суздальской и Рязанской съ мордвою и болгарами; Новгородской—съ чудью, а затѣмъ съ начала XIII вѣка съ нѣмцами и шведами; Черниговo-Сѣверской не было дѣла до этихъ враговъ, но зато было много дѣла съ половцами и т. д. Прежде у восточнаго славянства былъ одинъ общій экономическій интересъ, связанный съ торговлею по великому водному пути изъ Варягъ въ Греки. Теперь эта торговля съ Византіею и Востокомъ пришла въ упадокъ, и на первый планъ выдвинулась торговля съ западною Европою. Но эта торговля пошла уже разными путями: торговля Рязанской, Суздальской

и Новгородской земель черезъ Волгу и рѣки озернаго края, торговля Черниговo-Сѣверской, Смоленской и Полоцкой земель—черезъ рѣки системы Днѣпра и З. Двину; торговля Кіевской, Волынской и Галицкой земель сухимъ путемъ черезъ Венгрію и Польшу. Такъ и въ экономическихъ интересахъ разошлись между собою русскія земли благодаря новому размѣщенію населенія. При такихъ условіяхъ естественно не могъ держаться и политическій союзъ всего восточнаго славянства, и Русь неизбѣжно должна была распасться.

Итакъ, въ процессѣ распаденія Кіевскаго союза восточнаго славянства должно было сыграть большую роль и географическое разобщеніе русскаго населенія, происшедшее къ концу XII вѣка и стоявшее въ связи съ нимъ разобщеніе его политическихъ и экономическихъ интересовъ. Эти факторы недостаточно выдвинуты и оцѣнены въ наличной исторической литературѣ, которая главное вниманіе удѣляла въ данномъ случаѣ развитію княжескихъ отношеній и изъ нихъ выводила возродившійся на Руси партикуляризмъ. На нашъ взглядъ, этотъ партикуляризмъ не утвердился бы въ такой мѣрѣ, какъ бы ни ссорились и ни дрались между собою князья, если бы само населеніе стремилось къ политическому единству. Но этого-то какъ разъ и не стало къ концу XII вѣка вслѣдствіе вышеуказанныхъ причинъ.

Обособленіе областей и возвышеніе вѣчъ главныхъ городовъ. Какой же политическій порядокъ установился на Руси въ концѣ XII и началѣ XIII вѣковъ? Съ упадкомъ великаго княженія Кіевскаго пріобрѣли самостоятельность, обособились другъ отъ друга области Суздальская, Муромо-Рязанская, Смоленская, Черниговo-Сѣверская, Полоцкая, Турово-Пинская, Волынская, Галицкая, Кіевская и Новгородская. Во главѣ большинства этихъ земель стоялъ извѣстный городъ, къ которому тяготѣли другіе, имѣвшіе значеніе его пригородовъ. Вѣче главнаго города ставило рѣшенія, обязательныя для всей земли. Поэтому и лѣтописецъ, наблюдавшій этотъ порядокъ, суммировалъ его наблюденіе такимъ образомъ: «Новгородци бо и Смольняне и Полочане и вся власти, яко же на думу на вѣча сходятся, что же старѣйшии сдумають, на томъ же пригороды стануть». По мѣрѣ того, какъ размножалось число князей, и росли распри и усобицы между ними, вѣча главныхъ городовъ земель пріобрѣтали все болѣе и болѣе рѣшающій голосъ въ дѣлахъ русской земли. Они призывали къ себѣ князей и удаляли ихъ, заключали съ ними ряды, рѣшали вопросы войны и мира, издавали различныя внутреннія распоряженія и т. д. Но главныя усилія ихъ направлялись къ поддержанію внутренняго единства земель. Въ этомъ случаѣ навстрѣчу имъ шли и стремленія населенія земель. Постоянныя опасности отъ княжескихъ усобицъ и вторженій внѣшнихъ враговъ будили безпрестанно инстинкты самосохраненія въ населеніи отдѣльныхъ мѣстностей, влекли къ единенію вокругъ старинныхъ привычныхъ центровъ, воспитывали въ традиціяхъ областной солидарности и самобытности.

Сообразно съ этимъ основнымъ теченіемъ политической жизни совершилось къ концу XII в. и размѣщеніе наличнаго княжья въ русской землѣ. Въ каждой изъ областей утвердилась та или другая линія княжескаго рода. Съ размноженіемъ князьямъ уже стало немыслимо владѣть сообща всею Русскою землею и передвигаться по княженьямъ на всемъ ея пространствѣ. Поэтому отдѣльныя княжескія вѣтви старались упрочиться въ извѣстной области, сообща владѣть ею и передвигаться по княженьямъ въ ея только предѣлахъ. Съ своей стороны и населеніе, привыкавшее къ князьямъ извѣстной линіи, старалось ихъ держаться, ибо мѣна князей сопровождалась различными неудобствами, а подчасъ и потерями. При такихъ обстоятельствахъ и установилось, что въ Суздальской землѣ сталъ княжить родъ Юрія Долгорукаго, въ Смоленской родъ внука Мономахова—Ростислава Мстиславича, въ Волынской, а съ 1198 г. и въ Галицкой, родъ другого внука Мономахова—Изяслава Мстиславича, въ Турово-Пинской родъ Святополка Изяславича, въ Полоцкой родъ Изяслава, сына Рогнѣды, въ Чернигово-Сѣверской родъ Олега Святославича, въ Муромо-Рязанской родъ Ярослава Святославича. Только земли Кіевская и Новгородская не получили своихъ постоянныхъ династій. Кіевская земля жаждала имѣть свою династію, но будучи ареною постоянныхъ княжескихъ усобицъ и вторженій кочевниковъ, оказалась не въ состояніи удержать при себѣ ту или другую княжескую династію. Новгородская земля, болѣе другихъ привыкшая къ политической самодѣятельности и народному самоуправленію, не находила для себя нужнымъ имѣть постоянной династіи и старалась брать князей изъ той вѣтви, которая въ данное время была сильнѣе другихъ или могла предоставить Новгороду наиболѣе льготъ и всяческихъ выгодъ.

Въ предѣлахъ каждой земли главный городъ доставался по праву старшему князю въ данной линіи, а младшимъ доставались пригороды, называвшіеся ихъ волостями, или *надѣлками*. Такъ какъ и отдѣльныя вѣтви княжескаго рода сильно разростались, то и въ отдѣльныхъ областяхъ возникало по множеству княженій. Такимъ образомъ, напр., въ Чернигово-Сѣверской землѣ до нашествія татаръ встрѣчаемъ княжества Черниговское, Новгородское, Путивльское, Рыльское, Курское, Трубчевское и т. д.; въ Полоцкой землѣ—Полоцкое, Витебское, Минское, Друцкое, Изяславльское, Логожское, Стрѣжевское, Городецкое и др., въ Волынской землѣ—Луцкое, Бельзское, Пересопницкое, Дорогобужское и др. Даже такая незначительная сравнительно земля, какъ Турово-Пинская, выдѣлила къ разсматриваемому времени нѣсколько княжествъ: Туровъ, Пинскъ, Дубровицу, Слуцкъ и Клецкъ. Въ Муромо-Рязанской области возникли княжества Муромское, Рязанское, Пронское, въ Суздальской—Владимірское, Ростовское, Переяславское, Юрьевское, Стародубское, Ярославское и др. Мало разбилась по сравненію съ другими земля Смоленская. Здѣсь до татарскаго нашествія по лѣтописямъ мы знаемъ одинъ только Торопецкій столъ, кромѣ Смоленскаго. Причину этого надо искать

въ томъ, что смоленскіе князья съ половины XII в. постоянно сидѣли и кормились въ Кіевѣ и его пригородахъ. Глава рода Ростиславъ Мстиславичъ три раза княжилъ въ Кіевѣ отъ 1154 до 1167 г., его сынъ Романъ—два раза въ промежуткѣ времени отъ 1171 до 1177 г., другой сынъ—Рюрикъ—четыре раза между 1171—1207 г., внукъ Мстиславъ Романовичъ княжилъ въ Кіевѣ въ годъ самой Калкской битвы; кіевскими князьями были и внуки отъ другого сына Рюрика—Ростиславъ и Владиміръ. Всѣ эти князья и ихъ родственники во второй половинѣ XII вѣка и началѣ XIII вѣка сидѣли на кіевскихъ пригородахъ—Вышгородѣ, Бѣлгородѣ, Треполѣ, Торческѣ, Овручѣ и Переяславлѣ и т. д. При такихъ условіяхъ Смоленская земля могла и не дробиться на княженія. Впрочемъ, необходимо оговориться, что возникновеніе отдѣльныхъ княженій не разрушало земскаго единства областей. Княженія не сдѣлались еще удѣлами князей, которые не осѣдали въ нихъ окончательно и передвигались въ предѣлахъ земли со стола на столъ, восходя иногда до главныхъ столовъ областей. Не вездѣ и не всегда это восхожденіе совершалось правильно. Наибольшую правильность можно замѣтить въ передвиженіяхъ черниговo-сѣверскихъ князей, наименьшую въ передвиженіяхъ князей Полоцкой линіи. Въ землѣ Полоцкой преданія старшинства какъ-то вообще плохо привились, и столы добывались князьями или силою, или по уговору съ населеніемъ. Но и въ томъ и другомъ случаѣ результатъ получался одинъ и тотъ же—извѣстная подвижность князей. Самыя дѣленія на княженія не пріобрѣли еще устойчивости, и княженья возникали вновь, упразднялись, соединялись съ другими, вновь возстановлялись и т. д. Князья, какъ и ихъ волости, тяготѣли къ главному городу земли, гдѣ сидѣлъ ихъ старшой, которому они въ большей или меньшей степени подчинялись. Короче сказать въ областяхъ было то самое политическое единство, которое въ X, XI и началѣ XII вѣковъ существовало во всей русской землѣ, были въ миньятюрѣ тѣ же самые порядки, какіе существовали ранѣе въ крупномъ масштабѣ на пространствѣ всей Руси.

Общіе итоги политической формировки Руси къ концу XII вѣка.— Теперь мы можемъ опредѣленно сказать, какой политическій строй установился на Руси въ концѣ XII в. Строй этотъ можно назвать *областнымъ*. Итакъ, политическая федерація всего восточнаго славянства замѣнилась къ концу XII в. областною политическою организаціею, по отдѣльнымъ землямъ.

Установивъ этотъ фактъ, мы неизбѣжно должны поставить себѣ вопросъ: стало быть, русская жизнь въ смыслѣ государственной организаціи къ концу XII вѣка не сдѣлала никакихъ успѣховъ по сравненію съ IX вѣкомъ? Такія утвержденія и встрѣчаются въ исторической литературѣ. Указываютъ, что съ разрушеніемъ Кіевскаго союза возродился тотъ порядокъ вещей, который существовалъ на Руси до его образованія, выступило то же дѣленіе на земли, которое существовало и раньше, проявилась та же поли-

тическая дѣятельность общинъ главныхъ городовъ на Руси и т. д. Но подобныя утвержденія далеко не выражаютъ истиннаго положенія вещей. Порядокъ, установившійся въ концѣ XII вѣка, не былъ простымъ возвращеніемъ къ старинѣ.

Начнемъ прежде всего съ дѣленія на земли: выше было указано, что въ IX вѣкѣ вдоль великаго воднаго пути образовался рядъ крупныхъ разноплеменныхъ союзовъ восточнаго славянства вокругъ нѣкоторыхъ торговыхъ городовъ. Но эта организація тогда была еще въ началѣ своего образованія и далеко не охватывала всего восточнаго славянства, которое въ разныхъ мѣстахъ продолжало еще жить родо-племеннымъ бытомъ. Дальнѣйшее развитіе областной организаціи и распространеніе ея на все восточное славянство совершилось уже при князьяхъ. При князьяхъ опредѣлялись окончательно границы прежнихъ земель, составъ ихъ населенія и возникли новыя области. Такимъ образомъ, напр., при князьяхъ благодаря ихъ завоеваніямъ расширились предѣлы Кіевской земли, въ составъ которой вошла область древлянъ, расширились предѣлы Черниговоо-Сѣверской земли, въ составъ которой вошли покоренные ими вятичи, создались новыя области Муромо-Рязанская и Суздальская, предѣлы которыхъ очерчены были княжескимъ оружіемъ. Областная организація, установившаяся въ концѣ XII вѣка, вовсе не была дана въ цѣломъ въ IX вѣкѣ, а развивалась, совершенствовалась въ X, XI и первой половинѣ XII вѣка. Такимъ образомъ, и время это не проходило даромъ въ исторіи государственнаго развитія Россіи. Могучая работа жизни продолжала то же самое дѣло, которое началось и въ IX вѣкѣ,—формировку крупныхъ мѣстныхъ общественныхъ союзовъ.

Успѣхи ея пошли и дальше. Не успѣвъ соединить всѣ области въ одинъ политическій союзъ, жизнь соединила ихъ въ нѣсколько группъ, сообразно новому географическому распредѣленію населенія. Самую большую изъ этихъ группъ образовали земли Суздальская, Новгородская и Муромо-Рязанская. Между этими землями въ концу XII в. установилось извѣстное единеніе. Новгородцы со времени Андрея Боголюбскаго брали себѣ князей большею частью изъ руки сильныхъ суздальскихъ князей. Рязанскіе князья находились уже въ полномъ подчиненіи у суздальскаго князя. Всеволодъ III разсаживалъ ихъ по волостямъ по старшинству, судилъ ихъ въ распряхъ и отряжалъ на войну. По выраженію пѣвца «Слова о полку Игоревѣ», онъ могъ стрѣлять удалыми сыновьями Глѣбовыми, какъ живыми самострѣлами. Другую группу образовали земли Смоленская, Кіевская и Полоцкая. Большая часть великихъ князей кіевскихъ во второй половинѣ XII и началѣ XIII вѣка., какъ мы уже видѣли, выходили изъ рода, княжившаго въ Смоленскѣ. Уходя княжить въ Кіевъ, они не порывали своихъ связей съ смоленскими родичами, раздавали имъ пригороды въ Кіевской землѣ, дѣйствовали за одно въ столкновеніяхъ съ другими князьями и въ борьбѣ съ внѣшними врагами. Что касается полоц-

кихъ князей, то въ началѣ XIII вѣка они уже находились въ формальной зависимости отъ великаго князя смоленскаго. Поэтому и Мстиславъ Давидовичъ, великій князь смоленскій, въ 1229 г. заключалъ договоръ съ Ригою и Готландомъ отъ себя и за князей полоцкаго и витебскаго. На юго-западѣ Руси составилась третья политическая группа изъ земель Волынской и Галицкой, соединившихся подъ управленіемъ князей одного рода, и Турово-Пинской, князья которой подчинялись обыкновенно Галицко-Волынскимъ князьямъ. Такой политической группировки областей по районамъ не было въ IX вѣкѣ, и въ этомъ можно видѣть новость политической жизни Руси конца XII и начала XIII вѣковъ. Эту новость не надо цѣнить низко. Мы видимъ, что въ этой группировкѣ волостей обозначились тѣ народныя ядра, которымъ съ теченіемъ времени суждено было превратиться въ особыя политическія тѣла, въ государства Московское—великорусское и Литовское—бѣлорусско-малорусское.

Фактическую исторію Руси до половины XIII вѣка можно изучить по трудамъ:

Д. И. Иловайскаго, Исторія Россіи, т. I. Изд. 2. Москва 1906.

С. М. Соловьева, Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ, кн. 1. Изд. Товар. «Общественная Польза».

Объясненіе междукняжескихъ отношеній см. въ трудахъ:

С. М. Соловьева, Исторія отношеній между князьями Рюрикова дома. Москва 1847.

К. Д. Кавелина, Взглядъ на юридическій бытъ древней Руси. (Собраніе сочиненій, т. I).

Его же, О родовыхъ отношеніяхъ между князьями древней Руси (Собр. сочин. т. II).

В. И. Сергѣевича, Вѣче и князь. Русск. Юрид. Древн., томъ II, вып. 1. С.-Пб. 1893.

А. Е. Прѣснякова, Княжое право въ древней Руси. С.-Пб. 1909.

X.

Экономическая и соціальная эволюція въ Кіевской Руси въ эпоху господства въ степяхъ половцевъ.

Разстройство внѣшней торговли.—Разрушеніе Кіевскаго союза восточныхъ славянъ и установленіе областного строя помимо географическаго разобщенія русскаго населенія стояло въ тѣсной связи съ тѣми пе-

ремѣнами, которыя произошли въ экономическомъ быту и соціальномъ строѣ восточныхъ славянъ въ эту эпоху.

Выше было уже указано, какую огромную роль сыграла въ объединеніи восточныхъ славянъ торговля, развившаяся съ Византіею, Хазаріею и Болгаріею. Но съ утвержденіемъ въ нашихъ степяхъ половцевъ эта торговля все болѣе и болѣе разстраивалась. Въ 1170 году великій князь Мстиславъ Изяславичъ созвалъ братью свою и началъ думать съ нею о томъ, что дѣлать, что предпринять въ виду того, что поганые «несуть хрестьяны на всяко лѣто у вежѣ свои», «и Гречьскій путь изъотимаютъ, и Соляной и Залозный». Упоминаемые здѣсь пути—тѣ самые, по которымъ шло торговое движеніе на югъ, т.-е. путь изъ Варягъ въ Греки, путь въ Тавриду за солью (Залозный путь—можетъ быть, путь по Дону въ Хазарію: по извѣстіямъ Барбаро на низовьяхъ Дона въ 60 миляхъ отъ Таны находилось великое множество ивовыхъ лѣсовъ). Мстиславъ Изяславичъ предложилъ князьямъ «поискати отецъ своихъ и дѣдъ своихъ пути и своей чести». Князья собрались въ походъ, настигли половцевъ на Углѣ рѣкѣ и Снопородѣ, разгромили ихъ и побрали въ плѣнъ вмѣстѣ съ ихъ рабами и колодниками, скотомъ и имуществомъ. Но эта побѣда не уничтожила господства въ степяхъ половцевъ, и князья не отыскали путей отцовъ своихъ и дѣдовъ. Торговля съ Византіею и Востокомъ пришла въ упадокъ. Правда, въ XII вѣкѣ замѣтно поднялась торговля Руси съ Германіею. Въ Кіевѣ стали проживать латинскіе, т.-е. нѣмецкіе купцы; между прочимъ, городъ Регенсбургъ имѣлъ въ Кіевѣ свои торговые дома, которые занимались скупкою мѣховъ. Во Владимірѣ Залѣсскомъ также бывали нѣмецкіе купцы, греческіе и восточные. Завязалась также торговля и съ половцами, но эта торговля не замѣнила той, которая велась раньше съ Хазаріею: предметомъ этой торговли были преимущественно лошади, которыхъ кочевники сбывали на Русь. Въ общемъ внѣшняя, отпускная торговля Руси несомнѣнно упала по сравненію съ предшествующими вѣками. Помимо внѣшнихъ причинъ тутъ дѣйствовали, повидимому, и причины внутренняго характера: сокращеніе отпуска сырья вслѣдствіе увеличенія внутренняго потребленія, стоявшаго въ связи съ увеличеніемъ самаго населенія, и, быть можетъ, также вслѣдствіе сокращенія самой добычи. Русское населеніе оттѣснено было кочевниками отъ тѣхъ благодатныхъ мѣстъ лѣсостепи, гдѣ водилось особенно много дикихъ животныхъ и пчелъ. Сокращеніе сбыта вызвало меньшій приливъ на Русь драгоцѣнныхъ металловъ—серебра, вслѣдствіе чего и покупательная его стоимость поднялась, а вѣсъ ходячей денежной единицы—гривны кунъ понизился. Въ XI вѣкѣ и еще въ началѣ XII вѣка гривна кунъ вѣсила приблизительно $^1/_3$ фунта, во второй половинѣ XII вѣка только $^1/_2$ ф., а въ началѣ второй четверти XIII в. изъ фунта серебра выходило уже $7^1/_4$ гривенъ кунъ. Людямъ, жившимъ даже во второй половинѣ XI вѣка, время предшествующее представлялось, какъ время богатствъ, обилія драгоцѣнныхъ металловъ. Дружина Вла-

диміра Святого, по разсказу лѣтописи, была недовольна тѣмъ, что ее заставляли ѣсть деревянными ложками, и Владиміръ распорядился «исковати лжицы серебряны». Это была по тогдашнему времени нетрудная вещь: Владиміръ говорилъ, что золотомъ и серебромъ онъ не добудетъ дружины, а съ дружиною добудетъ и золото и серебро.

Развитіе княжескаго сельскаго хозяйства и землевладѣнія. — Упадокъ внѣшней торговли долженъ былъ сильно отразиться на матеріальномъ обезпеченіи князей. Мы уже знаемъ, что въ X и даже XI вѣкѣ русскій князь былъ самымъ крупнымъ экспортеромъ всякаго сырья, набиравшагося имъ въ видѣ дани. Сокращеніе добычи и сбыта этого сырья должно было ударить по карману прежде всего этого крупнаго экспортера. Но и независимо отъ этого матеріальное положеніе князя должно было съ теченіемъ времени испытывать пониженіе. Князья размножались, а вмѣстѣ съ тѣмъ мельчали и самыя волости, которыми они стали владѣть. При такихъ условіяхъ князья силою вещей должны были изыскивать себѣ другіе доходы, другіе источники существованія, помимо даней, виръ, продажъ и разныхъ торговыхъ пошлинъ. Такимъ источникомъ въ XII вѣкѣ и стало сельское хозяйство, которымъ князья стали заниматься на ряду съ охотою и правительственною дѣятельностью. Развитію княжескаго сельскаго хозяйства помогло обиліе рабовъ въ распоряженіи князей. Въ X вѣкѣ челядь служила предметомъ экспорта на византійскіе и восточные рынки. Но уже въ XI вѣкѣ, а въ XII и подавно, челядь стала употребляться для домашнихъ надобностей князей. Уже краткая редакція Русской Правды, рисующая отношенія XI вѣка, показываетъ, что княжеская челядь посажена была на землю, работала по княжескому сельскому хозяйству. Правда упоминаетъ холопа на ряду съ смердомъ—земледѣльцемъ, упоминаетъ княжескаго сельскаго и ратайнаго старосту, рядовничія, конюха у княжескаго стада, перечисляетъ и самый составъ княжескаго скота—лошадей, коровъ, овецъ и т. д. Лѣтопись XII вѣка уже переполнена извѣстіями о княжескихъ селахъ, населенныхъ княжескими рабами. Нѣкоторыя изъ такихъ княжескихъ экономій были огромными хозяйственными заведеніями. Такъ, на путивльскомъ дворѣ Святослава Ольговича было семьсотъ человѣкъ рабовъ, кладовыя (скотницы), погреба (бретьяницы), въ которыхъ стояло пятьсотъ берковцевъ меду, 80 корчагъ вина. Въ сельцѣ у брата его Игоря Ольговича былъ устроенъ дворъ добрый, гдѣ много было вина и меду и всякаго тяжелаго товара, желѣза, мѣди, а на гумнѣ было 900 стоговъ. Большія стада составляли одно изъ главныхъ богатствъ княжескихъ: подъ Новгородомъ Сѣверскимъ непріятели взяли у Ольговичей 3000 кобылъ и 1000 коней.—Эти княжескія экономіи стали теперь главнымъ объектомъ грабежа и разоренія во время усобицъ. Изяславъ Мстиславичъ говорилъ дружинѣ о черниговскихъ князьяхъ: «се есмы села ихъ пожгли вся, и жизнь ихъ всю, и они къ намъ не выйдуть; а поидемъ къ Любчу, идеже ихъ есть вся жизнь».—Эти княже-

скія села оставались собственностью тѣхъ, кто ихъ устраивалъ, и стали уже отличаться отъ волостей, которыми князья владѣли въ качествѣ правителей, большею частью временно до перехода на другую волость. Такъ, уже въ XII вѣкѣ князь становился сельскимъ хозяиномъ.

Развитіе боярскаго и церковнаго хозяйства и землевладѣнія.—Вмѣстѣ съ князьями землевладѣльцами и сельскими хозяевами становились и княжіе мужи. Въ 1150 году князь Изяславъ Мстиславичъ, намѣреваясь добывать Кіевъ, говорилъ своей дружинѣ: «вы есте по мнѣ изъ Русскыя земли вышли, своихъ селъ и своихъ жизній лишився, а язъ пакы своея дѣдины и отчины не могу перезрѣти; но любо голову свою сложю, пакы ли отчину свою налѣзу и вашю жизнь» (Ипатьев. подъ 1150 годомъ). Когда владимірцы во время междоусобія дядей съ племянниками по смерти князя Андрея Боголюбскаго одолѣли ростовцевъ, они повязали всѣхъ бояръ, «а села болярская взяша и кони, и скотъ». Князь рязанскій Глѣбъ, напавъ съ половцами на Владимірскую землю, много зла сотворилъ «и села пожьже боярская, а жены и дѣти и товаръ да поганымъ на щитъ, и многы церквы запали огнемъ» (Лаврент. подъ 1177 г.). Много статей Русской Правды становятся понятными только при предположеніи развитія боярскаго землевладѣнія. Развитіе это было такою же историческою необходимостью, какъ и развитіе княжескаго землевладѣнія. Съ теченіемъ времени князьямъ все болѣе и болѣе должно было становиться не подъ силу содержать своихъ мужей данями съ населенія и разными пошлинами. Съ другой стороны у многихъ княжихъ мужей на рукахъ оказалось значительное количество рабовъ, которыхъ они набирали на войнѣ и которыми раньше торговали, какъ и князья. Этихъ рабовъ княжескіе дружинники и стали сажать на землю. Появились такимъ образомъ на ряду съ княжескими и боярскія села, боярскіе дворы съ челядью, скотомъ и всѣмъ хозяйственнымъ обзаведеніемъ, на которыхъ распоряжались боярскіе тіуны, старосты и рядовичи.

На ряду съ боярскимъ хозяйствомъ и землевладѣніемъ по тѣмъ же причинамъ появилось хозяйство и землевладѣніе церковное. Первоначально князья обезпечивали церкви готовыми доходами съ своихъ волостей и селъ, такъ называемою *десятиною* или *урокомъ*. Эта десятина или уроки брались съ всего, что приходило князю,—отъ даней, полюдья даровнаго, виръ и продажъ, отъ скота и хлѣба. Но въ XII вѣкѣ князья стали уже надѣлять церкви селами и различными угодьями. Такъ, Ростиславъ Мстиславичъ смоленскій далъ новоучрежденной смоленской епископіи село Дросенское со изгои и съ землею, село Ясенское съ бортникомъ и съ землею, землю въ Погоновичахъ Мошнинскую, озера Никоморскія и съ сѣножатями и уѣздъ княжь, озеро Колодарское, Холмъ и др. Андрей Боголюбскій далъ владимірской церкви Успенія Богородицы «свободы купленыя и съ даньми и села лѣпшая». Упоминаніе о купленыхъ слободахъ очень знаменательно. Очевидно, что съ развитіемъ частнаго землевладѣнія уже

въ XII вѣкѣ стала происходить мобилизація недвижимостей, и имѣнья сдѣлались предметомъ купли-продажи, даренія и т.д.

Зарожденіе и укрѣпленіе идеи частной собственности на землю.— Развитіе княжескаго, боярскаго и церковнаго сельскаго хозяйства и землевладѣнія сопровождалось крупными послѣдствіями соціальнаго и политическаго характера. Здѣсь на первомъ мѣстѣ надо поставить зарожденіе и укрѣпленіе идеи частной собственности на землю. Пока къ землѣ прилагался преимущественно личный трудъ земледѣльца, онъ создавалъ только простое владѣніе до тѣхъ поръ, пока этотъ трудъ прилагался. Фактъ этотъ нашелъ себѣ опредѣленное и ясное выраженіе въ статьѣ Русской Правды о наслѣдствѣ. «Аже смердъ умреть,—гласитъ Правда,—то задни́цю князю, аже будутъ дщери у него дома, то даяти часть на нѣ, аже будутъ за мужемъ, то не даять части имъ».—Дочери не могутъ продолжать хозяйства отца, а потому и наслѣдство, т.-е. домъ съ землею и всѣмъ хозяйственнымъ обзаведеніемъ переходитъ въ распоряженіе князя, который и даетъ за дочерьми, что можно. Значитъ, земля во всякомъ случаѣ остается за княземъ.—Но иное совершенно дѣло, если откроется наслѣдство послѣ княжого мужа. «Аже въ боярехъ любо въ дружинѣ, то за князя задниця не идеть, но оже не будеть сыновъ, а дчери возьмутъ». Бояринъ или дружинникъ прилагаетъ къ землѣ не личный трудъ, а свой живой и мертвый капиталъ въ видѣ челяди, скота, сѣмянъ, сельско-хозяйственнаго инвентаря, и его владѣніе оказывается поэтому болѣе прочнымъ, чѣмъ владѣніе смерда, ибо хозяйственная эксплуатація занятаго имъ участка не прекращается и послѣ его смерти безъ дѣтей мужского пола. Этотъ принципъ надолго укрѣпился въ землевладѣніи. Крестьянское, земледѣльческое, землевладѣніе, какъ въ западной, такъ и въ сѣверо-восточной Руси долгое время строилось именно на началѣ трудовой эксплуатаціи. Крестьянинъ считался только пользователемъ, а не собственникомъ, каковымъ по идеѣ являлся представитель государственной власти—князь. Этотъ князь безъ нужды не трогалъ пользователя, не отбиралъ у него землю, и пользователь нерѣдко совершалъ съ своею землею всевозможныя сдѣлки. Но вмѣстѣ съ тѣмъ и князь считалъ возможнымъ передать свои права на землю крестьянина боярину, монастырю, считалъ возможнымъ перевести крестьянина, на другую землю и т. д. Боярская земля, боярщина сдѣлалась надолго синонимами свободной, неотъемлемой земельной собственности, на которую не простирались владѣльческія права князя, а только государственныя.

Развитіе института рабства.—Вторымъ важнымъ соціальнымъ послѣдствіемъ развитія княжескаго и боярскаго землевладѣнія было отложеніе въ русскомъ обществѣ значительнаго класса рабовъ и юридическое развитіе института рабства. Въ X вѣкѣ челядь вывозилась большею частью за границу. Но съ того времени, какъ нашлось для нея дѣло и дома, челядь все болѣе и болѣе копилась на Руси. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ было

такое ея скопленіе, что она грозила даже опасностью свободнымъ обывателямъ. Про Галицко-Волынскаго князя Романа, населившаго всѣ свои села литовскими полоняниками, сложилась у современниковъ такая тревожная поговорка: «Романе, лихимъ живеши, литвою ореши». Вслѣдствіе накопленія рабовъ въ русскомъ обществѣ неизбѣжно должно было послѣдовать юридическое опредѣленіе этого класса, его положеніе и отношеніе къ свободнымъ людямъ. Выяснились прежде всего источники этого состоянія, т.-е. кто считается холопомъ и на какихъ основаніяхъ. Старинный источникъ рабства—плѣнъ остался въ полной своей силѣ. Напр., въ 1169 году Новгородцы, отбивъ суздальское ополченіе и преслѣдуя отступающихъ, захватили такое множество плѣнныхъ, что «купляху суждальцъ по 2 ногаты». Преступленіе и неоплатный долгъ также попрежнему продолжали быть причинами обращенія въ рабство. Тяжкихъ преступниковъ князья забирали въ рабство съ женою и дѣтьми и со всѣмъ имуществомъ (потокъ и разграбленіе). Несостоятельный должникъ, по своей винѣ оказавшійся несостоятельнымъ, всецѣло отдавался въ распоряженіе кредиторовъ, которымъ была своя воля, ждать ли на немъ деньги или продать его.

Но на ряду съ этимъ появились и нѣкоторые другіе источники рабства. Такъ какъ рабовъ стали держать дома или въ селахъ, то возможны стали браки между ними и, какъ естественное послѣдствіе, приплодъ челяди. Возможны стали и браки свободныхъ съ холопами, вслѣдствіе чего стало дѣйствовать правило: по холопу раба, по рабѣ холопъ, правило, о которомъ говоритъ Русская Правда. Такъ какъ челядь перестала вывозиться за границу, а стала употребляться на работы на Руси, то возможны стали продажа себя въ рабство по нуждѣ, отдача дѣтей въ голодные годы «одерень» изъ хлѣба, поступленіе свободныхъ людей на рабскія должности тіуновъ и ключниковъ, вслѣдствіе чего они становились рабами, если только не заключали особаго договора съ хозяевами. Такъ какъ челядь стала туземнымъ классомъ, то естественно должно было смягчиться и суровое воззрѣніе на раба, какъ на имущество. Основное воззрѣніе на раба, какъ на объектъ, а не субъектъ правъ, конечно, осталось. Вслѣдствіе этого, напр., за убійство раба не взыскивалось виры, которая полагалась за убійство свободнаго человѣка, а только вознагражденіе потерпѣвшему и обычный, 12-тигривенный, штрафъ въ пользу князя за истребленіе чужого имущества. Вслѣдствіе этого и взысканія имущественныя падали не на рабовъ, а на ихъ господъ. Но на ряду съ этимъ стали уже пробиваться взгляды на раба, какъ на человѣческую личность, нуждающуюся въ охранѣ законовъ. Русская Правда, лишая дѣтей, прижитыхъ господиномъ съ рабынею, наслѣдства послѣ отца, въ то же время гарантируетъ имъ свободу съ матерью. Но церковный уставъ новгородскаго князя Всеволода Мстиславича идетъ далѣе и предоставляетъ и «робичичамъ» долю отцовскаго имущества—«конь, да доспѣхъ и покрутъ, по разсмотрѣнію живота». Изслѣ-

дователи справедливо видятъ въ этомъ смягченіи рабства вліяніе христіанской церкви. Но это вліяніе потому и могло прививаться, что рабъ сталъ своимъ, русскимъ, человѣкомъ, что онъ перестал быть объектомъ временнаго владѣнія до перваго благопріятнаго случая сбыта.

Закупы и изгои.—Въ связи съ развитіемъ княжескаго, боярскаго и церковнаго сельскаго хозяйства стоитъ и образованіе особаго класса зависимыхъ людей, называвшихся *закупами*. Это хозяйство пріобрѣло такіе размѣры, что землевладѣльцы стали пользоваться для него наемнымъ трудомъ. Нѣкоторые наймиты запродавали свой трудъ, т.-е. брали впередъ наемную плату, «купу», становившуюся такимъ образомъ ихъ долгомъ, который они погашали своею работою на дворѣ или пашнѣ своего кредитора. Въ послѣднемъ случаѣ они назывались *ролейными закупами*. Запродажа труда ставила закупа въ большую зависимость отъ господина, какъ это видно изъ Русской Правды. Закупъ обязанъ былъ жить въ домѣ или при хозяйствѣ господина. Если онъ убѣгалъ, то становился холопомъ, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда онъ бѣгалъ къ князю или судьямъ жаловаться на обиды отъ своего господина. Господинъ имѣлъ право наказывать закупа за вину; если же онъ наказывалъ его безъ вины, «не смысля, пьянъ», долженъ былъ вознаградить потерпѣвшаго, какъ свободнаго. Отвѣтственность за покражу, совершонную закупомъ, падала на его господина, который долженъ былъ вознаградить потерпѣвшаго, а самого закупа могъ обратить въ рабство у себя или продать на сторону.

Если закупничество было переходною ступенью отъ свободнаго состоянія къ рабству, то *изгойство* было наоборотъ переходнымъ состояніемъ отъ рабства къ свободѣ. Изгоями вообще назывались люди, вышедшіе изъ своего состоянія, не имѣющіе житейской самостоятельности и нуждающіеся въ сторонней поддержкѣ, покровительствѣ. Церковный уставъ новгородскаго князя Всеволода Мстиславича обычными изгоями называетъ людей трехъ категорій: поповъ сынъ грамотѣ не умѣетъ, холопъ выкупится изъ холопства, купецъ одолжаетъ, т.-е. разорится. Изгои отдавались обыкновенно подъ покровительство церкви, считались людьми церковными. Но были изгои и у князей. Поэтому и смоленскій князь Ростиславъ жаловалъ мѣстной епископіи село Дросенское со изгои и съ землею, село Ясенское съ бортникомъ и съ землею и со изгои. Фактъ этого пожалованія указываетъ на зависимое положеніе, въ которомъ находились изгои къ землевладѣльцамъ, на землѣ которыхъ жили. Повидимому, вольноотпущенники—изгои были и у частныхъ лицъ, которыя, взимая выкупъ отъ своихъ рабовъ, брали ихъ къ себѣ въ изгои. Одинъ древній памятникъ—«Прѣдсловье покаянію» въ числѣ людей, нечестно обогащающихся, говоритъ и о «емлющихъ изгойство на искупающихся отъ работы».

Такъ подъ дѣйствіемъ вышеуказанныхъ факторовъ усложнился съ теченіемъ времени соціальный строй Кіевской Руси.

Осѣданіе княжеской дружины въ областяхъ и превращеніе ея въ высшій земскій классъ.—Развитіе боярскаго и княжескаго землевладѣнія сопровождалось и весьма важными политическими послѣдствіями въ жизни Кіевской Руси. Владѣніе селами стало крѣпко привязывать княжескихъ дружинниковъ къ данной землѣ, и они обыкновенно стали оставаться въ ней даже тогда, когда уходилъ ихъ князь. Мы видѣли, съ какимъ чувствомъ говорилъ князь Изяславъ Мстиславичъ своимъ дружинникамъ, что они вышли за нимъ изъ Русской земли, своихъ «селъ и жизней» лишившись. Видно, что такой поступокъ былъ уже большимъ самопожертвованіемъ. Обыкновенно же бояре, владѣвшіе селами, предпочитали оставаться въ землѣ и по уходѣ изъ нея князя. Эти осѣдавшіе бояре по инстинкту самосохраненія должны были тѣсно примыкать къ мѣстному обществу и становились *земскимъ классомъ*. Вотъ почему и лѣтопись со второй половины XII вѣка начинаетъ говорить о боярахъ черниговскихъ, ростовскихъ, смоленскихъ, полоцкихъ и др.

Какъ высшій классъ, правившій обществомъ при князьяхъ и по ихъ уполномочію, бояре стали руководить обществомъ и безъ князей, а иногда и противъ нихъ. Они стали принимать дѣятельное участіе въ городскихъ вѣчахъ, участвовать въ призваніи князей, въ заключеніи съ ними договоровъ, при чемъ, конечно, не забывали и своихъ интересовъ. Это участіе въ нѣкоторыхъ земляхъ, напр., Галицкой, было таково, что за нимъ уже не видно дѣятельности остального населенія, которымъ руководили бояре. Въ Галицкой землѣ бояре прямо сдѣлались хозяевами земли, и князья, приходившіе со стороны княжить, попадали во власть боровшихся боярскихъ партій. Одинъ изъ такихъ князей, намекая на всесиліе бояръ, сравнивалъ ихъ съ пчелами въ ульѣ, которыхъ надо предварительно подавить, чтобы поѣсть меду.

Существованіе этихъ бояръ на ряду съ подвижною, неусѣвшеюся на мѣстахъ, княжескою дружиною дало поводъ нѣкоторымъ изслѣдователямъ различать два ряда бояръ—княжескихъ и земскихъ, выводя это различіе изъ различія самаго происхожденія этихъ разрядовъ боярства. Первые де пошли отъ княжескихъ дружинниковъ, а вторыхъ выдѣлила сама земщина. Бояре земскіе—это вящшіе, лучшіе, передніе мужи земщины, самые богатые и самые знатные и потому самые сильные и вліятельные въ земщинѣ. Что въ XII вѣкѣ и началѣ XIII вѣка можно различить среди боярства два слоя—осѣвшій на мѣстахъ и перекочевывавшій съ нѣкоторыми князьями въ родѣ Мстислава Мстиславича Удалого изъ волости въ волость—это несомнѣнный фактъ. Несомнѣнно также, что лучшіе, передніе мужи земщины входили въ составъ боярства. Но неправильно думать, чтобы эти люди составляли какой-то особый разрядъ, отдѣльный отъ княжеской дружины. Съ самаго начала образованія княжеской дружины мы видимъ, что въ составъ ея входятъ «мужи лучшіи отъ славянъ, кривичи, чуди и мери». Неправильно съ другой стороны думать, что княжескіе дружин-

ники все время оставались изолированными отъ мѣстныхъ обществъ, не устраивались среди нихъ на постоянное житье, не входили съ теченіемъ времени въ ихъ составъ. Княжескіе и земскіе бояре—это не два класса, отличныхъ по происхожденію, а два разряда одного и того же класса—княжеской дружины, которыхъ раздѣлила другъ отъ друга осѣдлость и развитіе землевладѣнія. Тѣ, которые не успѣли скопить капиталовъ и приложить къ землѣ, продолжали жить службою, другіе, не прекращая службы, начинали жить самостоятельною экономическою жизнью—сельскимъ хозяйствомъ.

Роль осѣдлаго боярства въ установленіи областного строя.—Областной политическій строй, утвердившійся на Руси во второй половинѣ XII и первой четверти XIII вѣка, въ значительной мѣрѣ опирался именно на эту общественную эволюцію, на то значеніе, которое пріобрѣло въ областяхъ осѣвшее въ нихъ боярство. Прямой интересъ этихъ бояръ заставлялъ хлопотать объ упроченіи въ землѣ той или другой княжеской вѣтви, о цѣлостности, особности и самобытности земли. Пришлые со стороны князья приводили съ собою со стороны и дружину, которая старалась оттѣснить на задній планъ мѣстное боярство. Если же столъ добывался княземъ силою, тогда мѣстные бояре сплошь и рядомъ лишались пожитковъ и имѣній, на что имѣются въ лѣтописи многочисленныя указанія. На «товары», на «жизнь», на «села» мѣстныхъ бояръ прежде всего направлялась хищная алчность пришельцевъ. Упроченіе извѣстной династіи въ землѣ было въ большей или меньшей степени гарантіею противъ всего этого, и потому боярство, среди котораго съ теченіемъ времени все болѣе и болѣе усиливались мирные хозяйственные инстинкты, стало держаться князей одной какой-нибудь линіи, сажать ихъ на главномъ столѣ и пригородахъ земли, поддерживать противъ притязаній чужеродцевъ. Такимъ путемъ при тогдашнемъ порядкѣ княжескаго владѣнія лучше всего обезпечивалась и *цѣлостность земель*, земли лучше всего охранялись отъ раздробленія и распаденія. Въ обезпеченіи этой цѣлостности боярство земель одинаково было заинтересовано, какъ и въ упроченіи извѣстной княжеской династіи въ землѣ. Съ цѣлостностью земель у мѣстнаго боярства вообще связано было много жизненныхъ интересовъ. Въ волостяхъ пригородовъ разбросаны были иногда земельныя владѣнія бояръ, и боярамъ важно было держать пригороды въ связи съ главнымъ городомъ, не выпускать ихъ изъ сферы политическаго вліянія этого города, такъ какъ въ противномъ случаѣ могли страдать ихъ владѣльческіе интересы. На пригородахъ, гдѣ не было князей, кормились бояре главнаго города, и это также заставляло ихъ оберегать границы земель отъ посягательствъ со стороны. Такъ, при дѣятельной поддержкѣ боярства, усѣвшагося по областямъ, утверждался на Руси областной политическій строй.

Познакомившись съ конечными результатами соціально-политической эволюціи Кіевской Руси и сопоставивъ ихъ съ тѣмъ, что приходится наблю-

дать на Руси въ позднѣйшую эпоху, мы можемъ сказать, что эволюція Кіевской Руси не прошла даромъ для позднѣйшаго времени, что между кіевскою эпохою и позднѣйшею нѣтъ той глубокой пропасти, которая выступаетъ иногда въ нашей исторической литературѣ. Непрерывную преемственность историческаго развитія приходится наблюдать и въ настоящемъ случаѣ. Оказывается, что уже и въ кіевскую эпоху началось осѣданіе князей въ отдѣльныхъ земляхъ, превращеніе ихъ въ сельскихъ хозяевъ; оказывается, что и въ Кіевской Руси началось развитіе боярскаго и церковнаго землевладѣнія, составляющее характерную особенность послѣдующаго періода. Оказывается, что уже въ Кіевской Руси началось отложеніе земледѣльческаго класса, зависимаго экономически и юридически отъ землевладѣльцевъ. Тотъ укладъ жизни, которымъ характеризуется послѣдующая эпоха, несомнѣнно сталъ залагаться въ своихъ основаніяхъ уже въ кіевскую эпоху. Въ одномъ Кіевская Русь рѣзко отличается отъ позднѣйшей Суздальской: князья еще не сдѣлались въ ней владѣльцами и полными хозяевами управляемыхъ ими территорій; на ряду съ князьями огромнымъ политическимъ значеніемъ пользовались вѣча главныхъ городовъ—областей. Въ западной Руси, въ XIII и XIV в., вошедшей въ составъ Литовско-Русскаго государства, этотъ порядокъ удержался и въ послѣдующее время. Но въ Суздальской Руси, какъ увидимъ, политическая жизнь въ концѣ-концовъ устроилась на совершенно другихъ основаніяхъ.

Пособіями, кромѣ общихъ трудовъ Багалѣя, Иловайскаго, Соловьева могутъ служить:

М. А. Дьяконовъ, Очерки общественнаго и государственнаго строя древней Руси. Изд. 4-е. Спб. 1912.

А. Н. Филипповъ, Учебникъ исторіи русскаго права, ч. 1. Изд. 4. Юрьевъ 1912.

XI.

Управленіе русскихъ княжествъ въ эпоху областного строя.

Вѣче, его составъ и функціи. — Разсмотрѣвъ въ главныхъ чертахъ политическій укладъ Руси, какъ онъ опредѣлился къ концу XII вѣка, и его основанія, мы должны теперь остановиться на тѣхъ силахъ, которыя правили обществомъ въ эпоху областного строя, уяснить объемъ и характеръ

ихъ дѣятельности и взаимныя отношенія. Такими силами были вѣча главныхъ городовъ земель и князья. Начнемъ съ вѣчъ.

На вѣча могли, имѣли право собираться и иногда собирались, мужи изъ всѣхъ свободныхъ классовъ земли. Въ 1212 году Всеволодъ III, задумавъ передать по смерти своей Владимиръ сыну Юрію, помимо старшаго Константина, «созва всѣхъ бояръ своихъ зъ городовъ и съ волостей, и игумены, и попы, и купцы, и дворяны и вси люди, и да сыну своему Юрью Володимерь по себѣ, и води всѣхъ ко кресту, и целоваша вси люди на Юрьи» (Никонов., подъ 1212 г.). Но такъ какъ вѣча собирались въ главныхъ городахъ, и притомъ не регулярно, а когда понадобится, сплошь и рядомъ экспромптомъ, то жители пригородовъ, погостовъ и селъ большею частью на нихъ отсутствовали. Въ особо важныхъ случаяхъ, впрочемъ, жители пригородовъ, получали приглашеніе отъ главнаго города. Такъ, напр., новгородцы призвали псковичей и ладожанъ «и сдумаша, яко изгонити князя своего Всеволода». Но и изъ жителей главнаго города далеко не всѣ принимали участіе на вѣчѣ. На вѣче приходили обычно только домовладыки, отцы семействъ. Вотъ почему, когда участники вѣча изъявляли согласіе воевать, они говорили князю, «идемъ по тобѣ и съ дѣтми», или «ради ся за тя бьемъ и съ дѣтми». Вѣча созывались или князьями, когда имъ требовалась поддержка, согласіе, санкція населенія, или же должностными лицами, какъ, напр., тысяцкимъ. Обычнымъ способомъ созыва на вѣче былъ колокольный звонъ. Отсюда и выраженіе: «звонити» или «созвонити» вѣче. Для этого повѣшены были не только въ Новгородѣ и Псковѣ, но и въ Смоленскѣ, Владимирѣ Волынскомъ, Суздалѣ, Владимирѣ и др. городахъ особые колокола, которые назывались «вѣчными» или «вѣчими». Мѣстомъ собраній служили обширные дворы или площади около церквей или на рынкахъ, могущіе вмѣстить значительную народную толпу. Въ Кіевѣ вѣча собирались на Ярославлѣ дворѣ, у св. Софіи, на торговищѣ, у Туровой божницы, въ Новгородѣ также на княжескомъ дворѣ, у св. Софіи, у св. Николы на торгу, у Сорока святыхъ и т. д. При обсужденіи дѣлъ собравшіеся или стояли, или садились на особыхъ скамейкахъ. Въ моменты обостренія отношеній между княземъ и населеніемъ на вѣче собирались на коняхъ, вооруженные. Въ 1146 году кіевляне, недовольные тіунами великаго князя Всеволода Ольговича, потребовали отъ князя Святослава, его брата, чтобы князь отставилъ ихъ и самъ судилъ. Они явились къ Туровой божницѣ всѣ на коняхъ, куда пріѣхалъ и кн. Святославъ. Князь согласился на предъявленное къ нему требованіе, «и съсѣдъ съ коня, на томъ цѣлова хрестъ къ нимъ; кіяне же вси, съсѣдше съ конь, начаша молвити» (Ипатьев., подъ 1146 г.). Какъ происходили самыя совѣщанія, объ этомъ у насъ мало свѣдѣній. Можно только сказать, что опредѣленнаго, строгаго порядка не было, не было ни очереди голосовъ, ни формулировки резолюцій, ни вотума. Въ случаѣ разногласій, а особенно въ разгаръ борьбы партій, совѣщанія

принимали совершенно безпорядочный характеръ, и рѣшенія не выносились правильно, а выкрикивались. Считалось въ принципѣ, что то или другое рѣшеніе принимается «однодушно», «одними усты», при чемъ это единодушіе достигалось иногда и насиліемъ, терроромъ большинства надъ меньшинствомъ или обратно.

Какія дѣла рѣшались на вѣчевыхъ собраніяхъ? Въ принципѣ всякій вопросъ могъ стать предметомъ разсмотрѣнія въ народномъ вѣчѣ, ибо компетенція народнаго собранія была неограничена. Но на практикѣ, конечно, только наиболѣе важные вопросы восходили на обсужденіе и рѣшеніе народнаго вѣча. Сюда прежде всего относится вопросъ о призваніи или принятіи того или другого князя.

Мы уже знаемъ, что порядокъ княжескаго владѣнія въ извѣстной очереди старшинства не соблюдался на дѣлѣ. Князья больше говорили объ этомъ порядкѣ, чѣмъ держались его въ своей практикѣ. Столы добывались князьями либо силою, либо путемъ соглашенія съ вѣчами главныхъ городовъ. Вѣче нерѣдко выступало и съ иниціативою въ данномъ случаѣ, приглашало князя. Такъ, когда на сѣверѣ была получена вѣсть о смерти Юрія Долгорукаго, «сдумавши ростовци и суздальци, и володимирци вси, пояша Андрея, сына Дюргева старѣйшаго, и посадиша и на отьнѣ столѣ Ростовѣ, и Суздалѣ, и Володимири» (Ипатьев., подъ 1158 г.). Когда Андрей былъ убитъ, тѣ же ростовцы, суздальцы и владимирцы съѣхались всѣ во Владимиръ на совѣщаніе: «по кого хочетъ послати въ своихъ князяхъ?» (Тамъ же, подъ 1175 г.). Приглашены были племянники покойнаго князя— Ростиславичи. О смольнянахъ лѣтопись сообщаетъ, что они въ 1175 году выгнали отъ себя Ярополка Романовича, а Ростиславича Мстислава «выведоша Смоленску княжить». Нерѣдко вѣча принимали князей, являвшихся къ нимъ на княженіе, когда оно становилось вакантнымъ. Когда умеръ Всеволодъ III, явился въ Переяславль Залѣсскій сынъ его Ярославъ, созвалъ всѣхъ переяславцевъ и заявилъ имъ: «братія переяславцы! се отецъ мой идя къ Богови, и васъ отдалъ мнѣ, а мене вдалъ вамъ на руцѣ, да рците ми, братья, аще хощете мя имѣти себѣ, яко же имѣсте отца моего, и головы свои за мя сложити?» Переяславцы отвѣтили утвердительно «и цѣловаша къ нему вси крестъ» (Лѣт. Переяславля Суздал., подъ 1213 г.).

Приглашая или принимая князей, вѣча, какъ сказано, заключали съ ними «ряды» или договоры. Такъ, Игорь Ольговичъ въ 1146 году, «съсѣдъ съ коня и цѣлова къ нимъ крестъ на всей ихъ воли». Въ силу этого онъ обязался смѣнить тіуновъ своего брата Всеволода Ратшу и Тудора, разбирать дѣла лично и назначить новыхъ тіуновъ.

Князья приглашались обыкновенно на неопредѣленное время, до живота своего. Полочане цѣловали крестъ въ 1159 году князю Ростиславу Глѣбовичу на томъ, «яко ты намъ князь еси, и дай ны Богъ съ тобою пожити» (Ипатьев.). По смерти Изяслава Мстиславича кіевляне призвали его брата Ростислава и говорили ему: «яко же и братъ твой Изяслава честилъ Вя-

чеслава, тако же и ты чести; а до твоего живота Киевъ твой» (Ипатьев., подъ 1154 годомъ). Но это не мѣшало вѣчамъ прогонять князей, когда они оказывались имъ нелюбы, когда нарушали ряды. Выше было упомянуто объ изгнаніи Ярополка Романовича изъ Смоленска. Еще раньше, въ 1146 году, кіевляне изгнали отъ себя Игоря Ольговича, говоря: «Ольговичевъ не хочетъ быти аки въ задничи», т.-е. не хочетъ какъ бы переходить по наслѣдству къ Ольговичамъ. Бывали, однако, противоположные случаи, когда призывали или приглашали князей и съ ихъ потомками. Такъ, Всеволоду III вѣче цѣловало крестъ «и на дѣтяхъ его» (Лаврент., подъ 1177 г.).

Изъ другихъ важныхъ дѣлъ вѣче чаще всего обсуждало вопросъ о войнѣ и мирѣ, именно въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣло шло объ участіи народнаго ополченія. Войны обычно велись князьями при помощи своей дружины. Но иногда требовалось и участіе народнаго ополченія. Это участіе всецѣло зависѣло отъ рѣшенія вѣча. Когда Юрій Долгорукій въ 1149 году подступилъ къ Кіеву, и зашло дѣло объ его отраженіи, Кіевляне сказали своему князю Изяславу: «мирися, княже, мы не идемъ». Наоборотъ, ростовцы въ 1175 году рѣшительно потребовали отъ своего князя Мстислава Ростиславича продолженія войны съ Всеволодомъ III: «аще ты миръ даси ему, мы не дамы» (Ипат.). Но не только внѣшнія дѣла, а и внутреннія рѣшались на вѣчѣ. Такъ, князь Ростиславъ учредилъ въ Смоленскѣ епископію, «сдумавъ съ людьми своими», т.-е. съ согласія вѣча. Выдавъ новоучрежденной епископіи уставную грамоту на права и доходы, князь заключилъ ее словами: «Да сего не посуживай никто же по моихъ днехъ, ни князь, ни людіе». Значитъ люди, т.-е. вѣче могли отмѣнять уставы, т.-е. издавать новые уставы, законодательствовать.

Функціи князя.—На ряду съ вѣчемъ и въ согласіи съ нимъ дѣйствовалъ князь. Главными функціями княжеской власти были оборона земли и судъ. Лѣтописи полны извѣстіями о походахъ князей на половцевъ, литву, чудь, мордву и болгаръ, которые нападали на русскія земли. Въ связи съ оборонительною дѣятельностью находится и постройка городовъ князьями на окраинахъ или въ серединѣ мѣстностей, вновь заселяемыхъ русскимъ населеніемъ, какъ это имѣло мѣсто особенно въ Суздальской землѣ. Судъ былъ обычнымъ, будничнымъ дѣломъ князя. Съ ранняго утра князь садился думати съ дружиною или «люди оправливати», т.-е. судъ судить, по свидѣтельству извѣстнаго поученія Владиміра Мономаха. На отправленіе княземъ суда указываетъ и Русская Правда, предполагающая жалобу закупа князю на обиду отъ господина, говорящая о тяжбѣ братьевъ передъ княземъ о наслѣдствѣ, о наказаніяхъ отъ князя за разныя преступленія, о приводѣ вора, пойманнаго на мѣстѣ преступленія, на княжій дворъ и т. д.—Кромѣ обороны земли и суда, князь издавалъ уставы, законодательствовалъ, и собиралъ съ населенія налоги. О законодательствѣ князей, кромѣ Русской Правды, свидѣтельствуетъ и упоминавшаяся уже

уставная грамота, выданная Смоленской епископіи въ 1150 году.—Что касается финансовой дѣятельности князей, то и въ XII, и въ XIII вѣкахъ они продолжали ходить на полюдье, какъ и въ X вѣкѣ. Юрій Долгорукій въ моментъ рожденья сына своего Всеволода находился на Яхромѣ въ полюдьи. На томъ мѣстѣ, гдѣ застала его вѣсть о рожденіи сына, онъ и заложилъ городъ *Дмитровъ*, назвавъ его въ честь сына, христіанское имя котораго было Димитрій. Про Всеволода III лѣтопись также говоритъ два раза: «сущу великому князю Ростовѣ въ полюдьи», или: «въ Переяславлѣ въ полюдьи».

Княжескіе доходы съ населенія.—За оборону внѣшнюю и внутренній нарядъ князь получалъ съ населенія разные доходы. На первомъ мѣстѣ здѣсь надо поставить *дань*, которая собиралась мѣхами (бѣлками, вѣверицами, черными кунами), медомъ и деньгами (кунами, бѣлыми кунами). Дань собиралась съ дыма, двора, плуга—въ общемъ съ дворохозяйства. Когда князь самъ отправлялся собирать дань,—«въ полюдье», то получалъ при этомъ отъ населенія *кормъ* натурою или деньгами и *даръ*. Князь пріѣзжалъ не только собирать дань, но и чинить судъ и управу. Населеніе поэтому выходило къ князю съ поклонами и дарами. Изъ года въ годъ практикуемый порядокъ превратился въ обычай, и даръ изъ добровольнаго приношенія сдѣлался обязательнымъ сборомъ, который назывался *полюдьемъ даровнымъ*.—Отъ своей судебной дѣятельности князья получали *виры*, т.-е. пени за убійство не въ разбоѣ, *продажи*, штрафы за другія уголовныя преступленія, судебные *уроки*, т.-е. пошлины съ гражданскихъ процессовъ. Наконецъ, князья получали въ свою пользу *мытъ*, *вѣсчее*, *помѣрное*. Эти сборы были первоначально платою за разныя услуги, оказываемыя торговцамъ: мытъ—при перевозкѣ товаровъ черезъ волоки или при упорядоченіи торговли на рынкахъ черезъ особыхъ приставовъ—мытниковъ; вѣсчее и помѣрное—при перевѣшиваніи и измѣреніи товара. Но затѣмъ всѣ эти сборы уже получили значеніе чисто торговыхъ пошлинъ.

Должностныя лица по центральному управленію; княжеская дума. Однако и при крайней простотѣ управленія князь не могъ обойтись безъ помощниковъ, даже въ стольномъ городѣ, не говоря уже о пригородахъ, погостахъ и селахъ. Ближайшими помощниками его были *тіуны*, которые чинили судъ и управу на княжемъ дворѣ, сплошь и рядомъ вмѣсто князя. Обыкновенно это были особо довѣренные холопы князя. Одинъ изъ нихъ назывался тіуномъ *огнищнымъ*, или *дворскимъ*. Это предокъ позднѣйшаго дворецкаго, министра двора, завѣдывавшаго княжескимъ домомъ, всѣми слугами и всѣмъ хозяйствомъ князя. Былъ еще тіунъ *конюшій*, предокъ позднѣйшаго конюшія, завѣдывавшій княжескою конюшнею, гдѣ содержались кони для военныхъ походовъ. Тіунамъ поручались князем и другія обязанности; они, напр., отряжались на волоки для поддержанія порядка при перевозѣ товаровъ изъ одной рѣки въ другую, за что получали съ купцовъ подарки. За всѣхъ этихъ тіуновъ, какъ и за убійство

княжихъ мужей, полагалась двойная вира въ 80 гривенъ. Кромѣ тіуновъ, лѣтопись у отдѣльныхъ князей указываетъ *ключниковъ*, *казначея*, *печатника*, *меченошу* или *мечника*, *стольника*, *покладника* или *спальника* и др. Кромѣ спеціальныхъ своихъ обязанностей по услугамъ князю лично, эти должныя лица отправляли извѣстныя функціи и по управленію, напр., мечникъ былъ приставомъ на судѣ князя и получалъ за то пошлины.

Но самымъ главнымъ должностнымъ лицомъ при князѣ, первою персоною послѣ князя, если не считать епископа, былъ *воевода*, или *тысяцкій*, начальникъ народнаго ополченія, назначавшійся княземъ изъ самыхъ видныхъ его мужей, обычный членъ его *думы*. Въ этой думѣ участвовала обыкновенно старшая дружина князя, передніе или лѣпшіе мужи, бояре. Кругъ этихъ лицъ, однако, не былъ замкнутъ, и князья совѣщались иногда «съ уными», «съ младыми свѣтники», на что обыкновенно жалуется лѣтописецъ, какъ на непохвальный образъ дѣйствій. Кромѣ старшей дружины въ думѣ съ княземъ сидѣли епископъ и игумены, часто, но не всегда обязательно. Всѣ княжескіе думцы были люди свободные, служившіе князю добровольно, а посему и на совѣщаніяхъ они держали себя свободно и нерѣдко «прѣлися» съ княземъ. Результатомъ было то, что либо князь слушался своихъ думцевъ, либо дѣйствовалъ вопреки ихъ совѣту, и тогда происходилъ по временамъ разрывъ ихъ съ княземъ, неповиновеніе и отъѣздъ, хотя не всегда. Все здѣсь зависѣло отъ того, насколько серьезно было самое дѣло, изъ-за котораго произошелъ конфликтъ.—Такъ какъ бояре, старшіе дружинники, были люди независимые отъ князей, служившіе имъ добровольно, а вмѣстѣ съ тѣмъ во второй половинѣ XII вѣка они уже составляли высшій земскій классъ въ областяхъ, то и совѣщаніе съ ними князей они считали обязательнымъ условіемъ дѣйствительности княжескихъ распоряженій. Дорогобужскій князь Владиміръ Мстиславичъ, не посовѣтовавшись съ боярами, объявилъ имъ о походѣ противъ Кіевскаго князя Мстислава Изяславича, съ которымъ онъ состоялъ въ крестномъ цѣлованьѣ. Но бояре отвѣчали: «о собѣ еси, княже, замыслилъ, а не ѣдемъ по тобѣ, мы того не вѣдали». И все общество признавало обязательность для князя опираться на согласіе и содѣйствіе дружины. Когда названный князь Владиміръ пріѣхалъ къ Берендеямъ съ тѣмъ, чтобы вести ихъ въ походъ на Кіевъ, ему сказали: «се ѣздиши одинъ— и безъ мужей своихъ, а насъ перельстивъ», и пустили въ него стрѣлы. Прямой интересъ подсказывалъ князю необходимость обращаться за совѣтомъ и содѣйствіемъ къ боярамъ; а фактъ, повторяясь изо-дня въ день, превратился въ концѣ-концовъ въ право, въ извѣстный политическій порядокъ. Можно сказать, что княжеская дума стала необходимымъ сотрудникомъ князя въ управленіи княжествомъ. Что касается ея компетенціи, то она сливалась съ компетенціею князя: какого-либо самостоятельнаго вѣдомства, отдѣльнаго отъ вѣдомства князя, у княжеской думы не было.

Должностныя лица по мѣстному управленію; начало кормленія. Большинство княжествъ въ разсматриваемое время были все-таки настолько значительны по своимъ размѣрамъ, что князья не обходились безъ помощниковъ и внѣ стольнаго города, въ отдѣльныхъ частяхъ своихъ княжествъ.

Эти части, отдѣленныя другъ отъ друга по управленію, назывались обыкновенно *волостями*. Волости эти были самыхъ разнообразныхъ размѣровъ. Наиболѣе крупныя, объединявшіяся вокругъ какого-либо пригорода земли и состоявшія въ свою очередь изъ нѣсколькихъ волостей, или погостовъ, раздавались князьями *посадникамъ*, которые представляли въ волости особу князя, были его намѣстниками (въ XIII вѣкѣ они и стали именоваться такимъ образомъ). Посадникъ, какъ и самъ князь, былъ главный защитникъ волости, предводительствовалъ войскомъ, строилъ укрѣпленія для защиты отъ непріятелей, отражалъ ихъ нападенія. Посадникамъ принадлежала и судебная власть. Призванные въ Ростовскую землю Ростиславичи роздали посадничества русскимъ дѣцкимъ (кіевлянамъ); «они же многу тяготу людемь симъ створиша продажами и вирами», т.-е. судебными штрафами.—При отправленіи своей должности посадники получали извѣстные доходы. Русская Правда полагаетъ всякому «вирнику», въ томъ числѣ, конечно, и посаднику, при взысканіи виръ гривны «ссадную», и «перекладную», еженедѣльный кормъ натурою или деньгами, 16 гривенъ съ каждой двойной виры и 8 съ обыкновенной, т.-е. 20%; «наклады» полагались судьямъ и при взысканіи продажъ. Наконецъ, въ гражданскихъ искахъ они получали судебные уроки «отъ всѣхъ тяжь, кому помогутъ». Такъ какъ должности посадниковъ были доходныя, то и молодые князья не брезговали ими. Посадничества разсматривались князьями, какъ средства содержанія своихъ слугъ или родственниковъ. Когда къ галицкому князю Ярославу прибѣжалъ изъ Царьграда братанъ царевъ Андроникъ, Ярославъ принялъ его съ великою честью и далъ ему «колико городовъ на утѣшеніе». Посадники чинили судъ и управу не единолично, а съ помощниками. При нихъ, какъ и при самомъ князѣ, были отроки, или дѣцкіе, которыхъ они посылали для повѣрки показаній на мѣстѣ, для приведенія въ исполненіе судебныхъ рѣшеній (напр., дѣлить наслѣдство), для присутствія при испытаніи желѣзомъ, на ротѣ или присягѣ и т. д. Отроки ѣздили съ посадниками или одни для сбора виръ и продажъ. Для охраны порядка на судѣ находился такъ же, какъ и при князѣ *мечникъ:* для записи судебныхъ рѣшеній и взысканій *метельникъ*, писарь. Всѣ эти лица также получали въ свою пользу извѣстные доходы, какъ напр., *сметную гривну* въ поклепномъ искѣ съ того, кто свергъ съ себя виру, *пожелѣзное*, и т. д.—Не всѣ волости княжествъ имѣли въ качествѣ правителей посадниковъ, княжихъ мужей съ цѣлымъ штатомъ отроковъ. Въ волости небольшія, чисто сельскія, небогатыя назначались судить княжескіе тіуны. Поэтому и въ уставной грамотѣ, данной Смо-

ленской епископіи, читаемъ: «Ажъ будетъ или тяжа, или продажа епископля, да не надобѣ ни князю, ни посаднику, ни тивуну, ни иному никому же».

Посадники и тіуны главнымъ образомъ чинили судъ по порученію князя въ волостяхъ. Для сбора съ населенія дани князья либо сами ѣздили на полюдье, либо высылали *данщиковъ*. Торговыя пошлины собирали имъ *мытники* и *осменики*. Для устройства укрѣпленій и военныхъ дорогъ ими назначались особые *городники* и *мостники*, получавшіе за руководство постройкою и ремонтомъ укрѣпленій извѣстные доходы съ населенія, которое несло повинность по устройству укрѣпленій и дорогъ.

Древнерусскій судъ; его формализмъ.—Судъ, который производилъ самъ князь и его посадники и тіуны, носилъ чисто внѣшній, механическій характеръ. Судья почти не входилъ во внутреннюю расцѣнку доказательствъ. Онъ былъ обязанъ безусловно вѣрить имъ, разъ они удовлетворяли извѣстнымъ формальнымъ требованіямъ. Придетъ на дворъ судьи мужъ «синь» (въ синякахъ) или «надраженъ» (раненый) и станетъ жаловаться на кого-либо, а отвѣтчикъ не приведетъ послуховъ, которые покажутъ, что избитый самъ началъ драку, дѣло кончено: отвѣтчикъ обвиняется. Но даже если послухи «вылѣзутъ», они должны слово въ слово показывать, какъ было дѣло; въ противномъ случаѣ отвѣтчикъ также обвиняется. Приведутъ татя съ лицомъ, т.-е. поличнымъ, пойманнаго на мѣстѣ преступленія, тутъ тоже не полагается никакихъ размышленій и колебаній. Увидятъ у кого что-нибудь тяжебное на торгу, не берутъ прямо, говоря: это мое, но «пойди на сводъ, гдѣ еси взялъ». И человѣкъ, у котораго нашлась краденая вещь, долженъ показать и доказать, у кого онъ ее купилъ, въ противномъ случаѣ обвиняется, какъ воръ. Найдутъ убитаго на извѣстной территоріи, община, несущая круговую отвѣтственность, вервь, должна розыскать убійцу, въ противномъ случаѣ должна заплатить виру князю и головничество родственникамъ убитаго. Но найдены кости, которыя могли быть затащены псомъ, найденъ мертвецъ, имени котораго никто не вѣдаетъ, который могъ самъ умереть, тутъ нѣтъ ни суда, ни слѣдствія. Обокраденъ купеческій таборъ на дорогѣ, и слѣдъ воровской приводитъ къ селу, село обязано розыскать вора или «отсочить», т.-е. отвести отъ себя слѣдъ. Нѣтъ послуховъ и видоковъ у тяжущихся, пусть идутъ на роту, а если дѣло большое,—на воду или желѣзо; кому выпадетъ на долю очищеніе ротою, водою или желѣзомъ, тотъ и правъ и т. д.

Такой механическій, чисто формальный судъ былъ въ то же время и пассивнымъ. Истецъ самъ производилъ предварительное слѣдствіе, напр., доискивался вора украденной вещи, опознанной на торгу, и шелъ до конца свода или до «конечнаго татя» въ своемъ міру; и только, когда сводъ выходилъ за предѣлы міра, взысканіе падало на послѣдняго, до котораго привелъ сводъ, и который обязывался уже, если хотѣлъ, самъ

продолжать сводъ. Владѣлецъ бѣжавшаго холопа самъ разыскивалъ его, и посадникъ долженъ былъ только оказывать ему помощь, когда тотъ обращался за нею, при поимкѣ опознаннаго холопа. Потерпѣвшіе пользовались обыкновенно услугами частныхъ лицъ, которыя они оплачивали, напр., платили за переемъ бѣглаго холопа. Впрочемъ, есть указанія на существованіе при судѣ особыхъ лицъ, которыя за вознагражденіе помогали потерпѣвшимъ. Въ краткой Русской Правдѣ въ составѣ населенія Новгорода упоминаются ябедники, которыхъ изслѣдователи сближаютъ съ скандинавскимъ Aembet, означавшимъ вообще должностное лицо, чиновника. Изъ позднѣйшихъ источниковъ (Смоленскаго земскаго привилея, выданнаго великими князьями Литовскими), узнаемъ, что ябедникъ былъ чиновникъ, занимавшійся отыскиваніемъ воровъ и покражи по слѣдамъ преступленія, помогавшій въ этомъ отношеніи потерпѣвшему. Вынесши приговоръ, судъ часто предоставлялъ самому потерпѣвшему, осуществить возстановленіе своего права, получить деньги, увести къ себѣ домой въ холопство должника и продать его.

Эта пассивность суда вмѣстѣ съ его механичностью и формализмомъ и были причиною того, что судъ былъ не столько государственною функціею, сколько средствомъ кормленія для князей и ихъ дружинниковъ. Такъ какъ и военная функція князя и его дружины носила характеръ извѣстной профессіи, извѣстнаго ремесла, оплачиваемаго данью «мира дѣля», то и древнерусское княженіе, несмотря на всю пропаганду возвышенныхъ идей государства со стороны церкви, разсматривалось князьями какъ предметъ эксплуатаціи, какъ доходная статья. Отсюда при благопріятныхъ обстоятельствахъ, при упадкѣ силы и значенія вѣча, легко было уже перейти къ воззрѣнію на княжество, какъ на частную собственность князя.

Пособія тѣ же, какія указаны и въ предыдущей лекціи.

XII.

Культурное развитіе русскаго общества съ половины XI вѣка и до нашествія татаръ.

Дальнѣйшее распространеніе христіанства и его организація на Руси. Чтобы покончить съ Кіевскимъ періодомъ русской исторіи необходимо остановиться еще на культурной жизни русскаго общества съ половины XI вѣка и до прибытія татаръ.

Эта жизнь шла въ томъ самомъ направленіи, которое дано было ей сближеніемъ съ Византіею, причемъ въ XII вѣкѣ начинали уже сказываться и слѣды другого вліянія—западнаго. И въ разсматриваемое время продолжало распространяться въ Русской землѣ христіанство. Послѣдними изъ славянъ приняли его вятичи, у которыхъ проповѣдывалъ св. Кукша, монахъ Кіевопечерскаго монастыря, погибшій отъ нихъ мученическою смертію (около половины XII в.). Послѣ того христіанство распространялось уже исключительно среди инородцевъ финнскаго племени. Между прочимъ новгородскій князь Ярославъ Всеволодовичъ въ 1227 году крестилъ множество корелъ, «мало не всѣ люди». Съ распространеніемъ христіанства умножилось и число духовенства—священниковъ и епископовъ. Къ концу областного періода на Руси было уже шестнадцать епископовъ, подчиненныхъ митрополиту. Митрополиты избирались и поставлялись цареградскимъ патріархомъ и въ большинствѣ были греки; извѣстны, впрочемъ, два случая избранія и поставленія митрополитовъ соборомъ русскихъ епископовъ: Иларіона въ 1051 году при Ярославѣ и Климента при Изяславѣ Мстиславичѣ въ 1147 году. Митрополитъ имѣлъ высшій надзоръ за епископами, могъ подвергать ихъ суду и наказаніямъ, а за тяжкія вины и низлагать, дѣйствуя, впрочемъ, во всѣхъ этихъ случаяхъ не единолично, а при участіи собора епископовъ своей митрополіи. Отъ суда мѣстныхъ епископовъ аппелляція шла на судъ митрополита. Самъ митрополитъ былъ подвластенъ и подсуденъ цареградскому патріарху. Такимъ образомъ, разбитая политически, Русь оставалась объединенною въ церковномъ отношеніи. Это обстоятельство имѣло огромное значеніе. Церковная организація была базисомъ, на которомъ держалось и противостояло всѣмъ разрушительнымъ вліяніямъ національное единство Руси. Церковь, духовенство склоняли русскихъ людей къ единенію гораздо больше и успѣшнѣе, чѣмъ князья, постоянно ссорившіеся и воевавшіе другъ съ другомъ. Представители духовенства выступали въ качествѣ миротворцевъ по отношенію къ князьямъ. «Мы есьмы,—говорилъ митрополитъ Никифоръ князю,—приставлены въ Русской землѣ отъ Бога востягивати васъ отъ кровопролитья». Духовныя лица участвовали въ посольствахъ, въ съѣздахъ князей, принимали участіе въ составленіи договоровъ, приводили къ присягѣ въ соблюденіи договоровъ. Такія святыни русской церкви, какъ возникшій при сыновьяхъ Ярослава Кіевопечерскій монастырь, объединяли религіозныя и племенныя чувства и нравственное сознаніе русскихъ людей всѣхъ земель, всѣхъ областей. Здѣсь былъ культъ не только отвлеченнаго, аскетическаго христіанства, но и культъ русской земли, просвѣщенной свѣтомъ Христовой вѣры. Теплою, сыновнею любовью обвѣвалась здѣсь русская земля какъ въ душахъ здѣшнихъ подвижниковъ, такъ и въ душахъ всѣхъ, приходившихъ сюда за жизненнымъ наставленіемъ и поученіемъ.

Церковное зодчество, живопись и скульптура.—За все разсматриваемое

время, какъ и при Владимирѣ и Ярославѣ, Русь покрывалась христіанскими церквами, преимущественно, конечно, простой деревянной стройки. Но въ стольныхъ и другихъ большихъ городахъ князья строили каменныя церкви при помощи иноземныхъ и русскихъ мастеровъ и ремесленниковъ. Великій князь Изяславъ (1054—1078), въ крещеніи Димитрій, основалъ на холмѣ Кія Дмитровскій монастырь, отличавшійся богатствомъ и роскошью украшеній (отъ него уцѣлѣли, впрочемъ, только фундаменты и нѣкоторыя украшенія). Сынъ Изяслава Святополкъ-Михаилъ на томъ же холмѣ выстроилъ новый храмъ во имя своего святого, архистратига Михаила, названный за свои золоченые купола Златоверхимъ. Храмъ этотъ былъ украшенъ мозаичными изображеніями и фресками, часть которыхъ сохранилась до нашего времени, между прочимъ мозаичное изображеніе евхаристіи въ алтарѣ. Надписи надъ этимъ изображеніемъ сдѣланы уже не по-гречески, а по-славянски; исполненіе самой мозаики ниже, чѣмъ въ церкви св. Софіи, пропорціи фигуръ менѣе правильны, головы, руки, ступни ногъ несоразмѣрно малы. Видно, что мастера, исполнявшіе мозаику, были уже не греческіе, а русскіе—ученики грековъ. Мозаиками была украшена и не только по стѣнамъ, но и по землѣ, знаменитая печерская церковь Успенія Богородицы, которая была «свершена» въ 1089 году. Этотъ храмъ былъ выстроенъ по плану византійскихъ церквей греческими мастерами. Но въ числѣ ихъ находились уже и русскіе мастера и художники, между прочимъ первый русскій иконописецъ Алипій, который имѣлъ чудесную кисть, приводившую въ восхищеніе современниковъ. Въ куполѣ храма былъ по обычаю колоссальный образъ Христа Вседержителя, въ алтарѣ—образъ Богородицы, по стѣнамъ—изображенія праздниковъ, а на столбахъ—святые. Въ XII вѣкѣ число красивыхъ храмовъ въ Кіевѣ увеличилось еще храмомъ Кирилловскаго монастыря, сплошь расписаннаго фресками. Въ алтарѣ была изображена Богородица въ типѣ Нерушимой стѣны, ниже—причащеніе апостоловъ, а затѣмъ изображенія святителей; на стѣнахъ были праздники, на столбахъ святые. Кіевскіе храмы стали образцомъ для другихъ русскихъ областей въ церковномъ строительствѣ. Въ Ростовѣ и Суздалѣ первыя церкви были выстроены по образцу печерскаго храма Успенія Богородицы. Строя и украшая церкви, князья при помощи тѣхъ же мастеровъ строили себѣ и украшали каменные дворцы. Не только въ Кіевѣ, но и въ предмѣстьяхъ его, въ Вышгородѣ и Берестовѣ, стояли княжескіе терема съ золотыми верхами.

Съ теченіемъ времени въ церковномъ строительствѣ по отдѣльнымъ областямъ стали проявляться нѣкоторыя особенности, указывающія отчасти на новыя вліянія, отчасти на развитіе оригинальности въ русскомъ творчествѣ. Такъ, на строеніи храмовъ въ Галицкой землѣ сказалось несомнѣнное вліяніе западнаго стиля. Матеріаломъ кладки служилъ тесаный камень; широко примѣнялись рѣзныя украшенія. Для древнихъ черниговскихъ храмовъ характерны зубчатые пояски, рѣзныя капители, напо-

минающія подобныя же детали суздальскихъ храмовъ. Но особенною оригинальностью отличаются именно эти послѣднія.

Андрей Боголюбскій, не любя южной Руси, хотѣлъ создать второй Кіевъ у себя дома, въ Суздальской землѣ, уподобить Кіеву свой стольный городъ Владиміръ. Онъ обвелъ его землянымъ валомъ, на которомъ воздвигнута была крѣпостная стѣна, и устроилъ для проѣзда въ городъ пять воротъ, изъ которыхъ одни по примѣру Кіева получили названіе Золотыхъ. Надъ ними была устроена церковь Положенія Ризъ Пресвятой Богородицы. Укрѣпивъ городъ, князь Андрей построилъ въ немъ великолѣпный соборный храмъ Успенія Богородицы. Строили его мастера, присланные изъ Германіи отъ императора Фридриха I. Храмъ этотъ приводилъ въ восторгъ и умиленіе современниковъ, говорившихъ, что такой церкви еще не было и не будетъ на Руси. «Лѣта 6666 христолюбивый князь Андрей,— пишетъ древній лѣтописецъ,—уподобися царю Соломону и доспѣ въ Володимирѣ церковь камену соборную святыя Богородицы, пречудну вельми, и всѣми различными виды украси ю отъ злата и серебра, и пять верховъ ея позолоти, двери же церковныя трои золотомъ устрои, каменьемъ дорогимъ и жемчугомъ украси ю многоцѣннымъ и всякими узорочьи удиви ю, и всѣми виды и устроеньемъ подобна бысть удивленію Соломонови святая святыхъ». Соборъ украшенъ былъ внутри великолѣпными фресками (въ XV вѣкѣ ихъ обновилъ Андрей Рублевъ, и въ этомъ видѣ онѣ открыты были подъ штукатуркою въ 1882 году), множествомъ драгоцѣнныхъ иконъ, золотыми и серебряными паникадилами, сосудами, рипидами, множествомъ шитыхъ золотомъ и жемчугомъ богослужебныхъ облаченій и пеленъ подъ иконы. Передъ царскими вратами былъ устроенъ «отъ злата и серебра» прекрасный амвонъ въ видѣ небольшой овальной формы часовни. Но драгоцѣннѣе всѣхъ украшеній была поставленная въ немъ чудотворная икона Богоматери, писанная, по преданію, св. евангелистомъ Лукою. Въ нее, по словамъ лѣтописи, Андрей вковалъ больше тридцати гривенъ (фунтовъ) золота, множество драгоцѣнныхъ каменьевъ и жемчуга. Независимо отъ богатаго убранства владимирскій Успенскій соборъ поражалъ стройностью и соразмѣрностью всѣхъ его частей, красотою арокъ, перекинутыхъ по 8 столбамъ, поддерживающимъ хоры, своды и куполы. Онъ былъ выстроенъ въ византійскомъ стилѣ въ видѣ продолговатаго четвероугольника съ тремя полукружіями алтарныхъ абсидъ на восточной сторонѣ, съ притворомъ на западной, съ пятью тамбурными куполами. Но вмѣстѣ съ тѣмъ на немъ сказалось уже вліяніе западнаго романскаго стиля въ видѣ полуколонокъ, тянущихся сверху донизу по стѣнамъ и въ видѣ изящнаго арочнаго фриза. Владимирскій Успенскій соборъ сдѣлался образцомъ, по которому выстроены были храмы въ другихъ сѣвернорусскихъ городахъ— въ Юрьевѣ, Ростовѣ, Звенигородѣ и др. Когда великій князь Иванъ Васильевичъ III захотѣлъ соорудить въ своей столицѣ приличествующій ей храмъ, то онъ не нашелъ лучшаго образца для него, какъ только Вла-

димирскій Успенскій соборъ. Его мастера пріѣзжали во Владимиръ и сняли точную мѣрку храма. Аристотель Фіоравенти, руководившій постройкою Успенскаго собора въ Москвѣ, пріѣзжалъ во Владимиръ спеціально для осмотра тамошняго Успенскаго собора и былъ пораженъ его красотою.

Въ десяти верстахъ отъ Владимира на востокъ, Андрей основалъ городъ Боголюбовъ съ монастыремъ и храмомъ въ честь Рождества Богородицы. Андрей сильно полюбилъ этотъ городъ, выстроилъ въ немъ каменный дворецъ и проводилъ въ немъ большую часть своего времени. Во время татарскаго погрома городъ и церковь были разрушены, но часть дворца уцѣлѣла. По сохранившимся остаткамъ видно, что этотъ дворецъ представлялъ по своей архитектурѣ варіацію того же самаго суздальскаго стиля, который нашелъ себѣ выраженіе отчасти уже въ Успенскомъ владимирскомъ соборѣ, но больше всего въ храмѣ Покрова Пресвятой Богородицы и въ Дмитріевскомъ соборѣ. Храмъ Покрова былъ выстроенъ недалеко отъ Боголюбова, при сліяніи рѣкъ Нерли и Клязьмы. На немъ по стѣнамъ отъ земли до кровли идутъ колонки, раздѣляющія стѣны на три части и соединяющіяся арками; на восточной сторонѣ тремя полукружіями выступаютъ алтарныя абсиды; все зданіе окружено поясомъ съ небольшими колонками, соединяющимися между собою дугообразно. Между колоннами и узкими щелеобразными окнами на наружныхъ стѣнахъ помѣщены художественно исполненныя скульптурныя украшенія. Въ срединѣ изображенъ царь Давидъ съ струннымъ инструментомъ (псалтырью) въ рукахъ, около него двѣ птицы и два льва, пониже—три головки съ распущенными волосами и еще пониже—два льва; на боковыхъ отдѣленіяхъ изображены грифоны, терзающіе звѣрей, и подъ ними двѣ головки. Храмъ Покрова былъ прототипомъ Дмитріевскаго собора во Владимирѣ, выстроеннаго Всеволодомъ III.

Всеволодъ III продолжалъ дѣло брата своего Андрея: онъ возстановилъ стѣны и башни вокругъ владимирскаго кремля, отстроилъ заново княжескій дворецъ и воздвигъ церкви Рождества Богородицы при основанномъ имъ мужскомъ монастырѣ, Успенія Богородицы—при женскомъ. Но главнымъ его созданіемъ былъ Дмитріевскій соборъ при великокняжескомъ дворцѣ въ честь св. великомученика Димитрія, имя котораго носилъ Всеволодъ. Храмъ этотъ былъ выстроенъ тоже подъ руководствомъ иноземныхъ мастеровъ изъ бѣлаго камня, привозившагося водою изъ Болгаріи. Соборъ имѣетъ видъ правильнаго четыреугольника, продолговатыя стороны котораго обращены къ сѣверу и къ югу. Восточная сторона, алтарная, выступаетъ тремя полукружіями, изъ которыхъ среднее больше другихъ. Западная, сѣверная и южная стѣны раздѣляются каждая на три части тонкими колонками, которыя идутъ отъ самой земли до кровли и, образуя по стѣнамъ впадины, соединяются наверху арками. Своды, опираясь на четыре внутреннихъ столба, поддерживаютъ высокій тамбуръ, увѣнчанный шлемообразною главою съ мѣднымъ рѣзнымъ четырехконечнымъ крестомъ. По срединѣ стѣны кругомъ всего собора идетъ роскошный

узорчатый поясъ, отъ котораго внизъ спускается рядъ колонокъ, опирающихся на особые кронштейны. Между этими колонками помѣщены фигуры святыхъ, а въ верхней части стѣны, выше пояса, особыя композиціи изъ человѣческихъ фигуръ, животныхъ, птицъ, растеній, почти исключительно фантастическихъ. Композиціи эти почти одинаковы на всѣхъ трехъ стѣнахъ—сѣверной, западной и южной. Главная и центральная фигура представляетъ юнаго святого, сидящаго на богато убранномъ престолѣ съ вѣнцомъ на головѣ и нимбомъ вокругъ головы. Ему предстоятъ ангелы (въ западной сторонѣ), къ подножію престола идутъ львы, грифы и разные другіе страшные звѣри, съ неба слетаются птицы; подъ нимъ изображены въ большомъ количествѣ декоративныя растенія. Проф. Кондаковъ въ юномъ святомъ видитъ изображеніе царя Соломона, всю фантастическую композицію считаетъ скульптурною параллелью къ древнему стиху о «Голубиной книгѣ». Здѣсь раскрывается не простой окружающій насъ міръ, а міръ премудрости Божіей—сокровенный, таинственный, чудесный. Всѣ эти фигуры въ источникѣ своемъ восходятъ къ Византіи, но, очевидно, переданы были западнымъ мастеромъ, усвоившимъ себѣ скульптурный стиль, господствовавшій тогда въ Германіи, Польшѣ, Венгріи и нашедшій себѣ отраженіе и у насъ въ Галицкой землѣ. Кромѣ наружныхъ украшеній въ Дмитріевскомъ соборѣ уцѣлѣли фрески, открытыя во время реставраціи подъ штукатуркою и представляющія части картины Страшнаго суда (фрески эти, впрочемъ, подновлены въ концѣ XIV или началѣ XV в. Андреемъ Рублевымъ).

Не менѣе замѣчательны и рельефы Георгіевскаго собора въ Юрьевѣ-Польскомъ, построеннаго въ XIII столѣтіи. Порталы этого собора украшены арабесками, состоящими изъ плетеній и круговъ съ лиліями и птицами.

Значительнаго развитія достигло церковное зодчество и въ Новгородской землѣ. Знаменитѣйшимъ новгородскимъ храмомъ является Софійскій соборъ, построенный сыномъ Ярослава Владимиромъ въ византійскомъ стилѣ. Въ немъ сохранился мозаичный образъ Спасителя, сдѣланный греческими мастерами, и такъ называемыя Корсунскія врата. Корсунскія врата являются памятникомъ раннихъ сношеній Новгорода съ Германіею. Они исполнены въ Магдебургѣ, по заказу магдебургскаго епископа Вихмана, умершаго въ концѣ XII ст. Деревянныя доски, изъ которыхъ онѣ состоятъ, обиты мѣдными листами, на которыхъ чеканомъ выбиты рельефныя изображенія событій евангельской исторіи—Благовѣщенія, Рождества Христова, Крещенія и т. д. Изображенъ также и литейный мастеръ въ богатомъ кафтанѣ съ клещами и вѣсами въ рукахъ.— Другимъ замѣчательнымъ памятникомъ церковнаго зодчества и живописи въ Новгородской землѣ является нередицкій храмъ Спаса Преображенія въ трехъ верстахъ отъ Новгорода, выстроенный княземъ Ярославомъ Владимировичемъ въ самомъ концѣ XII в. Фрески этого храма, изображающія Вознесеніе Господне (въ куполѣ), Іисуса Христа въ видѣ старца съ сѣдыми

волосами, Божію Матерь (въ человѣческій ростъ) съ образомъ Сына Младенца на груди, святыхъ, сохранились до нашихъ дней. Самою интересною для историка является фреска, изображающая князя, дающаго Спасителю модель церкви. Князь изображенъ въ собольей шапкѣ съ голубымъ верхомъ, въ темно-малиновомъ корзнѣ, богато расшитомъ или вытканномъ золотыми разводами въ видѣ круговъ и побѣговъ съ широкою каймою, въ высокихъ сафьяновыхъ сапогахъ. Въ Псковской области древнѣйшимъ храмомъ является Троицкій соборъ съ мощами его строителя св. князя Гавріила (Всеволода Мстиславича).

Чеканное и ювелирное дѣло.—Въ связи съ постройкою и украшеніями храмовъ и княжескихъ дворцовъ, кромѣ зодчества, живописи и скульптуры, развивались у насъ на Руси и нѣкоторыя другія художественныя ремесла, служившія потребностямъ какъ церковнаго, такъ и мірского обихода. Здѣсь на первомъ планѣ надо поставить чеканное и ювелирное дѣло, производство золотыхъ и серебряныхъ издѣлій, украшенныхъ эмалью, сканью и драгоцѣнными камнями. Золотыхъ и серебряныхъ дѣлъ мастера (кузнецы) и ювелиры приготовляли ризы на иконы, раки, оклады евангелія, кресты, образки, сосуды, змѣевики, архіерейскія и княжескія шапки, вѣнцы, діадемы, бармы, гривны или ожерелья, перстни и печати и т. д. Учителями русскихъ людей въ этомъ дѣлѣ, въ частности въ техникѣ перегородчатой эмали и скани, т.-е. золотыхъ и серебряныхъ кружевъ, плетеній и разводовъ, были византійцы. Выше было упомянуто объ изготовленіи Андреемъ Боголюбскимъ драгоцѣнной ризы для Владимирской иконы Божіей Матери. Но еще ранѣе Владимиръ Мономахъ сковалъ драгоцѣнную раку для мощей св. Бориса и Глѣба, перенесенныхъ имъ въ Вышгородъ въ церковь ихъ имени. Рака эта, по словамъ лѣтописца, была такъ великолѣпно сдѣлана и такъ роскошно украшена, что даже иностранцы дивились искусству русскихъ мастеровъ, ее созидавшихъ. Къ началу XII вѣка относится окладъ Мстиславова евангелія, украшенный сканью, эмалевыми образками, драгоцѣнными каменьями и жемчугомъ. Изъ крестовъ особенно замѣчателенъ крестъ княжны Евфросиніи Полоцкой, сдѣланный въ 1161 году русскимъ мастеромъ Лазаремъ Богшею, по византійскимъ образцамъ. Въ немъ находятся части св. Древа, привезенныя княжною изъ Іерусалима, эмалевыя изображенія евангелистовъ съ русскими надписями, но по греческому произношенію (аг. Лукасъ, Маркосъ, Матѳеосъ), эмалевыя бляшки въ видѣ украшеній. Въ большомъ распространеніи были также кресты складные, кресты энколпіоны (мощехранительницы) съ надписями, образки каменные съ изображеніями святыхъ или церковныхъ событій, змѣевики—талисманы съ изображеніями змій, а на другой сторонѣ Богоматери, Крещенія, ангеловъ и съ надписями: «Господи, помози рабу своему N.N, аминь». Изъ сосудовъ, кромѣ напрестольныхъ, замѣчательны акваманилы, или водолеи, въ формѣ львовъ, тигровъ, лошадей, коровъ, барановъ и т. д. Памятникомъ искусства Кіев-

ской эпохи нѣкоторые изслѣдователи (Н. П. Кондаковъ) считаютъ и Мономахову шапку, точнѣе—ея древнѣйшую часть, состоящую изъ восьми основныхъ пластинокъ, украшенныхъ сканью. Мнѣніе это имѣетъ за собою большую вѣроятность. Дѣло въ томъ, что изображенія княжескихъ шапокъ, подобныхъ Мономаховой, встрѣчаются на золотыхъ бляхахъ, найденныхъ въ Старой Рязани и составлявшихъ бармы, или княжеское оплечье. На лицевой сторонѣ этихъ бляхъ находятся кружки съ эмалевыми изображеніями святыхъ князей (вѣроятно, Бориса и Глѣба). Это—юныя, безбородыя лица, въ шапкахъ съ соболиною опушкою и лилово-коричневымъ верхомъ, съ темно-каштановыми кудрями, въ синемъ плащѣ и пурпуровомъ исподнемъ платьѣ. Шапки украшены сканью съ каменьями въ гнѣздахъ. Въ 1889 году въ Кіевѣ въ усадьбѣ Гребеновскаго былъ найденъ драгоцѣнный кладъ, состоящій изъ золотой княжеской женской діадемы, бармъ, перстня съ печатью и золотыхъ византійскихъ монетъ XII в. Діадема состоитъ изъ 9 створокъ, изъ которыхъ среднія семь представляютъ изъ себя кіотцы съ арочкой, украшенные перегородчатою эмалью. Въ кіотцахъ изображенія Іисуса Христа, Богоматери, Іоанна Предтечи, архангеловъ Михаила и Гавріила, апостоловъ Петра и Павла съ греческими надписями, сдѣланными красною эмалью. Но одна надпись сдѣлана на половину по-славянски: ὁ агіо Павьлъ; очевидно, что это работа русскаго мастера. Къ каждой створѣ привѣшено по три эмалевыхъ бляшки на цѣпочкахъ. Это такъ называемая рясна, которая должна была спускаться на лобъ. Двѣ концевыя створки являются уже только пряжками; на нихъ изображены женскія головки съ коронами. Бармы представляютъ золотые и серебряные медальоны съ изображеніями Христа, Богоматери, святыхъ. Въ качествѣ украшеній служили также золотыя и серебряныя цѣпи, на которыхъ носились кресты,—гривны, т.-е. шейные обручи изъ золота, серебра, бронзы и даже желѣза, ожерелья, серьги, перстни съ изображеніемъ архангела, льва, креста и т. п. Всѣ эти вещи, бывшія сначала привозными, несомнѣнно производились у насъ на Руси. Доказательствомъ, кромѣ надписей, являются найденныя формы для отливки крестовъ, глиняные тиглики для плавленія эмали и т. д.—Русскіе научились приготовлять у себя дома и парчу. Опись одной аѳонской обители (Ксилурга), составленная въ 1143 году, въ числѣ различныхъ предметовъ, русскаго издѣлія и искусства, пожертвованныхъ въ нее, упоминаетъ епитрахиль золотую русскую, ручникъ Богородицы русскій съ золотыми оторочками, съ крестомъ, кругомъ и двумя птицами.

Образованность князей и ихъ заботы о просвѣщеніи.—Итакъ, по части искусствъ и художественной техники русскіе люди оказались переимчивыми и способными учениками византійскихъ грековъ и частью даже западныхъ латинянъ—нѣмцевъ. Развитіе искусствъ и художественныхъ ремеслъ совершалось подъ покровительствомъ князей, которые являлись главными заказчиками и возбудителями, а иногда

и создателями художественной промышленности. Многіе изъ князей до татарской эпохи были широко образованными для своего времени людьми, съ высшими духовными потребностями и запросами. Между прочимъ нѣкоторые изъ нихъ знали иностранные языки и имѣли возможность непосредственно пріобщаться къ духовнымъ благамъ и цѣнностямъ западныхъ странъ. Таковъ былъ, напр., сынъ Ярослава Всеволодъ. По свидѣтельству Владимира Мономаха, его отецъ зналъ пять иностранныхъ языковъ, которымъ онъ научился у себя дома. Мономахъ совѣтовалъ и сыновьямъ своимъ изучать иностранные языки, такъ какъ это доставляетъ почетъ отъ иностранцевъ. По свидѣтельству лѣтописи, содержащемуся въ Татищевскомъ сводѣ, зналъ греческій языкъ и охотно читалъ на немъ книги князь Святославъ Ростиславичъ Смоленскій. О братѣ его, князѣ Романѣ Ростиславичѣ, лѣтопись разсказываетъ, что онъ многихъ людей побуждалъ къ ученью, устроилъ училища, при которыхъ содержалъ учителей греческихъ и латинскихъ на свой счетъ, и не хотѣлъ имѣть священниковъ неученыхъ. На это онъ издержалъ все свое имѣнье, такъ что по смерти его ничего не осталось въ казнѣ, и смольняне похоронили его на свой счетъ. Братъ Всеволода III Михаилъ, по словамъ лѣтописца, очень хорошо зналъ св. писаніе, съ греками и латинами говорилъ на ихъ языкахъ такъ же свободно, какъ и по-русски, но не любилъ спорить о вѣрѣ, другими словами—отличался вѣротерпимостью. О Ярославѣ Осмомыслѣ Галицкомъ говорится, что онъ зналъ иностранные языки, читалъ много книгъ, такъ что могъ самъ наставлять въ правой вѣрѣ, понуждалъ монаховъ учить мірянъ и назначалъ монастырскіе доходы на содержаніе училищъ.

Знаніе иностранныхъ языковъ въ общемъ было, конечно, удѣломъ немногихъ лицъ. Поэтому и князья, ревновавшіе о распространеніи просвѣщенія, собирали большею частью книги, переведенныя на славянскій языкъ, или сами устраивали такіе переводы. Начало положилъ еще Ярославъ: онъ собралъ писцовъ, которые переписывали готовые славянскіе переводы, нашелъ переводчиковъ, которые переводили съ греческаго языка на русскій и, составивъ такимъ образомъ собраніе рукописей, библіотеку, нашелъ для нея и помѣщеніе въ соборѣ св. Софіи. Дѣло Ярослава продолжалъ сынъ его Святославъ, который ревностно собиралъ книги и наполнилъ ими свои клѣти (изъ его собранія дошелъ до насъ великолѣпный пергаментный «Изборникъ», съ рисункомъ, изображающимъ самого князя и его семью). Собиралъ книги и князь Святославъ Давыдовичъ Черниговскій (Святоша). О Константинѣ Ростовскомъ (сынѣ Всеволода III) въ Татищевскомъ сводѣ говорится, что онъ былъ очень ученъ, держалъ при себѣ людей ученыхъ, покупалъ много старинныхъ греческихъ книгъ дорогою цѣною и велѣлъ переводить ихъ на русскій языкъ, самъ писалъ и другіе съ нимъ трудились. Однѣхъ греческихъ книгъ было у него болѣе тысячи, которыя онъ частью купилъ, частью получилъ въ даръ отъ патріарховъ.

Переводная церковная и свѣтская литература.—Какія же книги рас-

пространялись въ русскомъ обществѣ въ разсматриваемое время? На первомъ планѣ, конечно, надо поставить священное писаніе—Библію. Впрочемъ, едва ли вся Библія цѣликомъ находилась въ распоряженіи нашихъ предковъ. Псалтирь, евангеліе и апостолъ стоятъ въ данномъ случаѣ внѣ всякихъ сомнѣній. Остальныя священныя книги извѣстны были преимущественно по *паремейникамъ*, т.-е. по выдержкамъ изъ нихъ, которыя читаются въ церкви въ извѣстные дни. Рядомъ съ священнымъ писаніемъ можно поставить нѣкоторые эгзегетическіе, истолковательные труды греческой богословской литературы и труды догматическіе. Самымъ замѣчательнымъ экзегетическимъ произведеніемъ, обращавшимся на Руси, былъ «Шестодневъ» Іоанна, пресвитера и экзарха Болгарскаго. Эта книга, содержащая шесть словъ о твореніи міра, служила для нашихъ книжниковъ цѣлою энциклопедіею знаній по всѣмъ отраслямъ естествознанія, ибо въ словахъ Іоанна содержатся разнообразныя свѣдѣнія и объясненія природы. Изъ догматическихъ сочиненій въ Кіевской Руси обращалось «Слово о правой вѣрѣ» или «Увѣріе» Іоанна Дамаскина, поученія Кирилла Іерусалимскаго, слова противъ аріанъ Аѳанасія Александрійскаго и др. Очень много вращалось переводныхъ произведеній греческой правоучительной литературы, въ частности «слова» Григорія Богослова, Іоанна Златоустаго, Ефрема Сирина. Пространныя житія святыхъ или «минеи», сокращенныя житія или «прологи» и «синаксари». По отдѣлу историческому въ дотатарское время на Руси вращались прежде всего двѣ «Палеи», пространная, или толковая, и краткая. Это собственно популярныя изложенія священной исторіи, наполненныя апокрифами; пространная палея, излагая исторію творенія міра, попутно сообщаетъ разнообразныя данныя по астрономіи, физикѣ, зоологіи, ботаникѣ, минералогіи и т. д. Затѣмъ большимъ распространеніемъ пользовались хронографы Георгія Амартола и Іоанна Малалы Антіохійскаго. Первый, доведенный авторомъ до 842 года и затѣмъ его продолжателями до половины X вѣка, содержитъ священную исторію ветхаго и новаго завѣта и древнюю гражданскую и церковную исторію; второй, начиная отъ сотворенія міра, содержитъ преимущественно гражданскую исторію, но переводчикомъ дополненъ Палеею. Къ хронографамъ въ переводѣ прилагалась еще «Книги Александръ», или такъ называемая «Александрія», историческій романъ о происхожденіи Александра Македонскаго отъ египетскаго бога, о его подвигахъ, о видѣнныхъ имъ на Востокѣ чудесахъ; въ качествѣ вставной статьи въ хронографахъ фигурировала такъ называемая «Троянская исторія», т.-е. подробный разсказъ о взятіи греками Трои, составленный Доресомъ Фригійскимъ. Изъ книгъ поучительнаго содержанія, быть можетъ, уже въ XII вѣкѣ читалась русскими людьми такъ называемая «Пчела», сборникъ изреченій или «рѣчи мудрости отъ евангелія и отъ апостолъ и отъ свв. мужъ и разумъ внѣшнихъ философъ». Этотъ сборникъ составлялся постепенно въ Византіи и подъ названіемъ Μέλισσα въ редакціи инока

Антонія появился въ XI вѣкѣ. Къ числу книгъ, откуда русскіе люди почерпали жизненныя наученія, принадлежала и такъ называемая *кормчая книга*, или по-гречески «номоканонъ». Къ намъ на Русь первоначально перешелъ номоканонъ въ болгарской редакціи. Но уже при Ярославѣ этотъ номоканонъ замѣненъ былъ другимъ, именно совершенъ былъ переводъ съ того греческаго номоканона, который былъ въ обращеніи въ греческой церкви въ IX вѣкѣ. Въ этомъ номоканонѣ сводъ церковныхъ правилъ св. апостолъ и св. отецъ и постановленій вселенскихъ и помѣстныхъ соборовъ дополненъ слѣдующими статьями: 1) извлеченіе изъ законовъ Моисеевыхъ; 2) эклога—выборка законовъ, составленная при иконоборческихъ императорахъ Львѣ Исаврѣ и его сынѣ Константинѣ Копронимѣ (законъ семейнаго, гражданскаго и частью уголовнаго права); 3) законъ судный людямъ, славянская передѣлка эклоги относительно наказаній за уголовныя дѣянія; 4) прохиронъ Василія Македонянина, или законъ градскій (jus civile). Кормчая книга предназначалась какъ руководство для церковныхъ правителей. Но изъ нея могли черпать наставленіе о томъ, какъ судить, и гражданскіе правители.

Самостоятельная церковная и свѣтская литература.—Какими же послѣдствіями для духовной жизни русскаго общества сопровождалось распространеніе всей этой литературы?—Въ нашемъ распоряженіи есть данныя, указывающія на то, что распространеніе этой литературы, внося въ духовный оборотъ русскаго общества извѣстный запасъ новыхъ идей и знаній, содѣйствовало въ немъ пробужденію сознательности, стремленію къ осмысливанію жизни, самостоятельному умственному творчеству. И у насъ на Руси появилась извѣстная интеллигенція со вкусами къ высшимъ вопросамъ жизни и съ попытками къ самостоятельнымъ ихъ рѣшеніямъ. Первый митрополитъ изъ русскихъ Илларіонъ, какъ было уже сказано, написалъ сочиненіе «О законѣ и благодати», представляющее первый русскій трудъ по догматическому богословію. Вопросы христіанской нравственности особенно заняли вниманіе русскихъ книжныхъ людей и вызвали написаніе цѣлаго ряда поучительныхъ словъ, напр. Кирилла Туровскаго, Луки Жидяты, преп. Ѳеодосія Печерскаго, наконецъ, извѣстное поученіе Владимира Мономаха. Такъ же, какъ и греки, и русскіе книжники разсматриваемаго времени стали составлять съ нравоучительными цѣлями житія русскихъ святыхъ. Кромѣ произведеній упомянутаго уже монаха Іакова, здѣсь нужно назвать: «Чтеніе о житіи и погубленію блаженную страстотерпцу Бориса и Глѣба» препод. Нестора лѣтописца, «Житіе Ѳеодосія Печерскаго» его же, «Сказаніе о св. Леонтіи Ростовскомъ и обрѣтеніи его мощей» и, наконецъ, два собранія повѣстей о печерскихъ угодникахъ, составленныя епископомъ владимирскимъ и суздальскимъ Симономъ и монахомъ Печерскаго монастыря Поликарпомъ и образовавшія такъ называемый Печерскій Патерикъ.—Изложеніе всемірной исторіи въ такъ называемыхъ хронографахъ или «временникахъ» вызвало и у насъ на Руси же-

ланіе написать «Повѣсть временныхъ лѣтъ, откуду пошла есть Русская земля, кто въ Кіевѣ первѣе нача княжити, и откуду Руская земля стала есть». Эта повѣсть появилась въ Кіевѣ. Но одновременно съ нею стали вестись лѣтописныя повѣствованія въ Новгородѣ. Въ XII вѣкѣ и первой половинѣ XIII уже въ разныхъ областяхъ Русской земли: Кіевской, Волынской, Суздальской, Галицкой и др. велись лѣтописныя записи и составлялись своды, которые во главу угла ставили такъ называемую начальную лѣтопись, доведенную до 1110 года игуменомъ Выдубецкаго монастыря Сильвестромъ. Эта начальная лѣтопись является чисто искусственнымъ, ученымъ произведеніемъ. Составитель воспользовался для ея написанія не только погодными записями событій, но и разнообразными свѣдѣніями изъ греческихъ хронографовъ, внесъ въ нее нѣкоторыя отдѣльныя повѣсти и сказанія, напр., похвалу князю Владиміру и сказаніе о убіеніи Бориса и Глѣба монаха Іакова, сказаніе объ основаніи Печерскаго монастыря и первыхъ печерскихъ подвижникахъ и др.; воспользовался даже нѣкоторыми оффиціальными документами, въ родѣ договоровъ Олега и Игоря съ греками; въ лѣтописи можно замѣтить и разныя народныя преданія и былины въ пересказѣ. Весь этотъ матеріалъ, разнородный по содержанію и духу, составитель постарался связать извѣстною общею идеею, такъ или иначе объяснить ходъ событій. Но это объясненіе далеко отъ того, которое мы называемъ прагматическимъ и которое выводится изъ естественнаго хода вещей. Такого вывода ни составитель начальнаго свода, ни его продолжатель не дѣлали. Для нихъ Русская земля строится Промысломъ Божіимъ, молитвами ея угодниковъ и добродѣтелями живущихъ русскихъ людей. Поэтому и въ своемъ повѣствованіи, развертывая картину прошлаго русской земли, составители лѣтописныхъ сводовъ имѣли главною цѣлью своею дать не простое удовлетвореніе любознательности, а житейское поученіе. Всѣ удачи, всѣ успѣхи русскихъ людей находятъ объясненіе въ ихъ личныхъ добродѣтеляхъ—христіанскомъ благочестіи, смиреніи, братской любви, нищелюбіи, расположеніи къ иноческому или духовному чину. Всѣ бѣды, всѣ напасти посылаются Богомъ для вразумленія людей, для наказанія и исправленія: «Богъ бо казнитъ рабы своя напастьми различными, огнемъ и водою, и ратью и иными различными казньми: хрестьянину бо многими напастьми внити въ царство небесное». Богъ не сразу наказываетъ людей, а посылаетъ иногда предупрежденія въ видѣ разныхъ знаменій. Это чисто религіозное объясненіе исторіи составляло отличительную черту и тѣхъ историческихъ произведеній, которыя перешли къ намъ въ переводахъ изъ Греціи, и которыя до извѣстной степени послужили для нашихъ книжниковъ образцами. Но вмѣстѣ съ этимъ такое объясненіе гармонировало вполнѣ съ общимъ міросозерцаніемъ русскихъ людей, недавнихъ христіанъ, незадолго передъ тѣмъ язычниковъ, которые всю свою жизнь ставили въ зависимость отъ внѣшнихъ таинственныхъ существъ, распространенныхъ вокругъ нихъ въ природѣ.

Подражаніе греческимъ образцамъ проявилось и въ составленіи жизненныхъ руководствъ чисто практическаго характера. Въ кормчихъ книгахъ послѣ церковныхъ правилъ и законовъ греческихъ царей стали помѣщаться церковные уставы Владимира св. и Ярослава. Въ настоящее время можно считать уже доказаннымъ въ наукѣ, что эти уставы не подлинныя узаконенія князей Владимира и Ярослава, а литературныя попытки кодифицировать дѣйствовавшее на Руси церковное право, при чемъ за исходные пункты взяты были законы Владимира и Ярослава. Такими же попытками являются и обѣ редакціи «Русской Правды», краткая и полная. Мнѣніе, что обѣ эти редакціи являются памятниками оффиціальнаго законодательства, въ настоящее время уже оставлено въ исторической наукѣ. Анализъ содержанія Русской Правды въ обѣихъ редакціяхъ показалъ, что мы имѣемъ дѣло съ памятникомъ, содержащимъ въ себѣ не законы въ ихъ обычной формулировкѣ, а изложеніе, пересказъ законовъ и юридическихъ обычаевъ, дѣйствовавшихъ въ XI и XII вв., съ историческими комментаріями о времени и даже поводахъ установленія той или другой юридической нормы. Вотъ, напр., образчики такихъ комментаріевъ: «А въ княжи тивунѣ 80 гривенъ; а конюхъ старый у стада 80 гривенъ, яко уставилъ Изяславъ въ своемъ конюхѣ, его же убили Дорогобудьцы». Или: «По Ярославѣ же паки совкупившеся сынове его: Изяславъ, Святославъ, Всеволодъ и мужи ихъ: Коснячко, Перепѣгъ, Никифоръ и отложиша убіеніе за голову, но кунами ся выкупати; а ино все, яко же Ярославъ судилъ, такоже и сынове его уставиша». «А се покони были вирныи при Ярославѣ»... «Володимѣръ Всеволодичь, по Святополцѣ, созва дружину свою на Берестовѣмь (слѣдуетъ перечень дружины) и уставили до третьяго рѣза, оже емлеть въ треть куны» и т. д. Противъ оффиціальнаго происхожденія Русской Правды говоритъ не только описательно-повѣствовательная форма многихъ ея статей, но и различныя неясности, недомолвки и противорѣчія, содержащіяся въ памятникѣ и происшедшія отъ неопытности ея составителей, которые собирали разнородный и разновременный матеріалъ. Русская Правда въ краткой редакціи сохранилась въ Новгородской лѣтописи. Здѣсь послѣ описанія подъ 1016 годомъ войны Ярослава съ Святополкомъ, бѣгства и смерти послѣдняго, стоитъ слѣдующій разсказъ: «Ярославъ иде къ Кыеву, сѣде на столѣ отца своего Володимира, нача вои своя дѣлити: старостамъ по 10 гривенъ, а смердомъ по гривнѣ, и Новгородцемъ по десяти гривенъ всѣмь, и отпусти ихъ всѣхъ домовь, и давъ имъ *правду* и *уставъ* списавъ, глаголавъ тако: по сей *грамотѣ* ходите, якоже писахъ вамъ, тако же держите», а вслѣдъ за этимъ помѣщена Русская Правда краткой редакціи. Но очевидно, что Русская Правда вставлена сюда составителемъ лѣтописнаго свода, и притомъ не кстати, ибо въ ней содержатся законы не только Ярослава, но и его сыновей. Ясное дѣло, что этотъ памятникъ составился отдѣльно и независимо отъ лѣтописи. Полная редакція Русской Правды является большею частью въ составѣ кормчихъ

или юридическихъ сборниковъ, извѣстныхъ подъ именемъ «Мѣрила праведнаго». Здѣсь она представляетъ извѣстную параллель греческимъ законамъ Льва Исавра, Константина Копронима и Василія Македонянина. На основаніи нахожденія Русской Правды въ составѣ кормчихъ и «мѣрилъ праведныхъ» въ русской исторической наукѣ высказано мнѣніе, что этотъ юридическій сборникъ возникъ въ церковной средѣ и для потребностей церковнаго суда, которому приходилось судить мірянъ по нецерковнымъ дѣламъ. Таково мнѣніе В. О. Ключевскаго. Что составителями Русской Правды были духовныя лица, это едва ли можетъ подлежать сомнѣнію. Но едва ли можно признать, что Русская Правда составлена для практическихъ цѣлей именно церковнаго суда. Русская Правда говоритъ все время только о княжескомъ судѣ надъ людьми, которые не входили въ категорію церковныхъ людей, подробно перечисляетъ виры, продажи, судебные уроки, или пошлины, вознагражденіе потерпѣвшимъ и т. д. Если бы составители Правды имѣли въ виду практическія потребности церкви, это обстоятельство такъ или иначе должно было бы отразиться на самомъ содержаніи этого юридическаго сборника. Всѣ эти соображенія заставляютъ насъ отвергнуть прямыя практическія цѣли за составленіемъ Русской Правды. Это не кодексъ законовъ и обычнаго права въ собственномъ смыслѣ, а описаніе юридической практики, дѣйствовавшей въ то время на Руси, описаніе, вызванное теоретическимъ стремленіемъ русскихъ книжниковъ придать ходившимъ на Руси юридическимъ сборникамъ извѣстную полноту и законченность. Въ этихъ сборникахъ читатели находили церковные каноны и законы греческихъ царей. Но такъ какъ на Руси были свои церковныя правила и свои мірскіе законы и обычаи, то наши книжники и стали дополнять греческія статьи кормчихъ и «мѣрилъ праведныхъ» церковными уставами князей Владиміра и Ярослава и Русскою Правдою («А се Правда Росьская»). Русская Правда, такимъ образомъ, является скорѣе памятникомъ древнѣйшей юридической литературы, чѣмъ памятникомъ древнѣйшаго русскаго законодательства.

Христіанскіе идеалы, національное самосознаніе и дѣйствительность.— Литературное творчество, проявившееся въ столь разнообразныхъ формахъ, свидѣтельствуетъ о значительномъ подъемѣ духовной жизни въ Кіевской Руси разсматриваемаго времени. Обращаясь къ существу тѣхъ идей и воззрѣній, которыя даютъ себя выслѣдить по этому литературному творчеству, мы видимъ, съ одной стороны, отраженіе въ нихъ общехристіанскихъ представленій жизни, въ частности византійскихъ аскетическихъ идеаловъ, съ другой стороны—пробудившееся національное самосознаніе. Помыслами о русской землѣ, о ея благѣ наполнены и сказанія о русскихъ святыхъ, и повѣствованія лѣтописцевъ, и такія произведенія, какъ «Слово о полку Игоревѣ». Въ какой мѣрѣ эти новыя идеи и воззрѣнія опредѣляли жизнь русскаго общества, превращались въ дѣянія, въ поступки?—Можно сказать вообще, что это были только поставленные сознаніемъ русской интелли-

генціи того времени идеалы, къ которымъ стремились и приближались немногіе въ своей жизни. Лѣтописи съ особымъ сочувствіемъ отмѣчаютъ христіанскую доброту нѣкоторыхъ князей и частныхъ лицъ, ихъ богобоязненность, кротость, милосердіе къ ближнимъ. Но по всему видно, что это были выдающіеся люди, исключенія изъ общаго правила. Та же самая лѣтопись полна извѣстіями о жестокостяхъ, своекорыстіи, клятвопреступленіяхъ и другихъ порокахъ князей и ихъ дружинниковъ. Языческое господство страстей и животныхъ инстинктовъ въ изображеніи лѣтописи выступаетъ въ рѣзкихъ и сильныхъ чертахъ. Даже въ такой области, какъ богослуженіе, культъ, христіанскія воззрѣнія сплошь и рядомъ оставались безъ практическаго осуществленія. Съ одной стороны, лѣтопись сообщаетъ о благочестивыхъ князьяхъ и княгиняхъ, строившихъ монастыри, церкви, украшавшихъ ихъ сосудами и облаченіями и иконами; съ другой стороны, тогдашнія свидѣтельства говорятъ о полномъ равнодушіи русскихъ людей къ церкви. «На игрищахъ,—говоритъ одно изъ такихъ свидѣтельствъ—видимъ множество людей: какъ начнутъ бороться другъ съ другомъ, то сбѣгаются смотрѣть на дѣло, отъ дьявола замышленное, а церкви стоятъ пусты: въ часъ молитвы мало найдешь народу въ церкви». Выше приведено свидѣтельство нѣкоего «Христолюбца» о долгомъ переживаніи языческаго культа на Руси, о моленіяхъ въ рощахъ и на водѣ, о требахъ, которыя приносились языческимъ божествамъ и послѣ принятія христіанства. Христіанскія воззрѣнія оставались часто безъ дѣйствія и въ такихъ сферахъ жизни, какъ бракъ, семья. Лѣтописцы съ особою похвалою отзываются о такихъ князьяхъ, которые воздерживались отъ похоти, соблюдали чистоту тѣлесную. Видно, что эта добродѣтель была не частая среди князей. Княжескіе гаремы не прекратились съ принятіемъ крещенія Владиміромъ, наложницы были и у его преемниковъ, напр. у Святополка Изяславича, Юрія Долгорукаго и др. И среди высшихъ классовъ, и среди простонародья было не мало людей, имѣвшихъ по двѣ жены. Незаконныя связи съ рабынями были обычнымъ явленіемъ, и законодательству, какъ мы уже видѣли, пришлось позаботиться о «робьихъ дѣтяхъ», о робичичахъ. Простонародье особенно глухихъ селъ и деревушекъ не брало для брака и благословенія церковнаго, считая обрядъ вѣнчанія въ церкви установленнымъ только для князей и бояръ и довольствуясь языческимъ обрядомъ плесканія.—Основаніе семидесяти монастырей въ различныхъ областяхъ русской земли свидѣтельствуетъ объ извѣстныхъ успѣхахъ аскетическихъ воззрѣній въ русскомъ обществѣ. Патерикъ Печерскій и другія житія подвижниковъ-монаховъ свидѣтельствуютъ, что такъ или иначе люди шли въ монастырь для обузданія плоти, для борьбы со страстями. Но въ духовныхъ посланіяхъ XII в. на ряду съ этимъ встрѣчаемъ указанія, что въ монастыри шли люди и для покойной, сладкой жизни. Посланія укоряютъ монаховъ, которые милуютъ свое тѣло, часто мѣняютъ платье, подъ предлогомъ праздниковъ учреждаютъ особую трапезу съ пивомъ и долго сидятъ за нею,

ищутъ надъ старѣйшими взять свою волю, собираются вмѣстѣ не Бога ради, не для того, чтобы разсуждать о пользѣ, но для яростныхъ споровъ, для безстыдныхъ нападеній на эконома и келаря, устраиваютъ въ монастыряхъ пиры, на которые собираются мужчины и женщины и т. д.

Все это въ общей сложности убѣждаетъ, что общехристіанскія представленія и аскетическія идеи, вошедшія въ духовный оборотъ русскаго общества, были только извѣстными идеалами его верхняго слоя, его интеллигенціи, идеалами, которымъ далеко не соотвѣтствовала русская дѣйствительность того времени. То же самое приходится сказать и о національной идеѣ, которою проникнуты литературныя произведенія эпохи. Эта національная идея, одушевлявшая писателей, отдѣльныхъ князей въ родѣ «добраго страдальца за Русскую землю» Владимира Мономаха и его сына Мстислава, въ общемъ мало опредѣляла дѣянія какъ князей, такъ и мѣстныхъ обществъ. Въ жизни надъ этою идеею возвышались партикуляризмъ, своекорыстіе князей и мѣстныхъ обществъ. «Слово о полку Игоревѣ», одушевленное національною идеею, и представляетъ поэтическую элегію, выражающую скорбь отъ полнаго несоотвѣтствія тогдашней русской дѣйствительности съ національнымъ идеаломъ. Въ художественныхъ образахъ пѣвца «Слова о полку Игоревѣ» страдаетъ отъ этого несоотвѣтствія либо вся Русская земля, по которой тоска разлилася, либо Кіевъ, который «въстона тугою», либо великій князь Кіевскій, который роняетъ золотыя слова, со слезами смѣшанныя. Причина этой скорби все одна и та же: усобица князей парализовала успѣхи въ борьбѣ съ погаными; князья начали про малое «се великое» говорить, ковать сами на себя крамолу, а поганые со всѣхъ сторонъ стали приходить съ побѣдами на землю русскую, стали уже брать дань «по бѣлѣ отъ двора».

Пѣвецъ «Слова о полку Игоревѣ» оказался въ извѣстномъ смыслѣ пророкомъ. Высокое національное чувство, которымъ одушевлено было мыслящее общество Кіевской Руси, оказалось лишеннымъ жизненнаго фундамента въ видѣ надлежащей государственной организаціи, настроенія правителей и широкихъ общественныхъ круговъ, и потому не спасло Русь отъ новой побѣды поганыхъ, которые не въ воображеніи уже поэта, а въ дѣйствительности обложили всѣхъ русскихъ людей данью, и не съ двора, а съ каждой головы.

Пособія:

Д. И. Иловайскій, Исторія Россіи, т. I. Изд. 2. Москва 1906.

Е. Е. Голубинскій, Исторія русской церкви, т. I, половины 1-я и 2-я. Москва 1901, 1904. Изд. 2-е.

Н. Д. Полонская, Историко-Культурный атласъ по русской исторіи, вып. 1. Кіевъ 1913.

И. И. Толстой и *Н. П. Кондаковъ*, Русскія древности въ памятникахъ искусства, вып. V—VI.

И. Грабарь, Исторія русскаго искусства, т. I.

XIII.

Татарское нашествіе и окончательное распаденіе Руси; установленіе удѣльнаго порядка въ связи съ экономическою и соціальною эволюціею.

Батыевъ погромъ.—Въ четвертомъ десятилѣтіи XIII вѣка Русь постигла большая бѣда, горшая прежнихъ бѣдъ, обрушивавшихся на нее, татарскій погромъ и послѣдовавшее за нимъ утвержденіе татарскаго ига.

Орда, нахлынувшая къ намъ подъ предводительствомъ одного изъ монгольскихъ хановъ—Бату, или Батыя, была довольно сложнаго состава. Она, какъ снѣжный комъ, прикатилась къ намъ изъ глубины Азіи, подобравъ на своемъ пути разныя, но преимущественно турецко-татарскія племена. Она вступила въ приволжскія лѣвобережныя степи въ 1236 году и прежде всего разгромила и покорила *Камскую Болгарію*. Зимою 1237 года, когда стала Волга, татары переправились на правую сторону ея и подошли къ предѣламъ Рязанской земли. Рязанскіе князья, вышедшіе навстрѣчу татаръ къ Воронежу, увидали безполезность сопротивленія имъ въ открытомъ бою и поспѣшили отступить и укрыться за укрѣпленіями. Вслѣдъ за ними татарскія полчища нахлынули въ Рязанскую землю и, по своему обыкновенію, охвативъ ее широкою облавою, принялись разорять и жечь селенія, плѣнить, грабить и избивать жителей. Укрѣпленія не спасали жителей, ибо татары привезли съ собою стѣнобитныя машины и другія приспособленія для взятія городовъ. По словамъ лѣтописи, они всю землю избили, не пощадили даже грудныхъ младенцевъ. Многіе города и селенія Рязанской земли были совершенно стерты съ лица земли, и память о нихъ сохранилась только по ихъ именамъ, переданнымъ лѣтописью. За Рязанскою землею наступила очередь Суздальской земли. Татары взяли и разорили здѣсь Москву, стольный городъ Владимиръ и Суздаль; въ то же время отдѣльные отряды, облавою охватывая землю, взяли Ярославль и поплѣнили Поволжье до Галича Мерскаго; въ теченіе февраля 1238 г. было взято до 14 городовъ, кромѣ многихъ «слободъ и погостовъ». 4 марта 1338 года татары разгромили на Сити великаго князя Суздальскаго Юрія Всеволодовича и вступили затѣмъ въ предѣлы Новгородской земли. Наступавшая весенняя распутица помѣшала татарамъ производить дальнѣйшія опустошенія въ этомъ направленіи. Батый повернулъ на югъ и вступилъ въ область вятичей, гдѣ разорилъ Козельскъ, отчаянно защищавшійся. Отсюда онъ двинулся въ землю Половецкую.

Плано-Карпини, проѣзжавшій черезъ Половецкую землю въ 1246 г., разсказываетъ, что половцы частью истреблены были татарами, частью обращены въ рабство и частью бѣжали изъ отечества. Этихъ бѣглецовъ мы встрѣчаемъ потомъ, по нашимъ лѣтописямъ, на службѣ у кн. Даніила

Романовича, который пользовался ими, какъ легкимъ войскомъ въ своихъ походахъ на литву и ятвяговъ. Они поселены были въ разныхъ мѣстахъ его княжества и должны были съ теченіемъ времени перейти отъ кочевого быта къ осѣдлому. Часть половцевъ поспѣшила спастись на Балканскій полуостровъ. По разсказу *Георгія Акрополита*, половцы съ женами и дѣтьми на шкурахъ, наполненныхъ сѣномъ, переправились черезъ Дунай, прорвались черезъ Болгарію въ Македонію и страшно ее опустошили. *Никифоръ Грегора* сообщаетъ, что половцевъ въ Македоніи было не менѣе 10 т. Императоръ Іоаннъ послалъ имъ богатые дары, включилъ ихъ въ составъ арміи и роздалъ имъ земли для поселенія во Ѳракіи, Македоніи и М. Азіи. Знаменитый ханъ Котянъ, тесть Даніила Романовича Галицкаго, не долго продержался въ степяхъ съ прибытіемъ татаръ. Онъ выпросился на жительство съ 40 тысячами половцевъ у Венгерскаго короля Белы IV подъ условіемъ принятія христіанства. Половцамъ были отведены земли между Дунаемъ и Тиссою, гдѣ они долгое время держались особнякомъ отъ мѣстнаго населенія. Часть половцевъ попала даже въ Египетъ. Византійскій историкъ *Георгій Пахимеръ* (описывающій время отъ 1261 по 1308 г.) сообщаетъ, что султанъ египетскій заключилъ договоръ съ императоромъ, въ силу котораго египетскіе корабли могли свободно ѣздить въ Меотиду скупать рабовъ, ибо,—говоритъ Пахимеръ, «султанъ, происходя изъ половцевъ, старался собирать около себя свое племя». Повидимому, половцы попали въ Египетъ въ качествѣ рабовъ, которыхъ распродавали татары. Часть бѣжавшихъ отъ татаръ половцевъ, по словамъ Плано-Карпини, вернулась назадъ на свои кочевья и, очевидно, слилась тамъ съ татарами. Такимъ образомъ и половцевъ постигла въ концѣ концовъ та же участь, что и ихъ предшественниковъ—печенѣговъ и торковъ: они были частью истреблены, частью схлынули на западъ, частью слились съ пришельцами.

Лѣтомъ 1338 года Батый послалъ отрядъ въ Приднѣпровье. Татары «взяли копьемъ и избили весь Переяславль». Затѣмъ они обступили «въ силѣ тяжцѣ» Черниговъ, взяли и сожгли его, истребивъ защищавшее его войско. Зимою 1239 года Батый послалъ отрядъ на сѣверъ, чтобы покончить покореніе Мордовской земли. Отсюда татары проникли въ Муромскую область и сожгли Муромъ, а затѣмъ воевали по Волгѣ и Клязьмѣ. Это новое нашествіе, по словамъ лѣтописи, произвело «пополохъ» во всей Суздальской землѣ. Уцѣлѣвшіе отъ прежняго погрома жители бросали свои дома и бѣжали, куда глаза глядятъ; преимущественно спасались въ лѣса. На слѣдующую зиму 1240 года самъ Батый направился въ Приднѣпровье. Татары взяли Кіевъ, избили его защитниковъ и до такой степени разорили городъ, что проѣзжавшій шесть лѣтъ спустя монахъ Плано-Карпини насчиталъ въ Кіевѣ не болѣе 200 домовъ. Отъ Кіева Батый направился на Владиміръ Волынскій и по дорогѣ взялъ нѣсколько городовъ на Случи и Горыни; взявъ Владиміръ и не оставивъ въ немъ ни одного живого человѣка, Батый направился на Галичь и разорилъ также и этотъ городъ. Нѣтъ никакого

сомнѣнія, что этотъ опустошительный потокъ отдѣлялъ отъ себя рукава въ видѣ отдѣльныхъ загоновъ. Лѣтопись прямо говоритъ, что Батый, кромѣ вышеупомянутыхъ городовъ, разорилъ и «иныи грады многы, имъ же нѣсть числа». Народу погибло при этомъ множество. Францисканецъ Плано-Карпини, котораго папа Евгеній IV отправилъ къ татарамъ проповѣдывать христіанство, въ описаніи своего путешествія отмѣчаетъ, что въ степи лежало множество череповъ и человѣческихъ костей. По его увѣренію, большая часть руссовъ были перебиты или взяты въ плѣнъ. Сказаніе объ убіеніи въ ордѣ кн. Михаила Черниговскаго, составленное по всѣмъ признакамъ немного спустя послѣ его смерти современникомъ и очевидцемъ татарскаго погрома, говоритъ, что жители, затворившіеся въ городахъ, были перебиты; «а иніи же крыяхуся въ горахъ и пещерахъ, и въ пропастехъ, и въ лѣсѣхъ—мало отъ тѣхъ остася».—Въ подтвержденье этому и лѣтопись разсказываетъ, что Даніилъ и Василько, возвращаясь изъ Венгріи послѣ погрома и подойдя къ Берестью, «не возмогоста ити въ поле, смрада ради множества избіеныхъ: не бѣ бо на Володимѣрѣ не осталъ живый, церковь святой Богородици исполнена трупья, иные церкви наполнены быша трупія и телесъ мертвыхъ» (Ипатьев.). Возвращаясь изъ Венгріи Батый снова опустошилъ Волынь и Галицію.

Татары заняли своими кочевьями всѣ Половецкія или Кипчакскія степи, отчего и стали называться *Кипчакскою ордою*. На окраинахъ южной Руси расположилось нѣсколько отдѣльныхъ ордъ подъ начальствомъ особыхъ темниковъ, которые охраняли Кипчакъ и наблюдали за покорностью завоеванной стороны. Степи таврическія и азовскія Батый отдалъ одному изъ своихъ родственниковъ, а самъ и сынъ его Сартакъ съ главною ордою стали кочевать въ степяхъ поволжскихъ и подонскихъ. Ставка, или орда ханская, отъ своихъ золотыхъ украшеній называлась «Золотою ордою»; это названіе распространилось и на все царство Батыя. Первоначально ханъ не имѣлъ опредѣленнаго мѣстопребыванія, а впослѣдствіи его резиденція—Сарай основалась на р. Ахтубѣ.

Какія же послѣдствія для внутренней жизни Руси вытекли изъ этой внѣшней катастрофы, разразившейся надъ нею?

Окончательное разъединеніе сѣверо-восточной и юго-западной Руси.—Мы видѣли, что подъ вліяніемъ княжескихъ усобицъ и половецкихъ набѣговъ къ концу XII вѣка произошло новое размѣщеніе русскаго населенія. Это населеніе разбилось географически, отхлынувъ изъ Приднѣпровья, гдѣ оно прежде главнымъ образомъ сосредоточивалось, и уйдя либо въ Суздальскую землю, либо въ Галицко-Волынскую и отчасти въ Смоленскую.—Татары еще болѣе усилили это географическое разобщеніе русскаго населенія. Послѣ Батыева погрома Кіево-Черниговское Приднѣпровье уже стало почти пустынею. Кіевъ, такъ прельщавшій прежде князей, пришелъ въ полное пренебреженіе. Александръ Невскій, которому ханъ пожаловалъ Кіевъ въ 1249 г., не поѣхалъ туда и не послалъ даже

намѣстника. Очевидно, не стоило хлопотъ. Даніилъ Романовичъ собирался было занять Кіевъ, но и онъ въ концѣ концовъ отступился отъ своего намѣренія. Во второй половинѣ XIII в. въ Кіевѣ совершенно не было русскихъ князей, и имъ управляли татарскіе баскаки, пока въ началѣ XIV в. ханъ не отдалъ Кіева путивльскимъ Ольговичамъ. На полное разореніе Кіевщины указываетъ и переселеніе митрополитовъ изъ Кіева во Владиміръ Залѣсскій. «Около 1300 г.—разсказываетъ лѣтописецъ,—митрополитъ Максимъ, не стерпя татарскаго насилія, переселился во Владиміръ со всѣмъ житьемъ. Тогда же,—замѣчаетъ при этомъ лѣтописецъ,—и Кіевъ весь разбѣжался». Подобная же участь постигла и города Черниговъ и Переяславль Южный, которые въ X—XI вѣкахъ въ іерархіи русскихъ городовъ занимали второе и третье мѣсто. Черниговъ утратилъ значеніе старшаго стола въ Чернигово-Сѣверской землѣ. Это значеніе перешло къ Брянску на верхней Деснѣ; въ Переяславлѣ же южномъ совершенно и навсегда прекратилось княженье: очевидно, уже не надъ кѣмъ было и княжить.

Но куда же дѣвалось изъ Приднѣпровья населеніе? Огромное количество его было, какъ уже сказано, перебито и уведено татарами въ плѣнъ, но далеко не все. Часть населенія спаслась, какъ о томъ свидѣтельствуетъ лѣтопись и сказаніе о мученической кончинѣ въ ордѣ черниговскаго князя Михаила и боярина его Ѳедора. Населеніе бѣжало въ сосѣдніе лѣса и горы. Такіе густые непролазные лѣса, настоящія дебри, были на верхней Деснѣ и Окѣ, въ области вятичей. Туда и отхлынула часть населенія изъ Приднѣпровья во время погрома. Этимъ и объясняется тотъ фактъ, что здѣшній городъ *Дъбрянскъ* сдѣлался главнымъ городомъ Чернигово-Сѣверской земли послѣ погрома. Этимъ же объясняется и возникновеніе въ этой области цѣлаго ряда новыхъ княженій во второй половинѣ XIII и началѣ XIV в., каковы: Новосильское, Карачевское и Тарусское, которыя потомъ выдѣлили изъ себя княжества Одоевское, Воротынское, Бѣлевское, Козельское, Мосальское, Перемышльское, Звенигородское, Болховское, Оболенское и Волхонское. Съ правобережнаго Приднѣпровья населеніе отхлынуло на западъ въ Карпатскія горы. Князь Даніилъ Романовичъ, возвращаясь изъ Венгріи, остановившись ночевать въ Синеводскомъ монастырѣ, на разсвѣтѣ увидалъ «множество бѣжащихъ отъ безбожныхъ татаръ». На иммиграціи населенія въ Галицко-Волынскую землю основана была и вся реставраціонная дѣятельность кн. Даніила Романовича. Послѣ ухода татаръ Даніилъ, какъ извѣстно, сталъ строить въ своей землѣ новые города и возобновлять старые. Очевидно, къ нему приливало населеніе, которому онъ и старался обезпечить безопасность. Въ концѣ концовъ народу у него набралось такъ много, что Даніилъ возмечталъ низвергнуть иго татаръ. Эти мечты едва ли были только плодомъ пылкой фантазіи южно-русскаго князя, а вѣроятно порождены были и сознаніемъ своей силы, своего значенія, что въ свою очередь можно объяснить не чѣмъ инымъ, какъ приливомъ населенія въ Галицкую и Волынскую земли.

Въ XIV в. Галицко-Волынская земля называлась уже Малою Русью, очевидно въ отличіе отъ Великой, лежавшей на сѣверо-востокѣ. Юрій II, послѣдній Галицкій князь, въ одной грамотѣ 1335 года называетъ себя dux totuis Russie Minoris. Изъ грамоты прямо видно, что это названіе относилось къ землямъ Галицкой и Волынской. Названіе μικρὰ Ῥωσία встрѣчается и въ грамотахъ Константинопольской патріархіи XIV в. Появленіе этого названія служитъ характернымъ указаніемъ на то, что юго-западная Русь къ тому времени сосредоточилась именно въ Галицкой и Волынской земляхъ, что здѣсь она нашла свои политическіе, религіозные и культурные центры.

Ко времени этого сосредоточенія надо относить и окончательное образованіе *малорусской народности*, которая съ теченіемъ времени покрыла племенное разнообразіе населенія въ юго-западной Руси. Основнымъ элементомъ этой народности сдѣлались тѣ племена, которыя наиболѣе уцѣлѣли въ юго-западной Руси послѣ татарскаго погрома. Какія же это были племена? По соображенію съ сообщеніями начальной лѣтописи и позднѣйшими данными можемъ остановить наше предположеніе главнымъ образомъ на волынянахъ и карпатской руси (бѣлыхъ хорватахъ). Эти племена поглотили въ себѣ части другихъ племенъ, сбитыхъ кочевниками на западъ, прежде всего уличей и тиверцевъ, затѣмъ древлянъ и полянъ, быть можетъ и часть сѣверянъ, ассимилировали ихъ и претворили въ единую народность. Навстрѣчу этимъ историческимъ соображеніямъ какъ разъ идутъ и соображенія тѣхъ филологовъ, которые усматриваютъ особенности малорусской рѣчи впервые въ памятникахъ, писанныхъ въ Галицкой Руси. Итакъ, по отношенію къ этнографической эволюціи, совершавшейся на юго-западѣ Руси, татары явились только завершителями дѣла своихъ предшественниковъ—печенѣговъ и половцевъ.

Ослабленіе западной и юго-западной Руси.—Процессъ распада Руси не ограничился только окончательнымъ разъединеніемъ сѣверо-восточной и юго-западной Руси. Татарское нашествіе разрушительнымъ образомъ повліяло и на ту группировку западно-русскихъ областей, которая установилась было въ началѣ XIII в., какъ бы предвѣщая собою образованіе государствъ Бѣлорусскаго и Малорусскаго. Татарскій погромъ разстроилъ прежде всего ту группу, въ составъ которой входили земли Смоленская, Полоцкая и Кіевская. Кіевская земля, совершенно разоренная татарами, отошла отъ Смоленска сначала подъ власть суздальскаго князя, затѣмъ подъ непосредственную власть татаръ, а затѣмъ подъ власть путивльскихъ Ѳльговичей (въ началѣ XIV в.). Всѣ связи Кіевщины съ Смоленскомъ прекратились: ни одинъ изъ смоленскихъ князей послѣ татарскаго погрома уже не сидѣлъ ни въ Кіевѣ, ни въ кіевскихъ пригородахъ. Такимъ образомъ, татарское разоренье не только прямо, но и косвенно ослабило Смоленскую землю, лишивъ ее той помощи, которую прежде доставляла ей Кіевская земля. Это обстоятельство не замедлило отразиться на отно-

шеніяхъ Смоленска къ Витебску и Полоцку. Обезсилѣвшіе смоленскіе князья уже не въ состояніи были сохранить свое вліяніе въ Витебскѣ и Полоцкѣ. Витебскъ и Полоцкъ примкнули къ новой политической силѣ, которая выдвинулась на западѣ во второй половинѣ XIII в., къ Литвѣ. Полочане приняли къ себѣ на главный столъ Товтивила, одного изъ племянниковъ великаго князя литовскаго Миндовга, а витебскій князь призналъ себя вассаломъ Миндовга. Такъ, земли, входившія прежде въ составъ Смоленской политической системы, потянули въ разныя стороны и вся эта система разрушилась.

Такая же участь постигла въ концѣ концовъ и Галицко-Волынскую группу.—Галицко-Волынская земля послѣ Батыева погрома значительно оправилась было отъ разоренія благодаря реставраціонной дѣятельности Даніила Романовича. Могущественный галицкій князь держалъ въ послушаніи у себя не только своихъ родичей, но и князей пинскихъ и имѣлъ рѣшительный перевѣсъ надъ Литвою. Этотъ перевѣсъ едва было не привелъ къ подчиненію Литвы: на великомъ княженьѣ въ Литвѣ одно время сидѣлъ сынъ Даніила Шварно. Такимъ образомъ, Галицко-Волынская политическая группа готовилась было превратиться въ обширное западно-русское государство. Но этому въ концѣ концовъ не суждено было статься.—По смерти Даніила Галицко-Волынскую землю постигъ новый татарскій погромъ, который нанесъ такой ударъ ея могуществу, отъ котораго она уже не могла оправиться. Въ 1283 г. ханъ Телебуга предпринялъ походъ на Польшу. Татарскія полчища наводнили Галицко-Волынскую землю и починили въ ней страшныя опустошенія. Главныя силы татаръ схлынули въ Польшу, но часть осталась кормить лошадей на Волыни. Эти татары, по разсказу лѣтописи, учинили пусту всю землю Владимирскую. Безчисленное множество народа сбѣжавшагося во Владимиръ, перемерло отъ «остою»; а кто выѣзжалъ за городъ «въ зажитье», того татары либо убивали, либо забирали въ плѣнъ. Подобное же произошло и въ Галицкой землѣ, гдѣ Телебуга гостилъ двѣ недѣли на обратномъ пути изъ Польши. Князь Левъ Даниловичъ по уходѣ татаръ не досчитался 12½ тысячъ человѣкъ въ одномъ своемъ удѣлѣ. Погромъ сильно ослабилъ Галицко-Волынскую землю, и она уже не могла сохранить своего перевѣса надъ Литвою. Въ началѣ XIV в. литовскіе князья отняли у галицко-волынскихъ князей Берестейскую землю, а вслѣдъ за этимъ заняли Пинскую область, гдѣ сидѣли прежде подручники галицко-волынскихъ князей. Наконецъ, литовскій князь Любартъ, женившись на дочери владимирскаго князя, утвердился на Волыни и оторвалъ ее отъ союза съ Галицкою землею. Лишившись всѣхъ своихъ союзныхъ земель, а въ концѣ концовъ и династіи, Галицкая земля не могла уже держаться самостоятельно. Въ 1349 году послѣ борьбы съ литовскими князьями ее занялъ польскій король Казимиръ Великій и уже надолго и накрѣпко связалъ ее съ Польшею.—Такъ распалась юго-западная группа, начавшая было превращаться въ особое Малорусское

государство (последніе князья галицкіе, какъ выше было указано, называли себя королями Галиціи, Лодомеріи и всея Малыя Руси).

Новый, удѣльный порядокъ княжескаго владѣнія. — Дальнѣйшій внутренній распадъ Руси происходилъ уже въ связи съ установленіемъ новаго, удѣльнаго порядка княжескаго владѣнія, которое совершилось не безъ вліянія новыхъ условій жизни, созданныхъ татарскимъ нашествіемъ.

Тенденція къ установленію такого порядка проявилась, какъ мы видѣли, еще до татаръ и стояла въ связи частью съ размноженіемъ княжескаго рода, распаденіемъ его на отдѣльныя вѣтви, частью съ развитіемъ княжескаго сельскаго хозяйства. Но полной осѣдлости князей все-таки не возникало до самаго татарскаго нашествія. Татарское нашествіе ускорило процессъ осѣданія князей. Послѣ погрома князьямъ пришлось самимъ возстановлять свои волости, созывать населеніе, отводить ему земли, опредѣлять подати и повинности, открывать новые источники доходовъ. Другими словами—князьямъ пришлось быть не только правителями обществъ, но и ихъ создателями, организаторами народнаго труда, хозяевами. Но при такихъ условіяхъ князья естественно должны были дорожить своими волостями, не покидать ихъ до конца жизни и передавать дѣтямъ. Затѣмъ: въ виду грозной силы и власти хана князья стали инстинктивно держаться того, чѣмъ уже владѣли, такъ какъ всякіе расчеты на новыя волости стали невѣрны: все зависѣло тутъ отъ воли и расположенія хана, часто непостояннаго и капризнаго. Это настроеніе князей ясно выразилъ кн. Левъ Даниловичъ галицкій, котораго двоюродный братъ, Владиміръ Васильевичъ, уговаривалъ въ бытность въ ордѣ не искать подъ его преемникомъ княженія Волынскаго. «Чего мнѣ подъ нимъ искать послѣ твоей смерти,—говорилъ Левъ Даниловичъ;—всѣ мы подъ Богомъ ходимъ; помоги Богъ и своимъ управиться въ такое время». Сами татары въ состояніи были, конечно, понимать прочное княжеское владѣніе, а не смѣну князей, ибо постоянное княжеское владѣніе было для нихъ удобнѣе, покойнѣе, давало имъ возможность легче осуществлять свои требованія къ Руси, чѣмъ подвижное, смѣнное владѣніе. При такихъ обстоятельствахъ мало-по-малу затихло и, наконецъ, прекратилось совершенно передвиженіе князей со стола на столъ, а затѣмъ появилась и *идея удѣла*, воззрѣніе на территорію княжества со всѣмъ несвободнымъ населеніемъ, какъ на собственность того или другого князя, которую онъ можетъ передавать по наслѣдству и отчуждать въ чужія руки. Старина сохранилась только въ отношеніи къ главнымъ городамъ областей, которые вмѣстѣ съ нѣкоторою властью надъ младшими родичами стали передаваться ханомъ въ извѣстной очереди. Но старшинство и главный городъ стали даваться ханомъ и добываться князьями уже только въ придачу къ коренному владѣнію, удѣлу.

Такъ татары ускорили установленіе удѣльнаго порядка на Руси. Въ исторической литературѣ эта роль татаръ не отмѣчена и не оцѣнена по достоинству. Наши историки-юристы—Кавелинъ и Соловьевъ выводили

удѣльный порядокъ изъ естественнаго развитія княжескихъ отношеній при размноженіи рода. Съ размноженіемъ рода ослабѣваютъ родственныя связи, и общинное владѣніе естественно рушится, замѣняясь семейнымъ, частнымъ. Такъ объяснялъ дѣло Кавелинъ. Соловьевъ прибавилъ къ этому еще содѣйствіе новыхъ городовъ, возникшихъ въ Суздальской Руси благодаря стараніямъ князей и поддерживавшихъ князей въ ихъ борьбѣ съ родовыми преданіями. Историки-экономисты, какъ напр., В. О. Ключевскій, главнымъ факторомъ, породившимъ удѣльный порядокъ, считаютъ экономическую эволюцію, происшедшую въ Суздальской Руси, тотъ перевѣсъ, который получило тамъ земледѣліе, при чемъ князьямъ пришлось стать организаторами народнаго труда. Въ этихъ объясненіяхъ правильно отмѣчены производящія причины. На нашъ взглядъ, къ этимъ внутреннимъ причинамъ надо присоединить и вліяніе могучаго внѣшняго фактора, который ускорялъ и усиливалъ дѣйствіе внутреннихъ причинъ, обострялъ процессъ и вмѣстѣ съ тѣмъ обобщалъ его, дѣлалъ его не мѣстнымъ только суздальскимъ, но *общерусскимъ*. Не касаясь западной и юго-западной Руси, которая въ теченіи дальнѣйшей своей исторической жизни отбилась отъ главнаго русла, остановимъ наше вниманіе на Руси сѣверо-восточной и попытаемся выяснить себѣ тѣ экономическія и соціальныя условія, которыя создались здѣсь съ прибытіемъ татаръ, и которыя въ свою очередь вліяли на укладъ политической жизни страны.

Экономическая жизнь сѣверо-восточной Руси съ прибытіемъ татаръ.— Нашествіе татаръ произвело страшное хозяйственное потрясеніе страны. Погромы 1237—1240 лишили множество русскихъ людей всего состоянія, которое было или сожжено, или разграблено татарами. Внутреннія области сѣверо-восточной Руси подвергались такому же разоренію и позже, въ послѣдней четверти XIII вѣка, во время усобицы между сыновьями Александра Невскаго, и въ первой четверти XIV в., во время борьбы Москвы съ Тверью. Опустошенія окраинныхъ областей совершались чуть ли не ежегодно. Татары, такимъ образомъ, истребляли, уничтожали народный капиталъ и тѣмъ обрекали на прозябаніе народное хозяйство, которое принуждено было ограничиваться почти исключительно добываніемъ насущнаго пропитанія населенію и денегъ на уплату дани и пошлинъ русскимъ князьямъ и татарскому хану. Татары препятствовали накопленію народнаго капитала и развитію матеріальнаго благосостоянія населенія и другими способами. Съ прибытіемъ ихъ на русское населеніе легла новая дань. Въ 1257 году зимою, разсказываетъ лѣтопись, пріѣхали татарскіе численники и «исщетоша всю землю Суздальскую, и Рязаньскую, и Мюромьскую...толико не чтоша игуменовъ, черньцовъ, поповъ и крилошанъ, кто зрить на св. Богородицю и на владыку». Въ томъ же году пріѣзжали татарскіе послы и въ Новгородъ и просили десятины и тамги, но новгородцы не поддались, дали царю дары и отпустили пословъ съ миромъ. Но въ 1259 году и новгородцы вынуждены были уступить «и яшася по число: и почаша

ѣздити окаанніи по улицамъ, пишуче домы хрестьяньскыя». Въ 1275 году «бысть на Руси и въ Новѣгородѣ число второе изо Орды отъ царя и изочтоша вся, точію кромѣ священниковъ, и иноковъ и всего церковнаго причта». Сначала татары сами собирали дань, посылая особыхъ данщиковъ или отдавая эту дань на откупъ ханскимъ намѣстникамъ на Руси—баскакамъ и бесерменскимъ (восточнымъ) купцамъ. Обирательство этихъ лицъ вызвало цѣлый рядъ возстаній въ Ростовѣ, Суздалѣ и Ярославлѣ, послѣ чего ханы стали уже поручать сборъ дани русскимъ князьямъ, которые и отвозили ее въ орду. Дань эта стала называться *выходомъ*, и это слово какъ нельзя лучше характеризуетъ ея значеніе. Дань эта была дѣйствительно выходомъ, ежегоднымъ изъятіемъ изъ народнаго обращенія значительной части капитала, успѣвавшаго за это время накопляться въ странѣ. Деньги уходили совсѣмъ изъ страны, не оставались въ ней, какъ княжеская дань, не приводили эквивалентныя цѣнности изъ-за границы на Русь, какъ княжескія закупки у иноземныхъ народовъ. Татары брали дань не натурою, какъ князья, а серебромъ, для чего обязали русскихъ князей чеканить серебряныя «деньги» съ ханскимъ штемпелемъ, или тамгою. Благодаря этому серебро стало очень рѣдко на Руси, перестало играть прежнюю роль, какъ орудіе внутренняго обмѣна; внутренніе расчеты стали производиться натурою, и все вообще хозяйство регрессировало въ обратномъ направленіи, отъ денежнаго къ натуральному.

Татары не только лишали русское населеніе средствъ производства и обмѣна, но и надолго сократили самое поле приложенія народнаго труда. Пока они владычествовали на Руси, кочуя по черноземнымъ степямъ, русское населеніе поневолѣ должно было сосредоточить свою экономическую дѣятельность въ сѣверной лѣсной области Е. Россіи и усиленно эксплуатировать здѣшніе только дары природы. Эти дары по всѣмъ даннымъ не были такъ обильны и такъ щедры, какъ въ лѣсо-степной переходной полосѣ и даже степной. Какъ и въ Кіевской Руси, населеніе занималось рыболовствомъ, бортничествомъ, охотою. Рыболовство, по всѣмъ признакамъ, получило даже бо́льшее значеніе, чѣмъ въ Кіевской Руси. Акты полны извѣстіями о рыбныхъ озерахъ, рѣкахъ, тоняхъ и язахъ въ Тверской землѣ, Ярославскомъ княжествѣ, Костромскомъ, Нижегородскомъ, Московскомъ и Рязанской землѣ, а также и на сѣверѣ—въ Бѣлозерскѣ, Вологдѣ, Устюгѣ Великомъ и т. д. Но бортничество по климатическимъ условіямъ было, конечно, менѣе развито, чѣмъ въ западной и юго-западной Руси. Въ междурѣчьи Волги и Оки и бассейнѣ Оки акты констатируютъ существованіе бортей и бортниковъ, но не упоминаютъ объ ихъ существованіи въ областяхъ Бѣлозерской, Вологодской и Устюжской. Видно, что и охотничьи промыслы были менѣе значительны, чѣмъ въ Кіевской Руси. На сѣверѣ акты констатируютъ добываніе соболей и бѣлокъ, существованіе путиковъ, перевѣсищъ, тетеревиныхъ ловель. Одно житіе (св. Кассіана Учемскаго) свидѣтельствуетъ, что въ лѣсахъ

около Углича даже въ концѣ XV и нач. XVI в. «біяху звѣри много, лоси и елени и зубри же и буйволы и лисицы и серны, волцы же и медвѣди». Но южнѣе по актамъ не встрѣчаемъ уже такого разнообразія животнаго міра. Въ междурѣчьи Волги и Оки акты упоминаютъ только о бобровыхъ гонахъ и перевѣсахъ для ловли птицъ. Общее впечатлѣніе, выносимое изъ всѣхъ источниковъ удѣльной эпохи, таково, что эксплуатація животныхъ богатствъ въ это время уже не имѣла того значенія, какое принадлежало ей въ Кіевской Руси.

Главенствующее значеніе въ экономической жизни получила теперь та отрасль хозяйства, которая въ кіевскій періодъ выдвинулась только въ XII вѣкѣ, а именно земледѣліе. И климатическія, и почвенныя условія сѣверо-восточной Руси были неизмѣримо хуже таковыхъ же условій Приднѣпровской, юго-западной Руси. Но русскому населенію, сбившемуся въ Суздальской землѣ, не было выбора, и потому оно поневолѣ стало усиленно культивировать землю. Поэтому и по актамъ удѣльной эпохи приходится имѣть дѣло больше съ пахарями, земледѣльцами, чѣмъ съ звѣроловами, рыболовами и бортниками. Разумѣется, при неблагопріятныхъ климатическихъ и почвенныхъ условіяхъ земледѣліе не щедро оплачивало трудъ земледѣльца, и потому въ общемъ экономическая жизнь сѣверо-восточной Руси еле теплилась. Люди добывали себѣ съ величайшими усиліями скудное пропитаніе и средства для уплаты государственныхъ налоговъ. При такихъ условіяхъ еле влачила свое существованіе торговля, особенно внутренняя. Внѣшній сбытъ такъ или иначе совершался. Для него работала охотничья промышленность и бортничество. Внѣшній сбытъ былъ необходимъ для полученія серебра на уплату татарской дани. Русскіе купцы не только торговали съ нѣмцами, но ѣздили даже въ Сурожъ, въ Крымъ, плавали въ Грецію, ѣздили въ орду, сбывая мѣха, воскъ, рыбу, покупая оружіе, соль, ткани, вина, а главное—драгоцѣнные металлы. Но внутренняго обмѣна произведеніями почти не было, точнѣе—онъ былъ чрезвычайно слабый. На торгахъ или торжкахъ продавались и покупались нѣкоторыя несложныя произведенія домашней, кустарной промышленности, въ родѣ желѣзныхъ орудій, кожевенныхъ издѣлій, нѣкоторыхъ съѣстныхъ припасовъ и т. п. Внутренняя торговля достигла нѣкоторыхъ успѣховъ только къ концу удѣльной эпохи, въ XV вѣкѣ, когда Русь вообще оправилась нѣсколько отъ татарскихъ разореній, когда замѣтно сталъ накопляться народный капиталъ, появилось въ обращеніи гораздо болѣе денегъ, чѣмъ прежде. Въ источникахъ того времени можно уже найти немало указаній на пребываніе купцовъ въ томъ или другомъ княжествѣ изъ другихъ земель. Договоры, заключавшіеся тверскими и рязанскими князьями съ московскими, также предусматривали взаимныя торговыя сношенія и ограждали интересы купцовъ, ѣздившихъ торговать въ чужія княжества.

Итакъ, татарскіе погромы и татарское иго надолго и совершенно искус-

ственно задержали экономическое развитіе Руси. Къ народному организму сѣверо-восточной Руси присосался огромный паразитъ, который высасывалъ его соки, хронически истощалъ его жизненныя силы, а по временамъ производилъ въ немъ большія потрясенія. Татары въ данномъ случаѣ явились продолжателями дѣла печенѣговъ и половцевъ, съ тою разницею, что ихъ разрушительное вліяніе было болѣе сильнымъ и послѣдовательнымъ.

Обѣднѣніе населенія вслѣдствіе разоренія, причиняемаго татарами, и платежа татарскихъ даней и пошлинъ, заставило князей того времени съ еще большимъ рвеніемъ приняться за сельское хозяйство и промыслы для добыванія средствъ къ жизни, чѣмъ это было въ дотатарскую эпоху. За невозможностью жить на дани и пошлины съ населенія князья стали все болѣе и болѣе превращаться въ сельскихъ хозяевъ-землевладѣльцевъ, все болѣе увеличивать свои села. Навстрѣчу этому стремленію пошло большое предложеніе рабочихъ рукъ со стороны земледѣльческой массы.

Образованіе класса перехожихъ крестьянъ и дальнѣйшее развитіе княжескаго землевладѣнія и хозяйства.—Въ своемъ мѣстѣ было указано, что уже въ дотатарскую эпоху появились у насъ земледѣльцы, воздѣлывавшіе чужую землю изъ платы по найму, которую они нерѣдко получали впередъ, наймиты и ролейные закупы. Въ наймиты шли тѣ земледѣльцы, которые не могли вести собственнаго хозяйства или могли вести его только съ помощью заработковъ у другихъ хозяевъ. Татарское нашествіе еще дальше подвинуло соціальную эволюцію въ этомъ направленіи, содѣйствовало образованію класса безземельныхъ земледѣльцевъ, съемщиковъ и воздѣлывателей чужой земли. Эти перехожіе земледѣльцы стали называться *крестьянами*—въ отличіе, очевидно, отъ поганыхъ, т.-е. татаръ. Классъ этотъ незамѣтный до нашествія татаръ какъ-то вдругъ появился въ огромномъ количествѣ послѣ прибытія татаръ. И это вполнѣ понятно. Татарскіе погромы XIII и начала XIV в. должны были уничтожить огромное количество самостоятельныхъ земледѣльческихъ хозяйствъ, лишили многихъ земледѣльцевъ ихъ крова, скота, хлѣба и земледѣльческихъ орудій. Вслѣдствіе этого многіе земледѣльцы, спасшіеся отъ смерти или полона, не могли уже вернуться на покинутыя пепелища и обзавестись на нихъ вновь самостоятельнымъ хозяйствомъ: для этого у нихъ нехватало нужнаго капитала. Поневолѣ имъ пришлось подсаживаться на землю къ тѣмъ, у кого имѣлось хоть какое-либо обзаведеніе и хозяйственныя средства. Часть ихъ садилась къ зажиточнымъ людямъ изъ своей же братьи во дворы въ качествѣ *подворниковъ и подсусѣдковъ* и кормилась около нихъ, помогая имъ въ хозяйствѣ и получая за это извѣстную долю урожая. Другая часть шла къ князьямъ, боярамъ и духовенству и садилась на ихъ земли, въ ихъ села и деревни, получая отъ нихъ необходимое для заведенія хозяйства вспомоществованіе деньгами и натурою. За пользованіе землею и угодьями такіе крестьяне пахали на своихъ государей, косили, жали, рубили лѣсъ, дрова, строили хоромы и разныя хозяйственныя постройки и т. д. Кре-

стьяне получали отъ владѣльцевъ участки земли не на вѣчность, а во временное владѣніе, до тѣхъ поръ, пока крестьяне находили для себя удобнымъ оставаться на этихъ участкахъ, а землевладѣльцы находили для себя выгоднымъ держать ихъ. «Урочные» годы устанавливались только для отработки получаемой *подмоги*. Но крестьянинъ могъ уйти и раньше, заплативъ эту подмогу. Съ теченіемъ времени въ чисто хозяйственныхъ интересахъ установился извѣстный срокъ въ году для выхода и отказа крестьянъ—Юрьевъ день. Такимъ образомъ, мы имѣемъ передъ собою арендаторовъ владѣльческихъ земель, уплачивавшихъ аренду своимъ трудомъ, а названіе такихъ крестьянъ *изорниками* въ Псковской землѣ указываетъ на главный только, но не исключительный родъ труда, которымъ оплачивалась аренда,—пахоту (орати). Нѣкоторые землевладѣльцы предпочитали брать арендную плату съ крестьянъ не трудомъ, а сельскохозяйственными продуктами. Крестьяне снимали у нихъ землю исполу или изъ трети и потому и назывались либо *половниками*, либо *третниками*. Умноженіе числа крестьянъ, которые не въ состояніи были безъ посторонней помощи завести хозяйство, и давало возможность князьямъ, какъ и другимъ зажиточнымъ землевладѣльцамъ, все болѣе и болѣе расширять эксплуатацію своихъ земель и угодій. Съ другой стороны, съ установленіемъ татарской дани князья стали не добирать своей, и потому старались возмѣстить недоборъ наложеніемъ на податное населеніе недѣльныхъ повинностей по своему хозяйству. Поэтому даже и земледѣльцы, удержавшіе свои собственныя земли и самостоятельныя хозяйства, такъ называемые *черные люди*, стали работать на дворецъ, хотя не такъ много, какъ крестьяне-арендаторы. Усилить денежныя повинности ихъ не было возможности. Съ разстройствомъ внѣшней торговли, съ ежегоднымъ отливомъ денегъ въ орду народное хозяйство сдѣлало крупные шаги назадъ по сравненію съ хозяйствомъ кіевскаго періода. Деньги почти что исчезли изъ народнаго оборота, хозяйство стало чисто натуральнымъ, и земледѣльцу приходилось расплачиваться съ княземъ преимущественно своимъ трудомъ и натуральными продуктами этого труда. При такихъ условіяхъ князю ничего не оставалось дѣлать, какъ только расширять по возможности свою запашку, и эксплуатацію своихъ угодій. Княжеское владѣніе въ силу всего этого все болѣе и болѣе пріобрѣтало характеръ частной вотчины, крупнаго землевладѣльческаго хозяйства. Но разъ уже создалась такая тенденція, она должна была въ свою очередь вліять въ своемъ направленіи на положеніе народной массы. Сдѣлавшійся хозяиномъ князь естественно сталъ стремиться превратить все подвластное ему земледѣльческое населеніе въ своихъ работниковъ. Такъ какъ и у черныхъ крестьянъ не было настоящаго права собственности на землю, которая считалась государственною, княжескою, то князья и стали превращать черныхъ крестьянъ въ дворцовыхъ, т.-е. приравнивать ихъ къ тѣмъ, которые сѣли въ княжескія села въ качествѣ съемщиковъ-арендаторовъ. Эти съемщики-арен-

даторы, заживаясь подолгу на арендованной землѣ, съ теченіемъ времени становились такими же наслѣдственными пользователями ея, какъ и черные крестьяне. Вся разница между черными волостями и дворцовыми княжескими селами съ теченіемъ времени оказалась только въ повинностяхъ. Черные люди остались государственными тяглецами преимущественно, не будучи избавлены и отъ повинностей хозяйственныхъ на князя; дворцовые крестьяне работали преимущественно на дворецъ, не будучи избавлены и отъ государственныхъ повинностей.

Но разъ создался такой порядокъ вещей, разъ основою матеріальнаго благосостоянія князей стало владѣніе селами и деревнями, непосредственная эксплуатація земли и угодій, собственное хозяйство, князья должны были неизбѣжно прикрѣпляться къ своимъ владѣніямъ, прежнія ихъ временныя надѣлки превращаться въ постоянные, наслѣдственные удѣлы.

Развитіе боярскаго землевладѣнія.—Тѣ же самыя причины, которыя создавали осѣдлость князей и удѣльный порядокъ княжескаго владѣнія, обусловили и дальнѣйшее развитіе боярскаго и церковнаго землевладѣнія и хозяйства, что въ свою очередь должно было способствовать установленію удѣльнаго порядка.

Мы видѣли, что уже въ XII вѣкѣ княжескіе дружинники перестали удовлетворяться княжескимъ жалованьемъ и доходами отъ управленія и стали заводить свои села, сажая въ нихъ челядь, рабовъ. Князья XIII и XIV вѣковъ, обѣднѣвшіе отъ татарскихъ погромовъ и даней, а также и отъ удѣльнаго дробленія, еще менѣе, чѣмъ ихъ предшественники XII в., могли удовлетворять своихъ дружинниковъ жалованьемъ и доходами. Жалованье изъ казны князья совсѣмъ даже перестали выдавать своимъ боярамъ и слугамъ, а кормленья на должностяхъ могли предоставлять только скудныя. Эти кормленья могли быть только подспорьемъ, а не главнымъ источникомъ содержанія. Главный источникъ пришлось отыскивать самимъ дружинникамъ, и онъ былъ найденъ въ той же землѣ. Бояре и слуги князей позаняли множество пустопорожнихъ земель и принялись подобно князьямъ хозяйничать на этихъ земляхъ, благо что теперь были готовы и рабочія для нихъ руки въ лицѣ крестьянъ, потерявшихъ собственныя хозяйства. Князья легко допустили освоеніе земель боярами и слугами и съ теченіемъ времени стали даже жаловать ихъ землями, ибо земли въ то время сами по себѣ, при рѣдкости населенія, почти что не имѣли никакой цѣнности, а населенныя при посредствѣ владѣльцевъ, онѣ начинали давать и князю доходъ. Поселенныя на нихъ владѣльцами крестьяне должны были платить князю дань, судебныя и другія пошлины, сами владѣльцы въ извѣстныхъ случаяхъ должны были оказывать военную помощь князю. Необходимо замѣтить, что въ разсматриваемое время только эти соображенія, а не какія-либо иныя заставляли князей содѣйствовать распространенію боярскаго землевладѣнія. Позже это землевладѣніе распространялось въ интересахъ службы. Но въ разсматриваемое время съ вла-

дѣніемъ землями не связывалось еще обязательной службы князю, во владѣніи котораго находились земли. Бояре и слуги, какъ и въ кіевскій періодъ служили, кому хотѣли, и князья въ своихъ договорахъ прямо гарантировали имъ право вольнаго перехода съ сохраненіемъ вотчинъ. «Боярамъ и слугамъ вольнымъ воля,—гласятъ эти договоры,—а села и домы имъ свои вѣдати, а намъ въ нихъ не вступатися».

Итакъ, бояре и вольные слуги въ удѣльное время окончательно сдѣлались землевладѣльцами и позаняли огромное количество земель. Они, какъ мы видѣли, не утратили и права свободнаго перехода, но едва ли уже пользовались имъ въ широкихъ размѣрахъ. Это право стало уже политическимъ анахронизмомъ, противорѣчившимъ ихъ экономическимъ интересамъ, которые привязывали ихъ къ мѣсту нахожденія имѣній. Поэтому, перебирая фамиліи бояръ, дѣйствовавшихъ въ томъ или другомъ княжествѣ, мы по большей части встрѣчаемся съ однѣми и тѣми же фамиліями. Осѣдлость боярскаго класса въ удѣльное время можно считать фактомъ, не подлежащимъ сомнѣнію, отъѣзды были сравнительно рѣдкимъ явленіемъ. Но осѣдлый классъ дружинниковъ естественно привязывалъ къ мѣсту и своего вождя, около котораго онъ группировался, котораго охранялъ и поддерживалъ, и которому помогалъ въ правительственной дѣятельности.

Развитіе церковнаго землевладѣнія.—Не менѣе бояръ освоили и пріобрѣли себѣ земель и церковныя учрежденія, епископскія каѳедры, соборныя церкви и въ особенности монастыри. Мы знаемъ, что и до нашествія татаръ князья стали надѣлять церкви имѣньями вмѣсто десятины. Послѣ татарскаго погрома этотъ способъ матеріальнаго обезпеченія духовенства сталъ уже преобладающимъ, господствующимъ. Князья стали жаловать духовенству преимущественно земли пустыя или же населенныя, а не готовые доходы, которыхъ было очень мало у самихъ князей. Такъ называемая *руга*, заступившая мѣсто прежней десятины, отошла теперь на задній планъ, стала жаловаться князьями изрѣдка и въ небольшихъ размѣрахъ въ видѣ нѣкоторой подмоги бѣднымъ церквамъ. Черному и бѣлому духовенству пришлось теперь содержать себя главнымъ образомъ собственнымъ сельскимъ хозяйствомъ, собственною предпріимчивостью и трудомъ. Это былъ желѣзный законъ, которому при всеобщемъ обѣднѣніи и разореніи должны были одинаково подчиниться и князья, и бояре, и духовенство. Татары такъ много брали съ Руси ея средствъ, что уже никому внутри страны не давали возможности жить на готовомъ, безъ труда и хозяйственныхъ заботъ. При такихъ условіяхъ монастыри и другія церковныя учрежденія принялись занимать земли и для крѣпости выпрашивать на нихъ подтвержденья князей или же прямо выпрашивать земли. Князья охотно предоставляли церкви занимать пустопорожнія земли, которыя не приносили для нихъ дохода, а иногда изъ усердія жаловали и населенныя земли. Количество церковныхъ земель такимъ путемъ

страшно выросло, такъ что, когда кончилась удѣльная эпоха, въ рукахъ духовенства оказалось около $^1/_3$ всѣхъ земель, находившихся подъ культурою. Объ этомъ говорилъ царь Иванъ Васильевичъ Грозный на соборѣ 1551 года. Монастыри и вообще церковныя учрежденія еще болѣе, чѣмъ княжескіе дружинники, имѣли возможность развивать сельское хозяйство. Прежде всего въ ихъ рукахъ долженъ былъ скопляться больше, чѣмъ въ рукахъ княжескихъ дружинниковъ, потребный для того капиталъ. Татарскіе ханы предоставили русскому духовенству податныя льготы, и то, что уходило изъ рукъ дружинниковъ къ татарамъ, то оставалась въ рукахъ духовенства. Средства его какъ-никакъ пополнялись притокомъ благочестивыхъ вкладовъ и пожертвованій; и, наконецъ, монастыри отличались большимъ скопидомствомъ, большею бережливостью, чѣмъ свѣтскіе владѣльцы. Поэтому и обѣднѣвшіе земледѣльцы легче всего могли устроиться хозяйствомъ на земляхъ монастырскихъ и вообще церковныхъ, легче всего могли раздобыться здѣсь подмогою и ссудою. Но самое главное, что должно было привлекать бродячее крестьянское населеніе на земли церковныя—это разнообразныя *льготы*, дававшіяся здѣсь крестьянамъ.

Иммунитеты церковныхъ и боярскихъ имѣній; сближеніе ихъ съ княжествами.—Устраивая хозяйство на занятой землѣ, монастыри и другія церковныя учрежденія прежде всего выхлопатывали у князей льготы отъ податей и повинностей для крестьянъ, которые сядутъ на нови, на 3, 5, 10 и болѣе лѣтъ. Князья по религіознымъ, а частью экономическимъ побужденіямъ, въ виду будущихъ выгодъ отъ заселенія страны, давали просимыя льготы. Дѣло не ограничивалось этимъ. Поселившіеся на церковныхъ земляхъ крестьяне попадали въ разрядъ людей церковныхъ и потому освобождались отъ суда княжескихъ чиновниковъ иногда совсѣмъ, а большею частью за исключеніемъ важнѣйшихъ уголовныхъ дѣлъ о душегубствѣ, разбоѣ и татьбѣ съ поличнымъ. Вмѣстѣ съ этимъ они получали и другія льготы. Поэтому и въ жалованныхъ грамотахъ сплошь и рядомъ встрѣчаемъ такія выраженія: «А намѣстницы мои и волостели и ихъ тіуны не въѣзжаютъ къ ихъ людямъ ни по что, ни судятъ ихъ, а тѣхъ людей вѣдаетъ и судитъ игуменъ NN самъ»; или: «который судъ будетъ межи монастырскихъ людей, судитъ ихъ и дворянъ даетъ монастырскій тивунъ одинъ, нашимъ судьямъ не надобно ни по что». Княжескіе судьи вступаются лишь тогда, когда одна изъ тяжущихся сторонъ подлежитъ ихъ юрисдикціи, и тогда по общему правилу устраивается *вопчій* или *смѣсный* судъ судей княжескихъ и монастырскихъ. Кромѣ того, какъ сказано, княжескіе судьи выступаютъ иногда на сцену, когда дѣло идетъ о разбоѣ, душегубствѣ и татьбѣ съ поличнымъ, но далеко не всегда. Монастырскіе и церковные люди сплошь и рядомъ освобождались отъ всѣхъ податей и повинностей въ пользу князя. «Тѣмъ людемъ,—читаемъ мы въ княжескихъ жалованныхъ грамотахъ,—ненадобѣ моя дань, ни писчая бѣлка, ни ямъ, ни подвода, ни мытъ, ни тамга, ни иная которая пошлина». Правда, что эти по-

дати и повинности не слагались совсѣмъ съ крестьянъ: крестьяне должны были нести ихъ въ пользу владѣльца. Но во всякомъ случаѣ они должны были оставаться при этомъ въ выигрышѣ. Въ интересахъ владѣльцевъ было уменьшать эти подати и повинности по сравненію съ княжескими, чтобы привлекать и удерживать крестьянъ, а главное—крестьяне освобождались отъ обременительныхъ въѣздовъ княжескихъ чиновниковъ, отъ корма и подарковъ имъ, отъ подводъ и т. д. Эта льгота сама по себѣ была столь значительною, что иногда составляла предметъ пожалованья.

Церковные крестьяне не освобождались отъ платежа даней князю, но эту дань предоставлялось собирать владѣльцамъ и вносить ее въ княжескую казну въ видѣ ежегоднаго оброка: «Дастъ игуменъ оброку въ мою казну на всякой годъ три рубля, а опричь того оброку, ненадобѣ имъ никоторая дань... ни пошлина». Или: «а привозятъ то серебро сами, да отдаютъ моему казначею, а даньщики мои въ тѣ ихъ слободки и деревни къ нимъ не въѣзжаютъ, ни дани съ нихъ не емлютъ, ни писецъ ихъ мой не пишетъ». Княжескіе чиновники въѣзжали въ села и деревни и по другимъ надобностямъ, не только за данью. И отъ этихъ въѣздовъ обыкновенно освобождаются церковные крестьяне: «У тѣхъ людей монастырскихъ мои князи и бояре и дѣти боярскіе и всякіе ѣздоки не ставятся никто, ни корма, ни подводъ, ни проводниковъ не емлютъ».

Благодаря всѣмъ этимъ льготамъ и преимуществамъ крестьяне особенно охотно осѣдали въ монастырскихъ и церковныхъ имѣніяхъ, что въ свою очередь побуждало монастыри и церковныя власти всячески расширять свое землевладѣніе, развивать свое хозяйство. Это сдѣлалось, можно сказать, главнымъ интересомъ церковниковъ, какъ о томъ свидѣтельствовали въ началѣ XVI в. преп. Нилъ Сорскій, Максимъ Грекъ и др. ревнители благочестія, недовольные господствующимъ направленіемъ въ жизни монашества и бѣлаго духовенства.

Результатомъ этого было подчиненіе огромной части земледѣльческаго населенія монастырямъ и другимъ церковнымъ учрежденіямъ и не только въ хозяйственномъ, но и въ политическомъ отношеніяхъ. Монастырскія и церковныя вотчины сдѣлались маленькими государствами, владѣтели которыхъ обладали правомъ суда и податного обложенія надъ своими подданными. Если княжества по преобладанію въ нихъ хозяйственныхъ интересовъ и дѣятельности близко подошли къ частнымъ имѣніямъ, вотчинамъ, то и эти послѣднія въ свою очередь сдѣлали шаги навстрѣчу княжествамъ и превратились въ маленькія государства.

И это справедливо не только относительно церковныхъ, но и относительно боярскихъ вотчинъ. До послѣдняго времени въ нашей литературѣ господствовало мнѣніе, что боярскія вотчины не пользовались у насъ тѣми же иммунитетами, какими пользовались церковныя имѣнья, или, точнѣе сказать, пользовались очень рѣдко. Это мнѣніе основывалось просто на томъ, что мало было извѣстно льготныхъ грамотъ, выданныхъ боярамъ. Сергѣе-

вичъ въ своихъ «Юридическихъ древностяхъ» насчиталъ ихъ всего 19. Но затѣмъ г. *Юшковъ* открылъ въ Архивѣ Министерства Юстиціи болѣе полсотни грамотъ, несудимыхъ и льготныхъ, выданныхъ въ удѣльное время и въ первой половинѣ XVI в. свѣтскимъ вотчинникамъ и сохранившихся большею частью въ спискахъ XVII в. Нѣтъ основанія думать, что найденнымъ въ настоящее время количествомъ исчерпывается вся ихъ наличность. Русскіе князья XIII—XV вв. смотрѣли на свои права, главнымъ образомъ какъ на доходныя статьи, и потому считали себя въ правѣ распоряжаться ими, какъ своимъ частнымъ достояніемъ, отчуждать ихъ въ частныя руки и т. д. Политическія права, которыя князья предоставляли владѣльцамъ, сплошь и рядомъ были оплатою ихъ службы, подобно тому, какъ иммунитеты духовенству были оплатою его богомолья.

Таковы были соціальные результаты, выяснившіеся въ удѣльную эпоху въ связи съ тогдашнимъ экономическимъ регрессомъ, на который немалое вліяніе оказало татарское нашествіе и владычество. Произошло паденіе землевладѣнія и самостоятельнаго хозяйства значительнаго количества земледѣльцевъ; развилось въ большихъ размѣрахъ княжеское, боярское и церковное землевладѣніе и хозяйство, которое стало вестись главнымъ образомъ при помощи крестьянъ-арендаторовъ. Эти крестьяне-арендаторы попали не только въ экономическую, но и въ юридическую зависимость отъ своихъ землевладѣльцевъ, которымъ они во многихъ случаяхъ стали подсудны и подвластны. Холопство перестало играть роль главной основы частнаго землевладѣнія и хозяйства, хотя оно и продолжало развиваться. Источники его остались тѣ же самые, что и въ предшествующую эпоху. Но оно теперь расчленилось, раздѣлилось на нѣсколько разрядовъ. Прежніе обельные холопы получили названіе полныхъ. На ряду съ ними появились холопы *докладные*, продававшіеся на ключъ, т.-е. на услуженіе въ качествѣ сельскихъ приказчиковъ, ключниковъ и тіуновъ, и холопы *кабальные*, которые занимали деньги и обязывались кредитору служить «по вся дни» на его дворѣ по кабалѣ, т.-е. по заемному обязательству, за ростъ, а не въ погашеніе процентовъ. Вся эта хозяйственная обстановка, всѣ эти новыя условія сельскохозяйственной промышленности, заставляли князей, какъ и другихъ землевладѣльцевъ, устраиваться на постоянное житье въ мѣстности, быть домосѣдами и, сидя по своимъ дворцамъ, вести свое хозяйство, привлекать рабочій людъ и руководить его трудомъ.

Пособія:

Д. И. Багалѣя, Русская исторія, т. I. Москва. 1914.

Д. И. Иловайскаго, Исторія Россіи, т. I. Москва. 1906.

В. О. Ключевскаго, Боярская дума древней Руси, изданіе 4-е. Москва. 1909.

Н. П. Павлова-Сильванскаго, Иммунитетъ въ древней Руси (Ж. М. Н. Просв. 1901, декабрь).

М. А. Дьяконова, Очерки общественнаго и государственнаго строя древней Руси, изд. 4. С.-Пб. 1912.

В. И. Сергѣевича, Русскія юридическія древности, т. I. С.-Пб. 1890.

XIV.

Политическій строй сѣверо-восточной Руси въ удѣльную эпоху.

Прекращеніе дѣятельности городскихъ вѣчъ.—Татарское нашествіе со всѣми сопровождавшими его послѣдствіями ускорило и тотъ самый процессъ жизни, который приводилъ къ упадку значенія, а затѣмъ и къ окончательному прекращенію дѣятельности городскихъ вѣчъ въ сѣверо-восточной Руси.

Уже во второй половинѣ XII в., въ эпоху интенсивнаго заселенія края колонистами съ юга, князья сѣверо-восточной Руси обнаруживали тенденцію стать хозяевами страны, ея господами, какъ ея создатели и устроители. Припомнимъ, что уже Андрей Боголюбскій чинился самовластцемъ въ Суздальской землѣ и знать не хотѣлъ ни своихъ бояръ, ни народнаго вѣча. Андрей, какъ извѣстно, сталъ жертвою своей внутренней политики и погибъ отъ заговора недовольныхъ его самовластьемъ. Послѣ его смерти старые вѣчевые города—Ростовъ и Суздаль попытались было стать хозяевами въ странѣ, посадить князей по своей волѣ и на своей волѣ. Но имъ не удалось достигнуть этого, ибо у нихъ не оказалось прочныхъ, старинныхъ связей съ остальнымъ населеніемъ, прибывшимъ недавно, посаженнымъ на землю князьями-колонизаторами, и прежде всего съ пригородами Суздальской земли. Владимирцы отказались признать князей, выдвинутыхъ ростовцами и суздальцами. Въ происшедшей затѣмъ междоусобной борьбѣ старые вѣчевые города потерпѣли полное пораженіе. Въ Ростово-Суздальской землѣ такимъ образомъ уже до татаръ князь становился господиномъ положенія, а вѣче отходило на задній планъ. Самый составъ населенія въ Ростово-Суздальской землѣ долженъ былъ благопріятствовать усиленію князя на счетъ вѣча. Населеніе это состояло изъ обывателей мелкихъ селъ и деревушекъ, разбросанныхъ на огромныхъ разстояніяхъ. Скученныхъ, крупныхъ селеній, торгово промышленныхъ городовъ было мало, а потому и вѣча главныхъ городовъ не могли пріобрѣсти того засилья, которое они получили въ другихъ областяхъ Русской земли. Татары завершили эту политическую эволюцію сѣверо-восточной

Руси. Города во время ихъ нашествія подверглись страшному разоренію, обѣднѣли и обнищали. Вслѣдствіе упадка промысловъ и торговли они не могли долгое время и поправиться сколько-нибудь значительно. При такихъ условіяхъ и обывателямъ ихъ приходилось уже думать больше о насущномъ хлѣбѣ, о завтрашнемъ днѣ, а не о политикѣ. Съ утвержденіемъ татарскаго владычества надъ Русью назначеніе и смѣна князей стали зависѣть отъ воли хана. Поэтому сама собою пала и важнѣйшая функція вѣча—призваніе и изгнаніе князей. Если и собирались вѣча, то только въ экстренныхъ случаяхъ, и при томъ въ видѣ мятежа. «Избави Богъ,—пишетъ, напр., лѣтописецъ подъ 1262 годомъ,—отъ лютаго томленья басурманьскаго люди Ростовскія земля: вложи ярость въ сердца крестьяномъ, не терпяще насилья поганыхъ, изволиша вѣчь и выгнаша изъ городовъ, изъ Ростова, изъ Володимеря, изъ Суздаля, изъ Ярославля, окупахуть бо ти окаяньнии бесурмени дани» (Лаврент. лѣт.). Или подъ 1289 годомъ: «Князь Дмитрій Борисовичъ сѣде въ Ростовѣ, Умножи же ся тогда татаръ въ Ростовѣ, и гражане створше вѣче и изгнаша ихъ, а имѣніе ихъ разграбиша» (Воскрес. лѣт.) и т. д. Итакъ, изъ двухъ силъ, руководившихъ обществомъ въ Кіевской Руси, въ сѣверо-восточной удѣльной эпохи осталась одна—князь.

Зависимость князей отъ татарскаго хана; порядокъ княжескаго владѣнія.—Но эта политическая сила при всемъ томъ не сдѣлалась независимою. Въ 1243 году великій князь Ярославъ Всеволодовичъ отправился къ Батыю, который, по разсказу лѣтописи, принялъ его съ честью и сказалъ ему: «Ярославе! Буди ты старѣй всѣмъ княземъ въ русскомъ языцѣ». На слѣдующій годъ поѣхали и другіе князья къ Батыю «про свою отчину»: Батый же почтивъ я честью достойною и отпустивъ я, разсудивъ имъ, когождо въ свою отчину» (Лаврент. лѣт.). Тотъ же порядокъ продолжался и послѣ. Обыкновенно ханы утверждали какъ великимъ, такъ и мѣстнымъ княземъ того, кто имѣлъ на то право по родовымъ или отчиннымъ основаніямъ, дѣйствовавшимъ въ тогдашнемъ обычномъ княжескомъ правѣ. Вслѣдствіе этого на великомъ княженьѣ Владимирскомъ въ XIII вѣкѣ садились по очереди старшинства, князья: Ярославъ Всеволодовичъ, братъ его Святославъ, сынъ Александръ Ярославичъ Невскій, другой сынъ—Ярославъ Тверской и третій—Василій Костромской, затѣмъ старшій внукъ Димитрій Александровичъ, слѣдующій Андрей Александровичъ, затѣмъ Михаилъ Ярославичъ Тверской. Такимъ образомъ, въ преемствѣ старшаго великокняжескаго стола соблюдался приблизительно старый кіевскій обычай. Но въ замѣщеніи всѣхъ другихъ княжескихъ столовъ установился, какъ уже было указано въ свое время, новый, вотчинный порядокъ—переходъ отъ отцовъ къ сыновьямъ, а при неимѣніи таковыхъ, къ ближайшимъ родственникамъ. Такимъ образомъ, напр., въ Ростовѣ послѣ Константина Всеволодовича княжилъ его старшій сынъ Василько, которому наслѣдовалъ сынъ его Борисъ и т. д. Въ Рязани послѣ Ингваря Игоревича

княжилъ сынъ его Олегъ, затѣмъ внукъ Романъ Ольговичъ, правнукъ Өедоръ Романовичъ, у котораго не осталось потомства, почему въ Рязани сталъ княжить братъ его Константинъ Романовичъ и т. д. Ханы большею частью утверждали на княженьѣ того, кому оно слѣдовало по обычаю. Но при всемъ томъ ханскій суверенитетъ имѣлъ не формальное, а чисто реальное значеніе. Князья платили хану выходъ съ своихъ княжествъ и дары за ярлыки на княженіе. Поэтому въ XIV в. ханы стали давать великое княженіе Владимирское не тѣмъ князьямъ, которымъ оно слѣдовало по порядку старшинства, а тѣмъ, которые умѣли ихъ перепросить, дать имъ больше даровъ. Такимъ образомъ, напр., въ 1341 году вышелъ изъ Орды на великое княженіе шестнадцатилѣтній московскій князь Семенъ Ивановичъ, «и вси князи русскіи подъ руцѣ его даны, и сѣде на столѣ въ Володимери» (Воскрес. лѣт.). Въ 1359 году ханъ отдалъ ярлыкъ на великое княженіе малолѣтнему Димитрію Ивановичу Донскому, бояре котораго сумѣли перекупить этотъ ярлыкъ, выпрашивавшійся одновременно и княземъ Суздальскимъ Димитріемъ Константиновичемъ. Въ концѣ XIV вѣка у хана стали перекупаться ярлыки уже не только на великое княженіе Владимирское, но и на удѣлы. Такимъ образомъ, напр., Московскій князь Василій Дмитріевичъ перекупилъ ярлыкъ на княжество Нижегородское, который данъ былъ передъ тѣмъ отчичу, Борису Константиновичу. Въ данномъ случаѣ ханъ по отношенію къ князьямъ сталъ играть ту же самую роль, какую играли вѣча главныхъ городовъ въ Кіевской Руси, сажавшія князей сплошь и рядомъ безъ вниманія къ ихъ родовымъ счетамъ.

Власть великаго князя Владимирскаго до конца XIV вѣка.—Какія взаимныя отношенія установились при татарахъ между князьями сѣверо-восточной Руси? До конца XIV вѣка великіе князья Владимирскіе имѣли извѣстную власть надъ всѣми другими князьями, хотя ни содержаніе этой власти, ни ея размѣры не выступаютъ вполнѣ опредѣленно по источникамъ. Лѣтописи глухо говорятъ о томъ, что другіе князья были «подъ рукою» великихъ князей. Выше было приведено свидѣтельство лѣтописи о томъ, что великому князю Семену всѣ русскіе князья были «подъ руки» даны. О Димитріи Донскомъ пишется, что онъ «призва вся князи Русскіе земли, сущая подъ властію его» (Воскрес.). Подручничество князей даетъ себя выслѣдить въ фактахъ лишь въ томъ, что удѣльные князья во время обще-русскихъ походовъ становились подъ знамя великаго князя Владимирскаго. Великій князь Владимирскій, по всѣмъ признакамъ, былъ представителемъ всѣхъ русскихъ князей передъ ханомъ, былъ первоначально единственнымъ княземъ, который *зналъ* Орду, т.-е. ѣздилъ хлопотать передъ ханомъ за интересы русской земли, получалъ отъ него приказы и т. д. Всѣ эти особыя права и преимущества въ связи съ владѣніемъ Владимирскимъ округомъ и были причиною борьбы князей разныхъ линій за великое княженіе Владимирское.

Послѣдняя борьба за великое княженіе Владимирское произошла

при Димитріи Ивановичѣ Донскомъ. Въ 1367 году князь Димитрій Ивановичъ заложилъ въ Москвѣ каменный кремль и началъ всѣхъ князей приводить подъ свою волю, между прочимъ и князя Михаила Александровича Тверского. Михаилъ, не желая подчиняться, обратился за помощью къ зятю своему Ольгерду, великому князю Литовскому. Нѣсколько разъ литовскія войска вступали въ московскія владѣнія, подвергали ихъ опустошеніямъ. Великій князь Димитрій Ивановичъ пускалъ противъ нихъ не только полки князей московскихъ удѣловъ, но и рязанскіе Олега Ивановича, пронскіе кн. Владиміра Дмитріевича. Не успѣвъ въ своемъ дѣлѣ съ литовскою помощью, Михаилъ въ 1371 году отправился въ Орду и возвратился оттуда съ ярлыкомъ на великое княженіе Владимирское и ханскимъ посломъ Сарыхожею. Но Димитрій не пустилъ Михаила на великое княженіе, задарилъ Сарыхожу и затѣмъ самъ отправился въ Орду, задарилъ тамъ хана, ханшъ и всѣхъ князей и вновь получилъ ярлыкъ на великое княженіе. Михаилъ съ своей стороны вновь отправился въ Литву и возбудилъ Ольгерда противъ Москвы. Въ происшедшей затѣмъ борьбѣ великій князь Димитрій Ивановичъ водилъ съ собою на ратное поле тестя своего Димитрія Константиновича Суздальскаго съ двумя братьями его и сыномъ, двоюроднаго брата Владиміра Андреевича Серпуховскаго, троихъ князей Ростовскихъ, князя Смоленскаго, двоихъ князей Ярославскихъ, князя Бѣлозерскаго, Кашинскаго, Моложскаго, Стародубскаго, Брянскаго, Новосильскаго, Оболенскаго и Тарусскаго. Борьба кончилась тѣмъ, что Михаилъ Александровичъ призналъ себя «младшимъ братомъ» Димитрія, равнымъ Владимиру Андреевичу, обязался не искать подъ Димитріемъ великаго княженія Владимирскаго, садиться на коня и ѣхать на войну, когда самъ великій князь или братъ его Владимиръ Андреевичъ сядутъ на коня, или послать своихъ воеводъ, если они пошлютъ воеводъ; обязался сообща опредѣлять свои отношенія къ татарамъ, давать имъ дань или не давать, биться съ ними, если дѣло дойдетъ до войны, воевать вмѣстѣ противъ Литвы, жить съ Великимъ Новгородомъ и Торжкомъ по старинѣ.

Всѣ эти подробности борьбы за великое княженіе Владимирское, а равно и договоръ вел. кн. Димитрія Ивановича съ Михаиломъ Тверскимъ, обезпечивающій его послушаніе великому князю Владимирскому, показываютъ, въ чемъ состояла власть великаго князя Владимирскаго. Власть эта была военно-политическая. Мѣстные князья обязаны были выходить на войну по зову великаго князя, не вести никакой самостоятельной внѣшней политики. Значеніе великаго князя Владимирскаго выступаетъ затѣмъ довольно явственно и въ послѣдовавшей затѣмъ борьбѣ Димитрія Ивановича Донского съ татарами и Рязанью. Въ 1380 году Димитрій собралъ противъ Мамая огромную рать въ 150 тысячъ человѣкъ. Въ составъ этой рати вошли полки не только московскихъ удѣловъ, но и подручныхъ князей Ростовскихъ, Ярославскихъ, Бѣлозерскихъ; и Тверской князь присылалъ свои войска съ племянникомъ своимъ, Иваномъ Всеволодовичемъ Холмскимъ. Олегъ

Рязанскій, изъ страха передъ татарами не присоединившійся къ великому князю, послѣ Куликовскаго пораженія татаръ, долженъ былъ бѣжать въ Литву изъ боязни репрессій, и Димитрій Ивановичъ за ослушаніе Олега отнялъ было у него Рязань. Когда они помирились затѣмъ и заключили договоръ, Олегъ призналъ себя младшимъ братомъ Димитрія, равнымъ Владимиру Андреевичу, обязался быть заодно противъ Литвы, а съ Ордою находиться въ тѣхъ же отношеніяхъ, какъ и Московскій князь. Значитъ, Олегъ сталъ къ Димитрію Ивановичу Донскому въ такое же подчиненное положеніе, какъ и Михаилъ Тверской.—Для характеристики этого положенія можно привести нѣкоторыя данныя изъ договора съ Димитріемъ Ивановичемъ его двоюроднаго брата, Владимира Андреевича Серпуховского, къ которому приравнивались князья Олегъ и Михаилъ: «Тебѣ, брату моему младшему, князю Владиміру, держать подо мною княженье мое великое честно и грозно; тебѣ, брату моему младшему, служить безъ ослушанія» и т. д.

Эмансипація Рязани и Твери отъ подчиненія великому князю Московскому и Владимирскому.—Въ XV вѣкѣ князья Тверскіе и Рязанскіе эмансипировались отъ подчиненія великому князю Владимирскому. Великое княженіе Владимирское могло держаться грозно и честно лишь тогда, когда великіе князья были на Руси представителями хана, пользовались его авторитетомъ и военною помощью. Но къ половинѣ XIV вѣка Орда ослабѣла, и великій князь не только не получалъ оттуда поддержки, но уже находился въ частомъ конфликтѣ съ татарскими ханами, выступилъ въ роли вождя въ борьбѣ за освобожденіе отъ владычества татаръ. При такихъ условіяхъ онъ вынужденъ былъ договорами съ князьями закрѣплять свою власть и свой авторитетъ. Договоры бываютъ дѣйствительны лишь тогда, когда они могутъ быть во всякое время поддержаны силою. Но великій князь Московскій, хотя и присвоилъ себѣ великое княжество Владимирское, не былъ еще въ такомъ положеніи въ концѣ XIV и первой четверти XV вѣка. Его силы парализовались не только Ордою, которая по временамъ враждебно выступала противъ него, но и Литвою, которая во всякую минуту готова была поддерживать противъ него мѣстныхъ князей. При такихъ условіяхъ князья Рязанскіе и Тверскіе стали исподоволь занимать самостоятельное положеніе относительно великаго князя всея Руси. Въ договорѣ, заключенномъ съ великимъ княземъ Василіемъ Дмитріевичемъ въ 1402 году, Рязанскій князь Ѳедоръ Ольговичъ, хотя и призналъ себя младшимъ братомъ и обязался не приставать къ татарамъ, но при всемъ томъ выговорилъ себѣ право отправлять посла (киличея) съ подарками въ Орду, право принимать у себя татарскаго посла для добра христіанскаго съ честью, увѣдомляя только обо всемъ и о всѣхъ ордынскихъ вѣстяхъ великаго князя Василія. Еще знаменательнѣе договоръ, заключенный съ Василіемъ Дмитріевичемъ Тверскимъ княземъ Михаиломъ около 1398 г. Въ немъ Михаилъ уже не называется младшимъ братомъ, а просто братомъ

и даетъ обязательства, равнозначительныя съ обязательствами своего контрагента—быть за одинъ на татаръ, литву, нѣмцевъ и ляховъ. Это обоюстороннее обязательство развито въ договорѣ такимъ образомъ: если пойдетъ на Московскихъ князей самъ царь или рать татарская, или литва, или нѣмцы, или ляхи, и великій князь Московскій съ братьями сядутъ на коней, то Михаилъ пошлетъ двоихъ своихъ сыновей, да двоихъ братаничей оставивъ одного сына у себя; если же татары, литва или нѣмцы нападутъ на Тверское княжество, то Московскій князь обязанъ самъ садиться на коня и съ братьями. Великій князь, обязывая Тверского князя, его дѣтей и внучатъ не брать любви, т.-е. не входить въ договоры съ Витовтомъ и Литвою, въ то же время и самъ за себя и братьевъ обязался не заключать договоровъ безъ Тверского князя, его дѣтей и внучатъ. Тверскому князю предоставлялась полная свобода въ сношеніяхъ съ Ордою: «А къ Ордѣ ти, брате, и ко царю путь чистъ, и твоимъ дѣтямъ, и твоимъ внучатамъ, и вашимъ людямъ». Наступившая въ родѣ московскихъ князей усобица еще болѣе содѣйствовала освобожденію отъ подчиненія имъ князей тверскихъ и рязанскихъ, которые за это время тѣсно примыкали къ великому князю Литовскому.

Подчиненія великимъ князьямъ Московскому, Тверскому и Рязанскому удѣльныхъ князей.—Такимъ образомъ съ конца XIV и въ теченіе первой половины XV вѣка въ сѣверо-восточной Руси было уже не одно великое княженіе, а три—Московское, Тверское и Рязанское. Съ Московскимъ великимъ княженіемъ связано было неразрывно великое княженіе Владимирское, вслѣдствіе чего и Московскому великому князю подчинялись не только его родичи, но и князья другихъ удѣловъ, напр., Ростовскіе, Суздальскіе, Ярославскіе и др. Тверскому великому князю и Рязанскому подчинялись только ихъ родичи. Объ этомъ подчиненіи родичей старшему или великому князю свидѣтельствуютъ какъ договоры этихъ великихъ князей съ другими великими же князьями, такъ и договоры великихъ князей съ младшими родичами. Выше уже приведено обязательство великаго князя Тверского передъ Московскимъ, посылать на помощь своихъ сыновей и братаничей. Значитъ, младшіе удѣльные князья должны были выходить на войну по приказу старшаго. Тверской князь Борисъ Александровичъ, заключая въ 1427 году договоръ съ Витовтомъ, прямо оговорилъ: «Дядьямъ моимъ, братьямъ и племени моему—князьямъ, быти у меня въ послушаніи: я, князь великій Борисъ Александровичъ, воленъ, кого жалую, кого казню, и моему господину дѣду, великому князю Витовту, не вступаться; если кто изъ нихъ захочетъ отдаться въ службу къ моему господину дѣду съ отчиною, то моему господину дѣду съ отчиною не принимать; кто изъ нихъ пойдетъ въ Литву, тотъ отчины лишится,—въ отчинѣ его воленъ я, великій князь Борисъ Александровичъ». Изъ договоровъ великихъ князей съ удѣльными видно, что послушаніе послѣднихъ выражалось въ обязанности ихъ садиться на коней и ѣхать на войну, когда великій князь самъ

сядетъ на коня или пошлетъ своихъ сыновей или другихъ младшихъ братьевъ, и въ обязанности посылать воеводъ, если великій князь пошлетъ своихъ воеводъ. Великіе князья получали отъ хановъ ярлыки на всю землю, въ томъ числѣ и на удѣлы младшихъ родичей. Въ 1412 году вел. кн. Тверской Иванъ Михаиловичъ, которому не хотѣлъ подчиняться удѣльный князь Юрій, говорилъ: «Ярлыкъ царевъ данъ ми есть на всю землю Тверскую, и самъ Юрій въ ярлыцѣ царемъ данъ ми есть». Въ силу этого удѣльные князья не могли отдаваться съ своими отчинами въ подчиненіе другимъ князьямъ, обязаны были, собирая дань по разверсткѣ, отдавать эту дань великому князю, а великій князь уже отвозилъ въ Орду. Поэтому великій князь Василій Васильевичъ Темный и наказывалъ въ своемъ духовномъ завѣщаніи: «Какъ начнутъ дѣти мои жить по удѣламъ, то княгиня моя и дѣти пошлютъ писцовъ, которые опишутъ ихъ удѣлы по крестному цѣлованію, обложатъ данью по сохамъ и по людямъ, и по этому окладу княгиня и дѣти мои станутъ давать въ выходы сыну моему Ивану».

Итакъ, удѣльные князья сѣверо-восточной Руси въ военно-политическомъ отношеніи подчинялись до конца XIV вѣка великому князю Владимирскому, а съ конца XIV в. уже тремъ великимъ князьямъ—Московскому-Владимірскому, Тверскому и Рязанскому, которые были независимы другъ отъ друга и опредѣляли свои отношенія договорами, варьировавшимися въ зависимости отъ обстоятельствъ ихъ заключенія. Нѣкоторые изслѣдователи, особенно Сергѣевичъ, склонны точно такимъ же образомъ смотрѣть и на отношенія младшихъ удѣльныхъ князей къ мѣстнымъ великимъ. Они признаютъ, что подчиненіе младшихъ князей старшимъ не было какимъ-либо порядкомъ, государственно-правовымъ обычаемъ, что князья de jure всѣ были равноправны, и отношенія подчиненія устанавливались между ними только въ силу договоровъ, въ зависимости отъ обстоятельствъ каждаго даннаго момента. Но такая концепція междукняжескихъ отношеній удѣльной эпохи едва ли можетъ быть принята. Если вникнуть въ содержаніе договоровъ старшихъ князей съ младшими, то легко замѣтить, что договоры силятся гарантировать такія отношенія между ними, которыя признавались нормальными, подтвердить государственно правовую старину.

Внутренняя самостоятельность удѣловъ.—Подчиненіе младшихъ князей великимъ ограничивалось обязательнымъ союзомъ противъ недруговъ, военною помощью, взносомъ татарскаго выхода въ великокняжескую казну, что въ свою очередь обусловливалось отсутствіемъ у младшихъ князей права самостоятельныхъ сношеній съ Ордою. Но во всемъ остальномъ младшіе князья были свободны и независимы. Договоры гарантировали имъ неприкосновенность ихъ владѣній и полное право распоряжаться ими, не порывая только связей ихъ съ великимъ княженіемъ. «Тебѣ знать свою отчину, а мнѣ свою»—вотъ обычная статья въ этихъ договорахъ. Договаривающіеся обязывались, обыкновенно, не покупать селъ въ удѣ-

лахъ другъ у друга, не позволять этого и своимъ боярамъ, не давать жалованныхъ грамотъ на владѣніе въ чужомъ удѣлѣ, не держать закладней и оброчниковъ, давать судъ и управу на своихъ подданныхъ по искамъ другихъ князей или ихъ подданныхъ, не присылать въ удѣлъ другъ другу приставовъ и не судить судовъ. Боярамъ и вольнымъ слугамъ въ этихъ договорахъ обыкновенно обезпечивалась свобода перехода отъ одного князя къ другому, при чемъ они сохраняли и свои имѣнья въ удѣлѣ покинутаго князя. Князья обязывались не принимать къ себѣ письменныхъ людей или численныхъ, а также слугъ «подъ дворскимъ», владѣвшихъ землями: кто изъ такихъ слугъ переходилъ на службу другого князя, тотъ лишался своихъ земель въ удѣлѣ прежняго князя.—Младшіе удѣльные князья, такимъ образомъ, пользовались полною самостоятельностью во внутреннемъ управленіи своими княжествами. Они дѣлили эти княжества между своими дѣтьми, выдѣляли изъ нихъ «опричнины» на прожитокъ по смерти своей своимъ княгинямъ, завѣщали эти княжества родственникамъ или чужимъ князьямъ и т. д.

Сближеніе княжествъ съ частными вотчинами. Мы разсмотрѣли взаимныя отношенія князей сѣверо-восточной Руси въ удѣльную эпоху. Взглянемъ теперь на отношенія ихъ къ своимъ владѣніямъ, къ территоріямъ княжествъ и жившему на нихъ населенію. Князья, какъ мы видѣли, остались въ сѣверо-восточной Руси единственными хозяевами, господами въ своихъ княжествахъ. Вслѣдствіе всеобщаго обѣдненія страны и невозможности жить доходами отъ управленія князья позаняли въ своихъ княжествахъ множество земель и промысловыхъ угодій и развили въ обширныхъ размѣрахъ свое дворцовое хозяйство, для котораго они привлекли значительную часть сельскаго населенія къ разнымъ работамъ и повинностямъ. Доходы съ этого хозяйства стали главнымъ средствомъ ихъ содержанія, а доходы отъ управленія только извѣстнымъ подспорьемъ. Сдѣлавшійся крупнымъ хозяиномъ князь сталъ разсматривать и все свое княжество, какъ огромное хозяйственное учрежденіе, какъ вотчину, и потому сталъ распоряжаться имъ подобно всѣмъ вотчинникамъ, дѣлить его между своими наслѣдниками, выдѣлять изъ него части на прожитокъ своей женѣ и дочерямъ, иногда передавать зятьямъ, какъ было, напр. въ Ярославлѣ, гдѣ князь Василій Всеволодовичъ передалъ удѣлъ зятю Ѳедору Ростиславичу Смоленскому. Вслѣдствіе размноженія нѣкоторыхъ вѣтвей княжескаго рода и многочисленныхъ передѣловъ ихъ владѣній, получились съ теченіемъ времени такія микроскопическія княжества, которыя были не больше любой боярской вотчины. В. О. Ключевскій на основаніи свидѣтельствъ житія одного святого, подвизавшагося на Кубенскомъ озерѣ, рисуетъ одно изъ этихъ княжествъ—Заозерское въ такомъ видѣ: столица его состояла изъ одного княжескаго двора, находившагося при впаденіи рѣчки Кубены въ Кубенское озеро, а неподалеку отъ него стояла «весь Чиркова». Вы видите передъ собою, такимъ образомъ, обыч-

ную помѣщичью усадьбу, не болѣе. Многія изъ княжествъ, образовавшихся въ Ростовскомъ краѣ, заключали въ себѣ села и деревушки, раскинувшіяся по небольшимъ рѣчкамъ, какъ, напр., Ухтома, Кемь, Андога, Сить, Курба, Юхоть и т. д.

Многочисленные удѣльные князья стали походить на вотчинниковъ-землевладѣльцевъ не только по размѣрамъ своихъ владѣній, но и по роду своей дѣятельности. Не судъ и управа, какъ таковые, стали теперь наполнять ихъ время, а хозяйственныя заботы, хозяйственныя дѣла; и обычными сотрудниками ихъ и совѣтниками стали не бояре, думающіе о ратномъ дѣлѣ и строѣ земскомъ, а ихъ приказчики, которымъ они поручали отдѣльныя отрасли своего обширнаго хозяйства. Таковы были: *дворскій*, или дворецкій, которому подвѣдомственны были всѣ пахотныя земли князя со всѣмъ работавшимъ на нихъ населеніемъ, и затѣмъ *путные бояре*, администраторы путей или совокупности того или другого разряда хозяйственныхъ угодій, каковы: *стольникъ*, завѣдывавшій всѣми рыбными ловлями и рыболовами, *ловчій*, завѣдывавшій звѣриными «путиками» и звѣроловами, *бобровничій*, *чашникъ*, завѣдывавшій всѣми бортными угодьями и бортниками, *конюшій*, *сокольничій*. Такъ какъ всѣ эти угодья не были сосредоточены въ одномъ мѣстѣ, а были разбросаны по всему княжеству, то и вѣдомства путныхъ бояръ не были территоріальными округами, а именно путями, которые перерѣзывали княжества въ разныхъ направленіяхъ. Всѣ эти приказчики князя и составляли его обычный совѣтъ или *думу*, съ которою онъ совѣщался не только о хозяйственныхъ дѣлахъ своего княжества, но и о такихъ, которыя можно назвать государственными. Какъ у частныхъ владѣльцевъ, такъ и у князей на должностяхъ были не только свободные, но и рабы. Казначеи, ключники, дворскіе, посельскіе, тіуны сплошь и рядомъ были изъ холоповъ, какъ это видно изъ духовныхъ грамотъ князей, въ коихъ эти лица отпускались на волю. Даже въ управленіи населеніемъ не привлеченнымъ къ работамъ по дворцовому хозяйству у князей сталъ преобладать чисто владѣльческій, хозяйственный интересъ. Территоріи удѣльныхъ княжествъ подѣлены были въ административномъ отношеніи *на уѣзды* съ центральными городами, а уѣзды *на волости*. Для суда и управленія князья отправляли въ уѣзды *намѣстниковъ*, въ волости *волостелей* или своихъ *тіуновъ*. Намѣстникъ, сидѣвшій въ центральномъ городѣ уѣзда, чинилъ судъ и управу по всѣмъ дѣламъ въ окологородней волости, а по дѣламъ о душегубствѣ, разбоѣ и татьбѣ съ поличнымъ въ предѣлахъ всего уѣзда; волостели или тіуны чинили судъ и управу въ волостяхъ по всѣмъ дѣламъ за исключеніемъ тѣхъ, которыя подлежали суду намѣстника. При намѣстникахъ и волостеляхъ состояли исполнительные чиновники—праветчики и доводчики, пристава, подвойскіе. Главною цѣлью этого управленія было не столько обезпеченіе общественнаго порядка и правъ личности, сколько извлеченіе доходовъ и содержаніе слугъ. Намѣстники и волостели чинили судъ совершенно формально,

не входя во внутреннюю оцѣнку доказательствъ. Судъ творился, такъ сказать, самъ собою, по заведеннымъ изстари порядкамъ, за соблюденіемъ которыхъ слѣдили судные мужи изъ мѣстнаго общества, а судьи сидѣли и своего прибытка смотрѣли, т.-е. съ кого и сколько взять судебныхъ штрафовъ и пошлинъ. Половину этихъ доходовъ получали обыкновенно князья, а половина шла судьямъ. Намѣстники и волостели, кромѣ того, получали съ населенія кормы натурою и деньгами—въѣзжее, рождественскій, великоденный и петровскій. Князья и посылали на эти должности своихъ бояръ и слугъ, чтобы покормиться, а потому и не дозволяли имъ подолгу оставаться на своихъ должностяхъ, дабы дать возможность всѣмъ своимъ слугамъ перебывать на этихъ доходныхъ мѣстахъ. Смотря на должность намѣстниковъ и волостелей преимущественно съ точки зрѣнія финансовой, князья. поэтому легко выдавали такъ называемыя несудимыя грамоты, освобождавшія населеніе боярскихъ и церковныхъ имѣній отъ суда намѣстниковъ и волостелей и подчинявшія его суду владѣльцевъ. Это была такая же матеріальная милость владѣльцамъ, какъ и посылка бояръ и слугъ на кормленья. Отъ суда намѣстниковъ и волостелей освобождались обыкновенно и сами владѣльцы такихъ привилегированныхъ имѣній. Ихъ судилъ самъ князь или его бояринъ *введеный*, т.-е. спеціально на то уполномоченный.

Элементы государственности въ удѣльномъ порядкѣ.—Соединяя въ одно цѣлое черты, характеризующія отношенія князей другъ къ другу, къ территоріи и населенію, нѣкоторые изслѣдователи, особенно Чичеринъ въ «Опытахъ по исторіи русскаго права», приходятъ къ отрицанію государственныхъ началъ въ удѣльномъ порядкѣ. По мнѣнію Чичерина, въ удѣльной жизни господствовало только частное право, а не государственное. Князья въ своихъ удѣлахъ не различали основаній, на которыхъ владѣли городами и всей территоріей удѣла съ одной стороны, и какимъ-нибудь мелкимъ предметомъ своего обихода съ другой стороны, въ родѣ утвари и одежды, и въ своихъ духовныхъ завѣщаніяхъ безразлично благословляли своихъ сыновей городами и волостями, иконами, цѣпью, шапками и шубами. Междукняжескія отношенія регулировались договорами, а договоръ—фактъ частнаго права. Стало быть ни въ отдѣльныхъ удѣлахъ, ни во всей Русской землѣ не существовало ни государственной власти, ни государственныхъ понятій и отношеній въ средѣ князей. Не было ихъ и въ отношеніяхъ князей къ населенію: князья были владѣльцами земли, а съ свободными жителями ихъ связывали только договорныя отношенія: эти жители оставались въ княжествахъ, пока хотѣли, и князь не могъ принудить ихъ оставаться, и уходъ ихъ не разсматривался, какъ измѣна. Но такая характеристика удѣльнаго строя при всей ея яркости страдаетъ односторонностью. Градовскій въ «Исторіи мѣстнаго управленія въ Россіи» справедливо указалъ, что князья въ своихъ завѣщаніяхъ, ставя рядомъ города, волости, свои села и движимость, передаютъ наслѣдникамъ разные предметы владѣнія. Села, напр., и вещи они передаютъ цѣликомъ, какъ

полную собственность, а въ волостяхъ только доходы и права управленія. Это служитъ для Градовскаго доказательствомъ, что въ удѣльномъ періодѣ, существовали понятія, выходившія изъ сферы гражданскаго права и имѣвшія характеръ понятій государственныхъ. Въ добавленіе къ этому можно присовокупить, что далеко не со всѣмъ свободнымъ населеніемъ удѣловъ князья связаны были договорными отношеніями. Это касалось только бояръ и вольныхъ слугъ, для которыхъ князья выговаривали въ договорахъ право свободнаго перехода. Но крестьянъ, письменныхъ или численныхъ людей, платившихъ дань татарамъ и несшихъ разныя повинности на князей, князья удерживали въ своихъ удѣлахъ и обязывались не перезывать ихъ другъ у друга. Въ виду этого и удѣлы сѣверо-восточныхъ князей все-таки лучше признавать ихъ наслѣдственною собственностью, какъ политическихъ владѣтелей, а не частныхъ, хотя нельзя отрицать, что по типу управленія и быта, по преобладающимъ интересамъ, эта собственность близко подходила къ простой вотчинѣ. Затѣмъ: и въ отношеніяхъ князей другъ къ другу можно подмѣтить начала подчиненія въ силу извѣстнаго политическаго права старшихъ по отношенію къ младшимъ. Договоры князей не всегда заново устанавливали отношенія между ними, а сплошь и рядомъ только санкціонировали уже дѣйствовавшее обычное право. Это политическое право опредѣляло княжескія отношенія и помимо договоровъ. Все это въ общей сложности дозволяетъ говорить только объ извѣстномъ смѣшеніи государственнаго и частнаго права въ удѣльную эпоху, а не о замѣнѣ государственнаго права частнымъ.

Черты феодализма въ удѣльномъ строѣ сѣверо-восточной Руси XIII—XV в.; раздробленіе государственной власти.—Итакъ, удѣльныя княжества и по размѣрамъ, и по характеру владѣнія и пользованія ими близко подошли къ крупнымъ вотчинамъ частныхъ владѣльцевъ и церковныхъ учрежденій, а съ другой стороны крупныя владѣльческія вотчины близко подошли къ княжествамъ, ибо владѣльцы ихъ пріобрѣли политическія права надъ населеніемъ своихъ имѣній. Такимъ образомъ въ политическомъ строѣ сѣверо-восточной Руси проявились наиболѣе характерныя черты средневѣковаго феодализма—раздробленіе государственной власти и соединеніе ея съ землевладѣніемъ. Въ добавленіе къ этому можно указать, что и у насъ, какъ и на западѣ, при раздѣленіи государственной власти образовалась цѣлая іерархія государей, различавшихся другъ отъ друга по количеству своихъ верховныхъ правъ. Наивысшимъ государемъ Руси, отъ котораго получали свою инвеституру русскіе князья, соотвѣтствовавшимъ императорамъ западному и восточному, былъ *царъ Ордынскій*, разсматривавшій всю Русскую землю, какъ свой улусъ, какъ одно изъ своихъ владѣній. Ниже его были *великіе князья*—Владимирскій, Московскій, Тверской и Рязанскій, соотвѣтствовавшіе западноевропейскимъ королямъ, получавшіе отъ него ярлыки на великія княженія со всѣми ихъ территоріями; подъ великими князьями были *князья удѣльные*, соотвѣтствовавшіе западно-

европейскимъ герцогамъ, подчиненные великимъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, а еще ниже бояре-землевладѣльцы и церковныя учрежденія, пользовавшіеся, какъ мы видѣли, государственными правами суда и обложенія въ своихъ имѣньяхъ. Впрочемъ, тѣ права, которыя составляютъ суверенитетъ,—которыя являются самостоятельными, а не производными,—имѣли только первыя три категоріи государей. Суверенитетъ подѣленъ былъ между ханомъ и князьями великими и удѣльными. Только эти государи имѣли право дипломатическихъ сношеній (удѣльные—ограниченное), право битья монеты и т. д. Правомъ битья монеты пользовались даже самые мелкіе князья. Въ Тверскомъ музеѣ хранятся монеты съ надписями: Денга Городѣск., Городецко, Городеньско. Эти Городенскія или Городецкія деньги были, какъ полагаютъ, чеканены одними изъ самыхъ незначительныхъ Тверскихъ удѣльныхъ князей, а именно князьями Старицкими или Городеньскими. Извѣстны и другія не великокняжескія серебряныя и мѣдныя деньги (пулы): Кашинскія, Микулинскія, Спасскія и другія. Что касается частныхъ землевладѣльцевъ и церковныхъ учрежденій, то они не достигли у насъ на Руси суверенныхъ правъ, какія пріобрѣтали себѣ ихъ западные собратья. Какъ извѣстно, на западѣ многіе феодальные сеньеры узурпировали себѣ и суверенныя права, величались государями Божьею милостью, чеканили монеты, вели дипломатическія сношенія и т. д. Этой разницѣ нашихъ порядковъ отъ порядковъ запада новѣйшій изслѣдователь русскаго удѣльнаго строя Павловъ-Сильванскій далъ такое объясненіе: «У насъ такъ же, какъ и на западѣ, земля должна была неудержимо распасться, раздѣлиться на мелкіе самостоятельные мірки. Но въ моментъ назрѣвшаго раздѣленія страны у насъ оказалось на лицо множество князей претендентовъ съ наслѣдственными владѣтельными правами. Они замѣнили у насъ западныхъ феодаловъ, захватившихъ суверенныя права: раздѣленіе сверху предупредило раздѣленіе снизу; окняженье земли предупредило ея обояренье». Въ этомъ объясненіи названный историкъ, по-моему, вѣрно отмѣтилъ суть дѣла, хотя и не договорился до конца, ибо это не согласовалось съ другими его взглядами. Князья сдѣлались у насъ на Руси территоріальными государями прежде, чѣмъ создалось боярское землевладѣніе, которое развивалось уже подъ покровомъ и въ зависимости отъ княжеской власти. Между тѣмъ Павловъ-Сильванскій, раздѣляя теорію «земскихъ бояръ», думаетъ, что боярское землевладѣніе создалось у насъ ранѣе или во всякомъ случаѣ независимо отъ княжеской власти.

Происхожденіе феодальныхъ отношеній на Руси.—Какимъ же образомъ создался и у насъ на Руси порядокъ, близкій къ западноевропейскому феодализму? Въ предшествующей лекціи была отмѣчена одна изъ основныхъ причинъ, породившихъ этотъ порядокъ, господство натуральнаго, сельскаго хозяйства, установившееся у насъ на Руси съ прибытіемъ татаръ, въ связи съ истощеніемъ народнаго капитала. Это обстоятельство, какъ мы видѣли, заставило князей заняться главнымъ образомъ тѣмъ дѣломъ, которымъ

занимаются землевладѣльцы — сельскіе хозяева, ибо иначе князьямъ не на что было жить; князья, такимъ образомъ, приблизились къ частнымъ землевладѣльцамъ. Съ другой стороны, не имѣя денегъ для раздачи жалованья своимъ слугамъ и церковнымъ учрежденіямъ, князья охотно поступались въ ихъ пользу своими правами надъ населеніемъ ихъ имѣній, жаловали имъ иммунитеты, разныя льготы и изъятія, приближая ихъ, такимъ образомъ, къ государямъ. Но можно ли остановиться на одной этой причинѣ въ объясненіи происхожденія русскаго феодализма? Историки-экономисты склонны довольствоваться одною этою причиною и игнорировать другія, которыя выдвигались историками права и культуры. Мы не можемъ игнорировать этихъ причинъ внутренняго, духовнаго свойства. Что заставляло князей дѣлить территорію государства на удѣлы? Хозяйственныя потребности, необходимость интенсивнаго сельскохозяйственнаго труда,— отвѣтятъ намъ экономисты. Но для этого, скажемъ имъ, вовсе не надо было дѣлить самую государственную власть. Старшему князю достаточно было испомѣстить на удѣлахъ младшихъ, сохраняя всѣ свои государственныя права надъ населеніемъ удѣловъ и предоставляя младшимъ князьямъ только хозяйственную эксплуатацію земель, на крайній случай намѣстничью власть въ удѣлахъ. Если князья дѣлили самую государственную власть, то это происходило все-таки отъ ихъ политической неразвитости, отъ отсутствія у нихъ воззрѣнія, что высшая государственная власть по существу своему не можетъ быть предметомъ семейнаго дѣлежа. Дѣля государственную власть, князья, очевидно, смотрѣли на нее, какъ на предметъ частнаго владѣнія. Этимъ же объясняется отчасти и тотъ фактъ, что они дѣлились ею съ своими боярами. Чтобы пожаловать боярина за его службу, не было надобности непремѣнно давать ему иммунитетъ. Для пожалованья того, что давалъ иммунитетъ, въ сущности достаточно было сдѣлать боярина намѣстникомъ или волостелемъ въ его имѣньѣ, пожаловать ему княжескіе доходы и предоставить нѣкоторыя льготы населенію его имѣнья. Но князья шли обыкновенно дальше и навсегда отступались отъ своихъ правъ по отношенію къ населенію такихъ имѣній, очевидно, не цѣня эти права не только съ экономической, но и съ политико-юридической точки зрѣнія. Поэтому болѣе правильнымъ представляется мнѣніе тѣхъ историковъ, которые выводили феодализмъ изъ общаго состоянія культуры извѣстной эпохи не только экономической, матеріальной, но и политико-юридической, духовной.

Закладничество и патронатъ.—На почвѣ выше изображеннаго порядка и въ связи съ общими условіями культуры у насъ на Руси развивались явленія, имѣющія аналогію въ явленіяхъ феодальной эпохи на западѣ, Къ такимъ явленіямъ надо прежде всего отнести *закладничество.* Разъ стушевалось на дѣлѣ и въ общественномъ сознаніи различіе между государемъ и частнымъ владѣльцемъ въ его государствѣ, то естественно должно было замутниться и понятіе о подданномъ. Свободныя лица стали считать

себя въ правѣ отдаваться въ подданство не только многочисленнымъ князьямъ, но и частнымъ лицамъ и учрежденіямъ, закладываться, какъ говорилось тогда, не только за разныхъ князей, но и за бояръ, владыкъ и монастыри, если это сулило имъ какую-либо выгоду. А эта выгода представлялась сплошь и рядомъ, ибо ослабѣвшая отъ раздѣленія и удѣльнаго дробленія княжеская власть часто оказывалась не въ состояніи обезпечить частному лицу нужную защиту и средства къ жизни. На Руси, слѣдовательно, стало происходить то же самое, что и въ западной Европѣ въ эпоху ослабленія королевской власти, когда слабые искали защиты путемъ *коммендаціи* сильнымъ землевладѣльцамъ и церковнымъ учрежденіямъ. Аналогія въ этомъ отношеніи шла такъ далеко, что и у насъ на Руси, какъ и на западѣ, стали закладываться съ имѣньями.

Выше было сказано, что боярскія вотчины находились подъ суверенитетомъ территоріальнаго князя, а не того, которому въ данное время служилъ ихъ владѣлецъ, тянули судомъ и данью по землѣ и водѣ. Но это правило съ теченіемъ времени стало нарушаться. Владѣльцы стали закладываться за князей, къ которымъ поступали на службу съ вотчинами, подобно тому какъ на западѣ владѣльцы поступали съ своими феодами, бывшими нѣкогда также подъ властью территоріальныхъ государей. Это создавало страшную путаницу отношеній, которой князья старались противодѣйствовать договорами. Въ этихъ договорахъ они подтверждали, что боярскія вотчины должны оставаться подъ суверенитетомъ территоріальнаго князя, тянуть судомъ и данью по землѣ и водѣ, что князья не должны въ чужихъ удѣлахъ селъ держать, покупать и даромъ принимать, не должны давать въ чужой удѣлъ жалованныхъ грамотъ, судить тамъ и дань брать и вообще, «въ чужой удѣлъ не вступатися никоторыми дѣлы». Но, по всѣмъ признакамъ, князьямъ не удавалось искоренить этого явленія, и переходы владѣльцевъ съ вотчинами въ подданство другихъ князей продолжались. Такіе переходы констатируются по источникамъ даже въ концѣ XV и нач. XVI в. Такъ, въ 1487 г. нѣкій Ивашко Максимовичъ сынъ Глядящаго билъ челомъ великой княгинѣ Софьѣ «и съ своею вотчиною, съ половиною селомъ Глядящимъ, что въ Муромѣ въ Куземскомъ стану, со всѣмъ тѣмъ, что къ его половинѣ потягло». Имѣя въ виду подобные случаи, Иванъ III и написалъ въ своей духовной грамотѣ 1504 года: «а бояромъ и дѣтямъ боярскимъ Ярославскимъ съ своими вотчинами и съ куплями отъ моего сына Василья не отъѣхати никому никуда». Въ 1507 г. извѣстный игуменъ Волоколамскаго монастыря Іосифъ Санинъ, основавшій свой монастырь въ вотчинѣ Волоцкаго князя Бориса Васильевича и при его содѣйствіи, поссорившись съ своимъ княземъ, «отказался отъ своего государя въ великое государство», подъ высокую руку великаго князя Василія Ивановича. Когда Іосифа стали упрекать за это, онъ сослался на прецеденты. «Въ наши лѣта,—говорилъ онъ,—у князя Василья Ярославича въ вотчинѣ былъ Сергіевъ монастырь, а у князя у Александра у Ѳедоровича

у Ярославскаго былъ въ вотчинѣ Каменскій монастырь, а у князей у Засѣкинскихъ былъ въ вотчинѣ монастырь Пречистые иже на Тользѣ»; и вотъ игумены этихъ монастырей били челомъ великому князю Василію Васильевичу, и онъ «тѣ монастыри взялъ въ свое государство, да не велѣлъ тѣмъ князьямъ въ тѣ монастыри вступатись ни по что». И въ древнее время,—замѣчаетъ по этому поводу составитель житія преподобнаго Іосифа,—«отъ обидъ меньшихъ къ большимъ прибѣгали». Частныя лица закладывались не только за князей, но и за бояръ, за владыку и монастыри. У богатыхъ бояръ благодаря этому были цѣлые отряды слугъ, которые имъ служили при дворѣ и на войнѣ, и которые представляютъ такимъ образомъ полную аналогію съ западноевропейскими подвассалами. Бояринъ Родіонъ Несторовичъ, явившись изъ Кіева на службу къ великому князю Ивану Даниловичу Калитѣ, привелъ съ собою 1600 человѣкъ дружины. Тогда знатный московскій бояринъ Акинѳъ Гавриловичъ Шуба, оскорбленный почетомъ, оказаннымъ пріѣзжему боярину и не желая быть подъ Родіономъ въ меньшихъ, ушелъ на службу къ Михаилу Тверскому и увелъ съ собою 1300 человѣкъ слугъ. Иванъ III, взявъ Новгородъ, первымъ дѣломъ распустилъ большіе княжескіе и боярскіе дворы въ Новгородѣ и роздалъ княжескимъ и боярскимъ слугамъ помѣстья. Но въ Тверскомъ княжествѣ слуги, служившіе съ своими вотчинами боярамъ, существовали еще при Грозномъ. Какъ и на западѣ, многіе служилые люди въ удѣльную эпоху закладывались у насъ за духовенство—митрополита, владыкъ и монастыри. У митрополита и архіереевъ были боярскіе дѣти и въ позднѣйшую эпоху Московскаго государства, до самаго начала XVIII в.

Если въ удѣльное время, такимъ образомъ, не было идеи подданства въ нашемъ смыслѣ слова, то нѣтъ ничего удивительнаго, если частныя лица отдавались подъ покровительство князя той территоріи, гдѣ они жили,—своему собственному государю. Этотъ фактъ невозможенъ въ настоящее время, въ теперешнемъ государствѣ, гдѣ предполагается, что государь одинаковый покровитель для всѣхъ. Но въ то время такъ не думали, и потому многія лица отдавались подъ спеціальное покровительство князя, in mundeburdium regis, какъ говорили на западѣ, получали право судиться только передъ нимъ и т. д.

Переходы бояръ и слугъ; жалованія и кормленія.—Благодаря неясности идеи подданства между князьями, и ихъ боярами и слугами продолжали сохраняться тѣ самыя договорныя отношенія, которыя установились между ними въ то время, когда и князья не были территоріальными владѣльцами, и бояре не были землевладѣльцами. Тотъ или другой бояринъ и слуга служилъ князю не потому, что обязанъ былъ ему служить, какъ государю страны, а потому, что онъ «приказался» ему служить, находя это для себя выгоднымъ. И это справедливо какъ относительно перехожихъ бояръ и слугъ, такъ и относительно осѣдлыхъ, ибо послѣдніе всегда могли уйти отъ своего князя. Право вольнаго перехода бояръ и слугъ несомнѣнно было

наслѣдіемъ прежняго дружиннаго быта Кіевской Руси. Но если оно такъ долго продержалось въ удѣльную эпоху, уже при осѣдлости боярства, то только потому, что въ эту эпоху не прояснилась идея подданства.

На почвѣ договорныхъ отношеній между князьями и боярами и слугами развились явленія, соотвѣтствовавшія западноевропейской раздачѣ бенефиціевъ. Бояре и слуги пріѣзжали къ тому или другому князю на службу, били ему челомъ (западноевропейскій homagium), а онъ давалъ имъ жалованье, beneficium, которое они получали до тѣхъ поръ, пока служили. На западѣ въ качествѣ бенефиція раздавались большею частью земли. И у насъ князья раздавали нѣкоторымъ слугамъ дворцовыя земли, участки своихъ доменъ, которыми завѣдывали дворскіе, соотвѣтствовавшіе западнымъ майордомамъ, пфальцграфамъ и т. п. Въ духовной грамотѣ 1388 г. перечисляются «села и слободки» за слугами. Въ другой грамотѣ упоминаются «деревни—княжеское жалованье», время пожалованія которыхъ относится къ началу XV вѣка. И такъ же, какъ на западѣ, князья отнимали эти земли у своихъ слугъ, если они отъѣзжали отъ нихъ. Объ одномъ изъ такихъ слугъ, условно владѣвшихъ пожалованнымъ ему селомъ, о Борисѣ Ворковѣ Иванъ Калита говоритъ въ своей духовной 1328 года: «аже имать сыну моему которому служити, село будеть за нимъ; не имать ли служити, село отнимуть». Въ договорахъ между собою князья условливались объ этихъ слугахъ: «а кто тѣхъ выйдетъ изъ удѣловъ..., инъ земли лишенъ». Но по особенностямъ нашей страны земля долгое время не была главнымъ объектомъ раздачи бенефиціевъ. Земли вездѣ было вдоволь, она имѣла мало цѣны для князей, и бояре и слуги позаняли ея много безъ всякихъ условій, по молчаливому или гласному признанію князей. Развившееся вотчинное боярское землевладѣніе долгое время исключало надобность въ раздачѣ земли въ качествѣ бенефиція, или какъ у насъ говорилось *помѣстья*. У насъ на Руси въ удѣльное время получила преимущественное развитіе другая форма бенефиція—раздача должностей въ качествѣ жалованья за службу, кормленья, т.-е. не fief-terre, a fief-office. Поэтому и въ грамотахъ нашихъ князей встрѣчаемъ такія выраженія: «пожаловалъ есми ясельничимъ въ кормленье за ихъ къ намъ выѣздъ», т.-е. за вступленіе въ службу; или: «пожаловалъ есми Ивана Григорьевича Рыла.... волостью Лузою (т.-е. волостелемъ въ Лузу) за ихъ къ намъ выѣздъ въ кормленье. И вы, всѣ люди тое волости, чтите ихъ и слушайте, а они васъ вѣдаютъ, и судити и ходити велять у васъ тіуномъ своимъ, а доходъ имать по наказному списку». Кормленья на волостяхъ стали обычнымъ признакомъ вольныхъ бояръ и слугъ. «А вольнымъ слугамъ воля, кто въ кормленьѣ бывалъ и въ доводѣ при нашемъ отцѣ и при насъ». Эти кормленья на западѣ, какъ извѣстно, сдѣлались наслѣдственными ленами: тамъ герцоги, наши воеводы, графы, наши намѣстники, вицеграфы или виконты, наши волостели, сдѣлались наслѣдственными обладателями своихъ должностей и сопряженныхъ съ ними доходовъ. Но у насъ кормленья не сдѣлались не только наслѣдственными,

но даже и пожизненными, давались обыкновенно на года и вообще на короткіе сроки. Причиною этого была бѣдность нашихъ князей, которые не имѣли возможности заразъ кормить всѣхъ своихъ слугъ, а должны были соблюдать въ этомъ отношеніи извѣстную очередь, и кромѣ того отсутствіе связи должностного кормленія съ землевладѣніемъ. На западѣ кормленщики кромѣ доходовъ получали извѣстный земельный надѣлъ на должность, и этотъ надѣлъ, становясь, какъ и всѣ лены, съ теченіемъ времени наслѣдственнымъ, тянулъ за собою и самую должность. У насъ въ удѣльную эпоху, какъ уже было сказано, бояре и слуги мало нуждались въ землѣ, обезпеченные вотчиннымъ землевладѣніемъ, и потому у насъ и не развилось явленій, подобныхъ вышеуказаннымъ.

Черты феодализма въ воззрѣніяхъ, языкѣ и бытѣ удѣльной эпохи.— Изъ всего сказаннаго можно видѣть, что въ русской древности удѣльнаго времени было много чертъ, роднящихъ ее съ западноевропейскимъ феодализмомъ. Мы встрѣчаемъ здѣсь тѣ же учрежденія, тѣ же отношенія и воззрѣнія, что и на феодальномъ западѣ, иногда въ полномъ развитіи, иногда въ менѣе опредѣленныхъ чертахъ. Въ нашихъ грамотахъ встрѣчаются фразы, представляющія собою какъ бы буквальный переводъ соотвѣтствующихъ латинскихъ текстовъ. Для важнѣйшихъ феодальныхъ учрежденій въ русской древности были спеціальные термины, соотвѣтствующіе западноевропейскимъ. Коммендаты назывались у насъ *закладнями;* для обозначенія феодальной коммендаціи употреблялись слова *задаваться, закладываться.* Русскій дружинникъ, какъ и германскій, назывался *мужемъ;* бояринъ же такъ же, какъ вассалъ,—*слугою* господина великаго князя. Для обозначенія бенефиція у насъ было спеціальное слово *жалованье;* это слово у насъ имѣло столь же широкое распространеніе, какъ на западѣ слово бенефицій, ленъ. Жалованьемъ называлась и земля, пожалованная въ условное владѣніе (помѣстье), и должность, и иммунитетныя льготы.—При сходствѣ соціально-политическаго строя замѣчается и сходство быта. Духъ розни, особности, свободы и независимости царитъ и въ русскомъ обществѣ удѣльной эпохи, какъ и въ западномъ феодальномъ. Феодальная свобода и независимость вели у насъ такъ же, какъ и на западѣ, къ насиліямъ и самоуправству, особенно со стороны бояръ, которые нерѣдко предпринимали разбойничьи наѣзды другъ на друга. Характерною чертою западныхъ феодаловъ была ихъ военная профессія, ихъ воинскій духъ. Эта черта выразилась въ рыцарствѣ. Наши бояре и князья въ значительной степени утратили рыцарскія черты, которыя свойственны были ихъ предшественникамъ и такъ ярко обрисованы въ «Словѣ о полку Игоревѣ». Тѣмъ не менѣе и они всѣ были воинами. Во время постоянныхъ удѣльныхъ междоусобій всѣмъ имъ часто приходилось сражаться во главѣ отрядовъ ихъ слугъ и людей. Духовные владыки не выступали сами въ походъ, но взамѣнъ себя посылали своихъ воеводъ, предводительствовавшихъ ихъ слугами. Одною изъ типичныхъ чертъ западнаго феодализма является въ обычномъ

представленіи укрѣпленный замокъ съ бойницами, рвами, подъемными мостами. Въ удѣльной Руси не было каменныхъ замковъ. Но каменные замки замѣнялись укрѣпленными городками на холмахъ, на возвышенномъ берегу рѣки или на старинныхъ мерянскихъ курганахъ. Эти княжескіе городки и кремли удовлетворяли той же потребности, что и западные феодальные замки. Духовные владыки наши также возводили укрѣпленія. Монастыри строились одинаково съ княжескими кремлями, обыкновенно при озерѣ или рѣкѣ. Оба окружались стѣнами однородной архитектуры съ башнями, бойницами, воротами. У бояръ XIV—XV в. не было такихъ укрѣпленій, но каждая боярская вотчина даже въ позднѣйшее время, въ XVII в., представляла собою вооруженный станъ, окруженный частоколомъ. Значитъ, въ данномъ случаѣ разница Руси съ западною Европою была не столько качественная, сколько количественная.

Западно-европейскій феодализмъ вообще пошелъ въ своемъ развитіи гораздо дальше, чѣмъ феодализмъ русскій. На Руси не выработалось той *системы* феодальной, тѣхъ строго очерченныхъ правовыхъ институтовъ, обычаевъ, понятій, того житейскаго ритуала, которые можно наблюдать въ западныхъ странахъ въ средніе вѣка. Русскій феодализмъ въ своемъ развитіи не пошелъ дальше первичныхъ, зачаточныхъ формъ, которымъ не удалось отвердѣть и упрочиться. Причина этому—зыбкая общественная почва, на которой онъ создавался, подвижность населенія въ непрерывно колонизующейся странѣ съ одной стороны, а съ другой напряженное давленіе извнѣ, будившее инстинкты народнаго самосохраненія и вызывавшее къ жизни и творчеству государственное начало въ настоящемъ, истинномъ смыслѣ этого слова.

Пособія:

Вышеуказанные труды Д. И. Багалѣя, Д. И. Иловайскаго, С. М. Соловьева, М. А. Дьяконова, А. Н. Филиппова, и сверхъ того:

В. И. Сергѣевича, Вѣче и князь. (Русскія юридическія древности, т. II. СПБ. 1893).

Б. *Н. Чичерина*, Опыты по исторіи русскаго права. Москва. 1858.

В. О. Ключевскаго, Боярская дума древней Руси. Москва. 1909. Изд. 4-е.

Н. П. Павлова-Сильванскаго, Феодализмъ въ древней Руси. СПБ. 1907 г. Сочиненія, т. III. СПБ. 1910.

XV.

Экономическій, общественный и политическій строй Новгорода и Пскова.

Сѣверо-восточная, Суздальская Русь, отправившись въ своемъ политическомъ развитіи отъ данныхъ кіевскаго періода, въ концѣ-концовъ вышла совершенно непохожею на Кіевскую Русь. Изъ двухъ силъ, руководившихъ обществомъ, вѣча и князя, въ ней съ теченіемъ времени осталась одна—князь, сдѣлавшійся хозяиномъ-вотчинникомъ, устроителемъ земли, организаторомъ народнаго труда. Этотъ князь, если и дѣлилъ свою власть, то не съ обществомъ, не съ міромъ въ его цѣломъ, а съ отдѣльными землевладѣльцами-боярами и церковными учрежденіями, которымъ онъ уступалъ право дани и суда. Но совершенно другою дорогою за это время шла въ своемъ политическомъ развитіи сѣверо-западная Русь—земля Новгородская. Она также отправилась отъ общихъ данныхъ кіевской эпохи, отъ князя и вѣча, но пришла не къ господству князя-вотчинника, а къ народовластью въ видѣ господства вѣча главнаго города. Какъ же это случилось?

Заселеніе и устроеніе Новгородской земли силами общества.—Мы видѣли, что вѣча главныхъ городовъ пользовались большимъ значеніемъ тамъ, гдѣ ранѣе князей и независимо отъ нихъ установились прочныя, экономическія и политическія связи между главными городами съ одной стороны, пригородами и другими селеніями съ другой, гдѣ въ городахъ отложился богатый и вліятельный классъ капиталистовъ, державшій въ своихъ рукахъ промышленный оборотъ страны. Вѣча были сильны въ старыхъ русскихъ городовыхъ волостяхъ, которыя заселились и объединились экономически и политически ранѣе князей и независимо отъ нихъ. Князья въ этихъ областяхъ приходили къ устроившемуся уже безъ нихъ обществу и потому естественно не становились въ немъ полными хозяевами съ безраздѣльною властью. Сѣверо-восточная, Суздальская Русьо какъ мы видѣли, не принадлежала къ числу такихъ областей. Она заселялась, устраивалась, опредѣлялась въ своихъ границахъ преимущественно дѣятельностью своихъ князей, которые и становились въ ней естественно хозяевами, господами. Съ самаго начала своего заселенія Суздальская Русь выходила сельскою, деревенскою областью земледѣлія, въ которой торговопромышленному классу горожанъ отводилась ничтожная роль въ хозяйственной жизни страны. Но сѣверо-западная Русь, земля Новгородская, во всѣхъ этихъ отношеніяхъ была полною противоположностью Суздальской.

Земля эта заселялась и устраивалась силами и средствами самого

общества. Первоначальное ядро ея составили славяне Ильменскіе и кривичи Изборскіе вмѣстѣ съ чудью и весью Бѣлозерскою. Въ этомъ земскомъ ядрѣ съ главнымъ городомъ Новгородомъ соединились тѣсными экономическими и политическими узами пригороды—Изборскъ, Псковъ, Руса, Великіе Луки, Ладога и др. Дальнѣйшее расширеніе земли совершалось уже вслѣдствіе разселенія, вывода колоній изъ этого основного ядра. Уже въ XII вѣкѣ новгородскіе погосты были разбросаны вокругъ Онежскаго озера, по р. Онегѣ, Вагѣ, С. Двинѣ, до самаго Бѣлаго моря. Позже, новгородскія селенія разбросались по берегамъ Онежской губы, Кандалакской и по Терскому берегу Кольскаго полуострова. Погосты и деревни основывались прежде всего новгородскими смердами-землевладѣльцами и промышленниками, удалявшимися на сѣверъ въ поискахъ лучшихъ пахатныхъ, а главнымъ образомъ, промысловыхъ угодій. Села и деревни основывались на сѣверѣ и новгородскими капиталистами, боярами, сажавшими въ нихъ своихъ «страдниковъ», т.-е. рабовъ, которые и пахали на нихъ землю, промышляли звѣремъ, рыбою, кое-гдѣ солью.—Такія «страдомыя деревни» были, напр., у Борецкихъ по западному берегу Бѣлаго моря. Въ XIII—XV в. много селеній на сѣверѣ основано было монахами, вышедшими изъ новгородскихъ обителей, устроившими такъ называемыя «пустыни» въ лѣсахъ сѣвера, около которыхъ возникали затѣмъ монастырскія села и деревни. Новгородская земля создавалась, такимъ образомъ, самимъ обществомъ. Роль князей была въ этомъ ничтожна и выражалась только въ военномъ содѣйствіи колонизаціи, въ походахъ на инородцевъ.

Экономическія связи Новгорода съ своею землею; значеніе внѣшней торговли.—Самыя крѣпкія экономическія связи устанавливались въ расширявшейся землѣ у главнаго города съ новыми поселками. Новгородская область была вообще царствомъ промысловаго и торговаго люда. Земледѣліе хотя и велось, но въ самыхъ ничтожныхъ размѣрахъ. Почвенныя и климатическія условія рѣшительно не благопріятствовали этому занятію. Новгородскія лѣтописи полны извѣстіями о неудачахъ земледѣлія: то морозъ побивалъ хлѣбные всходы, то хлѣбъ вымокалъ, то сгнивалъ на корню и т. д. Собственнаго хлѣба не хватало для прокормленія населенія, и приходилось ввозить его со стороны, изъ земель Суздальской и Рязанской, и даже изъ-за границы. Но зато процвѣтали: охота за пушными и морскими звѣрями, рыбная ловля, добываніе соли по Вычегдѣ и на побережьѣ Бѣлаго моря, добываніе желѣза и кое-гдѣ, въ болѣе южныхъ мѣстностяхъ, бортничество. Повсюду шла бойкая торговля всѣми этими предметами добывающей промышленности—въ погостахъ, въ многочисленныхъ рядкахъ, разсѣянныхъ на сѣверѣ, и въ пригородахъ. Главнымъ коллекторомъ, куда сливалось все это сырье, былъ Новгородъ Великій, находившійся въ постоянныхъ торговыхъ сношеніяхъ со всѣми своими пригородами, рядками и погостами. Сырье, которое стекалось въ Новгородъ изъ всѣхъ его пятинъ, волостей и подвластныхъ земель, а также

и изъ сѣверо-восточной Руси, шло за границу, въ Германію и другія западныя страны. Изъ Новгорода вывозились на западъ мѣха собольи, бобровые, куньи, лисьи, хорьковые, горностаевые, медвѣжьи, заячьи, бѣличьи, воскъ, медъ, ворвань, свиное сало, ленъ, конопля, смола, поташъ, деготь; съ запада въ Новгородъ ввозились хлѣбъ, соль, желѣзо, мѣдь, золото, серебро, олово, свинецъ, краски, сукна, полотна, металлическія издѣлія, вина, фрукты, сладости и пряности. Такое значеніе Новгородъ сохранялъ во всю удѣльную эпоху. За все это время онъ былъ узломъ, въ который сходились нити торговой и промышленной жизни сѣверо-западной Руси, сердцемъ, которое оживляло эту жизнь, черезъ которое совершалось все ея круговращеніе. Занявъ въ своей землѣ то же самое экономическое положеніе, которое нѣкогда занимали во своихъ волостяхъ Полоцкъ, Смоленскъ, Кіевъ, Черниговъ, Новгородъ не только не терялъ этого положенія, но наоборотъ—упрочилъ его и возвысилъ. Благопріятствующимъ для этого условіемъ явилось то обстоятельство, что Новгородъ уцѣлѣлъ отъ татарскихъ погромовъ и разореній. Татары, правда, обложили Новгородъ, какъ и всѣ русскія земли данью, но они не истребляли здѣсь народнаго капитала. Вслѣдствіе этого и общественный строй Новгорода шелъ въ своемъ развитіи по тому направленію, какое дано было ему изначала, при самомъ сложеніи городовыхъ волостей на Руси. Въ общихъ чертахъ установился такой общественный строй въ Новгородской землѣ.

Составъ новгородскаго общества.—На верху соціальной іерархіи стояли *бояре*, крупные землевладѣльцы и капиталисты, пускавшіе свой капиталъ въ оборотъ какъ въ разныя промышленныя предпріятія, такъ и въ торговлю, ссужавшіе деньгами торговцевъ, или купцовъ. Классъ бояръ въ Новгородѣ, по всѣмъ даннымъ, образовался тѣмъ же самымъ путемъ, какъ и въ другихъ русскихъ земляхъ, т.-е., изъ княжеской дружины, осѣвшей на мѣста, сдѣлавшейся землевладѣльческимъ классомъ и вобравшей въ себя лучшихъ, вячшихъ, нарочитыхъ людей мѣстнаго общества. Пользуясь близостью къ власти, участвуя въ управленіи, классъ этотъ увеличивалъ свои капиталы и землевладѣніе и сталъ въ концѣ-концовъ вертѣть всѣмъ обществомъ. Держа купцовъ и черныхъ людей въ долгахъ, бояре направляли рѣшенія вѣча, держали въ своихъ рукахъ всѣ выборныя должности,—посадника, тысяцкаго, сотскихъ, старостъ и т. д. Слѣдующій за боярами соціальный слой составляли такъ называемые *житьи люди*. То были также капиталисты и землевладѣльцы, какъ и бояре, но оставшіеся внѣ круга правящей знати и въ отличіе отъ бояръ занимавшіеся также и торговлею. Ниже житьихъ людей были *купцы*, ведшіе торговлю на свои и чужія деньги. Высшій разрядъ купечества составлялъ особую корпорацію при церкви св. Іоанна на опокахъ—«Иванское сто». По уставу, данному этой корпораціи еще княземъ Всеволодомъ въ 1135 году, чтобы стать «пошлымъ купцомъ», полноправнымъ и потомственнымъ членомъ «Иванскаго купечества», надо было внести въ товарищество 50 гривенъ

серебра и 21½ гривны въ пользу церкви св. Іоанна. Иванскому купечеству даны были важныя привилегіи, а именно: оно выбирало пять старостъ, которые подъ предсѣдательствомъ тысяцкаго вѣдали всѣ торговыя дѣла и торговый судъ въ Новгородѣ; вѣдало мѣры вѣса (вощаныя скальвы, медовые пуды или безмѣны, гривенку рублевую (для взвѣшиванія благородныхъ металловъ) и мѣры длины (Иванскій локоть). Кромѣ «Иванскаго ста», были, повидимому, и другія корпораціи купеческія, въ родѣ «купеческаго ста», упоминаемаго въ духовной одного новгородца XIII в. Ниже купцовъ стояли *черные люди*, разнообразные городскіе ремесленники и мелкіе торговцы, а также и простые рабочіе, проживавшіе въ городѣ. Всѣ перечисленные классы составляли городское населеніе, хотя могли владѣть недвижимостями и внѣ города и проживать въ нихъ. Высшій классъ собственно сельскаго населенія составляли такъ называемые *земцы* или *своеземцы*. Это были мелкіе землевладѣльцы-земледѣльцы, обрабатывавшіе свои собственныя земли, чаще всего изъ горожанъ, которые пріобрѣтали земли внѣ города и заводили на нихъ хозяйство. Ниже ихъ стояли *смерды*, обрабатывавшіе государственныя земли Новгорода Великаго и платившіе съ нихъ оброкъ въ Новгородскую казну, а еще ниже *половники*, *изорники*, *кочетники*, обрабатывавшіе владѣльческія земли изъ-полу, изъ третьяго, четвертаго снопа, смотря по мѣстнымъ условіямъ. Эти половники находились въ большой зависимости отъ землевладѣльцевъ, которые стали признаваться ихъ господами, имѣющими право требовать ихъ выдачи на ряду съ холопами, а также и судить. Въ Новгородѣ продолжали существовать и *закупы* Кіевскаго періода, наймиты, которые брали заработную плату впередъ подъ обезпеченіе своей личностью и были холопами своихъ кредиторовъ все время, пока отрабатывали взятую «купу», а въ случаѣ бѣгства или преступленія, становились полными холопами, или одерноватыми, какъ называли ихъ въ Новгородѣ. Эти *одерноватые холопы* занимали уже самое низшее положеніе въ новгородской соціальной іерархіи.

Итакъ, въ Новгородской землѣ въ противоположность Суздальской поддерживалась наличность могущественнаго, богатаго и вліятельнаго класса горожанъ, которому принадлежало экономическое господство въ странѣ. Высшіе слои этого класса—бояре и житьи люди господствовали экономически надъ другими городскими классами—купцами, черными людьми и надъ сельскими — половниками. Купцы, какъ организаторы сбыта въ добывающей промышленности, господствовали надъ промышленниками—земцами, смердами и половниками. Землевладѣльцы и торговцы господствовали, наконецъ, и надъ закупами. Короче сказать: народная масса въ Новгородской землѣ находилась въ экономическомъ подчиненіи у городскихъ капиталистовъ разныхъ званій и состояній. Всѣ зависѣли въ своемъ матеріальномъ благополучіи отъ главнаго города земли, который разсыпалъ свой капиталъ по странѣ, возбуждалъ и организовалъ народный трудъ, указывалъ ему пути и направленія. При такихъ условіяхъ

и руководящая политическая роль въ землѣ должна была закрѣпиться и упрочиться въ Новгородѣ не за княземъ, а за вѣчемъ главнаго города.

Возвышеніе вѣча и умаленіе княжеской власти въ Новгородѣ.—Внутренняя политическая исторія Новгорода и состояла въ постепенномъ возвышеніи вѣча и умаленіи значенія княжеской власти. Самый отправной моментъ въ исторіи княжеской власти въ Новгородѣ оказался неблагопріятнымъ для дальнѣйшаго ея развитія. Новгородъ не сдѣлался самостоятельнымъ княженіемъ, какъ другіе главные города русской земли. Съ того времени, какъ покинули его первые князья для Кіева, онъ почти постоянно находился подъ властью великаго князя—сначала Кіевскаго, а затѣмъ Владимирскаго или ихъ соперниковъ. Всѣ эти князья держали въ Новгородѣ своихъ родственниковъ-князей или мужей-намѣстниковъ. При частой смѣнѣ великихъ князей происходили частыя смѣны и на новгородскомъ столѣ. Первое время новгородцы пытались завести у себя самостоятельнаго, независимаго князя, постоянную княжескую династію, но всѣ ихъ попытки оставались тщетными. Новгородскій край представлялъ отдаленный сѣверо-западный уголъ тогдашней Руси, лежавшій въ сторонѣ отъ главной арены дѣятельности князей и ихъ дружинъ, и потому на первыхъ порахъ князья не охотно соглашались удаляться отъ своихъ родичей. Выяснилось затѣмъ, что экономически край зависитъ и отъ Приднѣпровской Руси, и отъ Суздальской, и потому немыслимо становиться ему въ политически-изолированное положеніе отъ той и другой, устраиваться совершенно самостоятельно съ своею княжескою династіею. Все это въ общей сложности въ концѣ концовъ и заставило новгородцевъ обходиться смѣнными князьями. Но смѣнный князь не могъ, конечно, расширить и возвысить свою власть, свое политическое значеніе въ Новгородѣ. При смѣнныхъ князьяхъ силою вещей должна была развиваться политическая самодѣятельность общества, которое сплошь и рядомъ оказывалось предоставленнымъ самому себѣ.

Но политическая самодѣятельность неизбѣжно ведетъ къ расширенію политическихъ правъ. Такое расширеніе даетъ себя выслѣдить уже въ первой половинѣ XII вѣка. Въ XI вѣкѣ князья правили въ Новгородѣ при помощи назначаемыхъ ими посадниковъ и тысяцкихъ. Когда князь покидалъ Новгородъ добровольно или поневолѣ, то и назначенныя имъ должностныя лица обыкновенно слагали свои обязанности. Но такой порядокъ съ теченіемъ времени, при частой смѣнѣ князей, оказался въ высшей степени неудобнымъ, ибо періодически создавалъ безначаліе въ городѣ. Поэтому новгородцы стали выбирать посадниковъ сами. Первое упоминаніе объ этомъ въ лѣтописи относится къ 1126 году, когда новгородцы дали посадничество нѣкоему Мирославу. Но объ этомъ говорится уже, какъ объ обычномъ явленіи. Само собою разумѣется, что разъ посадникъ сталъ выборнымъ, и самый характеръ его должности измѣнился. Прежде онъ былъ только помощникомъ князя, теперь онъ сталъ вмѣстѣ съ тѣмъ представите-

лемъ и охранителемъ интересовъ Новгорода, независимымъ отъ князя. Княжеская власть вмѣстѣ съ тѣмъ потерпѣла серьезное ограниченіе. Дальнѣйшій шагъ въ этомъ направленіи былъ сдѣланъ въ княженіе Всеволода Мстиславича, около 1135 года. Всеволодъ отказался отъ торговаго суда, который сосредоточился въ рукахъ пяти старостъ отъ Иванскаго купечества,—трехъ отъ житьихъ людей и двухъ—отъ купцовъ, подъ предсѣдательствомъ тысяцкаго. Князь удовольствовался полученіемъ денежной суммы въ 25 гривенъ серебра. До половины XII вѣка новгородскіе владыки ставились высшею церковною властью, кіевскимъ митрополитомъ и соборомъ епископовъ. Но со второй половины XII вѣка новгородцы начали выбирать изъ мѣстнаго духовенства и своего владыку, собираясь всѣмъ городомъ на вѣче, и отправляли въ Кіевъ своего избранника уже только для рукоположенія. Первымъ такимъ выборнымъ епископомъ былъ Аркадій, игуменъ одного изъ мѣстныхъ монастырей, избранный новгородцами въ 1156 году. Такъ, во второй и третьей четверти XII в. вся новгородская администрація стала выборной. Развившіяся со второй половины XII вѣка усобицы князей давали Новгороду возможность производить выборъ между князьями и налагать на нихъ извѣстныя обязательства. Даже такой князь, какъ Всеволодъ III, дѣлалъ имъ въ этомъ отношеніи разныя уступки. Въ 1209 году новгородцы усердно помогали ему въ его походѣ на Рязанскую землю. Въ награду за это, по разсказу лѣтописи, Всеволодъ сказалъ имъ: «любите, кто вамъ добръ, и казните злыхъ,» т.-е. отдалъ вѣчу судъ по политическимъ преступленіямъ; при этомъ Всеволодъ далъ новгородцамъ «всю волю и уставы старыхъ князей, чего они хотѣли». Изъ разсказовъ лѣтописи о столкновеніи вѣча съ княземъ Святославомъ Мстиславичемъ въ 1218 году по поводу лишенія посадничества Твердислава безъ вины съ его стороны, видно, что князья въ то время цѣловали крестъ—безъ вины волости мужа не лишити.

Договоры Новгорода съ князьями.—Изъ договорныхъ грамотъ позднѣйшаго времени (самая древняя относится къ 1265 г.) видно, что князья давали цѣлый рядъ и другихъ обязательствъ новгородцамъ, а именно: они обязывались безъ новгородскаго слова войны не замышлять, новгородскія волости держать не своими мужами, а новгородцами, безъ посадника не раздавать волостей, не выдавать никакихъ грамотъ, не судить судовъ; обязывались не посуживать старыхъ судовъ; на низу, внѣ предѣловъ Новгородской земли, новгородцевъ нѣ судить, даней не раздавать, приставовъ въ Новгородскую землю не всылать. У князя оставался еще такъ называемый «проѣзжій» судъ. И этотъ судъ подвергся ограниченіямъ и стѣсненіямъ: во-первыхъ, опредѣленъ былъ одинъ срокъ въ году для такого суда: «а куда пошло судіи твоему ѣздити по волости, ѣхати имъ межень по Петровѣ дни»; во-вторыхъ, опредѣлено было: «старосты, холопа, рабы, половника безъ господаря твоимъ судіямъ не судити»; въ-третьихъ, было оговорено, чтобы посылаемые княжескіе судьи изъ Новгородской волости

суда не водили и не судили. Но проѣзжій судъ князь сохранялъ не вездѣ: во многихъ мѣстахъ онъ бралъ за него окупъ отъ новгородцевъ, которые въ свою очередь отдавали его уже отъ себя желающимъ. То же самое справедливо и относительно *полюдья*. Князь сохранилъ право собирать дары только съ волостей, не входившихъ въ составъ древнѣйшихъ коренныхъ владѣній Новгорода, каковы были: Волокъ, Торжокъ, Вологда, Заволочье. Но осуществленіе этого права было обставлено особыми условіями: было опредѣлено количество лицъ, сопровождавшихъ князя, а также характеръ и направленіе пути: князь долженъ былъ ѣздить лишь на двухъ насадахъ (лодкахъ), и въ обѣ стороны, т.-е. туда и обратно, черезъ Новгородъ. Также долженъ былъ поступать и посылаемый имъ сборщикъ даровъ. Но боясь, какъ бы прямыя сношенія князя съ Заволочьемъ не повлекли къ отпаденію или захвату Заволочья, новгородцы съ теченіемъ времени стали требовать въ договорахъ, чтобы князья посылали за сборомъ обоихъ доходовъ новгородцевъ: «А за Волокъ ти, княже, своего мужа не слати, слати новгородца»; стали требовать даже, чтобы они отдавали эти доходы на откупъ: «продаяти ти дань своя новгородцу». Большимъ ограниченіямъ подверглись и другія финансовыя права князя. Новгородъ предоставлялъ князю пользоваться только такъ называемыми «княжчинами», т.-е. селами, спеціально предназначенными для князя, и не позволялъ ни князю, ни его дворянамъ пріобрѣтать села, слободы, холоповъ и закладней въ Новгородской землѣ. Князь имѣлъ право пользованія только опредѣленными угодьями, не на всей государственной территоріи Новгородской земли. Такъ, охотиться онъ имѣлъ право только въ Русѣ и на 60 верстъ вокругъ Новгорода, не далѣе. Ловить рыбу и варить медъ имѣлъ право въ Ладогѣ, куда могъ посылать своего осетренника и медоварника. Такимъ образомъ, князь въ Новгородѣ даже при великомъ желаніи не могъ сдѣлаться сельскимъ хозяиномъ и промышленникомъ, какъ въ Суздальской и другихъ русскихъ земляхъ. Ограничены были и права князя въ отношеніи торговли. Князь обязывался въ договорныхъ грамотахъ пускать въ свою отчину новгородскихъ купцовъ «гостить безъ рубежа», безъ задержки. Точно опредѣлялось, какія пошлины взимать князю съ каждой Новгородской ладьи или торговаго воза, являвшихся въ его княжество. Князь не могъ затворять въ Новгородѣ нѣмецкаго двора и ставить къ нему своихъ приставовъ. Нѣмецкіе купцы очень рано появились въ Новгородѣ, около половины XII в. Сначала здѣсь основались купцы съ острова Готланда изъ г. Висби, который былъ тогда средоточіемъ торговли по балтійскимъ берегамъ. Готландцы выстроили на торгу дворъ съ церковью св. Олафа, «варяжскою божницею», какъ называли ее новгородцы; потомъ выстроили другой дворъ, на которомъ въ 1184 году была выстроена «нѣмецкая ропата», церковь св. Петра. Въ XIV вѣкѣ ганзейскіе нѣмцы вытѣснили готовъ и стали нанимать ихъ дворъ. Новгородцы очень дорожили своею торговлею съ нѣмцами, оказывали имъ всяческое покровительство и давали разныя льготы. Отсюда и вышеприведенная статья въ ихъ

договорахъ съ князьями. Стараясь извлечь наибольшую выгоду отъ торговли съ нѣмцами для себя, новгородцы обязывали своихъ князей вести съ заморскими гостями торговлю не непосредственно, а черезъ новгородскихъ купцовъ.

Положеніе князя въ Новгородѣ; кормленые князья.—Итакъ, князь по всѣмъ статьямъ, во всѣхъ сферахъ управленія является стѣсненнымъ, ограниченнымъ въ этихъ договорахъ. Договоры понимаютъ князя не какъ верховнаго государя и владѣльца, а только какъ временнаго пришельца, являющагося въ Новгородъ по договору защищать землю и чинить судъ. Поэтому относительно каждаго князя договоры предусматриваютъ порядокъ его прибытія, когда онъ по обычаю получаетъ дары на станахъ, и порядокъ отбытія, когда онъ таковыхъ даровъ не получалъ. Князь съ своими дворянами были чужіе люди въ Новгородѣ, и Новгородъ былъ ему чужой. Князь съ своей дружиною механически входилъ въ Новгородское общество, какъ сторонняя временная сила. Онъ даже и не жилъ въ Новгородѣ, а внѣ его, на такъ называемомъ Городищѣ, какъ называлась его усадьба. Такое же положеніе занималъ князь и въ Псковѣ, который былъ первоначально простымъ пригородомъ Новгорода, а въ XIV вѣкѣ обособился отъ него и сталъ во главѣ самостоятельной Псковской земли. Князь въ Псковѣ былъ простой слуга вѣча, судилъ лишь съ участіемъ господы, псковскихъ сановниковъ, получалъ довольно ограниченные доходы, слагавшіеся изъ дани со смердовъ и судебныхъ пошлинъ, назначался вѣчемъ въ посольства для переговоровъ съ иностранными державами и, наконецъ, обязанъ былъ начальствовать надъ войскомъ и руководить военными операціями. Псковскій лѣтописецъ XV в. очень точно характеризовалъ его значеніе, назвавъ его «воеводою, княземъ кормленымъ, о которомъ было псковичамъ стояти и боронитися».

Такихъ «кормленыхъ» князей новгородцы держали иногда не только въ главномъ городѣ, но и на пригородахъ. Такъ въ XIV в. новгородцы кормили Гедиминова внука Патрикѣя Наримунтовича, въ нач. XV вѣка кн. Юрія Святославича Смоленскаго. Кормленые князья на пригородахъ рѣдко даже держали въ своихъ рукахъ судъ, большею частью они призывались лишь для военной защиты, а для гражданскаго управленія на этихъ волостяхъ сидѣли присылавшіеся изъ Новгорода посадники. За свой трудъ эти кормленые князья получали деньги изъ новгородской казны и коробейщину—хлѣбъ натурою съ мѣстныхъ жителей.

Вѣче въ Новгородѣ и Псковѣ, какъ органъ верховной власти.—Но если княжеская власть въ Новгородѣ и Псковѣ не только не прогрессировала, но даже регрессировала по сравненію съ X—XI вѣками, зато вѣче вполнѣ опредѣлилось, какъ органъ верховной власти Новгородской и Псковской общинъ, черезъ который проявлялась воля господина Великаго Новгорода и Пскова.

Внѣшняя обстановка и порядокъ созыва и совѣщаній вѣча въ Новгородѣ и Псковѣ носятъ тѣ же самыя черты, которыя знакомы намъ по вѣчамъ

кіевскаго періода. Вѣче созывали иногда князь, чаще посадникъ и тысяцкій; во время борьбы партій вѣча созывались и частными лицами. Обыкновенно сборъ на вѣчевую сходку производился посредствомъ звона въ колоколъ, который назывался въ Псковѣ «большимъ вѣчникомъ»; но иногда власти разсылали для этого «биричей» и «подвойскихъ» кликать на улицахъ. Въ Новгородѣ вѣче собиралось большею частью на Торговой сторонѣ на Ярославовомъ дворѣ, гдѣ существовала особая *степень*, помостъ, на которомъ возсѣдали власти, и съ котораго говорили ораторы. Рядомъ со степенью находилась вѣчевая изба, канцелярія, помѣщавшаяся въ особой башнѣ, гдѣ сидѣлъ вѣчевой дьякъ. Когда происходилъ выборъ владыки, то вѣче собиралось на площади около собора св. Софіи. Въ Псковѣ вѣче собиралось около Довмонтовой стѣны, при чемъ канцелярія подъ завѣдываніемъ городского дьяка находилась въ сѣняхъ собора св. Троицы; тамъ же находился и *ларъ*, государственный архивъ, коимъ завѣдывалъ особый чиновникъ—*ларникъ*. Вѣче не было постоянно и регулярно дѣйствующимъ учрежденіемъ, созывалось только тогда, когда въ немъ являлась надобность. На вѣче собирались всѣ свободные граждане—бояре, житьи люди, купцы, игумены, попы и черные люди, главы семей. На вѣче сходились не только жители главнаго города, но и пригородовъ. Такъ, въ 1136 году новгородцы вмѣстѣ съ псковичами и ладожанами изгнали на вѣчѣ князя Всеволода. Изъ пригородовъ приходили на вѣче случайные посѣтители, но иногда отправлялись и выборные, депутаты, если дѣло было особо важное, касавшееся пригорода. Вопросы, подлежавшіе обсужденію вѣча, предлагались ему со степени княземъ или высшими сановниками, посадникомъ и тысяцкимъ. Правильнаго обсужденія и голосованія въ многотысячной толпѣ, конечно, не было. Рѣшеніе выносилось, такъ сказать, на слухъ, какъ выкрикивало собраніе. Когда вѣче разбивалось на непримиримыя партіи, рѣшеніе достигалось путемъ насилія одной стороны надъ другою. Въ такихъ случаяхъ собиралось два вѣча, которыя сталкивались между собою, въ Новгородѣ большею частью на Волховскомъ мосту. Если дѣло кончалось благополучно, вѣчевой дьякъ записывалъ рѣшеніе вѣча, а владыка, посадникъ, тысяцкій и другія должностныя лица прикладывали свои печати.

Какія же дѣла рѣшались на вѣчѣ? Всѣ, которыя входятъ въ область верховнаго управленія. Вѣче объявляло войну, заключало миръ и всякіе договоры съ иностранцами. Такъ, уже договоръ съ нѣмцами 1195 года былъ заключенъ княземъ «и всѣми новгородцы»; тоже самое надо сказать и о договорѣ съ Казимиромъ 1440 года. Вѣче законодательствовало. Псковская судная грамота составлена «всѣмъ Псковомъ на вѣчѣ», при чемъ и дальнѣйшее движеніе законодательства по этой грамотѣ должно было происходить на вѣчѣ: «а которой строки пошлинной грамотѣ нѣтъ, и посадникомъ доложити господина Пскова на вѣчѣ, да тая строка написать; а которая строка въ сей грамотѣ не люба будетъ господину Пскову, ино тая строка вольно выписать вонъ изъ грамоты». Въ 1469 году Псковское вѣче утвер-

дило церковные законы, выписки изъ номоканона. Новгородскую судную грамоту составили бояре и житьи люди, и черные люди, весь государь Великій Новгородъ, на вѣчѣ на Ярославлѣ дворѣ. Вѣче устанавливало налоги, напр. дало в. кн. Василію Васильевичу черный боръ, издавало распоряженія относительно монеты. Въ 1447 году, напр., посадникъ и тысяцкій и весь Новгородъ уставили 5 денежниковъ и приказали переливать старыя деньги и ковать новыя. Вѣче отправляло судъ по важнымъ политическимъ преступленіямъ, судило, напр., посадниковъ, которые грамоту новую списали и положили въ ларь по уговору съ княземъ, безъ вѣдома Пскова (1484г.). ВъПсковѣ на вѣчѣ судились иногда и важнѣйшія уголовныя преступленія — измѣна, подлогъ, кража, конокрадство и волхвованіе. Наконецъ, вѣче избирало и смѣняло должностныхъ лицъ—посадника, тысяцкаго, сотскихъ, старостъ и т. д.—Вообще вѣче было несомнѣнно носителемъ и органомъ верховной власти какъ въ Новгородѣ, такъ и въ Псковѣ.

Правительственные совѣты въ Новгородѣ и Псковѣ.—Вѣче по своему составу и неорганизованности не могло, какъ мы видѣли, правильно обсуждать предлагаемые ему вопросы, а тѣмъ менѣе имѣть законодательную инициативу. Оно могло только отвѣчать per acclamationem. Собираясь только въ важныхъ случаяхъ, вѣче не могло раздавать распоряженія по текущему управленію. Поэтому при новгородскомъ и псковскомъ вѣчѣ естественно должно было организоваться особое учрежденіе, которое предварительно обсуждало всѣ дѣла и предлагало вѣчу готовые проекты законовъ и рѣшеній, а также издавало распоряженія по текущимъ дѣламъ, не требовавшимъ обсужденія на вѣчѣ. Такимъ подготовительнымъ и распорядительнымъ учрежденіемъ былъ въ Новгородѣ *совѣтъ господъ*, въ Псковѣ *господа*. Этотъ совѣтъ образовался первоначально вокругъ князя, былъ его думою, въ которой были владыка, старшіе княжескіе дружинники—посадникъ, тысяцкій, сотскіе и др. и градскіе старцы, т.-е. старосты концовъ. Но когда владыка, посадникъ, тысяцкій и сотскіе стали выборными, независимыми отъ князя должностными лицами, то и состоящій изъ нихъ совѣтъ занялъ самостоятельное, независимое отъ князя положеніе. Составъ его опредѣлился въ концѣ концовъ такимъ образомъ. Въ него вошли: владыка, степенные посадникъ и тысяцкій, сотскіе, старосты концовъ, старые посадники и тысяцкіе и биричи. Участіе старыхъ посадниковъ и тысяцкихъ вызвано было отчасти необходимостью—окончить съ ихъ участіемъ начатыя при нихъ дѣла, отчасти желаніемъ использовать ихъ служебный опытъ. Въ экстренныхъ случаяхъ въ совѣтъ вводились еще бояре отъ концовъ. Такой же составъ совѣта господъ былъ и въ Псковѣ съ тою разницею, что въ Псковѣ не было должности тысяцкаго, но зато было двое посадниковъ. Въ общемъ количество членовъ господы доходило до 50, а иногда и больше. Предсѣдателемъ совѣта, который и созывалъ его, былъ князь, а въ отсутствіе его владыка. Такъ, когда въ XIV в. одинъ разъ обидѣли нѣмецкихъ куп-

цовъ, они обратились съ жалобами къ владыкѣ, а тотъ отослалъ нѣмцевъ съ приставомъ къ посаднику, который и собралъ совѣтъ. Посадникъ и тысяцкій въ своей дѣятельности подчинены были совѣту господъ, который иногда прямо вмѣшивался въ дѣятельность посадника, дѣлалъ ему предписаніе. Такъ, въ 1331 году совѣтъ запретилъ посаднику брать деньги отъ нѣмцевъ. Нѣмцы въ нѣкоторыхъ случаяхъ аппеллировали на рѣшеніе суда, находившагося подъ предсѣдательствомъ тысяцкаго, къ совѣту: иногда тысяцкіе сами запрашивали совѣтъ. Совѣтъ подчинялъ себѣ и другіе органы управленія и дѣйствовалъ черезъ нихъ. Совѣтъ, какъ сказано, подготовлялъ всѣ дѣла для рѣшенія вѣча и съ этой точки зрѣнія былъ органомъ, подчиненнымъ вѣчу. Но фактически онъ часто руководилъ вѣчемъ, рѣшалъ вопросы верховнаго управленія, даже и не доводя до вѣча. Въ началѣ XV вѣка купцы жаловались, что совѣтъ не все доводилъ до свѣдѣнія народа. Если вѣче было органомъ новгородской демократіи, то совѣтъ былъ органомъ новгородской аристократіи, боярства по преимуществу, которое черезъ этотъ совѣтъ верховодило демократіею.

Должностныя лица въ Новгородѣ и Псковѣ.—Для командованія войскомъ, для исполненія дипломатическихъ и административныхъ порученій, для производства суда вѣче, какъ мы уже знаемъ, избирало посадника и тысяцкаго. И тотъ и другой первоначально избирались на неопредѣленное время. Но въ XV вѣкѣ они избирались уже на годъ. Пока они занимали свои должности, они назывались *степенными* (отъ вѣчевой степени, на которой имъ приходилось часто выступать); когда же покидали должность, то уже назывались старыми, при чемъ входили въ составъ совѣта господъ. Посадникъ былъ первоначально только помощникомъ князя, замѣщавшимъ его въ отсутствіе его. Но съ того времени, какъ онъ сталъ выборнымъ, онъ сталъ обязательнымъ участникомъ дѣйствій князя, представителемъ державнаго города, контролировавшимъ и направлявшимъ дѣятельность князя. Онъ сидѣлъ на судѣ князя; съ его согласія князь раздавалъ мужамъ новгородцамъ волости; посадникъ нерѣдко сопровождалъ князя и въ походахъ. Какъ первый гражданскій сановникъ державнаго города, посадникъ собиралъ вѣче и предсѣдательствовалъ на немъ, собиралъ иногда и совѣтъ господъ, обязательнымъ членомъ котораго онъ былъ. Въ отсутствіе князя посадникъ усваивалъ его функціи—командовалъ войскомъ, становился во главѣ посольствъ и производилъ судъ вмѣстѣ съ намѣстникомъ князя, буде князь былъ, но только не жилъ въ Новгородѣ. Такъ какъ на разбирательство къ князю и посаднику поступало множество дѣлъ, то на практикѣ между посадникомъ и княжескимъ намѣстникомъ установилось раздѣленіе труда. Тіуны посадника и намѣстника въ своихъ «одринахъ», камерахъ, разбирали предварительно всѣ дѣла при содѣйствіи избранныхъ тяжущимися двухъ приставовъ, но не рѣшали ихъ окончательно, а переносили ихъ къ посаднику и намѣстнику на докладъ, т.-е. для составленія окончательнаго рѣшенія, или на пересудъ, т.-е. для пересмотра дѣла и утвер-

жденія выработаннаго тіуномъ рѣшенія. Съ посадникомъ и намѣстникомъ въ такихъ случаяхъ сидѣли 10 присяжныхъ, по боярину и житьему отъ каждаго конца. Всѣ эти «докладчики», какъ они назывались, собирались на дворѣ новгородскаго архіепископа «во владычнѣ комнатѣ» три раза въ недѣлю подъ страхомъ денежной пени за неявку. Въ Псковѣ учрежденіемъ, соотвѣтствовавшимъ этой коллегіи докладчиковъ, была *господа* состоявшая изъ посадниковъ, степенныхъ и старыхъ, и сотскихъ (безъ кончанскихъ старостъ) и засѣдавшая въ судебнѣ «у князя на сѣнехъ».—*Тысяцкій* былъ прежде всего предводителемъ тысячи, т.-е. новгородскаго ополченія. Новгородское войско состояло изъ трехъ элементовъ: княжеской дружины, или дворянъ, которыми командовалъ непосредственно князь или его намѣстникъ, владычня полка, которымъ командовалъ владычній бояринъ, и народной милиціи, которою командовалъ тысяцкій вмѣстѣ съ соцкими. Въ Псковѣ роль тысяцкаго игралъ второй посадникъ. Въ мирное время тысяцкій былъ начальникомъ новгородской полиціи и предсѣдателемъ торговаго суда старостъ Иванскаго купечества. Тысяцкій дѣлалъ и другія дѣла, одинаковыя съ посадникомъ, напр., исполнялъ дипломатическія порученія, участвовалъ въ совѣтѣ господъ и т. д. Посаднику и тысяцкому подчинены были низшіе агенты—*пристава*, *биричи*, *подвойскіе*, *позовники*, *извѣтники*, которые исполняли разныя судебныя и административно-полицейскія распоряженія, объявляли рѣшенія вѣча, призывали къ суду, приводили въ исполненіе его рѣшеніе и т. д. Посадникъ и тысяцкій получали за свои труды особый налогъ—*поралье* (отъ рало, плугъ).

Органы мѣстнаго управленія въ Новгородѣ и Псковѣ.—Таково было устройство центральнаго управленія въ Новгородѣ и Псковѣ, верховнаго и подчиненнаго. Это же управленіе въ извѣстныхъ предѣлахъ было и мѣстнымъ, ибо вѣче, совѣтъ господъ и ихъ исполнительные органы вѣдали не только общегосударственныя дѣла, но и мѣстныя городскія. Независимо отъ того какъ въ Новгородѣ, такъ и въ Псковѣ были органы мѣстнаго управленія. Новгородъ составился изъ нѣсколькихъ самостоятельныхъ поселковъ, которые, соединившись въ одну городскую общину, въ то же время продолжали сохранять извѣстную обособленность, извѣстную внутреннюю самостоятельность. То были *концы*, на которые дѣлился Новгородъ. Два изъ этихъ концовъ—Славянскій и Плотницкій находились на правой сторонѣ Волхова, или Торговой, гдѣ былъ торгъ, дворъ Ярослава, гдѣ собиралось вѣче, а три на лѣвой, или Софійской сторонѣ—Неревскій на сѣверѣ, Загородскій на западѣ, Гончарскій или Людинъ на югѣ. Всѣ пять концовъ опоясывались валомъ и рвомъ, за которыми шли многочисленные посады и монастырскія слободы, составлявшіе продолженіе города. Въ Псковѣ было шесть такихъ концовъ. Концы отличались другъ отъ друга составомъ населенія. Три Софійскихъ конца въ Новгородѣ имѣли демократическій характеръ, населены были преимущественно черными людьми, а два конца Торговой стороны—аристократическій, были населены преиму-

щественно боярами и житьими людьми. Внутренняя самостоятельность концовъ проявлялась наиболѣе ярко въ кончанскихъ вѣчахъ, на которыхъ постановлялись разныя рѣшенія, касающіяся концовъ, выдавались грамоты, избирались кончанскіе старосты, засѣдатели высшаго суда—«у докладу во владычнѣ комнатѣ», депутаты для участія въ посольствахъ, члены кончанской управы, т.-е. коллегіи знатныхъ, которыя были исполнительнымъ и распорядительнымъ органомъ конца подъ предсѣдательствомъ кончанскаго старосты. У концовъ не мало было собственныхъ, мѣстныхъ дѣлъ: они строили и ремонтировали укрѣпленія, заготовляли военные припасы, набирали и снаряжали войска, заботились о внутренней безопасности и т. д. Земли, разстилавшіяся за городомъ и шедшія во всѣ стороны до предѣловъ первоначальной Новгородской области, на которыхъ многіе кончане имѣли имѣнья, держали половниковъ и холоповъ, также находились въ нѣкоторомъ вѣдѣніи концовъ. Коренная Новгородская область дѣлилась на пять пятинъ, и каждая изъ этихъ пятинъ, по свидѣтельству Герберштейна, подлежала во всѣхъ общественныхъ и частныхъ дѣлахъ начальству своей части города; сдѣлки съ согражданами, напр., каждый могъ совершать только въ своей части города, и никому не позволялось обращаться съ чѣмъ-либо къ другому начальству того же города. И въ новгородскихъ документахъ есть кое-какія указанія на административную зависимость загородныхъ земель отъ городскихъ концовъ. Такъ, писцовыя книги XV вѣка свидѣтельствуютъ, что съемщики подгородныхъ земель въ Вотской пятинѣ тянули тягломъ въ Неревскій конецъ. Новгородская судная грамота говоритъ о сельскихъ волостныхъ людяхъ «кончанскихъ и улицкихъ», которыхъ старосты концовъ и улицъ обязаны были ставить на судъ въ искахъ на нихъ стороннихъ лицъ. Такое же отношеніе частей территоріи къ концамъ города существовало и въ Псковской землѣ. Здѣсь старые пригороды были издавна распредѣлены между концами города. Въ 1468 году, когда накопилось много новыхъ пригородовъ, на вѣчѣ было рѣшено также раздѣлить ихъ по жребію, между концами, по два на каждый конецъ.

Каждый конецъ въ военномъ и полицейскомъ отношеніи дѣлился на *двѣ сотни*, во главѣ которыхъ стояли *сотскіе*. Сотскіе были предводителями ополченія сотни, наблюдали за мѣрами и вѣсами, за мощеньемъ улицъ и т. д. Они выбирались на сходахъ сотенъ. Сотни въ свою очередь подраздѣлялись на *улицы*, изъ которыхъ каждая съ своимъ выборнымъ *улицкимъ старостою* представляла также особый мѣстный мірокъ, пользовавшійся самоуправленіемъ, защищавшій интересы своихъ членовъ. Уличане, напр., посылали на судъ, гдѣ разбиралось дѣло ихъ сочлена, двухъ представителей-защитниковъ или «ятцевъ».

Органы областного и колоніальнаго управленія.—Что касается областного управленія, то въ этомъ отношеніи надо различать тѣ части Новгородской территоріи, которыя были древнѣйшими составными ея частями и во-

шли въ составъ дѣленія на пятины, отъ позднѣйшихъ приростовъ ея, колоній и военныхъ пріобрѣтеній. Пятины распадались на волости, во главѣ которыхъ стояли пригороды. Пригородъ съ своей волостью былъ такой же мѣстный самоуправляющійся міръ, какими были новгородскія сотни. Въ пригородахъ собирались вѣча для рѣшенія своихъ частныхъ дѣлъ. Текущее же управленіе находилось въ рукахъ посадниковъ, которыхъ присылалъ и отзывалъ старшій городъ. Старшій городъ облагалъ пригороды денежными сборами на государственныя нужды, вызывалъ во время войны ополченія пригородовъ, которыя поступали подъ команду его властей, наказывалъ пригороды за ослушаніе денежнымъ штрафомъ и карательными экспедиціями, которыя сожигали села и т. п. Пригороды подчинялись и въ судебномъ отношеніи главному городу: нѣкоторыя дѣла отъ суда посадника и мѣстныхъ старостъ, сотскихъ и рядовичей переходили на докладъ и на пересуды въ Новгородъ въ извѣстную коллегію докладчиковъ или въ Псковъ въ господу.—Территоріи пригородовъ дѣлились въ Новгородской землѣ на погосты (всѣхъ въ пятинахъ была до 340), въ Псковской на волости или *губы.* Погосты были мелкими территоріально-сословными (крестьянскими) организаціями, во главѣ которыхъ стояли выборные старосты, раскладывавшіе и собиравшіе налоги и вѣдавшіе полицію.

Другими своими владѣніями, кромѣ пятинъ, Новгородъ управлялъ не такъ, какъ пятинами, и притомъ не всѣми одинаково. Самымъ важнымъ изъ этихъ владѣній было *Заволочье*, или *Двинская земля.* Судя по сообщеніямъ лѣтописи, управленіе этимъ краемъ до XIII вѣка носило военный характеръ: для сбора дани туда отправлялись ежегодно вооруженныя экспедиціи новгородцевъ. Но въ XIII и XIV вв. здѣсь уже существовало постоянное гражданское управленіе. Изъ Новгорода присылалось сюда двое посадниковъ, которые жили въ Холмогорахъ. На судѣ посадника со стороны двинянъ всегда присутствовалъ сотскій, одинъ на всю Двинскую землю, а по дѣламъ финансовымъ представителями мѣстныхъ интересовъ были старосты, избиравшіеся отдѣльными волостями. Всѣ остальныя владѣнія Новгорода на сѣверѣ—Тре (Терскій берегъ), Пермь, Печора, Югра все время оставались въ томъ же положеніи, въ какомъ находилось Заволочье до XIII вѣка: Новгородцы не имѣли здѣсь постоянныхъ органовъ администраціи, но посылали ежегодно *данщиковъ* въ сопровожденіи вооруженныхъ отрядовъ, которые и собирали дань.

Внутренняя политическая рознь и борьба въ Новгородской и Псковской республикахъ.—Итакъ, политическая организація сѣверо-западной Руси въ удѣльную эпоху вышла непохожею на политическую организацію сѣверо-восточной Руси. Вмѣсто феодальныхъ монархій мы видимъ здѣсь двѣ державныя городскія республики, власть которыхъ простирается на обширныя населенныя территоріи за городскою чертою и далеко въ сторону отъ главныхъ городовъ. Аналогичныя державныя городскія республики

представляли въ древнемъ мірѣ Аѳины и Римъ, въ средніе вѣка Генуя, Флоренція и въ особенности Венеція. Слѣдовательно, и въ сопоставленіе нашего соціально-политическаго строя удѣльной эпохи съ средневѣковымъ западно-европейскимъ Новгородъ и Псковъ не вносятъ диссонанса. Продолжая сравненіе политическаго строя сѣверо-западной Руси и сѣверо-восточной, мы должны отмѣтить, что сѣверо-западная Русь въ общемъ достигла въ большей степени государственнаго единства, чѣмъ сѣверо-восточная. Новгородскія и псковскія волости и колоніи, хотя и пользовались извѣстнымъ внутреннимъ самоуправленіемъ, но при всемъ томъ были подчинены своимъ главнымъ городамъ въ гораздо большей степени, чѣмъ удѣльныя княжества великому княженью. Мы видѣли, что и посадники въ нихъ присылались изъ главнаго города, и дань они платили туда же, и по судебнымъ дѣламъ обращались туда же; ихъ жители по временамъ участвовали въ вѣчахъ главнаго города.

Но хотя de jure Новгородъ и Псковъ и крѣпче спаяны были съ своими пригородами и колоніями, чѣмъ великія княженія съ удѣльными, на дѣлѣ и въ ихъ областяхъ царилъ духъ мѣстной розни и обособленности. Права державныхъ городовъ и ихъ осуществленіе нерѣдко вызывали недовольство областныхъ жителей, и въ лѣтописяхъ новгородскихъ очень часто читаются извѣстія о возстаніяхъ пригородовъ и волостей. Нѣкоторыя волости обнаруживали стремленіе къ отпаденію отъ Новгорода и къ соединенію съ другими землями. Такъ, земля Двинская, или Заволочье, съ половины XII в. не разъ обнаруживала тяготѣніе къ Суздальской землѣ, позже къ Московскому княжеству. Еще въ 1169 году в. кн. Андрей Боголюбскій въ борьбѣ съ Новгородомъ привлекъ двинянъ на свою сторону, хотя и ненадолго. Въ 1397 году Двинская земля сдѣлала попытку перемѣнить новгородскую власть на власть великаго князя Московскаго Василія Дмитріевича. Попытка эта, впрочемъ, кончилась неудачею: двиняне заплатили новгородцамъ 2 тысячи рублей и дали новгородскимъ всадникамъ 3000 коней. Въ 1434 году возставали противъ Новгорода Великія Луки и Ржевъ, намѣреваясь присоединиться къ Литвѣ, но были усмирены. Но особенно важны были возстанія Пскова, увѣнчавшіяся полнымъ успѣхомъ. Псковъ вступилъ въ борьбу за право имѣть своего собственнаго выборнаго князя. Такимъ княземъ во второй половинѣ XIII вѣка былъ Довмонтъ, литовскій выходецъ. Новгородцы помирились съ этимъ фактомъ, но считали Довмонта и его ближайшихъ преемниковъ своими кормленщиками. Съ 1322 года въ Псковѣ появляются уже совершенно самостоятельные князья, не считавшіе себя даже и de jure кормленщиками Новгорода: такимъ княземъ былъ тогда литовскій князь Давыдко. Въ началѣ же XIV вѣка въ Псковѣ завелись собственные выборные посадники на ряду съ присылавшимися изъ Новгорода. Полнымъ успѣхомъ псковскія стремленія къ независимости увѣнчались въ 1347 году, когда въ Болотовѣ между Новгородомъ и Псковомъ былъ заключенъ такой договоръ: «посадникомъ новгородскимъ въ Псковѣ ни

сѣдѣти, ни судити, а отъ владыки судити ихъ брату псковитину, а изъ Новгорода ихъ не позывати ни дворяны, ни подвойскими, ни софіаны, ни извѣтники, ни биричи». «Назваша братомъ молодшимъ Новугороду Псковъ»,—заключаетъ лѣтописецъ. Такъ, Псковъ освободился окончательно отъ всякаго подчиненія Новгороду. Царство державнаго города раздѣлилось, и это не могло не сказаться его политическимъ ослабленіемъ. Хотя это отпаденіе было единственное, но центробѣжныя стремленія проявлялись, какъ мы видѣли, и состороны другихъ волостей Великаго Новгорода. Для успѣшнаго противодѣйствія имъ и вообще для успѣшнаго охраненія государственной цѣлости и единства необходима была прежде всего солидарность и единеніе внутри самого державнаго города и заботливая безкорыстная политика въ отношеніи пригородовъ и колоній. Ни того, ни другого не оказалось въ наличности.

Въ теченіе всего разсматриваемаго времени Новгородская республика раздиралась внутреннею борьбою партій. Партіи группировались по самымъ разнообразнымъ поводамъ—по поводу выбора князей, посадниковъ, по поводу разныхъ вопросовъ, подлежащихъ рѣшенію вѣча. Но въ большинствѣ случаевъ эта группировка имѣла въ своемъ основаніи глубокій соціальный антагонизмъ, борьбу меньшихъ съ большими, купцовъ и черныхъ людей съ боярами и житьими людьми, иногда всего общества съ боярами. Борьба сплошь и рядомъ превращалась въ открытое междоусобіе, сопровождавшееся убійствами, грабежомъ и сожженіемъ дворовъ, не говоря уже о побоищахъ на вѣчевой площади или на Волховскомъ мосту. Параллельно съ этимъ шло угнетеніе пригородовъ и волостей. «А въ то время,—читаемъ подъ 1446 годомъ въ лѣтописи,—не бѣ въ Новгородѣ правдѣ и праваго суда, и возсташа ябедницы, изнарядиша четы и обѣты и цѣлованія на неправду, и начаша грабити по селамъ и по волостемъ и по городу, и бѣяхомъ въ поруганіе сусѣдомъ нашимъ, сущимъ окрестъ насъ; и бѣ по волости изъѣжа велика и боры частыя, кричь и рыданія и вопль и клятва всими людми на старѣйшины наша и на градъ нашь, зане не бѣ въ насъ милости и суда права» (4-я Новгородская лѣтопись). Соціальная вражда и борьба и земская рознь въ концѣ концовъ превратили Новгородское государство въ дряхлое политическое сооруженіе, еле державшееся на старыхъ подпорахъ и связяхъ, и достаточно было двухъ мощныхъ ударовъ извнѣ, чтобы это сооруженіе развалилось и разсыпалось. «Новгородцы люди житіи и молодшіи,—пишетъ лѣтописецъ,—сами его (Ивана III) призвали на тыя управы, что на нихъ насилья держатъ: какъ посадники и великіе бояре никому ихъ судити не мочи тіи насильники творили, то ихъ также иметъ князь великій судомъ по ихъ насильству по мздѣ судити». Такъ отъ произвола и насилія великихъ бояръ новгородское населеніе искало спасенія въ московскомъ абсолютизмѣ. Въ минуту послѣдней рѣшительной борьбы Новгорода за свою самостоятельность не только младшій братъ его Псковъ, но и Двинская земля не оказали ему никакой поддержки и даже послали свои полки на помощь Москвѣ.

Пособія:

Кромѣ общихъ трудовъ Багалѣя, Иловайскаго и Соловьева, пособіями могутъ служить:

С. М. Соловьевъ, Объ отношеніяхъ Новгорода къ великимъ князьямъ Москва. 1846.

Костомаровъ, Сѣвернорусскія народоправства, томъ I—II.

Никитскій, Очерки изъ жизни Великаго Новгорода (Журн. Мин. Народн. Просвѣщ. 1869, № 10).

— Исторія экономическаго быта Новгорода. С.-Пб. 1893.

— Очеркъ внутренней исторіи Пскова. С.-Пб. 1873.

Н. А. Рожковъ, Обзоръ русской исторіи съ соціологической точки зрѣнія, ч. II, вып. 1. С.-Пб. 1905.

В. О. Ключевскій, Боярская дума древней Руси изд. 4-е. Москва 1909.

XVI.

Культурное развитіе сѣверо-восточной Руси въ удѣльную эпоху.

Сосредоточеніе русскаго населенія въ сѣверныхъ сравнительно скудно одаренныхъ отъ природы областяхъ и стоявшій въ связи съ этимъ упадокъ промысловъ и отпускной торговли, татарскіе погромы XIII и начала XIV вѣка и хроническое истощеніе народнаго хозяйства «выходомъ» въ Орду—всѣ эти причины въ общей сложности обусловили несомнѣнный регрессъ русскаго народнаго хозяйства, упадокъ матеріальнаго благосостоянія русскаго народа въ XIII—XV вв. по сравненію съ кіевскою эпохою. Всѣ на Руси въ это время обѣднѣли и обнищали по сравненію съ прежнимъ временемъ: и князья, и бояре, и горожане, и «люди», превратившіеся теперь въ княжескихъ «сиротъ». Всѣ одинаково были поглощены заботами о насущномъ хлѣбѣ и объ откупѣ отъ татарскаго насилья, всѣ съ головою погрузились въ будничныя дѣла, въ мелкіе житейскіе помыслы и хлопоты. При такихъ условіяхъ и культурное развитіе Руси за это время не только не шло впередъ, но замѣтно отошло назадъ, понизилось по сравненію съ дотатарскою эпохою. И это справедливо какъ относительно внѣшней, матеріальной культуры, такъ и относительно культуры духовной.

Зодчество въ удѣльную эпоху.—Мы видѣли, что въ дотатарскую эпоху достигла у насъ на Руси значительныхъ успѣховъ художественная промышленность, обслуживавшая церкви, князей, бояръ и вообще состоятель-

ныхъ людей русскаго общества. Въ удѣльную эпоху всѣ эти заказчики, какъ сказано, обѣднѣли, оскудѣли, а вмѣстѣ съ тѣмъ должно было падать и художественное ремесло, должны были исчезать многія пріобрѣтенныя уже знанія и навыки. Начать хотя бы съ строительныхъ искусствъ. «Каменные здатели» существовали у насъ на Руси и въ татарскую эпоху и строили каменныя церкви. Такъ, въ Новгородѣ были построены: Покровская церковь подлѣ Софіи, церковь Θедора Стратилата и др. Въ Москвѣ Калита соорудилъ Успенскій соборъ и Архангельскій, его внукъ Димитрій Донской—церковь Чуда св. архистратига Михаила въ Колосаехъ», супруга Димитрія Евдокія—соборный храмъ Вознесенія въ основанномъ ею Вознесенскомъ монастырѣ, сынъ Донского Василій—первоначальный Благовѣщенскій соборъ (въ 1405 г.) и т. д. Кромѣ церквей сооружались и каменныя палаты князей (напр. въ Рязани) и владыкъ, каменныя стѣны вокругъ нѣкоторыхъ городовъ и монастырей. Такъ, въ 1330 году псковичи поставили Изборскъ каменный, въ 1367 году ставили кремль каменный въ Москвѣ. Но всѣ эти постройки не отличались ни прочностью, ни изяществомъ въ той мѣрѣ, какъ постройки дотатарской эпохи. Многія церкви быстро разрушались. Такъ, въ Коломнѣ только что окончили каменную церковь, какъ она упала; въ Новгородѣ церковь св. Іоанна Златоуста упала, какъ только по окончаніи ея сошли съ нея мастера; въ Москвѣ церковь «Чуда архангела Михаила» должна была возобновляться черезъ двадцать пять лѣтъ по окончаніи стройки и т. д. Въ архитектурѣ церквей продолжалъ господствовать старый суздальскій стиль, но уже безъ тѣхъ роскошныхъ украшеній, которыми снабжены соборы Успенскій и Димитріевскій во Владимірѣ и Георгіевскій въ Юрьевѣ Польскомъ. Стиль удѣльной эпохи лучше всего сохранился въ Успенскомъ соборѣ въ Звенигородѣ. Какъ и прежніе суздальскіе храмы, онъ сложенъ изъ бѣлаго тесанаго камня по тому же плану; на половинѣ своей высоты онъ опоясанъ узорчатыми высѣченными въ камнѣ полосками. Къ этой же эпохѣ относится Троицкій соборъ въ Сергіевой лаврѣ. Во внутреннемъ устройствѣ храмовъ въ это время появляется особенность, именно: древній низкій иконостасъ замѣняется высокимъ, дѣлившимся на такъ называемыя «тябла», т.-е. ярусы. Въ извѣстіяхъ о построеніи церквей лѣтописцы употребляютъ обыкновенно иностранное слово—«мастера», но при всемъ томъ не видно, чтобы призываемы были для строенія церквей иностранцы, за исключеніемъ одного только случая: владыка Новгородскій Евфимій въ 1433 году построилъ у себя на дворѣ каменную палату съ 30 дверями при помощи заморскихъ нѣмецкихъ мастеровъ.

Живопись.—Этого нельзя сказать про «расписаніе» церквей; здѣсь попрежнему иностранцы-греки работали вмѣстѣ съ своими русскими учениками. Въ 1343 году греческіе мастера «подписали» соборную—церковь Успенія Богородицы въ Москвѣ; въ 1395 году мастера Θеофанъ грекъ и Семенъ Черный расписали церковь Рождества Богородицы и придѣлъ

св. Лазаря въ Московскомъ кремлѣ; тотъ же Ѳеофанъ грекъ расписалъ церковь св. Архистратига Михаила въ 1399 году, а въ 1405 году церковь Благовѣщенія на княжескомъ дворѣ вмѣстѣ съ русскими мастерами Прохоромъ старцемъ изъ Городца, да чернцомъ Андреемъ Рублевымъ. Въ Новгородѣ въ качествѣ церковныхъ живописцевъ также фигурировали греки—Исаія Гречинъ (въ 1338 г.), упомянутый уже Ѳеофанъ и др. Но достаточно было и своихъ собственныхъ мастеровъ. Такъ, въ 1334 году монастырскую церковь св. Спаса въ Москвѣ расписывали выученики грековъ—Гайтанъ Семенъ и Иванъ съ учениками своими и «дружиною». Живописцемъ былъ митрополитъ Петръ, который, по преданію, написалъ двѣ иконы, хранящіяся нынѣ въ Успенскомъ соборѣ, св. Стефанъ Пермскій, препод. Діонисій Глушицкій и др. Но самымъ знаменитымъ живописцемъ изъ русскихъ людей былъ Андрей Рублевъ, участвовавшій, какъ сказано, въ расписаніи Благовѣщенскаго собора въ Москвѣ. Вмѣстѣ съ иконникомъ Даніиломъ онъ расписалъ соборный храмъ Богородицы во Владимирѣ; ему приписывается также образъ св. Троицы въ Сергіевской лаврѣ. Андрей Рублевъ былъ страстно преданный своему дѣлу человѣкъ, находившій въ немъ величайшее наслажденіе, считавшій его богоугоднымъ и душеспасительнымъ. Онъ чрезвычайно прославился у своихъ современниковъ и создалъ цѣлую школу подражателей. Изъ памятниковъ церковной фресковой живописи удѣльной эпохи заслуживаютъ особаго вниманія фрески новгородской Спасопреображенской церкви на Торговой сторонѣ—произведеніе вышеупомянутаго грека Ѳеофана, изображеніе двухъ св. русскихъ князей на хорахъ въ церкви св. Ѳеодора Стратилата въ Новгородѣ (XIV в.), три лика святыхъ въ одеждахъ русскихъ воиновъ съ копьемъ, щитомъ, латами и шлемомъ, находящіеся въ Спасопреображенской церкви въ Ковалевѣ близъ Новгорода, фрески Успенскаго собора во Владимирѣ, писанныя Андреемъ Рублевымъ, и фрески Успенскаго собора въ Звенигородѣ. Въ произведеніяхъ иконописцевъ удѣльной эпохи, какъ и въ произведеніяхъ предшествующей эпохи, царитъ условность, однообразіе пріемовъ и выраженія, мало личнаго, индивидуальнаго творчества. Общій характеръ иконописанія тотъ же самый, что и въ предшествующую эпоху.

Особымъ видомъ живописи были иллюстраціи въ такъ называемыхъ «лицевыхъ» рукописяхъ и миніатюра, т.-е. рисунки заглавныхъ буквъ и заставокъ. Здѣсь проявлялось больше свободнаго творчества, было меньше условности. Изъ лицевыхъ рукописей замѣчателенъ Кенигсбергскій или Радзивилловскій списокъ лѣтописи, въ которомъ чуть не каждая страница имѣетъ иллюстраціи, хотя и не особенно искусно сдѣланныя, но при всемъ томъ чрезвычайно интересныя. Изъ миніатюръ замѣчательны миніатюры «Сказанія о святыхъ Борисѣ и Глѣбѣ». Здѣсь въ иллюстраціяхъ—все житіе Бориса и Глѣба съ изображеніями Владимира, Святополка Окаяннаго, Бориса и Глѣба, Изяслава въ доспѣхахъ и одеждахъ, великокняжескихъ палатъ, шатра, воиновъ-всадниковъ, насадовъ (лодокъ), погребенія Глѣба

въ лѣсу между двумя колодами, перенесенія мощей св. Бориса въ саняхъ лѣтомъ. Въ тѣсной связи съ рисунками находится орнаментъ миніатюръ, который отличается разнообразіемъ и богатствомъ колорита, гармоніею тоновъ. Орнаментъ представляетъ повтореніе или развитіе византійскихъ, болгарскихъ и сербскихъ образцовъ съ примѣсью, однако, и національныхъ русскихъ мотивовъ, особенно въ новгородскихъ миніатюрахъ, гдѣ видимъ мотивы, близкіе къ народнымъ узорамъ и вышивкамъ на полотенцахъ, прошивкахъ, рубахахъ и т. д.

Литейное, чеканное, ювелирное и другія художественныя ремесла.— Преимущественно церковными потребностями поддерживались въ сѣверо-восточной Руси и другія художественныя ремесла, и прежде всего литейное дѣло. Отливались мѣдные колокола для церквей, оловянныя или свинцовыя «доски» для крышъ, мѣдныя доски для дверей, подсвѣчники и паникадила, оловянные, мѣдные и серебряные сосуды и т. д. Большая часть этихъ издѣлій приготовлялась русскими мастерами. Такъ, въ 1420 г. псковичи выписывали изъ Москвы спеціальнаго мастера для изготовленія свинцовыхъ досокъ, которыми предполагалось обить церковь св. Троицы. Въ Москвѣ уже въ 1410 г. взималась пошлина съ серебрянаго литья. Но болѣе крупныя и искусныя вещи все-таки изготовляли иностранцы. Въ 1345 году три большихъ колокола и два малыхъ отливалъ въ Москвѣ мастеръ Борисъ римлянинъ; еще раньше, въ 1342 году, онъ вызывался изъ Москвы въ Новгородъ и отлилъ тамъ большой колоколъ для св. Софіи. Продолжали существовать и работать на Руси и позолотчики, золотившіе главы или маковицы церквей, раки или гробы святыхъ, иногда даже и двери церковныя. Но въ общемъ это ремесло при бѣдности правителей и населенія, конечно, не могло процвѣтать въ удѣльное время, какъ не могло процвѣтать и чеканное, ювелирное дѣло. Драгоцѣнныя украшенія церковной утвари и облаченій, иконъ, убора князей и бояръ, сдѣлались большою рѣдкостью, тщательно хранились и передавались по наслѣдству, какъ большая рѣдкость. Духовныя грамоты московскихъ и другихъ князей подробно перечисляютъ шапки, шубы, ожерелья, цѣпи, кресты, иконы, коробочки и т. д., какъ великую цѣнность. Изъ драгоцѣнныхъ вещей удѣльной эпохи замѣчателенъ въ художественномъ отношеніи саккосъ митрополита Фотія, хранящійся въ Московской патріаршей ризницѣ. На немъ по атласу вышиты золотомъ, серебромъ и шелкомъ изображенія праздниковъ и святыхъ и портреты в. кн. Василія Дмитріевича, его супруги Софьи Витовтовны, греческаго императора Іоанна Палеолога, его супруги Анны (дочери Василія) и, наконецъ, самого митрополита. Портреты великаго князя и его супруги имѣютъ славянскія подписи, а византійскаго императора, его супруги и митрополита—греческія. Видно, что дѣлали этотъ саккосъ все-таки греки. Василій Дмитріевичъ изображенъ въ кафтанѣ краснаго цвѣта съ клѣтками, низко подпоясанномъ, въ узкихъ зеленыхъ портахъ, запрятанныхъ въ высокіе сапоги изъ краснаго сафьяна, перехваченные въ трехъ мѣстахъ застежками; сверху

накинутъ зеленый плащъ съ золотыми разводами по синей подкладкѣ. На головѣ великаго князя сквозной золотой вѣнецъ, съ крестами и съ красной бархатной тульею; въ правой рукѣ онъ держитъ скипетръ, унизанный жемчугомъ. Великая княгиня Софья одѣта въ сарафанъ изъ серебряной парчи съ красными клѣтками въ золотыхъ рамахъ; сарафанъ украшенъ золотымъ ожерельемъ и такимъ же поясомъ; сверхъ сарафана надѣта шубка или длинный плащъ, золотой съ серебряными кругами и въ нихъ синими и красными крестами. На княгинѣ вѣнецъ почти такой же формы, какъ и на ея супругѣ. Надо думать, что эти изображенія являются все-таки приблизительнымъ воспроизведеніемъ дѣйствительности и, слѣдовательно, могутъ дать нѣкоторое понятіе объ убранствѣ богатѣйшихъ тогда на Руси князей—Московскихъ. Другіе князья едва ли могли такъ одѣваться; еще менѣе могли допускать значительную роскошь въ убранствѣ и одѣяніи бояре и слуги князей. Внѣшній бытъ правящихъ и состоятельныхъ круговъ русскаго общества, по всѣмъ признакамъ, былъ въ удѣльное время бѣднѣе, сѣрѣе, чѣмъ въ кіевскую эпоху.

Образованность.—Пала несомнѣнно и образованность на Руси съ прибытіемъ татаръ. Выше было указано, съ какою любовью князья кіевской эпохи собирали книги, учились языкамъ, заботились о насажденіи грамотности и просвѣщенія, объ образованіи духовенства. Всѣ такія извѣстія исчезаютъ послѣ Батыева погрома и утвержденія татарскаго ига надъ Русью. Мы не встрѣчаемъ нигдѣ извѣстій объ образованности князей и вельможъ. О Димитріи Донскомъ прямо говорится, что онъ не былъ хорошо изученъ книгамъ; о Василіи Темномъ говорится, что онъ не былъ ни книженъ, ни грамотенъ. Мы видѣли, что въ кіевскую эпоху русскіе епископы были уже довольно образованы, писали богословскіе трактаты, поученія и т. д. Въ удѣльную эпоху было уже мало такихъ епископовъ на Руси. Митрополитъ Исидоръ на Флорентійскомъ соборѣ 1439 года говорилъ папѣ Евгенію IV о современныхъ ему епископахъ, что они «люди не книжные». Оскудѣніемъ книжныхъ людей среди высшей церковной іерархіи объясняется тотъ фактъ, что Константинопольская патріархія постоянно держала на русской митрополіи грековъ и южныхъ славянъ. Такимъ образомъ съ 1283 по 1305 годъ былъ митрополитомъ грекъ Максимъ, съ 1328 по 1353 грекъ Ѳеогностъ, съ 1390 года по 1406 былъ митрополитомъ на Руси сербъ Кипріанъ, съ 1408 по 1431 грекъ Фотій, за нимъ грекъ Исидоръ съ 1436 по 1439 годъ, и такъ, вѣроятно, дѣла продолжались бы и дальше, если бы послѣ Флорентійской уніи не произошелъ разрывъ русской церкви съ греческою патріархіею. Что касается низшаго духовенства, то здѣсь еще меньше было книжности, меньше образованія. Краснорѣчивое свидѣтельство объ этомъ имѣемъ отъ самаго конца эпохи. Новгородскій архіепископъ Геннадій билъ челомъ великому князю Ивану Васильевичу, чтобы онъ велѣлъ училища устроить, для того чтобы было кого ставить въ священники и діаконы. Тогдашніе ставленники, по словамъ Геннадія,

совершенно не годились для поступленія въ священство. «Приведутъ ко мнѣ мужика; я ему велю дать апостолъ читать, а онъ и ступить не умѣетъ; велю ему дать псалтырь, и онъ по немъ едва бредетъ. Я его отреку, а они (прихожане) говорятъ: «земля, господине, такова, не можемъ добыть, кто былъ бы гораздъ грамотѣ», и бьютъ мнѣ челомъ: «пожалуй, господине, вели учить». Я прикажу учить эктеньи, и онъ къ слову пристать не можетъ; ты говоришь ему то, а онъ иное говоритъ; велю учить азбуку, а онъ поучився немного, просится прочь». Геннадій объясняетъ такое невѣжество лицъ, ищущихъ священства, отсутствіемъ училищъ и невѣжествомъ мастеровъ, которые обучаютъ грамотѣ: «Мужикъ невѣжа учитъ робятъ, да рѣчь имъ испортитъ, сперва научитъ вечернѣ, и за то мастеру надо принести кашу да гривну денегъ, за заутреню тоже или свыше того, а за часы особо, и эти поминки опрочь могорца, что рядилъ отъ него; а отъ мастера отойдетъ, и онъ ничего не умѣетъ, только бредетъ по книгѣ, а церковнаго постатія ничего не знаетъ».

Мы видѣли, что нѣкоторые изъ князей кіевскаго періода любили говорить съ иноземцами о вѣрѣ, и при томъ на ихъ языкахъ. Ничего подобнаго не было въ разсматриваемое время и не могло уже быть. Новгородская лѣтопись подъ 1348 годомъ разсказываетъ, что Магнушъ, король Свѣйской земли, прислалъ Новгородцамъ предложеніе: «пошлѣте на съѣздъ свой философъ, азъ послю свой философъ, дажь поговорять про вѣру; а азъ то хощу слышать, коя будеть вѣра лучши, а иже ваша будеть вѣра лучши, ино азъ иду въ вашу вѣру, или пакы, аще наша вѣра лучши, и вы поидѣте въ нашу вѣру». Но въ Новгородѣ такого философа не оказалось, и новгородцы могли только отвѣчать королю: «аще хощеши увѣдати, коя вѣра лучши, наша ли или ваша, пошли въ Царьградъ къ патріарху, зане мы пріяли отъ Грець правовѣрную вѣру, а съ тобою ся не спираемъ про вѣру». Если иногда и находились философы, то съ неособенно высокимъ и широкимъ полетомъ мысли. Въ лѣтописи подъ 1471 годомъ стоитъ такое любопытное извѣстіе: «Того же лѣта нѣцыи философове начаша пѣти: Осподи помилуй, а друзіи: О Господи помилуй».—Доморощенные философы кромѣ того усиленно дебатировали вопросъ о томъ, нужно ли двоить или троить аллилуію.

Приливъ греческихъ и славянскихъ книгъ въ XIV и началѣ XV вѣка. Духовный упадокъ русскаго общества въ злыя времена татарщины былъ бы, вѣроятно, еще болѣе значительный, если бы Русь не получала дальнѣйшаго подкрѣпленія изъ тѣхъ самыхъ странъ, откуда приходило къ ней просвѣщеніе и въ кіевскую эпоху, т.-е. изъ Византіи, Болгаріи и Сербіи.

Въ удѣльную эпоху продолжали приливать на Русь разныя произведенія византійской литературы въ подлинникахъ и югославянскихъ переводахъ. За это время можно констатировать появленіе на Руси новыхъ сборниковъ поученій, какъ «Маргаритъ», «Златая цѣпь», «Златая Матица», поученія Василія Великаго, Исаака Сирина и др.; новыхъ полемическихъ

сочиненій противъ латинянъ—Григорія Паламы, Нила Квасила и др., новыхъ греческихъ патериковъ и т. д. Вмѣстѣ съ поучительными книгами занесено было не мало апокриѳовъ или «отреченныхъ» книгъ, которыя содержали разныя легенды изъ священной или церковной исторіи, признававшіяся церковью ложными. Таковы были, напр., сказанія объ Адамѣ, Енохѣ, патріархахъ, о лѣстницѣ Іаковлѣ, о крестномъ древѣ Спасителя, о хожденіи Богородицы по мукамъ и т. д. На ряду съ книгами религіознаго содержанія занесены были и нѣкоторыя свѣтскія книги, пользовавшіяся распространеніемъ въ силу занимательности сюжета. Появилась новая, сербская редакція Александріи, затѣмъ сказанія, неизвѣстныя Кіевской Руси, какъ «Сказаніе объ Индіи богатой», повѣсть о Соломонѣ и Давидѣ, притча царя Соломона о царѣ Китоврасѣ, чудесномъ существѣ, днемъ повелѣвавшемъ людьми, а ночью звѣрями, сказаніе о премудрости царя Соломона и о южской царицѣ и о философѣхъ, Суды Соломоновы и т. д. Приливъ греческихъ и славянскихъ рукописей сталъ особенно сильнымъ съ конца XIV в., когда на Русь, какъ и въ другія страны, стали появляться ученые греки, болгары и сербы, покидавшіе свою родину отъ турецкаго насилія. Между прочимъ не мало рукописей вывезъ съ собою изъ Аѳона митрополитъ Кипріанъ, осербившійся болгаринъ. Приливъ греческой и югославянской литературы, при всемъ невысокомъ ея качествѣ, какъ никакъ поддерживалъ извѣстное умственное возбужденіе въ верхнихъ слояхъ русскаго общества и давалъ извѣстный импульсъ, извѣстные образцы для самостоятельнаго духовнаго творчества.

Литература удѣльной эпохи.—Творчество это проявлялось въ составленіи поученій, житій святыхъ, каноновъ и церковныхъ пѣснопѣній, историческихъ сказаній, описаній разныхъ странъ и т. д. Поученія на религіозно-нравственныя темы дошли отъ епископовъ суздальскихъ Серапіона и Діонисія, отъ Стефана Пермскаго, отъ митрополита Петра, Алексѣя, Кипріана, Фотія, отъ препод. Кирилла Бѣлозерскаго. Что касается житій святыхъ, то по примѣру патерика кіевскаго стали составляться циклы житій и по другимъ областямъ — ростовскія, муромскія, новгородскія, смоленскія, а съ XIV в. кромѣ того московскія, тверскія и суздальско-нижегородскія. Всѣ эти житія, хотя и содержали не мало чудеснаго или легендарнаго и успѣли выработать нѣкоторые общіе литературные пріемы, все же содержали простой, краткій разсказъ, довольно вѣрно воспроизводившій разныя обстоятельства времени и жизни святого, мѣстныя черты быта и природы. Митрополитъ Кипріанъ своимъ «Житіемъ митрополита Петра» открылъ новую серію житій, искусственно и витіевато составленныхъ. Таковы были житія преподобнаго Сергія и Стефана Пермскаго, составленныя Епифаніемъ Премудрымъ, ученикомъ преподобнаго Сергія, и передѣланныя сербиномъ Пахоміемъ Логофетомъ. Этотъ ученый инокъ Аѳонской горы, какъ говорили о немъ современники, «отъ юности усовершенствовавшійся въ писаніи и во всѣхъ философіяхъ, превзошедшій

всѣхъ книжниковъ разумомъ и мудростью», прибылъ въ Москву въ княженіе Василія Темнаго. Кромѣ передѣланнаго житія св. Сергія, Пахомій, по порученію митрополита Іоны, описалъ житіе, подвиги и чудеса митрополита Алексѣя, а по кончинѣ Іоны и открытіи его мощей написалъ канонъ и этому святителю. По порученію великаго князя онъ ѣздилъ въ Кирилловъ Бѣлозерскій монастырь собирать свѣдѣнія объ его основателѣ и написалъ житіе Кирилла Бѣлозерскаго. По вызову новгородскаго владыки Іоны онъ ѣздилъ въ Новгородъ и тамъ отчасти передѣлалъ и украсилъ, отчасти вновь написалъ житія и каноны для нѣкоторыхъ новгородскихъ святыхъ, каковы Варлаамъ Хутынскій, Савва Вишерскій и др. Этотъ Пахомій главнымъ образомъ и установилъ тѣ однообразные пріемы и выраженія для жизнеописанія и прославленія святыхъ мужей, тотъ холодный и риторическій стиль, которымъ слѣдовали потомъ составители житій.

Что касается историческихъ сказаній, то ихъ надо различать два сорта. Въ удѣльную эпоху такъ же, какъ и въ предшествующую кіевскую, составлялись отдѣльныя сказанія о событіяхъ, которыя попадали потомъ въ общіе лѣтописные своды. Таковы сказанія: новгородское—о побѣдѣ Александра Невскаго надъ Шведами, псковское—о князѣ Довмонтѣ, рязанское—о нашествіи Батыя и Евпатіи Коловратѣ, тверское—объ убіеніи въ Ордѣ Михаила Тверского, ростовское—о Петрѣ царевичѣ ордынскомъ, ярославское—о князѣ Ѳедорѣ Черномъ, муромское—о князѣ Петрѣ и супругѣ его Ѳевроніи, московское—о началѣ Москвы, о Мамаевомъ побоищѣ, о разореніи Москвы Тохтамышемъ, о нашествіи Тамерлана и т. д. На ряду съ сказаніями, содержащими болѣе или менѣе подробный разсказъ о событіяхъ, велись и лѣтописи въ собственномъ смыслѣ, краткія погодныя записи о происшествіяхъ. Лѣтописи велись по отдѣльнымъ мѣстностямъ. Такъ, епископъ Сименъ въ своемъ «патерикѣ» упоминаетъ о «лѣтописцѣ старомъ ростовскомъ»; до нашего времени дошелъ «Лѣтописецъ Переяславля Суздальскаго». Но съ XIV вѣка стали предприниматься попытки составленія общерусскаго лѣтописнаго свода—«великаго лѣтописанія». Около 1423 года въ канцеляріи митрополита изъ этихъ сводовъ, изъ мѣстныхъ лѣтописей, изъ хронологическихъ сборниковъ, произведеній духовной литературы, грамотъ, посланій, юридическихъ актовъ и произведеній словесности былъ составленъ первый законченный общерусскій лѣтописный сводъ, такъ называемый «Владимірскій Полихронъ». Въ 1448 году въ Новгородѣ составленъ былъ на основаніи «Владимірскаго Полихрона» другой сводъ, въ которомъ преобладали новгородскія извѣстія (это извѣстная теперь «Новгородская 4 лѣтопись»). Этотъ сводъ перерабатывался въ Новгородѣ въ послѣдующее время, а во второй половинѣ XV и въ первой половинѣ XVI вѣка въ Москвѣ возникло нѣсколько передѣлокъ «Владимірскаго Полихрона», извѣстныхъ теперь подъ именемъ двухъ Софійскихъ лѣтописей, Воскресенской и Никоновской. Въ XV вѣкѣ составленъ былъ и прототипъ русскаго хронографа, такъ называемый «Еллинскій и Римскій лѣтописецъ».

Литературное творчество возбуждалось на Руси не только знакомствомъ съ чужими книгами, но и знакомствомъ съ чужими странами. Въ удѣльную эпоху, какъ и въ кіевскую, довольно много русскихъ людей ходило на поклоненіе святынямъ въ Царьградъ, на Аѳонъ, въ Іерусалимъ. Нѣкоторые изъ этихъ богомольцевъ описывали все видѣнное и слышанное частью для того, чтобы ознакомлять съ этими странами и путями къ нимъ будущихъ русскихъ путешественниковъ, а частью просто для удовлетворенія любознательности читателей. Такимъ образомъ, въ половинѣ XIV вѣка описалъ свое путешествіе въ Царьградъ новгородецъ *Стефанъ*, съ великимъ удивленіемъ повѣствующій о святыняхъ и великолѣпіи Царьграда, такъ что «и умъ сказати не можетъ». Въ его описаніи чрезвычайно интересно указаніе, что Студійскій монастырь въ Царьградѣ былъ пріютомъ русскихъ паломниковъ и книжниковъ. Стефанъ встрѣтилъ тамъ двухъ новгородцевъ, которые занимались списываніемъ книгъ. Отъ того же XIV вѣка сохранились: «хожденіе» архимандрита *Агрефенія*, описавшаго святыя мѣста Палестины, «хожденіе» епископа *Пимена* въ Царьградъ, описанное его спутникомъ смоленскимъ іеродіакономъ Игнатіемъ. Отъ XV вѣка имѣемъ путешествіе іеродіакона Троицкой Лавры *Зосимы*, посѣтившаго Царьградъ, Аѳонъ и Іерусалимъ, и записки суздальскаго іеромонаха Симеона, одного изъ спутниковъ митрополита Исидора на Флорентійскій соборъ. Эти любопытныя записки проникнуты великимъ удивленіемъ автора ко всему, что ему пришлось увидѣть въ западной Европѣ, и въ частности въ Италіи—къ городамъ, ихъ прекраснымъ каменнымъ зданіямъ, фонтанамъ, статуямъ, часозвонамъ съ хитрымъ механизмомъ. Тому же Симеону принадлежитъ любопытная повѣсть объ осьмомъ или Флорентійскомъ соборѣ. Самое же дальнее и самое необычное путешествіе совершено было тверскимъ купцомъ Аѳанасіемъ Никитинымъ и описано имъ въ «Хожденіи за три моря». Увлекаемый торговою предпріимчивостью и жаждою видѣть новыя страны, Никитинъ Волгою и Каспійскимъ моремъ пробрался въ Персію, а оттуда въ Индію, гдѣ прожилъ цѣлыхъ три года. Онъ вернулся на родину въ 1472 году, послѣ многихъ приключеній и опасностей, которыя и описаны имъ въ его путешествіи.

Общій уровень духовнаго развитія русскаго общества въ удѣльную эпоху.—Вся эта литература какъ переводная, такъ и самостоятельная давала, конечно, не особенно высокаго достоинства умственную пищу читающей русской публикѣ того времени. Большею частью она направляла помыслы русскихъ людей на вопросы загробной жизни и приготовленія къ ней, при чемъ трактовала ихъ нерѣдко наивно-грубо. Въ этомъ отношеніи особенно заслуживаетъ вниманія посланіе архіепископа Новгородскаго Василія къ Тверскому епископу Ѳедору по вопросу объ адѣ и раѣ. Объ этомъ много говорили въ то время (половина XIV в.) въ Твери. Епископъ Ѳедоръ училъ свою паству, что рай, гдѣ жилъ Адамъ, болѣе не существуетъ. Василій опровергаетъ его выдержками изъ разныхъ апо-

криѳическихъ сказаній о раѣ на Востокѣ (пустынникъ Макарій жилъ всего въ двадцати поприщахъ отъ рая, а Евфросинъ даже принесъ оттуда три цѣлебныхъ яблока) и приводитъ разсказъ «своихъ дѣтей новгородцевъ», которые видѣли адъ на дышушемъ морѣ и рай за горою, гдѣ написанъ былъ Деисусъ (Спаситель съ Богородицею и Іоанномъ Крестителемъ) «лазоремъ чуднымъ»; за горою былъ свѣтъ великій и слышались голоса ликованія.—Такъ какъ истекала седьмая тысяча лѣтъ отъ сотворенія міра, то русскихъ книжниковъ стала угнетать мысль о надвигающейся кончинѣ міра, и они, въ свою очередь, стали угнетать ею простецовъ. Самъ митрополитъ Кипріанъ писалъ въ своихъ посланіяхъ: «нынѣ послѣднее время и лѣтамъ скончаніе приходитъ и конецъ вѣку сему; бѣсъ же вельми рыкаетъ, хотя всѣхъ поглотити». Къ этому бѣсу, къ его кознямъ и проискамъ, къ борьбѣ съ ними, направляли воображеніе русскихъ людей и разныя поученія, дававшія наставленія, какъ успѣшно бороться съ нимъ, и житія святыхъ подвижниковъ, русскихъ пустынножителей, которыя давали необходимыя иллюстраціи, примѣры борьбы. Въ качествѣ наиболѣе дѣйствительныхъ средствъ предлагались евангельскія—посты и молитва, умерщвленіе плоти, подавленіе страстей и непрерывное «богомысліе». Не всѣ, однако, въ состояніи были пользоваться такими трудными средствами и искали средствъ попроще и доступнѣе. Такими средствами были, напр., заговорныя молитвы. Въ числѣ напастей, насылаемыхъ на человѣка бѣсами, разсматривались и разныя болѣзни, напр., лихорадка, которую производили какіе-то демоны-женщины—Трясея, Огнея, Ледея, Гнетея и т. д. Когда св. Сисиній заболѣлъ этою болѣзнью, то по молитвѣ Господь послалъ ему на помощь святыхъ Сихайла и Аноса и четырехъ евангелистовъ, которые и начали бить трясавицъ желѣзными дубцами. Заговорная молитва противъ лихорадокъ и состояла въ заклинаніи ихъ именами Сисинія, Сихайла, Аноса и евангелистовъ удалиться отъ раба Божія съ угрозою въ противномъ случаѣ призвать на окаянныхъ трясавицъ помянутыхъ святыхъ съ желѣзнымъ дубьемъ. Аналогичныя молитвы приносились отъ зубной боли священномученнику Антипію, отъ оспы мученику Конону, отъ пожаровъ св. епископу Никитѣ и т. д. Мысль, направляемая на бѣсовъ и ихъ козни, нерѣдко искала средствъ предвѣдѣнія этихъ козней съ цѣлью своевременнаго принятія противъ нихъ надлежащихъ мѣръ. Въ качествѣ этихъ средствъ служили различныя гадательныя книги—волховники, колядники, рафли, громовники, вороновраи, сонники и т. д.

Ересь стригольниковъ.—Но какъ ни скудна была сама по себѣ умственная пища, которою питались русскіе люди удѣльной эпохи, но при всемъ томъ по временамъ пробуждалась въ нихъ сильная критическая мысль. Въ этомъ отношеніи въ высокой степени интересное и поучительное явленіе представляетъ то духовное теченіе, которое привело къ образованію ереси такъ называемыхъ *стригольниковъ*.

Ересь стригольниковъ имѣла свою исторію, подготовлялась и разви-

валась постепенно, съ самаго начала удѣльной эпохи. Въ русской церкви по примѣру греческой установился обычай брать плату за совершеніе таинства священства, какъ и за совершеніе другихъ таинствъ. И вотъ совѣсть нѣкоторыхъ русскихъ людей уже въ XIII в. стала возмущаться этимъ обычаемъ и сопряженными съ нимъ злоупотребленіями. На Владимирскомъ соборѣ 1274 года митрополитъ Кириллъ принялъ мѣры противъ злоупотребленій, но не отмѣнилъ самаго обычая. Онъ предписалъ, чтобы во всѣхъ епархіяхъ за поставленіе во священники и дьяконы брали столько же, сколько онъ бралъ въ митрополіи, по 7 гривенъ за поповство и дьяконство вмѣстѣ. Эту практику продолжали и его преемники, между прочимъ св. Петръ. Но тверской епископъ Андрей не могъ примириться съ такимъ порядкомъ, который показался ему *симоніей*, и принесъ на митрополита жалобу константинопольскому патріарху. Патріархъ прислалъ клирика, который нашелъ, что митрополитъ не беретъ ничего лишняго, а только то, что ему полагается по обычаю. Андрей не повѣрилъ въ законность такого обычая и отправилъ въ Константинополь монаха Акиндина для полученія разъясненій отъ патріарха непосредственно. Греки по обычаю слукавили. У нихъ самихъ была въ полномъ ходу плата за поставленіе (иперпиръ). Но они, не желая сталкиваться съ канонами, запрещающими брать мзду за посвященіе, нашли выходъ въ томъ, что стали разсматривать эту плату, не какъ таковую, а какъ вознагражденіе клирошанъ патріарха или епископа за протори и убытки, понесенные при посвященіи. Наивному тверскому монаху, простодушно спрашивавшему о платѣ за поставленіе, константинопольскій соборъ, на которомъ присутствовалъ патріархъ іерусалимскій и 36 митрополитовъ, отвѣчалъ, что брать плату за ставленіе противно всѣмъ божественнымъ правиламъ, и если возьмутъ хотя бы половину золотого или даже меньше, будутъ равны съ Іудою «и не имутъ части со Христомъ ни здѣ, ни въ будущемъ вѣцѣ». Акиндинъ bona fide принялъ заявленіе собора и написалъ великому князю Михаилу Ярославичу и всѣмъ русскимъ людямъ цѣлое посланіе противъ богоненавистнаго обычая старѣйшихъ и меньшихъ святителей «непродаемую благодать Духа Святаго въ куплю вводити и взимати отъ поставленія митрополиту отъ епископа и отъ попа и отъ дьякона и отъ прочихъ причетникъ, также и епископу отъ сущаго подъ нимъ причта, отъ первыхъ и до послѣднихъ, и отъ всякаго священія», потому что,—доказывалъ Акиндинъ, «апостольское и богоносныхъ отецъ соборное преданіе поставленнаго на мздѣ и съ поставившимъ его обоихъ отъ сана измещетъ». Совершенно приравнивая взиманіе платы къ симоніи, Акиндинъ не смущался провозглашать и тѣ конечные выводы, которые отсюда слѣдовали: «ставя бо и взимая ставленное, то уже изверженъ, а ставяся отъ изверженнаго никоея же не имать пользы отъ поставленія, и пріобщаяся Пречистыхъ Таинъ отъ него (поставленнаго) вѣдая нимъ съ осудится».

Но Акиндинъ не пронялъ своимъ посланіемъ архіереевъ, и плата за

поставленіе продолжала взиматься. Однако, и агитація противъ нея продолжалась. При Иванѣ Даниловичѣ Калитѣ былъ составленъ цѣлый сборникъ подъ заглавіемъ «Книга, нарицаемая Власѳимія, рекше хула на еретики, главы различныя отъ евангелія и отъ канонъ св. отецъ, въ нихъ же обличенія Богомъ ненавистныхъ злочестивыхъ, духопродажныхъ ересей». Цѣль сборника, какъ это ясно изъ его содержанія, состояла въ томъ, чтобы дать противникамъ взиманія платы за поставленіе оружіе отъ писанія для борьбы съ его защитниками.

Агитація противъ мздоиманія не умирала въ теченіе всего XIV вѣка. Въ 1376 году, по разсказу лѣтописи, новгородцы бросили въ воду трехъ развратителей вѣры христіанской: діакона Никиту, діакона Карпа и одного неизвѣстнаго по имени простеца. То были родоначальники и основатели секты стригольниковъ. Въ чемъ состояла ересь стригольниковъ, на это имѣются указанія въ увѣщательной грамотѣ патріарха константинопольскаго Нила, составленной въ 1383 году при помощи суздальскаго епископа Діонисія, и въ обличительномъ «Списаніи» св. Стефана Пермскаго. Изъ этихъ памятниковъ видно, что ересь возникла на почвѣ протеста противъ мздоиманія духовенства. Стригольники «клеветали» на весь вселенскій соборъ,—на патріарховъ, митрополитовъ, епископовъ, на игуменовъ и поповъ и на весь священный чинъ, говоря, что не по достоянію поставляются, такъ какъ патріархи, митрополиты, епископы духопродавчествуютъ, взимая мзду отъ поставленія. Считая святителей, священниковъ и клириковъ, какъ поставляющихъ и поставляемыхъ на мздѣ, за еретиковъ, стригольники не хотѣли имѣть дѣла съ церковью, дабы черезъ общеніе съ епископами и священниками-еретиками и самимъ не стать таковыми же. Стригольники осуждали и поведеніе епископовъ и священниковъ. Указывая на слова Спасителя къ апостоламъ: «не имѣйте влагалищь, ни мѣди при поясѣхъ вашихъ», стригольники говорили о современныхъ имъ епископахъ и попахъ: «недостойны ихъ службы, яко не нестежаша, но имѣнія взимаютъ у хрестьянъ, подаваемое имъ приношеніе за живые и мертвые... многи собираютъ имѣнія... сіи учители пьяницы суть, ядятъ и пьютъ съ пьяницами и взимаютъ отъ нихъ злато и сребро и порты, отъ живыхъ и отъ мертвыхъ»... Отдѣлившись отъ священниковъ и епископовъ, стригольники поставляли въ свои учители и молитвосовершители людей простыхъ, ссылаясь на апостола Павла, который повелѣлъ учить и простому человѣку. Отвергнувъ всю современную іерархію, какъ поставленную на мздѣ, стригольники отвергли и всю прежнюю, которая также ставилась на мздѣ, а вмѣстѣ съ этимъ и всѣ преданія этой іерархіи. Они пришли къ выводу, что только апостольская церковь есть истинная христіанская церковь, только апостолы были истинными пастырями и учителями, и только ихъ писанія должны служить руководствомъ въ вѣрѣ. Такъ ничто не ново подъ луною: и въ XIV вѣкѣ мы уже имѣли своихъ доморощенныхъ евангелическихъ христіанъ. Богослуженіе стригольниковъ было, повиди-

мому, просто и несложно. Храмы православные они отвергли на основаніи словъ св. Писанія: «Всевышній не въ рукотворенныхъ храмахъ живетъ». Можно думать, что у нихъ было свое крещеніе, всѣ же остальныя таинства они или отвергали, или понимали ихъ по-своему. Таинства евхаристіи они не совершали, понимая его въ духовномъ смыслѣ. Таинство покаянія они совершали, припадая къ землѣ. По увѣренію св. Стефана, стригольники отвергали пѣніе надъ умершими и ихъ поминовеніе: «не достоитъ-де надъ мертвыми пѣти, ни поминати ихъ, ни службы творити, ни милостыни давать за души умершаго».

Послѣ казни основателей секты ересь не только не исчезла, но стала усиливаться. Патріархъ Антоній прислалъ въ Москву виѳлеемскаго митрополита Михаила и съ нимъ увѣщательныя грамоты къ псковичамъ и новгородцамъ. Михаилъ вмѣстѣ съ московскимъ митрополитомъ Купріаномъ, новгородскимъ владыкою и полоцкимъ составили какъ бы соборъ въ Новгородѣ, который огласилъ патріаршія грамоты и свои собственныя наставленія. Нѣкоторые сектанты послѣ того вернулись въ лону церкви, а другіе, боясь преслѣдованій, убѣжали въ Галицію. Въ Псковѣ ересь удержалась, и митрополитъ Фотій не разъ посылалъ туда увѣщательныя грамоты, въ которыхъ просилъ православныхъ не смущаться еретиками, вразумлять ихъ, а въ случаѣ упорства изгонять отъ себя. На первое посланіе псковичи отвѣчали, что они «обыскали и показнили еретиковъ», изъ которыхъ одни убѣжали, а другіе продолжаютъ упорствовать въ заблужденіи. Фотій на это отвѣчалъ, чтобы псковичи удалялись отъ нераскаянныхъ еретиковъ въ пищѣ и питьѣ и принуждали ихъ къ правой вѣрѣ, но не смертными казнями, а другими наказаніями. Послѣ того, по свидѣтельству Іосифа Санина, псковичи похватали еретиковъ и посадили ихъ въ темницы, гдѣ они и закончили свою жизнь. Стригольники въ то время уже разбились на два толка. Послѣдователи одного, умѣреннаго, удержали основное ученіе секты и даже старались не порывать связей съ господствующею церковью, участвовали въ богослуженіи, дѣлали поминки и приношенія въ церковь. Послѣдователи другого—крайняго отрицали все внѣшнее въ христіанствѣ, перестали признавать всякія писанія, даже апостольскія, отвергали воскресеніе мертвыхъ и будущую жизнь и даже утратили вѣру въ Спасителя, полагая, что достаточно молиться Отцу небесному. Это разложеніе секты вмѣстѣ съ преслѣдованіями ея привели къ вырожденію ея и уничтоженію. Часть стригольниковъ составила контингентъ для послѣдующей секты жидовствующихъ.

Распространеніе научныхъ знаній.—Ересь стригольниковъ, какъ уже было сказано, была наиболѣе рѣзкимъ проявленіемъ раціоналистическаго теченія въ духовной жизни русскаго общества, въ общемъ, порабощенной церковною традиціею и мистикою. Проблески такой же тенденціи къ умственной самостоятельности можно усматривать и въ попыткахъ усвоенія различныхъ пріобрѣтеній научной мысли. Въ разсматриваемое время

стали въ довольно значительномъ количествѣ распространяться разныя руководства по естествознанію. Кромѣ «Физіолога», бывшаго и раньше въ ходу, пріобрѣлъ значеніе такъ называемый «Луцидаріусъ», сборникъ естественно-научныхъ познаній средневѣковаго европейскаго запада. Съ цѣлью толкованія непонятныхъ словъ и выраженій составленъ былъ такъ называемый «Азбуковникъ», превратившійся въ цѣлую энциклопедію, главнымъ образомъ, по естествознанію. Въ концѣ XIV вѣка распространился переводъ греческой поэмы Георгія Писиды VII вѣка, которая содержала въ себѣ описанія различныхъ явленій природы. Въ XV в. распространились въ переводахъ географія Помпонія Мелы и нѣсколько астрономическихъ и астрологическихъ книгъ, а также и отдѣльныя статьи по естествознанію—о громѣ и молніи, о шарообразности земли и т. д. И въ другихъ областяхъ знанія замѣчается усиленіе серьезнаго интереса. Въ XV вѣкѣ появляются переводы ариѳметики и реторики. Содержаніе старинныхъ переведенныхъ съ греческаго «Пчелъ» начинаетъ подвергаться знаменательнымъ измѣненіямъ и дополненіямъ. Такъ, въ одной «Пчелѣ» XIV—XV вв. трактуются важные вопросы «о власти и княженьѣ», «о ученіи и бесѣдѣ», «о законѣ» и т. д.

Пособія:

Кромѣ указанныхъ трудовъ Багалѣя, Иловайскаго и Соловьева:

Рожковъ, Обзоръ русской исторіи съ соціологической точки зрѣнія, ч. II, вып. I. СПБ. 1905.

Е. Е. Голубинскій, Исторія русской церкви, т. II, I пол. Москва. 1900.

XVII.

Возвышеніе Москвы и объединеніе вокругъ нея сѣверо-восточной Руси.

Подготовка новаго государственнаго порядка.—Въ XIII—XV вв. на сѣверо-востокѣ Руси, въ той области, гдѣ сосредоточивалось великорусское племя, какъ мы видѣли, складывался и развивался соціально-политическій порядокъ, имѣющій въ нѣкоторыхъ своихъ чертахъ много общаго съ западно-европейскимъ феодализмомъ. Все болѣе и болѣе увеличивалось количество княжествъ, и государственная власть все болѣе и болѣе дробилась. Параллельно съ этимъ мельчавшіе князья-государи все болѣе и болѣе становились похожими на частныхъ вотчинниковъ-

землевладѣльцевъ. Съ другой стороны вслѣдствіе пріобрѣтенія иммунитетовъ частные вотчинники становились похожими на государей. Политическія отношенія подданства замѣнялись гражданскими отношеніями по договору. Но одновременно съ тѣмъ подготовлялись и такіе результаты, которые въ конечномъ своемъ развитіи должны были привести къ ниспроверженію описаннаго строя. Здѣсь надо указать во 1-хъ на сосредоточеніе владѣній въ рукахъ одного сильнаго княжескаго рода; во 2-хъ, на матеріальное усиленіе старшаго князя въ этомъ родѣ, въ 3-хъ, на усиленіе власти этого князя надъ остальными. И въ этомъ отношеніи нашъ историческій процессъ не отличается особою оригинальностью. Извѣстную аналогію ему можно видѣть, напр., въ исторіи Франціи, гдѣ разрушеніе феодализма также подготовлялось сосредоточеніемъ владѣній въ рукахъ одного изъ феодальныхъ сеньоровъ и параллельнымъ усиленіемъ его власти надъ другими. Въ исторіи человѣчества, какъ и въ жизни вообще, оба процесса—разрушеніе и созиданіе, смерти и жизни идутъ параллельно и одновременно, чѣмъ и обусловливается всякая жизненная эволюція.

Собирательная дѣятельность Московскихъ князей.—Раздробленная на множество мелкихъ владѣній Русь стала исподоволь собираться въ рукахъ князей *московскаго рода*. Этотъ процессъ начался съ самаго начала XIV вѣка. Въ 1301 году князь Даніилъ Александровичъ напалъ на Рязанскаго князя Константина, занялъ у него *Коломну*, а самого князя плѣнилъ, ослѣпилъ и посадилъ въ заключеніе. Въ слѣдующемъ, 1302 году умершій бездѣтнымъ племянникъ Даніила Иванъ Димитріевичъ отказалъ ему свой удѣлъ *Переяславль*. Это не было случайнымъ пріобрѣтеніемъ кн. Даніила, а также результатомъ извѣстныхъ усилій съ его стороны. Даніилъ помогалъ племяннику въ войнахъ его съ старшимъ дядею Андреемъ Городецкимъ, и племянникъ, умирая бездѣтнымъ, естественно завѣщалъ удѣлъ тому дядѣ, который былъ ему доброхотомъ и союзникомъ. Сыновья Данила—Юрій и Иванъ Калита шли по стопамъ отца. Юрій Даниловичъ въ самый годъ своего вступленія на московское княженіе, т.-е. въ 1303 г. напалъ вмѣстѣ съ братьями на Смоленскую землю и захватилъ *Можайскъ*, который съ того времени навсегда сталъ владѣніемъ московскихъ князей. Рязанскаго князя Константина Романовича, взятаго въ плѣнъ еще отцомъ, Юрій приказалъ убить, а его городъ *Коломну* съ уѣздомъ присоединилъ окончательно къ своимъ владѣніямъ. Братъ Юрія Иванъ Калита дѣйствовалъ уже не столько оружіемъ, сколько деньгами. Изъ его духовной, а отчасти изъ духовныхъ его потомковъ узнаемъ, что онъ купилъ шестнадцать селъ у разныхъ частныхъ владѣльцевъ во Владимирскомъ, Юрьевскомъ, Костромскомъ и Ростовскомъ уѣздахъ, а также волость *Кистму*. Изъ духовной грамоты внука его Димитрія Ивановича Донского узнаемъ, что *Бѣлоозеро*, *Угличъ* и *Галичъ* были также «куплею» Калиты, хотя въ дѣйствительное владѣніе ими вступилъ только Донской. Калита оставилъ своимъ сыновьямъ пять городовъ: Москву, Можайскъ, Коломну, Звени-

городъ, Серпуховъ, 54 волости и 32 дворцовыхъ села. Переяславль, пріобрѣтенный его отцомъ, очевидно, по распоряженію хана былъ включенъ въ составъ великаго княженія Владимирскаго. Въ общемъ владѣнія Калиты не обнимали еще нынѣшнюю Московскую губернію (въ составъ ихъ не входили еще нынѣшніе уѣзды Клинскій, Волоколамскій и часть Дмитровскаго).

Преемники Калиты неуклонно продолжали стяжательную политику Даниловичей. Сынъ его Семенъ Ивановичъ прикупилъ къ Москвѣ еще нѣсколько селъ въ округѣ великаго княженія,—въ уѣздахъ Переяславскомъ Юрьевскомъ, Костромскомъ и въ княжествѣ Галицкомъ. Братъ Семена Иванъ округлилъ свои владѣнія, пріобрѣтя на лѣвой сторонѣ Оки путемъ мѣны съ рязанскими князьями *Новый Городокъ* на устьѣ Протвы, *Лужу*, *Верею*, *Боровскъ* и нѣкоторыя другія мѣста. Сынъ Ивана—Димитрій Донской въ самомъ еще началѣ своего княженія «взялъ волю», надъ княземъ Константиномъ Васильковичемъ *Ростовскимъ*, а князей Димитрія *Галицкаго* и Ивана Ѳедоровича *Стародубскаго* (на Клязьмѣ) выгналъ изъ ихъ княженій. Его бояринъ Ѳедоръ Андреевичъ «на обчемъ рѣтѣ» оттягалъ у смольнянъ *Товъ* и *Медынь*. Еще ранѣе Куликовской битвы Димитрій купилъ *Мещеру* у ея князей. Но эта покупка оспаривалась рязанскимъ кн. Олегомъ Ивановичемъ, державшимъ въ зависимости отъ себя мещерскихъ князей. Послѣ Куликовской битвы, въ которой Олегъ не принималъ участія, Димитрій ходилъ на Рязань и заставилъ Олега навсегда отказаться отъ своихъ притязаній на Мещеру. Тогда же Димитрій утвердилъ за собою на Рязанской сторонѣ Оки *Тулу* со всѣмъ, какъ было при царицѣ Тайдулѣ, когда ее вѣдали баскаки, и иныя татарскія мѣста по сосѣдству. Димитрій же первый призналъ *великое княженіе Владимірское* съ его округомъ (въ составъ котораго входили между прочимъ *Переяславль*, *Юрьевъ* и *Кострома*), наслѣдственнымъ достояніемъ московскихъ князей и распорядился имъ въ своемъ духовномъ завѣщаніи, отказавъ старшему сыну Василію. Но это не было еще санкціонировано тогдашнимъ верховнымъ государемъ Руси—ордынскимъ ханомъ.

Нужная санкція была получена сыномъ и преемникомъ Димитрія—Василіемъ. По смерти отца онъ въ сопровожденіи своихъ бояръ отправился въ Орду и вывезъ оттуда ярлыкъ не только на великое княженіе, но также и на *Тарусу*, *Мещеру*, а сверхъ того на *Муромъ* и *Нижегородское княжество*. Эти новыя пріобрѣтенія сдѣланы были, по всѣмъ даннымъ, покупкою ихъ, но не у владѣльцевъ, а у хана. По крайней мѣрѣ, мы знаемъ это относительно Нижегородскаго княжества. По сообщенію Никоновской лѣтописи, это княжество задолжало въ Орду 3½ тысячи рублей. Князь Василій внесъ эту недоимку и получилъ ярлыкъ на *Нижній*, *Городецъ* и *Вятку*. Для ввода московскаго князя во владѣніе Тохтамышъ отправилъ своего посла въ Нижній. Князь Борисъ Константиновичъ хотѣлъ было сначала сопротивляться, но бояре покинули его и объявили собравшемуся народу, что отнынѣ Нижній

принадлежитъ къ Москвѣ. Попытка племянниковъ Бориса и сыновей вернуть себѣ Нижній окончилась полною неудачею, и князья отчичи нижегородскіе должны были удовольствоваться мелкими владѣніями, которыя имъ отвелъ московскій князь, и низойти на положеніе служилыхъ московскихъ князей. Въ 1397 году Василій Дмитріевичъ отнялъ у Новгорода Великаго *Волокъ Ламскій, Бѣжецкій верхъ, Ржеву и Вологду;* но одновременная попытка его овладѣть Заволочьемъ, или Двинскою землею, кончилась неудачею. Василій продолжалъ примыслы отца и въ области Оки: здѣсь онъ досталъ *Козельскъ* и *Любутскъ;* князья Новосильскіе стали съ нимъ «за одинъ человѣкъ». Наступившая по смерти Василія Дмитріевича усобица въ средѣ московскихъ князей затормозила ихъ собирательную дѣятельность. Но при всемъ томъ въ это время былъ присоединенъ къ составу Московскихъ владѣній Заозерскій удѣлъ Ярославскаго княжества съ *Кубеною.* Послѣ того, какъ Василій Васильевичъ восторжествовалъ надъ своими противниками, онъ присоединилъ къ своимъ владѣніямъ княжество *Суздальское* (при какихъ обстоятельствахъ, неизвѣстно), которое онъ и завѣщалъ старшему сыну Ивану. Онъ же купилъ у рязанскихъ князей за рѣкою Окою *Тѣшиловъ*, *Веневъ*, *Ростовецъ* и другія мѣста по рѣкѣ Смедвѣ и Осетру и на верхнемъ Дону, пріобрѣлъ тамъ же *Елецъ* и Елецкія мѣста.

При сынѣ Василія Васильевича —Иванѣ III собирательная дѣятельность Москвы приняла грандіозные размѣры. Въ 1463 году Иванъ купилъ отчину князей *Ярославскихъ*; въ 1474 году другую половину *Ростова.* Это были послѣднія покупки Московскаго князя. Онъ сдѣлался уже настолько силенъ, что могъ развить теперь завоевательную политику на большую ногу. Еще въ 1471 году послѣ перваго похода на Новгородъ Иванъ Васильевичъ добился отъ него уступки большей части Двинской земли: значительныя пространства по нижней Двинѣ, Пинегѣ и Вагѣ, по Мезени, побережья Бѣлаго моря отъ устья Онеги до Мезени, а также южный берегъ Кольскаго полуострова были выдѣлены великому князю. Въ слѣдующемъ, 1472 году Иванъ Васильевичъ завоевалъ *Великую Пермь*, населенную крещенымъ уже финскимъ племенемъ—*пермяковъ.* Въ 1478 году занята была Московскимъ княземъ и коренная *Новгородская* область, остальныя части Двинской земли, а также *Печора.* Цѣлымъ рядомъ военныхъ экспедицій, предпринятыхъ въ восьмидесятыхъ и девяностыхъ годахъ XV столѣтія за Уралъ покорена была *Югорская* земля. Въ 1485 году въ составъ московскихъ владѣній включено все *Тверское* княжество со всѣми его удѣлами. Послѣдній Тверской князь долженъ былъ уступить силѣ Москвы, противъ которой не помогъ ему и союзъ съ Литвою. Находясь подъ обаяніемъ этого могущества въ концѣ восьмидесятыхъ годовъ и началѣ девяностыхъ перешли на службу къ Московскому князю съ своими отчинами такъ называемые «верховскіе» князья—*Воротынскіе*, *Бѣлевскіе*, *Одоевскіе*, *Мезецкіе*, прежніе «голдовники» великаго князя

литовскаго, а *Вяземскихъ князей*, въ началѣ девяностгыхъ одовъ отряженный съ войскомъ московскій воевода взялъ въ плѣнъ и привелъ въ Москву, при чемъ великій князь Московскій пожаловалъ ихъ ихъ же отчинами и велѣлъ имъ служить себѣ. Литовское правительство пыталось было и дипломатическими, и военными средствами отстоять этихъ князей, но безуспѣшно: по договору 1494 года всѣ эти княжества были формально уступлены Москвѣ. Послѣ новой войны съ Литвою въ самомъ концѣ XV и началѣ XVI вв. великій князь Иванъ Васильевичъ пріобрѣлъ весь бассейнъ Десны и Сейма и верхней Оки: по договору 1503 г. ему были уступлены: *Брянскъ*, *Трубчевскъ*, *Новгородъ-Сѣверскъ*, *Черниговъ*, *Рыльскъ*, *Путивль* и другіе города и волости *Чернигово-Сѣверской земли* вмѣстѣ съ нѣкоторыми городами и волостями въ бассейнѣ Угры и Сожа изъ состава *Смоленской земли;* изъ состава Смоленской земли, а также Витебской и Полоцкой къ Москвѣ перешли *Бѣлая*, *Торопецъ*, *Велижъ*, *Невль и Острій* съ волостьми. Одновременно съ тѣмъ великому князю Московскому досталась половина Рязани: его племянникъ отъ сестры Ѳедоръ Ивановичъ, умирая въ 1502 г., завѣщалъ свою часть въ Рязанскомъ княжествѣ Москвѣ.— Когда умеръ великій князь Иванъ Васильевичъ, оставалось уже немного великорусскихъ земель и княжествъ не во власти Москвы. Эти земли и княжества неминуемо должны были теперь попасть въ руки Московскихъ князей. И дѣйствительно въ 1510 году Москва лишаетъ окончательно самостоятельности и самобытности *Псковъ;* въ 1517 году занимаетъ *Рязанское* княжество, владѣтель котораго бѣжитъ въ Москву. По договору 1522 года Московскій князь присоединяетъ къ своимъ владѣніямъ *Смоленскую* землю, завоеванную у Литвы еще въ 1514 г. Къ концѣ концовъ на сѣверѣ и сѣверо-востокѣ Руси вмѣсто множества отдѣльныхъ земель и княжествъ возникаетъ одно Московское владѣніе въ рукахъ немногочисленныхъ потомковъ Калиты. Это Московское владѣніе, въ которомъ великій князь беретъ свою волю надъ младшими, удѣльными, лишаетъ ихъ самостоятельности и подчиняетъ своей власти, получаетъ названіе *государства Московскаго.*

Причины возвышенія Москвы. Приливъ населенія въ бассейнъ рѣки Москвы.—Изъ приведенныхъ здѣсь данныхъ объ объединительной дѣятельности Москвы видно, что князья ея съ самаго начала дѣйствовали двумя средствами—военными и финансовыми, войскомъ и деньгами. Но какимъ образомъ они очутились въ обладаніи этими средствами? Очевидно, что въ Московскомъ княжествѣ скопилось много населенія, и князья были въ состояніи собирать и много войска, и много денегъ. Объясняя скопленіе населенія въ Московскомъ княжествѣ, Соловьевъ указалъ на выгодное географическое положеніе Москвы. «Москва лежала на дорогѣ переселенцевъ съ юга, на срединѣ между Кіевской землею съ одной стороны и Владимірской и Суздальской съ другой. По бассейну Москвы рѣки переселенцы идя съ юга, осѣдали густыми массами и дѣлали Московское княжество однимъ изъ самыхъ населенныхъ. Кромѣ переселенцевъ съ юга, въ Москву

шли переселенцы и изъ другихъ областей сѣверной Руси вслѣдствіе отсутствія въ Московскомъ княжествѣ междуусобицъ и бѣдствій отъ татаръ». Это же объясненіе принимаетъ въ общемъ и В. О. Ключевскій. Намъ представляется, что изъ этого объясненія можно принять только вторую его половину, и притомъ съ нѣкоторыми оговорками. Колонизаціонное движеніе съ юга, какъ извѣстно, шло наиболѣе усиленно во второй половинѣ XII и первой половинѣ XIII в. Между тѣмъ за это время бассейнъ Москвы рѣки, по всѣмъ признакамъ, не наполнялся населеніемъ. Самый городъ Москва, основанный Юріемъ Долгорукимъ въ 1156 году, сдѣлался стольнымъ княжескимъ городомъ только въ 1247 году. Москва досталась тогда третьему сыну Ярослава Всеволодовича, князя Переяславскаго и великаго князя Владимірскаго, Михаилу Хоробриту,—ясное дѣло, что въ составѣ Переяславскаго княжества она была въ то время не первымъ городомъ (выше ея были Переяславль, доставшійся старшему сыну Ярослава—Александру, и Суздаль съ Нижнимъ, доставшійся второму сыну—Андрею). Послѣ гибели князя Михаила въ сраженіи съ литовцами Москва на нѣкоторое время переставала быть княжескою резиденціею, и только при великомъ князѣ Димитріи Александровичѣ она стала удѣломъ младшаго его брата Даніила—ясное дѣло, что и въ то время она не выдавалась еще среди городовъ Суздальской области. Выше ея стояли Переяславль и Городецъ Волжскій, которыми владѣли старшіе сыновья Александра Невскаго—Димитрій и Андрей. Но прошло какихъ-нибудь сорокъ лѣтъ (Даніилъ сталъ Московскимъ княземъ въ 1283 году), и картина уже рѣзко измѣнилась. Московское княжество, бывшее однимъ изъ послѣднихъ, становится однимъ изъ первыхъ. Его владѣтель Юрій Даниловичъ оспариваетъ въ ордѣ у одного изъ сильнѣйшихъ князей Михаила Ярославича Тверского великое княженіе Владимирское. Въ 1327 г. садится на великое княженіе братъ Юрія Иванъ Калита, и съ того времени съ владимирскаго стола уже не сходятъ его преемники по Московскому княжеству. Владимиръ, первый городъ Суздальской земли, становится какъ бы придаткомъ Москвы, и позднѣйшій литописецъ подъ впечатлѣніемъ этого факта пишетъ про Ивана Даниловича: «пришелъ онъ отъ царя Азбяка (Узбека) изъ орды съ пожалованьемъ и съ великою честью на великое княженіе Владимирское, и сѣлъ на великомъ княжествѣ въ Москвѣ, а столъ Владимиръ и иныя многія княжества царь Азбякъ далъ ему къ Москвѣ». Ясное дѣло, что въ концѣ XIII и началѣ XIV в. произошло возвышеніе Москвы, ея матеріальное усиленіе. Но въ это время не было уже значительнаго, массового передвиженія населенія съ юга, и если Московское княжество наполнилось тѣмъ не менѣе народомъ, то откуда-нибудь съ другихъ сторонъ. Лѣтопись совершенно опредѣленно указываетъ, откуда могло прилить населеніе въ предѣлы Московскаго княжества.

Во второй половинѣ XIII и нач. XIV в. Суздальская Русь подверглась неоднократнымъ вторженіямъ татарскихъ полчищъ. Особенно опустоши-

тельны были набѣги татаръ во время междоусобій сыновей Александра Невскаго. Въ четвертый приходъ татары взяли и разорили 14 городовъ въ Суздальской области. Множество жителей было взято въ плѣнъ, а множество разбѣжалось по лѣсамъ. Страшныя разоренія постигали Суздальскую землю и позже, когда уже началось соперничество между Москвою и Тверью. Если вникнуть въ подробности лѣтописныхъ сообщеній, обнаруживается, что погромы постигали преимущественно области, лежавшія къ сѣверу и востоку отъ Москвы, т.-е. Поволжье отъ устья Шексны и до устья Оки и бассейнъ р. Клязьмы. Это не случайное явленіе. Въ этихъ мѣстностяхъ въ XIII вѣкѣ сосредоточивалась большая часть населенія Ростово-Суздальской земли. Здѣсь по лѣтописямъ мы встрѣчаемъ наибольшее количество городовъ и селеній. Бассейнъ верхней Волги выше устья Шексны и бассейнъ Москвы-рѣки населены были гораздо слабѣе. Это видно и изъ распредѣленія княжествъ въ Суздальской землѣ въ XIII вѣкѣ: большая часть княжествъ находилось именно къ сѣверу и востоку отъ Москвы, каковы: великое княженіе Владимирское, Ростовское, Ярославское, Бѣлозерское, Костромское, Галицкое, Юрьевское, Переяславское, Суздальское, Городецкое; въ западной части Суздальскаго края встрѣчаемъ только два княженія—Московское и Тверское. Самые сильные князья въ XIII вѣкѣ выходили именно изъ восточныхъ княжествъ, каковы, напр., Ярославъ Всеволодовичъ Переяславскій, сынъ его Александръ Невскій и внуки—Димитрій Александровичъ Переяславскій, Андрей Александровичъ Городецкій. Если такъ, то неудивительно, почему татары громили преимущественно бассейнъ Клязьмы и Поволжье: очевидно, здѣсь имъ была наибольшая пожива. Въ результатѣ этихъ вторженій должно было произойти перемѣщеніе населенія съ востока Суздальской области на западъ. Лѣтопись отмѣчаетъ отдѣльные эпизоды изъ этого передвиженія. Въ 1292 г. татары, приведенные Андреемъ, отправились между прочимъ на Тверь. Тверичи сначала сильно было перепугались, такъ какъ и князя ихъ въ то время не было въ городѣ. Но вскорѣ они ободрились и цѣловали крестъ на томъ, чтобы биться всѣмъ сообща съ татарами: «бѣ бо множество людій збѣглося во Твери изо иныхъ княжествъ передъ ратью».—Благодаря отливу населенія съ востока Суздальской земли на западъ и произошло возвышеніе княжествъ Тверского и Московскаго въ началѣ XIV в. Это возвышеніе констатируется тѣмъ, что князья Тверской и Московскій въ первой четверти XIV в. получаютъ ярлыки на великое княженіе. Извѣстно, что ханы въ то время начали давать эти ярлыки тѣмъ князьямъ, которые были богаче другихъ, могли больше заплатить имъ поминковъ. Очевидно, слѣдовательно, что въ названныхъ княжествахъ произошло сильное увеличеніе населенія. Нѣкоторое время происходило колебаніе, какому княжеству быть первымъ, Тверскому или Московскому. Въ концѣ концовъ взяло верхъ Московское княжество. Тверской князь Александръ Михайловичъ въ 1324 году не сумѣлъ сдержать народнаго возмущенія въ Твери противъ ханскаго посла Чол-

хана. Тверичи сожгли Чолхана съ его свитою, а другихъ татаръ перебили. Въ наказаніе за это Узбекъ послалъ огромное татарское войско на Тверь, къ которому должны были присоединиться и русскіе князья. Татары страшно разорили Тверское княжество: Александръ Михайловичъ бѣжалъ въ Псковъ, а братья его Константинъ и Василій, по выраженію лѣтописи, «седоша во Твери въ велицей нищетѣ и убожествѣ, понеже вся земля Тверская пуста, и все быша лѣсы и пустыни непроходимыя». Досталось и другимъ землямъ— Новгородской, Суздальскому княженію; «точію съблюде и заступи Господь Богъ князя Ивана Даниловича и его градъ Москву и всю его отчину отъ плѣненія и кровопролитія татарскаго» (П. Собр. Лѣтоп. X, 194). Отъ этого опустошенія Тверское княжество не могло долго оправиться, и самымъ многолюднымъ княжествомъ осталось Московское, которое и начало дѣло собиранія Руси.

Итакъ, скопленіе населенія въ Московскомъ княжествѣ совершилось не столько благодаря его выгодному положенію между Кіевскою Русью и Владимиро-Суздальскою областью, сколько благодаря выгодному положенію въ отношеніи татарскихъ набѣговъ. Московское княжество наполнилось не колонистами съ юга, а бѣженцами съ Поволжья, Владимиро-Суздальской области и, вѣроятно, Рязанской, которые искали убѣжища въ отдаленномъ и глухомъ Московскомъ краѣ отъ татаръ. И позже совершался приливъ населенія въ Московское княжество частью добровольный, частью невольный. Въ сосѣднемъ съ Москвою княжествѣ Тверскомъ по смерти Михаила Ярославича началась ожесточенная усобица между его сыновьями Константиномъ и Василіемъ съ одной стороны и внукомъ Всеволодомъ Александровичемъ Холмскимъ съ другой—изъ-за великаго княженія. Населеніе страшно пострадало отъ этихъ усобицъ: «и была,—говоритъ лѣтописецъ,—людямъ тверскимъ большая тягость, и многіе изъ нихъ отъ такого нестроенія разошлись». Куда? Скорѣе всего въ сосѣднее Московское княжество, гдѣ не было такого нестроенія, стоялъ внутренній миръ и царило благоустройство, отмѣченное современникомъ, гдѣ,—по сообщенію лѣтописи,—великій князь Иванъ Даниловичъ «тати истреби». Въ 1341 году Московскій князь по повелѣнію хана Узбека вмѣстѣ съ другими князьями ходилъ опустошать Смоленскую землю, заложившуюся за великаго князя литовскаго Гедимина, и вывелъ къ себѣ много полона. Внукъ Калиты—Димитрій неоднократно вмѣшивался въ усобицы тверскихъ князей и всякій разъ, по сообщенію лѣтописи, выводилъ въ свою землю множество людей со всѣмъ ихъ богатствомъ и скотомъ. Дальнѣйшее увеличеніе населенія въ Московскомъ княжествѣ стояло уже въ связи съ *примыслами* его князей. Чѣмъ болѣе расширялись эти примыслы, тѣмъ московскіе князья становились богаче и сильнѣе, тѣмъ больше пріобрѣтали средствъ къ новымъ примысламъ.

Итакъ, главною и основною причиною, обусловившею возвышеніе Москвы и ея успѣхи по части собиранія Великой Руси подъ властью ея

князей, было выгодное географическое положеніе въ отношеніи татарскихъ погромовъ и послѣдовавшее вслѣдствіе этого скопленіе населенія въ ея области. Въ XIII и XIV в. всѣ княжества вокругъ Москвы разорялись и опустошались татарами, и одна только Московская область оставалась не тронутою. Естественно, что Москва сдѣлалась вслѣдствіе этого сильнѣе и богаче другихъ княжествъ и оказалась въ состояніи дѣлать на ихъ счетъ присоединенія силою или деньгами.

Содѣйствіе хановъ Золотой орды и общественныхъ силъ.—Къ этой главной и основной причинѣ примыкаетъ цѣлый рядъ второстепенныхъ, отъ нея производныхъ. Несомнѣнно, что сосредоточенію сѣверо-восточной Руси въ рукахъ Москвы много помогли ханы Золотой орды. Мы видѣли, что ханы отдавали Московскимъ князьямъ цѣлыя княжества, владѣтели которыхъ не въ состояніи были платить исправно выходъ въ Орду. Такъ поступили они, напр., въ отношеніи княжества Нижегородско-Суздальскаго при Василіи Дмитріевичѣ. Весьма вѣроятно, что и сами князья, какъ напр., мещерскіе, ростовскіе и ярославскіе продавали свои княжества Москвѣ потому, что видѣли невозможность выполнять свои обязанности въ отношеніи хана и своевременною продажею княжествъ хотѣли только предупредить отдачу ихъ Москвѣ изъ-подъ неволи и такимъ образомъ хоть что-нибудь спасти для себя отъ надвигающагося крушенія. Ханы, какъ мы видѣли, охотно санкціонировали всѣ подобныя пріобрѣтенія Московскихъ князей. Все это объясняется не чѣмъ инымъ, какъ богатствомъ Московскихъ князей, которые могли больше и исправнѣе платить дань татарамъ, чѣмъ другіе князья. Затѣмъ: въ своей собирательной дѣятельности Московскіе князья, какъ мы видѣли, встрѣчали поддержку въ мѣстномъ населеніи. Такъ было, напр., въ Нижнемъ Новгородѣ, гдѣ бояре покинули своего князя и увлекли за собою населеніе, которое предалось Московскому князю. Но это содѣйствіе мѣстнаго населенія, очевидно, стоитъ въ связи съ тою же главною и основною причиною, какъ и содѣйствіе хана: Московскій князь былъ богаче и сильнѣе мѣстныхъ князей и потому могъ гарантировать населенію больше безопасности отъ насилія татаръ и другихъ враговъ. Извѣстно далѣе, что и сами князья въ нѣкоторыхъ случаяхъ отдавались съ своими удѣлами-вотчинами на службу къ Московскому князю. Такъ было, напр., на верхней Окѣ. Здѣшніе князья черниговско-сѣверскаго рода, потомки св. Михаила Черниговскаго, до поры до времени служили съ своими вотчинами великому князю Литовскому, который по договорамъ съ ними обязывался блюсти подъ ними ихъ отчины и боронить ихъ отъ всякаго недруга. Но съ усиленіемъ Москвы великій князь Литовскій оказался уже не въ состояніи выполнять этихъ договорныхъ обязательствъ, и потому «верховскіе» князья съ своими вотчинами стали переходить на службу къ болѣе сильному Московскому князю. Къ этому присоединилось еще и то, что въ послѣдней четверти XV столѣтія верховскіе князья стали терпѣть религіозныя притѣсненія со стороны иновѣрнаго литовскаго пра-

вительства, задавшагося мыслью привести своихъ православныхъ подданныхъ къ уніи съ римскою церковью. Это обстоятельство еще сильнѣе толкнуло «верховскихъ» князей въ политическія объятія Москвы. Сдѣлавшись крупнымъ политическимъ тѣломъ, Москва естественно стала притягивать къ себѣ сосѣднія болѣе мелкія тѣла однородной національной консистенціи.—Далѣе: успѣхамъ Москвы много содѣйствовала дружная работа московскаго боярства. Московская политика собиранія не прекращалась и не ослабѣвала даже въ тѣ моменты, когда въ Москвѣ были юные или не отличавшіеся особыми способностями князья. Такъ было, напр., въ малолѣтство Димитрія Донского и его сына Василія. Примыслы, и очень крупные, сдѣланы были Москвою въ это именно время. Историки давно уже подмѣтили тотъ фактъ, что при дворѣ Московскихъ князей образовался извѣстный кругъ бояръ, которые не отъѣзжали на сторону, тѣсно связали свои интересы съ интересами Московскихъ князей и дружно работали съ ними надъ общимъ дѣломъ собиранія Руси. Этотъ кругъ бояръ постоянно пополнялся пришельцами со стороны, которые приносили съ собою новыя силы и средства и не только нравственныя, но и матеріальныя. Нѣкоторые изъ нихъ, какъ, напр., знаменитый кіевскій бояринъ Родіонъ Несторовичъ, пришедшій на службу къ Калитѣ, привелъ съ собою цѣлый полкъ слугъ въ количествѣ 1700 человѣкъ. Но почему московскіе бояре такъ дружно жили и работали съ своими князьями, почему къ этимъ князьямъ льнули бояре со стороны? Очевидно, что въ Московскомъ княжествѣ боярамъ и слугамъ жилось лучше, чѣмъ въ другихъ княжествахъ, кормились они сытнѣе и лучше, чѣмъ гдѣ-либо. А этотъ фактъ объясняется не чѣмъ инымъ, какъ все тою же основною причиною, о которой уже была рѣчь, т.-е. многолюдствомъ и сравнительнымъ богатствомъ княжества. Но сплотившись вокругъ Московскихъ князей, радѣя и промышляя сообща съ ними надъ увеличеніемъ ихъ владѣній, московскіе бояре такимъ образомъ усиливали и распространяли дѣйствіе вышеуказанной основной причины. То же самое справедливо и относительно высшаго духовенства. Извѣстно, что глава русской іерархіи митрополитъ покинулъ свою резиденцію во Владимирѣ и поселился подъ крыломъ богатаго и могущественнаго Московскаго князя. Этотъ высшій іерархъ русской церкви принялъ ближе всего къ сердцу интересы Московскаго княжества и сталъ радѣть о немъ не меньше бояръ. Когда умиралъ сынъ Калиты Семенъ Ивановичъ, онъ наказывалъ своимъ братьямъ жить за одинъ, не слушаться лихихъ людей, которые станутъ ихъ ссорить: «слушайте,—писалъ онъ имъ,—отца нашего владыки Алексѣя да старыхъ бояръ, которые отцу нашему и намъ добра хотѣли». Митрополитъ Алексѣй стоялъ во главѣ московскаго правительства при Иванѣ Ивановичѣ и его сынѣ Димитріи и своимъ совѣтомъ и нравственнымъ авторитетомъ сильно вліялъ на тогдашнюю московскую политику.—Наконецъ, и самыя личныя свойства Московскихъ князей, которымъ историки отводятъ извѣстное мѣсто при объясненіи объединительныхъ успѣ-

ховъ Москвы, несомнѣнно стоятъ въ связи съ вышеуказанною основною причиною. Личныя свойства людей развиваются и укрѣпляются въ извѣстной жизненной обстановкѣ. Обстановка Московскихъ князей была именно такова, что она должна была возбуждать въ нихъ стяжательные аппетиты, скопидомство и страсть къ пріобрѣтеніямъ. Вслѣдствіе прилива населенія въ ихъ княжество быстро и непрерывно росли ихъ военныя и финансовыя средства. Между тѣмъ вокругъ нихъ все бѣднѣло, худало и ослабѣвало. Чѣмъ дальше, тѣмъ все больше и больше открывались Московскимъ князьямъ перспективы купить выгодно или отнять силою то или другое село, ту или другую волость и, наконецъ, цѣлыя княжества. Въ такой обстановкѣ естественно должны были создаться князья-собиратели, направившіе всѣ свои усилія на примыслы, на пріобрѣтенія.

Слабое противодѣйствіе Москвѣ со стороны другихъ княжествъ.— Здѣсь мы подходимъ ко второй основной причинѣ, обусловившей успѣхи Московскихъ князей. Эта вторая причина лежала въ той политической средѣ, въ которой пришлось развивать Московскимъ князьямъ свою собирательную дѣятельность. Дѣло въ томъ, что Великая Русь въ XIII—XV вв. достигла крайней степени политическаго раздѣленія и раздробленія. Политика Московскихъ князей не встрѣчала дружнаго отпора и сопротивленія со стороны другихъ князей. Порознь выступали противъ Москвы и тверскіе князья, и нижегородско-суздальскіе, и рязанскіе. Но одинъ на одинъ они были безсильны противъ Москвы, а соединиться сообща оказались не въ состояніи. Удѣльная особность и преобладаніе хозяйственныхъ интересовъ совершенно отдалили большинство князей отъ общерусскихъ политическихъ интересовъ. Князья замкнулись въ своихъ кельяхъ-княжествахъ, каждый думалъ только о себѣ и знать не хотѣлъ о другихъ, жилъ будничными заботами дня, мало думалъ о будущемъ и не предугадывалъ послѣдствія совершавшихся вокругъ него событій. При такихъ обстоятельствахъ Москва легко могла захватывать одно княжество за другимъ, не возбуждая дружнаго противодѣйствія. Самые размѣры княжествъ облегчали собирательную дѣятельность Москвы. Вслѣдствіе размноженія нѣкоторыхъ вѣтвей княжескаго рода отдѣльныя земли распались на множество удѣловъ. Всѣ эти мелкія княжества не могли противостоять захватамъ со стороны Москвы и даже, какъ мы видѣли, сами шли въ ея объятія.

Пособія:

С. М. Соловьевъ, Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ, кн. I. Изд. Товарищества «Общественная польза».

Д. И. Иловайскій, Исторія Россіи, т. II. Москва 1884.

В. Н. Дебольскій, Духовныя и договорныя грамоты московскихъ князей какъ историко-географическій источникъ (Записки Импер. Русскаго

Археологическаго общества, т. XII, вып. 1 и 2. С.-Пб. 1901. Т. VI. С.-Пб. 1903).

М. К. Любавскій, Возвышеніе Москвы (Москва въ ея прошломъ и настоящемъ, вып. I, изд. Московскаго Книгоиздательсткаго Товарищества «Образованіе»).

XVIII.

Установленіе единодержавія въ Московской Руси и возвышеніе значенія великокняжеской власти.

Общій характеръ собирательной дѣятельности Московскихъ князей—Сосредоточеніе великорусскихъ земель и княжествъ въ рукахъ Московскихъ князей несомнѣнно подготовляло разрушеніе удѣльнаго порядка, уменьшая въ общемъ политическое дробленіе страны, по крайней мѣрѣ на первыхъ порахъ. Но само по себѣ оно не могло еще привести къ полному паденію удѣльной системы. Дѣло въ томъ, что Московскіе князья-собиратели, расширяя свои владѣнія, долгое время не выступали съ сознательными государственно-объединительными стремленіями. Въ своей собирательной политикѣ они долгое время руководились чисто частными, семейными побужденіями—увеличить свое достояніе, оставить побольше наслѣдства женѣ, дѣтямъ. Умирая, они,по обычаю, дѣлили свои владѣнія, между дѣтьми, оставляя извѣстную часть женѣ и дочерямъ. Такъ поступилъ князь Иванъ Даниловичъ, подѣливъ свое княжество между сыновьями, женою и дочерьми. Такъ поступилъ и внукъ его Димитрій Ивановичъ Донской и праправнукъ Василій Васильевичъ Темный. Производя эти раздѣлы, Московскіе князья по обычаю того времени старшаго сына надѣляли нѣсколько больше, чѣмъ другихъ, давали ему нѣкоторую прибавку на старѣйшинство: предполагалось, что старшій сынъ будетъ заботиться о младшихъ, будетъ руководить ими, держать ихъ въ любви и согласіи, и потому онъ долженъ быть богаче, сильнѣе младшихъ, чтобы внушать имъ почтеніе, уваженіе и, если понадобится, страхъ. Этотъ обычай соблюдался въ то время повсюду въ Русской землѣ. Московскіе князья въ данномъ случаѣ не представляли исключенія изъ общаго правила.

Излишекъ на старѣйшій путь.—Но въ чемъ они съ теченіемъ времени стали уклоняться отъ общаго правила,—это въ томъ, что все болѣе и болѣе стали увеличивать излишекъ «на старѣйшій путь». Это увеличеніе и подготовило исподоволь единодержавіе на Руси и прекращеніе дробленія суверенитета. Излишекъ «на старѣйшій путь» былъ сначала незначительнымъ. Старшій сынъ Калиты—Семенъ получилъ, кромѣ своей трети въ Москвѣ, Коломну и Можайскъ съ волостьми и кромѣ того поименно 16 волостей;

второй сынъ Иванъ—13 волостей, третій Андрей—11, а жена съ дочерьми 14 волостей. Въ общемъ, такимъ образомъ, удѣлы были болѣе или менѣе равномѣрны, съ незначительнымъ уменьшеніемъ книзу. Но далеко не то встрѣчаемъ въ распредѣленіи властей уже между сыновьями Димитрія Донского. Какое отношеніе было между ихъ удѣлами по величинѣ и доходности, это ясно видно изъ количества дани, платимой ими въ Орду: въ каждую тысячу ордынскаго выхода старшій братъ Василій долженъ былъ платить 342 рубля, болѣе $^1/_3$, Юрій—270, болѣе $^1/_4$, Андрей—167, Петръ—111 рублей. Еще болѣе значительною представляется доля старшаго сына Василія Темнаго—Ивана Васильевича. По завѣщанію отца онъ получилъ 16 городовъ съ уѣздами, а остальные четверо его братьевъ—Юрій, Андрей Большой, Борисъ, Андрей Меньшой—всѣ вмѣстѣ 15 городовъ. Чѣмъ же объяснить это прогрессирующее увеличеніе излишка «на старѣйшій путь» въ завѣщаніяхъ Московскихъ князей? Очевидно въ этомъ сказалось инстинктивное стремленіе Московскихъ князей удержать свой родъ на высотѣ того политическаго положенія, на которое обстоятельства вознесли его во второй четверти XIV в. Послѣ бѣгства князя Александра Михайловича Тверского великое княженіе Владимирское было отдано князю Ивану Даниловичу Калитѣ. Въ качествѣ великаго князя Владимирскаго Калита сдѣлался старѣйшиною надъ всѣми другими князьями, уполномоченнымъ хана въ Русской землѣ. Онъ передавалъ остальнымъ князьямъ ханскіе приказы, водилъ ихъ по повелѣнію хана на войну и т. д. Когда онъ умеръ, ярлыкъ на великое княженіе Владимирское получилъ сынъ его Семенъ, при чемъ, говоритъ лѣтописецъ, «вси князи русскіи подъ руцѣ его даны». Семенъ сталъ величаться уже великимъ княземъ всея Руси и надменно обращаться съ остальными князьями, за что и получилъ прозвище Гордаго. Великое княженіе съ того времени прочно утвердилось за Московскими князьями и помимо ихъ богатства и могущества должно было давать имъ извѣстный авторитетъ и значеніе въ глазахъ другихъ князей. Великіе князья Московскіе стали вождями остальныхъ князей, особенно съ того времени, какъ выступили противъ татаръ, и лѣтописцы все чаще и чаще начинаютъ говорить объ этихъ князьяхъ, какъ подручникахъ Москвы. Про Димитрія Донского лѣтописецъ говоритъ, что онъ «всѣхъ князей русскихъ привожаше подъ свою волю, а которые не повиновахуся волѣ его, и на тѣхъ нача посягати». Результатомъ этихъ усилій было подчиненіе князей его власти. И лѣтописецъ подъ 1389 годомъ говоритъ: «призва вся князи русскіе земли, сущая подъ властію его». Увеличеніе владѣній и усиленіе значенія среди другихъ князей дало возможность Московскимъ князьямъ развернуть широко свою внѣшнюю дѣятельность. Они выступили съ стремленіями сбросить иго татаръ и не побоялись вступить съ ними въ открытую борьбу. Тотъ же Димитрій Донской сталъ бороться съ могущественнымъ Ольгердомъ, великимъ княземъ Литовскимъ, а сынъ его Василій—съ еще болѣе могущественнымъ Витовтомъ. Чѣмъ дальше, тѣмъ

все шире и шире развертывалась политическая дѣятельность Московскихъ князей, тѣмъ тяжелѣе и сложнѣе становились ихъ политическія задачи. Московскіе князья должны были инстинктивно почувствовать, что эти задачи могутъ выполняться лишь въ томъ случаѣ, если старшіе изъ нихъ, великіе князья, будутъ вооружены для этого надлежащими средствами, если они будутъ имѣть рѣшительный перевѣсъ надъ своими младшими родичами и держать ихъ въ должномъ подчиненіи и повиновеніи. Результатомъ этого и было прогрессивное увеличеніе излишка на «старѣйшій путь» въ духовныхъ завѣщаніяхъ Московскихъ князей.

Иванъ III и установленіе единодержавія.—Но вполнѣ оцѣнилъ значеніе матеріальнаго перевѣса старшаго брата надъ младшими великій князь Иванъ Васильевичъ, сынъ Василія Темнаго, выступившій съ сознательными стремленіями къ установленію единодержавія на Руси. Эти сознательныя стремленія пробудились въ немъ прежде всего подъ вліяніемъ горькаго опыта, пережитаго въ юности. Иванъ Васильевичъ выросъ въ бурное время усобицы въ семьѣ московскихъ князей, былъ свидѣтелемъ невзгодъ и бѣдствій своего отца и тѣхъ опасностей, которымъ подвергалась въ это время Русь. Княжеская усобица задержала дальнѣйшіе успѣхи Москвы въ собираніи Руси, подвергла ее опасности растерять добытое князьями-собирателями и утратить то значеніе, которое она уже пріобрѣла на Руси. Впечатлительная душа молодого Ивана должна была болѣзненно почувствовать все это, и онъ уже съ малыхъ лѣтъ долженъ былъ почувствовать отвращеніе къ удѣльному порядку, отъ котораго происходитъ одно только «нестроеніе» и «брань» въ землѣ. Позже онъ выработалъ уже вполнѣ сознательный взглядъ на этотъ предметъ, который и выражалъ неоднократно словомъ и дѣломъ. Въ 1496 году онъ узналъ, что зять его, великій князь Литовскій Александръ, собирается выдѣлить удѣлъ брату своему Сигизмунду, отдать ему Кіевъ. Немедленно отрядилъ онъ посла къ дочери съ совѣтомъ, чтобы она всячески отговаривала мужа отъ этого намѣренія, и писалъ ей: «Слыхалъ я, дочь, каково было нестроеніе въ Литовской землѣ, когда было тамъ государей много, да и въ нашей землѣ,—слыхала ты, какое было нестроеніе при моемъ отцѣ, слыхала, какія и послѣ были дѣла между мною и братьями». Здѣсь уже мы встрѣчаемся съ вполнѣ сознательнымъ отношеніемъ къ удѣльному порядку. Это отношеніе помимо впечатлѣній юности должно было воспитываться въ Иванѣ III и чувствомъ тягости политическихъ задачъ, которыя легли на него.

Съ присоединеніемъ Новгорода и Твери Московское княжество превратилось уже въ громадное Великорусское государство. Это государство естественно взяло на себя задачу освобожденія русскаго населенія отъ татарской неволи и насилій. Могущественный Московскій князь, собравшій подъ своею властью почти всю Великую Русь,ересталъ платить выходъ въ Орду и вступилъ на нѣсколько фронтовъ въ борьбу съ татарами. Этотъ князь вмѣстѣ съ тѣмъ сознавалъ себя прирожденнымъ національнымъ

Русскимъ государемъ и сталъ считать своею обязанностью соединить съ Москвою и тѣ русскія земли, которыя находились подъ чужеземною властью. Своему титулу «великій князь всея Руси» онъ сталъ придавать теперь не почетное, а юридическое значеніе. Въ 1501 году въ Москву явился посолъ отъ папы и Венгерскаго короля Владислава въ качествѣ посредника между Иваномъ и зятемъ его, королемъ Польскимъ и в. кн. Литовскимъ Александромъ. Этотъ посолъ сталъ упрекать московское правительство за то, что оно захватываетъ чужія вотчины и земли, на которыя не имѣетъ никакого права. Иванъ отвѣчалъ послу: «Короли Владиславъ и Александръ объявляютъ, что хотятъ противъ насъ за свою отчину стоять; но короли что называютъ своею отчиною?.. Папѣ, надѣемся, хорошо извѣстно, что короли Владиславъ и Александръ отчичи Польскаго королевства да Литовской земли—отъ своихъ предковъ, а Русская земля—отъ нашихъ предковъ, изъ старины, наша отчина». Подобное же заявленіе Иванъ сдѣлалъ и посламъ Александра при заключеніи перемирія 1503 года. Литовскій господаръ жаловался, что Иванъ не отдаетъ ему его земель, что ему жаль своей отчины. «А мнѣ,—возражалъ Иванъ,—развѣ не жаль своей вотчины, русской земли, которая за Литвою, Кіева, Смоленска и другихъ городовъ?»—Съ національною идеею тѣсно связалась и религіозная идея. Послѣ паденія Греческой имперіи Московскій князь остался единственнымъ государемъ, отъ котораго православное христіанство могло ожидать защиты вѣры, личности и имущества, и Московскій князь самъ созналъ это свое призваніе. Поэтому онъ счелъ своею обязанностью вступиться за православную вѣру въ сосѣднемъ Литовскомъ государствѣ, когда ей стала угрожать пропаганда уніи съ Римомъ. По поводу принужденія православныхъ людей къ римской вѣрѣ московское правительство неоднократно дѣлало представленія литовскому въ концѣ XV вѣка, а затѣмъ взялось и за оружіе. Но взявъ на себя выполненіе всѣхъ этихъ новыхъ задачъ въ силу естественнаго хода вещей, великій князь Московскій неминуемо долженъ былъ притти къ заключенію о несовмѣстимости ихъ съ удѣльнымъ строемъ, неминуемо долженъ былъ принять мѣры къ уничтоженію этого строя.

Отдѣльныя мѣры онъ принималъ уже при жизни своей. Еще въ 1472 году его братъ Юрій Дмитровскій, умирая бездѣтнымъ, отказалъ ему свой удѣлъ. Въ 1481 году Иванъ взялъ удѣлъ по смерти бездѣтнаго брата Андрея Меньшого. Въ 1485 году Иванъ принудилъ Верейскаго князя Михаила Андреевича завѣщать ему удѣлъ мимо сына своего Василія, отъѣхавшаго по неудовольствію на великаго князя въ Литву. Въ 1493 году Иванъ отнялъ Углицкій удѣлъ у брата своего Андрея Большого за то, что тотъ не пошелъ по его приказанію на берегъ Оки противъ хана, а самого посадилъ въ заключеніе. Митрополитъ по обычаю сталъ было печаловаться за князя Андрея, но великій князь заявилъ ему, что, хотя ему и жаль брата, но онъ не можетъ освободить его: «когда я умру, онъ будетъ искать великаго княженія подъ внукомъ моимъ, и если не добудетъ самъ, то смутитъ дѣтей моихъ,

а татары будутъ русскую землю губить, жечь, плѣнить и дань опять наложатъ, а кровь христіанская опять польется попрежнему, а всѣ мои труды останутся напрасными, а вы будете рабами татаръ». Итакъ, національно-государственныя соображенія заставляли Ивана III сокращать удѣлы. Эти же соображенія, очевидно, повліяли и на его духовное завѣщаніе. Иванъ не рѣшился порвать окончательно съ удѣльными традиціями и все оставить одному изъ сыновей. Но онъ оставилъ ему такъ много, что доли всѣхъ остальныхъ, взятыя вмѣстѣ, были ничтожны по сравненію съ долею старшаго сына. Иванъ отказалъ старшему сыну Василію приблизительно двѣ трети своего государства (66 городовъ съ уѣздами), а остальнымъ приблизительно треть (30 городовъ), ибо старшій сынъ долженъ былъ платить 717 рублей въ каждую тысячу ордынскихъ проторей. Такимъ образомъ, удѣльные князья и порознь, и всѣ вмѣстѣ стали представлять величину, вполнѣ безопасную для великаго князя. Не удовольствовавшись этимъ, Иванъ предоставилъ старшему сыну цѣлый рядъ преимуществъ передъ младшими. Между прочимъ онъ предоставилъ ему исключительное право чеканить монету и наслѣдовать выморочные удѣлы послѣ своихъ братьевъ. Еще при жизни своей онъ заставилъ второго сына Юрія заключить съ Василіемъ договоръ, въ силу котораго Юрій обязался держать великаго князя господиномъ старшимъ братомъ, держать честно и грозно безъ обиды. Въ силу этого обязательства Юрій вступалъ въ тѣ же отношенія къ великому князю, въ коихъ находились его дядья къ отцу его, т.-е. не имѣлъ права вести сношенія съ другими государствами помимо великаго князя. Старшій сынъ Ивана —Василій вѣнчанъ былъ торжественно на великое княженіе и провозглашенъ митрополитомъ «государемъ всея Руси».

Такъ установилось единодержавіе на Руси Московской. Удѣлы, правда, остались и послѣ того, но это уже были только имѣнія съ княжескими правами суда и дани, владѣльцы которыхъ находились въ полной волѣ государя всея Руси—великаго князя.

Отстройка резиденціи великаго князя.—Итакъ, великій князь Московскій сдѣлался *государемъ всея Руси.* Этотъ фактъ въ свою очередь также вполнѣ естественно повлекъ за собою цѣлый рядъ послѣдствій. Подобно тому, какъ разбогатѣвшія и почувствовавшія свою силу частныя лица измѣняютъ свою обстановку, весь обиходъ своей жизни и свои отношенія къ людямъ, точно такъ же поступилъ и старшій изъ московскихъ князей, превратившійся въ государя всея Руси. Это была естественная психологическая эволюція, порожденная политическимъ объединеніемъ Великой Руси подъ его властью.

Этотъ князь началъ съ того, что сталъ отстраивать свою резиденцію. Въ 1475 году по его вызову прибылъ въ Москву болонскій архитекторъ *Аристотель Фіоравенти* и сталъ строить въ Москвѣ каѳедральный Успенскій соборъ на мѣстѣ стараго разобраннаго храма Калиты. Въ 1479 году новый храмъ былъ оконченъ и освященъ митрополитомъ Геронтіемъ.

Въ 1484 году великій князь велѣлъ псковскимъ мастерамъ разобрать по цоколь старую дворцовую церковь Благовѣщенія и выстроить на готовомъ фундаментѣ новую. Эта новая церковь, нынѣшній *Благовѣщенскій соборъ*, окончена была въ 1489 году. Подъ этою церковью находился большой подклѣтъ, въ которомъ помѣщалась казна Московскихъ князей. Но теперь эта казна была уже такъ велика, что не умѣщалась въ подклѣтѣ Благовѣщенскаго собора, и потому великій князь приказалъ пристроить съ набережной стороны къ церковному подклѣту еще новый подклѣтъ, а на немъ соорудить каменную палату. Это сооруженіе стало впослѣдствіи именоваться «Казеннымъ дворомъ». Одновременно съ тѣмъ великій князь сталъ строить себѣ новыя каменныя палаты. Въ Москву стали пріѣзжать послы отъ папы, цесаря, королей Венгерскаго и Польскаго, и великому князю Московскому стало уже зазорно принимать ихъ въ старыхъ деревянныхъ хоромахъ. Поэтому въ 1487 г. онъ приказалъ итальянцу Марку Фрязину разобрать деревянный теремъ, стоявшій за церковью Благовѣщенья къ западу, и выстроить каменную палату. Эта палата, получившая названіе *Набережной*, предназначалась для пріема посольствъ, которыя и проходили въ нее черезъ крыльцо церкви Благовѣщенія. Въ 1491 году тотъ же Маркъ Фрязинъ и Петръ Антоній построили большую палату, названную *Грановитою* по случаю отдѣлки ея наружныхъ стѣнъ по-итальянски гранями. Эта палата предназначалась также для оффиціальныхъ пріемовъ. Самъ же великій князь съ семьею пока все еще жилъ въ деревянныхъ хоромахъ. Но въ 1499 году онъ заложилъ на старомъ дворѣ у Благовѣщенья каменный дворъ, палаты, а подъ ними погреба и ледники. Строителемъ всего этого дворца былъ Алевизъ Фрязинъ изъ Милана. Но великому князю Ивану не удалось перебраться въ этотъ новый дворецъ, который былъ оконченъ только въ 1508 году.—Заботясь объ устройствѣ новаго дворца великій князь продолжалъ перестраивать и церкви. Въ 1501 г. по его повелѣнію разобрали старую церковь Чуда Архангела Михаила, строеніе митрополита Алексѣя, и соорудили новую, донынѣ существующую (освящ. въ 1503 году). Незадолго передъ смертью Иванъ Васильевичъ распорядился разобрать ветхую соборную *церковь Архангела Михаила*, строеніе Ивана Калиты, и заложить новую на томъ же мѣстѣ, болѣе обширную.

Строя церкви и новыя палаты въ Кремлѣ, великій князь Иванъ Васильевичъ озаботился и постройкою новыхъ каменныхъ стѣнъ вокругъ Кремля. Въ 1485 году Антонъ Фрязинъ выстроилъ стрѣльницу на берегу Москвы-рѣки и вывелъ подъ нею тайникъ для добыванія воды изъ рѣки во время осады. Въ слѣдующіе три года была построена стѣна вдоль Москвы-рѣки съ наугольными башнями — Беклемишевскою и Свибловскою. Такимъ образомъ, Кремль прежде всего былъ укрѣпленъ съ татарской, ордынской стороны. Въ 1490 году выстроена башня надъ Боровицкими воротами и проведена стѣна отъ Свибловской башни до Нижнихъ воротъ близъ церкви Константина и Елены. Въ 1491 году проведена была стѣна со стороны Боль-

шого посада и выстроены стрѣльницы Фроловская и Никольская надъ Спасскими и Никольскими воротами. Въ 1492 г. проведена стѣна отъ Никольской стрѣльницы до воротъ около Неглинной и выстроена наугольная башня съ тайникомъ къ Неглинной, которая позже прозывалась Собакиною. Наконецъ, въ 1495 году заложена и послѣдняя каменная стѣна возлѣ Неглинной. Для вящшаго укрѣпленія Кремля великій князь распорядился вырыть ровъ отъ Фроловскихъ воротъ до Неглинной. Всѣ эти работы производились итальянцами—Маркомъ, Антоніемъ, Петромъ-Антоніемъ и Алевизомъ. Полное устройство Кремлевской крѣпости окончилось уже въ 1508 году, когда Алевизъ Фрязинъ со стороны торга и Красной площади выкопалъ глубокій ровъ и выложилъ его бѣлымъ камнемъ и кирпичемъ, а со стороны Неглинной устроилъ обширные глубокіе пруды, изъ которыхъ по рву Неглинная была соединена съ Москвою-рѣкою, такъ что крѣпость со всѣхъ сторонъ окружалась водою, и Кремль сталъ островомъ.

Таково было неутомимое строительство Ивана III, совсѣмъ измѣнившее обликъ стараго Кремля. Итальянецъ Контарини, бывшій въ Москвѣ въ 1475 году, писалъ про Кремль: «расположенъ на небольшомъ холмѣ, и всѣ строенія въ немъ, не исключая и самой крѣпости, деревянныя». Кремль тогда, слѣдовательно, былъ типичнымъ русскимъ городомъ. Теперь онъ сталъ похожимъ на западноевропейскій замокъ, и путешественники такъ и стали называть его «замкомъ».

Василій III доканчивалъ начатое отцомъ. При немъ, какъ уже сказано, достроенъ былъ каменный жилой дворецъ. Въ 1508 г. послѣ пасхи великій князь Василій перешелъ въ эти кирпичныя палаты, которыя сохранились и до нашего времени, составляя три нижнихъ этажа такъ называемаго Теремного дворца. Въ то же время великій князь велѣлъ «подписывать» свою дворцовую церковь Благовѣщенія золотомъ, позолотить главы и украсить иконы золотомъ, серебромъ и бисеромъ. Въ слѣдующемъ году былъ оконченъ и освященъ Архангельскій соборъ, куда великій князь велѣлъ перенести останки прародителей своихъ, начиная съ Ивана Калиты. Въ 1514 году по приказу великаго князя начали расписывать стѣны Успенскаго собора «вельми чудно и всякой лѣпоты исполнено». «Изумительно было видѣть,—говоритъ современникъ-лѣтописецъ,—каждому входившему въ храмъ превеликое пространство соборной церкви и многочудную подпись и цѣлбоносные гробы чудотворцевъ, воистину можно было думать, что не на землѣ, а на небеси стоишь».

Такъ отстраивалъ и украшалъ свою резиденцію могущественный Московскій владѣлецъ. Въ исторической литературѣ эти факты ставятся иногда въ связь со вторымъ бракомъ великаго князя Ивана: по иниціативѣ греческой царевны Софьи великій князь Московскій сталъ строить новыя церкви и палаты, окружать себя великолѣпіемъ и пышностью; Софья была недовольна убогою обстановкою великаго князя Московскаго и т. д.

Намъ думается, что сама Софья въ данномъ случаѣ была не причиной вышеуказанныхъ явленій, а на ряду съ ними послѣдствіемъ извѣстной основной причины. Великій князь Московскій потому и вступилъ въ бракъ съ бѣдною, но знатною царевною, что это соотвѣтствовало его повышенному самочувствію и самосознанію. Онъ поступалъ такъ же, какъ иной разбогатѣвшій мужикъ, который старается жениться самъ или сына женить на дворянкѣ. Для такой жены, конечно, заводится и новая обстановка. Но это сплошь и рядомъ дѣлается и независимо, просто потому, что данное лицо начинаетъ чувствовать себя большимъ человѣкомъ. Московскій великій князь отстроилъ свою резиденцію несомнѣнно потому, что онъ почувствовалъ себя и созналъ большимъ государемъ.

Новые титулы великаго князя и вѣнчаніе на великое княженіе.— Это сознаніе проявилось чрезвычайно опредѣленно въ новыхъ титулахъ, которыми онъ сталъ величаться въ сношеніяхъ съ иностранными дворами и дома. Великій князь Иванъ Васильевичъ нашелъ для себя неприличнымъ именоваться по-русски Иваномъ, а сталъ писать себя «Іоаннъ, Божьею милостью государь и великій князь всея Руси, Владимирскій, Московскій, Новгородскій, Псковскій, Тверской, Пермскій, Югорскій и Болгарскій и иныхъ». Мало того, во внѣшнихъ сношеніяхъ великій князь сталъ именовать себя такъ, какъ дотолѣ назывались на Руси самые могущественные государи—Греческій и Римскій и ханъ Золотой орды, т.-е. царемъ (сокращ. изъ цесарь, цезарь, кесарь). Уже въ грамотѣ къ крымскому жиду Захарію, писанной въ 1484 г., встрѣчаемся съ этимъ титуломъ. Этотъ же титулъ Иванъ употребляетъ въ сношеніяхъ съ Ливонскимъ орденомъ, Датскимъ и наконецъ Австрійскимъ дворомъ, которые въ свою очередь величали его totius Russiae imperator, von Gotze Gnade Keiser и т. д. Сынъ Ивана— Василій къ титулу отца прибавилъ еще «самодержецъ», т.-е. независимый владѣтель, и новыя владѣльческія обозначенія.

Высоко смотря на свою власть, сознавая себя большимъ государемъ, великій князь Московскій счелъ нужнымъ передать эту власть своему наслѣднику особо торжественно, короновать его по примѣру греческихъ царей и всѣхъ вообще великихъ монарховъ. Въ 1498 году, такимъ образомъ произошло «вѣнчаніе на царство» внука Ивана III—Димитрія, а въ 1502 г. послѣ опалы, постигшей Димитрія, сына его отъ Софьи—Василія, который и сталъ такимъ образомъ «боговѣнчаннымъ царемъ».

Содѣйствіе духовенства возвеличенію Московскаго государя.— Осмыслить свое новое положеніе великому князю Московскому много помогло и тогдашнее общество, въ особенности духовная интеллигенція. Надо сказать, что эта интеллигенція давно, съ самыхъ первыхъ временъ христіанства, пропагандировала у насъ на Руси идею богоустановленнаго и боговѣнчаннаго царя, обладающаго полнотою власти, отвѣтственнаго только передъ Богомъ и призваннаго охранять православное христіанство. Но до поры до времени эта пропаганда не вела ни къ какимъ практическимъ

послѣдствіямъ. Богоустановленнымъ и боговѣнчаннымъ царемъ, главою православнаго христіанства оставался Византійскій императоръ. На ряду съ нимъ былъ еще царь поганскій, ханъ Золотой орды. Русскіе князья долгое время не подходили къ тому высокому идеалу, который пропагандировала церковная литература. Во-первыхъ, ихъ было много, и большинство ихъ были мелкіе владѣтели. Свою власть они получали не отъ Бога, по праву простого рожденія, а отъ людей,—отъ городскихъ вѣчъ, отъ содѣйствія дружины, или по распоряженію хана. Они не были и полновластными независимыми государями: въ церковныхъ дѣлахъ были подчинены Византійскому императору, какъ главѣ православнаго христіанства, а въ мірскихъ татарскому хану. Во внутреннемъ управленіи они долгое время были ограничены обществомъ, вѣчами и дружиною.

Но въ XV в. эти условія постепенно исчезаютъ. Падаетъ Константинополь, и прекращается Греческая имперія. Падаетъ власть хана Золотой орды на Руси. Московскій князь объединяетъ въ своихъ рукахъ всю Великую Русь, подчиняетъ себѣ всѣхъ другихъ князей и становится государемъ всей Руси. Считаясь со всѣми этими совершившимися фактами, духовенство возобновляетъ свою пропаганду идеи Русскаго царя, и на этотъ разъ пропаганда сопровождается уже извѣстными практическими результатами. Духовенство въ своихъ писаніяхъ и рѣчахъ начинаетъ величать великихъ князей Московскихъ царями. Такъ, авторъ сказанія объ осьмомъ Флорентійскомъ соборѣ, на которомъ установлена была унія, говоря о твердости великаго князя Василія Васильевича въ православіи, величаетъ его «боговѣнчаннымъ царемъ всея Руси». Митрополитъ Іона въ посланіи къ Псковичамъ, писанномъ въ 1461 году, также именуетъ его «великимъ господаремъ, царемъ русскимъ, благороднымъ и благочестивымъ великимъ княземъ». Ростовскій архіепископъ Вассіанъ въ посланіи къ Ивану III на Угру величаетъ его «великимъ русскихъ земель христіанскимъ царемъ».

Для новаго титула находится и историко-юридическое оправданіе. Титулъ царя носили греческіе императоры. Но послѣ паденія Константинополя главою православнаго христіанства сталъ Московскій государь, а Москва какъ бы новымъ Константинополемъ, или *третьимъ Римомъ*. Поэтому Московскому государю подобаетъ и титуловаться царемъ. Эту мысль неясно выразилъ уже митрополитъ Зосима въ новой пасхаліи, составленной въ 1492 году на восьмую тысячу лѣтъ отъ сотворенія міра. Упомянувъ о созданіи царемъ Константиномъ града во имя свое, «еже есть Царьградъ и наречеся Новый Римъ», Зосима замѣчаетъ, что нынѣ прославилъ Богъ «въ православіи просіявшаго благовѣрнаго и христолюбиваго великаго князя Ивана Васильевича, государя и самодержца всея Руси, новаго царя Константина новому граду Константиню—Москвѣ и всей Русской земли и инымъ многимъ землямъ государя». Вполнѣ ясно эта идея преемственности царской власти въ Москвѣ отъ Византіи проводится въ посланіяхъ псковскаго инока Филоѳея къ великому князю Василію

Ивановичу, дьяку Мисюрю Мунехину и царю Ивану Васильевичу. Филоѳей пишетъ, что два Рима пали, старый—отъ Апполинарьевой ереси, новый—потому, что греки предали православную вѣру латынству; третій Римъ—Москва стоитъ, а четвертому не бывать. Московскій великій князь поэтому—«браздодержатель святыхъ Божіихъ престолъ» вселенской церкви, пресвѣтлѣйшій и великостольнѣйшій государь, во всей поднебесной христіанамъ царь, «яко же Ной въ ковчезѣ спасенный отъ потопа, правя и окормляя Христову церковь и утверждая православную вѣру».

Не довольствуясь этимъ мысль современныхъ книжниковъ изыскиваетъ и другія оправданія для царскаго титула князей Московскихъ. Въ казнѣ Московскихъ князей со временъ Калиты хранилось княжеское облаченіе: шапка, бармы и крестъ, принадлежавшіе, по преданію, Владиміру Мономаху. И вотъ создается особое сказаніе, что эти вещи Владиміръ Мономахъ получилъ отъ дѣда Константина Мономаха и былъ тѣмъ царскимъ вѣнцомъ вѣнчанъ въ Кіевѣ... «и оттолѣ боговѣнчанный царь нарицашеся въ Россійскомъ царствіи». Весьма вѣроятно, что это измышленіе московскаго книжника уцѣпилось за слова митрополита Никифора, который писалъ про Мономаха: «его Богъ издалеча проразумѣ и предповелѣ, его же изъ утробы освяти и помазавъ, отъ царские и княжеские крови смѣсивъ». Какъ бы то ни было, но по сказанію выходило, что Московскіе князья отъ предковъ своихъ цари.—Этого мало: московскіе книжники скоро доказали, что и самый корень Московскихъ князей вышелъ изъ царскаго рода. Создалось сказаніе, что обладатель вселенной Августъ Кесарь, умирая, подѣлилъ всю землю между братьями и сродниками, при чемъ область по Вислѣ выдѣлилъ брату своему Прусу, отчего она и стала называться Пруссіею. Отъ этого Пруса былъ въ четырнадцатомъ колѣнѣ и прародитель Московскихъ государей—Рюрикъ. Московскіе книжники въ данномъ случаѣ, повидимому, использовали книжную легенду, ходившую въ польской и западнорусской письменности, о выходѣ литовцевъ изъ Италіи и о родствѣ первыхъ литовскихъ князей съ императорскою римскою династіею. Эту легенду московскіе книжники передѣлали въ пользу своихъ государей. Благодаря всѣмъ этимъ усиліямъ «царство» Московскихъ великихъ князей получило и религіозную санкцію, и историко-юридическое оправданіе. Пропагандируемыя ими идеи падали теперь на воспріимчивую почву, входили въ сознаніе и переходили въ дѣло. Московскій великій князь сталъ именовать себя теперь царемъ, сталъ вѣнчать своихъ преемниковъ на царство.

Сообразно съ новоосмысленнымъ значеніемъ своимъ великій князь Московскій старался устроить и весь обиходъ своей жизни. Цесарскій посолъ Сигизмундъ Герберштейнъ, пріѣзжавшій въ Москву при Василіи III, поразился чинностью и церемонностью московскаго двора, пышностью и великолѣпіемъ московской придворной обстановки. А ему ли, пріѣхавшему отъ императора Священной Римской имперіи,

было удивляться! Значитъ, Московскій великій князь дѣйствительно обставилъ себя истинно по царски, сталъ показывать себя настоящимъ царемъ, преемникомъ Византійскихъ императоровъ. Не даромъ онъ усвоилъ себѣ и гербъ ихъ—двухглаваго орла.

Новые взгляды на власть Московскаго государя.—Дѣло не ограничилось одними внѣшностями—титуломъ, гербомъ, придворною церемоніальностью. Византійская идея царя имѣла извѣстное внутреннее содержаніе: съ нею связывалось представленіе не только о внѣшнемъ могуществѣ и независимости (ἀυτοκράτωρ, самодержецъ), но и о полнотѣ и неограниченности власти, происшедшей отъ Бога и ни передъ кѣмъ, кромѣ Бога, не отвѣтственной. Это представленіе и стали пропагандировать московское духовенство и книжники конца XV и начала XVI в. Особенно много потрудился по этой части *Іосифъ Санинъ*, основатель и игуменъ Волоколамскаго монастыря. Доказывая обязанность для государей казнить еретиковъ, Санинъ писалъ имъ: «слышите, цари и князи, и разумѣйте, яко отъ Бога дана бысть держава вамъ, яко слуги Божіи есте: сего ради поставилъ есть васъ пастыря и стража людемъ своимъ, да соблюдете стадо его отъ волковъ невредимо: васъ бо Богъ въ себѣ мѣсто избралъ на земли, и на свой престолъ вознесъ посади, милость и животъ положи у васъ, и мечъ вышняя Божія десница вручи вамъ: вы же убо да не держите истину въ неправдѣ... и не давайте воля злотворящимъ человѣкомъ...» Если дадите волю,—заключаетъ Іосифъ, будете истязаны объ этомъ въ страшный день второго пришествія. Итакъ, на царей наложены великія обязанности, великое призваніе—охранять стадо Христово, вслѣдствіе чего и власть ихъ и значеніе огромное: «Царь убо естествомъ подобенъ есть всѣмъ человѣкомъ, властію же подобенъ вышнему Богу». Іосифъ проповѣдывалъ поэтому послушаніе и смиреніе передъ царемъ, какъ великія добродѣтели даже для епископовъ. Если кому-либо изъ святителей случится на соборѣ говорить съ царемъ или княземъ, то должно прежде умолить царя, «дабы повелѣлъ рещи», и если онъ позволитъ, то говорить съ кротостью и смиреніемъ; если царь и разгнѣвается на кого, то надо съ кротостью, смиреніемъ и слезами умолять его. «Сваритися» же съ государемъ божественныя правила никакъ не разрѣшаютъ. Іосифъ былъ вдохновителемъ цѣлаго политическаго направленія въ высшемъ московскомъ духовенствѣ. Его взгляды въ теоріи и на практикѣ проводилъ *митрополитъ Даніилъ*. Въ словѣ о томъ, «яко подобаетъ ко властямъ послушаніе имѣти и честь имъ воздаяти», митрополитъ Даніилъ, повторяя доводы своего учителя о высокомъ происхожденіи и призваніи царской власти, говоритъ о спасительности страха передъ властями предержащими. «Страхъ вина бываетъ намъ къ благому житію»; власть земная поставлена для того, чтобы люди, если презрятъ страхъ Божій, вспомнили бы страхъ властителей земныхъ, «да боящеся земныхъ начальствъ, не поглотаютъ другъ друга, яко же рыбы».

Успѣхъ новыхъ идей въ московскомъ обществѣ.—Таковы были понятія о царской власти, которыя пропагандировала извѣстная часть, едва ли не большая, московскаго духовенства. Проповѣдь эта падала уже теперь на благопріятную хорошо подготовленную почву. Великій князь Московскій, сдѣлавшись обладателемъ большей части Руси, сосредоточивъ въ своихъ рукахъ огромныя военныя и финансовыя средства, подчинивъ себѣ и принизивъ удѣльныхъ князей, долженъ былъ неизбѣжно почувствовать, что онъ теперь полновластный хозяинъ въ государствѣ, его владыка и неограниченный повелитель. Это почувствовалось и въ обществѣ. Великій князь сталъ величать себя государемъ, князья, бояре и служилые люди его холопами, духовенство—богомольцами, крестьяне—государевыми сиротами,—наинизшее званіе, которое только было тогда на Руси. Герберштейнъ, видѣвшій Василія, говоритъ, что онъ докончилъ то, что началъ отецъ, и властью своею превосходилъ всѣхъ монарховъ въ мірѣ. Онъ же свидѣтельствуетъ, что пропаганда новыхъ воззрѣній на эту власть со стороны духовенства имѣла успѣхъ въ обществѣ. Москвичи говорили: «воля государева—воля Божья; государь исполнитель воли Божьей»; когда ихъ спрашивали о какомъ-нибудь неизвѣстномъ дѣлѣ, они повторяли; «мы того не знаемъ, знаетъ то Богъ да государь; одинъ государь все знаетъ» и т. под. Въ качествѣ преемника Византійскихъ царей великій князь Московскій сталъ охранителемъ православной церкви и получилъ великую власть надъ нею. Онъ сталъ утверждать кандидатовъ на митрополію, архіерейскія каѳедры, а на практикѣ даже избирать ихъ, устраняя совсѣмъ соборъ. При поставленіи митрополитовъ великій князь сталъ вручать имъ жезлъ, символъ пастырской власти, произнося при этомъ знаменательныя слова: «Всемогущая и животворящая святая Троица, дарующая намъ всея Руси государство, подаетъ тебѣ святый великій престолъ архіерейства, митрополію всея Руси... Воспріими, отче, жезлъ пастырства и моли Бога о насъ и о всемъ православіи». Митрополитъ и епископы въ своихъ пререканіяхъ стали обращаться къ разбирательству великаго князя и т. д.

Такъ выросло внутреннее значеніе великаго князя Московскаго съ объединеніемъ Руси подъ его властью и установленіемъ единодержавія. Это значеніе было очень далеко отъ того, какое приписывалъ себѣ великій князь Василій Димитріевичъ въ разговорѣ съ митрополитомъ Кипріаномъ: «вы поставлены къ миру и любве учити, мнѣ же имѣнія собирати и возноситися». Это уже не былъ теперь рачительный вотчинникъ-владѣлецъ, заботящійся о пріумноженіи богатства, а великій государь, призванный охранять миръ и доброе житіе православнаго христіанства, и вооруженный для того полнотою и неограниченностью власти.

Этотъ великій государь не преминулъ объявить войну всѣмъ пережиткамъ удѣльной феодальной эпохи, которые еще уцѣлѣли къ тому времени въ объединенной подъ его властью Руси.

Пособіями, кромѣ упомянутыхъ общихъ трудовъ Соловьева и Иловайскаго, могутъ служить:

И. Е. Забѣлинъ, Исторія города Москвы, ч. I. Москва 1905 (2-е изд.).

М. А. Дьяконовъ, Власть Московскихъ государей. С.-Пб. 1889.

— Очерки общественнаго и государственнаго строя древней Руси. С.-Пб. 1914. Изд. 4-е.

А. Н. Филипповъ, Учебникъ исторіи русскаго права. Часть I. Юрьевъ. 1912. Изд. 4-е.

В. И. Сергѣевичъ, Русскія юридическія древности, т. 1. С.-Пб. 1890.

XIX.

Борьба съ пережитками удѣльной эпохи при Иванѣ III и Василіи III и установленіе монархическаго абсолютизма.

Прекращеніе удѣльнаго дробленія не знаменовало еще собою полнаго уничтоженія порядковъ удѣльной эпохи. Въ качествѣ наслѣдія этой эпохи оставались еще договорный характеръ отношеній между государемъ и боярами и соединеніе нѣкоторыхъ политическихъ правъ съ землевладѣніемъ. Новая верховная власть на Руси въ лицѣ Ивана III и его сына Василія вступила въ борьбу и съ этими переживаніями стараго порядка и одержала рядъ крупныхъ побѣдъ надъ ними.

Уничтоженіе права отъѣзда бояръ и вольныхъ слугъ.—Здѣсь на первомъ планѣ надо поставить уничтоженіе права отъѣзда бояръ и вольныхъ слугъ. Право это въ теоріи подтверждалось великими князьями Московскими до самаго конца XV в. Изслѣдователи справедливо указываютъ, что Московскимъ князьямъ, къ которымъ со всѣхъ сторонъ пріѣзжали вольные слуги, выгодно было охранять это право въ своихъ договорахъ съ другими князьями. Но на практикѣ и въ отношеніи къ своимъ слугамъ они очень рано стали бороться съ правомъ вольнаго отъѣзда. Такъ, напр., еще великій князь Семенъ Ивановичъ обязалъ своихъ братьевъ не принимать къ себѣ на службу боярина Алексѣя Петровича, который вошелъ къ нему «въ коромолу», и заставилъ ихъ формально признать, что «воленъ въ немъ князь великій и въ его женѣ и въ его дѣтяхъ». Изъ договора видно, что Семенъ конфисковалъ имущество мятежнаго боярина. Великій князь Димитрій Ивановичъ Донской конфисковалъ села у Ивана Васильевича Вельяминова и Некомата Сурожанина, которые отъѣхали отъ него въ Тверь, и затѣмъ, заключая перемирную грамоту съ Тверскимъ княземъ, выговорилъ: «а что Ивановы села Васильевича и Некоматовы, и въ тыи села тобѣ не вступатися,

а имъ не надобѣ: тѣ села мнѣ». Мало того: когда названныя лица попались ему позже въ руки, онъ приказалъ ихъ казнить за измѣну. Подобное же случилось и съ Иваномъ Димитріевичемъ Всеволожскимъ, который отъѣхалъ отъ великаго князя Василія Васильевича. Великій князь захватилъ его села «въ своей винѣ» и по договору съ дядею Юріемъ Димитріевичемъ удержалъ ихъ за собою; а когда Иванъ Димитріевичъ попался ему въ плѣнъ, онъ приказалъ его ослѣпить. Шемяка, сдѣлавшись великимъ княземъ на Москвѣ, поотнималъ села и дома у бояръ и дѣтей боярскихъ, отъѣхавшихъ въ Коломну къ Василію Васильевичу. Всѣ эти факты, впрочемъ, можно еще объяснить тѣмъ, что отъѣздъ названныхъ бояръ былъ по обстоятельствамъ равнозначителенъ дѣйствительной измѣнѣ или враждебнымъ замысламъ ихъ противъ князей. Но этого нельзя сказать про такія, напр., мѣры, какъ договоръ Василія Васильевича Темнаго съ дядею Юріемъ и Борисомъ Александровичемъ Тверскимъ о непріемѣ служилыхъ князей съ вотчинами. Въ этихъ договорахъ не содержится прямого запрещенія отъѣзда, но содержится только оговорка, которая почти равнозначительна прямому запрещенію: «а кто моихъ князей отъѣдетъ къ тебѣ служебныхъ, и въ тѣхъ ти вотчины не вступаться, кого ми Богъ поручилъ, ни твоимъ дѣтямъ, ни твоей братьѣ молодшей».

Иванъ III, не издавая общаго запрещенія отъѣзда, сталъ брать съ отдѣльныхъ лицъ письменныя обязательства о неотъѣздѣ и при томъ съ крупнымъ денежнымъ поручительствомъ за ихъ вѣрность со стороны родственниковъ и друзей. Такимъ образомъ, напр., въ 1474 году онъ взялъ запись съ князя Данила Дмитріевича Холмскаго, причемъ за него поручились 8 бояръ всего на сумму 8000 рублей. Такія же «укрѣпленныя» грамоты бралъ съ князей и бояръ и Василій III, и царь Иванъ Васильевичъ Грозный. При этомъ вошло въ обычай требовать поручителей даже за тѣхъ, кто ручались за вѣрность служилаго человѣка. Такимъ путемъ весь военно-служилый классъ, или по крайней мѣрѣ его высшій слой, опутывался круговою порукою. Не довольствуясь этимъ, московское правительство старалось положить конецъ переходамъ и нѣкоторыми общими распоряженіями, и своими договорами съ удѣльными князьями. Иванъ III въ своемъ завѣщаніи оговорилъ: «боярамъ и дѣтямъ боярскимъ Ярославскимъ, со своими вотчинами и съ куплями отъ сына моего Василія не отъѣхати никому никуда; а кто отъѣдетъ,—земли ихъ сыну моему». Новое правило о неотъѣздѣ служилыхъ людей было утверждено въ малолѣтство Грознаго митрополитомъ Даніиломъ и боярами. Въ 1534 году, по смерти Василія III, митрополитъ Даніилъ привелъ къ крестному цѣлованію братьевъ умершаго великаго князя Андрея и Юрія Ивановичей, на томъ, что «людей имъ отъ великаго князя Ивана не отзывати». Въ 1537 году Андрей повторилъ свое обѣщаніе и обязался не принимать къ себѣ служилыхъ людей великаго князя—князей, бояръ, дьяковъ, дѣтей боярскихъ и извѣщать правительство о такихъ охотникахъ до переѣздовъ. Наконецъ, въ 1553 году Иванъ Гроз-

ный обязался единственнаго удѣльнаго князя, который еще оставался, Владимира Андреевича Старицкаго не принимать на службу московскихъ бояръ. Уничтожая исподоволь право отъѣзда къ своимъ удѣльнымъ князьямъ, московскій государь, само собою разумѣется, долженъ былъ стремиться и къ уничтоженію права отъѣзда къ иноземнымъ государямъ. Этотъ отъѣздъ онъ разсматривалъ уже, какъ прямую измѣну, и наказывалъ за нее не только самихъ виновниковъ, но и ихъ родственниковъ и совѣтчиковъ смертью, тюремнымъ заключеніемъ, конфискаціею имѣній и т. под. Отъѣздъ не проходилъ даромъ даже въ тѣхъ случаяхъ, когда отъѣзчикъ возвращался обратно и приносилъ повинную. Въ такихъ случаяхъ и самъ онъ, и его родъ понижались въ чести.

Такъ, постепенно уничтожились въ Великой Руси договорныя отношенія между государемъ и его слугами. Эти отношенія замѣнились обязательными отношеніями подданства, а вольные слуги превратились въ невольныхъ служилыхъ людей, холоповъ Московскаго государя.

Установленіе обязательной службы съ вотчинъ.—Этотъ фактъ въ свою очередь повлекъ за собою важныя послѣдствія. Мы видѣли, что въ удѣльную эпоху не было обязательной службы князю съ земельныхъ вотчинъ. По землѣ тянули только судомъ и данью, а службу могли служить по договору и чужому князю. Съ уничтоженіемъ права отъѣзда съ вотчиннымъ землевладѣніемъ должна была связаться и служба. Разъ отъѣздъ на службу къ постороннему князю сталъ вызывать конфискацію вотчинъ, то и обратно—владѣніе вотчиною стало предполагать обязательную службу государю, во владѣніи котораго лежала вотчина. Этотъ принципъ тѣмъ болѣе сталъ утверждаться въ жизни, что одновременно съ тѣмъ московское правительство стало практиковать раздачу земель въ вотчину съ обязанностью службы. Юридическія представленія, связывавшіяся съ выслуженными вотчинами, должны были переноситься невольно и естественно и на вотчины родовыя, невыслуженныя. Отсюда естественно было уже перейти и къ различнымъ ограниченіямъ въ правѣ распоряженія вотчинами въ государственныхъ интересахъ. Въ разсматриваемое время, эти ограниченія коснулись пока княжескихъ вотчинъ. При Иванѣ III князьямъ Ярославскимъ, Суздальскимъ и Стародубскимъ запрещено было продавать свои вотчины кому бы то ни было безъ вѣдома великаго князя, а также отдавать ихъ по душѣ въ монастыри.

Государственныя права княжатъ и ихъ умепьшеніе.—Такое ограниченіе коснулось княжескихъ вотчинъ ранѣе, чѣмъ боярскихъ потому, что съ владѣніемъ этими вотчинами связаны были государственныя права. Потерявъ свою внѣшнюю независимость и самостоятельность, сдѣлавшись слугами Московскаго государя, князья при всемъ томъ продолжали оставаться князьями-государями въ своихъ удѣлахъ. Они творили въ нихъ судъ и управу, раздавали жалованныя грамоты, имѣли свой штатъ намѣстниковъ, тіуновъ и дьяковъ, своихъ бояръ и слугъ, которыхъ они во-

дили сами на войну особыми отрядами. При такихъ обстоятельствахъ Московскій государь долженъ былъ особенно внимательно относиться къ переходамъ княжескихъ вотчинъ и не могъ оставить этого дѣла на произволъ владѣльцевъ. Мало того: Московскій государь сталъ принимать мѣры противъ самыхъ политическихъ правъ князей, противъ существованія въ его государствѣ владѣній съ политическими правами. Но всѣ эти мѣры были частнаго характера и лишены были всякаго принципіальнаго значенія. Онъ началъ съ того, что сталъ исподоволь уничтожать отдѣльные полки князей. Для достиженія этого Московскій государь сталъ назначать князей воеводами своихъ полковъ. При этомъ собственные полки князей должны были неизбѣжно смѣшиваться съ общегосударственнымъ ополченіемъ. Это во-первыхъ. Во-вторыхъ, придираясь ко всякимъ поводамъ и предлогамъ, Московскій государь сталъ отбирать у служебныхъ князей ихъ родовыя вотчины и замѣнять пожалованными имѣньями, но уже безъ княжескихъ правъ суда и дани. Такимъ образомъ, напр., Иванъ III взялъ у князя Михаила Мезецкаго городъ Мещовскъ, а ему взамѣнъ далъ Алексинъ безъ права суда и дани. По стопамъ отца шелъ въ настоящемъ случаѣ и Василій III: оставляя во владѣніи князей часть ихъ наслѣдственныхъ земель, онъ систематически лишалъ ихъ стольныхъ городковъ ихъ удѣловъ. По словамъ Герберштейна, «этотъ государь исполнилъ то, что началъ его отецъ, а именно отнялъ у всѣхъ князей и другихъ владѣтелей всѣ ихъ города и укрѣпленія и даже своимъ роднымъ братьямъ не ввѣрялъ крѣпостей и не дозволялъ имъ въ нихъ жить». Мы увидимъ впослѣдствіи, что этотъ отзывъ Герберштейна преувеличилъ нѣсколько дѣло. Василій III не все кончилъ въ настоящемъ случаѣ и многое еще оставилъ додѣлывать и своему преемнику. Но во всякомъ случаѣ и онъ много сдѣлалъ по части уничтоженія княжескихъ владѣній. Не даромъ князь Курбскій писалъ потомъ: «обычай есть издавна Московскимъ княземъ желати братій своихъ крови и губити ихъ, убогихъ ради и окаянныхъ вотчинъ, несытства ради своего». Такъ, не отмѣняя самыхъ политическихъ правъ, связанныхъ съ княжескимъ владѣніемъ, боролось московское правительство противъ этого пережитка феодализма тѣмъ, что сокращало по мѣрѣ возможности княжеское владѣніе.

Измѣненіе значенія великокняжеской думы.—Лишая своихъ слугъ прежняго самостоятельнаго и независимаго общественнаго положенія, Московскій государь въ то же время ослаблялъ политическое, правительственное ихъ значеніе. Въ удѣльный періодъ служилые князья и бояре пользовались большимъ вліяніемъ въ качествѣ самостоятельныхъ совѣтниковъ-думцевъ; великій князь долженъ былъ считаться съ мнѣніемъ своихъ вольныхъ слугъ, которые могли во всякое время отъ него отъѣхать. Теперь Московскій государь сталъ видѣть въ своихъ слугахъ только простыхъ совѣтниковъ, которыхъ онъ могъ слушать и не слушать, покорныхъ исполнителей его воли. Теперь опала и наказанія стали постигать тѣхъ

совѣтниковъ, которые особенно рѣзко обнаруживали свою самостоятельность и нѣкоторое упорство въ мнѣніяхъ и стремленіяхъ. Такъ, въ 1499 году Иванъ III велѣлъ схватить князя Ивана Патрикѣева съ двумя сыновьями и зятя его Семена Ряполовскаго и казнить ихъ смертью за то, что они слишкомъ «высокоумничали». Князю Ряполовскому отрубили голову на Москвѣ-рѣкѣ; просьбы духовенства спасли жизнь князьямъ Патрикѣевымъ, но ихъ постригли въ монахи. Но Иванъ III былъ еще относительно терпимъ къ проявленію самостоятельныхъ и независимыхъ мнѣній. Берсень-Беклемешевъ свидѣтельствуетъ, что Иванъ «любилъ встрѣчу, жаловалъ тѣхъ, которые противъ его говаривали». Но не то уже было при сынѣ его. Тотъ же Берсень-Беклемешевъ говорилъ про него: «государь упрямъ и встрѣчи противъ себя не любитъ: кто ему встрѣчу говоритъ, и онъ на того опаляется». Берсень испыталъ это на самомъ себѣ: когда въ думѣ обсуждался вопросъ о Смоленскѣ, онъ возразилъ Василію, и князь великій того не полюбилъ, да молвилъ: «пойди смердъ прочь, не надобенъ ми еси». Но такихъ лицъ, какъ Берсень-Беклемешевъ, было уже немного: передъ всесильнымъ Московскимъ владыкою склонились всѣ головы, смолкли всѣ голоса. Между совѣтниками его,—говоритъ Герберштейнъ,—никто не пользовался такимъ значеніемъ, чтобъ осмѣлиться ему въ чемъ-нибудь противорѣчить. Мало того, Московскій государь все чаще и чаще сталъ обходиться и безъ совѣтниковъ. Берсень-Беклемешевъ жаловался на Василія, что онъ всякія дѣла дѣлалъ запершись самъ-третей у постели, съ своимъ дворецкимъ Шигоною Поджогинымъ да дьякомъ. Такъ, Московскій государь становился самодержцемъ не только по отношенію къ другимъ государямъ, но и по отношенію къ своимъ подданнымъ. Исчезали всякія свободы и вольности, доставшіяся по наслѣдству отъ удѣльной эпохи, и Московское государство начинало превращаться въ абсолютную, неограниченную монархію.

Общественная среда какъ благопріятное условіе для развитія московскаго абсолютизма.—Естественно возникаетъ вопросъ: почему общественная среда Великой Руси оказалась столь податливою для развитія монархическаго абсолютизма? На этотъ вопросъ можно дать такой общій отвѣтъ: потому что общество Великой Руси отъ предшествующей исторіи не получило достаточно крѣпкой организаціи для борьбы съ абсолютизмомъ. Великимъ князьямъ Московскимъ при утвержденіи и расширеніи своей власти не приходилось считаться ни съ самостоятельностью крупныхъ мѣстныхъ міровъ, за небольшими исключеніями, ни съ сильными сословными корпораціями. Въ эпоху татарскаго владычества, какъ извѣстно, въ Великой Руси существовали только двѣ крупныя самоуправляющіяся земли—Новгородская и Псковская, въ которыхъ верховная власть принадлежала вѣчамъ главныхъ городовъ, и которыя крѣпко держались за свою старину. Вся остальная Великая Русь была разбита на множество мелкихъ обществъ подъ управленіемъ князей-хозяевъ. Политическая самодѣятельность въ

этихъ обществахъ, обязанныхъ своимъ возникновенiемъ устроительной дѣятельности князей-хозяевъ, не развивалась, а гдѣ она встарь и проявлялась, какъ, напр., въ Ростовѣ и Суздалѣ, тамъ давнымъ-давно была подавлена князьями-устроителями земель. Въ Великой Руси еще въ XII вѣкѣ княжеская власть получила рѣшительное преобладанiе надъ обществомъ. Когда же эта княжеская власть раздробилась, то вмѣстѣ съ тѣмъ распалось и общество на множество подчиненныхъ князьямъ мелкихъ общественныхъ союзовъ. Изъ продолжительной эпохи удѣльнаго дробленiя общество Великой Руси не могло вынести привычки къ солидарности, къ совмѣстному дѣйствiю и энергическому отстаиванiю общихъ интересовъ. Справедливо поэтому, что удѣльная раздробленность не только содѣйствовала собирательнымъ успѣхамъ Москвы, но въ видѣ извѣстныхъ духовныхъ переживанiй содѣйствовала и успѣхамъ московскаго абсолютизма. Когда вся Великая Русь объединилась въ рукахъ великаго князя Московскаго, въ ней не оказалось мѣстныхъ политическихъ организацiй, способныхъ мѣшать установленiю монархическаго абсолютизма.

Политическое безсилiе московскаго боярства; мѣстничество.—Не нашлось и достаточно сильнаго и солидарнаго общественнаго класса, который былъ бы въ состоянiи съ своей стороны поставить предѣлы развитiю этого абсолютизма. Нѣкоторые шансы въ этомъ отношенiи имѣлъ, конечно, высшiй классъ князей и бояръ, сгруппировавшiйся вокругъ Московскаго государя. Князья наполнили собою переднiе ряды слугъ Московскаго государя и закрыли собою старое московское боярство. Становясь слугами Московскаго государя, они не переставали быть попрежнему князьями-государями въ своихъ вотчинахъ, творили въ нихъ судъ и управу, собирали съ населенiя подати, имѣли свои собственныя войска. Въ общемъ, слѣдовательно, они могли составить великую силу для противовѣса развивавшемуся абсолютизму. Но дѣло въ томъ, что въ то самое время, когда устанавливалось московское единодержавiе и самодержавiе, этотъ новый классъ только что слагался и не успѣлъ еще прiобрѣсти нужной солидарности. Людей соединяетъ и сплачиваетъ время, болѣе или менѣе продолжительное общенiе, и затѣмъ общiе интересы. Этихъ условiй пока еще не хватало для того, чтобы князья и высшее боярство могли составить тѣсно сплоченную и сильную общественную группу. Понаѣхавъ съ разныхъ сторонъ ко двору Московскаго государя, князья и высшiе бояре все еще чувствовали себя чужими другъ другу и подчасъ соперниками, конкуррентами. Каждый изъ нихъ сталъ слугою Московскаго государя послѣ постигшаго его крушенiя, надѣялся въ новомъ положенiи обезпечить себя и свой родъ и на первыхъ порахъ только объ этомъ и ни о чемъ другомъ не заботился. Главною заботою, господствовавшимъ помысломъ было то, чтобы не затерли другiе. Явственнымъ и характернымъ обнаруженiемъ этого эгоизма, воспитаннаго вѣками удѣльной розни и дробленiя, было *мѣстничество*.

Понаѣхавшіе въ Москву князья и бояре, смѣшиваясь здѣсь съ старымъ боярствомъ, стремились отстаивать не общее положеніе всего класса, а частное—каждаго лица, каждой семьи, каждаго рода. Не претендуя на то, чтобы за ними обезпечены были извѣстныя постоянныя мѣста, должности, извѣстное политическое положеніе, князья и бояре хлопотали только о томъ, чтобы при назначеніяхъ на мѣста и должности не быть ниже другихъ, равныхъ себѣ, кому они были «въ версту». Своими горячими спорами и ссорами по этому поводу, они заставляли и самого государя Московскаго признать за ними въ этомъ отношеніи нѣкоторыя права, руководствоваться нѣкоторыми правилами при назначеніи на должности. Князья и бояре стали разсаживаться въ извѣстномъ порядкѣ въ думѣ и за столомъ своего государя; установилось извѣстное іерархическое взаимоотношеніе между должностями: извѣстная должность стала считаться равною другой, выше или ниже и на столько-то степеней. Сажая къ себѣ въ думу и за столъ, назначая на должности князей и бояръ, государь сталъ руководиться ихъ отечествомъ, т.-е. соображаться съ положеніемъ, которое занимали ихъ предки. Такимъ образомъ, напр., потомки великихъ князей садились выше и назначались на болѣе высокія и почетныя должности, чѣмъ потомки удѣльныхъ князей, а тѣмъ болѣе простыхъ хотя бы и знатныхъ московскихъ бояръ. Потомки удѣльныхъ князей садились и назначались выше бояръ, но не всегда: тѣ изъ нихъ, предки которыхъ были слугами у другихъ удѣльныхъ князей, садились и назначались ниже бояръ, служившихъ великимъ князьямъ и т. д. Кромѣ этихъ общихъ правилъ, въ мѣстническомъ распорядкѣ дѣйствовали и прецеденты. Принималось во вниманіе, какъ прежде садились и назначались на службу тѣ или другіе князья или бояре и ихъ предки, кто кому былъ въ версту, кто выше или ниже и т. д. Объ этихъ прецедентахъ справлялись въ оффиціальныхъ или частныхъ «разрядныхъ» книгахъ, содержавшихъ записи всѣхъ оффиціальныхъ торжествъ и служебныхъ назначеній. Въ тѣхъ случаяхъ, когда прецедентовъ совмѣстнаго назначенія на службу тѣхъ или другихъ лицъ или ихъ предковъ не находилось въ разрядныхъ книгахъ, старались найти прецеденты совмѣстнаго назначенія ихъ съ третьими лицами или ихъ предками и такимъ путемъ установить правильное взаимоотношеніе между ними. Но такъ какъ разныя лица извѣстнаго рода сами между собою не были равны, одни считались старше, другіе моложе, то и въ мѣстническихъ назначеніяхъ и счетахъ принималось во вниманіе не только «отечество», общее положеніе рода, но и генеалогическія степени. Поэтому, напр., сынъ или внукъ извѣстнаго лица не считался равнымъ по чести тому лицу, которому равенъ былъ отецъ или дѣдъ, а былъ ниже его на нѣсколько мѣстъ. Поэтому и при служебныхъ назначеніяхъ наводились справки не только въ разрядахъ, относительно того, кто подъ кѣмъ сидѣлъ прежде или былъ назначенъ на должность, но и въ родословцахъ, кто кому и кѣмъ доводился. По этимъ двумъ коэффиціентамъ и производились тонкіе и слож-

ные расчеты, часто спутанные и намѣренно запутанные и потому возбуждавшіе пререканія, споры и ссоры. На эти мѣстническія тяжбы на первыхъ порахъ уходили всѣ нравственныя силы высшаго класса московскаго общества, который за своими ссорами мало обращалъ вниманія на измѣняющееся общее положеніе. Мѣстничество было порожденіемъ удѣльной розни и обособленія. Но отлившись въ форму, будучи закрѣплено обычаемъ и закономъ, мѣстничество въ свою очередь сдѣлалось факторомъ, парализовавшимъ развитіе солидарности въ высшемъ классѣ. «Внося въ боярскую среду соперничество и рознь,—говоритъ В. О. Ключевскій, —питая мелочные споры и узкій фамильный эгоизмъ, оно притупляло чутье общественнаго, даже сословнаго интереса, было въ полномъ смыслѣ «враждотворнымъ и братоненавистнымъ обычаемъ, какъ оно характеризовано въ отмѣнявшемъ его приговорѣ...» Мѣстничество дѣлало бояръ неспособными къ общему дѣлу, къ дружной дѣятельности въ какомъ-либо направленіи. «Наконецъ, оно не давало никакого мѣста заслугѣ... Не такъ воспитываются здоровыя и сильныя аристократіи, способныя создать прочный государственный порядокъ».

Общая политика Московскихъ государей въ отношеніи боярства.— Развитію солидарности въ боярской аристократіи не благопріятствовала и самая политика первыхъ Московскихъ государей въ отношеніи боярства. Эти государи, какъ уже сказано, узаконяли мѣстничество, и такимъ образомъ, какъ говоритъ Флетчеръ, злобу и взаимныя распри бояръ обращали въ свою пользу. Но самое главное—это то, что они, безпощадно относясь къ отдѣльнымъ лицамъ, не трогали всего класса въ цѣломъ, не нарушали разомъ его общихъ интересовъ и такимъ образомъ не вызывали общаго неудовольствія, общаго противодѣйствія. Они создавали свой абсолютизмъ такъ же, какъ и государство, по маленькимъ дозамъ, по кусочкамъ, по частямъ и потому медленно, незамѣтно, но крѣпко строили свое политическое сооруженіе. Какъ уже было сказано, въ новообразовавшемся Московскомъ государствѣ было множество владѣльцевъ съ правами государей въ ихъ имѣніяхъ. Существованіе такихъ мелкихъ государей было, конечно, помѣхою въ развитіи власти великаго князя Московскаго надъ обществомъ. Тѣмъ не менѣе ни Иванъ III, ни сынъ его Василій не предпринимали никакихъ общихъ мѣръ противъ этихъ государей-вотчинниковъ. Они, какъ мы видѣли, довольствовались только тѣмъ, что старались уменьшать ихъ число, пріобрѣтать княжескія родовыя вотчины себѣ, давать князьямъ взамѣнъ ихъ княжествъ простыя имѣнья безъ княжескихъ въ нихъ правъ.—Затѣмъ: и свои, и иноземные наблюдатели отмѣтили измѣненіе отношеній великаго князя къ боярству, его самовластіе, дѣятельность безъ боярскаго совѣта. Но это самовластіе и дѣятельность проявлялись только въ будничной практикѣ и не возводились въ принципъ. Въ особо важныхъ случаяхъ великій князь собиралъ на думу своихъ бояръ и не только дѣломъ, но и словомъ подтверждалъ политическое значеніе боярства.

Въ 1510 году великій князь Василій, на самовластье котораго, какъ мы видѣли, жаловался Берсень-Беклемишевъ, рѣшая въ Новгородѣ судьбу Пскова, «велѣлъ своимъ боярамъ по своей думѣ творити, какъ себѣ сдумали». Результатомъ этого боярскаго совѣщанія и былъ арестъ псковскихъ властей и гражданъ, пріѣхавшихъ тогда къ государю съ челобитьями. Когда Василій умиралъ, онъ созвалъ къ себѣ своихъ бояръ и говорилъ съ ними объ «устроеніи земскомъ», «какъ послѣ него царству строиться». Онъ говорилъ объ этомъ со всѣми боярами, а не съ тѣми только довѣренными людьми, съ которыми прежде, запершись самъ-третей, дѣлалъ всякія дѣла. Но разъ въ устраненіи бояръ отъ обсужденія и рѣшенія государственныхъ вопросовъ не было никакой принципіальной послѣдовательности, то и боярство съ своей стороны не могло выступать съ противодѣйствіемъ великокняжескому самовластью и опредѣленными по этой части притязаніями и стремленіями. Боярство проявило опредѣленныя политическія стремленія въ смыслѣ ограниченія утверждавшагося абсолютизма только въ концѣ сороковыхъ и въ началѣ пятидесятыхъ годовъ XVI в., во время юности царя Ивана Васильевича Грознаго.

Пособія тѣ же, что упомянуты и въ предыдущей лекціи и кромѣ того:

Н. П. Павловъ-Сильванскій, Государевы служилые люди. 2-е изд. С.-Пб. 1909.

В. О. Ключевскій, Боярская дума древней Руси. 4-е изд. Москва 1909 г.

XX.

Монархическій абсолютизмъ и московское боярство въ царствованіе Ивана Васильевича Грознаго: разгромъ боярства и упадокъ его общественнаго и политическаго значенія.

Произволъ и насилія въ малолѣтство Грознаго.—Утверждавшійся монархическій абсолютизмъ своими отрицательными сторонами далъ себя увидѣть и почувствовать князьямъ и боярамъ Московскаго государства преимущественно въ малолѣтство Грознаго. Хотя отдѣльныя лица и страдали отъ самовластья Ивана III и его сына, но въ общемъ Иванъ и даже Василій умѣло пользовались своею властью. Въ ихъ крѣпкихъ рукахъ

эта власть какъ никакъ все же служила преимущественно государственнымъ, національнымъ цѣлямъ, а не личнымъ страстямъ и прихотямъ. Не то стало по смерти Василія, въ малолѣтство его сына—Ивана Васильевича. Умиравшій Василій желалъ, чтобъ бояре сообща и дружно правили послѣ него государствомъ. Призвавъ ихъ къ себѣ, онъ говорилъ имъ: «съ вами держалъ я русскую землю, вы мнѣ клятву дали служить мнѣ и моимъ дѣтямъ; приказываю вамъ княгиню и дѣтей своихъ, послужите княгинѣ и сыну моему, поберегите подъ нимъ его государства, Русской земли, и всего христіанства отъ всѣхъ недруговъ, отъ бесерменства и отъ латинства, и отъ своихъ сильныхъ людей, отъ обидъ и отъ продажъ, всѣ заединъ, сколько вамъ Богъ поможетъ». Но это желаніе было уже не осуществимо. Василій до извѣстной степени отучилъ бояръ отъ дружной совмѣстной дѣятельности на пользу государства, верша дѣла самъ-третей у себя въ спальнѣ. Тотъ же порядокъ сталъ дѣйствовать и послѣ его смерти. Его молодая вдова Елена Васильевна стала вершить всякія дѣла сначала втроемъ—съ дядей Михаиломъ Глинскимъ и съ своимъ любимцемъ, княземъ Иваномъ Овчиною Телепневымъ-Оболенскимъ, а потомъ и вдвоемъ—съ этимъ послѣднимъ. Но правительница стала пользоваться своею властью уже въ угоду своимъ личнымъ чувствамъ и пристрастіямъ. Она посадила въ заключеніе дядю своего Михаила, укорявшаго ее за зазорное поведеніе, арестовала князей Ивана Ѳедоровича Бѣльскаго и Ивана Михайловича Воротынскаго съ дѣтьми, по всѣмъ даннымъ, за то, что тѣ выражали неудовольствіе противъ кн. Овчины-Оболенскаго. Крутое самовластіе Елена обнаружила и въ другихъ случаяхъ, угождая, главнымъ образомъ, своему фавориту. Результатомъ этого былъ заговоръ, жертвою котораго пали и сама правительница, и ея фаворитъ. По извѣстію Герберштейна, Елену отравили; а на седьмой день послѣ ея смерти былъ арестованъ и ея фаворитъ. Его уморили голодною смертью въ тюрьмѣ, арестованныхъ же изъ-за него лицъ освободили изъ заключенія.

Во главѣ правительства сталъ послѣ того первенствовавшій въ боярской думѣ князь Василій Васильевичъ Шуйскій съ братьями. Казалось бы, что на этотъ разъ установится уже правленіе боярской думы, а не личное. Въ дѣйствительности такъ не вышло. Шуйскіе, овладѣвъ малолѣтнимъ государемъ, ввели такой же личный произволъ, который господствовалъ и при Еленѣ. Они стали больше всего заботиться о повышеніи своей родни, пріятелей и доброхотовъ, которымъ раздавали именемъ малолѣтняго государя чины и должности. Люди, осмѣливавшіеся имъ противорѣчить, попадали въ тюрьму и на плаху. Такимъ образомъ, напр., они посадили въ тюрьму кн. Ивана Ѳедоровича Бѣльскаго, а дьяку Ѳедору Мишурину отрубили голову. Иванъ Шуйскій по смерти своего брата Василія низложилъ митрополита Даніила и возвелъ на его мѣсто Іоасафа; освободивъ по просьбѣ новаго митрополита кн. Бѣльскаго, онъ немного времени спустя велѣлъ снова посадить его въ тюрьму и тамъ умертвить. Митрополитъ Іоасафъ также едва было не по-

гибъ отъ его клевретовъ, былъ низложенъ и отправленъ въ заточеніе въ Кирилловъ Бѣлозерскій монастырь. По смерти Ивана Шуйскаго господами положенія сдѣлались его родственники: Иванъ и Андрей Михайловичи Шуйскіе и кн. Ѳедоръ Ивановичъ Скопинъ-Шуйскій, которые также стали свирѣпствовать противъ своихъ враговъ и соперниковъ. Такимъ образомъ, самовластіе великаго князя смѣнилось горшимъ самовластіемъ бояръ. За это время въ Москвѣ разыгрывались дикія сцены варварства и жестокостей не только на площадяхъ, въ тюрьмахъ, но и въ самомъ дворцѣ, въ присутствіи государя-ребенка. Напр., 3 января 1542 года клевреты Шуйскаго ночью стали кидать камни въ келлію къ митрополиту Іоасафу. Спасаясь отъ нихъ, митрополитъ бросился во дворецъ. Преслѣдователи гнались за нимъ во дворецъ, ворвались въ спальню къ великому князю и сильно перепугали его. Не найдя митрополита во дворцѣ, они отправились вслѣдъ за нимъ на Троицкое подворье и чуть было его не убили тамъ. 9 сентября 1543 года клевреты Шуйскихъ въ столовой избѣ дворца, въ присутствіи государя и митрополита Макарія, схватили любимаго государемъ боярина Ѳедора Семеновича Воронцова, били его по щекамъ, оборвали платье и хотѣли убить до смерти. Насилу государю и митрополиту удалось спасти Воронцова. Всѣ эти насилія и жестокости, совершавшіяся въ личныхъ и партійныхъ цѣляхъ, сильно всколыхнули московское боярство и въ лучшей его части должны были зародить стремленіе къ измѣненію такого положенія вещей. Активно эти стремленія пробудились тогда, когда съ полною ясностью обнаружилось, что самовластіе боярскихъ партій начинаетъ замѣняться еще болѣе жестокимъ и необузданнымъ произволомъ юнаго царя.

Воспитаніе Ивана Васильевича Грознаго.—Сынъ Василія III выросъ въ духовной атмосферѣ, пропитанной идеями о высотѣ и великомъ значеніи царской власти, и въ людской обстановкѣ, въ которой царилъ всяческій произволъ и насилія. Окружавшіе его и воспитывавшіе бояре своимъ обращеніемъ съ нимъ развивали въ немъ болѣзненное самолюбіе и вызывали усиленную, но преждевременную работу мысли о его природномъ назначеніи. Маленькаго мальчика выводили на всѣ оффиціальныя торжества и окружали здѣсь величіемъ и раболѣпствомъ. Ребенокъ-государь важно сидѣлъ на тронѣ, окруженный рындами и боярами. Къ нему подходили иноземные послы и говорили ему превыспреннія рѣчи; Иванъ отвѣчалъ имъ также заученными, высокопарными фразами. Ему кланялись до земли, цѣловали у него руку. Князья и бояре величали себя его холопами; онъ принималъ отъ нихъ всевозможныя челобитья и т. д. Но все мѣнялось какъ бы по мановенію волшебнаго жезла, когда Ивана уводили съ офиціальныхъ пріемовъ и торжествъ во внутренніе покои. Здѣсь лица, передъ тѣмъ склонявшіяся передъ нимъ, обращались съ нимъ грубо, безъ нужды стѣсняли и оскорбляли его. Этотъ контрастъ не могъ не броситься въ глаза даже ребенку, не могъ не вызвать въ немъ горькаго чувства. Это чувство Иванъ крѣпко хранилъ, сдѣлавшись и взрослымъ человѣкомъ. «Насъ съ братомъ

Юріемъ,—писалъ онъ Курбскому,—начали воспитывать какъ иностранцевъ или какъ нищихъ. Какой нужды не натерпѣлись мы въ одеждѣ и въ пищѣ: ни въ чемъ намъ воли не было, ни въ чемъ не поступали съ нами такъ, какъ слѣдуетъ поступать съ дѣтьми. Одно припомню: бывало, мы играемъ, а князь Иванъ Васильевичъ Шуйскій сидитъ на лавкѣ, локтемъ опершись о постель нашего отца, ногу на нее положивъ». Это замѣчаніе очень характерно: оно указываетъ, какъ рано въ мальчикѣ пробудилось чувство своего величія, какъ рано сталъ онъ оскорбляться неуваженіемъ къ этому величію. Это чувство заставило работать и мысль маленькаго Ивана. Учась по церковнымъ книгамъ, читая часословъ, псалтирь, хронографы и лѣтописи, онъ съ жадностью сталъ ловить и запоминать тѣ мѣста, гдѣ говорилось о величіи и полнотѣ царской власти, о ея Божественномъ происхожденіи и высокомъ служеніи. Впослѣдствіи онъ могъ въ любое время сыпать выдержками, цитатами въ защиту царской власти, не справляясь съ книгами, а прямо наизусть. Преисполняясь высокими представленіями о себѣ, юный великій князь все болѣе и болѣе проникался враждою къ окружавшему его боярству, которое стѣсняло и оскорбляло его. Когда Иванъ подросъ и сталъ болѣе понимать въ окружающей дѣйствительности, то къ дѣтскимъ горькимъ воспоминаніямъ о стѣсненіи прибавились болѣе серьезные мотивы. Иванъ видѣлъ своекорыстіе бояръ, произволъ и жестокую тиранію.« По смерти матери нашей Елены,—писалъ онъ Курбскому,—остались мы съ братомъ Юріемъ круглыми сиротами; подданные наши хотѣніе свое улучили, нашли царство безъ правителя; объ насъ, государяхъ своихъ, заботиться не стали, начали хлопотать только о пріобрѣтеніи богатства и славы, начали враждовать другъ съ другомъ. И сколько зла они надѣлали! Сколько бояръ и воеводъ, доброхотовъ отца нашего умертвили! Дворы, села и имѣнія дядей нашихъ взяли себѣ и водворились въ нихъ.... Что сказать о казнѣ родителей? Все расхитили лукавымъ умысломъ... изъ казны отца нашего и дѣда наковали себѣ сосудовъ золотыхъ и серебряныхъ и написали на нихъ имена своихъ родителей, какъ будто бы это было наслѣдственное добро; а всѣмъ людямъ вѣдомо: при матери нашей у князя Ивана Шуйскаго шуба была мухояровая зеленая на куницахъ, да и тѣ ветхи; такъ если бы у нихъ было отцовское богатство, то чѣмъ посуду ковать, лучше бъ шубу перемѣнить. Потомъ на города и на села наскочили и безъ милости пограбили жителей, а какія напасти были отъ нихъ сосѣдямъ,—исчислить нельзя; подчиненныхъ всѣхъ сдѣлали себѣ рабами, а рабовъ своихъ сдѣлали вельможами» и т. д. Такъ писалъ царь Грозный Курбскому по воспоминаніямъ отроческой юности. Видно, что великій князь, несмотря на свои лѣта, очень хорошо понималъ, что вокругъ него творится, негодовалъ и только силы не имѣлъ расправиться съ сильными вельможами. Замѣтивъ нерасположеніе къ себѣ великаго князя, властвовавшіе бояре перешли въ противоположную крайность,—стали льстить мальчику, потворствовать его дурнымъ инстинктамъ и всячески забавлять и утѣшать его.

Дѣти, какъ извѣстно, бываютъ нерѣдко жестоки. Иванъ, когда ему было 12 лѣтъ, забавлялся тѣмъ, что бросалъ съ высоты животныхъ, собакъ и кошекъ, какъ нерѣдко дѣлаютъ это деревенскія дѣти и до сихъ поръ. Пѣстуны не только дозволяли, но и поощряли подобныя забавы. Иванъ травилъ собакъ, а затѣмъ сталъ забавляться травлею дикихъ звѣрей. Все это дѣлается иногда и теперь и проходитъ сплошь и рядомъ безрезультатно для развитія характера: люди, въ дѣтствѣ занимавшіеся жестокими забавами, выростаютъ нерѣдко мягкими, гуманными людьми. Здоровые человѣческіе инстинкты берутъ верхъ надъ животными склонностями. Но иное дѣло, конечно, когда этимъ животнымъ склонностямъ дается постоянное возбужденіе. Тогда, дѣйствительно, выростаютъ люди-звѣри. Воспитатели Ивана постоянно тѣшили его подобными забавами, можетъ быть и не сознательно, а потому, что ничего лучшаго не могли придумать для его развлеченія. Когда весь запасъ этихъ развлеченій истощился, и великій князь уже притупѣлъ къ нимъ, воспитатели придумали новыя. Ивана рано развратили, рано пріучили пить. Четырнадцати лѣтъ отъ роду онъ уже съ толпою сверстниковъ скакалъ верхомъ по улицамъ и площадямъ Москвы и давилъ народъ, подобно купеческимъ саврасамъ недавняго прошлаго, врывался въ частные дома, грабилъ и оскорблялъ женщинъ. Окружающіе великаго князя только хвалили его за молодечество. Безсознательно, но артистически они воспитывали въ немъ будущаго тирана.

Первыя проявленія тираніи.—Уже 13 лѣтъ отъ роду Иванъ заявилъ себя грознымъ государемъ. 29 декабря 1543 года онъ приказалъ схватить перваго боярина князя Андрея Шуйскаго и отдать его псарямъ. Псари убили его, волоча по тюрьмамъ. Пріятелей его—князя Ѳедора Шуйскаго, князя Юрія Темкина, Ѳому Головина разослали по разнымъ городамъ. Бояре были поражены поступкомъ молодого государя, начали, по словамъ лѣтописца, имѣть страхъ и послушаніе къ государю. Прошелъ годъ, и опала постигла князя Ивана Кубенскаго, одного изъ пособниковъ Шуйскихъ: его сослали въ Переяславль и посадили подъ стражу. 10 сентября 1545 года отрѣзали языкъ за невѣжливыя слова Аѳанасію Бутурлину. Но особенно выдался опалами 1546 годъ. Весною великій князь отправился съ войскомъ въ Коломну по вѣстямъ, что Крымскій ханъ идетъ къ Москвѣ. Здѣсь, во время прогулки за городомъ, великій князь былъ остановленъ новгородскими пищальниками, которые обратились къ нему съ какимъ-то челобитьемъ. Но Иванъ не былъ расположенъ ихъ слушать и велѣлъ имъ итти прочь. Пищальники не послушались, а когда великій князь приказалъ сопровождавшимъ его дворянамъ «отослать» ихъ, они вступили съ ними въ бой. Великаго князя не пустили ѣхать въ Коломну, и онъ долженъ былъ возвратиться туда въ объѣздъ. Послѣ того Иванъ велѣлъ своему дьяку Василію Захарову разузнать, по чьему наущенію пищальники допустили такое своеволіе. Дьякъ оговорилъ князя Кубенскаго и двоихъ Воронцовыхъ. Въ великой ярости Иванъ велѣлъ казнить

князя Кубенскаго и Воронцовыхъ; людей близкихъ къ нимъ разослали въ ссылку. По словамъ Курбскаго въ то же время погибли и другія лица: убитъ былъ Өедоръ Невѣжа, удавленъ былъ пятнадцатилѣтній князь Михаилъ Трубецкой, были казнены кн. Иванъ Дорогобужскій и Өедоръ Овчина Оболенскій. Очень можетъ быть, что всѣ эти опалы и казни были результатомъ борьбы боярскихъ партій, происковъ, интригъ. Но разъ воля государя-мальчика пріобрѣла такое значеніе, что стали возможны страшныя злоупотребленія ею, это только рѣзче оттѣняло отрицательныя стороны установившагося въ Москвѣ абсолютизма. Впрочемъ, несомнѣнно, что уже въ это время Иванъ Васильевичъ проявлялъ большую самостоятельность въ образѣ мыслей и дѣйствіяхъ. Разсказавъ о томъ, какъ шестнадцатилѣтній Иванъ захотѣлъ вѣнчаться на царство, современникъ замѣчаетъ: митрополитъ и бояре плакали отъ радости, видя, что государь такъ молодъ и уже самъ понимаетъ дѣла и ни съ кѣмъ не совѣтуется. Эта радость была, однако, преждевременна. Юный царь не началъ еще жить умомъ, а продолжалъ жить страстями и находиться подъ чужимъ вліяніемъ. Его расположеніемъ овладѣли родственники Глинскіе. Находясь въ приближеніи и жалованіи у государя, Глинскіе распустили своихъ людей, отъ которыхъ черныимъ людямъ было большое насильство и грабежъ. Угодники ихъ и пріятели изъ бояръ дѣлали, что хотѣли, и нельзя было добиться на нихъ суда и управы. Весною 1547 года явились къ Ивану въ село Островское 70 псковичей съ жалобами на намѣстника своего князя Турунтая Пронскаго. Царь, разсказываетъ псковскій лѣтописецъ, опалился на жалобщиковъ и безчестилъ ихъ: обливая горящимъ виномъ, палилъ имъ бороды и волосы, жегъ свѣчами и приказалъ раздѣть ихъ донага и положить на землю. И только случай спасъ псковичей: въ Москвѣ упалъ колоколъ-благовѣстникъ, и смущенный царь, бросивъ псковичей, поѣхалъ немедленно же къ Москвѣ и не «истерялъ» псковичей. По словамъ Курбскаго, въ это время всѣ честные бояре молчали; шуты и скоморохи забавляли юнаго царя, а льстецы славили его мудрость.

Пожаръ 1547 года и перемѣна въ настроеніи и поведеніи царя.—Лучшей части московскаго боярства открылось поле дѣятельности лишь послѣ того, какъ разразившаяся народная гроза очистила атмосферу московскаго дворца и зажгла нѣкоторый свѣтъ въ мрачной душѣ царя-юноши. Въ іюнѣ 1547 года страшный пожаръ опустошилъ Москву; въ пламени погибло 1700 человѣкъ и имущество москвичей. Враги Глинскихъ воспользовались народнымъ бѣдствіемъ для того, чтобы погубить ихъ. Царю донесли, что Москва сгорѣла волшебствомъ: чародѣи вынимали сердца человѣческія, мочили ихъ въ водѣ, водою этою кропили по улицамъ, и отъ того Москва сгорѣла. Царь велѣлъ произвести розыскъ. Для этого бояре собрали черныхъ людей въ Кремль къ Успенскому собору и стали спрашивать: кто зажигалъ Москву? «Анна Глинская съ дѣтьми», послѣдовалъ отвѣтъ. Находившійся при этомъ Юрій Глинскій, видя бѣду, немедленно удалился

въ Успенскій соборъ. Но толпа бросилась вслѣдъ за нимъ, вытащила изъ церкви и умертвила. На третій день толпа черни явилась въ Воробьевѣ у дворца царскаго съ крикомъ, чтобы государь выдалъ бабку Анну Глипскую и ея сына, которые спрятаны у него въ покояхъ. Царь велѣлъ схватить крикуновъ и казнить; остальные разбѣжались по городамъ.

Страшный пожаръ и народный мятежъ произвели сильное впечатлѣніе на молодого царя. Напоенный библейскими представленіями о царской власти, Иванъ пришелъ къ заключенію, что Богъ покаралъ народъ за его, царя, грѣхи и сильно былъ удрученъ этимъ сознаніемъ. Объ этомъ онъ самъ свидѣтельствуетъ въ своемъ заявленіи церковному собору 1551 г. Упомянувъ о томъ, какъ онъ навыкъ боярскимъ обычаямъ въ юности, какъ много грѣшилъ и дѣлалъ всякаго зла и насилья людямъ, Иванъ говорилъ: «Господь наказывалъ меня за грѣхи то потопомъ, то моромъ, и все я не каялся; наконецъ, Богъ послалъ великіе пожары: и вошелъ страхъ въ душу мою, и трепетъ въ кости мои, смутился духъ мой».

Избранная рада.—Этимъ настроеніемъ, какъ мы знаемъ отъ Курбскаго, и воспользовалось духовенство и благомыслящая часть боярства. Нравственную поддержку удрученному царю оказалъ сначала придворный священникъ Сильвестръ, а затѣмъ митрополитъ Макарій и другіе мужи, «пресвитерствомъ почтенные». Къ нимъ присоединился царскій постельничій Алексѣй Адашевъ, а за нимъ и нѣкоторые бояре, «мужи разумные и совершенные, во старости маститей сущіе, благочестіемъ и страхомъ Божіимъ украшенные», а другіе, хотя и средняго возраста, но «предобрые и храбрые» и въ военныхъ и земскихъ дѣлахъ искусные. Всѣ эти лица составили особый совѣтъ, *избранную раду*, безъ которой царь не рѣшалъ никакихъ дѣлъ: съ нею онъ сталъ чинить судъ, назначать воеводъ, раздавать имѣнья и т. д.

Съ перваго взгляда кажется, что эта избранная рада была все тотъ же интимный совѣтъ, ближняя дума или комнатная, съ которою вершилъ всегда дѣла отецъ Грознаго Василій Ивановичъ. Съ формальной стороны избранная рада, конечно, была продолженіемъ ближней думы. Но по дѣйствительному значенію своему она была далеко не то, что прежняя ближняя дума: избранная рада стала не только помогать самодержавной царской власти, но и опекать ее, ограничивать ее. Курбскій говоритъ, что Сильвестръ и Адашевъ, собравъ къ Ивану разумныхъ и совершенныхъ совѣтниковъ, «сице ему ихъ въ пріязнь и дружбу усвояютъ, яко безъ ихъ совѣту ничего же устроити или мыслити». Самъ царь Иванъ Васильевичъ впослѣдствіи въ письмахъ къ Курбскому жаловался на то, что царь былъ въ обладаніи у попа невѣжи и злодѣйственныхъ, измѣнныхъ человѣкъ, что Сильвестръ съ Алексѣемъ начали всѣхъ бояръ въ самовольство приводить, снимая съ него, царя, власть, и чуть не ровняя съ нимъ честью бояръ, что они творили все по своей волѣ и по хотѣнію своихъ совѣтниковъ, оспаривали и отвергали его мнѣнія, раздавали должности, чины и награды и т. д.

Такъ, извѣстной части московскаго боярства удалось фактически

ограничить установившееся самодержавіе. Избранная рада въ своихъ стремленіяхъ къ благоустроенію земли пошла и еще далѣе—заставила царя (правда, мимоходомъ) признать *формально* необходимость боярскаго совѣта и приговора. Въ статьѣ 97 новаго Судебника, составленнаго въ 1550 г., было постановлено: «А которые будутъ дѣла новые, а въ семъ судебникѣ не писаны, и какъ тѣ дѣла, съ государева докладу *и со всѣхъ бояръ приговору*, вершатца, і тѣ дѣла въ семъ судебникѣ приписывати». Итакъ, боярскій приговоръ былъ признанъ необходимымъ моментомъ въ созданіи новыхъ законовъ. Избранная рада, очевидно, не хотѣла подражать предшествующимъ олигархіямъ временщиковъ, спутницамъ и пособницамъ деспотизма, хотѣла поставить высшее управленіе государствомъ на твердыхъ незыблемыхъ основаніяхъ и потому рядомъ съ докладомъ государю поставила въ созданіи закона и боярскій приговоръ.

Первый земскій соборъ и изданіе новаго судебника.—Не довольствуясь этимъ, избранная рада направила верховную власть на путь сближенія съ обществомъ и устроенія государства при общественномъ содѣйствіи. Ея внушенію, по всѣмъ даннымъ, обязанъ своимъ созывомъ земскій соборъ. Весьма вѣроятно, что идея созыва собора зародилась въ средѣ окружавшаго царя духовенства, которое знало соборъ церковный для устроенія дѣлъ церкви. На созывъ собора, быть можетъ, навели царя митрополитъ Макарій и нѣкоторыя другія лица, «пресвитерствомъ почтенные», которые были душею «избранной рады», окружавшей царя. Но и среди боярства, принадлежащаго къ этой избранной радѣ, идея земскаго собора пользовалась сочувствіемъ. Такимъ образомъ, напр., Курбскій писалъ впослѣдствіи: «Царь аще и почтенъ царствомъ, а дарованій которыхъ отъ Бога не получилъ, долженъ искати добраго и полезнаго совѣта не токмо у совѣтниковъ, но *и у всенародныхъ человѣкъ*, понеже даръ Духа дается не по богатству внѣшнему и по силѣ царства, но по правости душевной».

Съ какою же прямою цѣлью былъ созванъ первый земскій соборъ, какое участіе принялъ онъ въ устроеніи государства? Къ сожалѣнію источники не даютъ намъ прямого отвѣта на эти вопросы, и приходится на этотъ счетъ строить догадки и предположенія. Опорою для этихъ догадокъ служатъ рѣчи царя, которыя онъ произносилъ на церковномъ соборѣ 1551 года. Изъ этихъ рѣчей выносится впечатлѣніе, что первый земскій соборъ созывался для всеобщаго примиренія, для прекращенія тяжбъ и неудовольствій, накопившихся въ обществѣ отъ предшествовавшей эпохи боярскаго, а затѣмъ царскаго произвола и тираніи. Обращаясь къ митрополиту, епископамъ, игуменамъ и всему освященному собору, царь говорилъ имъ: «въ предыдущее лѣто билъ есми вамъ челомъ и съ боляры своими о своемъ согрѣшеніи, а боляре такоже и вы насъ въ нашихъ винахъ благословили и простили, а азъ по вашему прощенію и благословенію и боляръ своихъ въ прежнихъ винахъ во всѣхъ пожаловалъ и простилъ, да имъ же заповѣ-

далъ со всѣми христіаны царствія своего и въ прежнихъ всякихъ дѣлахъ помиритися на срокъ, и боляры мои, и вси приказные люди, и кормленщики со всѣми землями помирилися во всякихъ дѣлѣхъ». Итакъ, первый земскій соборъ собирался въ Москвѣ для внутренняго умиротворенія государства послѣ неурядицъ тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ. Роль его, по всѣмъ признакамъ, не ограничилась только общею постановкою этой задачи. Дѣло въ томъ, что въ томъ же 1550-мъ году царь съ братьями и боярами уложилъ новый Судебникъ, въ коемъ переработалъ, дополнилъ и частью измѣнилъ судебникъ своего дѣда. Весьма возможно, что импульсъ и даже матеріалъ для этой переработки дали тѣ челобитья, которыя къ тому времени поступили въ Москву изъ городовъ и уѣздовъ, жалобы на различные непорядки и злоупотребленія. Разъ царь задумалъ всѣхъ удовлетворить и умиротворить, онъ непремѣнно долженъ былъ принять во вниманіе и эти заявленія и жалобы. Любопытно, что и за окончательною санкціею новаго судебника царь обратился къ обществу. На церковномъ соборѣ 1551 года, на которомъ присутствовали не одни духовныя лица, но и братья в. князя, князья, бояре «и воини», и который представлялъ близкое подобіе земскаго собора, царь предложилъ новый судебникъ на разсмотрѣніе и утвержденіе. «Прочтите и разсудите,—говорилъ онъ,—аще достойно сіе дѣло, на св. соборѣ утвердивъ, подписати на судебники и на уставной грамотѣ».

Такъ, въ исторіи развитія верховной власти новаго Московскаго государства наступилъ моментъ, когда установилось нѣкоторое ограниченіе монархическаго абсолютизма. Это ограниченіе было преимущественно дѣломъ извѣстнаго кружка лицъ, воспользовавшагося благопріятнымъ поворотомъ въ душевной жизни царя, а не результатомъ дружнаго отпора, солидарныхъ усилій всего высшаго класса или большей его части. Не будучи результатомъ борьбы цѣлаго класса съ монархомъ, это ограниченіе не было закрѣплено должными политическими гарантіями, извѣстною конституціею, которая опредѣляла бы точно права и обязанности монарха въ отношеніи подданныхъ. Вслѣдствіе всего этого и ограниченіе оказалось непрочнымъ и оказалось не въ состояніи предотвратить наступленіе еще горшей тираніи.

Разрывъ царя съ избранною радою.—Недолго молодой царь Иванъ Васильевичъ ладилъ съ своею «избранною радою» и сносилъ терпѣливо наложенную на него опеку и ограниченія. Уже въ 1553 году произошли у него крупныя непріятности съ его совѣтниками. Въ началѣ этого года, вернувшись изъ казанскаго похода, царь опасно занемогъ и былъ при смерти. Возникъ вопросъ о преемникѣ на случай смерти царя. Иванъ Васильевичъ потребовалъ, чтобы двоюродный братъ его, кн. Владиміръ Андреевичъ Старицкій и бояре присягнули его сыну Димитрію, младенцу. Владиміръ уклонился отъ присяги, потому что самъ возымѣлъ намѣреніе сѣсть на московскій престолъ по смерти царя. Бояре, хотя и присягнули, но и то только послѣ великихъ пререканій, шума и брани. Царю было поста-

влено на видъ, подчеркнуто, что цѣлуютъ крестъ именно *его* сыну, а не Захарьинымъ. Нѣкоторые же бояре отказались совсѣмъ присягать царевичу Димитрію. Любимые совѣтники Ивана, его «избранная рада», во время этой исторіи замѣтно были въ рядахъ оппозиціи, на сторонѣ кн. Владимира Андреевича. Очевидно, избранная рада боялась повторенія того, что творилось въ малолѣтство Грознаго, и потому въ государственныхъ интересахъ не прочь была устранить кандидатуру младенца и предпочесть ему взрослаго—кн. Владиміра Андреевича. Но царь отнесся къ этому, какъ къ вѣроломству и непостоянству своихъ избранныхъ совѣтниковъ, и затаилъ послѣ того чувство обиды и мести по отношенію къ нимъ. Это чувство стали раздувать родственники царя Захарьины, оскорбленные враждою и недовѣріемъ къ нимъ бояръ, проявившимися въ 1553 году. Съ другой стороны, и сама «избранная рада», повидимому, стала злоупотреблять своимъ значеніемъ и во всякомъ случаѣ не проявляла должнаго такта въ отношеніи къ царю. Иванъ жаловался въ посланіи къ Курбскому: «Подружился онъ (Сильвестръ) съ Адашевымъ, и начали совѣтываться тайкомъ отъ насъ, считая насъ слабоумными; мало-по-малу начали они всѣхъ васъ, бояръ, въ свою волю приводить, снимая съ насъ власть, частью ровняя васъ съ нами, а молодыхъ дѣтей боярскихъ приравнивая къ вамъ; начали причитать васъ, князей, къ вотчинамъ, городамъ и селамъ, которые по уложенію дѣда нашего отобраны у васъ; они это уложеніе разрушили, чѣмъ многихъ къ себѣ привязали. Единомышленника своего князя Димитрія Курлятева ввели къ намъ въ синклитію и начали злой совѣтъ свой утверждать: ни одной волости не оставили, гдѣ бы угодниковъ своихъ ни посадили; втроемъ съ Курлятевымъ начали рѣшать и мѣстническія дѣла, не докладывали намъ ни о какихъ дѣлахъ, какъ будто бы насъ и не было. Наши мнѣнія и разумныя они отвергали, а ихъ совѣты и дурные были хороши. Такъ было во внѣшнихъ дѣлахъ. Во внутреннихъ же мнѣ не было ни въ чемъ воли: сколько спать, какъ одѣваться—все было ими опредѣлено... Потомъ вошло въ обычай: я не смѣй слова сказать ни одному изъ самыхъ послѣднихъ его совѣтниковъ; а совѣтники его могли говорить мнѣ, что имъ было угодно, обращались со мною не какъ съ владыкою или даже съ братомъ, но какъ съ низшимъ; попробую прекословить—и вотъ мнѣ кричатъ, что и душа-то моя погибаетъ, и царство-то разорится. Началась война съ Ливоніею; Сильвестръ съ вами, своими совѣтниками, жестоко на насъ за нее возставалъ; заболѣю ли я или царица, или дѣти,—все это, по вашимъ словамъ, было наказаніе Божіе за наше непослушаніе къ вамъ». Но въ особенную вину ставитъ царь своимъ совѣтникамъ то, что они хотѣли воцарить князя Владимира, а царевича Димитрія погубить, воздвигли ненависть на его жену Анастасію, уподобляя ее всѣмъ нечестивымъ царицамъ. Когда началась Ливонская война, неудовольствіе царя на избранную раду достигло наивысшаго напряженія и разрѣшилось ея разгромомъ. Адашевъ былъ удаленъ отъ двора и посланъ воеводою въ Ливонію;

разосланы были изъ Москвы и его сотоварищи. Сильвестръ добровольно ушелъ въ монахи въ Кирилловъ Бѣлозерскій монастырь.

Опалы и казни.—Оставшись безъ совѣтниковъ, которые стѣсняли и ограничивали его, а затѣмъ и безъ жены, которая укрощала и умиряла его страсти, Иванъ обнаружилъ тотъ же необузданный произволъ и тиранію, какъ и во время своей ранней юности. Начались опалы и казни бояръ и разныхъ людей, которыхъ царь подозрѣвалъ въ отравленіи своей жены. Казни стали постигать бояръ и по простому капризу царя, за рѣзкія слова и другіе непріятные для царя поступки. Въ это-то время и сказалось явственно отсутствіе должной солидарности въ боярствѣ, его неспособность къ дружному отпору, къ борьбѣ съ деспотизмомъ. Терроризированные бояре стали думать лишь о томъ, какъ бы по добру и здорову убраться изъ Москвы за границу. Многіе изъ нихъ и выполнили это намѣреніе, въ томъ числѣ и кн. Андрей Михайловичъ Курбскій. Но большинство царь поспѣшилъ связать круговою порукою о неотъѣздѣ и такимъ путемъ укрѣпить въ Москвѣ.

Въ борьбѣ съ ними царь Иванъ Васильевичъ пошелъ неуклонно по пути своихъ предшественниковъ, т.-е. не трогалъ политическаго значенія и общественнаго положенія всего класса въ цѣломъ и избѣгалъ такимъ образомъ вызывать общее дружное противодѣйствіе. Онъ старался бить своихъ противниковъ поодиночкѣ, истреблять ихъ и унижать въ отдѣльности, разрушать ихъ положеніе не общими распоряженіями, а частными мѣрами. Принципіально же даже рѣзче, чѣмъ его предшественники, онъ подчеркнулъ политическое значеніе боярскаго класса. Это наглядно выразилось въ его отдѣленіи отъ земщины, въ учрежденіи опричнины.

Учрежденіе опричнины и ея эволюція.—Въ эпоху господства избранной рады въ правительственныхъ сферахъ Москвы сдѣлала несомнѣнные успѣхи государственная идея. Стала пробиваться мысль, что Московское государство не есть только государева вотчина, а извѣстная организація, имѣющая въ виду обезпеченіе интересовъ общества, что дѣло государственное есть дѣло земское, а не только государево. Этимъ сознаніемъ несомнѣнно проникнута была «избранная рада». Какъ мы видѣли, она считала необходимымъ участіе всѣхъ бояръ въ текущемъ законодательствѣ и даже участіе представителей общества въ устроеніи земли. Вѣроятно, и другіе бояре уже въ достаточной степени прониклись этою идеею. Въ свое время долженъ былъ ознакомиться съ нею и самъ царь Иванъ Васильевичъ, которому внушалось, что государственныя дѣла не его только личныя дѣла, а дѣла земскія, которыя надо дѣлать по общему совѣту съ боярами, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ и съ землею. Эта идея, очевидно, на столько уже распространилась и укрѣпилась въ тогдашнихъ правительственныхъ сферахъ, а быть можетъ и въ остальномъ обществѣ, что, когда царю тягостно стало править съ боярами, онъ не нашелъ возможнымъ устранить ихъ отъ управленія, а предпочелъ уйти отъ нихъ, обособиться

и подѣлить съ ними государство, съ тѣмъ, чтобы въ своей части господствовать уже на всей своей волѣ. Когда у него особенно обострились отношенія съ боярствомъ, послѣ бѣгства въ Литву князя Курбскаго и другихъ видныхъ бояръ, послѣ устроеннаго ими двойного нападенія изъ Крыма и Литвы, въ концѣ 1564 года царь съ семействомъ, ближними людьми и большимъ обозомъ, никому ничего не сказавъ, вдругъ уѣхалъ изъ Москвы куда-то и зачѣмъ-то. Черезъ мѣсяцъ прибылъ отъ него изъ Александровской слободы гонецъ съ грамотою къ митрополиту, въ которой царь извѣщалъ, что онъ положилъ свой гнѣвъ на него, митрополита, владыкъ, игуменовъ и на все духовенство, на бояръ, служилыхъ и приказныхъ людей за ихъ беззаконія, мятежи, расхищеніе государственныхъ земель и казны, нерадѣніе въ защитѣ государства отъ враговъ; не терпя ихъ измѣнныхъ дѣлъ царь и оставилъ свое государство и поѣхалъ поселиться, гдѣ ему Богъ укажетъ. Такъ, царь, увидавъ невозможность для себя управлять государствомъ вмѣстѣ съ своими прежними сотрудниками, не устранилъ отъ себя этихъ сотрудниковъ, а предпочелъ самъ уйти отъ нихъ и предоставить имъ управленіе государствомъ безъ него. Но это рѣшеніе было принято, конечно, сгоряча, было поступкомъ истерически-больного человѣка. Все равно царю некуда было уйти изъ своего государства. Поэтому, успокоившись и придя въ себя, царь раздумалъ уходить изъ государства, но предпочелъ подѣлиться съ своимъ боярствомъ, выдѣлить изъ государства себѣ особую часть, опричнину, въ исключительное распоряженіе и такимъ путемъ сдѣлаться царемъ-самодержцемъ. Поэтому, когда въ Александровскую слободу явилось духовенство и бояре и стали со слезами просить царя, чтобы онъ вернулся въ Москву и правилъ государствомъ, какъ ему угодно, царь согласился «паки взять свои государства», но поставилъ условія, чтобы вольно было ему на своихъ измѣнниковъ и ослушниковъ опалы класть, а иныхъ казнить, имѣніе ихъ брать на себя, чтобы духовенство, бояре и приказные люди ему въ томъ не мѣшали, и чтобы «учинить ему на своемъ государствѣ опришнину, дворъ ему себѣ и весь свой обиходъ учинить ему особной». Согласіе, разумѣется, было дано, и царь учредилъ себѣ особый дворъ. При этомъ дворѣ учреждались особые бояре и окольничіе, дворецкій, казначеи, дьяки и всякіе приказные люди. На содержаніе этого двора взяты были въ разныхъ мѣстахъ государства, преимущественно центральныхъ и сѣверныхъ, отдѣльныя села, волости и цѣлые города съ уѣздами, въ общемъ съ дальнѣйшими присоединеніями чуть не половина всего государства. Изъ служилыхъ людей царь отобралъ въ опричнину тысячу князей, дворянъ и дѣтей боярскихъ, увеличивъ позже ихъ число до 6000 человѣкъ; имъ даны были помѣстья въ уѣздахъ, взятыхъ въ опричнину, откуда прежніе вотчинники и помѣщики были переведены на новыя земли въ неопричныхъ уѣздахъ. Все остальное государство съ его воинствомъ, судомъ и управою царь приказалъ вѣдать и всякія земскія дѣла дѣлать прежнимъ боярамъ, ко-

торымъ велѣлъ быть въ земскихъ, начальникахъ отдѣльныхъ приказовъ и всѣмъ приказнымъ людямъ продолжать свои приказныя дѣла «по старинѣ», а съ докладами «о большихъ дѣлахъ» приходить къ земскимъ боярамъ, самимъ же этимъ боярамъ докладывать государю только «ратныя вѣсти и земскія великія дѣла».

Такъ Московскій государь отдѣлился отъ земли, на управленіе которой претендовали бояре, выдѣлилъ изъ нея для себя своего рода удѣлъ. Взглядъ на опричнину, какъ на удѣлъ, сказался и въ новомъ титулѣ, которымъ сталъ называть себя Иванъ, какъ владѣлецъ опричнины. Нѣкоторое время онъ официально назывался просто княземъ Московскимъ, даже не великимъ, предоставивъ титулъ великаго князя всея Руси поставленному имъ во главѣ земщины крещеному хану Касимовскому Симеону. Этимъ титуломъ своимъ царь противополагалъ опричнину землѣ, какъ удѣльную часть всему національному и государственному земскому цѣлому. Въ порывахъ болѣзненнаго самоуничиженія паче гордости царь посылалъ великому князю Симеону челобитныя, въ которыхъ называлъ себя его «холопомъ Иванцомъ», рѣзко подчеркивая свое удѣльное значеніе. Разумѣется, великій князь Симеонъ только трепеталъ, получая эти униженныя челобитныя, въ которыхъ видна была злоба и ненависть царя къ такъ называемой «земщинѣ».

Но какъ царю не удалось уѣхать изъ государства, такъ не удалось и обособиться окончательно отъ земщины. Какъ ни какъ, опричнина все же была часть Московскаго государства, и притомъ царь въ концѣ-концовъ не могъ отказаться отъ власти и въ земщинѣ. Поэтому, хотя у него въ опричнинѣ образовалась и своя дума, и свои приказы—Разрядъ, Большой Приходъ и др., набрано было и свое войско, тѣмъ не менѣе онъ продолжалъ править и въ земщинѣ. При такомъ условіи случалось, что извѣстные вопросы царь приказывалъ обсуждать всѣмъ боярамъ земскимъ и изъ опричнины, и бояре «обои» ставили извѣстное рѣшеніе. Нѣкоторыя учрежденія, какъ, напр., приказы Посольскій, Челобитный и Ямской были общіе у опричнины и земщины. Опричные полки сплошь и рядомъ отправлялись въ походъ вмѣстѣ съ земскими и т. д.—Съ теченіемъ времени прямое значеніе опричнины, какъ удѣла, отошло на задній планъ, а на первый планъ выдвинулось производное, косвенное значеніе этого установленія. Несомнѣнно, что, учреждая опричнину, царь Иванъ Васильевичъ имѣлъ въ виду не только размежеваться съ боярствомъ въ управленіи государствомъ, но и получить въ свое непосредственное распоряженіе военныя и финансовыя средства для того, чтобы поднять свою силу, свое значеніе и взять рѣшительный перевѣсъ надъ боярствомъ, смирить его и прибрать къ рукамъ. Этому именно назначенію и стала служить больше всего опричнина. По выраженію В. О. Ключевскаго, она стала институтомъ особой охраны царя и царства отъ крамольниковъ, а опричный отрядъ корпусомъ жандармовъ и вмѣстѣ экзекуціоннымъ органомъ по измѣннымъ дѣламъ.

Рядовые опричники были простыми палачами, которые по указанію царя производили избіенія массами, опустошали цѣлые города и уѣзды. Но такіе люди, какъ Малюта Скуратовъ или кн. Аѳанасій Вяземскій, въ застѣнкахъ Александровской слободы производили розыски по политическимъ доносамъ и по ночамъ въ спальнѣ у царя обдумывали съ нимъ планы борьбы съ его недругами.

Новыя опалы и казни.—Учрежденіе опричнины по своему идейному началу, какъ мы видѣли, со стороны царя было признаніемъ, своего рода санкціею, правительственнаго значенія боярской думы, укрѣпленнаго дѣятельностью избранной рады. Но на дѣлѣ, въ своихъ конечныхъ результатахъ, учрежденіе опричнины привело къ торжеству абсолютизма, къ разгрому боярства и паденію его общественнаго и политическаго значенія. Получивъ разрѣшеніе отъ духовенства и бояръ класть опалы на виновныхъ, наказывать ихъ смертью и конфискаціею имѣній, учредивъ цѣлый отрядъ палачей, царь сталъ широко пользоваться даннымъ ему разрѣшеніемъ. Объясняя этотъ фактъ, В. О. Ключевскій говоритъ, что Иванъ дѣйствовалъ, какъ не въ мѣру испугавшійся человѣкъ, который, закрывъ глаза, билъ направо и налѣво, не разбирая своихъ и чужихъ; имъ овладѣло чувство страха, которому онъ всегда легко отдавался, инстинктъ самосохраненія. «За себя есми сталъ», пишетъ онъ Курбскому, напоминая, какъ они, бояре, хотѣли посадить на царство Владимира, а его «и съ дѣтьми хотѣли извести». На нашъ взглядъ это чувство не вызвало новую тираннію, а только сдѣлалось ея спутникомъ. Новая тираннія была вызвана чувствомъ мести, злобою противъ боярства, которое спутывало царя по рукамъ, не давало ему воли и интересы государства ставило выше личныхъ царскихъ. Долго сдерживаемое чувство злобы шумно прорвалось наружу и за невозможностью погубить весь правящій классъ стало обрушиваться на отдѣльныхъ лицъ этого класса. Но вѣдь извѣстно, что сплошь и рядомъ люди, дѣйствующіе по злобѣ и ненависти, подыскиваютъ и приводятъ оправданія, которыми стараются заглушить совѣсть и очистить себя въ глазахъ другихъ. Такъ же поступалъ и Иванъ, раздувая подозрѣнія относительно злоумышленія бояръ противъ его особы и семьи, говоря, что они хотѣли его самого извести и его сына младенца, отняли у него его голубицу, царицу Анастасію и т. д. Поэтому, когда онъ писалъ Курбскому: «за себя есми сталъ», едва ли писалъ искренно, наивно, и потому не особенно приходится вѣрить его словамъ. Читая разсказы современниковъ о казняхъ Грознаго, присутствуешь при какой-то оргіи злобнаго неистовства. Царь буквально упивался людскою кровью, мучимый жаждою злобы. Сидитъ онъ, напр., въ палаткѣ на Ливонскомъ театрѣ войны за обѣденнымъ столомъ и ведетъ бесѣду на историческія и политическія темы съ знатнымъ литовскимъ плѣнникомъ, княземъ Полубенскимъ. Входитъ слуга и докладываетъ, что привели ливонскихъ плѣнниковъ. «На колъ!» восклицаетъ царь и бросается изъ палатки на-

слаждаться предстоящимъ зрѣлищемъ. Совершая злодѣйства, царь не могъ по временамъ не думать о послѣдствіяхъ, не могъ не трусить расплаты за нихъ на томъ и на этомъ свѣтѣ. Эта душевная тревога приводила его къ усиленной молитвѣ или отчаянію въ своемъ спасеніи, а это чувство въ свою очередь приводило царя къ новымъ оргіямъ, къ новымъ жестокостямъ. Отчаиваясь въ спасеніи на томъ свѣтѣ, царь стремился пожить хорошо во все свое удовольствіе по крайней мѣрѣ на этомъ свѣтѣ, прежде чѣмъ низойти на вѣчныя мученія въ адъ, а для этого пускалъ во всю ширь и мочь терроръ... Такое психологическое объясненіе, на мой взглядъ, можно дать поступкамъ царя Ивана Васильевича, принимая къ тому же во вниманіе, что это былъ несомнѣнно больной человѣкъ, въ пьянствѣ, необузданномъ развратѣ и жестокостяхъ совершенно истрепавшій свою нервную систему, близкій къ сумасшествію, хотя и не сумасшедшій въ обыкновенномъ значеніи этого слова.

Перетасовка землевладѣнія княжатъ и послѣдствія этого факта.— При помощи опричнины царь Иванъ Васильевичъ не только разрѣдилъ ряды боярства, но и нанесъ ударъ общественному положенію боярства, главнымъ образомъ той его части, которую составляли княжата. Онъ взялъ въ опричнину нарочно тѣ мѣстности государства, гдѣ еще существовало на старыхъ удѣльныхъ территоріяхъ землевладѣніе княжатъ, потомковъ удѣльныхъ князей,—Ярославскихъ, Бѣлозерскихъ, Ростовскихъ, Тверскихъ Оболенскихъ, Мосальскихъ и др. Эти княжата большею частью, лишились своихъ вотчинъ, которыя взяты были въ опричнину, а взамѣнъ были надѣлены жалованными вотчинами. Царь такимъ образомъ сорвалъ княжатъ съ старыхъ мѣстъ и развѣялъ по новымъ далекимъ и чуждымъ мѣстамъ, гдѣ они не имѣли ни любви народной, ни вліянія, ибо они не тамъ родились и не были тамъ извѣстны. Такъ раздѣлался Грозный съ опасными для царскаго абсолютизма пережитками удѣльной эпохи. Исчезли окончательно эти мѣстные государи, имѣвшіе свои воинства, крупныя денежныя и моральныя средства, свой базисъ, свою опору въ мѣстныхъ обществахъ. Англійскому послу Флетчеру, посѣтившему Москву въ 1588 году, разсказывали, что еще недавно были въ Москвѣ лица изъ древняго дворянства, которыя владѣли по наслѣдству различными областями съ неограниченною властью и съ правомъ судить и рѣшать всѣ дѣла въ своихъ владѣніяхъ безъ аппелляціи и даже не отдавая отчета царю. «Теперь при Ѳедорѣ Ивановичѣ,—говоритъ Флетчеръ,—высшая знать, называемая удѣльными князьями, сравнена съ остальною знатью; только лишь въ сознаніи и чувствѣ народномъ сохраняетъ она нѣкоторое значеніе и до сихъ поръ пользуется внѣшнимъ почетомъ въ торжественныхъ собраніяхъ». Отъ всей удѣльной стороны князья сохранили только свои прозванія по именамъ удѣловъ; исчезли удѣлы Одоевъ и Шуя, но оставались родовыя фамиліи князей Одоевскихъ и Шуйскихъ.—Но съ пониженіемъ общественнаго положенія князей необходимо должно было понизиться и ихъ

политическое значенiе въ центрѣ государства, а черезъ это и политическое значенiе всего боярства, въ которомъ они составляли самую влiятельную часть.

Обѣднѣнiе боярства.—Общественное, а слѣдовательно и политическое значенiе высшаго московскаго боярства, помимо тираннiи Грознаго, было подорвано и другими причинами, стоявшими въ связи съ политическимъ объединенiемъ Великой Руси. Однимъ изъ послѣдствiй этого объединенiя, какъ уже было сказано выше, было установленiе обязательной службы съ княжескихъ и боярскихъ вотчинъ. Князья и знатные бояре обязаны были служить при дворѣ и въ войскѣ. Та и другая служба стала тяжела и разорительна. Московскiй государь окружилъ себя роскошью и пышностью сообразно съ новымъ значенiемъ своимъ великорусскаго государя и православнаго царя. За нимъ должны были волею и неволею тянуться и его бояре. Мы видѣли, какъ косо смотрѣли при дворѣ на зеленую мухояровую шубу князя Шуйскаго на старомъ куньемъ мѣху. Мы видѣли, какъ Шуйскiе, добравшись до царской казны, спѣшили понадѣлать себѣ дорогой утвари. Очевидно, что это уже требовалось придворною модою и этикетомъ высшаго боярства. Но не всѣ были въ положенiи Шуйскихъ относительно царской казны и потому принуждены были шить дорогiя собольи шубы и горлатныя шапки, строить золотное платье, унизанное жемчугомъ и пуговицами изъ драгоцѣнныхъ камней, на свой счетъ. Съ другой стороны новообразовавшееся Московское государство втянулось въ крупную международную борьбу на нѣсколько фронтовъ, и князьямъ и боярамъ приходилось теперь постоянно снаряжать своихъ слугъ и самимъ снаряжаться на войну на собственныхъ коняхъ, съ собственнымъ вооруженiемъ и провiантомъ. Между тѣмъ вотчины ихъ все болѣе и болѣе мельчали вслѣдствiе раздѣловъ. При такихъ обстоятельствахъ не удивительно, если князья и бояре все болѣе и болѣе разорялись и должали. Фактъ этотъ обнаруживается уже при отцѣ Грознаго Василiи Ивановичѣ. Отъ 1532 года сохранилось любопытное завѣщанiе богатаго капиталиста Протопопова, раздававшаго деньги въ ссуду въ большомъ количествѣ. Изъ этого завѣщанiя видно, что въ числѣ должниковъ Протопопова было много родовитыхъ князей. Представитель одного изъ знатнѣйшихъ княжескихъ родовъ кн. Пѣнковъ-Ярославскiй былъ долженъ ему 120 руб. (около 10 т. руб.), кн. Ив. Мих. Воротынскiй—20 р., князья Кубенскiе, Василiй и другiе—отъ 120 до 7 руб. Князь Иванъ Мезецкiй задолжалъ Протопопову—200 руб.; у него осталось отъ вотчины только полъ-села; онъ женился на дочери своего кредитора и жилъ во дворѣ тестя 13 лѣтъ, ѣлъ и пилъ у него и его подмогою снаряжался на войну. Случалось, что знатные князья для того, чтобы выѣхать на войну, закладывали платья своихъ женъ. Въ 1547 году царь Иванъ Васильевичъ сосваталъ дочь кн. Александра Борисовича Горбатаго-Шуйскаго за боярина кн. Ив. Ѳедор. Мстиславскаго. Извѣщая объ этомъ мать невѣсты, царь писалъ ей: «да сказывалъ намъ братъ твой Ѳома, что князь Александръ,

идучи на нашу службу, заложилъ платье твое все, и мы было велѣли платье твое выкупить, а братъ твой Ѳома не вѣдаетъ, у кого князь Александръ то платье заложилъ; и мы тебя пожаловали, послали тебѣ отъ себя платье, въ чемъ тебѣ ѣхати; и дастъ Богъ пріѣдешь къ Москвѣ и скажешь, у кого платье твое заложено, и мы велимъ выкупить».

Нужда заставляла князей и знатныхъ бояръ продавать и закладывать по частямъ свои вотчины. Покупщиками чаще всего являлись монастыри, у которыхъ скоплялись значительные денежные капиталы. Такимъ образомъ, напр., кн. Ухтомскій въ 1557 году продалъ Кириллову монастырю село съ 17 деревнями и починками за 350 руб. и вола въ придачу. Черезъ три года тотъ же князь продалъ монастырю еще 4 своихъ деревни за 100 руб. слишкомъ. Около того же времени Кирилловъ монастырь купилъ у другого кн. Ухтомскаго большую вотчину село Никитино съ деревнями, а затѣмъ въ 1563 году далъ ему 200 руб. подъ залогъ села Семеновскаго. Третій князь Ухтомскій заложилъ въ 300 рубляхъ свою вотчину кн. Пронскому. Но послѣдній принужденъ былъ перезаложить эту вотчину монастырю. Въ короткое время, 5—6 лѣтъ, перешла во владѣніе Кириллова монастыря большая часть земель кн. Ухтомскихъ. Въ 60-хъ и 70-хъ годахъ XVI в. перешло къ Троице-Сергіеву монастырю весьма много вотчинъ князей Стародубскихъ, Ромодановскихъ, Гагариныхъ и другихъ наслѣдниковъ земель прежняго удѣла Стародуба Ряполовскаго.

Разореніе княжескихъ и боярскихъ родовъ, помимо тягостей придворной и военной службы вызывалось и другими послѣдствіями объединенія Руси. Новообразовавшееся Московское государство, какъ извѣстно, перешло въ наступленіе на татаръ и стало отвоевывать у нихъ плодородныя земли на востокѣ и югѣ, въ предѣлахъ Казанскаго царства и въ дикихъ поляхъ. Занятіе новыхъ плодородныхъ земель вызвало усиленный отливъ земледѣльческаго населенія изъ центральныхъ областей государства, гдѣ расположены были вотчины князей и родовитыхъ бояръ. Поэтому и поземельныя описи, сохранившіяся отъ второй половины XVI вѣка, поражаютъ обиліемъ данныхъ о пустошахъ, «что были деревни», о переложной пашнѣ, поросшей лѣсомъ. Все это слѣды эмиграціи населенія.

Хозяйственное разстройство, обѣднѣніе и обнищаніе не только обезсиливало матеріально княжье и родовитое московское боярство, но и удручающимъ образомъ дѣйствовало на ихъ настроеніе и самочувствіе. Князьямъ и боярамъ было не до высшей политики, когда приходилось думать о насущномъ хлѣбѣ, чѣмъ жить, на какія средства служить и т. д. Экономическая опора московской аристократіи—крупное землевладѣніе разрушилось, разстроилось. Естественно, что и аристократія эта сдѣлалась политически немощною. Экономическимъ упадкомъ объясняется отчасти и ревность, съ какою она отстаивала свою родовую честь, свое отечество въ мѣстническихъ счетахъ. Извѣстно, что разорившіеся аристократы особенно бываютъ щепетильны въ дѣлахъ фамильной чести, особенно бываютъ про-

никнуты генеалогическою гордостью. Такъ было и съ московскою аристократіей. Сравнявшись въ большинствѣ по матеріальному положенію съ массою военно-служилаго люда, эта аристократія тѣмъ болѣе стала жить воспоминаніями прошлаго, тѣмъ болѣе стала дорожить своимъ «отечествомъ». Но люди, у которыхъ взоры обращены назадъ, а не впередъ, рѣдко когда выигрываютъ въ жизненной борьбѣ, рѣдко оказываются способными сообразоваться съ новыми условіями и среди нихъ надлежащимъ образомъ устраивать свое положеніе. Такъ случилось и съ московскимъ боярствомъ, которое оказалось не въ состояніи помѣшать торжеству монархическаго абсолютизма.

Пособія:

Д. И. Иловайскій, Исторія Россіи, т. III. Москва 1890.

С. М. Соловьевъ, Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ, книга II. Изд. Товарищества «Общественная Польза».

В. О. Ключевскій, Боярская дума древней Россіи. 4-е изданіе. Москва. 1909.

С. Ѳ. Платоновъ, Очерки по исторіи смуты въ Московскомъ государствѣ XVI—XVII вв. изд. 3-е. Спб. 1910.

XXI.

Организація военно-служилаго класса Московскаго государства.

Соціальною базою образовавшейся великорусской монархіи сталъ огромный военно-служилый классъ, образовавшійся одновременно и въ связи съ объединеніемъ Великой Руси. При посредствѣ монархической власти этотъ классъ подчинилъ себѣ огромную часть народной земледѣльческой массы и въ свою очередь помогалъ ей держать въ рукахъ эту народную массу и править ею.

Военныя потребности Московскаго государства.—Пока Русь была разбита на множество княжествъ въ ней не отлагалось многочисленнаго военнаго класса. Князья для внѣшнихъ и внутреннихъ войнъ пользовались большею частью народными ополченіями. Въ лѣтописяхъ XIII—XV вѣковъ можно найти множество сообщеній объ участіи въ войнахъ москвичей, тверичей, рязанцевъ и т. д. При сравнительно небольшихъ размѣрахъ

княжествъ вполнѣ было возможно собирать и пускать въ дѣло народныя ополченія какъ для обороны, такъ и для нападенія. Самыя войны въ XIII—XIV вв. имѣли характеръ большею частью усобицъ, мелкихъ столкновеній. Но уже не то стало, когда образовалось огромное Московское государство.

Сосѣдями этого государства на западѣ сдѣлались Швеція, Ливонскій орденъ, Литовско-Русское государство, на югѣ и востокѣ татары. Со всѣми этими сосѣдями молодое государство вступило въ напряженную оборонительно-наступательную борьбу. Стремясь къ присоединенію Руси, находившейся подъ литовскимъ владычествомъ, Московское государство вело почти непрерывную борьбу съ Литвою и ея союзниками Поляками при Иванѣ III и Василіи III. Война, начавшаяся въ 1492 году, кончилась въ 1494 году, но возобновилась въ 1500 году и прекратилась въ 1503 году. Но въ 1507 году она уже возобновилась и продолжалась съ нѣкоторыми перерывами до 1536 года. Не менѣе естественное стремленіе къ пріобрѣтенію Балтійскаго побережья, какъ непосредственнаго выхода къ морю, привело Московское государство къ продолжительной и тяжкой Ливонской войнѣ съ Польшею и Литвою и Швеціею при Грозномъ. Война, закончившаяся въ 1582 и въ 1583 годахъ, возобновлялась и при Ѳедорѣ Ивановичѣ. В. О. Ключевскій высчиталъ, что въ промежуткѣ времени отъ 1492 до 1595 года войны съ Литвою, Польшею, Ливоніею и Швеціею поглотили не менѣе 50 лѣтъ. Слѣдовательно, на западѣ въ означенные 103 года русскіе круглымъ счетомъ годъ воевали, годъ отдыхали.

Еще болѣе непрерывную и изнурительную борьбу приходилось вести Московскому государству съ татарами на необъятномъ степномъ пограничьѣ. По разсказу Флетчера, война съ татарами крымскими, нагаями и другими восточными инородцами бывала у Москвы каждый годъ. Особенно много безпокойствъ причиняли крымскіе татары. Самихъ крымцевъ, по сообщенію Михалона Литвина, было не болѣе 30 тысячъ конныхъ ратниковъ. Но къ нимъ присоединялись многочисленныя орды, кочевавшія въ приазовскихъ и прикаспійскихъ степяхъ, благодаря чему Москвѣ приходилось имѣть дѣло иногда съ полчищами въ 100 и болѣе тысячъ человѣкъ. Крымцы нападали на московскія украйны, часто не одинъ, а два и болѣе разъ въ году, обыкновенно около Троицына дня и во время жатвы. Лишь только начиналась весна въ Крыму, татары, вооруженные луками, кривыми саблями, иногда пиками, на малорослыхъ, но сильныхъ и выносливыхъ степныхъ лошадяхъ, питаясь пшеномъ и кониною, подвигались на сѣверъ, по пробитымъ и хорошо изученнымъ дорогамъ или «шляхамъ». Татары шли по водораздѣламъ, избѣгая по возможности рѣчныхъ переправъ. Тщательно скрывая свое движеніе отъ московскихъ степныхъ разъѣздовъ, прокрадываясь по лощинамъ и оврагамъ, не разводя по ночамъ огней, татары незамѣтно подступали къ предѣламъ русской осѣдлости. Углубившись внутрь этой осѣдлости на нѣкоторое разстояніе, татары раздѣлялись на

отдѣльные отряды и разсыпались по всему пограничью, кружась подобно дикимъ гусямъ, по выраженію Флетчера. Они нападали на села и деревни, хватали въ плѣнъ людей, особенно дѣвочекъ и мальчиковъ, сажали ихъ въ корзины, прикрѣпленныя къ спинамъ лошадей или прикручивали ремнями, хватали что поцѣннѣе изъ имущества и затѣмъ, запаливъ село или деревню, уносились съ добычею въ степь. Татары пользовались не только временемъ пахоты, но и временемъ уборки хлѣбовъ и повторяли свои набѣги въ іюлѣ—августѣ. Нерѣдки были и зимніе набѣги, когда морозъ облегчалъ переправу черезъ рѣки и болота. Свой живой товаръ татары сбывали главнымъ образомъ въ Кафѣ, или Ѳеодосіи, откуда плѣнники увозились въ Турцію и другія страны Востока.

Наборъ военнослужилаго класса и общественные элементы, пошедшіе на его образованіе.—При такихъ обстоятельствахъ, когда внѣшняя борьба стала постоянною, непрерывною, и притомъ на огромномъ пространствѣ, стало уже немыслимо стягивать народныя ополченія какъ въ удѣльную эпоху, а требовалось организовать особый, удобоподвижный и достаточно многочисленный военный классъ (враги выступали десятками тысячъ и даже сотнями). Эта организація и началась въ послѣдней четверти XV вѣка. Въ составъ организуемаго класса вошли всѣ военнослужилые элементы, унаслѣдованные отъ удѣльной эпохи. Таковы были прежде всего многочисленные потомки бояръ, не достигшіе положенія своихъ предковъ, такъ называемые *дѣти боярскіе*. Въ военнослужилой іерархіи они заняли на первыхъ порахъ положеніе непосредственно слѣдующее за боярами, такъ что и государевы грамоты въ началѣ XVI вѣка писались: «бояромъ, дѣтемъ боярскимъ и всѣмъ служилымъ людямъ». За ними слѣдовали различные дворовые слуги удѣльныхъ князей, или *дворяне*. Дворовые слуги въ удѣльную эпоху были не только у *князей, но и у бояръ*. Московское правительство воспользовалось и этимъ элементомъ. «Какъ Богъ поручилъ великому князю Ивану Васильевичу подъ его державу Новгородъ,—говоритъ Разрядная книга,—и по его государеву изволенію распущены изъ княжескихъ дворовъ и изъ боярскихъ служилые люди, и тутъ имъ имена, кто чей бывалъ, какъ ихъ испомѣстилъ государевъ писецъ Дмитрій Китаевъ». Въ составъ служилаго класса Московскаго государства вошли и новгородскіе землевладѣльцы, такъ называемые *своеземцы* или земцы, т.-е. горожане, обзаведшіеся вотчинами, земельными владѣніями внѣ городской черты, ведшіе сельское хозяйство и имѣвшіе своихъ крестьянъ. Военнослужилый классъ пополнялся и выходцами изъ-за рубежа. При Василіи III вмѣстѣ съ кн. Михаиломъ Львовичемъ Глинскимъ выѣхала изъ Литвы толпа западно-руссовъ, которые испомѣщены были въ Муромскомъ уѣздѣ и назывались «людьми Глинскаго» или «литвою». Къ 1535 году, въ правленіе Елены, выѣхало на службу государя Московскаго 300 семействъ литвы съ женами и дѣтьми, которыя испомѣщены были въ разныхъ уѣздахъ. Обильный приливъ военныхъ слугъ былъ и съ татарской стороны. Еще при Василіи Темномъ прі-

ѣхалъ на службу въ Москву казанскій царевичъ Касимъ съ отрядомъ татаръ. Касиму и его дружинѣ былъ отданъ Городецъ Мещерскій съ уѣздомъ, получившій послѣ того имя Касимова. При Грозномъ были испомѣщены многіе татарскіе мурзы около Романова на Волгѣ. Многіе изъ этихъ татаръ, ставъ русскими помѣщиками, принимали крещеніе и затѣмъ сливались съ русскими служилыми людьми.

Изъ всѣхъ этихъ элементовъ и создался классъ конной милиціи, который по своему основному ядру и получилъ имя *дѣтей боярскихъ*. Со второй половины XVI вѣка, когда началась колонизація степей и понадобилось для защиты украинныхъ городовъ увеличить еще болѣе количество конной милиціи, правительство стало пополнять этотъ классъ и другими элементами. Такимъ образомъ, напримѣръ, въ 1585 году въ Епифани было набрано изъ казаковъ 300 дѣтей боярскихъ и испомѣщены въ уѣздѣ этого города. Къ концу XVI вѣка общая численность московскаго военнослужилаго класса достигала, по сообщенію Флетчера, до 80 тысячъ человѣкъ, а по туземнымъ свидѣтельствамъ далеко превосходила эту цифру (до 400 т. человѣкъ).

Но одною конною милиціею не ограничилась организація военнослужилаго класса Московскаго государства. По извѣстію Флетчера, кромѣ конницы, на службѣ Московскаго царя состояло 12 тысячъ пѣхоты—стрѣльцовъ, изъ которыхъ 5000 находились въ Москвѣ, составляя ея постоянный гарнизонъ, 5000 были разставлены по другимъ городамъ и 2000 состояли при особѣ государя (стремянной полкъ). Этотъ родъ войска существовалъ уже при Грозномъ. Кромѣ стрѣльцовъ, гарнизоны городовъ составляли пѣшіе казаки, пищальники, воротники, кузнецы, плотники и разные другіе служилые люди по прибору, вербовавшіеся главнымъ образомъ среди посадскаго населенія.

Кромѣ своихъ, русскихъ, людей Московское правительство уже въ XVI вѣкѣ стало пользоваться услугами наемныхъ иноземныхъ войскъ. Наемныхъ солдатъ при Флетчерѣ было 4300 человѣкъ: 4000 черкасъ, т.-е. малороссійскихъ казаковъ, 150 голландцевъ и шотландцевъ и смѣшанный отрядъ въ 150 человѣкъ изъ грековъ, турокъ, датчанъ и шведовъ. Кромѣ иноземцевъ, Московское государство при случаѣ пользовалось для войны отрядами инородцевъ—татаръ, черемисъ и мордвы.

Раздѣленіе военнослужилаго класса на чины.—Выбравъ изъ общества годные къ военной службѣ элементы, правительство въ концѣ концовъ сдѣлало имъ разборку, подѣлило ихъ на разряды или чины, смотря по ихъ общественному положенію и служебной годности. Въ 1550 году царь съ боярами приговорили набрать тысячу лучшихъ дѣтей боярскихъ изъ разныхъ уѣздовъ государства и надѣлить ихъ помѣстьями около Москвы, не далѣе 70 верстъ по радіусу. Изъ этихъ дѣтей боярскихъ вмѣстѣ съ знатными родами бояръ и дѣтей боярскихъ московскихъ предполагалось создать контингентъ лицъ для постоянной службы въ Москвѣ и для исполне-

нія всевозможныхъ, преимущественно военныхъ, правительственныхъ порученій. Такъ создался чинъ *московскихъ дворянъ*, или служилыхъ людей «московскаго списка», въ противоположность *городовымъ*, или провинціальнымъ. Знатнѣйшіе изъ этихъ дворянъ становились боярами, окольничими, стольниками, стряпчими, отправляли приказныя и придворныя должности въ центрѣ государства. Другіе служили въ «начальныхъ головахъ» вмѣстѣ съ провинціальными служилыми людьми, командовали уѣздными отрядами, стрѣльцами и т. д. По степени пригодности провинціальные служилые люди съ теченіемъ времени были также разбиты на группы. Въ концѣ концовъ создалась цѣлая іерархія чиновъ въ нѣдрахъ военнослужилаго класса. Высшее мѣсто занимали чины думные: *бояре, окольничіе* и *думные дворяне;* среднее—чины московскіе: *стольники, стряпчіе, дворяне московскіе и жильцы;* низшее—чины провинціальные: *дворяне выборные, дѣти боярскіе дворовые и дѣти боярскіе городовые.* Выборные дворяне были наиболѣе зажиточные и исправные по службѣ изъ дѣтей боярскихъ. Ихъ вызывали на извѣстный срокъ въ Москву для службы при дворѣ; когда царь отправлялся въ походъ, они входили въ составъ его полка, служили младшими офицерами въ уѣздныхъ отрядахъ и т. д. Дворовые дѣти боярскіе выступали въ дальніе походы, а городовые служили на мѣстѣ. Въ предѣлахъ этой іерархіи совершалось извѣстное движеніе, не для всѣхъ одинаковое. Люди знатныхъ боярскихъ родовъ начинали свою службу въ московскихъ дворянахъ и поднимались выше, жалуемые въ стряпчіе, стольники, окольничіе и бояре. Городовые дѣти боярскіе переводились въ дворовые, выборные дворяне и т. д., дослуживаясь до чина жильца или дворянина московскаго, рѣдко выше.

Денежное жалованье и помѣстья.—Всѣ служилые люди получали денежное жалованье. По свидѣтельствамъ Флетчера и Маржерета бояре получали жалованье отъ 500 до 1200 рублей, окольничіе отъ 200 до 400 р., московскіе дворяне до 100 руб., дѣти боярскіе отъ 4 до 30 руб.; стрѣльцы рублей по 7 и по 12 четвертей ржи и овса. Но не всѣмъ и не каждый годъ выдавалось денежное жалованье, а лишь во время войны. Денежное жалованье для большинства служилыхъ людей было только подмогою для снаряженія на войну, т.-е. для пріобрѣтенія добраго коня и вооруженія. Люди высшихъ чиновъ, постоянно занятые службою, получали его ежегодно и сполна; дѣти боярскіе при Герберштейнѣ получали его черезъ два года на третій; по даннымъ царскаго Судебника,—черезъ два года на третій и даже на четвертый. Главнымъ средствомъ для содержанія военнослужилаго класса сдѣлалась земля. Съ объединеніемъ Руси въ распоряженіи Московскаго государя оказался огромный земельный фондъ изъ черныхъ и дворцовыхъ земель прежнихъ удѣльныхъ княжествъ и конфискованныхъ частныхъ владѣній. Изъ этого фонда Московскій государь и сталъ раздавать участки служилымъ людямъ безъ права отчужденія и передачи по наслѣдству. Это испомѣщеніе служилыхъ людей сдѣлалось простымъ обез-

печенiемъ обязательной службы и по существу своему отличалось отъ феодальной раздачи помѣстiй въ удѣльную эпоху. Помѣстье XVI вѣка никоимъ образомъ нельзя приравнивать къ феодальному лену удѣльнаго времени. Феодальный ленъ давался въ условное владѣнiе по договору сеньера и вассала, который могъ быть расторгнутъ по волѣ одной стороны. Московскiй служилый человѣкъ получалъ помѣстье сплошь и рядомъ по простому распоряженiю правительства и не могъ уже законнымъ путемъ уклониться отъ службы и бросить свое помѣстье. Испомѣщенiе служилаго люда приняло уже принудительный характеръ. Такимъ образомъ, великiй князь Иванъ Васильевичъ, отобравъ у новгородцевъ часть земель, послалъ въ 1482 году на помѣстья многихъ дѣтей боярскихъ. Въ 1506 году по благословенiю митрополита Симеона, онъ «поималъ за себя въ Новгородѣ Великомъ церковныя земли и владычни и монастырскiя и роздалъ дѣтямъ боярскимъ въ помѣстья». Съ другой стороны, конфисковавъ имѣнья у бояръ новгородскихъ, онъ перевелъ ихъ въ Москву и подавалъ имъ помѣстья подъ городомъ. Той же самой политики держались и преемники Ивана III. Царь Иванъ Васильевичъ, напримѣръ, набирая тысячу лучшихъ боярскихъ дѣтей изъ уѣздовъ, распорядился отвести имъ помѣстья около Москвы въ количествѣ отъ 200 до 100 четвертей, не соображаясь съ тѣмъ, хотѣли или не хотѣли они этого испомѣщенiя.

Итакъ, съ объединенiемъ Руси вокругъ Москвы и образованiемъ Великорусскаго государства земля стала главнымъ средствомъ содержанiя военнослужилаго класса. Разные чины этого класса получали не одинаковое обезпеченiе землею. По извѣстiю Маржерета, бояре получали отъ 1000 до 2000 четвертей земли, окольничiе и думные дворяне до 1200 московскiе дворяне отъ 500 до 1000, выборные дворяне до 500 и городовые дѣти боярскiе отъ 100 до 500 четвертей, «а въ дву потому жъ», т.-е. до 750 десятинъ по нынѣшнему времени. Впрочемъ, здѣсь сообщаются размѣры *окладовъ*, т.-е. нормъ, которымъ не всегда соотвѣтствовали дѣйствительныя *дачи*. Земли для раздачи въ помѣстья не хватало уже во второй половинѣ XVI вѣка. Въ 60-хъ и 70-хъ годахъ довольно обычнымъ было испомѣщенiе въ половину оклада. Нельзя сказать, чтобы земли вообще не было. Земли было много, но мало было культурной, обработанной. Помѣщики отказывались брать необработанныя земли, несмотря на то, что правительство давало имъ льготы въ податяхъ на 8 и на 10 лѣтъ и деньги на построенiе хоромъ (по 2 руб. на каждыя 100 четей). Помѣщики въ большинствѣ не имѣли свободнаго времени и капитала для того, чтобы заводить хозяйство на невоздѣланной землѣ, расчистить ее изъ-подъ лѣса, настроить жилыхъ помѣщенiй для крестьянъ и т. д. Поэтому, стремясь естественно къ пополненiю оклада, помѣщики слѣдили за тѣмъ, гдѣ за смертью владѣльца освобождалось помѣстье, съ тѣмъ, чтобы немедленно подать челобитье о пожалованiи имъ этого помѣстья въ счетъ ихъ оклада. На величину дачи, кромѣ недостатка свободныхъ земель, вліяло также

и другое условіе, именно—владѣлъ ли и въ какихъ размѣрахъ служилый человѣкъ вотчиною.

Обязательная служба съ вотчинъ и помѣстій и ея наслѣдственность.— Мы видѣли, что уже до Грознаго установилась обязательная служба съ вотчинъ. При Грозномъ въ 1556 году служба съ вотчинъ уравнена была въ своихъ размѣрахъ со службою съ помѣстій: вотчинники, какъ и помѣщики, обязаны были съ каждыхъ ста четвертей земли въ полѣ, «а въ дву потому жъ» выставлять одного всадника въ полномъ вооруженіи. Правительство стало одинаково стремиться къ тому, чтобы земля изъ службы не выходила, все равно была ли она помѣстная или вотчинная. Такимъ образомъ, въ 1556 году правительство, отмѣтивъ, «что вельможи и всякіе воины многими землями завладѣли, а службою оскудѣли», и что служба ихъ не соотвѣтствуетъ размѣрамъ ихъ вотчинъ и помѣстій, распорядилось: «творя уравненіе въ помѣстьяхъ землемѣріемъ, учинить каждому, что достойно, излишки же раздѣлити неимущимъ», при этомъ обращено было вниманіе на вотчинныя владѣнія служилыхъ людей, и не имѣющимъ вотчинъ предполагалось давать большія помѣстья, чѣмъ лицамъ, у которыхъ были вотчины. Такая практика установилась и въ послѣдующее время

Обезпечиваемая землею военная служба стала обязательною наслѣдственною повинностью служилаго класса. Судебникъ 1550 года постановлялъ: «А дѣтей боярскихъ служивыхъ и ихъ дѣтей, которые не служивали, въ холопи не пріймати никому, опрочь тѣхъ, которыхъ государь отъ службы отставитъ». Слѣдовательно дѣти боярскіе по службѣ и рожденію не могли уже располагать своею личною свободою. Грамота 1556 года содержитъ указаніе на то, что служилый человѣкъ долженъ былъ начинать свою службу съ 15 лѣтъ и нести ее до смерти или до неспособности за старостью и увѣчьемъ.

Для приведенія въ извѣстность всѣхъ годныхъ или поспѣвшихъ къ военной службѣ служилыхъ людей производились періодическіе смотры имъ, или разборы. Для этого изъ Москвы командировались въ уѣзды особыя лица, которыя при помощи *окладчиковъ*, выбранныхъ изъ мѣстныхъ служилыхъ людей, опредѣляли имущественную состоятельность и служебную годность служилыхъ людей и составляли имъ списки. Въ разборные списки, или *десятни*, заносились сначала люди, уже состоявшіе на государевѣ службѣ. О каждомъ такомъ человѣкѣ обозначалось, «каковъ онъ будетъ на государевѣ службѣ коненъ и оруженъ и люденъ», или «что съ кѣмъ на государевѣ службѣ будетъ людей, и коней, и доспѣховъ, и всякаго служебнаго наряду», «кто каковъ отечествомъ и службою, и кому кто въ версту, и въ которую статью кто съ кѣмъ помѣстнымъ окладомъ и денежнымъ жалованьемъ пригодится, и кому мочно впередъ государева служба служити, и на государевы службы пріѣзжаютъ на срокъ ли и съ государевы службы до отпуску не съѣзжаютъ ли, и которые къ службамъ лѣнивы за бѣдностью, и которые лѣнивы не за бѣдностью». Послѣ внесенія въ десятню старыхъ служилыхъ людей вносились «новики», которые только что начали

службу или только еще «поспѣли» къ ней, вышли изъ «недорослей». Ихъ верстали помѣстными окладами или «въ припускъ», или «въ отводъ», т.-е. они должны были отбывать военную службу съ отцовскаго помѣстья, если это были дѣти многоземельныхъ служилыхъ людей, или же получали самостоятельный окладъ.

Наслѣдственная обязанность военной службы уже въ XVI вѣкѣ стала приводить фактически и къ наслѣдственному владѣнію помѣстьями. Еще отъ 1532 года сохранилась духовная грамота, въ которой завѣщатель проситъ душеприказчиковъ ходатайствовать о передачѣ его помѣстья его женѣ и сыну, а по одной духовной 1547 года братья-наслѣдники наравнѣ съ вотчиной отца должны были подѣлить между собою и его помѣстье. Когда умиралъ служилый человѣкъ, его помѣстье стали оставлять за недорослями-сиротами, если не было неверстанаго взрослаго сына; если же таковой былъ, то ему вмѣстѣ съ отцовскимъ помѣстьемъ передавалось и попеченіе о младшихъ братьяхъ и сестрахъ. Изъ помѣстья выдѣлялись извѣстныя доли на прожитокъ вдовѣ и дочерямъ, вдовѣ до смерти или до вторичнаго замужества, дочери до 15 лѣтъ, когда она должна была выйти замужъ. Если къ тому сроку находился у дѣвицы женихъ изъ служилыхъ людей, она могла справить за нимъ свой прожитокъ. Законъ 1550 года, испомѣщая подъ Москвою извѣстную тысячу служилыхъ людей, установилъ, какъ правило, переходъ подмосковнаго помѣстья отъ отца къ сыну, годному къ службѣ.

Съ установленіемъ обязательной службы съ вотчинъ, и вотчинное землевладѣніе стало такимъ же средствомъ содержанія военнослужилаго класса, какъ и помѣстное. Вслѣдствіе этого государство не могло оставить это землевладѣніе на произволъ судьбы, безъ своей охраны и опеки. Судебникъ 1550 года санкціонировалъ и урегулировалъ право выкупа родичами ихъ родовыхъ вотчинъ, предоставивъ это право тѣмъ изъ нихъ, которые не были при сдѣлкѣ и не подписывались въ купчей въ качествѣ свидѣтелей-послуховъ. Для удержанія вотчинъ въ рукахъ родичей судебникъ облегчалъ имъ возможность выкупа. Было опредѣлено, что заимодавцы при выкупѣ могутъ требовать только дѣйствительную стоимость вотчинъ; а кто изъ нихъ далъ взаймы денегъ больше той цѣны, и у того деньги пропали. Забота объ обезпеченіи военнослужилаго класса землею заставила Московское правительство уже въ самомъ началѣ XVI вѣка поднять вопросъ о церковныхъ земельныхъ имуществахъ.

Успѣхи церковнаго землевладѣнія.—Уже въ удѣльную эпоху церковное, въ частности монастырское, землевладѣніе достигло огромныхъ размѣровъ. Монастыри, возникавшіе въ XIII—XV вв., были своеобразными землевладѣльческо-промысловыми колоніями, которыя устраивались на незанятыхъ земляхъ (пустыни), разрабатывали ихъ, заводили на нихъ хозяйство и получали отъ территоріальныхъ государей подтвержденья на занятыя земли. Сначала на этихъ земляхъ трудились сами отшельники-пустынно-

жители, монахи. Но затѣмъ, когда монастырь возрасталъ, къ монахамъ присоединялись различные монастырскіе служки, а затѣмъ уже на земли монастыря рядились и селились крестьяне. Различныя льготы, предоставлявшіяся монастырскимъ имѣньямъ въ отношеніи податей и повинностей и подсудности, меньшая требовательность монастырей-землевладѣльцевъ въ отношеніи крестьянъ, привлекали на ихъ земли огромное населеніе. Нѣкоторые изъ монастырей съ самаго основанія являлись владѣльцами населенныхъ имѣній, именно тѣ монастыри, которые основывались князьями, боярами, богатыми купцами и надѣлялись ими имѣньями. Первоначальныя заимки и получки монастырей съ теченіемъ времени расширялись разнообразными способами. Монастыри выпрашивали себѣ близлежащіе луга и пустоши, покупали у сосѣднихъ владѣльцевъ, когда представлялась тому возможность. Еще болѣе обильнымъ источникомъ земельнаго обогащенія были вклады въ монастыри по душѣ, т.-е. для обезпеченія вѣчнаго поминовенія вкладчиковъ и всего ихъ рода. Монастырскія земельныя имущества расширялись также и записями при постриженіи. Постриженіе въ монашество въ старости практиковалось въ широкихъ размѣрахъ въ древней Руси, при чемъ землевладѣльцы записывали въ монастырь часть своихъ имѣній, а иногда и цѣликомъ какъ бы въ обезпеченіе своего пожизненнаго содержанія въ монастырѣ. Иногда землевладѣльцы заключали съ монастыремъ своего рода договоръ, заранѣе назначали земельный вкладъ въ монастырь, еще задолго до своего дѣйствительнаго постриженія, выговаривая себѣ: «а похочу язъ пострючись, и игумену меня постричь за тѣмъ же вкладомъ». Вкладъ при постриженіи считался тѣмъ болѣе обязательнымъ, что по смерти вкладчика онъ превращался въ поминальный. Въ тѣхъ случаяхъ, когда у вкладчиковъ не было земли, они или сами покупали землю для монастырей, или дѣлали въ монастыри денежные взносы, на которые монахи покупали земли. Вкладъ дѣлался для обезпеченія вѣчнаго поминовенія, чтобы «душа его во вѣки безпамятна не была». Деньги могли быть израсходованы, тогда какъ монастырская земля была не отчуждаема и должна была постоянно напоминать о вкладчикѣ. Много земель попадало во владѣніе монастырей и путемъ чисто-гражданскихъ сдѣлокъ. Монастыри были капиталистами, у которыхъ окрестные военнослужилые люди занимали деньги подъ закладъ своихъ вотчинъ. При невыкупѣ въ срокъ или отказѣ отъ уплаты долга вотчины переходили во владѣніе монастырю. Такими разнообразными путями служилыя вотчины, бывшія подспорьемъ помѣстій, уходили изъ служилыхъ рукъ въ монастыри.

Литературная полемика по вопросу о церковныхъ имуществахъ.—Развитіе монастырскаго землевладѣнія не только подкапывало источникъ государственныхъ средствъ для содержанія военныхъ силъ, но въ концѣ концовъ стало разрушать и самое иноческое житіе. Монастыри изъ убѣжищъ людей, искавшихъ спасенія души, стали превращаться въ убѣжища праздной и сытой жизни. Монахи вмѣсто богомыслія стали погрязать въ мір-

ской суетѣ, въ безпрестанныхъ заботахъ и хлопотахъ по управленію монастырскими вотчинами, по обширному монастырскому хозяйству. Не удивительно поэтому, если не только среди мірянъ, но и въ средѣ самого духовенства въ концѣ концовъ зародилось сомнѣніе въ правѣ и пользѣ для монастырей владѣнія имѣньями. Уже митрополитъ Кипріанъ на вопросъ одного игумена, что ему дѣлать съ селомъ, которое ему далъ князь на его монастырь, отвѣчалъ: «святые отцы не предали инокамъ владѣть людьми и селами; когда чернецы будутъ владѣть селами и обяжутся мірскими попеченіями, чѣмъ они будутъ отличаться отъ мірянъ?» Но особенно возстали противъ монастырскаго землевладѣнія преподобный Нилъ Сорскій, поборникъ строгаго аскетизма, пропагандистъ скитскаго житія, и его учитель Паисій Ярославовъ.

На соборѣ 1503 года, созванномъ для суда надъ жидовствующими и устраненія разныхъ церковныхъ непорядковъ, преподобный Нилъ, поддерживаемый Паисіемъ и другими заволжскими старцами, выступилъ съ рѣшительнымъ осужденіемъ монаховъ, кружащихся ради стяжаній и сдѣлавшихъ жизнь монашескую, нѣкогда превожделѣнную, «мерзостной». Онъ сталъ умолять великаго князя, чтобы у монастырей селъ не было, «а жили бы чернцы по пустынямъ, а кормили бы ся рукодѣльемъ». Но противъ него выступилъ игуменъ Волоцкаго монастыря Іосифъ Санинъ. Онъ указалъ на примѣры Ѳеодосія Великаго, Аѳанасія Аѳонскаго, Ѳеодосія и Антонія Печерскихъ и на другіе примѣры, изъ которыхъ видно, что древніе святые отцы владѣли селами, а затѣмъ поставилъ на видъ слѣдующее соображеніе: «аще у монастырей селъ не будетъ, какъ честному и благородному человѣку постричися? И аще не будетъ честныхъ старцевъ, отколѣ взяти на митрополію или архіепископа, или епископа и на всякія честныя власти? А коли не будетъ честныхъ старцевъ и благородныхъ, ино вѣрѣ будетъ поколебаніе». Великій князь Иванъ Васильевичъ очень сочувствовалъ идеѣ отобранія отъ монастырей имѣній, столь нужныхъ ему для надѣленія служилыхъ людей помѣстьями. Какъ уже было сказано, при завоеваніи Новгорода онъ отобралъ у новгородскаго владыки и монастырей значительную часть ихъ имуществъ. Но соборъ принялъ сторону Іосифа и отвѣчалъ великому князю, что по установленію святыхъ отцовъ и равноапостольныхъ христолюбивыхъ царей и всѣхъ святыхъ священныхъ соборовъ какъ въ греческихъ, такъ и въ русскихъ странахъ издавна и донынѣ «святители и монастыри земли держали и держатъ, а отдавати ихъ не смѣютъ и не благоволятъ, понеже вся таковая стяжанія церковная—Божія суть стяжанія, возложена и нареченна и данна Богу и не продаема, ни отдаема, ни емлема никимъ въ вѣки вѣка и нерушима быти и соблюдатися». Великому князю пришлось покориться.

Но вопросъ о церковныхъ имуществахъ не сошелъ съ очереди. Ученикъ преподобнаго Нила старецъ Вассіанъ, въ міру князь Василій Ивановичъ Патрикѣевъ, сдѣлавшись приближеннымъ Василія III, настоятельнѣйшимъ

образомъ внушалъ великому князю и проповѣдовалъ среди бояръ, что у монастырей для ихъ собственнаго блага и для возвращенія монашеской жизни въ ея первоначальное совершенство должны быть отобраны вотчины. Вассіанъ написалъ три небольшихъ трактата противъ монастырскаго землевладѣнія. Иноческая жизнь, доказывалъ онъ, есть всецѣлое отреченіе отъ міра; пріобрѣтеніе монахами недвижимыхъ имѣній есть нарушеніе ими евангельской заповѣди о совершенной нестяжательности. Обладаніе недвижимыми имѣньями заражаетъ монаховъ страстью сребролюбія, а сребролюбіе по апостолу корень всему злому, какъ это и видно на монахахъ-стяжателяхъ. Они безпрестанно объѣзжаютъ города, чтобы со всевозможнымъ ласкательствомъ и раболѣпствомъ выпрашивать у богатыхъ людей села и деревни; въ лицѣ своихъ крестьянъ они обидятъ, грабятъ и бичомъ истязуютъ безъ милости христіанъ—своихъ братій; лихоимствуя по-язычески, они отдаютъ въ ростъ за огромные проценты свои деньги и безъ всякаго милосердія и пощады взыскиваютъ эти деньги; они таскаются по судамъ, чтобы взыскивать деньги или чтобы судиться съ сосѣдями о границахъ своихъ селъ и деревень. Древніе святые отцы какъ греческіе, такъ и русскіе селъ у монастырей не держали, но жили по евангелію безъ имѣній; если кто давалъ имъ села, то не брали. Принятіе монахами вотчинъ отъ князей было съ ихъ стороны нарушеніемъ заповѣдей евангельскихъ, апостольскихъ и отеческихъ. Благочестивые князья, жалуя вотчины въ монастыри, хотѣли, чтобы монахи всецѣло предавались молитвѣ и безмолвію, а избытки доходовъ употребляли на благотворенія нуждающимся. Но монахи обратили все это въ посмѣхъ, употребляютъ доходы съ вотчинъ единственно на тучное питаніе самихъ себя и не только не благотворятъ нуждающимся, но и всячески угнетаютъ крестьянъ, живущихъ въ ихъ отчинахъ. Вассіана поддерживалъ въ походѣ противъ монастырскихъ вотчинъ и пріѣхавшій въ то время въ Москву знаменитый Максимъ Грекъ, написавшій трактатъ подъ заглавіемъ: «Стязаніе объ извѣстномъ иноческомъ жительствѣ, лица же стязующихся Филоктимонъ да Актимонъ, сирѣчь любостяжательный да нестяжательный». Повторяя всѣ доводы Вассіана, Максимъ Грекъ допускалъ для монаховъ кромѣ личнаго труда сборъ милостыни.

Соборныя опредѣленія о церковныхъ имуществахъ.—Практическимъ результатомъ всего этого похода противъ монастырскаго землевладѣнія была не секуляризація церковныхъ имуществъ, а только рядъ мѣръ, полагавшихъ предѣлы дальнѣйшему развитію монастырскаго землевладѣнія. По окончаніи церковнаго собора 1551 года царь Иванъ Васильевичъ издалъ указъ, коимъ запрещалъ монастырямъ и архіереямъ покупать вотчины у князей, бояръ, дворянъ и дѣтей боярскихъ и брать ихъ по душѣ безденежно безъ доклада государю въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ и предписывалъ возвратить прежнимъ владѣльцамъ помѣстья и черныя земли, которыми архіереи и монастыри насильно завладѣли за долги, или которыя

неправильно записаны за ними описчиками земель. Указъ предписывалъ отобрать у монастырей и архіереевъ тѣ имѣнья, которыя надавали имъ бояре въ малолѣтство царя, и которыя были ими куплены или получены въ даръ въ нарушеніе уложенія в. кн. Василія Ивановича. Въ 1572 году запрещено было дѣлать земельные вклады въ богатыя обители. Если бы какая-нибудь вотчина вопреки этому запрещенію была отписана на монастырь, предписывалось такую вотчину не записывать въ Помѣстной избѣ, а отдавать ее роду и племени — служилымъ людямъ, чтобы «въ службѣ убытка не было, и земля бы изъ службы не выходила»; а если кто дастъ вотчину малому монастырю, у котораго земли не много, такую вотчину записывать за монастыремъ, «доложа государя, а безъ докладу не записывати и безъ боярскаго приговора».—Наконецъ, въ 1580 году духовный соборъ, по предложенію правительства, постановилъ, что духовенство на будущее время должно «земель не покупать, не брать въ залогъ и не прибавливати никоторыми дѣлы», а вотчинники должны не только не продавать въ монастыри вотчинъ, но и не давать ихъ безденежно «по думамъ»; въ случаѣ же если вотчинники нарушатъ это постановленіе и завѣщаютъ земли монастырю,то родственники ихъ какъ ближніе, такъ и дальніе имѣютъ неограниченное право выкупа вотчины; если же родственниковъ не окажется, тогда вотчина отбирается въ казну, откуда за нее выдаются деньги.

Измѣненіе положенія крестьянъ въ связи съ развитіемъ военнослужилаго землевладѣнія.—Развитіе служилаго землевладѣнія сопровождалось огромными послѣдствіями для крестьянской земледѣльческой массы. Прежде всего оно ограничило и сократило поле самостоятельнаго приложенія земледѣльческаго труда. Раздача годныхъ для земледѣльческой культуры земель сокращала возможность крестьянскихъ заимокъ, практиковавшихся въ древнее время въ самыхъ широкихъ размѣрахъ. Свободному земледѣльцу волею-неволею приходилось садиться на занятую уже землю и рядиться во крестьяне. Бывали случаи, когда правительство раздавало въ помѣстья и вотчины земли, уже занятыя и разработанныя крестьянами. Такимъ образомъ, развитіе помѣстнаго и вотчиннаго служилаго приводило къ обезземеленію крестьянской массы и ея подчиненію землевладѣльцамъ. Косвеннымъ образомъ это отражалось и на положеніи самостоятельнаго крестьянства, жившаго на казенныхъ земляхъ, такъ называемыхъ черныхъ крестьянъ. Обыкновенно за каждымъ самостоятельнымъ хозяиномъ-тяглецомъ, который записанъ былъ въ книги и отвѣчалъ за податную исправность своего двора, жили кромѣ его дѣтей неотдѣленные братья, племянники, а также и чужіе люди—захребетники, сусѣди и подсусѣдки, люди «нетяглые и неписьменные». Такихъ людей и стали перезывать на свои земли помѣщики и вотчинники, соблазняя ихъ перспективою заведенія съ ихъ помощью самостоятельнаго хозяйства. Такимъ образомъ, развитіе служилаго землевладѣнія вело къ разрѣженію крестьянскихъ

дворовъ на казенныхъ, черныхъ и дворцовыхъ земляхъ.—Косвеннымъ образомъ развитіе военнослужилаго землевладѣнія парализовало у насъ и развитіе города-посада. Оно сообщало одностороннее направленіе народному труду, увлекая на землю, въ вотчины и помѣстья, рабочія руки, которыя безъ того стали бы частью искать себѣ приложенія въ промышленности и торговлѣ. Увлекая самихъ служилыхъ людей изъ городовъ въ ихъ деревни, помѣстная система лишала городскую промышленность и торговлю главныхъ потребителей и покупателей. Служилые люди, обживаясь въ своихъ помѣстьяхъ и вотчинахъ, старались завести своихъ собственныхъ дворовыхъ ремесленниковъ, все необходимое имѣть дома, не обращаясь въ городъ. Въ концѣ-концовъ все это тормозило торгово-промышленное развитіе страны и сообщало односторонній земледѣльческій характеръ русскому народному труду.

Пособія:

Н. П. Павловъ-Сильванскій, Государевы служилые люди. 2-е изд. Спб. 1909 (Сочиненія, т. I).

С. В. Рождественскій, Служилое землевладѣніе въ Московскомъ государствѣ XVI вѣка. Спб. 1897.

В. И. Сергѣевичъ, Юридическія древности, т. I.

Е. Е. Голубинскій, Исторія русской Церкви. Томъ II, пол. 1. Москва 1900.

XXII.

Организація тяглаго населенія въ Московскомъ государствѣ въ XVI вѣкѣ.

Объединеніе сѣверо-восточной Руси въ Московскомъ государствѣ отразилось и непосредственно на положеніи трудового населенія, какъ посадскихъ людей, такъ и крестьянъ.

Сосредоточеніе торговли на посадахъ.—Посадскими людьми назывались жители торговопромышленныхъ селеній, возникавшихъ около городовъ или укрѣпленныхъ пунктовъ и самостоятельно, въ нѣкоторыхъ наиболѣе бойкихъ пунктахъ, на сплавныхъ рѣкахъ, на перекресткахъ торговыхъ дорогъ. До поры до времени торговля и промышленность свободно разливались по странѣ, исключительно въ зависимости отъ собственныхъ

экономическихъ условій. Но когда образовалось Московское государство, то и свободному распредѣленію торговыхъ и промышленныхъ занятій по странѣ стали ставиться преграды въ чисто фискальныхъ цѣляхъ. Всѣ акты торговаго оборота были обложены различными сборами въ пользу казны. Чтобы слѣдить удобнѣе за всѣми торговыми сдѣлками, правительство и стало издавать распоряженія о сосредоточеніи торговли въ опредѣленныхъ пунктахъ, городахъ или посадахъ. Еще Иванъ III въ уставной Бѣлозерской грамотѣ 1488 года предписывалъ «всѣмъ пріѣзжимъ изъ иныхъ земель и иныхъ монастырей торговати на Бѣлѣозерѣ въ городѣ житомъ и всякимъ товаромъ, а за озеро имъ всѣмъ торговати не ѣздити. А по волостямъ и монастырямъ не торговати житомъ и всякимъ товаромъ, опричь одное волости Углы; а на Углѣ быти торгу по старинѣ». Исключеніе изъ этого правила было допущено только для бѣлозерцевъ посадскихъ людей, которымъ разрѣшено «за озеро ѣздити и торговати по старинѣ». Когда въ 1539 году новоторжскіе таможники донесли, что въ Новоторжскомъ уѣздѣ тутошніе и пріѣзжіе люди торгуютъ безпошлинно по многимъ селамъ, правительство предписало: «одноличио бы во всемъ Новоторжскомъ уѣздѣ не торговалъ никто ничѣмъ, опричь Торжку посаду и села Мѣдны». Когда выяснялась необходимость въ допущеніи торговли въ какомъ-нибудь новомъ пунктѣ, издавалась спеціальная грамота. Такимъ образомъ, напр., въ 1592 году разрѣшено было въ селахъ Чарондѣ и Короткомъ «уставити торгъ и торговати по вся дни, какъ и въ иныхъ городѣхъ».

Посадскіе люди и ихъ разряды.—Это сосредоточеніе торговли въ извѣстныхъ пунктахъ было первымъ шагомъ къ отдѣленію отъ остального тяглаго населенія населенія посадовъ. Посадскіе люди не составляли однородной группы. Среди нихъ было не мало пахотныхъ людей, которые занимались собственно крестьянскимъ дѣломъ, имѣли около посада земли и угодья, а на посадѣ только приторговывали или занимались какимъ-нибудь ремесломъ въ подспорье земледѣлію. Были затѣмъ торговцы и ремесленники по спеціальности и, наконецъ, были крупные торговцы, которые вели значительную оптовую торговлю съ другими городами и за границею. Памятники XIV—XV вѣковъ упоминаютъ о гостяхъ сурожанахъ и суконникахъ. Сурожанами назывались купцы, которые вели торговлю съ Сурожемъ, т.-е. Судакомъ въ Крыму, по Дону и Сурожскому (Азовскому) морю. Суконниками назывались купцы, которые вели торговлю съ западомъ, главною ввозною статьею которой было сукно (ипское и фламское). Сурожане и суконники уже въ удѣльное время занимали видное общественное положеніе. Князья занимали у нихъ деньги, выводили ихъ на войну, обязывались въ договорахъ блюсти ихъ «съ одного», въ службу ихъ не переманивать—и т. д. Московское правительство стало пользоваться ихъ услугами для финансоваго управленія. Ихъ стали назначать въ качествѣ присяжныхъ сборщиковъ и счетчиковъ въ таможни, надъ кабаками, у соболиной казны и т. д. Изъ нихъ стали вербоваться такъ называемые вѣрные головы тамо-

женные, кабацкіе, соляные и т. д. Всѣ эти разряды посадскаго населенія нашли себѣ и разную оцѣнку въ судебникѣ. «А гостямъ большимъ безчестья 50 рублей; а торговымъ людямъ и посадскимъ людямъ всѣмъ середнимъ безчестья пять рублевъ... А черному городскому человѣку безчестія рубль». Къ самому концу XVI вѣка высшее купечество стало уже дѣлиться на три чина или разряда: гости, гостиная сотня и суконная сотня. Въ эти чины государь сталъ жаловать торговыхъ людей, смотря по ихъ капиталамъ и служебной годности. Въ званіе гостя стали возводиться самые крупные капиталисты-торговцы, которымъ поручались и самые важные отвѣтственные посты по сбору пошлинъ; въ гостиную и суконную сотню зачислялись тѣ, которыхъ можно было назначать въ товарищи къ гостямъ, цѣловальниками. Всѣ эти служебные чины торговыхъ людей стали пополняться періодическими наборами изъ среды лучшихъ торговыхъ людей по Москвѣ и городамъ.

Начало прикрѣпленія посадскихъ къ своему тяглу.—Гости, гостиная и суконная сотни составляли только верхи торгово-промышленнаго класса. Главную массу его составляли, конечно, черные посадскіе люди, отбывавшіе повинности съ своихъ торговъ и промысловъ по мірской раскладкѣ. Уже въ XVI вѣкѣ правительство стало принимать разныя мѣры къ прикрѣпленію посадскихъ людей къ своему посадскому тяглу. Судебникъ постановлялъ: «а торговымъ людямъ городскимъ въ монастыряхъ не жити, а жити имъ въ городскихъ дворѣхъ; а которые люди учнутъ жити въ монастырѣхъ, и тѣхъ съ монастырей сводити». Посадскіе люди съ цѣлью уклоненія отъ посадскихъ повинностей чаще всего уходили въ архіерейскія и монастырскія слободки, устроенныя въ тѣхъ же посадахъ и пользовавшіяся разными льготами въ отношеніи податей и повинностей. Грозный на соборѣ 1551 года указалъ, что отъ этихъ слободъ «государская подать и земьская тягль изгибла» и предложилъ примѣнить къ этимъ слободамъ старые указы его дѣда и отца. Соборъ въ своихъ постановленіяхъ подтвердилъ недавній приговоръ 1550 года, по которому было предписано «слободамъ всѣмъ новымъ тянути зъ грацкими людми во всякое тягло и зъ судомъ». Сверхъ того соборъ установилъ: «новыхъ бы слободъ не ставити и дворовъ многихъ въ старыхъ слободахъ не прибавливати», кромѣ случаевъ выселенія на новые дворы отдѣлившихся членовъ семьи; «а опричнымъ прихожимъ людемъ градскимъ и сельскимъ въ тѣхъ старыхъ слободахъ новыхъ дворовъ не ставити»; только въ опустѣвшіе старые дворы разрѣшено называть сельскихъ и городскихъ тяглыхъ людей.

Такими мѣрами полагалось начало прикрѣпленію къ тяглу и обособленію посадскаго населенія отъ уѣзднаго крестьянства. Закрѣпительная тенденція съ еще большею силою проявилась въ жизни сельскаго крестьянства.

Крестьяне старожильцы и порядчики. Въ Московскомъ государствѣ на земляхъ государственныхъ, или черныхъ, дворцовыхъ, монастырскихъ и частновладѣльческихъ было двѣ категоріи крестьянъ. Одну изъ нихъ

составляли крестьяне, крѣпко усѣвшіеся на мѣстахъ, издавна жившіе въ данныхъ селахъ и деревняхъ, старожильцы. Эти крестьяне въ черныхъ волостяхъ назывались также *тяглыми, письменными или численными.* Владѣя земельными участками въ данномъ селѣ или волости, эти крестьяне платили съ нихъ подати, т.-е. дань и оброкъ, и несли повинности цѣлымъ селомъ или волостью сообща, по разрубамъ или разметамъ, которые производилъ выборный *староста* или *сотскій* съ мірскими *окладчиками*, или *цѣловальниками.* Во владѣльческихъ волостяхъ или селахъ раскладки эти производились съ участіемъ представителя владѣльца—приказчика или монастырскаго посельскаго старосты. Другую категорію крестьянъ составляли перехожіе крестьяне, снимавшіе свободные участки либо у черной или дворцовой волости, либо у монастыря и боярина. При съемкѣ земли они заключали порядныя, въ которыхъ прежде всего обозначалось, въ какой волости или въ чьемъ имѣньѣ поселялся порядчикъ и на какомъ участкѣ, каково отношеніе этого участка къ платежу податей и несенію повинностей, т.-е. будетъ ли это цѣлая обжа или выть, или половина, четверть и т. д. «Обжею» называлась раскладочная единица въ уѣздахъ, входившихъ прежде въ составъ Новгородскихъ земель; въ Суздальскомъ краѣ раскладочная единица называлась «вытью». Принимая участокъ, крестьянинъ обязывался «межъ не спустити», т.-е. держать его въ опредѣлившихся уже границахъ, «орати и сѣяти, и пары парити, и сѣно косити, и огороды у поля и пожень ставити, и гной (навозъ) на землю возити, и земли не запустошити (пашни не запереложити)». Во всѣхъ порядныхъ имѣлись условія относительно усадебныхъ построекъ. Они могли быть уже налицо въ крестьянскомъ селеніи и въ такомъ случаѣ иногда подробно перечислялись, напримѣръ, такъ: «хоромовъ на той деревни изба, да двѣ клѣти, да хлѣвъ, да мыльня». Такія старыя постройки крестьянинъ обязывался чинить и крыть. Если же съемщикъ садился на пустоши, гдѣ не было хоромъ или было недостаточно, онъ долженъ былъ выстроить новыя хоромы въ условленномъ количествѣ и размѣрахъ. Крестьянинъ обязывался жить тихо и смирно, корчмы не держать и никакимъ воровствомъ не воровать. Въ случаѣ неисполненія обязательствъ крестьянинъ обязанъ былъ заплатить *заставу*, или неустойку. Въ виду этого и при заключеніи порядной онъ долженъ былъ представить за себя поруку въ томъ, что не сбѣжитъ, но будетъ жить въ такомъ-то селѣ или деревнѣ «во крестьянѣхъ», землю пахать и дворъ строить, новые хоромы рубить и старые чинить. Срокъ аренды въ порядныхъ опредѣлялся различный, отъ 1 года до 6 лѣтъ. Крестьянинъ обязывался въ эти урочные годы «съ тое деревни (или выти) государевы подати, дань и оброкъ, и служба и всякіе становые разрубы съ хрестьяны такого-то стану или волости платити». Въ пользу владѣльца порядчики обязывались платить оброкъ большею частью натурою—рожью, пшеницею, ячменемъ и овсомъ, по условію, такое-то количество коробей или четвертей, или такую-то долю урожая. Иногда этотъ натуральный оброкъ пере-

лагался на деньги. Съ нимъ соединялся мелкій доходъ курами, яйцами, масломъ, рыбою, ягодами, грибами и т. д. Помимо оброка въ пользу землевладѣльцевъ, крестьяне обязывались еще отбывать на нихъ разныя барщинныя повинности, которыя назывались «издѣльемъ, боярскимъ дѣломъ, помѣщицкимъ дѣломъ» и т. д. Издѣлье было оплатою процентовъ по ссудѣ или подмогѣ, которую получалъ крестьянинъ отъ землевладѣльца на первое обзаведеніе.

И та, и другая категоріи крестьянъ въ XVI вѣкѣ стали терять свою свободу.

Прикрѣпленіе къ тяглу крестьянъ-старожильцевъ.—Уже въ удѣльное время, какъ сказано выше, князья уговаривались между собою не перезывать и не принимать другъ отъ друга людей, которые «потягли къ сотцкому», тяглыхъ или письменныхъ, но «блюсти ихъ всѣмъ съ одного». Точно также еще въ удѣльное время князья запрещали переходъ изъ черныхъ, т.-е. государственныхъ, волостей въ частныя вотчины. Такъ, напримѣръ, Углицкій князь Андрей Васильевичъ, пожаловавъ имѣнье Покровскому монастырю, написалъ въ жалованной грамотѣ: «а тяглыхъ людей моихъ письменныхъ и вытныхъ въ ту слободку не пріимати». Эти тяглые люди, владѣя земельными участками въ предѣлахъ черной волости, платили съ нихъ подати и несли разнообразныя государственныя повинности, между прочимъ—татарскую дань, цѣлою волостью, за круговою порукою. Вслѣдствіе этого, и лица, которыя покупали у черныхъ людей земли, должны были тянуть вмѣстѣ съ черными людьми или же, при нежеланіи, отступаться отъ своихъ земель. Вслѣдствіе этого же черная волость въ случаѣ запустѣнія участка или выти, старалась подыскивать тяглеца или отдавала землю на оброкъ, т.-е. за плату въ пользу волости, и, наконецъ, вслѣдствіе этого же волость съ своей стороны должна была стремиться къ тому, чтобы не выпускать изъ себя тяглецовъ. Это стремленіе должно было особенно усилиться съ конца XV вѣка, съ образованіемъ Московскаго государства. Началась, какъ сказано, усиленная раздача помѣстій служилымъ людямъ. Послѣдніе стали созывать на свои помѣстья крестьянъ, заманивая ихъ подмогою и ссудою на обзаведеніе и различными льготами. Все это должно было вызвать усиленный отливъ крестьянъ изъ черныхъ волостей. Но это было невыгодно какъ для казны, такъ и для самихъ черныхъ крестьянъ. Поэтому устанавливается правило, что черные крестьяне-*старожильцы*, издавна владѣющіе своими вытями и тянущіе тягло, не могутъ покидать своихъ участковъ, не поставивъ замѣсто себя тяглецовъ. Въ половинѣ XVI вѣка крестьяне-старожильцы во всѣхъ черныхъ волостяхъ являются прикрѣпленными къ своему тяглу, и въ уставной, напр., Важской грамотѣ 1552 года читаемъ: «старыхъ имъ тяглецовъ крестьянъ изъ-за монастырей выводить назадъ безсрочно и безпошлинно». Этотъ закрѣпительный процессъ охватилъ на ряду съ черными крестьянами и дворцовыхъ, которые всегда стояли близко къ чернымъ.

Съ увеличеніемъ государственной территоріи и ростомъ помѣстнаго землевладѣнія, опасность лишиться крестьянъ, а съ ними и дохода, стала угрожать и церковнымъ имѣньямъ, и вотчинамъ князей, бояръ и другихъ служилыхъ людей. Владѣльцы стали принимать противъ этого мѣры. Прежде всего они стали выхлопатывать у правительства спеціальныя грамоты о невыпускѣ крестьянъ, грамоты, гласившія обыкновенно: «а которые люди живутъ въ ихъ селахъ и нынече, и язъ, князь великій, не велѣлъ тѣхъ людей пущати прочь». Такія распоряженія правительство стало дѣлать относительно крестьянъ-старожильцевъ въ церковныхъ и частныхъ имѣньяхъ. Разъ оно прикрѣпляло къ тяглу своихъ старожильцевъ крестьянъ, то элементарная справедливость требовала того же самаго и относительно церковныхъ и частно-владѣльческихъ крестьянъ, и, вѣроятно, на этомъ и основывали свои домогательства въ отношеніи крестьянъ частные владѣльцы и церковныя учрежденія. Кромѣ того, сплошь и рядомъ правительство прямо заинтересовано было въ прикрѣпленіи крестьянъ къ тяглу въ частныхъ или церковныхъ имѣньяхъ. Вѣдь эти крестьяне не только платили оброкъ своимъ владѣльцамъ и служили имъ своимъ «издѣльемъ», т.-е. барщиннымъ трудомъ, но платили подати въ казну и отправляли различныя государственныя повинности. Естественно, что въ интересахъ исправнаго поступленія податей и отправленія государственныхъ повинностей правительство должно было заботиться о полнотѣ крестьянскихъ общинъ въ церковныхъ и частныхъ имѣньяхъ, какъ и въ своихъ доменахъ. Наконецъ, не нужно забывать и того, что крестьяне своимъ трудомъ содержали вотчинника, который въ XVI вѣкѣ обложенъ былъ военною повинностью. Значитъ, и съ этой стороны правительство заинтересовано было въ сохраненіи крестьянъ его имѣнья. Мы видѣли уже, какія мѣры оно принимало для удержанія вотчинъ въ рукахъ служилыхъ людей. Прикрѣпленіе крестьянъ въ этихъ вотчинахъ было только дополнительною мѣрою, частнымъ проявленіемъ общей покровительственной политики правительства въ отношеніи къ вотчинамъ.

Прикрѣпленіе крестьянъ перехожихъ. Другимъ путемъ совершалось прикрѣпленіе крестьянъ перехожихъ, обрабатывавшихъ свои участки по договору съ волостью или владѣльцами, а также безвытныхъ, обрабатывавшихъ земли по частнымъ условіямъ съ отдѣльными тяглецами, ихъ подсусѣдковъ, половниковъ, казаковъ, а также бобылей, занимавшихъ дворы, но не пахатные участки. Эти категоріи крестьянъ de jure могли свободно уходить изъ волостей и частно-владѣльческихъ вотчинъ. Къ нимъ относились и всѣ крестьяне, не записанные въ тягло, братья, племянники и другіе родственники тяглецовъ. Относительно крестьянъ, бравшихъ тягло по условію съ волостью или владѣльцемъ, судебники установили только правило, чтобы отказъ ихъ и уходъ изъ волости или села совершался одинъ разъ въ году, и притомъ по уплатѣ *пожилого*, т.-е. квартирной платы. «А христіанамъ отказыватися изъ волости и изъ села въ село,—гласилъ

судебникъ Ивана III,—одинъ срокъ въ году, за недѣлю до Юрьева дня осенняго и за недѣлю послѣ Юрьева дня осенняго; дворы пожилые платятъ въ полѣхъ за дворъ рубль, а въ лесѣхъ полтина». Судебникъ Ивана IV повторилъ эту статью и только увеличилъ размѣръ пошлинъ на 4 алтына, 2 алтына за пожилое и 2 алтына за повозъ. Существенною частью въ статьяхъ судебниковъ является опредѣленіе платы за пожилое. Здѣсь судебники, повидимому, только санкціонировали и регулировали практику жизни. Но нельзя не признать, что плата эта по тогдашнимъ цѣнамъ довольно высока, и могла, слѣдовательно, удерживать крестьянина на мѣстѣ. По изслѣдованіямъ В. О. Ключевскаго, рубль 1500 г. имѣлъ покупательную силу, въ 100 разъ превосходящую силу нынѣшняго рубля, = 100 нынѣшнимъ рублямъ; рубль первой половины XVI вѣка=63—83 нынѣшн. рубл., второй половины=60—74 нынѣшнимъ рублямъ.

Не столько правительство, сколько сами землевладѣльцы, старались подольше удерживать за собою крестьянъ и исподоволь превращать ихъ въ старожильцевъ, не имѣющихъ права перехода. Обстоятельства благопріятствовали этимъ стремленіямъ. Перехожіе крестьяне въ силу своего положенія въ большинствѣ случаевъ не имѣли капитала, съ чѣмъ могли приняться за хозяйство на новомъ мѣстѣ, куда переходили. Они устраивались на новомъ мѣстѣ обыкновенно только при помощи подмоги или ссуды отъ землевладѣльцевъ, которую получали деньгами, сѣменами, скотомъ, сельскохозяйственными орудіями. Такіе крестьяне, называвшіеся *серебряниками*, обыкновенно рядились въ крестьянство безсрочно, обязываясь при выходѣ выплатить ссуду. Но при размѣрахъ этой ссуды, въ 2—3 рубля, при тяжести платежей въ пользу государства и оброка въ пользу землевладѣльцевъ, масса этихъ серебряниковъ фактически не могла исполнить своихъ обязательствъ и выйти добровольно отъ своихъ владѣльцевъ. Этими ссудами землевладѣльцы фактически и стали укрѣлять за собою своихъ крестьянъ. Но крестьяне, съ своей стороны, стали обходить это препятствіе тѣмъ, что поряжались во крестьянство къ другимъ владѣльцамъ съ тѣмъ, чтобы они уплачивали ихъ серебро, ихъ долги прежнимъ владѣльцамъ. Переходъ крестьянъ сталъ благодаря этому превращаться на практикѣ въ перевозъ ихъ. Фактъ этотъ обнаруживается по источникамъ уже въ XV вѣкѣ. «И вы бы,—пишетъ Бѣлозерскій князь Михаилъ Андреевичъ въ 1450 г. своимъ боярамъ, дѣтямъ боярскимъ и слугамъ,—серебрениковъ и половниковъ, и слободныхъ людей не о Юрьевѣ дни не отказывали, а отказывали серебреника и половника о Юрьевѣ дни, да и серебро заплатитъ». Во второй половинѣ XVI вѣка вывозъ крестьянъ былъ уже господствующимъ явленіемъ. По писцовой книгѣ тверскихъ владѣній кн. Симеона Бекбулатовича 1580 г. изъ 2217 крестьянъ за пять предшествующихъ лѣтъ ушло 305 человѣкъ, т.-е. изъ каждыхъ семи человѣкъ одинъ (14%). Изъ нихъ только 53 человѣка изъ всѣхъ ушедшихъ (17%) могли расчитаться съ хозяиномъ и уйти самостоятельно, а большая часть—188 чел. (62%) были вывезены

владѣльцами; остальные ушли безъ правильнаго отказа, т.-е. выбѣжали.

Указъ 1597 года и его смыслъ.—Во второй половинѣ XVI вѣка, когда центральныя области государства пустѣли, между землевладѣльцами должна была обостриться борьба за крестьянъ. Многіе вотчинники и помѣщики всячески старались не выпускать отъ себя крестьянъ. Въ 1555 году черныя общины Псковской земли жаловались царю, что дѣти боярскіе псковскіе «крестьянъ изъ-за себя не выпускаютъ, а поймавъ де ихъ мумучатъ и грабятъ, и въ желѣза куютъ, и пожилое съ нихъ емлютъ не по судебнику, рублей по 5 или 10». Но чаще всего владѣльцы стали указывать, что эти крестьяне—ихъ старожильцы, много лѣтъ за ними живущіе, а потому не имѣющіе права перехода. Когда тѣмъ не менѣе такіе крестьяне уходили къ новому владѣльцу, прежній старался воротить ихъ, какъ бѣглыхъ, судомъ, предъявляя на нихъ крѣпости, т.-е. различные документы, доказывающіе ихъ старожильство. Новые владѣльцы съ своей стороны всячески старались опровергать это. Тяжбы о бѣглыхъ плодились все больше и больше и задавили центральныя учрежденія непомѣрною работою. Это обстоятельство и заставило правительство издать извѣстный указъ 1597 года, коимъ запрещалось возбуждать иски о возвращеніи крестьянъ, бѣжавшихъ за пять лѣтъ до этого указа: «на тѣхъ бѣглыхъ крестьянъ въ ихъ побѣгѣ и на тѣхъ помѣщиковъ и вотчинниковъ, за кѣмъ они выбѣжавъ живутъ, суда не давати и назадъ ихъ, гдѣ кто жилъ, не вывозити». На этотъ указъ обыкновенно указывали прежде, да и недавно (напр., проф. В. И. Сергѣевичъ), какъ на свидѣтельство того, что въ 1592 году крестьяне были прикрѣплены къ своимъ владѣльцамъ по закону. Но этому мнѣнію противорѣчатъ какъ факты, такъ и позднѣйшія узаконенія начала XVII вѣка. Законный перевозъ крестьянъ продолжался попрежнему, такъ что въ 1601 году правительство Годунова въ интересахъ большинства военнослужилаго люда въ видѣ временной мѣры на одинъ годъ должно было воспретить особымъ указомъ богатымъ землевладѣльцамъ, боярамъ, окольничимъ, большимъ дворянамъ, духовенству вывозить крестьянъ въ свои земли. Въ Московскій уѣздъ, въ которомъ владѣли помѣстьями почти исключительно служащіе высшихъ чиновъ, запрещено было вообще перевозить крестьянъ изъ другихъ уѣздовъ, московскимъ помѣщикамъ запрещено было и между собою крестьянъ «отказывати и возити». Всѣмъ же остальнымъ—провинціальнымъ помѣщикамъ, дворянамъ и дѣтямъ боярскимъ, разрѣшено было переводить крестьянъ, но съ тѣмъ условіемъ, чтобы съ земель одного какого-либо помѣщика другой не переводилъ болѣе двухъ крестьянъ. Но ограничивая перевозъ, правительство въ то же время подтверждало право крестьянскаго перехода, требуя, чтобы землевладѣльцы не удерживали насильно своихъ крестьянъ, «отъ налога и продажъ давали имъ выходъ». При распространеніи указа 1601 года на 1602 годъ правительство настоятельно требовало, чтобы помѣщики «крестьянъ изъ-за себя выпускали

со всѣми ихъ животы, безо всякія зацѣпки и во крестьянской бы возкѣ промежи всѣхъ людей боевъ и грабежей не было, и сильно бы дѣти боярскіе крестьянъ за собою не держали и продажъ имъ никоторыхъ не дѣлали». Указъ 1606 года вновь подтверждалъ пятилѣтнюю давность для иска о бѣглыхъ крестьянахъ. Подъ этимъ именемъ разумѣлись крестьяне, ушедшіе отъ землевладѣльцевъ безъ выполненія своихъ обязательствъ по уплатѣ пожилого и повоза, безъ отказа. Изъ другихъ крестьянъ бѣглыми могли быть только старожильцы-тяглецы. Въ грамотѣ, выданной въ 1614 году Іосифову Волоколамскому монастырю, воеводамъ предписывается, если монастырь свѣдаетъ гдѣ своихъ бѣжавшихъ крестьянъ, «обыскивати всякими людьми накрѣпко, старинные ли тѣ Іосифовы вотчины крестьяне», и въ такомъ случаѣ возвращать ихъ монастырю.

Значеніе писцовыхъ книгъ въ дѣлѣ прикрѣпленія крестьянъ.—Огромную роль въ прикрѣпленіи крестьянъ въ XVI вѣкѣ сыграли переписи, составлявшіяся въ интересахъ податного обложенія. Мы видѣли, что уже въ удѣльную эпоху письменные люди признавались крѣпкими къ своему тяглу и не могли перезываться другими владѣльцами. Письменные люди—это тѣ, которые были записаны въ «данскія» книги, заведенныя еще татарами. Съ образованіемъ Московскаго государства вмѣсто данскихъ книгъ стали составляться такъ называемыя писцовыя книги. Иванъ III произвелъ систематическое описаніе присоединенныхъ земель (главнымъ образомъ новгородскихъ пятинъ). Первое большое письмо, т.-е. генеральная перепись, составлена была въ промежутокъ времени между 1538 и 1547 годами. Но когда окончена была эта перепись, правительствомъ произведена была важная финансовая реформа: податною единицею, сохою, вмѣсто извѣстнаго количества рабочей силы, сдѣлана была опредѣленная площадь распаханной земли. Пришлось поэтому составлять «новое письмо», въ основаніе котораго положить мѣру, т.-е. измѣреніе земель съ оцѣнкою, хотя и грубою качества земли. Новое письмо, пріобрѣтшее такимъ образомъ характеръ кадастра, составлялось цѣлыхъ 30 лѣтъ, съ 1550 по 1580 годъ. Въ отличіе отъ старыхъ «книгъ письма» новыя книги стали называться книгами «письма и мѣры». Въ этихъ книгахъ описывалась не одна только земля, но и перечислялись тяглецы. Писцовыя книги, благодаря этому и получили значеніе крѣпостей на крестьянъ. Въ искахъ бѣглыхъ какъ черныя волости, такъ и частныя лица стали ссылаться на писцовыя книги, какъ на доказательства старожильства крестьянъ.

Крестьянская вѣчность.—Всѣми этими путями крестьянская масса все болѣе и болѣе прикрѣплялась къ своему крестьянскому состоянію, къ тяглу и въ извѣстной мѣрѣ и къ владѣльцу. Хотя никакихъ общихъ мѣръ прикрѣпленія не издавалось, но ростъ крестьянскаго прикрѣпленія шелъ колоссальными шагами. При дѣйствіи условій, которыя влекли неудержимо крестьянина въ неволю, появились договоры крестьянъ съ владѣльцами, въ силу которыхъ крестьяне уже прямо закрѣпляли себя за владѣльцами. Такъ какъ

переходъ сталъ фактически невозможнымъ, то крестьяне уже начали прямо рядиться съ обязательствомъ не выходить отъ владѣльца «на сторону и куды-нибудь, не рядитца, никуды вонъ не выйти и впредь жити неподвижно», и съ прибавленіемъ: «а впредь во крестьянствѣ безвыходно или вѣчно». Развивая послѣднее обязательство, крестьянинъ предоставлялъ владѣльцу право отыскивать его и водворять въ свою вотчину и въ помѣстье: «и гдѣ насъ сыщетъ, и мы крѣпки ему въ крестьянствѣ, въ его помѣстьѣ на тое деревни, гдѣ онъ насъ посадитъ».

Развитіе кабальнаго холопства. — Экономическая несостоятельность значительнаго количества населенія повела въ XVI вѣкѣ, кромѣ прикрѣпленія крестьянъ, еще и къ развитію новаго вида холопства—такъ называемаго *кабальнаго*.

Кабальное холопство—это холопство, вытекшее изъ займа. Должникъ выдавалъ своему кредитору такъ называемую *служилую кабалу*, по которой обязывался за ростъ личною службою во дворѣ кредитора. Юридически такой кабальный холопъ становился свободнымъ по уплатѣ долга. Но фактически это было почти невозможно, такъ какъ весь трудъ должника шелъ только на уплату процентовъ, а не на погашеніе долга, какъ это было у стариннаго закупа. Закабаленіе бѣдноты въ XVI вѣкѣ прогрессировало столь быстрыми шагами, что государство сочло нужнымъ вмѣшаться въ это дѣло и положить нѣкоторыя преграды его развитію. Государство теряло вслѣдствіе этого нерѣдко и служилыхъ людей, и тяглецовъ. Поэтому судебникъ 1550 года запретилъ выдавать служилыя кабалы на суммы свыше 15 рублей и превращать простыя ростовыя кабалы въ служилыя. Вслѣдъ затѣмъ въ 1559 году запрещено было брать служилыя кабалы на лицъ моложе 15 лѣтъ. Указъ 1586 года ввелъ для служилыхъ кабалъ по примѣру записей въ полное холопство докладъ, т.-е. всѣ служилыя кабалы должны были составляться подъ контролемъ правительственныхъ учрежденій и заноситься въ книги. Указъ предписывалъ, чтобы такіе докладные люди отъ господъ своихъ не отходили, денегъ у нихъ по кабаламъ не брали, а служили бы до смерти господъ. Этотъ указъ вскрываетъ любопытное явленіе фиктивной служилой кабалы. Оказывается, что бѣдняки поступали въ холопы, совершая фиктивный заемъ, лишь бы только такъ или иначе пристроиться. Правила указа 1586 года о докладныхъ кабальныхъ холопахъ распространены были указомъ 1597 года на всѣхъ вообще кабальныхъ холоповъ. Кабальное холопство сдѣлалось личнымъ холопствомъ, прекращающимся по смерти господина-кредитора. Указъ 1597 года прямо оговорилъ, что женѣ и дѣтямъ умершаго до кабальныхъ людей его дѣла нѣтъ, и денегъ по тѣмъ кабаламъ не указывать. Позже этотъ личный характеръ кабальнаго холопства былъ закрѣпленъ еще больше. Указомъ 1606 года было запрещено выдавать кабалы на однихъ и тѣхъ же лицъ двумъ господамъ, отцу съ сыномъ, брату съ братомъ и т. д.

Такимъ образомъ уже въ XVI вѣкѣ обозначились тѣ два встрѣчныхъ

соціальныхъ теченія, которыя соединившись вмѣстѣ въ концѣ XVII и началѣ XVIII вѣка, создали крѣпостное крестьянство. Съ одной стороны, стало смягчаться рабство, а съ другой стороны, крестьянинъ началъ терять свою свободу, сталъ превращаться въ раба.

Пособія:

М. А. Дьяконовъ, Очерки общественнаго и государственнаго строя древней Руси. Изд. 4-е. Спб. 1912 г.

— Очерки изъ исторіи сельскаго населенія въ Московскомъ государствѣ. Петр. 1898.

А. Н. Филипповъ, Учебникъ исторіи русскаго права. Юрьевъ, 1912.

М. Ф. Владимірскій-Будановъ, Обзоръ исторіи русскаго права. Кіевъ.

В. О. Ключевскій, Опыты и изслѣдованія Москва, 1912.

В. И. Сергѣевичъ, Древности русскаго права, т. III. Спб., 1903.

Д. Я. Самоквасовъ. Архивный матеріалъ, т. II. Москва, 1909.

А. С. Лаппо-Данилевскій, Очеркъ исторіи образованія главнѣйшихъ разрядовъ крестьянскаго населенія въ Россіи (Крестьянскій строй, изд. князя Долгорукова и графа Толстого, т. I. Спб. 1905).

XXIII.

Устройство управленія въ Московскомъ государствѣ XVI вѣка.

Возникновеніе приказовъ; перечень главнѣйшихъ изъ нихъ. — Московскій государь, объединившій подъ своею властью всю сѣверо-восточную Русь, въ управленіи ею уже не могъ обходиться при помощи тѣхъ органовъ, которыми пользовались его предшественники—Московскій и другіе удѣльные князья. Такими органами, какъ уже было сказапо въ своемъ мѣстѣ, въ центрѣ государства были управители отдѣльныхъ отраслей обширнаго дворцоваго хозяйства—дворецкій, казначей, стольникъ, чашникъ, конюшій, ловчій, сокольничій и другіе путные бояре, а въ уѣздахъ и волостяхъ—намѣстники, волостели и тіуны. Тѣ дѣла, которыя выходили изъ вѣдѣнія всѣхъ этихъ правителей, рѣшалъ самъ князь единолично или совѣтуясь съ боярами. Органами княжескаго управленія въ удѣльную эпоху были должностныя лица, но не учрежденія, не присутственныя мѣста съ опредѣленнымъ кругомъ дѣлъ, съ канцеляріями и архивами. Съ объеди-

неніемъ Великой Руси вокругъ Москвы усложнились непомѣрно и увеличились правительственныя задачи, и Московскому государю стало уже невозможно обходиться при помощи старыхъ удѣльныхъ сотрудниковъ, а понадобилось много и другихъ, новыхъ, а главное—невозможно стало править такъ, какъ раньше,—черезъ лицъ, потребовалось создать цѣлыя учрежденія, присутственныя мѣста, бюрократическія средоточія. Такія учрежденія получили названіе *приказовъ*.

Приказы частью выросли вокругъ прежнихъ должностей удѣльной эпохи, а частью появились вновь для завѣдыванія дѣлами уже чисто государственнаго значенія, для которыхъ въ удѣльную эпоху не было никакихъ особыхъ должностей. Съ расширеніемъ владѣній великаго князя Московскаго расширилось и его дворцовое хозяйство, умножилось количество дѣлъ у тѣхъ лицъ, которыя имъ завѣдывали, и прежде всего у дворецкаго. Одному ему и даже съ помощникомъ дьякомъ было уже не подъ силу справляться со всѣми дѣлами, и потому мало-по-малу около него выросло цѣлое учрежденіе со штатомъ дьяковъ и подьячихъ, съ книгами и столпцами, получившее названіе *приказа Большого дворца*. Названіе Большого дворца этотъ приказъ получилъ въ противоположность другимъ приказамъ—«дворцамъ», которымъ на первыхъ порахъ поручалось управленіе дѣлами новоприсоединенныхъ земель и княжествъ. Таковы были приказы дворцовъ Нижегородскаго, Дмитровскаго, Ростовскаго, Тверского и Рязанскаго. Съ теченіемъ времени, однако, эти дворцы упразднились, и дѣла ихъ распредѣлены были между другими приказами, въ томъ числѣ и приказомъ Большого дворца. Исключеніе представилъ приказъ *Казанскаго (и Мещерскаго) дворца*, въ которомъ сосредоточено было высшее управленіе областями царствъ Казанскаго, Астраханскаго и Сибирскаго. Приказъ Большого дворца завѣдывалъ содержаніемъ дворца и тѣми людьми и мѣстностями, которые доставляли это содержаніе. Таковы были: дворцовыя села и разныя оброчныя имущества, московскія ремесленныя слободы, работавшія на дворецъ. Кромѣ того, въ приказѣ Большого дворца судились тѣ самыя лица, которыя освобождены были отъ суда намѣстниковъ и волостей (преимущественно духовенство), и которыхъ судилъ самъ великій князь или его бояринъ введеный (дворецкій чаще всего бывалъ такимъ введенымъ, особо уполномоченнымъ бояриномъ). Къ приказу Большого дворца примкнули и стали къ нему въ подчиненное положеніе *дворы: Кормовой, Хлѣбенный и Сытенный*. Въ этихъ приказахъ сосредоточилось завѣдыванье тѣми дѣлами, которыя въ удѣльное время подлежали вѣдѣнію стольника и чашника.—Около боярина конюшія выросъ въ XVI вѣкѣ приказъ *Конюшій*; соотвѣтствующіе приказы образовались около *ловчія и сокольничія*. На мѣсто казначея удѣльной эпохи, принимавшаго и хранившаго княжескіе доходы впредь до распоряженіе князя, съ образованіемъ Московскаго государства, съ увеличеніемъ поступленій и расходовъ и отчетности по нимъ, возникъ цѣлый рядъ приказовъ, а именно: приказъ *Большой казны*,

который подъ управленіемъ боярина казначея собиралъ и хранилъ преимущественно прямые налоги и вѣдалъ судомъ и управою гостей и торговыхъ людей; ему подчиненъ былъ *Денежный дворъ*, гдѣ чеканилась монета; приказъ *Большого прихода*, который вѣдалъ преимущественно таможни, мосты и перевозы, а также московскія лавки, которыя давали правительству большіе доходы; и, наконецъ, такъ называемыя *чети*, или *четверти*, взявшія на себя во второй половинѣ XVI в. въ извѣстныхъ районахъ государства пріемъ и учетъ прямыхъ (и нѣкоторыхъ косвенныхъ) налоговъ, въ томъ числѣ и оброковъ, замѣнившихъ кормы намѣстниковъ и волостелей, а по связи съ этимъ—и высшій судъ надъ податными людьми этихъ районовъ (четверти, повидимому, возникли, какъ отвѣтвленія приказа Большой казны и были первоначально столами, или повытьями въ этомъ приказѣ).

Но особенно творческая работа жизни проявилась въ сферѣ государственнаго управленія въ собственномъ смыслѣ. Для этого управленія въ удѣльное время не было никакихъ центральныхъ органовъ, помимо князя и его думы. Теперь эти органы выростаютъ одинъ за другимъ. Такимъ образомъ возникаетъ особый *Посольскій приказъ*, или особая канцелярія при государѣ и его думѣ по иностраннымъ дѣламъ, которой завѣдуетъ думный посольскій дьякъ. Въ этой канцеляріи хранятся получаемыя бумаги и изготовляются отпускаемыя, находится цѣлый штатъ дьяковъ, подъячихъ и переводчиковъ. Образованіе такого учрежденія было вполнѣ естественно. Пока Московскій князь былъ мелкій владѣтель, у него не могло быть большой и сложной дипломатической переписки. Не такъ стало, когда этотъ князь превратился въ правителя огромнаго государства. Уже у Ивана III завязались оживленныя сношенія съ сосѣдями и даже отдаленными государствами Европы, и накопилось нѣсколько ящиковъ дипломатическихъ бумагъ, которые по роду дѣлъ назывались нѣмецкимъ, волошскимъ и т. д. и были отданы на храненіе казначею. Чѣмъ дальше, тѣмъ болѣе развивались дипломатическія сношенія, росла переписка и увеличивалось количество бумагъ. Въ концѣ концовъ царь Иванъ Васильевичъ приказалъ въ 1565 г. построить особую Посольскую избу и сосредоточить въ этой избѣ все дѣлопроизводство по иностраннымъ сношеніямъ и весь архивъ. Такимъ же путемъ возникли и другія канцеляріи думы—*Разрядъ* и *Помѣстный приказъ*. Въ удѣльную эпоху всѣ служебныя назначенія дѣлались княземъ по совѣту съ боярами или единолично. Такихъ назначеній не могло быть особенно много, и потому не возникало надобности въ особой канцеляріи для записи этихъ назначеній. Иное дѣло стало, когда подъ властью Московскаго князя объединилась вся великая Русь, оказались сотни мѣстъ и должностей, которыя приходилось замѣщать, понадобилось давать сотни всякихъ порученій и т. д. Тутъ уже нельзя было обойтись безъ записей, безъ предварительнаго составленія проектовъ служебныхъ назначеній къ докладу государю и боярамъ. Эти записи и эти проекты стали необходимыми и въ силу требованій мѣстничества. Все это вызвало возникновеніе особой канцеляріи при го-

сударѣ и думѣ—*Разряда* подъ управленіемъ думнаго дьяка. Когда началась усиленная вербовка военнослужилыхъ людей, то понадобилось вести списки этихъ людей и ихъ денежныхъ и помѣстныхъ окладовъ. Это дѣлопроизводство сосредоточилось также въ Разрядѣ. Черезъ Разрядъ же шли различныя распоряженія по оборонѣ государства, по веденію военныхъ дѣйствій, по управленію нѣкоторыми украинными городами, имѣвшими стратегическое значеніе. Для регистраціи и учета земель, которыя шли въ раздачу военнослужилымъ людямъ при государѣ и думѣ, возникла третья канцелярія—*Помѣстный приказъ* подъ управленіемъ особаго, иногда думнаго дьяка.

Выяснившаяся потребность въ созданіи особаго пѣшаго войска—стрѣльцовъ вызвала къ жизни и особый *приказъ Стрѣлецкій* спеціально для набора и снабженія всѣмъ необходимымъ этого войска. Съ введеніемъ артиллеріи возникло и особое спеціальное учрежденіе для литья пушекъ и ядеръ и завѣдыванья артиллеристами—*Пушкарскій* приказъ. Такія же спеціальныя учрежденія появились и для изготовленія холоднаго оружія — приказы *Оружейный* и *Бронный*. — Въ удѣльную эпоху великій князь самъ съ боярами разбиралъ тяжбы и иски, связанные съ существованіемъ холопства, важныя уголовныя и гражданскія дѣла, переходившія къ нему частью по аппелляціямъ отъ мѣстныхъ правителей, частью поступавшія прямо въ силу такъ называемыхъ несудимыхъ грамотъ. Теперь управиться ему со всѣми этими дѣлами стало немыслимо, и потому въ центрѣ возникаютъ особые приказы для разбора такихъ дѣлъ—*Холопій*, *Разбойный*, *судные приказы Владимірскій, Московскій, Дмитровскій и Рязанскій*.—Разнообразныя отрасли государственнаго управленія вслѣдствіе его усложненія получаютъ теперь особыя учрежденія, которыми завѣдываютъ особыя лица съ дьяками и подьячими. Такимъ образомъ, возникаютъ приказы *Ямской*, который завѣдуетъ ямскою гоньбою и ямщиками во всемъ государствѣ; *Каменный*, который завѣдуетъ казенными постройками; *приказъ Книгопечатнаго дѣла*, *Челобитенный* съ 1550 года (комиссія по принятію прошеній на Высочайшее имя) и т. д.

Увеличеніе и усложненіе состава думы.—Параллельно съ возникновеніемъ и умноженіемъ всѣхъ этихъ центральныхъ учрежденій умножался и усложнялся и составъ—*боярской думы* при Московскомъ государѣ и по тѣмъ же самымъ причинамъ. Дѣло въ томъ, что дума составлялась преимущественно изъ начальниковъ отдѣльныхъ вѣдомствъ. Въ удѣльное время такими вѣдомствами были отдѣльныя отрасли княжескаго хозяйства; съ объединеніемъ государства такими вѣдомствами сдѣлались уже многочисленныя и разнообразныя отрасли государственнаго управленія. Разъ увеличилось число вѣдомствъ, должно было eo ipso увеличиться и число членовъ государевой думы. Не для всѣхъ вѣдомствъ могли назначаться начальники изъ знатныхъ первостепенныхъ бояръ. Отдѣльныя отрасли государственнаго управленія требовали сплошь и рядомъ людей опыта и

Пуш...

знаній, спеціалистовъ, которыхъ Московскому государю пришлось выбирать и изъ второстепеннаго боярства, и даже изъ рядового дворянства. Благодаря этому и въ думѣ Московскаго государя сошлись люди разнаго круга, разныхъ степеней знатности. По тогдашнимъ понятіямъ и обычаямъ ихъ нельзя было посадить вмѣстѣ безъ соблюденія извѣстнаго порядка по степени знатности. Государева дума по этому раздѣлилась на три группы или чина. Первую группу—*бояръ* составили первостепенные бояре; вторую группу составили бояре менѣе знатные или болѣе молодые: эта группа получила названіе бояръ окольничихъ, а потомъ просто *окольничихъ*, и, наконецъ, третью группу составили *думные дворяне*, изъ лицъ, сдѣлавшихся начальниками отдѣльныхъ вѣдомствъ и попавшихъ въ думу благодаря главнымъ образомъ личнымъ заслугамъ. Въ составъ думы вошли подъ именемъ думныхъ дьяковъ и начальники ея канцелярій по отдѣльнымъ отраслямъ управленія, но безъ права голоса. Такой составъ государевой думы обозначился уже въ малолѣтство Грознаго.

Система кормленій въ мѣстномъ управленіи какъ наслѣдіе удѣльной старины.—Въ связи съ государственнымъ объединеніемъ произошли крупныя перемѣны и въ устройствѣ мѣстнаго управленія.

Въ удѣльную эпоху мѣстное управленіе, какъ было уже указано, находилось въ рукахъ намѣстниковъ и волостелей. Намѣстникъ сидѣлъ въ центральномъ городѣ уѣзда и чинилъ судъ и управу по всѣмъ дѣламъ въ предѣлахъ окологородней волости и по важнымъ уголовнымъ дѣламъ въ предѣлахъ всего *уѣзда*. Въ предѣлахъ уѣзда намѣстникъ былъ обыкновенно и военачальникомъ, распорядителемъ военныхъ силъ. Волостели чинили судъ и управу въ отдѣльныхъ волостяхъ уѣзда независимо отъ намѣстника, будучи ограничены въ своей компетенціи только родомъ дѣлъ. Господствующею точкою зрѣнія въ отношеніи къ этимъ должностямъ у княжеской власти былъ не интересъ мѣстныхъ обществъ, а интересъ правящаго персонала. Должности намѣстниковъ и волостелей разсматривались преимущественно, какъ кормленія княжескихъ слугъ, средства ихъ содержанія. Поэтому и случалось, что одну и ту же должность получали за разъ двое лицъ, которыя дѣлились уже между собою доходами. Поэтому случалось также, что намѣстничество пребывало долгое время въ рукахъ лицъ одной фамиліи, переходило какъ бы по наслѣдству отъ отца къ сыну; примѣромъ можетъ служить кормленіе Мещерою въ родѣ Протасьевыхъ отъ начала XV до конца XVI вѣка. Поэтому же и намѣстники и волостели отправляли правосудіе сплошь и рядомъ черезъ своихъ холоповъ—тіуновъ и доводчиковъ. Намѣстники и волостели смотрѣли на отправленіе своихъ должностей преимущественно какъ на сборъ доходовъ, а не какъ на общественное служеніе, и потому естественно пускали въ дѣло своихъ холоповъ. Доходы намѣстниковъ и волостелей составлялись: изъ въѣзжаго корма, періодическихъ поборовъ деньгами или натурою, иногда тѣмъ и другимъ вмѣстѣ, два или три раза въ году (на Рождество, Великъ день и Петровъ день), изъ судебныхъ пошлинъ, торго-

выхъ (съ иногороднихъ купцовъ) и брачныхъ («выводной куницы» и «новоженнаго убруса»). Въѣзжій, великоденскій, рождественскій и петровскій кормы собирались выборными людьми отъ мѣстныхъ обществъ—*старостами* и *соцкими*, которые собирали съ мѣстныхъ жителей и другіе налоги, а равно вообще понуждали къ отправленію всякихъ повинностей.

Описанная система кормленій могла не расходиться далеко съ насущными интересами общества и государства только въ удѣльное время, когда размѣры княжествъ не были значительными, когда вся судебно-административная дѣятельность мѣстныхъ правителей совершалась на виду у центральной власти, когда крѣпка была старина и пошлина, и для населенія всегда была возможность бороться съ злоупотребленіями администраціи подачею жалобъ князю или уходомъ въ другія княжества. Не то стало съ объединеніемъ Великой Руси вокругъ Москвы, съ образованіемъ огромнаго государства.

По народной пословицѣ, до Бога стало высоко, а до царя далеко, и система кормленій, переставъ справляться съ своими общественными задачами, быстро стала вырождаться въ систему административнаго произвола и злоупотребленій. Московское правительство стало принимать противъ этого свои мѣры, и такимъ образомъ, государственно-общественная точка зрѣнія въ организаціи мѣстнаго управленія стала все болѣе и болѣе выдвигаться на первый планъ.

Таксація кормовъ и установленіе порядка суда и управленія въ областяхъ.—Дѣло началось съ того, что правительство стало таксировать кормы намѣстниковъ и волостелей, опредѣлять размѣры судебныхъ и другихъ пошлинъ и опредѣлять порядокъ судопроизводства. Съ этою цѣлью, не ограничиваясь обычными наказными списками намѣстникамъ и волостелямъ, оно стало издавать уставныя грамоты для отдѣльныхъ областей и уѣздовъ; позже стали вестись особыя книги кормамъ въ приказахъ. Кормленія подѣлены были на двѣ категоріи—съ боярскимъ судомъ и безъ боярскаго суда. Намѣстники и волостели съ боярскимъ судомъ имѣли право рѣшать дѣла объ укрѣпленіи въ холопство и о выдачѣ отпускныхъ грамотъ, а также важныя уголовныя дѣла—о татяхъ, душегубцахъ и всякихъ лихихъ людяхъ безъ доклада въ Москву тѣмъ боярамъ, которымъ приказаны были эти дѣла, т.-е. начальникамъ приказовъ Холопьяго суда и Разбойнаго, а намѣстники и волостели безъ боярскаго суда не имѣли этого права.

Въ концѣ XV в., въ 1497 году, изданъ былъ общій Судебникъ для всего государства, исправленный и дополненный затѣмъ въ 1550 году. Судебникъ болѣе подробно и тщательно опредѣлялъ порядокъ судопроизводства и размѣры судебныхъ пошлинъ, чѣмъ уставная грамота.

Губныя учрежденія.—Но всего этого оказалось недостаточнымъ. Намѣстники и волостели, какъ кормленщики, больше всего заботившіеся о сборѣ своихъ доходовъ и потому заинтересованные въ умноженіи судебныхъ дѣлъ всякаго рода, пассивно относились къ умноженію преступленій,

не проявляли должной инициативы и энергіи въ огражденіи обществъ отъ разбойниковъ, воровъ и всякихъ лихихъ людей. Въ Москву со всѣхъ сторонъ стали приходить жалобы мѣстныхъ обществъ на нерадѣніе и попустительство властей съ просьбами о разрѣшеніи «самимъ межъ себя обыскивати и имати разбойниковъ и лихихъ людей». Правительство вняло этимъ жалобамъ, и уже въ малолѣтство Грознаго стали по всѣмъ городамъ большимъ, по пригородамъ и волостямъ выдаваться грамоты, коими предоставлялось «лихихъ людей обыскивати самымъ крестьяномъ межъ себя по крестному цѣлованью и ихъ казнити смертною казнью, не водя къ намѣстникамъ и ихъ тіунамъ». Для этого общественнаго самосуда первоначально не было создано особыхъ учрежденій; дѣло должны были взять въ свои руки наличныя выборныя власти, т.-е. старосты, соцкіе, цѣловальники и т. д. Но затѣмъ, въ началѣ 50-хъ годовъ, созданы были особыя выборныя власти для истребленія воровъ и разбойниковъ. Всѣ землевладѣльцы уѣзда—князья, дворяне и дѣти боярскіе, духовныя лица и крестьяне должны были съѣзжаться вмѣстѣ и выбирать особаго *губного старосту* изъ мѣстныхъ дворянъ и дѣтей боярскихъ, а также *губного дьяка*; сотскіе люди, т.-е. крестьяне, должны были съ своей стороны набрать въ помощь имъ *губныхъ цѣловальниковъ*. Въ тѣхъ случаяхъ, когда выборъ губного старосты не могъ состояться по какимъ-либо причинамъ, его назначало само правительство. Всѣ эти лица, составлявшія такъ называемую *губную избу*, и должны были разыскивать разбойниковъ и воровъ, судить ихъ и казнить. Въ частныхъ вотчинахъ избраніе губныхъ властей представлялось обыкновенно владѣльцу, при чемъ старостою могъ быть кто-либо изъ людей, служащихъ частному вотчиннику, его прикащикъ. Губныя власти подчинены были *разбойному приказу*, который утверждалъ ихъ въ должности, давалъ имъ инструкціи и контролировалъ ихъ дѣятельность. Такъ народились въ областяхъ учрежденія, которыя можно назвать государственными въ собственномъ смыслѣ, которыя преслѣдовали исключительно интересы общества, а не отдѣльныхъ лицъ.

Земскія учрежденія Ивана Грознаго. Губныя учрежденія были коррективомъ, который по требованіямъ жизни былъ внесенъ въ систему кормленій. Несоотвѣтствіе этой системы съ новою политическою организаціею общества давало чувствовать себя все болѣе и болѣе и привело, наконецъ, къ дальнѣйшему ограниченію этой системы. Въ 1555 году царь издалъ указъ, въ которомъ заявлялъ: «напередъ сего жаловали есми бояръ своихъ... городы и волости давали имъ въ кормленье,—и намъ отъ крестьянъ челобитья великія и докука была безпрестанная, что намѣстники и волостели чинятъ имъ продажи и убытки великія. И мы, жалуючи крестьянство,... намѣстниковъ, и волостелей и праветчиковъ отъ городовъ и отъ волостей отставили;... велѣли есми во всѣхъ городахъ и волостяхъ учинити старостъ излюбленныхъ, кому межъ крестьянъ управа чинити». Этой мѣрѣ предшествовали частныя пожалованья земскаго суда отдѣльнымъ обществамъ.

Земскій судъ составляли: *излюбленные головы* или *старосты*, избранные тяглыми людьми, т.-е. посадскими и крестьянами, *земскіе дьяки* и *лучшіе люди* (цѣловальники въ различномъ числѣ отъ 10 до 2, называвшіеся также и земскими судьями). Юрисдикція ихъ простиралась только на тяглое населеніе, которое подсудно было намѣстникамъ и волостелямъ. Военно-служилые землевладѣльцы, изъ которыхъ многіе имѣли жалованныя несудимыя грамоты, освобождавшія ихъ отъ суда намѣстниковъ и волостелей, должны были судиться въ судныхъ приказахъ въ центрѣ государства. Для полицейскихъ надобностей земскія власти должны были пользоваться прежними выборными каждой общины—сотскими, пятидесятскими, десятскими и т. д. Избраніе совершалось обыкновенно на неопредѣленный срокъ, иногда на годъ. Но населеніе всегда могло перемѣнить выборныхъ. Компетенція земскихъ властей простиралась на всѣ отрасли управленія (кромѣ военной); въ области судопроизводства выборные земскіе старосты и цѣловальники завѣдывали раскладкою и сборомъ податей, подвергаясь имущественной отвѣтственности за недоборъ, распоряжались отправленіемъ повинностей, мірскими выборами и проч.; имъ предоставлялось окончательное рѣшеніе даже дѣлъ, ведущихъ къ смертной казни. Въ данномъ случаѣ земскія учрежденія должны были столкнуться съ дѣятельностью губныхъ. Это столкновеніе разрѣшалось или тѣмъ, что земскимъ властямъ предписывалось судить вмѣстѣ съ губными, или тѣмъ, что имъ запрещалось судить губныя дѣла или, наконецъ, тѣмъ, что губныя учрежденія кассировались въ тѣхъ округахъ, гдѣ были введены земскія учрежденія.—Вводя земскія учрежденія, правительство не отмѣнило намѣстничьихъ и волостельскихъ поборовъ съ населенія, но переложило ихъ на оброкъ и приказало доставлять этотъ оброкъ въ Москву въ чети и другіе приказы, на которые возложенъ былъ контроль и надзоръ за дѣятельностью земскихъ учрежденій, а также и высшій судъ по переносу отъ земскаго суда. И въ данномъ случаѣ правительство только обобщало то, что прежде практиковалось въ отдѣльныхъ случаяхъ. Тяглое населеніе отдѣльныхъ общинъ и при существованіи кормленій иногда откупалось отъ нихъ по договору съ кормленщикомъ. Теперь на оброкъ переводились всѣ тяглыя общины, гдѣ вводилось земское самоуправленіе. А вводилось оно главнымъ образомъ тамъ, гдѣ были черныя и дворцовыя волости. Въ уѣздахъ, гдѣ преобладало служилое землевладѣніе, намѣстничье управленіе непосредственно перешло въ воеводское. Осуществленіе этой реформы несомнѣнно стояло въ связи съ нѣкоторыми успѣхами народнаго хозяйства въ первой половинѣ XVI в., съ накопленіемъ у населенія денежныхъ капиталовъ. Помимо общей міровой причины—прилива благородныхъ металловъ въ Европу изъ Америки, была и частная мѣстная причина этого факта. Русь свергла татарское иго, и прекратился отливъ денегъ изъ страны на востокъ. Населеніе получило возможность удовлетворять деньгами не только ордынскіе запросы, но и свои обязанности въ отношеніи къ туземной власти.

Выборныя земскія власти поскольку онѣ были сборщиками кормовъ, судебныхъ пошлинъ, прямыхъ налоговъ были финансовыми агентами центральнаго правительства. Такое же значеніе имѣли и такъ называемые *вѣрные головы и цѣловальники*, которые завѣдывали таможенными и кабацкими сборами, казенною продажею соли и т. п. Вѣрные головы и цѣловальники присылались изъ Москвы, изъ среды тамошнихъ гостей и торговыхъ людей, либо избирались на мѣстахъ. Въ избраніи вѣрныхъ головъ и цѣловальниковъ участвовали богатые люди изъ посадскихъ, при чемъ имъ предписывалось выбирать людей «добрыхъ», «не воровъ, не бражниковъ, которые были бы душею прямы и животомъ прожиточны, и которымъ бы можно было вѣрить въ сборѣ государевой казны». Правительство обыкновенно назначало общую предполагаемую сумму таможеннаго или кабацкаго дохода, и если эта сумма не добиралась вѣрными головами и цѣловальниками, это приписывалось злоупотребленіямъ или нерадѣнію головъ и цѣловальниковъ, и весь недоборъ взыскивался либо съ нихъ самихъ, либо съ ихъ избирателей.

Земскіе соборы.—Итакъ, въ текущемъ управленіи государствомъ московское правительство пользовалось услугами высшихъ чиновъ военно-служилаго класса, приказныхъ людей—дьяковъ и подъячихъ и выборныхъ отъ посадскихъ людей и крестьянъ. Въ трудныя минуты, при рѣшеніи какихъ-либо чрезвычайной важности вопросовъ, Московскіе государи стали созывать совѣты всей земли—высшее духовенство, военнослужилый классъ и торгово-промышленный, преимущественно, конечно, высшихъ разрядовъ или чиновъ. Первое совѣщаніе въ этомъ родѣ было созвано еще великимъ княземъ Иваномъ Васильевичемъ III въ 1471 году. Когда произошелъ у него разрывъ съ Новгородомъ, великій князь совѣтовался сначала съ митрополитомъ, съ матерью и съ «сущими у него боярами его», и когда тѣ поддержали его планъ итти на Новгородъ, онъ тотчасъ же «разосла по всю братію свою, и по всѣ епископы земли своеа, и по князи и по боаре свои, и по воеводы и по вся воа своа; и якоже вси снидошася къ нему, тогда всѣмъ возвѣщаетъ мысль свою, что итти на Новгородъ ратію... И мысливше о томъ не мало... князь великій начать вълоружатися ити на нихъ, тако же и братіа его и вси князи его, и боаре, и воеводы—вся воа его» (Воскресен. лѣт. и Никонов.).

Итакъ, походъ на Новгородъ, который вовлекалъ Московское государство въ опасность войны съ Литовско-Русскимъ государствомъ (Новгородъ отдался передъ этимъ подъ власть Казимира), рѣшенъ былъ по совѣщаніи великаго князя съ высшимъ духовенствомъ, братьями, боярствомъ и воинствомъ. Такіе же приблизительно совѣты имѣлъ и царь Иванъ Васильевичъ послѣ того, какъ онъ рѣшилъ умиротворить государство и упорядочить управленіе послѣ семнадцати лѣтъ боярскаго произвола и всяческихъ злоупотребленій.

Изъ рѣчи, произнесенной царемъ на соборѣ 1551 года, видно, что въ

предыдущее лѣто состоялось собраніе, на которомъ царь и бояре били челомъ высшему духовенству «о своемъ согрѣшеніи» и получили отъ него прощеніе въ своихъ винахъ и благословеніе,—послѣ чего царь съ своей стороны бояръ своихъ въ прежнихъ винахъ пожаловалъ и простилъ и заповѣдалъ имъ со всѣми христіанами своего царства во всякихъ прежнихъ дѣлахъ помириться на срокъ; «и бояре мои всѣ и приказные люди и кормленщики,—говорилъ царь,—со всѣми землями помирилися во всякихъ дѣлѣхъ». Тогда же царь благословился у духовенства исправить судебникъ, каковая работа и была выполнена уже въ іюнѣ 1550 года. Изъ всѣхъ этихъ указаній явствуетъ, что въ 1550 г. было торжественное собраніе боярской думы, освященнаго собора, бояръ, кормленщиковъ и приказныхъ людей и, быть можетъ, также земскихъ людей, на которомъ состоялось всеобщее примиреніе и постановленіе объ исправленіи судебника. Въ слѣдующемъ году собирался «соборъ» для упорядоченія церковныхъ дѣлъ. Но этотъ соборъ по составу своему не былъ чисто церковнымъ: на немъ присутствовали также и бояре, и воины. Наконецъ, въ 1566 году царь совѣщался со всѣмъ освященнымъ соборомъ, со всѣми боярами и приказными людьми, съ князьями, дѣтьми боярскими и съ служилыми людьми, съ гостями, купцами и торговыми людьми по вопросу о томъ, продолжать ли войну съ Литвою или мириться на предложенныхъ условіяхъ. Члены собора приговорили, что царю и великому князю городовъ Ливонской земли польскому королю «никакъ не поступитися и за то крѣпко стояти».

Подъ мнѣніями, поданными на соборѣ разными чинами, поставлены подписи, вслѣдствіе чего является возможнымъ детально представить себѣ составъ собора 1566 года. Изъ 374 членовъ собора 32 лица, оказывается, были духовные, 29 человѣкъ—думные люди, 33 приказныхъ, 97 дворянъ первой статьи, 99 дворянъ и дѣтей боярскихъ второй статьи, 3 торопецкихъ и 6 луцкихъ помѣщиковъ, 41 человѣкъ торговыхъ людей москвичей и 22 «смольнянъ». Сличивъ имена дворянъ первой и второй статьи съ «тысячною книгою», т.-е. со спискомъ дворянъ и дѣтей боярскихъ, испомѣщенныхъ подъ Москвою и составившихъ чинъ «московскихъ дворянъ», изслѣдователи (В. О. Ключевскій и М. В. Клочковъ) пришли къ заключенію, что привлеченные на соборъ дворяне были преимущественно тѣ лица, которыя были командирами дворянскихъ полковъ и сотенъ, начальствующими лицами, исполнявшими военныя и гражданскія порученія правительства. А такъ какъ и изъ среды торговопромышленнаго класса были привлечены преимущественно тѣ лица, изъ среды которыхъ рекрутировались финансовые агенты правительства—различные таможенные, кабацкіе и другіе головы (подъ «смольнянами» изслѣдователи разумѣютъ московскихъ же купцовъ, ведшихъ торговлю съ западомъ черезъ Смоленскъ), то и соборъ 1566 года представляется совѣщаніемъ правительства съ своими собственными агентами, явившимися на соборъ по своему общественному и государственному положенію, но отнюдь не по довѣрію и выбору избирателей. В. О. Ключевскій

распространяетъ этотъ выводъ и на послѣдующіе соборы XVI вѣка—1584 и 1598 года, хотя этому противорѣчитъ избирательное значеніе этихъ соборовъ и упоминаніе о выборныхъ дворянахъ изъ городовъ на соборъ 1598 года. Само собою разумѣется, что еще съ меньшею увѣренностью можно распространить эти выводы на соборы 1550 и 1551 годовъ, составъ которыхъ смутно намѣчается въ источникахъ.

Но если начало выборнаго представительства и было совершенно чуждо организаціи земскихъ соборовъ XVI вѣка, все же земскій соборъ по понятіямъ того времени представляетъ собою землю, государство; отсюда и наименованіе его *вселенскимъ*. Это представительство осуществлялось не уполномоченными общества, а его высшими классами, правящими кругами, изъ среды которыхъ преимущественно набирались должностныя лица какъ по центральному, такъ и по мѣстному управленію.

Успѣхи въ развитіи государственнаго начала.—Такъ преобразился правительственный строй удѣльнаго Московскаго княжества послѣ того, какъ оно превратилось въ великорусское Московское государство. Въ исторической литературѣ иногда отмѣчается, что до самаго смутнаго времени Московское государство въ существѣ своемъ оставалось вотчиною своихъ государей, не было еще государствомъ въ настоящемъ смыслѣ этого слова. Но если принять во вниманіе, какіе успѣхи сдѣлала государственная идея уже при Грозномъ, успѣхи, выразившіеся въ появленіи идеи «земщины»,—какъ противоположности, «опричнинѣ», княжескому удѣлу, въ появленіи представленія, что государственное дѣло не личное только дѣло государя, а дѣло земское, которое надо дѣлать сообща по общему «земскому» совѣту, если примемъ во вниманіе появленіе земскаго собора и другихъ учрежденій, возникшихъ спеціально для обезпеченія интересовъ общества, какъ губныя и земскія учрежденія, то едва ли можемъ безъ оговорокъ принять положеніе, что Московское государство XVI в. было только вотчиною потомковъ Калиты. Отдѣльныхъ чертъ и красокъ удѣльной эпохи нельзя въ немъ отрицать, но въ существѣ своемъ Московское княжество превратилось въ политическую организацію уже иного, не вотчиннаго типа. Эта организація вышла недодѣланною, своеобразною, содержащею въ себѣ внутреннія противорѣчія, но при всемъ томъ несомнѣнно государственною.

Пособія:

М. Ф. Владимірскій-Будановъ, Обзоръ исторіи русскаго права. Послѣднее изданіе.

А. Н. Филипповъ, Учебникъ исторіи русскаго права. Юрьевъ. 1912. Изд. 4-е.

М. Дьяконовъ, Очерки общественнаго и государственнаго строя древней Руси. Изд. 4-е СПБ. 1912.

В. О. Ключевскій, Боярская дума древней Руси. Изд. 4. Москва 1909. Опыты и изслѣдованія. Москва 1912 г.

С. Б. Веселовскій, Приказный строй управленія Московскаго государства (Русская исторія въ очеркахъ и статьяхъ, подъ редакціею проф. М. В. Довнаръ-Запольскаго, т. III.)

Б. Н. Чичеринъ, Областныя учрежденія Россіи въ XVII в. Москва 1856.

И. Н. Дитятинъ, Статьи по исторіи русскаго права. Спб. 1896 г.

М. Н. Покровскій. Мѣстное самоуправленіе древней Россіи. (Мелкая земская единица. Спб. 1905).

С. Ѳ. Платоновъ, Статьи по русской исторіи. Спб. 1903.—Московскіе земскіе соборы въ книгѣ «Москва въ ея прошломъ и настоящемъ», ч. II.

XXIV.

Культурное развитіе Московской Руси XVI вѣка.

Политическое объединеніе Великой Руси и одновременное освобожденіе ея отъ татарскаго ига не могли не сказаться извѣстнымъ образомъ на культурномъ ея развитіи какъ матеріальномъ, такъ и духовномъ.

Подъемъ потребностей государя и Государства.—Съ низверженіемъ татарскаго ига значительная часть матеріальныхъ рессурсовъ, которая прежде уходила въ Орду, стала оставаться въ странѣ и поступила въ распоряженіе Московскаго государя и его ближайшихъ слугъ. Средства Московскаго государя и независимо отъ этого выросли отъ пріобрѣтенія новыхъ территорій, изъ которыхъ нѣкоторыя обладали крупными естественными богатствами. Всѣ эти увеличившіяся средства стали итти на удовлетвореніе новыхъ потребностей, вызванныхъ какъ возвышеніемъ самаго значенія великаго князя Московскаго, такъ и объединеніемъ Великой Руси въ одно государство. Выше было отмѣчено развитіе пышности, роскоши при дворѣ Московскаго государя и въ быту боярскаго, правительственнаго класса. Но еще болѣе средствъ, конечно, должна была поглощать оборона огромнаго государства, содержаніе и снабженіе вооруженныхъ силъ и крѣпостей.

Иноземный ввозъ и иноземные мастера въ Москвѣ.—Потребности двора, высшаго класса и казны въ значительной мѣрѣ обслуживались, какъ и въ удѣльное время, привозомъ необходимыхъ предметовъ изъ-за границы. Русскіе купцы, ѣздившіе въ Кафу, Азовъ и даже Царьградъ, греки, пріѣзжавшіе оттуда въ Москву, привозили разные пред-

меты роскоши—шелкъ, сученое золото, шелковыя и шерстяныя матеріи, ковры, кисею, кушаки, сафьянъ, гребни, ожерелья, драгоцѣнные камни, жемчугъ, ладанъ, мускусъ, мыло и т. д., вина, сласти и пряности—грецкіе орѣхи, миндаль, перецъ, инбирь, шафранъ, и, наконецъ,—разные москательные товары,—краски, камфору и т. подобн. Съ востока вывозилось также и нѣкоторое оружіе—сабли, сагайдаки. Нѣмецкіе купцы, пріѣзжавшіе въ Новгородъ, московскіе купцы, ѣздившіе въ Литву и Ливонію и другія западныя страны, привозили также дорогія ткани—сукна, шерстяныя и шелковыя матеріи, вина, плоды и пряности, а также еще металлы и минералы—серебро, олово, мѣдь, свинецъ, сѣру и разныя желѣзныя издѣлія. Англичане, которые завели торговлю съ Москвою черезъ Архангельскъ, и затѣмъ голландцы ввозили въ Московское государство дорогія сукна, тонкія полотна, колоніальные товары.

Не довольствуясь, однако, иноземнымъ привозомъ, московское правительство стало принимать мѣры къ тому, чтобы доставать у себя нѣкоторые изъ предметовъ иноземнаго провоза, особливо металлы. Иванъ III, посылая къ цесарскому двору Юрія Траханіота, наказывалъ ему отыскать въ цесарской землѣ и нанять на службу рудника, который руду знаетъ золотую и серебряную, да другого мастера, который умѣетъ отъ земли отдѣлять золото и серебро; рудознатцевъ просилъ Иванъ III и у Венгерскаго короля Матвѣя. Кое-что удалось достигнуть по этой части и на дѣлѣ. Въ 1491 году нѣмцы Иванъ да Викторъ нашли мѣдную руду и серебряную на рѣкѣ Цымнѣ за полднища отъ р. Космы и за семь днищъ отъ р. Печоры. Но какихъ-нибудь значительныхъ результатовъ эти поиски не дали, и Московскому государству приходилось довольствоваться все-таки главнымъ образомъ привозными металлами.

Матеріалы и вещества, привозимыя съ запада и востока, превращались въ издѣлія работою собственныхъ, доморощенныхъ мастеровъ. Мастерства разныя, какъ было уже указано, не переводились у насъ на Руси и въ татарскую эпоху. Но въ XVI вѣкѣ въ московское правительство уже не удовлетворялось одною ихъ работой и искало болѣе искусныхъ техниковъ заграницей. Вышеупомянутому Юрію Траханіоту было наказано добывать между прочимъ хитраго серебрянаго мастера, который умѣлъ бы большіе сосуды дѣлать и кубки чеканить и писать на сосудахъ. У Венгерскаго короля Матвѣя Иванъ просилъ, кромѣ рудознатцевъ, архитекторовъ, серебряныхъ мастеровъ, пушечныхъ литейщиковъ. Въ 1490 году великокняжескіе послы привезли въ Москву лѣкаря, мастеровъ стѣнныхъ и палатныхъ, пушечныхъ, серебряныхъ и даже органнаго игреца; въ 1494 году послы, ѣздившіе въ Венецію и Миланъ, привезли въ Москву Алевиза, стѣнного мастера и палатнаго, и Петра пушечника; подъ 1504 годомъ встрѣчаемъ извѣстіе о привозѣ послами новой партіи мастеровъ изъ Италіи. Иноземными мастерами чрезвычайно дорожилъ царь Иванъ Васильевичъ. Въ 1556 году онъ посылалъ въ Новгородъ дѣтямъ боярскимъ приказъ,

чтобы они отправляли въ Москву всѣхъ плѣнныхъ нѣмцевъ, умѣющихъ дѣлать руду серебряную, серебряное, золотое, мѣдное, оловянное и всякое дѣло. Эти ливонскіе плѣнники, какъ извѣстно, и составили первое населеніе такъ называемой Нѣмецкой слободы въ Москвѣ при устьѣ Яузы. Въ 1567 году выѣхали въ Москву изъ Англіи докторъ, аптекарь, инженеръ съ помощникомъ, золотыхъ дѣлъ мастеръ, пробиреръ и другіе мастера. Приливъ этихъ мастеровъ несомнѣнно поднялъ уровень техническихъ знаній въ Московскомъ государствѣ, ибо русскіе люди учились у этихъ иноземцевъ, перенимали ихъ «хитрости». Услугами иноземцевъ московское правительство стало пользоваться между прочимъ и въ удовлетвореніи своихъ военныхъ нуждъ. Извѣстный архитекторъ Аристотель Фіоравенти не только строилъ въ Москвѣ церкви, но и лилъ пушки; кромѣ него этимъ дѣломъ же занимался итальянецъ Павлинъ Дебосисъ, который въ 1488 году отлилъ большую пушку, Петръ пушечникъ и др. Наконецъ, иноземные, преимущественно итальянскіе мастера, какъ мы уже видѣли, принимали самое дѣятельное участіе въ украшеніи столицы Московскаго государя новыми каменными храмами, палатами, стѣнами и башнями.

Зодчество.—Главная заслуга иноземныхъ мастеровъ состояла въ усовершенствованіи техники строительнаго искусства. Техника эта, какъ уже говорилось въ своемъ мѣстѣ, была очень слаба. Иванъ III, задумавъ перестроить соборъ Успенія Богородицы, выстроенный Калитою и грозившій паденіемъ, поручилъ было это дѣло московскимъ мастерамъ Кривцову и Мышкину. Разрушивъ старую постройку, они въ 1472 году приступили къ сооруженію новаго храма по образцу Владимирскаго Успенскаго собора. Но лишь только дошли они до сводовъ, какъ часть постройки рухнула. Псковскіе мастера показали, что плохъ былъ цементъ. Тогда Иванъ III поручилъ постройку собора Аристотелю Фіоравенти, который и закончилъ ее благополучно въ 1479 году. Такъ какъ и ему было предписано взять за образецъ Владимирскій Успенскій соборъ, то въ общемъ онъ придерживался владимирскаго типа, хотя и сдѣлалъ нѣкоторыя отступленія отъ него, а именно: удлиннилъ планъ, вмѣсто четырехъ опорныхъ столбовъ поставилъ шесть, изъ которыхъ четыре были круглые, вмѣсто трехъ алтарныхъ полукружій сдѣлалъ пять. Вліяніе владимирской архитектуры отразилось болѣе всего на фасадѣ собора. Мы видимъ здѣсь такой же поясъ изъ колонокъ, такіе же порталы. Но вмѣстѣ съ тѣмъ изслѣдователи отмѣчаютъ въ произведеніи Фіоравенти увлеченіе не только формами Владимирскаго Успенскаго собора, но и ранне-московскими архитектурными формами. Копируя порталы и арочный поясъ, Фіоравенти насаживаетъ «бусы» на всѣ жгуты и полуколонны; шеи главъ у него гладкія, безъ всякихъ украшеній, по образцу церкви Спаса на Бору и собора въ Звенигородѣ.

Подобно Успенскому и Архангельскій соборъ въ началѣ XVI в. оказался ветхимъ и тѣснымъ. Иванъ III велѣлъ его разобрать и поручилъ другому итальянскому архитектору Алевизу Новому выстроить новый,

болѣе обширный храмъ по образцу Успенскаго собора. Алевизъ исполнилъ это порученіе, и въ 1509 году соборъ былъ готовъ. Первоначальный фасадъ его былъ двухцвѣтный: стѣны были красныя, кирпичныя, а пилястры, карнизы и тяги—бѣлокаменные. Вся наружная орнаментовка собора—капители, арки, пилястры, наличники, выдержаны въ итальянскомъ стилѣ ранняго Возрожденія; по итальянскому же образцу выложены раковинами пустыя пространства въ полукругахъ кокошниковъ; особенностью Алевизовой постройки является также карнизъ, на которомъ стоятъ эти раковины. Этотъ карнизъ быстро завоевалъ себѣ мѣсто въ московской архитектурѣ, и съ половины XVI вѣка почти всѣ новые храмы Москвы имѣли его въ томъ или другомъ видѣ.

По образцу Успенскаго собора сооруженъ былъ и соборный храмъ въ Новодѣвичьемъ монастырѣ, основанномъ въ 1524 году по обѣту великаго князя Василія Ивановича. Вообще вліяніе Московскаго Успенскаго собора оказалось очень сильнымъ. Благодаря ему создался опредѣленный планъ соборнаго храма, котораго придерживались всюду въ XVI и XVII вв.: это большой храмъ съ шестью внутренними столбами, съ наружными карнизами, съ пятью большими луковичными главами на круглыхъ шеяхъ.

Своеобразный стиль получилъ *Благовѣщенскій соборъ*, выстроенный въ 1490 году на мѣстѣ храма, сооруженнаго Василіемъ Дмитріевичемъ. Строили Благовѣщенскій соборъ псковскіе мастера. Храмъ представляетъ квадратное зданіе съ тремя алтарными полукружіями и съ четырьмя столбами посрединѣ. Съ южной, западной и сѣверной сторонъ его окружаютъ крытыя паперти, или галлереи съ двумя крыльцами. Надъ папертями возвышаются примыкающіе къ четыремъ угламъ зданія четыре придѣла (они пристроены были позднѣе, въ 1563—64 годахъ), увѣнчанные луковичными главами на круглыхъ шеяхъ. Сверху храмъ увѣнчивается пятью луковичными главами также на круглыхъ шеяхъ, поставленными на кокошникахъ (заостренныхъ вверху и ступенчатыхъ аркахъ), по которымъ сдѣлано и самое покрытіе храма. Въ Благовѣщенскомъ соборѣ видно смѣшеніе пріемовъ, употреблявшихся во владиміро-суздальской архитектурѣ съ пріемами новгородско-псковскими и хотя еще слабую примѣсь мотивовъ деревянной архитектуры (въ употребленіи кокошниковъ).

Въ дальнѣйшемъ московская архитектура уже эмансипировалась отъ вліянія владиміро-суздальскихъ образцовъ. Какъ въ другихъ сферахъ жизни, такъ и въ искусствѣ пробудился духъ національнаго творчества, которое направилось къ разработкѣ своихъ собственныхъ, уже раньше выработанныхъ имъ самимъ формъ. При созданіи каменныхъ храмовъ источникомъ вдохновенія начинаютъ служить деревянныя церкви сѣвернаго края Руси; является стремленіе къ воспроизведенію въ кирпичѣ формъ деревяннаго зодчества, пышно расцвѣтшихъ на сѣверѣ Руси. Политическое объединеніе Великой Руси, такимъ образомъ, приводитъ къ объединенію и концентраціи духовныхъ силъ русскаго народа, которыя и разверты-

ваются во всю свою мощь прежде всего въ художественномъ творчествѣ. Московское зодчество, руководимое талантливыми мастерами и вспомоществуемое всѣми техническими средствами современнаго строительнаго искусства, пріобрѣтенными отъ итальянцевъ, создаетъ архитектурные памятники высоко-художественнаго достоинства. Первыя пробы въ новомъ направленіи относятся ко времени Василія III. Въ 1529 году великимъ княземъ и его супругою былъ выстроенъ по обѣту храмъ Усѣкновенія главы Іоанна Предтечи въ подмосковномъ селѣ Дьяковѣ. Зодчій воспользовался формой плана деревянныхъ церквей. Основной корпусъ храма представляетъ высокую восьмигранную башню съ полукруглымъ выступомъ съ востока для алтаря, окруженную четырьмя меньшими башнями, соединенными галлерейками, изъ которыхъ каждая имѣетъ въ срединѣ входъ, а по бокамъ отъ входа—открытые пролеты въ родѣ оконъ. Средняя башня увѣнчана карнизомъ, на которомъ стоятъ одинъ надъ другимъ два ряда кокошниковъ; изъ нихъ выходитъ второй меньшій восьмигранникъ, украшенный наверху квадратными углубленіями; на этомъ меньшемъ восьмигранникѣ поставленъ цилиндръ, облѣпленный восемью полукруглыми выступами, образующими собою какъ бы пукъ каменныхъ столбовъ; все заканчивается невысокою главкою. Въ такомъ же родѣ выстроены и боковыя меньшія башни.—Еще дальше пошелъ въ новомъ направленіи строитель церкви Вознесенія въ селѣ Коломенскомъ, построенной въ 1532 году. По плану своему онъ представляетъ равноконечный крестъ, безъ внутреннихъ столбцовъ. Основной корпусъ имѣетъ видъ высокой башни съ двадцатью стѣнами, увѣнчивающейся кокошниками, изъ которыхъ выростаетъ меньшая восьмигранная башня, увѣнчанная двумя кокошниками на каждой грани; восьмигранникъ покрытъ высокимъ осьмиграннымъ же шатромъ, съ небольшой башенкой наверху, заканчивающейся небольшой главкой съ крестомъ. Церковь стоитъ на подклѣти и со всѣхъ сторонъ окружена галлереей изъ каменныхъ арочекъ съ тремя крыльцами. Всѣ эти особенности взяты съ деревянныхъ церквей. Коломенская церковь приводила въ восхищеніе современниковъ.

Лѣтописецъ выразился про нее: «весьма чудна высотою и красотою, и свѣтлостію, такова не бывала прежде сего на Руси». Дьяковская и Коломенская церкви были предшественницами храма Василія Блаженнаго въ Москвѣ. Строители этой церкви—Посникъ и Барма смотрѣли на Дьяковскую и Коломенскую церкви, какъ на идею, которую они развили и усложнили въ своемъ произведеніи. Храмъ Василія Блаженнаго (Покрова Пресвятой Богородицы, что на рву) построенъ былъ царемъ Иваномъ Васильевичемъ въ память взятія Казани. Храмъ этотъ представляетъ цѣлую группу храмовъ: въ срединѣ находится главный, наибольшій по размѣрамъ, а съ боковъ его окружаютъ въ строгой симметріи восемь меньшихъ, и вся группа въ видѣ восьмиугольной звѣзды представляетъ собою стройное и художественное цѣлое.—Надо сказать, что нынѣшній видъ храма нѣсколько не соотвѣтствуетъ древнему его виду. Прежде всѣ главы, и особенно

средній шатеръ поднимался выше, отчего вся группа получала большее стремленіе вверхъ; средній шатеръ окруженъ былъ, наподобіе средней главы Дьяковской церкви, цилиндрическими выступами, теперь не существующими; крыльца не имѣли шатровъ; крытъ соборъ былъ черепицею; средній шатеръ отдѣланъ былъ разноцвѣтными изразцами съ такими же шарами. Въ нижнемъ этажѣ храмовъ не было; здѣсь были кладовыя для храненія цѣннаго имущества прихожанъ. Храмъ Василія Блаженнаго остался единственнымъ, образцомъ неподражаемымъ. Но мотивы деревянной архитектуры выразились во многихъ каменныхъ храмахъ, построенныхъ въ XVI и первой половинѣ XVII вѣковъ.

Живопись.—Новыя церкви, которыя строились иноземными и русскими зодчими, расписывались и снабжались иконами большею частью русскими мастерами. Такъ, въ 1481 году иконописцы Діонисій, попъ Тимофей, Ярецъ и Коня, «написали деисусъ съ праздники и пророки вельми чюденъ въ новую церковь Пречистыя Богородицы соборпыя въ Москвѣ»; въ 1488 году мастеръ Долматъ иконникъ подписывалъ церковь Срѣтенія на посадѣ; въ 1514—1515 годахъ новгородскіе, повидимому, мастера украсили фресками Успенскій соборъ въ Москвѣ. Послѣ большого Московскаго пожара, когда обгорѣли многія церкви, царь послалъ за иконами въ другіе города, вызвалъ новгородскихъ и псковскихъ иконниковъ и велѣлъ имъ снять копіи; псковскіе мастера отпросились домой написали тамъ копіи съ мѣстныхъ иконъ. Такъ, Москва и въ области иконографіи сконцентрировала въ себѣ все, что тогда было лучшаго на Руси,—какъ художественные образцы, такъ и художественныя силы. Московское иконное письмо въ общемъ воспроизводило манеру и традиціи стараго русскаго искусства, развившагося подъ византійскимъ вліяніемъ. Но въ XVI вѣкѣ можно замѣтить въ немъ уже реалистическія черты, навѣянныя западнымъ, итальянскимъ вліяніемъ. Этотъ «фряжскій» стиль, отличающійся стремленіемъ къ природѣ, обнаруживающій знакомство съ анатоміей человѣческаго тѣла, замѣтенъ въ работахъ даже нѣкоторыхъ псковскихъ мастеровъ (въ картинѣ «Во гробѣ плотски»), но въ особенности во фрескахъ Благовѣщенскаго собора, открытыхъ въ 1884 году академикомъ Фартусовымъ.

Кромѣ церковной живописи, въ Москвѣ въ XVI в. развивается свѣтская, палатная живопись эмблематическаго характера. Эмблематическою живописью изукрашены были царскія палаты—Грановитая, Золотая, Расправная, Отвѣтная и т. д. Здѣсь между прочимъ изображены были День и Ночь, лица четырехъ Вѣтровъ, Любовь со Стрѣлкомъ, олицетворенія добродѣтелей—мужества, разума, цѣломудрія, правды и противоположныхъ имъ пороковъ, изображены ангелъ Страха Божія, ангелъ, держащій Солнце, Господь въ видѣ ангела, держащаго зерцало и мечъ и т. д. Наконецъ, необходимо отмѣтить успѣхи живописи исторической, проявившіеся особенно въ роскошныхъ миніатюрахъ, которыми украшена Царственная книга.

Образованность.—Жалобы на недостатокъ грамотныхъ, образован-

ныхъ людей, которыя раздавались въ концѣ удѣльной эпохи, повторялись и въ XVI вѣкѣ. На церковномъ соборѣ 1551 года было заявлено, что кандидаты на священство и дьяконство «грамотѣ мало умѣютъ», а на вопросъ архіереевъ объясняютъ: «мы де учимся у своихъ отцовъ и у своихъ мастеровъ, а индѣ де намъ учиться негдѣ; сколько отцы наши и мастера умѣютъ, столько и насъ учатъ». Но при всемъ томъ нельзя не замѣтить подъема образованности въ Московской Руси по сравненію съ удѣльною эпохою. Про Московскихъ государей XVI вѣка уже нельзя сказать, что они были люди неученые; царь Иванъ Васильевичъ для своего времени былъ даже начитаннымъ, образованнымъ и развитымъ человѣкомъ. При немъ стали посылать въ чужія страны молодыхъ людей «для науки разныхъ языковъ и грамотамъ». Борисъ Годуновъ настолько уже цѣнилъ образованіе, что задумалъ основать въ Москвѣ нѣчто въ родѣ университета съ преподаваніемъ иностранныхъ языковъ и учителями иностранцами, и только опасеніе духовенства, какъ бы отъ того не произошло поврежденіе въ вѣрѣ, помѣшало Годунову осуществить свой планъ. Новая система управленія—приказная, бюрократическая требовала множества грамотныхъ чиновниковъ, людей письменныхъ, и въ концѣ концовъ, создался въ государствѣ значительный ихъ контингентъ. Среди нихъ въ Москвѣ были лица, знавшія иностранные языки, толмачи языковъ греческаго, латинскаго, нѣмецкаго и польскаго, служившіе при Посольскомъ приказѣ. Но и среди служилой знати было уже не мало грамотныхъ образованныхъ людей. Изслѣдователями отмѣчено, что на грамотѣ объ избраніи Бориса Годунова на царство около 80% придворной знати приложили свои руки. Много грамотныхъ было среди купечества; меньше было—среди посадскихъ людей, крестьянъ, стрѣльцовъ, пушкарей, холоповъ, но все-таки были; въ XVI вѣкѣ почти во вскомъ населенномъ пунктѣ были грамотные люди. Грамотность вызывалась требованіями практической жизни, которая съ объединеніемъ Руси приняла новый масштабъ, отличный отъ эпохи удѣльной замкнутости, тѣсныхъ отношеній, мелкихъ домашнихъ интересовъ. Грамотность стала нужна всѣмъ—и правящему классу, который долженъ былъ отказаться отъ патріархальныхъ пріемовъ управленія, вести всему точный учетъ и подсчетъ, облекать свои акты въ письменную форму, и торговопромышленному классу, который производилъ свои операціи въ усиленныхъ размѣрахъ и привлеченъ былъ правительствомъ къ сотрудничеству въ управленіи финансами, и мірскимъ людямъ, крестьянамъ, получившимъ самоуправленіе подъ контролемъ центральной власти. При такихъ условіяхъ грамотность, извѣстная образованность должна была развиваться незримо для наблюдателя, и даже не зависимо отъ тѣхъ училищъ, которыя заводилъ архіепископъ Новгородскій Геннадій и должны были заводить церковнослужители на основаніи опредѣленія собора 1551 года.

Подъемъ національнаго чувства.—Политическое объединеніе Руси, создавъ новую жизненную обстановку, выдвинувъ новыя жизненныя задачи,

повысило весь строй чувствованій и идей русскаго общества, особенно верхнихъ его слоевъ.

Здѣсь на первомъ планѣ надо отмѣтить извѣстный подъемъ національнаго чувства. Пока Русь была разбита на множество мелкихъ княжествъ, пока правители и правящій классъ всецѣло поглощены были мелкими житейскими дѣлами, заботами и помыслами, пока царила на Руси удѣльная обособленность и удѣльный эгоизмъ князей и управляемыхъ ими обществъ, не было и источника, который питалъ бы національное чувство. Это чувство почти совершенно заглохло и изсякло.

Оно едва теплилось въ высшей церковной іерархіи, которая почти только одна и помнила о всей русской землѣ, объ ея общихъ интересахъ и задачахъ, напоминая объ нихъ иногда и великому князю всея Руси и его окружающимъ. Внѣ этого тѣснаго круга русское національное чувство стало пробуждаться съ успѣхами объединенія Руси подъ властью Москвы. Сильный толчекъ ему данъ былъ Куликовской битвой. Послѣ того какъ на Куликово поле выступила подъ знаменемъ Москвы почти вся Русь и одержала надъ татарами блестящую побѣду, у русскаго общества открылись глаза на то, что есть русская земля, есть православные русскіе христіане, естественные братья и союзники противъ безбожныхъ, поганыхъ татаръ. Это національное прозрѣніе выразилось довольно ярко въ сказаніяхъ о Куликовской битвѣ, въ тѣхъ реторическихъ прикрасахъ, и изліяніяхъ, которыми сдобрены сказанія о Куликовской битвѣ. Нѣкоторыя изъ этихъ сказаній явились даже перепѣвами старинной національной поэмы—«Слова о полку Игоревѣ». Пробудившееся чувство не уснуло, несмотря на послѣдующія усобицы и пораженія, но все болѣе и болѣе крѣпло и возростало. Къ концу XV вѣка оно уже настолько выросло, что стало опредѣляющимъ мотивомъ внутренней и внѣшней политики. Этимъ чувствомъ насквозь проникнуты были Иванъ III и Василій III, уничтожавшіе удѣлы для объединенія силъ Руси противъ внѣшнихъ враговъ, ведшіе продолжительную и напряженную борьбу ради присоединенія православныхъ русскихъ земель, находившихся подъ иновѣрнымъ литовскимъ владычествомъ. Этимъ же національнымъ чувствомъ одушевлено было несомнѣнно и московское боярство, и духовенство, вся тогдашняя интеллигенція.

Общерусскіе лѣтописные своды и хронографы.—Характернымъ выраженіемъ этого факта является измѣненіе въ русскомъ лѣтописномъ творчествѣ въ XV и XVI вѣкахъ. Мѣстныя лѣтописи, ведшіяся въ XIII и XIV вѣкахъ, въ XV и XVI вѣкахъ все болѣе и болѣе замѣняются общерусскими лѣтописными сводами. Было уже сказано о появленіи въ XV вѣкѣ такъ называемаго Владимирскаго полихрона (около 1423 года). Во второй половинѣ XV и первой половинѣ XVI вѣка возникло нѣсколько передѣлокъ и продолженій этого «Полихрона», составившихъ теперь лѣтописи Софійскія (первую и вторую), Воскресенскую и Никоновскую. Всѣ эти лѣтописные своды трактуютъ уже Русскую землю, какъ единую, проникнуты на-

сквозь идеями ея національнаго, политическаго и религіознаго единства. Тѣ же тенденціи можно подмѣтить въ извѣстной степени и въ первомъ русскомъ хронографѣ, и въ такъ называемой «Степенной книгѣ», первой систематической исторіи русской государственности, гдѣ событія излагаются по родословнымъ «степенямъ» правителей, начиная съ Владиміра. Въ основѣ ея лежитъ «Сказаніе о князьяхъ Владимірскихъ» съ его легендою о присылкѣ Владимиру Мономаху царскаго вѣнца и бармъ Византійскимъ императоромъ Константиномъ, съ генеалогіею русскихъ князей отъ Августа Кесаря и т. д. Книга насквозь проникнута стремленіемъ къ оправданію и возвеличенію политики великихъ князей Московскихъ. Первая редакція ея составлена, повидимому, еще въ XV вѣкѣ, а вторая, болѣе полная, въ царствованіе Грознаго митрополитомъ Макаріемъ. Къ тому же времени относится составленіе грандіозной исторической энциклопедіи съ множествомъ иллюстрацій въ XI томахъ, извѣстной подъ именемъ «Царственной книги». Это произведеніе является дальнѣйшимъ развитіемъ хронографа.

Идея «святой Руси» и ея критика раціоналистическая и ученая; ересь жидовствующихъ.—Національная русская идея получила, какъ уже сказано, религіозную окраску. Въ сознаніи русскихъ людей конца XV и начала XVI вѣка выросла не простая Русь, а Русь «святая». Послѣ заключенія греческою церковью уніи съ латинскою, послѣ завоеванія Константинополя турками Русская земля въ глазахъ русскихъ людей стала единственною хранительницею истиннаго ортодоксальнаго христіанства, единственнымъ сосудомъ спасительнаго христіанскаго благочестія. Эта идея «святой» Руси нашла себѣ наиболѣе яркое выраженіе и разработку въ посланіяхъ псковскаго инока Филоѳея къ дьяку Мисюрю Мунехину, «къ нѣкоему вельможѣ, въ міру живущему, къ в. кн. Василію Ивановичу и къ царю Ивану Васильевичу Грозному». Но идея эта проникла въ сознаніе мыслящаго русскаго общества XVI вѣка и укрѣпилась въ немъ не безъ борьбы, не безъ препятствій. Въ самомъ концѣ XV вѣка и въ началѣ XVI-го ей суждено было выдержать довольно сильный натискъ раціоналистической критики отъ такъ называемыхъ «жидовствующихъ».

Ересь жидовствующихъ возникла въ Новгородѣ, на почвѣ, уже подготовленной стригольниками. Возбудителемъ этого движенія былъ жидъ Схарія, прибывшій въ Новгородъ въ 1470 году съ литовскимъ княземъ Михаиломъ Олельковичемъ. Прибывъ въ Новгородъ, Схарія началъ вести бесѣды съ нѣкоторыми новгородскими священниками и міряна̀ми на богословскія темы. По словамъ преп. Іосифа Волоколамскаго, Схарія представлялъ такіе аргументы противъ христіанства: 1) какъ возможно представить и допустить, чтобы самъ Богъ сошелъ на землю и воплотился? 2) Ветхій Завѣтъ говоритъ, что Богъ есть единъ. Какъ же можно принимать Новый Завѣтъ, который говоритъ, что онъ троиченъ? 3) Апостолы писали, что Христосъ родился въ послѣдняя лѣта, а между тѣмъ второго пришествія и до сихъ поръ нѣтъ: не ясно ли, что ихъ писанія ложны?

4) Ефремъ Сиринъ говоритъ въ своихъ писаніяхъ: «се уже Господь нашъ Іисусъ Христосъ грядетъ судити живымъ и мертвымъ и се конецъ приспѣ»; а между тѣмъ послѣ его смерти прошло уже около тысячи лѣтъ: не ясно ли, что этотъ уважаемый христіанами ихъ писатель, отъ котораго можно заключить и къ другимъ писателямъ, ошибался и говорилъ неправду». Эти аргументы произвели неотразимое дѣйствіе на одного священника *Діонисія* который привелъ къ Схаріи и другого священника *Алексѣя*. Діонисій и Алексѣй не только сами обратились въ «жидовство», но и совратили своихъ женъ и дѣтей. Они хотѣли было обрѣзаться, но Сахрія самъ испугался результата своихъ бесѣдъ и посовѣтовалъ имъ, чтобы они оставались наружно христіанами. Изъ этого можно заключить, что едва ли Схарія имѣлъ какія-либо опредѣленныя намѣренія относительно совращенія христіанъ въ іудейство. Онъ скоро исчезъ съ горизонта, но посѣянныя имъ сѣмена взошли и дали свой плодъ. Необходимо замѣтить, что не одними критическими аргументами привлекъ къ себѣ онъ русскихъ послѣдователей. Преп. Іосифъ говоритъ, что онъ былъ «изученъ чародѣйству же и чернокнижію, звѣздозаконію же и астрологіи». Поэтому и послѣдователи его не только криво толковали нѣкоторыя «главизны» Божественнаго писанія, но и «баснословіа нѣкая и звѣздозаконія учаху и по звѣздамъ смотрѣти и строити роженіе и житіе человѣческое, а божественное писаніе презирати, яко ничто же суще и непотребно суще человѣкомъ».

Алексѣй и Діонисій успѣли совратить въ новую вѣру многихъ изъ священниковъ, діаконовъ и дьяковъ и простыхъ людей въ Новгородѣ. Когда въ 1479 году великій князь Иванъ Васильевичъ былъ въ Новгородѣ, ему очень понравились Алексѣй и Діонисій, онъ перевелъ ихъ въ Москву—одного протопопомъ Успенскаго собора, другого попомъ Архангельскаго. Въ Москвѣ Алексѣй и Діонисій преклонили къ своимъ идеямъ архимандрита Симоновскаго монастыря Зосиму, думнаго дьяка Ѳедора Курицына, дьячковъ Истому и Сверчка, купца Кленова, невѣстку великаго князя Елену и другихъ. Не всѣ послѣдователи ихъ въ одинаковой степени прониклись ихъ идеями. По свидѣтельству препод. Іосифа Волоколамскаго, обличавшаго ихъ въ своемъ «Просвѣтителѣ», простѣйшіе обращались въ жидовство, т.-е. отвергали божественность Христа, считали его простымъ пророкомъ, а не Мессіею, который еще не приходилъ, но придетъ. Другіе же, если и не отступали въ жидовство, то научились писанія Божественныя укорять, «и на торжищѣхъ и въ домѣхъ о вѣрѣ любопрѣніе творяху и сымнѣніе имѣяху»,—отрицали необходимость внѣшней, видимой церкви, иконопочитаніе и поклоненіе мощамъ, монашество, обряды и посты. По свидѣтельству Геннадія, епископа Новгородскаго, и Іосифа эти религіозные вольнодумцы ругались надъ иконами и крестами, упивались и объѣдались и сквернились блудомъ.

Церковь и государство жестоко расправились съ заводчиками и выдающимися послѣдователями секты жидовствующихъ. По постановленію

собора 1504 года сожжены были главные московскіе еретики. Кромѣ наказаній еретиковъ, изданы были полемическія сочиненія противъ іудейства. Посольскій толмачъ *Дмитрій Герасимовъ Малый* перевелъ «Магистра Николая Лира прекраснѣйшія сказанія, іудейское безвѣріе въ православной вѣрѣ похуляющи» (это полемическій трактатъ Николая Де Лира, францисканца, профессора париж. университета, умеръ въ 1340 г.). Николай Нѣмчинъ перевелъ «Учителя Самоила Евреина на богоотметные жидове обличительно пророческими рѣчьми» (Самуилъ, марокскій еврей, обратившійся въ христіанство въ 1085 году). Наконецъ, препод. Іосифъ Волоколамскій написалъ противъ жидовствующихъ свой «Просвѣтитель».

Но выдержавъ аттаку раціоналистической критики, идея «святой Руси» вслѣдъ затѣмъ подверглась нападкамъ ученой критики. Нѣкоторые греки, остававшіеся при великомъ князѣ Василіи III послѣ его матери Софіи Ѳоминишны, стали указывать государю, что славянскія богослужебныя книги исполнены еретическихъ погрѣшностей. Великій князь обратился къ ученому греку Максиму, котораго онъ вызвалъ для перевода Толковой Псалтири. Максимъ подтвердилъ это и получилъ порученіе отъ великаго князя исправить эти богослужебныя книги. Максимъ не только исправилъ Часословецъ, Псалтырь, Евангеліе, Апостолъ и Тріодь Цвѣтную, но и написалъ нѣкоторые трактаты, которые должны были больно уязвить русское общество, проникшееся религіозно-національнымъ самомнѣніемъ. Онъ выступилъ съ протестомъ противъ распространенной въ Москвѣ мысли о томъ, что истинное православіе сохранилось только на Руси, что греческая церковь поколебалась въ истинной вѣрѣ, что русскимъ митрополитамъ не зачѣмъ ѣздить на поставленіе въ Царьградъ. «Священные каноны, къ соблюденію которыхъ архіереи обязуются своимъ рукописаніемъ,—писалъ Максимъ,—нигдѣ не учатъ, чтобы отлучаться имъ отъ своего патріарха, доколѣ этотъ православно предстоитъ святой Божіей церкви; если въ Константинополѣ вмѣсто православныхъ царей невѣрные мучители, то первенствующая церковь отъ вознесенія Спасителя и до Константина Великаго находилась въ такомъ же положеніи и не только не осквернялась властью нечестивыхъ, но и сіяла посреди нечестія, какъ солнце. Священство больше земнаго царства, и если въ Константинополѣ не стало земныхъ православно-христіанскихъ царей, то духовно-царствующій—патріархъ остается неотриновеннымъ отъ руки Божіей благодати и сохраняется этою благодатію среди нечестивыхъ во всякомъ православіи». Русскіе люди, присвоившіе уже себѣ монополію святости, не особенно благосклонно должны были выслушивать подобныя рѣчи. Ихъ раздражали даже и тѣ исправленія, которыя вносилъ Максимъ въ ихъ богослужебныя книги. Они говорили ему: «велію, о человѣче, досаду тѣмъ дѣломъ прилагаешь возсіявшимъ въ нашей землѣ преподобнымъ чудотворцомъ: они бо сицевыми священными книгами благоугодиша Богови и живуще, и по преставленіихъ отъ Него прославишася святынею и всякихъ чудесъ дѣйствомъ».

Кончилось дѣло тѣмъ, что Максима привлекли къ суду духовнаго собора за разныя его еретическія и уголовно-политическія дѣянія. Ему поставили въ вину разныя неудачныя исправленія, допущенныя имъ по недостаточному знанію церковно-славянскаго языка, напр.: «взыде на небеса и сѣдѣвъ (вм. сѣде, ἐκάθισεν) одесную Бога Отца, нестрашно Божество» (вм. безстратно Божество); «аще кто нарицаетъ (вм. не нарицаетъ), Пречистую Богородицу Дѣву Марію, да будетъ проклятъ» и т. д. Максимъ былъ осужденъ и посаженъ въ заключеніе, гдѣ и провелъ болѣе двадцати лѣтъ.

Канонизація русскихъ святыхъ.—Такъ вновь восторжествовала идея, «святой Руси». Мы видѣли, что русскіе люди въ своихъ пререканіяхъ съ Максимомъ грекомъ указывали ему, какъ на доказательство національной святости, на существованіе множества святыхъ въ русской церкви, прославившихся при жизни и по смерти своими чудесами. Но значительная часть этихъ свѣтильниковъ русской церкви и ея молитвенниковъ оставались еще не прославленными церковью, не канонизованными. Другая часть почиталась въ отдѣльныхъ только мѣстностяхъ, но не во всей Русской землѣ. До 1547 года было канонизировано 68 святыхъ, изъ нихъ лишь только семь, въ качествѣ святыхъ всей русской земли (Св. Борисъ и Глѣбъ, Ѳеодосій Печерскій, мит. Петръ и Алексій, Сергій Радонежскій и Кириллъ Бѣлозерскій). Передъ самымъ соборомъ 1547 года было причислено къ лику святыхъ всей русской церкви еще 15 святыхъ. Около 46 святыхъ оставались до 1547 года мѣстно-чтимыми. Политическое объединеніе Руси и пробудившееся національное чувство въ связи съ идеею «святой Руси» вызвали потребность въ объединеніи и украшеніи русскаго неба сонмомъ всѣхъ святыхъ. Этой потребности удовлетворилъ митрополитъ Макарій. На соборахъ 1547 и 1549 годовъ онъ провозгласилъ общерусскими святыми двадцать два мѣстно-чтимыхъ святыхъ и восемь угодниковъ, которые оставались еще не прославленными, такъ что количество общерусскихъ святыхъ увеличилось болѣе, чѣмъ вдвое. Послѣ этихъ соборовъ было канонизовано при митрополитѣ Макаріи еще шесть новыхъ святыхъ. Такъ какъ нѣкоторые изъ канонизованныхъ святыхъ вовсе не имѣли житій или же имѣли неисправныя, митрополитъ Макарій распорядился, чтобы житія были составлены вновь. Такихъ житій насчитывается до 10.

Великія Четьи-Минеи митрополита Макарія.—Русь въ сознаніи своихъ сыновъ XVI вѣка стала сосудомъ истиннаго благочестія, сокровищницею истиннаго христіанства. Въ ней хранились въ полнотѣ церковныя преданія, наставленія и правила, въ ней обращались всѣ святыя книги. Но чтобы не растерять эти сокровища, надо было такъ или иначе привести ихъ въ извѣстность, совокупить воедино. Объединеніе Руси должно было совершиться и въ этой духовно-религіозной сферѣ. За это дѣло взялся тотъ же самый митрополитъ Макарій. Еще въ бытность свою архіепископомъ Новгородскимъ Макарій задался цѣлью собрать «всѣ чтимыя книги, яже въ Русской Землѣ обрѣтаются». Двѣнадцать лѣтъ, по его словамъ, трудился

онъ надъ этимъ дѣломъ, «многимъ имѣньемъ и многими различными писари, не щадя сребра и всякихъ почестей». Въ числѣ его сотрудниковъ по собиранію и составленію житій русскихъ святыхъ были дьякъ Дмитрій Герасимовъ Толмачевъ и боярскій сынъ Василій Михайловичъ Тучковъ. Плодомъ его трудовъ, которые онъ продолжалъ и въ Москвѣ, уже будучи митрополитомъ, были 12 фоліантовъ Великихъ Четьихъ-Миней. Въ нихъ Макарій помѣстилъ не только краткія (проложныя) и пространныя (минейныя) сказанія о праздникахъ и житія святыхъ, но и всѣ существовавшія на дни слова и всѣ принадлежавшія даннымъ святымъ творенія, какія могъ найти; въ концѣ каждаго мѣсяца имъ помѣщены церковно-учительныя сочиненія писателей не святыхъ и безыменныя. Число вновь составленныхъ житій русскихъ святыхъ доходитъ въ Минеяхъ до 60. Макарій окончательно утвердилъ въ нашей агіографической письменности то направленіе, которое возникло еще въ XIV вѣкѣ, когда слагатели житій на первый планъ стали выдвигать нравственное назиданіе читателю, простоту изложенія стали замѣнять витіеватымъ сплетеніемъ словесъ, народный и русскій языкъ церковно-славянскимъ, краткія молитвы святому похвальными словами въ честь его и описаніями чудесъ, совершившихся отъ него по смерти.

Въ исторіи закрѣпленія религіозно-національной русской идеи сыгралъ извѣстную роль и церковный соборъ 1551 года. На немъ узаконены были различныя мѣстныя особенности русской церкви, какъ непреложныя истины православія, напр. о сложеніи двою перстовъ, о сугубой аллилуѣ и т. д. Соборъ далъ довольно полное уложеніе, коимъ устранялись различные непорядки и злоупотребленія въ церковной практикѣ, но вмѣстѣ съ тѣмъ утверждалось и санкціонировалось то, что считалось уставомъ преданіемъ русской церкви.

Вліяніе протестантизма; ереси Матвѣя Башкина и Ѳеодосія Косого.— На ряду съ этимъ господствующимъ теченіемъ въ духовной жизни русскаго общества на поверхность ея выбивались струи, которыя шли въ разрѣзъ съ нимъ и производили какъ бы водовороты въ сознаніи русскаго общества. Къ такимъ явленіямъ надо отнести ереси *Матвѣя Башкина, Ѳеодосія Косого, игумена Артемія.* Эти ереси показываютъ, что не всѣ русскіе люди того времени склонны были сосредоточиваться въ убѣжденіи правости и спасительности національнаго православія, что нѣкоторые способны были къ анализу и критикѣ основныхъ его догматовъ и къ смѣлымъ построеніямъ религіозныхъ истинъ въ совершенно новомъ направленіи.

Великимъ постомъ 1553 года къ попу Благовѣщенскаго собора Симеону пришелъ на исповѣдь боярскій сынъ Матвѣй Семеновъ Башкинъ и, не ограничиваясь обычнымъ покаяніемъ, вступилъ съ нимъ въ бесѣду о вѣрѣ. Бесѣда эта продолжалась на подворьѣ у попа и въ домѣ самого Башкина. Башкинъ своими рѣчами привелъ

въ великое смущеніе священника. Между прочимъ онъ говорилъ: весь законъ Христовъ содержится въ словахъ: возлюби ближняго своего, какъ самъ себя, «а мы де Христовыхъ рабовъ у себя держимъ; Христосъ всѣхъ братьею нарицаетъ, а у насъ де на иныхъ и кабалы, на иныхъ бѣглыя, а на иныхъ нарядныя, а на иныхъ полныя; а я де благодарю Бога моего, у меня де что было кабалъ полныхъ, то де есми все изодралъ, да держу своихъ добровольно». Матвѣй поучалъ попа, что обязанность священниковъ «посѣщати насъ почасту и о всемъ наказывати, какъ намъ самимъ жити и людей у себя держати, не томити». Боясь, какъ бы не попасть въ бѣду отъ такихъ собесѣдованій, Симеонъ сказалъ о недоумѣнныхъ вопросахъ Башкина и развратномъ имъ толкованіи апостола товарищу своему, извѣстному священнику Сильвестру, а тотъ доложилъ объ этомъ царю. Башкина схватили и поручили допросить его двумъ старцамъ Іосифо-Волоколамскаго монастыря. Башкинъ сначала не хотѣлъ признаваться ни въ какой ереси, но затѣмъ его постигъ гнѣвъ Божій: началъ онъ страшно бѣсноваться, извѣшивать свой языкъ и кричать разными голосами. Пришедши въ разумъ, онъ услышалъ страшный гласъ Богородицы, приказывавшій ему во всемъ сознаться и выдать своихъ единомышленниковъ. Башкинъ и сдѣлалъ это письменно. Изъ посланій митрополита Макарія въ Соловецкій монастырь и царя къ Максиму Греку узнаемъ, въ чемъ состояла ересь Башкина и его послѣдователей: 1) «Господа Бога и Спаса нашего Іисусъ Христа неравна Его Отцу повѣдаютъ; 2) честное и святое тѣло Его и честную и святую кровь Его ни во что жъ полагаютъ, но токмо простъ хлѣбъ и просто вино вмѣняютъ; 3) святую и соборную апостольскую церковь отричютъ, глаголюще, яко вѣрныхъ соборъ—сіе есть токмо церковь, сія же зданная ничтоже есть; 4) божественныя плоти Христовы воображеніе и Пречистыя Богоматери и всѣхъ святыхъ Его честныхъ иконъ изображеніе идолы наричютъ; 5) покаяніе ни во что же полагаютъ, глаголюще: какъ престанетъ грѣхъ творити, аще у священника и не покается, нѣсть ему грѣха; 6) отеческое преданіе и ихъ житія баснословіе вмѣняютъ; 7) вся божественная писанія баснословіе наричютъ, апостолъ же и евангеліе не истинно излагаютъ». Легко видѣть, что Башкинъ и его товарищи прониклись крайними протестантскими идеями, распространявшимися тогда по всей Европѣ. Самъ Башкинъ признался, что злое ученіе онъ принялъ отъ литвина Матюшки, оптекаря, да Ондрюшки Хотѣева—латынниковъ. Такъ и Русь не осталась безъ вліянія реформаціонныхъ идей эпохи. Впрочемъ, это вліяніе было уничтожено въ самомъ же началѣ энергическими мѣрами. По соборному опредѣленію, Башкинъ и его товарищи, два брата Борисовы, посажены были въ пожизненное заключеніе.

Матвѣй Башкинъ оговорилъ въ ереси между прочимъ Ѳеодосія Косого. Ѳеодосій Косой былъ бѣглый дворовый человѣкъ одного Московскаго боярина, постригшійся въ монахи въ Бѣлозерскомъ монастырѣ. О его ученіи мы узнаемъ изъ политическихъ сочиненій, написанныхъ противъ

его ереси монахомъ Зиновіемъ Оттенскимъ («Истины показаніе къ вопросившимъ о новомъ ученіи», «Посланіе многословно») и другимъ неизвѣстнымъ авторомъ. Изъ этихъ свидѣтельствъ видно, что ученіе Косого было развитіемъ тѣхъ самыхъ радикальныхъ взглядовъ, которые ранѣе распространялись «жидовствующими». Ѳеодосій училъ, что Богъ единъ, а не троиченъ, что Іисусъ Христосъ, основатель религіознаго общества, не есть Богъ; подобаетъ духомъ поклоняться Богу, а не внѣшнимъ образомъ; вся внѣшняя церковь съ ея іерархіею, таинствами, богослуженіями и учрежденіями представляетъ изъ себя позднѣйшее человѣческое преданіе и измышленіе. Ѳеодосій совѣтовалъ въ храмъ не ходить, ибо они кумирницы, молебновъ не пѣть, молитвы у священниковъ не требовать, не каяться къ нимъ и не причащаться отъ нихъ, ладаномъ не кадиться, на погребеніе не отпѣваться, по смерти не поминаться; кресты и иконы сокрушать, ибо они суще идолы; святыхъ на помощь не призывать и мощамъ ихъ не поклоняться, постовъ не соблюдать, писаній отеческихъ не читать. Истинное христіанство состоитъ не въ дѣлахъ внѣшней набожности, а единственно въ исполненіи заповѣди Іисуса Христа о любви къ ближнимъ. Не признавая Іисуса Христа Богомъ, Ѳеодосій признавалъ его, однако, Божіимъ посланникомъ, который вмѣсто Ветхаго Завѣта установилъ свой Новый Завѣтъ. Іисусъ Христосъ отмѣнилъ обряды, предписалъ поклоняться Богу духомъ, а на мѣсто обрядовъ далъ новую нравственную заповѣдь о любви къ ближнимъ, какъ къ самимъ себѣ. Въ своемъ религіозномъ свободомысліи Ѳеодосій доходилъ до признанія, что люди всѣхъ вѣръ—одно у Бога: и татары, и нѣмцы.—Нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что за подобное ученіе Ѳеодосій дорого бы поплатился, если бы, схваченный и посаженный въ заключеніе, онъ не спасся бѣгствомъ въ Литву въ 1554 году.

Въ связи съ дѣломъ Башкина вскрылось, что религіозное вольнодумство въ протестантскомъ духѣ охватило у насъ довольно значительное число людей и не отпадавшихъ прямо отъ православія. Наиболѣе интереснымъ изъ нихъ является игуменъ Троицкаго монастыря Артемій. Башкинъ и разныя другія лица показали на него, что онъ отрицательно относился къ иконному поклоненію, проповѣдывалъ, что, чего не написано въ евангеліи и апостолѣ, того и содержать не нужно, не проклиналъ новгородскихъ еретиковъ, хвалилъ латинянъ, не хранилъ поста. Троицкій келарь свидѣтельствовалъ, что Артемій говорилъ: пѣть панихиды и обѣдни по умершимъ нѣтъ пользы, этимъ они не избудутъ муки. Монахъ Игнатій показывалъ, что Артемій смѣялся надъ поющими акаѳисты:—только и знаютъ выкрикивать: «таки Іисусе, таки Іисусе; радуйся, да радуйся».—По всѣмъ даннымъ, Артемій представлялъ довольно распространенный у насъ типъ критиковъ существующаго порядка, которые не идутъ далѣе разговоровъ и острыхъ словъ, оставаясь служителями этого порядка. И Артемій былъ не одинъ. Въ томъ же Троицкомъ монастырѣ четыре монаха были изобличены, какъ ученики Артемія; затѣмъ въ ереси обвинялись: монахъ Савва Шахъ,

монахъ Соловецкаго монастыря Іосафъ Бѣлобаевъ, епископъ рязанскій Кассіанъ и нѣкот. др. Артемій съ своими единомышленниками былъ осужденъ соборомъ въ 1554 году и посланъ для заключенія въ Соловки. Изъ Соловковъ онъ бѣжалъ, однако, въ Литву и здѣсь, раскаявшись въ своихъ заблужденіяхъ, писалъ полемическія сочиненія противъ Ѳеодосія Косого съ товарищами и противъ мѣстныхъ еретиковъ. Розыски о еретикахъ продолжались и въ послѣдующіе годы до 1557 года включительно. Неизвѣстно только, къ какимъ результатамъ они привели.

Ереси Башкина, Ѳеодосія Косого и другихъ не породили у насъ на Руси могучаго реформаціоннаго движенія, какъ породили аналогичныя ученія на западѣ. Но во всякомъ случаѣ онѣ показываютъ, что и въ XVI вѣкѣ Русь не была такъ изолирована духовно отъ запада, какъ это можетъ показаться съ перваго взгляда. Главнѣйшія духовныя теченія запада просачивались и въ нашу Русь; и у насъ появлялись критики-обличители признаннаго порядка, выступавшіе съ смѣлыми религіозно-философскими построеніями на началахъ раціонализма.

Пособія:

С. М. Соловьевъ, Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ, книга II въ изданіи Товарищества «Общественная Польза».

Д. И. Иловайскій, Исторія Россіи, томы 2 и 3. Москва 1884, 1890.

А. Новицкій, Исторія русскаго искусства съ древнѣйшихъ временъ. Москва 1903.

И. Э. Грабарь, Исторія русскаго искусства, вып. 5, 6, 7.

М. Красовскій, Очеркъ исторіи московскаго періода древнерусскаго церковнаго зодчества. Москва 1911 г.

Н. А. Рожковъ, Обзоръ русской исторіи съ соціологической точки зрѣнія. Часть II, вып. I. Спб. 1905.

А. И. Соболевскій, Образованность Московской Руси XV—XVII вв. Спб. 1892.

Е. Е. Голубинскій, Исторія Русской церкви, т II, пол. 1-ая. Москва 1900.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

